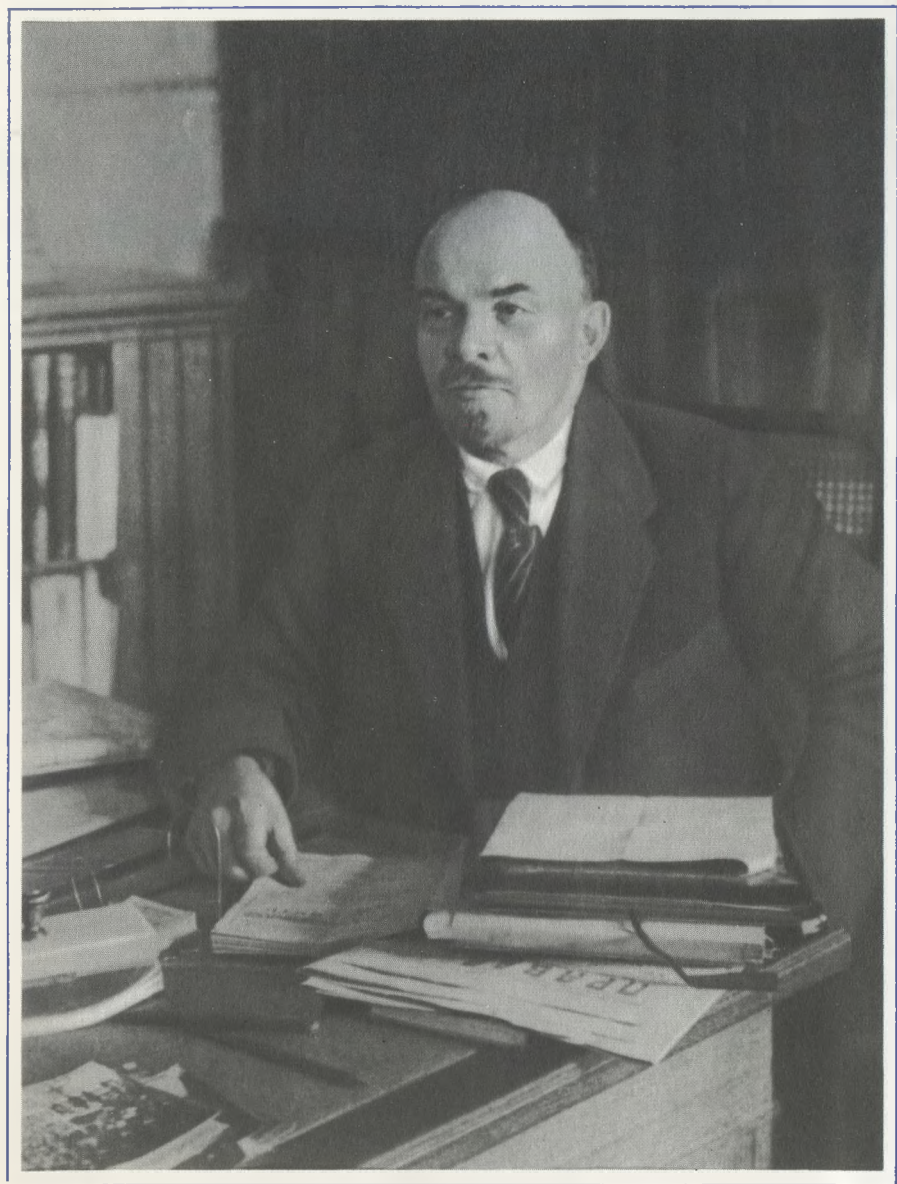

Воспоминания о В.И.ЛЕНИНЕ

ТОМ I

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле
4 октября 1922 г.

Воспоминания о Владимире Ильиче ЛЕНИНЕ

В пяти томах

Издание
второе

том 1

Воспоминания
родных

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Г. Н. ГОЛИКОВ, Г. Д. ОБИЧКИН,
М. Я. ПАНКРАТОВА, Н. В. ТРОПКИН*

ПОДГОТОВИТЕЛИ ПЕРВОГО ТОМА:

В. С. ДРИДЗО, С. У. МАНБЕКОВА, З. А. ЛЕВИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТИТОМНОМУ ИЗДАНИЮ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЛЕНИНЕ

С именем В. И. Ленина неразрывно связана вся современная история. Оно стало символом революционного преобразования мира. Ленинские идеи оказали и продолжают оказывать глубочайшее воздействие на ход мирового развития. Произведения В. И. Ленина переведены на 130 языков. Миллионы и миллионы людей земного шара читают их, учатся по ним жить и бороться.

Именно этим объясняется всевозрастающий интерес народных масс к ленинизму, их желание знать как можно больше о В. И. Ленине — вожде трудящихся России и международного рабочего класса, гениальном мыслителе и революционере.

О жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина имеется обширная научная и художественная литература, ему посвящены произведения изобразительного, театрального и киноискусства. Ценнейшим источником для изучения ленинизма, биографии Ленина, истории нашей партии, создания художественной Ленинианы служат воспоминания современников, соратников и учеников В. И. Ленина.

В воспоминаниях воссоздается величественный образ гениального ученого и пламенного революционера, основателя и вождя Коммунистической партии, возглавившей первую в истории человечества победоносную социалистическую революцию, обеспечившей защиту ее завоеваний, построение развитого социалистического общества, успешное строительство коммунизма.

В мемуарах убедительно показаны роль В. И. Ленина как вождя международного рабочего и коммунистического движения, значение его дела и учения для судеб человечества.

Перед читателем со страниц воспоминаний предстает пламенный пролетарский революционер, человек, воплотивший в себе коммунистические черты — кристальной нравственную чистоту, скромность, простоту и правдивость, неистощимый оптимизм, веру в творческие силы народных масс, беспредельную любовь к трудящимся, непримиримость к их врагам.

Нередко воспоминания родных, соратников, старых большевиков, рабочих и крестьян, встречавшихся с Владимиром Ильичем, являются единственным источником для подтверждения тех или иных фактов из жизни и деятельности Ленина, поскольку не сохранилось других документальных сведений. В тех же случаях, когда речь идет о событиях известных, мемуары дают возможность исследователю и массовому читателю лучше, конкретнее представить обстановку и обстоятельства, в которых происходили эти события, почувствовать атмосферу того героического времени.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС многие десятилетия собирает воспоминания о В. И. Ленине. Еще в 1925 году в отчете XIV партийному съезду Институт в числе первоочередных задач по подготовке материалов для научной биографии В. И. Ленина указал: «...добиться того, чтобы все товарищи, близко знавшие Владимира Ильича или когда-либо соприкасавшиеся с ним на общественной работе или в частной жизни, написали для Института свои воспоминания».

За минувшее время в Институте марксизма-ленинизма собрано огромное число воспоминаний о В. И. Ленине. Значительная часть из них опубликована в сборниках, отдельных изданиях, в периодической печати.

Во втором издании «Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине», выпускаемом в свет Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Политиздатом, публикуются мемуары родных В. И. Ленина — Н. К. Крупской, А. И. Ульяновой-Елизаровой, Д. И. Ульянова, М. И. Ульяновой, видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, а также многих деятелей международного рабочего и коммунистического движения.

В первый том пятитомника входят воспоминания родных В. И. Ленина: жены, соратника и друга Надежды Константиновны Крупской, сестер — Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой и Марии Ильиничны Ульяновой, брата Дмитрия Ильича.

Второй том включает воспоминания современников о жизни и деятельности Владимира Ильича с 1891 года до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Третий и четвертый тома составляют воспоминания о периоде деятельности В. И. Ленина после Великого Октября до 1924 года.

Воспоминания зарубежных современников о В. И. Ленине входят в *пятый том*.

Для включения в пятитомник отобраны наиболее ценные, достоверные воспоминания. Многие из них написаны в 20—30-х годах, когда время еще не успело стереть в памяти важные детали революционной борьбы, подробности жизни В. И. Ленина.

Есть и такие, которые не печатались много лет и ныне стали библиографической редкостью.

Воспоминания расположены в основном в хронологическом порядке, они последовательно освещают все этапы жизни и деятельности В. И. Ленина.

В отличие от прежних сборников издание снабжено более обстоятельным справочным аппаратом. В конце каждого тома приводятся краткие биографические сведения об авторах воспоминаний, а также именной и хронологический указатели.

В пятом томе помещаются перечень воспоминаний, вошедших в пятитомник, и сводный хронологический указатель.

Воспоминания о В. И. Ленине имеют не только познавательное, но и огромное воспитательное значение, особенно для молодежи. Они воссоздают неповторимые черты Владимира Ильича Ленина, которые с неодолимой силой привлекают внимание читателя, побуждают его следовать ленинским заветам, воссоздают в нем человека коммунистического общества.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ

В обширной мемуарной литературе, посвященной Владимиру Ильичу Ленину, особое место занимают воспоминания его родных. Они написаны самими близкими Владимиру Ильичу людьми, близкими не только по крови, но и по идеям, верными соратниками по борьбе. Жена, сестры, брат оставили нам яркие, насыщенные богатейшими фактическими данными, живыми деталями воспоминания, которые воссоздают великий и вместе с тем бесконечно обаятельный образ Ленина.

Воспоминания родных нельзя читать без волнения, без чувства глубокой признательности к их авторам. Пройдут века, и благодарные потомки с неизменным интересом будут вчитываться в мемуары Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой, Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича Ульяновых, Надежды Константиновны Крупской.

Тщательно, скрупулезно и бережно восстанавливали биографические данные Владимира Ильича его родные. Никто, как они, не мог поведать о душевном состоянии в те или иные периоды и моменты его жизни, целиком отданной революции, ее победе, сохранению и упрочению Советского государства, строительству социалистического общества. Воспоминания родных — это важные документы, помогающие нам глубже изучить героическую жизнь вождя трудящихся, совершивших впервые в истории социалистическую революцию, лучше и ближе познать В. И. Ленина, являющегося прообразом человека коммунистического общества.

Говоря о непреходящей значимости воспоминаний родных, следует подчеркнуть их исключительно богатое содержание. Это относится прежде всего к мемуарам А. И. Ульяновой-Елизаровой и Н. К. Крупской. Надежда Константиновна и Анна Ильинична по праву считаются первыми биографами Ленина, их воспоминания представляют собой подробный, хронологически последовательный рассказ о жизни и деятельности Владимира

Ильича, о той напряженной борьбе, которую он вел за чистоту и развитие революционного марксизма, за пролетарскую партию, против тех, кто пытался свернуть ее с революционного пути. Вместе с тем воспоминания с исключительной силой раскрывают характерные ленинские черты: ненависть к рабству и угнетению, преданность делу борьбы за счастье трудящихся, непримиримость к врагам пролетарской революции, твердую веру в творческие силы масс, в торжество коммунизма, скромность во всем, внимание к людям.

Настоящий том открывается воспоминаниями старшей сестры В. И. Ленина — А. И. Ульяновой-Елизаровой. Непосредственная свидетельница жизни брата, особенно его детства и юношеских лет, формирования его мировоззрения и начала революционной деятельности, она воссоздала семейную обстановку, ту атмосферу, в которой рос и воспитывался Ленин. Семья Ульяновых принадлежала к лучшей части русской передовой интеллигенции, считавшей своим высшим долгом служение народу. Трудолюбие, нетерпимое отношение ко всякой несправедливости, лжи, низкопоклонству, ханжеству и трусости, уважение к простым людям, особенно чуткое отношение к угнетавшимся царизмом национальностям, сознательная дисциплина, непрестанное стремление к знаниям — вот те моральные принципы, которые лежали в основе воспитания детей в семье Ульяновых. В этом воспитании велика была роль родителей, их личный пример: беззаветная преданность отца делу просвещения народных масс, высокое чувство долга, самоотверженная любовь матери к детям, изумительные стойкость и мужество, позволившие ей перенести все удары судьбы, которые постоянно обрушивались на ее семью.

Воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой показывают, как под влиянием семьи и окружавшей действительности, чтения революционно-демократической литературы в юном Ленине зрели революционные взгляды, как произошло его первое революционное крещение — участие в студенческой сходке, первый арест и ссылка, которую Анна Ильинична провела вместе с братом в Кокушкино, как 18-летний Владимир Ульянов навсегда и бесповоротно становится марксистом. Именно ей, старшей сестре, он с воодушевлением рассказывал о тех новых горизонтах, которые открыла перед ним теория марксизма, делился своими мыслями, планами. Именно ей в Самаре он, уже тогда рвущийся к работе в гуще пролетарских масс, сказал, после того как прочел повесть Чехова «Палата № 6», что у него такое чувство, точно и он заперт в палате № 6. Никто так последовательно и подробно, как это сделала Анна Ильинична, не смог бы написать о раннем периоде жизни и деятельности В. И. Ленина.

Но ценность ее воспоминаний не только в этом. В них нашашла свое отражение революционная деятельность Ленина в Ка-

зани, Самаре, а затем в Петербурге. Со страниц воспоминаний Владимир Ильич предстает пламенным пропагандистом марксизма, творчески применявшим великое учение к условиям России, развивавшим его в новой исторической эпохе. Среди передовых пролетариев Петербурга В. И. Ленин вырос как руководитель рабочего класса, как его организатор и вождь. Арест и трехлетняя сибирская ссылка Ленина, создание им плана организации революционной марксистской партии, могущей повести рабочий класс на свержение самодержавия и капитализма, на борьбу за победу социалистической революции, — все это ярко, с подкупающей искренностью осветила А. И. Ульянова-Елизарова, энергичная помощница Владимира Ильича в его революционной работе. Завершает она свой рассказ отъездом Ленина в первую эмиграцию, куда он уехал для постановки за границей общерусской марксистской газеты «Искра».

Эти воспоминания, увидевшие свет еще в начале 30-х годов, дополняют мемуары, взятые из предисловия Анны Ильиничны к сборнику писем В. И. Ленина к родным и из ее впервые публикуемой речи на вечере воспоминаний «Ленин и Октябрь», произнесенной в Институте Ленина в октябре 1927 года.

Ценным дополнением к написанному старшей сестрой являются свидетельства Дмитрия Ильича и Марии Ильиничны Ульяновых. Воспоминания Дмитрия Ильича относятся главным образом к сибирскому и самарскому периодам. Это живые иллюстрации, воссоздающие те или иные эпизоды, факты из жизни Владимира Ильича. С большим интересом читатель прочтет и «Случай с купцом Арефьевым» и случай с исправником Перфильевым, отображающие выдержку и принципиальность Ленина, его непримиримость в борьбе со всякого рода несправедливостью и произволом. На конкретных примерах показана и целеустремленность, непреклонная, все преодолевающая воля Владимира Ильича. Характерна в этом отношении его подготовка к сдаче экзаменов экстерном за весь университетский курс. В мемуарах Д. И. и М. И. Ульяновых Владимир Ильич предстает человеком многогранных интересов.

Большая часть воспоминаний Марии Ильиничны относится к более позднему периоду: возвращению В. И. Ленина из второй эмиграции, его пребыванию в подполье в 1917 году, а также к послеоктябрьскому периоду. Очень интересен рассказ М. И. Ульяновой «Ленин и Горький».

Наряду с воспоминаниями сестер и брата Владимира Ильича в данном томе публикуются мемуары Н. К. Крупской, издававшиеся отдельными книгами в 20-х — 30-х годах. Воспоминания жены, самого близкого друга, соратника В. И. Ленина, представляют огромную ценность. Они — правдивое свидетельство того, что было вместе пережито, пережито и выстрадано. И измены рабочему классу бывших единомышленников,

горечь поражений в борьбе и, несмотря ни на что, непоколебимая верность идеалам коммунизма, и радость побед. Личное в их жизни было неразрывно связано с тем делом, той великой целью, которым они оба посвятили себя с юных лет.

Воспоминания Н. К. Крупской имеют еще одну существенную особенность: многое она рассказывает со слов самого Владимира Ильича. Так, например, он говорил ей о своей юности, родителях, о том, как рано стал интересоваться политической жизнью, какое влияние оказали на него произведения революционных демократов, о том, как порвал с религией, о трагической гибели на эшафоте любимого старшего брата и всеобщей трусости либерального «общества», в страхе отшатнувшегося от их семьи после казни Александра, и о многом другом. Всем, что волновало его, что было сокровенным, Владимир Ильич делился с Надеждой Константиновной. И многое из того, чем он делился с нею, как-то особенно тепло и душевно она поведала нам.

Все написанное Н. К. Крупской — это воспоминания не только преданнейшего, горячо любящего человека, но и видного партийного деятеля, верного помощника В. И. Ленина в его работе и борьбе, рука об руку прошедшего с ним суровый и славный путь от создания нашей партии до руководства строительством социализма, первым в мире государством рабочих и крестьян.

Надежда Константиновна начинает свои мемуары с 90-х годов прошлого века, когда она впервые познакомилась с Владимиром Ильичем и вместе с ним работала среди питерских пролетариев в созданном и руководимом Лениным «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Зародившаяся в те годы дружба перешла в сильную и глубокую, на всю жизнь, любовь, которую не могли сломить никакие испытания.

Н. К. Крупская освещает и деятельность ленинской «Искры» по сплочению социал-демократических комитетов и групп в России, ее роль в создании партии. С большой силой она описывает борьбу В. И. Ленина против оппортунизма внутри редакции газеты, борьбу, которая потом, на II съезде РСДРП, положила водораздел в российской социал-демократии между большевистским, революционным, и меньшевистским, оппортунистическим, направлениями.

Ленинская убежденность, стойкость в борьбе против дезорганизаторской, расколыщической деятельности меньшевиков, вера в победу над оппортунизмом, вера в пролетариат пронизывают все воспоминания Надежды Константиновны. Так, она обстоятельно рассказывает о создании большевистской газеты «Вперед», продолжившей дело ленинской «Искры», о руководстве Лениным первой революцией в России, мужестве и твердости ведомых им большевиков в годы столыпинской реакции. Владимир Ильич прозорливо предсказывал, что наступит но-

вый подъем революции, и он страстно боролся за сохранение и укрепление нелегальной рабочей партии.

Жизнь подтвердила предвидение В. И. Ленина. Реакцию сменил новый революционный подъем. Созданная Лениным «Правда» звала рабочих к усилению натиска на царизм и капитализм. Россия была накануне новой революции, когда разразилась империалистическая война. Изю всех сил Владимир Ильич борется против войны, вскрывает ее грабительский, разбойничий характер, разоблачает пособников империалистов — социал-шовинистов, воюет против оппортунистов всех мастей, энергично сплывает международные интернационалистские силы, укрепляет большевистские ряды. Все это находит отражение в воспоминаниях Н. К. Крупской.

Воспоминания Надежды Константиновны особенно ярко воссоздают исторические события 1917 года: возвращение В. И. Ленина из эмиграции, руководство подготовкой и проведением Великой Октябрьской социалистической революции, ее победу; беспримерные трудности и успехи первых лет молодой Советской Республики. Публикуются мемуары Надежды Константиновны о жизни Владимира Ильича в Горках в 1923 году, ее речь на траурном заседании II Всероссийского съезда Советов 26 января 1924 г. Большой интерес представляют воспоминания «Облик Ленина как человека», «О Владимире Ильиче».

В данное издание дополнительно включены воспоминания Д. И. Ульянова «О выборе Владимиром Ильичем факультета», М. И. Ульяновой «Вождь, товарищ, человек», Н. К. Крупской «Что нравилось Ильичу из художественной литературы», «К вопросу о ленинском методе научной работы».

* * *

Воспоминания печатаются по тексту последнего прижизненного издания, сверенному с рукописью, а не опубликованные — по рукописи. Для того чтобы сведения, содержащиеся в рукописных вариантах и представляющие интерес, но не вошедшие в прижизненные издания, стали достоянием широких читательских масс, они помещены под строкой. В конце каждого материала указана его первая публикация и источник, по которому он печатается. Примечания авторов воспоминаний подписаны их инициалами, остальные даны подготовителями и подписаны «Ред.». В воспоминаниях Д. И. Ульянова, печатающихся по изданию, подготовленному его дочерью — О. Д. Ульяновой, сохранены ее примечания.

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова

Ученый сотрудник Института истории естествознания и географии АН СССР

Ульянова-Елизарова Анна Ильинична (1878-1944)

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИЛЬИЧЕ

I. СЕМЕЙНАЯ ОБСТАНОВКА

(Родители В. И. Ульянова-Ленина и их время)

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич Ульянов, был родом из бедных мещан города Астрахани. Семи лет лишился он отца. Своим образованием — а он получил не только среднее, но и высшее — он обязан всецело своему старшему брату Василию Николаевичу. Не раз в жизни вспоминал Илья Николаевич с благодарностью брата, заменившего ему отца, и нам, детям своим, говорил, как обязан он брату. Он рассказывал нам, что Василию Николаевичу самому хотелось очень учиться, по умер отец, и он еще в очень молодых годах остался единственным кормильцем семьи, состоявшей из матери, двух сестер и маленького брата. Ему пришлось поступить на службу в какую-то частную контору и оставить мечты об образовании. Но он решил, что, если самому ему учиться не пришлось, он даст образование брату, и по окончании последнего гимназии отправил его в Казань, в университет, и помогал ему и там, пока Илья Николаевич, с детства приученный к труду, не стал сам содержать себя уроками.

Василий Николаевич не имел своей семьи и всю жизнь отдал матери, сестрам и брату.

Студенческие годы Ильи Николаевича пришлось в тяжелое царствование Николая I, когда родина наша страдала под игом крепостного права, большая часть населения была рабами, которых владельцы их, помещики, могли сечь, ссылать в Сибирь, продавать, как скотину, разрознивать семьи, женить по своему усмотрению. Задавленная, забитая крестьянская масса была совсем некультурной, безграмотной. Там и сям вспыхивали бунты против особо жестоких помещиков, пускались им «красные пехоты» (поджоги), но все это было неорганизованно, сурово подавлялось, и опять в деревнях стояли беспросветная тьма и отчаяние, заливаемые единственным утешением, единственно

спасением — водкой. А для самых непокорных, для тех, кто не мог подчиниться, оставалось одно: бежать в степи, леса и жить разбоем.

Знать, в старинный тот век
Жизнь не радость была,
Коль бежал человек
Из родного села,
Отчий дом покидал,
Расставался с женой
И за Волгой искал
Только воли одной.

Так пелось в одной народной песне.

Тяжкий гнет над большинством населения, «низшим» сословием, как тогда говорилось, не давал жить спокойно и счастливо честно и искренно любящим свою родину людям сословия «высшего». Они возмущались бесправием своей страны, откликались на западноевропейские революции, говорили о необходимости свободы слова, печати, собраний, о преимуществе выборного начала в управлении и, прежде всего, о необходимости отмены крепостного права — этого позора, которого ни в одной европейской стране давно уже не было. Те, которые выступали особенно смело, гибли на каторге и виселицах (процесс декабристов 1825 года, петрашевцев 1848 года¹ и др.); остальные затикали или шептались по углам и опять, по выражению поэта:

Лежит вокруг мгла предрассветная,
Вихрь злобы и бешенства носится.
Над тобою, страна безответная;
Все живое, все честное косится.

Особенно тяжел стал этот гнет после революции 1848 года, прокатившейся по всей Европе. Как общеевропейский жандарм, стоял тогда на страже самодержавия Николай I, посылая русских солдат проливать кровь, усмиряя революцию в Венгрии. Так сильно еще было тогда самодержавие, что могло позволить себе роскошь подавления восстаний не только в своей стране, но и в соседних.

А в своей было задавлено всякое проявление свободной мысли. Тяжелый гнет лежал и на студенчестве. Лишь в тесных кружках решалась молодежь отводить душу разговорами, петь свои запрещенные песни на слова Рыльева и др. Эти песни

¹ *Петрашевцы* — члены кружка русской дворянской и разночинной интеллигенции, существовавшего в 1845—1849 годах в Петербурге под руководством М. В. Петрашевского. Петрашевцы были последователями идей утопического социализма, сторонниками уничтожения самодержавия и крепостничества. В 1849 году петрашевцы были арестованы. Часть из них была сослана на каторгу в Сибирь, другие отправлены в арестантские роты и в действующие полки на Кавказе. *Ред.*

слышали потом от Ильи Николаевича его дети вдали от города, в прогулках по лесам и полям¹.

Надо было пережить то трудное время, чтобы почувствовать огромное облегчение, когда, со смертью Николая I и со вступлением на царство его сына Александра II, началась для России полоса реформ. Прежде всего, решено было отменить крепостное право. Решение это вызывалось, конечно, главным образом, необходимостью получить свободные рабочие руки для развивающейся капиталистической промышленности и возмущением и бунтами крепостных. Недаром Александр II сказал: «Надо торопиться дать свободу сверху, пока народ не возьмет ее снизу». Освобождение крестьян было таким большим сдвигом, что общее ликование стояло в стране. Это настроение хорошо выражено Некрасовым:

Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,
Так... Но распутать их легче народу.
Муза, с надеждой приветствуй свободу.

Конечно, скоро началось отрезвление. Первым ударил в набат наш великий провидец Чернышевский, заплативший за это целой жизнью в тюрьмах глухой Сибири; начали возникать и революционные организации молодежи. Но для людей типа мирных, культурных работников открылось все же широкое поле деятельности после тисков николаевского режима, и они с жаром устремились туда. Новые суды, несравненно бóльшая свобода печати, наконец, народное образование — все это звало к себе передовых людей того времени. Народное образование — возможность просвещать вчерашних рабов — это было увлекательно для многих и многих.

Илья Николаевич был из их числа. Он с радостью пошел на вновь открывшуюся должность инспектора народных училищ в Симбирской губернии. До того он был учителем гимназии и был очень любим своими учениками. Внимательно и терпеливо объяснял он им уроки, снисходительно относился к их шалостям, бедных учеников готовил бесплатно к экзаменам. Он был педагогом в душе, любившим свое дело. Но ему хотелось поля работы пошире и хотелось применять ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов.

¹ И. Н. Ульянов любил песню «По чувствам братья мы с тобой...» на слова поэта А. Н. Плещеева. В связи с этим Анна Ильинична писала: «Мы невольно чувствовали, что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то вроде „святая святых“...» (*Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М.—Л., «Молодая гвардия», 1931, с. 55). *Ред.*

И поле открылось, действительно, широкое. В Симбирской губернии было очень немного школ, да и те старинного типа: ютились они в грязных и тесных помещениях, учителя были малообразованные и вколачивали учебу больше тумаками. Надо было насаждать все снова: убеждать крестьян на сходах, чтобы строили новые школы, добывать и другими путями средства для них, устраивать для молодых учителей педагогические курсы, чтобы обучить их преподаванию по новым требованиям педагогики. Надо было всюду поспевать, а Илья Николаевич был один на всю губернию. Затрудняли очень работу тогдашние дороги: тряские, непролазные в грязь или распутицу, ухабистые зимою. Приходилось уезжать из дому на недели и даже месяцы, питаясь и ночуя в грязных въезжих избах. А здоровье у Ильи Николаевича было не крепкое. Но любовь к делу и большая исполнительность и настойчивость побеждали все, и за 17 лет работы Ильей Николаевичем было построено в губернии около 450 школ, были открыты курсы, воспитавшие новых учителей, которые так и звались «ульяновскими».

Дело разрасталось. Илье Николаевичу стали поемпогу прибавлять помощников — инспекторов, а сам он был назначен директором. Ему пришлось уже больше руководить делом, но он оставался таким же усердным работником, таким же простым в образе жизни и обхождении человеком. Учителя приходили к нему запросто советоваться, в школах он заменял иногда заболевших педагогов. Большая семья, воспитание детей поглощали весь его заработок, на себя он тратил очень мало, не любил большого общества и удовольствий. Для отдыха от дела любил разговоры с людьми, которых это дело интересовало, любил отдыхать в семье, следя за воспитанием детей, любил игру в шахматы. Требовательный к себе и к другим во время работы, он умел быть увлекательным, веселым собеседником во время отдыха, шутил с детьми, рассказывал им сказки и анекдоты. В разговорах и играх (шахматы, крокет) держал себя с детьми товарищески, увлекаясь не меньше их.

Он рано сгорел на большой работе и умер внезапно от кровоизлияния в мозг 12 января 1886 года, на 55-м году от роду.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача¹, очень передового по своему времени человека. Большую часть своего детства и юности она провела в деревне. Средства у отца были очень ограниченные, семья большая, и молодая девушка, воспитанная строгой теткой, рано привыкла к труду и бережливости. Отец воспитывал дочерей по-спартански: девочки носили лето и зиму ситцевые платья с короткими рукавами и открытой шеей, и платьиц таких было только по две смены на каждую. Пища была простая: даже взрослыми они не

¹ Александра Дмитриевича Бланка. *Ред.*

получали ни чаю, ни кофе, которые отец считал вредными. Это воспитание закалило здоровье Марии Александровны, сделало ее очень выносливой. Она отличалась ровным, твердым, но в то же время веселым и приветливым характером. Одаренная хорошими способностями, она изучала иностранные языки и музыку и много читала.

Страстно хотелось ей учиться больше, и она всю жизнь вспоминала с сожалением, что отсутствие средств не дало ей этой возможности.

Не находя интереса в нарядах, сплетнях и пересудах, составивших в то время содержание дамского общества, Мария Александровна замкнулась в семье и отдалась со всей серьезностью и чуткостью воспитанию детей. Подмечая недостатки детей, она терпеливо и настойчиво боролась с ними. Никогда не возвышалась она голоса, почти никогда не прибегала к наказаниям и умела добиться большой любви и послушания детей. Любимым удовольствием ее была музыка, которую она страстно любила и очень одухотворенно передавала. И дети любили засыпать под ее музыку, а позднее — работать под нее.

Не было также между родителями, жившими очень дружно, споров или несогласий в вопросах воспитания, что действует всегда так вредно на детей. Всякие сомнения на этот счет обсуждались ими обычно наедине, и дети видели всегда перед собой «единый фронт».

Чувствуя искреннюю любовь, видя, что их интересы всегда на первом плане у родителей, дети и сами приучились отвечать тем же. Дружной, спаянной была наша семья. Жила она очень скромно, только на жалованье отца, и лишь при большой экономии матери удавалось сводить концы с концами, но все же ни в чем необходимом дети не нуждались, и их духовные запросы, по возможности, удовлетворялись.

Мы видим, таким образом, что семейная обстановка и условия воспитания были очень благоприятны для развития ума и характера детей. Детство Владимира Ильича и его братьев и сестер было светлое и счастливое.

II. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Владимир Ильич родился в Симбирске 10 (22) апреля 1870 года. Он был третьим ребенком в семье. Живою, бойкий и веселый, он любил шумные игры и беготню. Он не столько играл игрушками, сколько ломал их. Лет пяти он выучился читать, затем был подготовлен приходским учителем Симбирска к гимназии, куда и поступил в 1879 году осенью, 9½ лет, в первый класс.

Учение давалось ему легко. С младших классов шел он лучшим учеником и, как таковой, получал при переходе из класса в класс первые награды. Они состояли в то время из книги с вытисненным на переплете золотом «За благонравие и успехи» и похвального листа. Кроме прекрасных способностей, лучшим учеником его делало серьезное и внимательное отношение к работе. Отец приучал к этому с ранних лет его, как и его старших брата и сестру, следя сам за их занятиями в младших классах. Большое значение имел также для маленького Володи пример отца, матери, постоянно занятых и трудящихся, и особенно старшего брата Саши. Саша был на редкость серьезный, вдумчивый и строго относящийся к своим обязанностям мальчик. Он отличался также не только твердым, но и справедливым, чутким и ласковым характером и пользовался большой любовью всех младших. Володя подражал старшему брату настолько, что мы даже посмеивались над ним, — с каким бы вопросом к нему ни обратиться, он отвечал неизменно одно: «Как Саша». А если пример важен в детстве вообще, то пример несколько старших по возрасту братьев важнее примера взрослых.

Вследствие привычки серьезно относиться к делу, Володя, как он ни был шаловлив и боек, на уроках слушал внимательно. Эта большая внимательность, как отмечали в то время его учителя, вместе с бойкими способностями давала ему возможность хорошо усваивать еще в классе всякий новый урок, так что ему почти не приходилось повторять его дома. Помню, как быстро оканчивал он уроки в младших классах, а потом начинал шалить, ходил колесом и мешал нам, старшим, учившимся в той же комнате. Отец вводил его иногда к себе в кабинет, чтобы проверить уроки, и спрашивал латинские слова по всей тетради, но обычно Володя все знал. Много также читал он в детстве. Отцу присылали все вновь выходящие детские книги и журналы; подписывались мы и в библиотеке.

Постоянной подружкой игр Володи была сестра Оля (родилась 4 ноября 1871 года). Очень способная, живая и бойкая девочка, она четырех лет выучилась около него читать и училась тоже очень легко и охотно. Кроме того, напоминая некоторыми чертами характера брата Сашу, Оля была чрезвычайно трудолюбива. Помню, как в одном из последних классов гимназии Володя, слушая из соседней комнаты бесконечные этюды Оли на фортепиано, сказал мне: «Вот чьей работоспособности можно позавидовать». Сознав это, Володя стал развивать и в себе трудоспособность, которой все мы удивлялись в его позднейшие годы и которая, наряду с его прекрасными способностями, помогла ему достичь таких блестящих результатов.

Охотно делился Владимир Ильич своими познаниями с товарищами по школе, объясняя им трудные уроки, задачи, сочинения и переводы с греческого и латинского. А в последних

двух классах гимназии он, кроме своих уроков, занимался с одним учителем чувашенином, подготавливая его к выпускному экзамену для поступления в университет. Занимался бесплатно, так как платить последнему было нечем. И Владимир Ильич подготовил-таки своего ученика, несмотря на его малоспособность. Он сдал экзамен и смог заниматься в университете своей любимой математикой.

Пришлось и мне лично, на самой себе познакомиться с Владимиром Ильичем как с преподавателем, хотя он был на пять с лишним лет моложе меня и был еще гимназистом, а я была уже на предпоследнем курсе Высших женских курсов. И тем не менее он помог мне ликвидировать один прорыв. Весной 1886 года мне предстояло сдать несколько экзаменов, в том числе латынь за целых три года. Латынь была тогда обязательным предметом на историко-словесном отделении. Преподавалась она в те годы преобладания классического образования очень казенно и была в забросе у меня, как и у большинства курсисток. Молодежь по окончании гимназической учебы тянулась, понятно, к чему-либо более живому и общественному, и я порывалась даже, чтобы бросить латынь, перейти в вольнослушательницы московских курсов. Когда этот план был оставлен, мне пришлось взяться за латынь всерьез, и я намечала подогнать ее во время зимних каникул, но ничего сделать не успела. А после смерти отца (12 января 1886 года) все занятия пошли у меня особенно туго, и латынь не двигалась с места. Тогда Володя предложил помочь мне в этом, несмотря на то что у него и у самого в предпоследнем классе гимназии было немало уроков и он занимался еще с учителем чувашской школы Охотниковым. Мальчик, которому не исполнилось еще 16 лет, взял на себя так легко и охотно эту новую обузу. И не только взял, — мало ли за что готова бывает взяться сгоряча молодежь, чтобы бросить при первом же затруднении, — а вел занятия очень серьезно и усидчиво и продолжал бы их, если бы я не уехала в марте в Петербург. И вел их так внимательно, с такой живостью и интересом, что вовлек скоро в «противную латынь» и меня. Пройти предстояло много, требовалось прочесть и перевести Юлия Цезаря «О старости»¹, а главное, знать и уметь объяснять все встречающиеся правила сложной латинской грамматики. Я испытывала, конечно, чувство неловкости, что не сумела преодолеть своего прорыва самостоятельно, а прибегла к помощи младшего брата, который сам-то умел работать без прорывов. Была тут, несомненно, и некоторая доза ложного самолюбия, что я стала заниматься под руководством младшего брата-гимназиста. Но занятия у нас пошли так оживленно, что скоро всякое чувство неловкости исчезло. Помню, что Володя отмечал для

¹ Трактат «О старости» написан Цицероном. *Ред.*

меня с увлечением некоторые красоты и особенности латинского стиля. Конечно, я слишком мало знала язык, чтобы уметь оценить их, и занятия сосредоточивались больше на объяснении разных грамматических форм, свойственных латинскому языку, как существу герундий и герундив (отглагольное прилагательное и существительное) и изобретенных для более легкого запоминания изречений и стихотворений вроде (герундив):

Gutta cavat lapidem
Non vi sed saepe cadendo;
Sic homo sit doctus
Non vi sed multo studendo.
Капля камень долбит
Не силой, а частым паденьем.
Так человек становится ученым
Не силой, а многим ученьем.

Помню, что я высказывала Володе сомнение, чтобы можно было пройти в такой короткий срок восьмилетний курс гимназии, но Володя успокаивал меня, говоря: «Ведь это в гимназиях, с бесполом поставленным преподавателем там, тратится на этот курс латыни 8 лет,— взрослый, сознательный человек вполне может пройти этот 8-летний курс в два года», и в доказательство указывал мне, что пройдет его в два года с Охотниковым, и действительно прошел, несмотря на более чем посредственные способности последнего к изучению языков. Очень оживленно, с большой любовью к делу шли у нас занятия. Это не был первый ученик, усердно вы зубривший уроки,— это был скорее молодой лингвист, умевший находить особенности и красоты языка.

Так как вкус к языковедению был присущ и мне также, я была очень скоро покорена, и эти занятия, перемежаемые веселым смехом Володи, очень подвинули меня вперед. Я сдала весной успешно экзамен за три года, а через несколько лет знание основ латыни облегчило мне изучение итальянского языка, которое дало мне возможность иметь заработок и доставило много удовольствия.

Любопытно отметить, что некоторые современные писатели находят в стиле Ленина сходство с латинским классическим стилем (см. статьи Эйхенбаума, Якубовского и Тынянова в журнале «Левф») ¹.

В 1886 году, когда Володе не исполнилось еще шестнадцати лет, умер его отец, Илья Николаевич, а годом позже семью постигло другое тяжелое несчастье: за участие в покушении на царя Александра III был арестован, приговорен к смертной

¹ «Левф» — журнал, издававшийся в 1923—1925 годах литературной группой ЛЕФ (Левый фронт искусства), которая была связана с футуризмом и другими формалистическими течениями. *Ред.*

казни и затем казнен — 8 мая 1887 года — его старший, любимый брат Александр. Несчастье это произвело сильное впечатление на Владимира Ильича, закалило его, заставило серьезнее задуматься над путями, которыми должна была идти революция. Собственно, уже и Александр Ильич стоял на перепутье между народолюбцами и марксистами. Он был знаком с «Капиталом» Карла Маркса, признавал намеченный им ход развития, что видно из составленной им партийной программы¹. Он вел кружки среди рабочих. Но почвы в то время для социал-демократической работы еще не было. Рабочих было мало; они были разъединены и неразвиты; к ним тогда было трудно подступиться интеллигентам, да и гнет царского деспотизма был так силен, что за малейшую попытку общения с народом сажали в тюрьму, высылали в Сибирь. И не только с народом: если студент-товарищ организовывал какие-нибудь самые невинные кружки для чтения, для общения друг с другом, то кружки разгоняли, а студентов высылали на родину. Лишь те из молодежи, кто помышлял только о карьере да о спокойном проживании, мог оставаться безразличным к такому режиму. Все более честные, искренние люди рвались к борьбе, прежде всего, рвались хотя немного расшатать те тесные стены самодержавия, в которых они задыхались. Самым передовым это грозило тогда гибелью, но и гибель не могла устроить мужественных людей. Александр Ильич принадлежал к числу их. Он не только, не задумываясь, оставил университет и любимую науку (его прочили в профессора), когда почувствовал, что не в силах больше терпеть давящий всю страну произвол, но, не задумываясь, отдал и жизнь. Он взял на себя рискованные работы по подготовке снарядов и, признаваясь в этом на суде, думал только о том, чтобы выгородить товарищей.

Александр Ильич погиб как герой, и кровь его заревом революционного пожара озарила путь следующего за ним брата, Владимира.

Несчастье это случилось как раз в год окончания Володи гимназии.

Несмотря на свои тяжелые переживания, которые он сумел выносить с большой твердостью, Володя, как и сестра Оля, окончил в этом году гимназию с золотой медалью.

Естественно, что тучи от пронесшейся над семьей грозы сгустились и над головами остальных ее членов, что на следующего брата власти склонны были смотреть очень подозрительно, и можно было опасаться, что его ни в какой университет не пустят.

Тогдашний директор симбирской гимназии Ф. Керенский очень ценил Владимира Ильича, относился очень хорошо к

¹ См. Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта. Истпарт, 1927. А. Е. (с. 375—380. *Ред.*)

умершему за год перед тем отцу его, Илье Николаевичу, и желал помочь талантливому ученику обойти эти препятствия. Этим объясняется та в высшей степени «добронравная» характеристика его, которая была направлена Керенским в Казанский университет и подписана другими членами педагогического совета. Покойный Илья Николаевич был очень популярной, любимой и уважаемой личностью в Симбирске, и семья его пользовалась вследствие этого большой симпатией. Владимир Ильич был красой гимназии. В этом характеристика Керенского совершенно верна. Правильно также указывает он, что это происходило не только вследствие талантливости, но и вследствие усердия и аккуратности Владимира Ильича в исполнении требуемого, качеств, воспитанных той разумной дисциплиной, которая была положена в основу домашнего воспитания.

Керенский, конечно, с целью подчеркивает, что в основе воспитания лежала религия¹, так же как старается подчеркнуть «излишнюю замкнутость», «нелюдимость» Владимира Ильича². Говоря, что «не было ни одного случая, когда Ульянов словом или делом вызвал бы непохвальное о себе мнение», Керенский даже грешит немного против истины. Всегда смелый и шаловливый, метко подмечавший смешные стороны в людях, брат часто подсмеивался и над товарищами и над некоторыми преподавателями. Одно время Владимир Ильич взял мишенью для насмешек учителя французского языка, по фамилии Пор.

Этот Пор был очень ограниченный фат, говорят, повар по профессии, пролаза, женившийся на дочке симбирского помещика и пролезший через это в «общество». Он терся постоянно около директора или инспектора; порядочные педагоги относились к нему с пренебрежением. Разобиженный вконец, он настоял на четверке из поведения дерзкому ученику в четверть.

Ввиду того что брат был уже в седьмом классе, это происшествие пахло серьезным. Отец рассказал мне о нем зимой

¹ Отец наш был искренне и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей. Но его религиозное чувство было, так сказать, совсем «частым», чуждым всякой партийности и какой-либо приспособляемости к тому, что «принято». Это было религиозным чувством Жуковского, поэта, любимого отцом, религиозным чувством гораздо более любимого Некрасова, выразившимся, например, в поэме «Тихина», отрывки из которой отец любил цитировать,— именно то место, где говорится о храме божием, пахнувшем на поэта «детски-чистым чувством веры».

В гимназии, правда, требовали посещения церкви, говения. Но дома дети видели искренне убежденного человека, за которым шли, пока были малы. Когда же у них складывались свои убеждения, они просто и спокойно заявляли, что не пойдут в церковь (помню такой случай с братом Александром), и никакому давлению не подвергались. А. Е.

² Больших приятелей у него в гимназические годы не было, но, конечно, нелюдимым его никак нельзя было назвать. А. Е.

1885 года, когда я приехала на каникулы, добавив, что Володя дал ему слово, что этого больше не повторится.

Но разве не в таких же пустяках коренилось часто исключение и порча всего жизненного пути непокорному юноше?! Отношение к отцу и ко всей семье, а также исключительная талантливость Владимира Ильича избавили его от этого.

На тех же соображениях, что и характеристика Керенского, основывалось решение моей матери не отпускать Владимира Ильича в университет одного, а переехать в Казань всей семьей.

В Казани была снята с конца августа 1887 года квартира в доме б. Ростовской, на Первой горе, откуда Владимир Ильич переехал через месяц со всей семьей на Ново-Комиссариатскую, в дом Соловьевой.

В те годы затишья и безвременья, когда «Народная воля» была уже разбита, социал-демократическая партия еще не зародилась в России и массы еще не выступали на арену борьбы, единственным слоем, в котором недовольство не спало, как в других слоях общества, а проявлялось отдельными вспышками, было студенчество. В нем всегда находились честные, горячие люди, открыто возмущавшиеся, пытавшиеся бороться. И его поэтому давила всего сильнее лапа правительства. Обыски, аресты, высылки — все это обрушивалось всего сильнее на студентов. В 1887 году гнет еще усилился, вследствие попытки покушения на жизнь царя, произведенной весной этого года в Петербурге, участниками которой были почти одни студенты¹.

Мундиры, педея, самый тщательный надзор и шпионство в университете, удаление более либеральных профессоров, запрещение всяких организаций, даже таких невинных, как землячество, исключение и высылки многих студентов, бывших хотя сколько-нибудь на примете, — все это подняло настроение студентов с первых же месяцев академического года.

Волна так называемых «беспорядков» прошла с ноября по всем университетам. Докатилась она и до Казани.

Студенты Казанского университета собрались 4 декабря, шумно требовали к себе инспектора, отказывались разойтись; при появлении последнего предъявили ему ряд требований — не только чисто студенческих, но и политических. Подробности этого столкновения, переданные мне в свое время братом, не сохранились в моей памяти. Помню только рассказ матери, ходившей хлопотать о нем, что инспектор отметил Володю, как одного из активнейших участников сходки, которого он видел в первых рядах, очень возбужденного, чуть ли не со сжатыми

¹ Дело 1 марта 1887 года, разбиравшееся судом сословных представителей. Из 15 обвиняемых 5 человек было казнено через повешение — среди них А. И. Ульянов, старший брат Владимира Ильича; двое осуждены на пожизненное заключение в Шлиссельбурге, а остальные — на разные сроки ссылки в Сибирь и на Сахалин. А. Е.

кулаками. Владимир Ильич был арестован на квартире с 4 на 5 декабря и просидел несколько дней с другими арестованными при участке (всего 40 человек). Все они были высланы из Казани. В. В. Адоратский рассказывает о переданном ему позднее Владимиром Ильичем следующем разговоре с приставом, отвозившим его после ареста.

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена.

— Стена, да гнилая, тгни — и развалится, — ответил, не задумываясь, Владимир Ильич.

Вся история с исключением произошла очень быстро. Владимир Ильич был выслан в деревню Кокушкино, в 40 верстах от Казани, в благоприобретенное имение деда его по матери Александра Дмитриевича Бланка, где в то время проживала под гласным надзором сестра его Анна (пишущая эти строки), которой пятилетний гласный надзор в Сибири был заменен, по ходатайству матери, высылкой в эту деревню. Пятая часть этого имения принадлежала моей матери, и во флигеле одной из двух хозяйничавших там теток¹, очень холодном и неблагоустроенном, провела наша семья (некоторое время спустя мать с меньшими переселилась тоже в Кокушкино) зиму 1887/88 года.

Никаких соседей у нас не было. Провели мы зиму в полном одиночестве. Редкие приезды двоюродного брата да посещения исправника, обязанного проверять, на месте ли я и не пропагандирую ли я крестьян, — вот и все, кого мы видели. Владимир Ильич много читал, — во флигеле был шкаф с книгами покойного дяди², очень начитанного человека, были старые журналы с ценными статьями; кроме того, мы подписывались в казанской библиотеке, выписывали газеты. Помню, каким событием были для нас okazии из города и как нетерпеливо раскрывали мы завешанный пещер (корзинка местной работы), содержащий книги, газеты и письма. Равно и обратно при okazии пещер нагружался возвращаемыми книгами и почтой. Связано у меня с ним и такое воспоминание. Раз вечером все сидели за корреспонденцией, готовя почту, которую должен был забрать ранним утром в упакованном пещере работник тетки.

Мне бросилось в глаза, что Володя, обычно почти не писавший писем, строчит что-то большое и вообще находится в возбужденном состоянии. Весь пещер был нагружен; мать с меньшими уже улеглись, а мы с Володей сидели еще по обыкновению и беседовали. Я спросила, кому он писал. Оказалось, товарищу по гимназии, поступившему в другой — помнится, в один из южных — университет. Описал в нем, конечно, с большим задором студенческие беспорядки в Казани и спрашивал о том, что было в их университете.

¹ Речь идет о Л. А. Ардашевой-Попомаревой. *Ред.*

² А. П. Попомарева. *Ред.*

Я стала доказывать брату никчемность отправки такого письма, совершенно бесплодный риск новых репрессий, которым он себя этим шагом подвергал. Но переубедить его было всегда не легко. В повышенном настроении, прохаживаясь по комнате и с видимым удовольствием передавая мне те резкие эпитеты, которыми он награждал инспектора и других властей предержавших, он подсмеивался над моими опасениями и не хотел менять решения. Тогда я указала ему на риск, которому он подвергает товарища, отправляя письмо такого содержания на его личный адрес, на то, что товарищ этот, может быть, находится тоже среди исключенных или состоящих на примете, и подобное письмо принесет ухудшение его участи.

Тут Володя призадумался, а потом довольно быстро согласился с этим последним соображением, пошел в кухню и выпул, хотя и с видимым сожалением, из пещера злополучное письмо.

Позднее, летом, я имела удовольствие услышать от него в одной беседе по какому-то случаю между нами и двоюродной сестрой полушутливое, полусерьезное заявление, что за один совет он мне благодарен. Это произошло после того, как он перечел провалявшееся несколько месяцев в его ящике письмо и подверг его уничтожению.

Кроме чтения Владимир Ильич занимался в Кокушкине с младшим братом, ходил с ружьем, зимой на лыжах. Но это была его первая, так сказать, проба ружья, и охота была всю зиму безуспешная¹. Я думаю, что это происходило и потому, что охотником в душе, как другие два брата мои, он никогда не был.

Но жизнь протекала, конечно, скучно в занесенном снегом флигельке, и тут-то и помогла Володе привычка к усиленным занятиям. Помню особенно ярко крутую, раннюю весну, после этой, утомившей нас одинокой зимы, первую весну, проводимую нами в деревне. Помню долгие прогулки и беседы с братом по окрестным полям под аккомпанемент неумолчно заливавшихся невидимых жаворонков в небе, чуть пробивавшуюся зелень и белевший по оврагам снег...

Летом приехали двоюродные братья,— у Володи появились товарищи для прогулок, охоты, игры в шахматы, но все это были люди без общественной жилки и интересными собеседниками для Володи быть не могли. Они, хотя и более старшие, сильно пасовали перед метким словом и лукавой усмешкой Володи.

С осени 1888 года Владимиру Ильичу разрешено было переселиться в Казань, куда переехала мать с меньшими. Несколько позже дозволено было перебраться туда и мне.

¹ Помню это по одной шутке между нами: раз, следующим летом, поздравившись с прогулки с двоюродным братом, он заявил: «А нам никак заяц дорогу перебежал». «Володя,— сказала я,— это, конечно, тот самый, за которым ты всю зиму охотился». А. Е.

III. ЖИЗНЬ В КАЗАНИ

Квартира была снята в доме Орловой, на Первой горе, недалеко от Арского поля, во флигеле. При квартире был балкон и довольно живописный садик по горе. В первом этаже были почему-то две кухни, а в верхнем — остальные комнаты. Володя выбрал себе вторую, лишнюю, кухню потому, что она была уединеннее и удобнее для занятий, чем верхние комнаты, окружил себя книгами и просиживал за ними большую часть дня. Здесь начал он изучать I том «Капитала» Карла Маркса.

Помню, как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать, он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. Помню его, как сейчас, сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом. И тогда не умел он, изучая что-нибудь, находить новые пути, не делиться этим с другими, не завербовать себе сторонников. Таких сторонников, молодых людей, изучавших также марксизм и революционно настроенных, он скоро нашел себе в Казани.

Вследствие особого поднадзорного положения нашей семьи, знакомые эти почти не ходили к нам, а уходил обыкновенно Володя на квартиры, где они собирались. Из фамилий, упоминаемых им, помню лишь две: Четверговой, пожилой народоволки, о которой Володя отзывался с большой симпатией, и студента — не помню уже, исключенного ли — Чирикова, будущего писателя-беллетриста, отошедшего потом от революции и даже перешедшего в лагерь врагов. Владимир Ильич был все же довольно осторожен из внимания к матери. Исключительное мужество, с которым она переносила несчастье с потерей брата Александра, вызывало удивление и уважение даже со стороны посторонних людей. Тем более чувствовали это мы, дети, ради которых, для забот о которых она страшным усилием воли сдерживала себя. Надежда Константиновна¹ говорила мне, что Владимир Ильич рассказывал и ей о том удивительном мужестве, с которым мать перенесла потерю брата, а позднее — сестры Ольги.

Влияние ее на нас с детства было огромное. Подробнее я скажу об этом в другом месте, здесь же укажу только на один эпизод из казанской жизни. Володя начал покуривать. Мать, опасаясь за его здоровье, бывшее в детстве и юношестве не из крепких, стала убеждать его бросить курение. Исчерпав доводы относительно вреда для здоровья, обычно на молодежь мало действующие, она указала ему, что и лишних трат — хотя бы копейных (мы жили в то время все на пенсию матери) — он себе,

¹ Жена Владимира Ильича. А. Е.

не имея своего заработка, позволять бы собственнно не должен. Этот довод оказался решающим, и Володя тут же — и навсегда — бросил курить. Мать с удовлетворением рассказала мне об этом случае, добавляя, что, конечно, довод о расходах она привела в качестве последней зацепки.

Говорил Володя мне о рефератах, которые читались у них, о некоторых собраниях рассказывал с большим оживлением. К весне, как это всегда бывает, деятельность кружков стала энергичнее, и Володя стал чаще отсутствовать по вечерам.

В то время, как мы видим по вышедшим теперь исследованиям тогдашней кружковой работы, в Казани было несколько кружков. Объединяться, даже встречаться, по требованию конспирации, они не могли. Некоторые члены даже не знали о существовании других кружков, а некоторые если знали или догадывались, то были не осведомлены о том, кто в них входил. Фамилии без надобности не назывались. В центральном кружке состоял в то время очень активный молодой революционер, убежденный социал-демократ Николай Евграфович Федосеев¹.

Исключенный еще из последнего класса гимназии, Федосеев повел энергичную революционную работу. При центральном кружке имелась библиотека нелегальных и неразрешенных книг, а с весны стала налаживаться техника для воспроизведения местных изданий и для перепечатки редких нелегальных. Владимир Ильич слышал об этих планах, но сам в этот кружок не входил. И самого Федосеева он лично не знал, а лишь слышал о нем. Но все же он говорил мне, услышав об аресте, происшедшем в Казани в июле 1889 года, что он влетел бы, вероятно, также: был арестован Федосеев, разгромлен его кружок, а также забраны некоторые члены того кружка, в котором состоял Владимир Ильич. Спас тогда Ильича переезд всей нашей семьи в мае 1889 года в Самарскую губернию, на хутор близ деревни Алакаевки, купленный моей матерью через М. Т. Елизарова². С осени того же года, по выходе моем замуж за М. Т. Елизарова, вся наша семья обосновалась в Самаре³.

Таким образом, Владимир Ильич счастливо ушел от казанского погрома, стоившего Федосееву около 2½ лет тюремного заключения — сначала предварительного, а потом, по приговору, в «Крестах» (так называлась Выборгская тюрьма в Петер-

¹ О нем см. книгу «Н. Е. Федосеев» с предисловием т. Ленина. Издание Истпарта. А. Е. (Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России. (Сборник воспоминаний). М.—П., 1923. *Ред.*)

² Товарищ брата, Александра Ильича, по студенческому поволжскому землячеству. А. Е.

³ А. И. Ульянова вышла замуж за М. Т. Елизарова в июле 1889 года. Семья Ульяновых-Елизаровых переехала с хутора близ деревни Алакаевки в Самару 5(17) сентября 1889 года. *Ред.*

бурге, куда сажали приговоренных к отсидке). Переезд в более глухую Самару дал ему возможность заниматься спокойнее выработкой своего марксистского мировоззрения, а позднее — подготовкой к экзамену при университете. А летнее пребывание на хуторе в очень здоровой, прекрасной местности укрепило, несомненно, его здоровье.

IV. ЖИЗНЬ В САМАРЕ

Владимир Ильич стремился поступить вновь в университет, но ему упорно отказывали в этом, а когда разрешили наконец вместо того сдать окончательный экзамен при университете, то он засел вплотную за зубрежку разных юридических наук и в 1891 году сдал экзамен при Петербургском университете. Тогда многие удивлялись, что, будучи исключенным из университета, он в какой-нибудь год без всякой посторонней помощи, не сдавая никаких курсовых и полукурсовых испытаний, подготовился так хорошо, что сдал вместе со своим курсом. Кроме прекрасных способностей, Владимиру Ильичу помогла в этом большая трудоспособность.

Помню, как летом в Самарской губернии он устроил себе уединенный кабинет в густой липовой аллее, где дал вкопать в землю скамейку и стол. Туда уходил он, нагруженный книгами, после утреннего чая с такой точностью, как будто бы его ожидал строгий учитель, и там, в полном уединении, проводил все время до обеда, до 3 часов.

Никто из нас не ходил в ту аллею, чтобы не мешать ему.

Кончая с учебой в утренние часы, он после обеда уходил в тот же уголок с книгой по общественным вопросам — так, помню, читал по-немецки Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». А потом погуляет, выкупается, и после вечернего чая выносятся лампа на крылечко, чтобы комары в комнату не налетели, — и опять Володина голова склонена над книгой. Но если усиленные занятия не делали Владимира Ильича угрюмым, книжным человеком в более поздние годы, то тем более не делали его таким в молодости. В свободное время, за обедом, гуляя, он обычно шутил и болтал, развеселяя всех других, заражая своим смехом окружающих.

Умея работать, как никто, он умел и отдыхать, как никто.

В Самаре революционно настроенной молодежи было, конечно, меньше, чем в Казани — городе университетском, но и там она была. Были, кроме того, и пожилые люди, бывшие ссыльные, возвращавшиеся из Сибири, и поднадзорные. Эти последние были, конечно, все направления народнического и пародовольческого. Для них социал-демократия была новым революционным течением; им казалось, что для нее нет достаточной почвы в Рос-

сии. В глухих ссыльных местах, в улусах Сибири они не могли следить за теми изменениями в общественной жизни, в ходе развития нашей страны, которые происходили без них и начинали создаваться в крупных центрах. Да и в центрах представителей социал-демократического направления, начало которому было положено еще в 1883 году группой «Освобождение труда» за границей, было еще немного — главным образом, это была молодежь.

Направление это лишь пробивало себе путь. Столпами общественной мысли были еще народники: Воронцов (В. В.), Южаков, Кривенко, а властителем дум — критик и публицист Михайловский, имевший раньше тесные связи с народовольцами. Этот последний выступил, как известно, в 1894 году с открытой борьбой против социал-демократов в самом передовом тогдашнем журнале «Русское богатство». Для борьбы с устоявшимися взглядами надо было прежде всего вооружиться как теоретическим знанием — изучением Маркса, так и материалом по приложению этого знания к русской действительности — изучением статистических исследований развития нашей промышленности, нашего земледелия и т. п. Обобщающих работ в этом смысле почти не было: надо было изучать первоисточники и строить на основании их свои выводы. За эту большую и непочатую работу взялся в Самаре Владимир Ильич.

Продолжая серьезное изучение всех сочинений Маркса и Энгельса (некоторые из них, как «Нищета философии», имелись тогда лишь на иностранных языках), он познакомился и со всеми сочинениями народников и взялся для проверки их и для выяснения возможности социал-демократии в России за статистические исследования. Новые данные самарского отдела Истпарта показывают нам, какое большое число книг брал по этим вопросам Владимир Ильич из городской библиотеки. Читая и изучая, он писал и рефераты по прочитанному. Одним из таких рефератов, разросшихся в объемистую тетрадь, является его работа о книге Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» под заглавием: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»¹.

Как известно, на юге России крупное капиталистическое хозяйство в земледелии стало развиваться раньше, чем в центре и на севере, — там возникли крупные сельскохозяйственные экономии с большим количеством безземельных рабочих-батраков. Поэтому положение земледелия на юге России было особенно интересно с точки зрения того, в какую сторону развивается наше хозяйство. Постников стоял, конечно, далеко не на революционной точке зрения, и Владимир Ильич оставил без рас-

¹ Помещена в 1-м томе Сочинений Ленина. А. Е. (Полн. собр. соч., т. 1, с. 1—66. *Ред.*)

смотрения его указания на разные реформы: он взял у него фактический материал и сделал из него свои выводы.

Этот реферат, как и другие, ранее написанные рефераты по изучению марксизма (например, краткое изложение «Нищеты философии» и против народников — В. В. (Воронцова), Южакова), читался Владимиром Ильичем в кружках местной молодежи. Раньше других Владимир Ильич познакомился в Самаре с Вадимом Андреевичем Ионовым, приятелем Марка Тимофеевича Елизарова, моего мужа. Ионов был старше Владимира Ильича и стоял на народовольческой точке зрения. В то время он был, пожалуй, самой видной фигурой среди самарской молодежи и пользовался влиянием. Владимир Ильич постепенно перетянул его на свою сторону. Вполне своим стал сразу однолеток Владимира Ильича Алексей Павлович Скляренко (Попов), исключенный из самарской гимназии и отбывший уже заключение в «Крестах» по своему первому делу¹. Вокруг Скляренко группировалась молодежь из семинаристов, учениц фельдшерской школы. В этом кружке, а также в народных и выступал Владимир Ильич; в последних велись страстные прения. Много споров бывало также при встречах и беседах со старыми народовольцами. Из них всего чаще видался Владимир Ильич с Александром Ивановичем Ливановым, которого очень ценил за его революционный закал.

Умея брать отовсюду все лучшее, Владимир Ильич не только оспаривал воззрения Ливанова и других народовольцев, он впитывал от них революционные навыки, с интересом выслушивал и запоминал рассказы о приемах революционной борьбы, о методах конспирации, об условиях тюремного сидения, о сношениях оттуда; слушал рассказы о процессах народников и народовольцев. Располагали очень к Александру Ивановичу чуткость и деликатность, отсутствие того подчеркивания, что молод, мол, ты, зелен, которое было свойственно многим старикам. Большая смелость и непримиримость Владимира Ильича казались большинству спорщиков лишь молодым задором и чрезмерной самоуверенностью. И в самарские годы, и позднее ему не прощались резкие нападки на таких признанных столпов общественного мнения, как Михайловский, В. В., Кареев и др. И во все четыре зимы, проведенные Владимиром Ильичем в Самаре, более солидные слои передового общества смотрели на него как на очень способного, но чересчур самонадеянного и резкого юношу. Лишь в кружках молодежи, будущих социал-демократов, пользовался он безграничным уважением. Рефераты Владимира Ильича о сочинениях В. В., Южакова, Михайловского, читанные в самар-

¹ О Скляренко см. подробнее в сборнике Истпарта «Старый товарищ А. П. Скляренко». А. Е. («Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916 гг.)»). Сборник статей. М., Госиздат, 1922, *Ред.*

ских кружках, позднее подвергшись некоторой обработке, составили три тетради под общим заглавием: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Одна из таких тетрадей до сих пор не найдена, а две другие вошли в Полное собрание его сочинений¹ и, как справедливо указывалось, заключают уже в себе все главные основы развитых им позднее взглядов, основы ленинизма.

Но в самарский период Владимир Ильич прошел не только теоретическую школу. Жизнь его в этой такой типичной для русского крестьянства губернии дала ему много того знания и понимания этого общественного слоя, которое так удивляло всех нас позднее. Как в формулировке аграрной части нашей программы и во всей дореволюционной борьбе, так и в строительстве нашей партии после победы это знание сыграло огромную роль. А черпать его Владимир Ильич умел отовсюду.

Скляренко служил секретарем у мирового судьи Самойлова, человека идейного и передового. Вместе со своим патроном ему приходилось выезжать на разбор дел по деревням, принимать приезжавших в город с жалобами крестьян и получать, таким образом, ценные данные о положении крестьянства в уезде. Он делился этими наблюдениями с Владимиром Ильичем. Беседовал по этому вопросу Владимир Ильич и с самим Самойловым и с остальными знакомыми, у которых было много связей в крестьянстве. Но больше всего материала почерпал он из рассказов Марка Тимофеевича Елизарова, происходившего из крестьян Самарской губернии и сохранившего тесную связь со своими односельчанами. Беседовал он и со старшим братом Марка Тимофеевича, Павлом Тимофеевичем. Это был так называемый «крепкий» крестьянин, разбогатевший арендой близлежащих удельных (т. е. принадлежащих царскому дому) земель и передачей их крестьянам. Самое популярное лицо в деревне, он бесменно выбирался в земские гласные. Как все люди его типа, он стремился к округлению капиталов, лез в купцы, чего позднее и добился. Помню, что меня удивляло, как подолгу, с каким интересом мог говорить Володя с этим полуграмотным, чуждым каких бы то ни было идеалов кулаком, и лишь позднее поняла я, что он почерпал у него данные о положении крестьян, о расслоении, идущем среди них, о взглядах и стремлениях этой экономической верхушки деревни. Заразительно, как всегда, хохотал он над некоторыми рассказами купца, и тот был чрезвычайно доволен оказываемым ему вниманием и проникнут большим уважением к уму Владимира Ильича. Но он не мог понять, что хохочет Володя часто не над тем, как ловко устраивают свои делишки деревенские купчины, а над народниками, над их наивной верой в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—346. *Ред.*

крепость крестьянского уклада, в крепость общины, в возможность привить крестьянам социализм.

В этих разговорах проявлялось характерное для Ильича умение разговаривать со всякой публикой, вытягивать из каждого пужное ему; умение не отрываться от почвы, не быть раздавленным теорией, а трезво вглядываться в окружающую его жизнь и чутко прислушиваться к ее звукам. В этом умении стать стойким последователем известной теории и в то же время трезво учитывать все особенности и все изменения неустанно бьющей вокруг него жизненной волны, ни на минуту не терять из виду общей принципиальной линии, а также ни на момент не отрываться от родной российской почвы, на которой он стоял, — в этом сочетались, как уже не раз указывалось, заключаясь главный источник силы и значения Ильича. Но в его юные годы, за оживленной болтовней и шутками, за беззаботно звучащим смехом вряд ли кто заметил бы этот источник. Он никогда не говорил книжно, никому не навязывал своей теории, он умел быть веселым, бесхитростным товарищем в часы досуга, но и досуг этот он умел использовать для чуткого прислушивания к окружающей жизни и выбора из нее всего ценного и нужного для своего пути, для задачи своей жизни.

Много заимствовал Владимир Ильич и из непосредственного общения с крестьянами в Алакаевке, где он провел пять летних сезонов подряд, по 3—4 месяца в год, а также и в деревне Бестужевке, куда ездил с Марком Тимофеевичем к родным последнего. Но знакомясь в разговорах с общим положением крестьян, Ильич старался больше узнать от них, чем говорил сам, — во всяком случае убеждений своих не высказывал. И не только потому, что ему приходилось считаться с поднадзорным положением. Нет, он знал, что крестьян непосредственно революцией и социализмом не проймешь, что с этим надо идти к другому слою, к слою промышленных рабочих; он берег себя для них. Ему была чужда всякая фраза, а дела, он знал, из разговора с крестьянами в то время не вышло бы.

Таким образом развивался и рос незаметно в провинциальном городе и в тиши уединенного хуторка тот Ленин, который заложил основы РКП (б) и повел ее к победе, а после победы — к строительству на этих основах.

Годы жизни в Самаре и еще ранее год в Казани являлись лишь подготовительными для его работы, разлившейся затем так широко. Но эти годы были вместе с тем самыми важными, пожалуй, годами в жизни Владимира Ильича: в это время складывалась и оформилась окончательно его революционная физиономия.

V. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ РАБОТЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА (Н. ЛЕНИНА)

1. ИЗ САМАРЫ В ПЕТЕРБУРГ

Владимир Ильич переехал из Самары в Петербург осенью 1893 года¹ с целью взяться за революционную работу. Окончательные экзамены при университете были им сданы еще в 1891 году. Самара не могла дать простора его деятельности, она давала слишком мало пищи его уму. Теоретическое изучение марксизма, которое он мог взять и в Самаре, было уж взято им².

Почему же не уехал он с осени 1892 года, когда уже окончил университетский курс, зачем сидел еще год в Самаре?

На этот вопрос я могу ответить: сидел для матери.

Я говорила уже в описании его детских и юношеских лет, каким большим авторитетом, какой горячей любовью пользовалась и с его стороны, как и со стороны всех нас, наша мать. Той твердости, с которой она переносила свои тяжелые несчастья, удивлялись все, кто ее знал, — тем более чувствовали это дети. Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая, по возможности, свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, еще больше, чем прежде, о детях, потому что после смерти мужа ей одной приходилось заботиться о них.

Она старалась, по мере возможности, не омрачать их молодую жизнь, давать им строить свое будущее, свое счастье... И она понимала их революционные стремления.

Эти заботы были так удивительны, пример, который она показывала детям, был так прекрасен, что и им хотелось еще больше, чем прежде, скрасить ей жизнь, облегчать ее горе. А в год окончания Владимиром Ильичем университета над семьей стряслось новое несчастье: умерла в Петербурге от брюшного тифа его сестра Ольга. Владимир Ильич приехал как раз тогда, весной, для сдачи первой половины своих экзаменов. Ему пришлось отвезти сестру в больницу (попала, к несчастью, в очень плохую), потом, когда ей стало плохо, вызвать телеграммой мать. Владимир

¹ В. И. Ленин приехал в Петербург 31 августа (12 сентября) 1893 года. *Ред.*

² Далее в рукописи следует:

«Он начал изучать русскую действительность, прилагая к ней метод Маркса; он написал частью разбор сочинений народников, который вошел потом в его работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в эту работу, в которой, как правильно указывали, заключается уже в основном все его позднейшее учение. И городскую самарскую библиотеку — библиотеку для провинциального города хорошую — он во всем для себя существенном уже использовал». *Ред.*

Ильич был один с матерью в первые, самые тяжелые, дни. Он привез ее домой в Самару. Он видел, как и при этом, новом ударе проявилось ее мужество, ее чуткость к другим прежде всего.

Стараясь преодолеть свое горе, мать все же, конечно, сильно страдала. Ольга была прекрасная, с выдающимися способностями и большой энергией девушка¹.

Осенью 1890 года она поехала в Петербург на Высшие женские курсы. Ни в Казани, ни тем более в Самаре высшего женского заведения не было, а она страстно рвалась к учению. На курсах она выделилась в первый же год своими знаниями, своей работоспособностью, и подружки ее — З. П. Невзорова-Кржижановская, Торгонская, покойная А. А. Якубова — говорили о ней, как о выдающейся девушке, бывшей центром их курса. Со всем неясным или непонятым подружки шли к ней, и она повредила себе тем, что, уже больная, объясняла им по химии и другим предметам к начавшимся экзаменам. Она искала также путей и для общественной работы, и из нее вышла бы, несомненно, выдающаяся и преданная революционерка. После ее потери одно могло облегчить несколько горе матери: близость к ней остальных детей. И Володя остался еще на год дома, в Самаре.

Но к концу этой последней зимы он уже иногда порядочно скучал, стремясь к более оживленному центру, к простору для революционной работы: Самара в те годы была как бы только станцией из Сибири, из настоящей ссылки, в центры умственной жизни, которыми были столицы и университетские города.

Остался у меня в памяти разговор с Володией о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова «Палата № 6». Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им, — Володя вообще любил Чехова, — он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитала вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». Это было поздно вечером, все разошлись по своим углам или уже спали. Перемолвиться ему было не с кем.

Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой «Палатой № 6», он рвался из нее почти так же, как несчастный больной Чехова. И он твердо решил, что уедет из нее следующей же осенью. Но ему не захотелось основаться в Москве, куда направилась вся наша семья вместе с поступающим в Московский университет меньшим братом Митей. Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном также центре — Питере. Москву

¹ Далее А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (М., «Новая Москва», 1926, с. 30—31) пишет: «Она кончила в один год с Володией и так же, как и он, с золотой медалью гимназию, где была очень любима подругами». *Ред.*

питерцы пазывали тогда большой деревней, в ней в те годы было еще много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией. Да, вероятно, его намерение искать связи среди рабочих, взяться вплотную за революционную работу заставляло его также предпочитать поселиться самостоятельно, не в семье, остальных членов которой он мог бы компрометировать.

Поздней осенью, устроившись в Москве, мы с матерью ездили в Питер навестить Володю. У матери была при этом специальная цель: купить ему зимнее пальто. Володя был всегда очень непрактичен в житейских обыденных вещах, — он не умел и не любил покупать себе что-нибудь, и обычно и позже эту задачу брали на себя мать или я. В этом он напоминал всецело отца, которому мать заказывала всегда костюмы, выбирала материал для них и который, как и Володя, был чрезвычайно безразличен к тому, что надеть, привыкал к вещам и по своей инициативе никогда, кажется, не сменил бы их. Володя и в этом, как и во многом другом, был весь в отца.

2. НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА И СВЯЗИ

Знакомства по приезде в Петербург Владимир Ильич стал заводить понемногу, осмотрительно: он знал, что правительство смотрело на него предубежденно, как на брата Александра Ильича, он видел, как часто за неосторожную болтовню влетала молодежь, не успев ничего сделать. Всякая болтовня и фраза были чужды ему: он хотел нести свои знания, свою работу в тот слой, который — он знал — совершит революцию, в слой рабочих. Он искал знакомства с людьми, которые разделяли его взгляды, которые считали, что революцию можно ждать не от крестьянства, якобы социалистически настроенного, якобы разделявшего коммунистические верования и навыки предков, и не от представителей интеллигенции — самоотверженных, готовых идти на смерть, но одиноких. Он искал таких, которые знали твердо, как и он, что революция в России будет произведена рабочим классом или ее не будет вовсе (слова Плеханова). Таких людей, социал-демократов, было тогда меньшинство. Большинство революционно настроенных образованных людей придерживались народнических и народовольческих взглядов, но так как организация была уже разрушена, дела никакого не было, то активно мало кто проявлялся, а было больше разговоров, шумихи. От этой интеллигентской болтовни и старался держаться подальше Владимир Ильич. Полиция, власти считали тогда тоже опаснее представителей народовольчества, идущих на насилие, несущих смерть для других и ставящих на карту и свою жизнь. По сравнению с ними социал-демократы, ставящие себе целью мирную пропаганду среди рабочих, казались мало опасными.

«Маленькая кучка, да когда-то что будет — через пятьдесят лет», — говорил о них директор департамента полиции Зволянский.

Таково же приблизительно было воззрение на социал-демократов и в обществе. Если такой руководитель умов того времени, как Михайловский, настолько не понимал взглядов Маркса, что не видел — или затушевывал — революционное значение их, то чего же можно было ожидать от широких слоев. Маркса почти никто не читал, представление о социал-демократах имелось, главным образом, по легальной парламентской деятельности их в Германии. В России парламентом в то время и не пахло, поэтому нетерпеливой, рвущейся к революционной работе молодежи казалось, что русские социал-демократы просто избирают себе спокойный удел: почитывая Маркса, дожидаться, когда заря свободы взойдет над Россией. Им казалось, что объективизм Маркса прикрывал тут попросту вялость, старческую рассудочность в лучшем смысле, а в худшем — шкурнические интересы. Так смотрели на русских учеников Маркса авторитетные для молодежи старые революционеры, возвращавшиеся с каторги и ссылки. Их молодость была горячим и дерзким порывом борьбы со всемогущим самодержавием, они, направляясь в народ, забрасывали книжки, плевали на дипломы... И они с тоской и непониманием взирали на новую, какую-то не по-юному солидную молодежь, которая считала возможным обкладывать себя толстыми томами научных книг в то время, как ничто не сдвинулось еще в устоях самодержавия и положение народа было плачевным по-прежнему. Они видели в этом какую-то холодность. Они готовы были применить к этой молодежи слова Некрасова:

Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой.
Ему нет горше укоризны...

Каждое время выставляет свои требования, и обычно бывает, что представители старого поколения плохо понимают идеалы и стремления молодого, начавшего мыслить при изменившихся общественных условиях. А если политические условия остались в России прежние, то экономические начали сильно меняться: капитализм захватывал все большие области, все несомненное становилось, что ход развития пойдет у нас так же, как на Западе, что вожаком революции будет и у нас, как и там, пролетариат. А сторонникам старых, народнических воззрений, не понимавшим, что дело тут не в чем-то безразличии и не в чьей-то злой воле, что таков ход развития и против него никаким самым самоотверженным порывом ничего не поделаешь, казалось, что марксисты, слепо идя по пути Запада, хотят выварить всех крестьян в фабричном котле. Крестьянам же, по их убеждению,

были присущи коммунистические взгляды, с которыми они могли бы миновать тяжелый путь через капитализм, несущий, особенно в первой своей стадии, неисчислимы бедствия и страдания для народа. «Лучше бы без капитализма»,— говорили они устами В. В. (Воронцова), Южакова и других народников и старались найти доказательства, что это «лучше бы» возможно. Они негодовали на марксистов, как негодует человек, не понимающий необходимости какой-либо операции, на холодность и сухость врача, спокойно подвергающего больного всем связанным с нею страданиям, не пытаясь обойтись «лучше» без них.

Это добренькое «лучше без капитализма» Владимир Ильич высмеивал очень ядовито и в устных своих выступлениях в тот период, и в первых своих работах, посвященных главным образом критике народничества. Отсылаем читателя к упомянутому уже нами сочинению его «Что такое «друзья народа»...», которое дает наилучшее представление о взглядах Ильича в тот период и которое в перепечатанных тогда на mimeографе тетрадках зачитывалось до дыр молодежи.

Еще раньше, чем тетрадки эти появились,— зимой 1893 года — Владимир Ильич выступал против народников в Москве. Это было во время рождественских каникул, когда он приехал побывать к нам. На праздниках устраивались обычно вечеринки. Так и тут на одной вечеринке с разговорами в студенческой квартире выступил против народников Владимир Ильич. Ему пришлось здесь сцепиться, главным образом, с известным писателем-народником — В. В. (Воронцовым)¹. Не встречаясь с В. В. лично, Владимир Ильич не знал, против кого он выступает, и потом даже рассердился на знакомую², приведшую его на эту вечеринку, что она не сказала ему, кто его противник. Выступал он со свойственной ему великолепной смелостью, во всеоружии своих знаний и со всей силой убеждения, сосредоточив на себе весь интерес вечеринки. Сторонникам противной стороны дерзость неизвестного молодого человека казалась чрезмерной; вся марксистски настроенная молодежь была страшно рада неожиданной поддержке и жалела, что, отчитав В. В., незнакомец быстро ускользнул с вечеринки. А Владимир Ильич ругал себя потом, что, раззадоренный авторитетностью, с которой В. В. высказывал свои устарелые взгляды, дал вызвать себя на обличе-

¹ О вечеринке, состоявшейся 9(21) января 1894 года, и выступлении В. И. Ленина в донесении московского охранного отделения в департамент полиции от 20 января (1 февраля) 1894 года говорилось: «Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества писатель В. В. (врач Василий Павлов Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела» (журнал «Красный архив», 1934, № 1(62), с. 76.). *Ред.*

² М. П. Яснелу-Голубеву. А. Е.

ния в неконспиративной обстановке. Но сошла эта вечеринка благополучно: на праздниках и полиция в Москве любила по-праздновать, а потом имени Ильича никто не знал, его называли «петербуржец». Значение же его выступления для московской молодежи было большое: оно разъяснило молодым марксистам многое, оно дало им опору, толкнуло их вперед.

И в Питере в ту зиму у Владимира Ильича было мало знакомств. Он сошелся с кружком технологов, группировавшихся вокруг братьев Красиных¹, с которыми связался через Нижний Новгород, затем познакомился с несколькими сознательными и активными рабочими, как Бабушкин (расстрелянный после революции 1905 года в Сибири²) и В. А. Шелгунов, давно уже ослепший, который и теперь выступает в Москве со своими воспоминаниями³. Он познакомился с некоторыми легальными литераторами-марксистами, как с П. Б. Струве, А. Н. Потресовым, с которыми его сближала общая борьба против народников. Потресов, впрочем, был его ближайшим товарищем и позднее, по работе в «Искре», вплоть до раскола на II съезде в 1903 году. Но направляя вместе со Струве удары против народников, Владимир Ильич раньше других почувствовал в нем чуждые струнки переволюционера, не делающего всех выводов из учения Маркса, останавливающегося на чисто легальном, профессорском, буржуазном марксизме. Он почуял в нем будущего кадета и тогда же напал горячо на это вредное уклонение в статье под псевдонимом К. Тулин⁴, помещенной в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», изданном Потресовым в 1895 году. Сборнику этому не удалось проскочить через цензуру, как изданной ранее книге Плеханова под псевдонимом Бельтов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Мудреное заглавие спасло книгу Плеханова, сохранившую ярые нападки на народников и определенно высказывавшую точку зрения революционных марксистов. А сборник «Материалов», несмотря на несколько сухих, кишащих цифирью статей, влетел за статью Тулина и был сожжен. Удалось спасти только несколько экземпляров, и немногие поэтому прочли тогда статью Владимира Ильича.

Таким образом, цензура быстро разобрала разницу между марксизмом революционным — социал-демократией — и марк-

¹ Герман и Леонид Борисовичи. Последний — видный нелегальный работник под кличкой Никитич. При Советской власти — нарком внешней торговли и полпред сначала во Франции, затем в Англии. Умер осенью 1926 года. А. Е.

² См. статью-некролог «Иван Васильевич Бабушкин». — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 79—83. *Ред.*

³ В. А. Шелгунов умер в 1939 году. *Ред.*

⁴ Речь идет о статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)». — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 347—534. *Ред.*

сизмом легальным. Стали понимать эту разницу и кое-кто из народников-революционеров, стали замечать, что собственно их противники социал-демократы также революционеры и что нельзя валить их в одну кучу с «легальными марксистами», которые, устанавливая факт, что Россия «идет на выучку к капитализму» (эпиграф к книге Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»), никакого вывода в смысле необходимости борьбы с существующим строем из этого не делают. Кое-кто из молодых народовольцев, не признававших значения нашей общины (мы видели в одной из предыдущих глав, что ее не признавали уже Александр Ильич с товарищами в 1887 году), стали подходить ближе к социал-демократам, убеждаясь, что они не только не против политической борьбы, а выставляют ее на своем знамени. Так, народовольцы, имевшие свою типографию в Петербурге (Лахтинская типография), сами предложили социал-демократам печатать их листовки и брошюры, считая, что разница между двумя направлениями лишь в том, что социал-демократы обращаются к рабочим, а не к другим классам общества, но что направление их также революционное. В Лахтинской типографии были напечатаны многие листовки Владимира Ильича и его брошюра «О штрафах»¹; вторая, «О стачках», была забрана там при аресте типографии и погибла.

Но это было уже позднее. Лето 1894 года — после первой зимы в Петербурге — Владимир Ильич проводил с нами под Москвой, в Кузьминках, неподалеку от станции Люблино, Курской железной дороги. Жил довольно уединенно и много занимался. Для отдыха гулял с меньшим братом и сестрой по окрестностям и заложил в них основы социал-демократического учения. Из московских социал-демократов виделся с Мицкевичем, с которым познакомился еще раньше в Нижнем Новгороде, с Ганшиным и братьями Масленниковыми. Эти товарищи взяли печатать его тетрадки «Что такое «друзья народа»...», которые появились осенью 1894 года в Москве и Петербурге, размноженные на мимеографе².

Помню, что не успела прочесть его тетрадку о Михайловском в рукописи и разыскивала ее потом в Москве.

Это было не так-то легко, потому что выступление Михайловского против социал-демократов возмутило многих, и в Москве ходило несколько рукописных или доморощенно напечатанных ответов ему. Легально ответы эти напечатаны быть не могли, это-то и возмущало против Михайловского, что он нападает и клевет на людей, которым зажат рот. Мне стали рас-

¹ «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 15—60. *Ред.*

² Первый выпуск указанной работы был издан в июне, второй и третий — в августе и сентябре 1894 года. *Ред.*

сказывать о двух-трех ответах и, характеризуя их, заявили: «Один более основательный, только выражения очень уже недопустимые». — «А какие, например?» — спросила я с живостью. — «Да, например, Михайловский сел в лужу». — «Вот этот, пожалуйста, мне и достаньте», — заявила я, решив совершенно определенно, что этот и должен был принадлежать перу Володи. И потом мы смеялись с ним относительно того признака, по которому я безошибочно определила его работу.

3. БОРЬБА С «ЭКОНОМИСТАМИ»

Кроме народников и «легальных марксистов» Владимиру Ильичу пришлось сражаться еще с так называемыми «экономистами». Это было направление, отрицавшее необходимость политической борьбы со стороны рабочих и агитацию за таковую в рабочих массах. Вытекало оно из здорового и естественного стремления подходить к рабочим, политически совершенно неразвитым, сохранившим еще в массе веру в царя, с точки зрения их повседневных нужд и требований. Дело шло о первых шагах в этих массах, которые надо было пробудить, в которых надо было развить стремления к защите своего достоинства, сознание, что спасения можно искать только в объединении, в сплочении, и содействовать этому сплочению. А объединить можно было только на непосредственных, наглядных нуждах — прежде всего на протесте против притеснения со стороны хозяев. Так, призыв восстать против непомерно удлиняющегося рабочего времени, сокращаемого с помощью разных мошенничеств заработка, призыв требовать кипятка в обеденное время, более раннего окончания работы в субботу для того, чтобы пользоваться баней, отмены несправедливых штрафов, удаления грубых, зазнавшихся мастеров и т. п. был понятен самым серым, неразвитым рабочим.

Сплочаясь на таких обыденных нуждах, они научались бороться вместе, дружно, стойко, защищать общие интересы, а удача в этой борьбе давала им чувствовать свою силу и объединяла еще более. Удача первых стачек — а чем мельче и справедливее были выставленные требования, тем легче они удовлетворялись — окрыляла и толкала вперед сильнее всякой агитации. Добытые улучшения в положении давали больше доступа и возможности читать, развиваться дальше. Поэтому все социал-демократы, шедшие к рабочим массам, начинали агитацию с экономических нужд. И листовки Владимира Ильича указывали на самые насущные требования рабочих того или иного завода или фабрики, производя этим большое впечатление. В случае несогласия хозяев удовлетворить мирным путем требования рабочих, рекомендовалось прибегнуть к стачке. Успех

стачки в одном предприятии побуждал к этому методу борьбы и другие¹.

То время было временем перехода от занятий в небольших кружках — пропаганды, к работе в массах — агитации. И Владимир Ильич был одним из тех, кто стоял за такой переход. Разница между пропагандой и агитацией определялась, пожалуй, лучше всего словами Плеханова: «Пропаганда дает много идей небольшому кругу лиц, а агитация — одну идею массам».

Но если первый подход к совершенно неразвитым рабочим должен был по необходимости идти от ближайших экономических нужд, то никто не говорил с самого начала определеннее Владимира Ильича, что это должно быть лишь начальной ступенью, что политическое сознание должно развиваться с первых же бесед и с первых листов. Помню разговор с ним об этом поздней осенью 1895 года, незадолго до его ареста, когда я пришла опять к нему в Петербург.

«Как подходить с разговорами о политике к серым рабочим, для которых царь — второй бог, которые и листки с экономическими требованиями берут еще со страхом и оглядкой? Не оттолкнуть бы их только этим», — говорила я, имея в виду еще более серых московских рабочих.

Владимир Ильич указывал мне тогда, что все дело в подходе.

«Конечно, если сразу говорить против царя и существующего строя, то это только оттолкнет рабочих. Но ведь «политикой» переплетена вся повседневная жизнь. Грубость и самодурство урядников, пристава, жандарма и их вмешательство при всяком несогласии с хозяином обязательно в интересах последнего, отношение к стачкам всех власть имущих — все это быстро показывает, на чьей они стороне. Надо только всякий раз отмечать это в листках, в статьях, указывать на роль местного урядника или жандарма, а там уже постепенно направляемая в эту сторону мысль пойдет дальше. Важно только с самого начала подчеркивать это, не давать развиваться иллюзии, что одной борьбой с фабрикантами можно добиться чего-нибудь». «Вот например, — говорил Владимир Ильич, — вышел новый закон о рабочих (не помню сейчас точно, чего он касался. А. Е.), его следует разъяснить, показать, насколько тут делается что-либо для рабочих и насколько — для фабрикантов. И вот в газете, которую мы выпускаем, мы помещаем передовицей ста-

¹ А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (М., «Новая Москва», 1926, с. 42—43) пишет: «Авторитет тех певедомых защитников, которые выпускали эти листовки, уча рабочих бороться, возрастал до огромных размеров, и позднее, когда Владимир Ильич был уже арестован, а организованный им союз назывался «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», рабочие разных производств обращались к нему с просьбой листов, заявляя: «Почему нас союз забыл?». *Ред.*

тью: «О чем думают наши министры?»¹, которая покажет рабочим, что такое наше законодательство, чьи интересы оно защищает. Мы намеренно говорим о министрах, а не о царе. Но эта статья будет политической, и такой должна быть обязательно передовица каждого номера, чтобы газета воспитывала политическое сознание рабочих». Статья эта, принадлежащая перу Владимира Ильича, входила, действительно, в первый номер «Рабочей газеты», не увидевший тогда света, забранный, как известно, при аресте Володи с товарищами 9 декабря 1895 года. Я читала ее, как и другой материал для первого номера «Рабочей газеты», подготавливавшегося тогда. Выпуск номера на mimeографе был делом громоздким и подготавливался за-долго. Помню, как ядовито был поддет в этой статье министр и какой она была популярной и боевой.

Говорю об этом так подробно, чтобы указать, насколько неправы были многие, клонившиеся тогда к «экономизму» люди, которые оправдывались позже тем, что и Владимир Ильич писал в то время листовки на экономические темы. Арест номера газеты с политической передовицей в рукописи и последовавшее затем изъятие Владимира Ильича на 4 с лишком года давали некоторую почву для таких оправданий, хотя и при кратковременном пребывании на воле перед ссылкой, да из тюрьмы и из ссылки Владимир Ильич проявлялся в этом отношении достаточно определенно, чтобы можно было не валить на него обвинения в «экономизме». Достаточно напомнить хотя бы его протест из ссылки против кусковского «Кредо»².

Это ярко-политическое направление было присуще Ильичу с самого начала, оно вытекало из правильно понятого учения Маркса, оно находилось также в соответствии со взглядами родоначальницы русской социал-демократии — группы «Освобождение труда», собственно ее основателя — Плеханова. Владимир Ильич хорошо знал его взгляды по его литературным работам, а кроме того, летом 1895 года, когда ездил за границу, и лично познакомился с ним. Официальной целью было отдохнуть и полечиться после воспаления легких, а неофициальной — завязать сношения с группой «Освобождение труда».

Владимир Ильич был очень доволен своей поездкой, и она имела для него большое значение. Плеханов пользовался всегда большим авторитетом в его глазах; с Аксельродом он очень сошелся тогда; он рассказывал по возвращении, что отношения с Плехановым установились хотя и хорошие, но довольно далекие, с Аксельродом же совсем близкие, дружественные. Мнением обоих Владимир Ильич очень дорожил. Позднее, из ссылки, он послал им для напечатания свою брошюру «Задачи со-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 75—80. *Ред.*

² Изложение своих убеждений А. Е. (См. «Протест российских социал-демократов». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 163—176, *Ред.*)

циал-демократов в России»¹. И когда я передала ему хвалебный отзыв о ней стариков, он написал мне: «Их (стариков) одобрителный отзыв о моих работах — это самое ценное, что я могу себе представить». И после свидания с ними он еще определеннее и энергичнее вступил на путь организации политической партии социал-демократов в России.

По возвращении из-за границы Владимир Ильич был у нас в Москве и много рассказывал о своей поездке и беседах, был особенно довольный, оживленный, я бы сказала даже — сияющий. Последнее происходило, главным образом, от удачи на границе с провозом нелегальной литературы.

Зная, что на него, вследствие его семейного положения, смотрят особенно строго, Владимир Ильич не намеревался везти с собой что-нибудь недозволенное, но за границей не выдержал, искушение было слишком сильно, и он взял чемодан с двойным дном. Это был обычный в то время способ перевозить нелегальную литературу; она укладывалась между двумя днами. Работа производилась в заграничных мастерских чисто и аккуратно, но способ этот был все же очень известен полиции, — вся надежда была на то, что не станут же исследовать каждый чемодан. Но вот, при таможенном осмотре чемодан Владимира Ильича был перевернут вверх дном и по дну, кроме того, прицелкнули. Зная, что опытные пограничные чиновники определяют таким образом наличие второго дна, Владимир Ильич решил, как рассказывал нам, что влетел. Тот факт, что его благополучно отпустили, и он сдал чемодан в Питере, где последний был также благополучно распотрошен, привел его в великолепное настроение, с которым он и приехал к нам в Москву.

4. СЛЕЖКА И АРЕСТ

Вполне возможно, конечно, что Владимир Ильич не ошибся, что скрытое содержание было действительно обнаружено, но, как это практиковалось, влетевший не арестовывался сразу, чтобы проследить целый ряд лиц, принимавших литературу, распространявших ее, и создать таким образом большое дело².

К осени 1895 года за Владимиром Ильичем сильно следили. Он говорил мне об этом в упомянутый мной приезд к нему поздней осенью этого года. Он говорил, чтобы, в случае его ареста, не пускать в Питер мать, для которой хождение в разные уч-

¹ «Задачи русских социал-демократов». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 433—470. *Ред.*

² А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (М., «Новая Москва», 1926, с. 47—48) пишет: «И после ареста через 3—4 месяца Владимир Ильич был очень озабочен этой уликкой, и в первых наших с ним сношениях из тюрьмы чемодан играл большую роль, на него намекали и на первом допросе, но, очевидно, концы с этим были спрятаны удачно, и это «преступление» потонуло в других, более определенно доказанных». *Ред.*

реждения с хлопотами о нем было особенно тягостно, так как было связано с воспоминаниями о таком же хождении для старшего сына. В тот приезд познакомилась я у брата с В. А. Шелгуновым, тогда еще молодым, здоровым рабочим.

Рассказывал Владимир Ильич мне несколько случаев о том, как он удирал от шпииков. Зрение у него было хорошее, ноги проворные, и рассказы его, которые он передавал очень живо, с веселым хохотом, были, помню, очень забавны. Запомнился мне особенно один случай. Шпион настойчиво преследовал Владимира Ильича, который никак не хотел привести его на квартиру, куда отправлялся, а отделаться тоже никак не мог. Выслеживая этого пежеланного спутника, Ильич обнаружил его в глубоких воротах питерского дома. Тогда, быстро миновав ворота, он вбежал в подъезд того же дома и наблюдал оттуда с удовольствием, как заметался выскочивший из своей засады и потерявший его преследователь.

«Я уселся,— передавал он,— на кресло швейцара, откуда меня не было видно, а через стекло я мог все наблюдать, и потешался, глядя на его затруднительное положение; а какой-то спускавшийся с лестницы человек с удивлением посмотрел на сидящего в кресле швейцара и покатывавшегося со смеха субъекта».

Но если при ловкости и удавалось уходить иногда от преследований, то все же полиция, дворники (которые были тогда домовою полицией) и стаи шпииков были сильнее. И они выследили наконец Владимира Ильича и его товарищей, которым приходилось маленькой кучкой исполнять множество различных неразрешенных дел: встречаться на конспиративных собраниях, куда очень мудро было не привести никому шпиика, посещать рабочие квартиры, которые были приметны и за которыми следили, добывать и передавать нелегальную литературу, писать, перепечатывать и раздавать листки и т. п. Разделения труда было мало, ибо и работников было мало, и каждый поэтому быстро привлекал внимание полиции. А затем кроме уличных ищеек были еще провокаторы, втиравшиеся под видом «своих» в кружки; таков был в то время зубной врач Михайлов, входивший хотя не в тот кружок, где работал Владимир Ильич, но имевший сведения и о других кружках. Насаждались такие провокаторы и в рабочих кружках, а кроме того, тогдашние рабочие были наивны и легко попадались на удочку. При нелегальной работе люди «жили» в то время недолго: лишь с осени 1895 года стала она разворачиваться, а 9 декабря Владимир Ильич и большая часть его товарищей были «изъяты».

И вот, первый период деятельности Владимира Ильича закончился дверями тюрьмы. Но за эти 2½ года был пройден большой этап как им лично, так и нашим социал-демократическим движением. Владимир Ильич за эти годы провел решаю-

щие бои с пародниками, он выявил вполне определенно свою революционную марксистскую сущность, отмежевавшись от разных уклонов, он завязал связь с заграничной группой основоположников марксизма. Но что еще важнее, он начал практическую работу, он завязал связь с рабочими, он выступил в качестве вождя и организатора партии в те годы, когда считалась еще сомнительной возможность зарождения ее в условиях тогдашней России. И хотя создалась она (I съезд партии¹) уже без него, когда он был в ссылке, но создалась под его давлением, и после того как им была заложена первая политическая организация социал-демократии в Петербурге, был намечен первый политический орган, были проведены первые крупные — на весь Питер и на Москву — стачки.

VI. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ТЮРЬМЕ

Владимир Ильич был арестован измученным нервной сутолокой работы последнего времени и не совсем здоровым. Известная «охранная» карточка 1895 года дает представление о его состоянии.

После первого допроса он послал к нам в Москву Надежду Константиновну Крупскую с поручением. В шифрованном письме он просил ее срочно предупредить нас, что на вопрос, где чемодан, привезенный им из-за границы, он сказал, что оставил его у нас, в Москве.

«Пусть купят похожий, покажут на мой... Скорее, а то арестуют». Так звучало его сообщение, которое я хорошо запомнила, так как пришлось с различными предосторожностями покупать и привозить домой чемодан, относительно внешнего вида которого Надежда Константиновна сказала нечто очень неопределенное и который оказался, конечно, совсем непохожим на привезенный из-за границы, с двойным дном. Чтобы чемодан не выглядел прямо с иголки, новеньким, я взяла его с собой в Петербург, когда поехала с целью навестить брата и узнать о его деле.

В первое время в Петербурге во всех переговорах с товарищами, в обмене шифром с братом и в личных беседах с ним на свиданиях чемодан этот играл такую большую роль, что я отворачивалась на улицах от окон магазинов, где был выставлен этот пастелью осатаневший мне предмет: видеть его не могла спокойно. Но хотя на него и намекали на первом допросе, копцов с ним найдено не было, и обвинение это, как часто бывало, потонуло в других, относительно которых нашлись более неопровержимые улики.

Так, доказано было сообщество и сношение с целым рядом арестованных одновременно с ним лиц, и у одного из них, Ване-

¹ I съезд РСДРП состоялся 1—3 (13—15) марта 1898 года в Минске.
Ред.

ева, был взят рукописный номер нелегальной «Рабочей газеты»; была доказана связь с рабочими в кружках, с которыми — за Невской заставой — Владимир Ильич занимался. Одним словом, доказательств для того, чтобы начать жандармское расследование, было вполне достаточно.

Вторым приехавшим к нам в Москву после ареста брата был Михаил Александрович Сильвин, уцелевший член его кружка; он рассказал о письме, полученном от Владимира Ильича из тюрьмы на имя той знакомой, у которой он столовался¹. В этом первом большом письме из тюрьмы Владимир Ильич развивал план той работы, которой хотел заняться там, — подготовлением материала для намечаемой им книги «Развитие капитализма в России»². Серьезный тон длинного письма с приложенным к нему длиннейшим списком научных книг, статистических сборников искусно замаскировал тайные его цели, и письмо дошло беспрепятственно, без всяких помарок. А между тем Владимир Ильич в письме этом ни больше ни меньше, как запросил товарищей о том, кто арестован с ним; запросил без всякого предварительного уговора, но так, что товарищи поняли и ответили ему тотчас же, а бдительные аргусы ничего не заподозрили.

«В первом же письме Владимир Ильич запросил нас об арестованных, — сказал мне с восхищением Сильвин, — и мы ответили ему».

К сожалению, уцелела только первая часть письма, приложенного к ней списка книг нет: очевидно, он застрял и затерялся в процессе розыска их. Большая часть перечисленных книг была действительно нужна Владимиру Ильичу для его работы, так что письмо метило в двух зайцев и, в противовес известной поговорке, попало в обоих. Я могу только восстановить по памяти некоторые из тех заглавий, которыми Владимир Ильич, искусно вплетая их в свой список, запросил об участии товарищей. Эти заглавия сопровождались вопросительным знаком, которым автор обозначал якобы неточность цитируемого на память названия книги и который в действительности отмечал, что в данном случае он не книгу просит, а запрашивает. Запрашивал он, пользуясь кличками товарищей. Некоторые из них очень подходили к характеру нужных ему книг, и запрос не мог обратить внимания. Так, о Василии Васильевиче Старкове он запросил: «В. В. Судьбы капитализма в России». Старков звался «Вева». О нижегородцах — Ванееве и Сильвине, носивших клички Минин и Пожарский, запрос должен уже был остановить более внимательного контролера писем заключенных, так как книга не относилась к теме предполагавшейся работы, — это

¹ Письмо В. И. Ленина было написано 2(14) января 1896 года и послано на адрес А. К. Чеботаревой (см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 15—17). *Ред.*

² См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3. *Ред.*

был Костомаров «Герои смутного времени». Но все же это была научная, историческая книга, и, понятно, требовать, чтобы просматривающие кипы писем досмотрели такое несоответствие, значило бы требовать от них слишком большой дозы проникательности. Однако же не все клички укладывались так сравнительно удобно в рамки заглавий научных книг, и одной из следующих, перемеженных, конечно, рядом действительно нужных для работы книг была книга Брема «О мелких грызунах». Здесь вопросительный знак запрашивал с несомненностью для товарищей об участии Кржижановского, носившего кличку Суслик. Точно так же по-английски написанное заглавие: *Maupine Rid* «*The Mynoga*» — обозначало Надежду Константиновну Крупскую, окрещенную псевдонимом «рыба» или «минога». Эти наименования могли как будто остановить внимание цензоров, но серьезный тон письма, уйма перечисленных книг, а кроме того, предусмотрительная фраза, стоящая где-то во втором (потерянном) листке: «Разнообразие книг должно служить коррективом к однообразию обстановки», усыпили их бдительность.

К сожалению, в памяти моей сохранились лишь эти несколько заглавий, по поводу которых мы когда-то немало хохотали. Еще я вспоминаю только «*Goutchoul*» или «*Goutchioule*», намеренно сложным французским правописанием написанная фамилия фантастического автора какой-то исторической книги (названия ее уже не помню). Это должно было обозначить Гущул, т. е. Запорожец. Помню еще, что по поводу «Героев смутного времени» Сильвин рассказывал, что они ответили: «В библиотеке имеется лишь I т. сочинения», т. е. арестован лишь Ванеев, а не Сильвин.

Владимир Ильич был посажен в Дом предварительного заключения, коротко называвшийся «предварилкой». То была полоса довольно благоприятных условий сидения. Свидания разрешались обычно через месяц после ареста и по два раза в неделю: одно личное, другое общее, за решеткой. Первое в присутствии надзирателя продолжалось полчаса; второе — целый час. При этом надзиратели ходили взад и вперед — один сзади клетки с железной решеткой, в которую вводились заключенные, другой — за спинами посетителей. Ввиду большого галдежа, который стоял в эти дни, и общего утомления, который он должен был вызывать в надзирателях, а также низкого умственного развития их, можно было при некоторых ухищрениях говорить на этих свиданиях почти обо всем. Передачи пищи принимались три раза в неделю, книги — два раза. При этом книги просматривались не жандармами, а чиновниками прокурора суда, помещавшегося в доме рядом, и просмотр этот, при массе приносимых книг, был, вероятно, в большинстве случаев простой формальностью. Книги разрешались к пропуску довольно широко, без больших изъятий; разрешались даже ежемесячные

журналы, а потом и еженедельные. Таким образом, отрыва от жизни — одной из самых тяжелых сторон одиночного заключения — не было. Была довольно богата и библиотека «предварилки», составившаяся из разных пожертвований, так что многие товарищи, особенно из рабочих, серьезно пополняли в ней свое образование.

Владимир Ильич, налаживаясь на долгое сидение, ожидая далекой ссылки после него, решил использовать за это время и питерские библиотеки, чтобы собрать материал для намеченной им работы — «Развитие капитализма в России». Он посылал в письмах длинные перечни научных книг, статистических сборников, которые доставались ему из Академии наук, университетской и других библиотек. Я с матерью жила большую часть тюремного заключения Владимира Ильича в Питере, и мне приходилось таскать ему целые кипы книг, которыми был завален один угол его камеры. Позднее и с этой стороны условия стали более суровы: число книг, выдаваемых заключенному в камеру, было строго и скупо определено. Тогда же Ильич мог не спеша делать выписки из статистических сборников и, кроме того, иметь и другие — научные, беллетристические — книги на русском и иностранном языках.

Обилие передаваемых книг благоприятствовало нашим сношениям посредством их. Владимир Ильич обучил меня еще на воле основам шифрованной переписки, и мы переписывались с ним очень деятельно, ставя малозаметные точки или черточки в буквах и отмечая условным знаком книгу и страницу письма.

Ну и перепортили мы с этой перепиской глаза не мало! Но она давала возможность снестись, передать что-либо нужное, конспиративное и была поэтому неоцененна. При ней самые толстые стены и самый строгий начальнический надзор не могли помешать нашим переговорам. Но мы писали, конечно, не только о самом нужном. Я передавала ему известия с воли, то, что неудобно было, при всей маскировке, сказать на свидании. Он давал поручения такого же рода, просил передать что-либо товарищам, завязывал связи с ними, переписку по книгам из тюремной библиотеки; просил передать, к которой доске в клетке, в которую пускали гулять, прилеплена черным хлебом записка для того или другого из них. Он очень заботился о товарищах: писал ободряющие письма тому, кто, как он слышал, нервничал; просил достать тех или иных книг; устроить свидание тем, кто не имел его. Эти заботы брали много времени у него и у нас. Его неистощимое, бодрое настроение и юмор поддерживали дух и у товарищей.

К счастью для Ильича, условия тюремного заключения сложились для него, можно сказать, благоприятно. Конечно, он похудел и, главным образом, пожелтел к концу сидения, по да- же желудок его — относительно которого он советовался за гра-

ницей с одним известным швейцарским специалистом — был за год сидения в тюрьме в лучшем состоянии, чем в предыдущий год на воле. Мать приготавливала и приносила ему три раза в неделю передачи, руководствуясь предписанной ему указанным специалистом диетой; кроме того, он имел платный обед и молоко. Очевидно, сказалась благоприятно и регулярная жизнь этой российской «санатории», жизнь, о которой, конечно, нечего было и думать при нервной беготне нелегальной работы.

Свидания с ним бывали очень содержательны и интересны. Особенно много можно было поболтать на свиданиях за решеткой. Мы говорили намеками, впутывая иностранные названия для таких неудобных слов, как «стачка», «листовка». Наберешь, бывало, новостей и изощряешься, как передать их. А брат изощрялся, как передать свое, расспросить. И как весело смеялись мы оба, когда удавалось сообщить или понять что-либо такое запутанное. Вообще наши свидания носили вид беспечной оживленной болтовни, а в действительности мысль была все время напряжена: надо было суметь передать, суметь понять, не забыть всех поручений. Помню, раз мы чересчур увлеклись иностранными терминами, и надзиратель за спиной Владимира Ильича сказал строго:

— На иностранных языках говорить нельзя, только на русском.

— Нельзя, — сказал с живостью, обертываясь к нему, брат, — ну, так я по-русски говорить буду. Итак, скажи ты этому золотому человеку... — продолжал он разговор со мной.

Я со смехом кивнула головой: «золотой человек» должно было обозначать Гольдмана, т. е. не велели иностранных слов употреблять, так Володя немецкое по-русски перевел, чтобы нельзя было понять, кого он называет.

Одним словом, Владимир Ильич и в тюрьме проявлял свою всегдашнюю кипучую энергию. Он сумел устроить свою жизнь так, что весь день был наполнен. Главным образом, конечно, научной работой. Обширный материал для «Развития капитализма» был собран в тюрьме. Владимир Ильич спешил с этим. Раз, когда к концу сидения я сообщила ему, что дело, по слухам, скоро оканчивается, он воскликнул: «Рано, я не успел еще материал весь собрать».

Но и этой большой работы было ему мало. Ему хотелось принимать участие в нелегальной, революционной жизни, которая забила тогда ключом. Этим летом (1896 года) происходили крупные стачки текстильщиков в Петербурге, перекинувшиеся затем в Москву, стачки, произведшие эпоху в революционном движении пролетариата. Известно, какой переполох создали эти стачки в правительственных кругах, как царь боялся вследствие них вернуться в Питер с юга. В городе все кипело и бурлило. Было чрезвычайно бодрое и подъемное настроение. Год

коронации Николая II с его знаменитой Ходынской¹ отмечен первым пробным выступлением рабочих двух главных центров, как бы первым, зловещим для царизма маршем рабочих ног, еще не политическим, правда, но уже тесно сплоченным и массовым. Более молодым товарищам трудно оценить и представить себе все это теперь, но для нас, после тяжелого гнета 80-х годов, при кротообразном существовании и разговорах по каморкам, стачка эта была громадным событием. Перед нами как бы «распахнулись затворы темницы глухой в даль и блеск лучезарного дня», как бы выступил сквозь дымку грядущего облик того рабочего движения, которым могла и должна была победить революция. И социал-демократия из книжной теории, из далекой утопии каких-то марксистов-буквоедов приобрела плоть и кровь, выступила как жизненная сила и для пролетариата и для других слоев общества. Какое-то окно открылось в душном и спертом каземате российского самодержавия, и все мы с жадностью вдыхали свежий воздух и чувствовали себя бодрыми и энергичными, как никогда.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса», как был назван уже после ареста Владимира Ильича основанный им союз, становился все более и более популярным. Предприятия одно за другим обращались к нему с просьбой выпустить и для них листовки. Посылались и жалобы: «Почему нас союз забыл?» Требовались и листовки общего характера, прежде всего первомайские. Товарищи на воле жалели, что их не может писать Владимир Ильич. И ему самому хотелось писать их. Кроме того, у него уже были намечены темы для брошюр, как «О стачках».

Он был занят вопросом программы. И вот он стал пробовать писать в тюрьме и нелегальные вещи. Передавать их шифром было, конечно, невозможно. Надо было применить способ незаметного, проявляемого уже на воле письма. И, вспомнив одну детскую игру, Владимир Ильич стал писать молоком между строк книги, что должно было проявлять нагреванием на лампе. Он изготовлял себе для этого крошечные чернильницы из черного хлеба, с тем чтобы можно было проглотить их, если слышится шорох у двери, подглядывание в волчок. И он рассказывал смеясь, что один день ему так не повезло, что пришлось проглотить целых шесть чернильниц.

Помню, что Ильич в те годы и перед тюрьмой и после нее любил говорить: «Нет такой хитрости, которой нельзя было бы перехитрить». И в тюрьме он со свойственной ему находчиво-

¹ Имеется в виду катастрофа 18 мая 1896 года на Ходынском поле (Москва) во время массового гулянья по случаю коронации Николая II, когда из-за преступной халатности властей, не обеспечивших порядка, произошла давка, в которой погибло около 2 тысяч человек, несколько десятков тысяч людей получили увечья. *Ред.*

стью упражнялся в этом. Он писал из тюрьмы листовки, написал брошюру «О стачках», которая была забрана при аресте Лахтинской типографии (ее проявляла и переписывала Надежда Константиновна). Затем написал программу партии и довольно подробную «объяснительную записку» к ней, которую переписывала частью я после ареста Надежды Константиновны. Программа эта тоже не увидела света: она была передана мною по окончании А. Н. Потресову и после ареста его была уничтожена кем-то, кому он отдал ее на хранение¹. Кроме работы, ко мне по наследству от Надежды Константиновны перешло конспиративное хранилище нелегалщины — маленький круглый столик, который, по мысли Ильича, был устроен ему одним товарищем-столяром. Нижняя точеная пуговка несколько более, чем обычно, толстой единственной ножки стола отвинчивалась, и в выдолбленное углубление можно было вложить порядочный сверток. Туда к ночи запрятывала я переписанную часть работы, а подлинник — прогретые на лампе странички — тщательно уничтожала. Столик этот оказал немаловажные услуги: на обысках как у Владимира Ильича, так и у Надежды Константиновны он не был открыт; переписанная последнюю часть программы уцелела и была передана мне вместе со столиком матерью Надежды Константиновны. Вид его не внушал подозрений, и только позднее, после частого отвертывания пуговки, нарезки стерлись, и она стала отставать.

Сначала Владимир Ильич тщательно уничтожал черновики листовок и других нелегальных сочинений после переписки их молоком, а затем, пользуясь репутацией научно работающего человека, стал оставлять их в листах статистических и иных выписок, нанизанных его бисерным почерком. Да такую, например, вещь, как подробную объяснительную записку к программе, и нельзя было бы уничтожить в черновом виде: в один день ее нельзя было переписать; и потом Ильич, обдумывая ее, вносил постоянно исправления и дополнения. И вот, раз на свидании он рассказывал мне со свойственным ему юмором, как на очередном обыске в его камере жандармский офицер, перелистав немного изрядную кучу сложенных в углу книг, таблиц и выписок, отделался шуткой: «Слишком жарко сегодня, чтобы статистикой заниматься». Брат говорил мне тогда, что он особенно и не беспокоился: «Не найти бы в такой куче», а потом добавил с хохотом: «Я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи, — меня взять не могут». Он-то сме-

¹ Эта объяснительная записка была также забрана еще в рукописи и долгое время считалась погибшей. Уже после смерти Владимира Ильича был найден один неполный экземпляр ее, напечатанный в ленинском 3-м (26-м) номере «Пролетарской революции» 1924 года. А. Е. (См. «Проект и объяснение программы социал-демократической партии». — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 81—110. *Ред.*)

ялся, но я, конечно, беспокоилась, просила его быть осторожнее и указывала, что если взять его не могут, то наказание, конечно, сильно увеличат, если он попадется; что могут и каторгу дать за такую дерзость, как писание нелегальных вещей в тюрьме.

И поэтому я всегда с тревогой ждала возвращения от него книги с химическим посланием. С особенной нервностью дождалась я возвращения одной книги: помнится, с объяснительной запиской к программе, которая, я знала, вся сплошь была исписана между строк молоком. Я боялась, чтобы при осмотре ее тюремной администрацией не обнаружилось что-нибудь подозрительное, чтобы при долгой задержке буквы не выступили — как бывало иногда, если консистенция молока была слишком густа, — самостоятельно. И, как нарочно, в срок книги мне не были выданы. Все остальные родственники заключенных получили в четверг книги, сданные в тот же день, а мне надзиратель сказал кратко: «Вам нет», в то время как на свидании, с которого я только что вышла, брат заявил, что вернул книги. Эта в первый раз случившаяся задержка заставила меня предположить, что Ильич попался; особенно мрачной показалась и всегда мрачная физиономия надзирателя, выдававшего книги. Конечно, настаивать было нельзя, и я провела мучительные сутки до следующего дня, когда книги, в их числе книга с программой, были вручены мне.

Бывало, что и брат бил тревогу задаром. Зимой 1896 года, после каких-то арестов (чуть ли не после ареста Потресова), я запоздала случайно на свидание, пришла к последней смене, чего обычно не делала; Владимир Ильич решил, что я арестована, и уничтожил какой-то подготовленный им черновик.

Но подобные волнения бывали лишь изредка, по таким исключительным поводам, как новые аресты; вообще же Ильич был паразитально ровен, выдержан и весел на свиданиях и своим заразительным смехом разгонял наше беспокойство.

Все мы — родственники заключенных — не знали, какого приговора ждать. По сравнению с народовольцами социал-демократов наказывали довольно легко. Но последним питерским инцидентом было дело М. И. Бруснева, которое кончилось сурово: 3 года одиночки и 10 лет ссылки в Восточную Сибирь — так гласил приговор главе дела.

Мы очень боялись долгого тюремного сидения, которого не вынесли бы многие, которое во всяком случае сильно подорвало бы здоровье брата. Уже и так к году сидения Запорожец заболел сильным нервным расстройством, оказавшимся затем неизлечимой душевной болезнью; Ванеев худел и кашлял (умер в ссылке, через год после освобождения, от туберкулеза¹); Кржижановский и остальные тоже более или менее первичали.

¹ Похороны А. А. Ванеева состоялись 10(22) сентября 1899 года. В. И. Ленин произнес речь на его могиле. *Ред.*

Поэтому приговор к ссылке па три года в Восточную Сибирь был встречен всеми прямо-таки с облегчением.

Он был объявлен в феврале 1897 года. В результате хлопот матери Владимиру Ильичу разрешено было поехать в Сибирь на свой счет, а не по этапу. Это было существенным облегчением, так как кочевка по промежуточным тюрьмам брала много сил и нервов.

Помню, как в день освобождения брата в пашу с матерью комнату прибежала и расцеловала его, смеясь и плача одновременно, т. Якубова.

И очень ясно запомнилось выразительно просиявшее бледное и худое лицо его, когда он в первый раз забрался на империал конки и кивнул мне оттуда головой.

Он мог развезжать в конке по питерским улицам, мог повидаться с товарищами, потому что всем освобожденным «декабристам» разрешено было пробить до отправки три дня в Петербурге, в семьях. Этой небывалой льготы добилась сначала для своего сына мать Ю. О. Цедербаума (Мартова), через какое-то знакомство с директором департамента полиции Зволянским; а затем, раз прецедент создан, глава полиции не считал возможным отказывать другим. В результате все повидались, снялись группой (известный снимок), устроили два вечерних, долго затянувшихся собрания: первое — у Радченко Степана Ивановича и второе — у Цедербаума. Говорили, что полиция спохватилась уже после времени, что дала маху, пустив гулять по Питеру этих социал-демократов, что совсем не такой мирный они народ; рассказывали также, что Зволянскому был нагоняй за это. Как бы то ни было, после этого случая таких льгот «скопом» уже не давалось; если и оставлялись иногда до высылки, то или люди заведомо большие, или по особой уже протекции. Собрания были встречами «старых» и «молодых». Велись дебаты о тактике. Особенно таким чисто политическим собранием было первое — у Радченко. Второе — у Цедербаума — было более нервное и сутолочное. На первом собрании разгорелась дискуссия между «декабристами» и позднейшими сторонниками «Рабочей мысли».

Владимиру Ильичу было разрешено провести три дня и в Москве, в семье. Повидавшись с товарищами, он решил было заарестоваться в Москве и ехать дальше с ними вместе. Тогда была только что окончена магистраль до Красноярска, и этап представлялся уже не таким тягостным, как раньше: только две тюрьмы — в Москве и Красноярске. И Владимиру Ильичу не хотелось пользоваться льготой по сравнению с товарищами. Помню, что это очень огорчило мать, для которой разрешение Володе ехать на свой счет было самым большим утешением. После того как ей доказывали, насколько важно добиться поездки на свой счет, после того как ей передавали слова кого-то

из старых ссыльных: «Ссылку мог бы повторить, этап — никогда», Владимир Ильич решает отказаться от полученной с трудом льготы и добровольно пойти опять в тюрьму.

Но дело обошлось. «Декабристы», заарестованные в Питере, не прибыли еще к окончанию трех льготных дней в Москву, а между тем засуетившаяся московская охранка поставила вызванного к себе Владимира Ильича перед ультиматумом: или получение проходного свидетельства на завтра или немедленное заарестовывание. Перспектива идти в тюрьму тотчас же, даже не простившись с домашними, и ждать там неопределенное время приезда «своих», — эта конкретная русская действительность, да еще в ее менее причесанной, чем в Питере, в ее московской форме, в этом отпечатке «вотчины» князя Сергея, навалилась на него, на его стремление идти вместе с товарищами. Естественный протест здравого ума против такой бесплодной растраты сил для того, чтобы не отличаться от товарищей, всегда присущее ему сознание необходимости беречь силы для действительной борьбы, а не для проявления рыцарских чувств, одержало верх, и Ильич решил выехать на следующий день. Мы четверо — мать, сестра Мария Ильинична и я с мужем, Марком Тимофеевичем, поехали провожать его до Тулы.

Владимир Ильич пошел в ссылку вождем, признанным многими. Первый съезд партии 1898 года наметил его редактором партийного органа и ему поручил написать программу партии. И наше социал-демократическое движение сделало за эти годы первый, а потому и самый трудный шаг к партийности, к широкой массовой борьбе. Почти все руководители были арестованы, участники I съезда были сметены почти целиком, но основы были заложены. Первый, начальный этап движения был пройден.

VII. ССЫЛКА

Ссылка протекла для Владимира Ильича также в сравнительно благоприятных условиях. По ходатайству матери ему было разрешено, вследствие слабости здоровья, отбывать ее в самой здоровой местности Сибири, в Минусинском уезде. Пунктом ссылки было назначено ему село Шушенское, или, как оно называлось тогда кратко, Шуша. С ним вместе было два или три рабочих-поляка¹. Товарищи по делу были разосланы по другим селам. В худшие условия попал — очевидно как еврей — Ю. О. Цедербаум (позднее Мартов). Он был сослан в самый северный пункт, в Туруханск, отделенный непроходимыми топями и болотами, и был на все время ссылки отрезан от това-

¹ В Шушенском отбывали ссылку участник польского социал-демократического движения И. Л. Проминский с семьей и путиловский рабочий финн О. А. Энгберг. Подробнее о них см. в воспоминаниях Н. К. Крупской, с. 228—231. *Ред.*

рищей. Другие же имели возможность встречаться, съезжаться друг к другу на празднования, вроде свадьбы, встречи Нового года и т. п., получать разрешение проехать в Красноярск для лечения, — так, брат ездил туда для лечения зубов. С Мартовым же сношения поддерживались только перепиской, но переписка с ним была зато у Владимира Ильича самой деятельной.

Время Владимира Ильича проходило очень однообразно, за усиленной и напряженной работой. Он за время ссылки написал «Развитие капитализма» (вышла в марте 1899 года) и ряд статей, помещавшихся частью в тогдашнем легальном марксистском журнале «Новое слово» и собранных затем в одну книжечку под заглавием «Экономические этюды и статьи»¹.

Приучивши себя работать регулярно, он не допускал больших перерывов в занятиях даже тогда, когда они обычно считаются неизбежными, например в дороге или в неопределенном, выжидательном положении. Так, он не только в течение того месяца, который провел в Красноярске в ожидании назначения, отправлялся ежедневно заниматься в библиотеку купца Юдина, версты за три от города, но даже те три дня, на которые ему разрешено было остановиться в родной семье, в Москве, ухитрился использовать частично для занятий в Румянцевской библиотеке². Этим он поверг в полное недоумение одного молодого студента, Яковлева, с детства знакомого с нашей семьей, который забежал повидать его перед отъездом в трехлетнюю ссылку. Отдыхом служили для него прогулки по окрестным лесам, охота за зайцами и дичью, которыми они в те годы изобиловали.

В одном из своих писем из ссылки Владимир Ильич описывает то село, «Шу-шу-шу», — как он его шутливо называет, — в которое он был назначен.

«Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1—1½ от села (точнее, от меня: село длинное) Шушь впадает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков, так что к главному руслу Енисея подхода нет.купаюсь я в самом большом протоке, который теперь тоже сильно мелеет. С другой стороны (противоположной реке Шушь) верстах в 1½ — «бор», как торжественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повырубленный

¹ Первый сборник произведений В. И. Ленина под названием «Экономические этюды и статьи» за подписью «Владимир Ильин» вышел в октябре 1898 года в Петербурге. *Ред.*

² Ныне Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина. *Ред.*

лесишко, в котором нет даже настоящей тени (зато много клубники!) и который не имеет ничего общего с сибирской тайгой, о которой я пока только слыхал, но не бывал в ней (она отсюда не менее 30—40 верст). Горы... насчет этих гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат *верстах в 50*, так что на них можно только глядеть, когда облака не закрывают их... точь-в-точь как из Женевы можно глядеть на Монблан. Поэтому и первый (и последний) стих моего стихотворения¹ содержит в себе некую поэтическую гиперболу (есть ведь такая фигура у поэтов!) насчет «подножия»... Поэтому на твой вопрос: «на какие я горы взбирался» — могу ответить лишь: на песчаные холмики, которые есть в так называемом «бору» — вообще здесь песку достаточно»².

Дешевизна в то время в Сибири была большая. Так, первый год ссылки Владимир Ильич за свое пособие, полагавшеесясылным, — 8 рублей в месяц — имел комнату и полное содержание в крестьянской семье.

Через год к нему приехала вместе с матерью его невеста — Надежда Константиновна Крупская³; Владимир Ильич переселился в квартиру побольше и стал жить по-семейному. Надежде Константиновне была назначена местом ссылки Уфа, но была разрешена по ее просьбе замена селом Шушенским, куда назначен был Владимир Ильич. Вместе с Надеждой Константиновной переводил Владимир Ильич, в целях заработка, книгу супругов Вебб о тред-юнионизме, с английского.

Переписка с Ильичем шла у меня в те годы все время самая деятельная. В обыкновенных письмах он запрашивал книги, давал поручения, писал о своих литературных работах, о своей жизни, о товарищах; в химических я ему писала о ходе революционной борьбы и работы в России, а он посылал свои статьи для отправки их в питерский «Союз борьбы» или за границу — группе «Освобождение труда» для издания. Так была переправлена им брошюра «Задачи социал-демократов в России»⁴, появившаяся за границей с предисловием П. Б. Аксельрода, и ответ на записку тогдашних «экономистов», составленную Кусковой и Прокоповичем и получившую название «Кредо». Вследствие этого ответ известен под именем «Антикредо». С большим жаром выступил в нем Владимир Ильич против этого самого откровенного в то время изложения тех взглядов, что рабочие

¹ В письме из Красноярска, где Владимир Ильич сообщал о состоявшемся для него назначении в село Шушенское, он писал шутя, что начал уже сочинять стихотворение, первая строка которого гласит: «В Шуше, у подножия Саяна». А. Е. (См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 35. *Ред.*)

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 47—48. *Ред.*

³ Н. К. Крупская с матерью Елизаветой Васильевной приехала в село Шушенское 7(19) мая 1898 года. *Ред.*

⁴ См. настоящий том, с. 43, примечание 1. *Ред.*

должны довольствоваться экономической борьбой, предоставив политическую либералам. Изложение это было сделано, правда, не борющимся отрядом социал-демократов, но людьми, имевшими в то время авторитет среди молодежи. И кроме того, наиболее выпукло выраженные взгляды давали возможность подчеркнуть более решительно, к чему ведут уклоны в экономизм. Протест этот был зачитан при одной из упомянутых встреч социал-демократов, съехавшихся из разных сел, принят тогда же и отослан как «Ответ 17-ти социал-демократов», — заглавие, под которым он известен в партийной литературе.

В противоположность большинству ссыльных, Владимир Ильич не рвался в более оживленный центр, не стремился к перемене места. На предложение матери похлопотать о его переводе в город (через год или полтора) он писал, что не стоит, что временные наезды в Минусинск или Красноярск, по его мнению, лучше, чем постоянная жизнь там. Очевидно, потому, что жизнь в тихом селе и на одном месте давала больше простора и удобств для занятий, ничто не отвлекало от них, как в более людных колониях, где, кроме того, вынужденное безделье порождало те склоки, которые были самой тягостной стороной ссылки. По поводу одной такой склоки, вызвавшей самоубийство Н. Е. Федосеева в Верхоленске, Владимир Ильич писал мне: «Нет, не желай мне лучше товарищей из интеллигентов: эти склочные истории — самое худшее в ссылке»¹.

Но иногда Владимир Ильич охотно ездил повидаться с товарищами в другое село, верст за 50, за 100 или встречался с ними в Шуше. Такие поездки разрешались тогда для встречи Нового года, празднования свадьбы или именин. При этих съездах на 3—4 дня время проводилось, как писал Ильич, «очень весело»: гуляли, отправлялись на дальние охоты и на купанье летом; катались на коньках и играли в шахматы зимою. Беседовали на разные темы, читали отдельные главы из книги Владимира Ильича или обсуждали различные новые направления в литературе или политике. Так, для осуждения упомянутого «Кредо» товарищи съехались под предлогом празднования рождения дочери Лепешинского². Охотно также ездил Владимир Ильич два или три раза за время ссылки в Минусинск и Красноярск под предлогом лечения.

Кроме компании ссыльных, в которой Владимир Ильич откровенно излагал свои взгляды, которым охотно помогал в смысле их развития, указания им литературы, он интересовался и жизнью местных крестьян, из которых некоторые помнят его и до сих пор и послали свои воспоминания о нем. Но с ними он был, понятно, сдержан в разговорах. Тогдашнее крестьянство и российское, не говоря уже о более отдаленном, сибирском, было политически совсем неразвито. Кроме того, в его положе-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 71, 98. *Ред.*

² О. П. Лепешинской. *Ред.*

нии ссыльного, поднадзорного, было бы не только нецелесообразно, но прямо дико вести пропаганду.

Но Владимир Ильич охотно разговаривал с крестьянами, что давало ему возможность изучать их, выяснять себе их мировоззрение; он давал им и советы во всем, что касалось их местных дел, главным образом юридические. За этими последними крестьяне стали приходить к нему и из округи, их накоплялось иногда довольно много. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях крестьяне, а также и Надежда Константиновна. И незаметно на почве этих разговоров, на почве бесед на охоте, Владимир Ильич почерпал и из этого пребывания в деревне, как раньше из пребывания в приволжских деревнях, то знание крестьянства, его психологии, которое сослужило ему такую большую службу как во время его революционной работы, так и позднее, у кормила правления¹.

Он умел во время беспритязательной болтовни развязывать языки своим собеседникам, и они выкладывали ему себя как на ладонке.

Таким образом, из ссылки Владимир Ильич поехал не только революционером, имевшим опыт и определенно выкристаллизовавшуюся индивидуальность, которая была уже авторитетом в подполье; не только человеком, выпустившим научный труд, но и укрепившим, в результате трехлетней жизни в самой деревенской гуще, свое знание крестьянства — этого основного слоя населения России.

На этом заканчивается первая часть биографии Владимира Ильича, до его возвращения из ссылки, до того времени, когда — в возрасте 30 лет — он взялся снова вплотную за революционную работу, но уже в несравненно более широком масштабе; за ту работу, которая сплотила революционный российский пролетариат и привела его к победе.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЛЬИЧА ИЗ ССЫЛКИ И ИДЕЯ «ИСКРЫ»

Это было в феврале 1900 года. Мы все, а особенно покойная мать, ожидали этого месяца, как праздника: ведь оканчивался срок ссылки брата, Владимира Ильича, и он должен был вернуться из Сибири. Мы не видали его три года, и, конечно, с нетерпением поджидали его возвращения. Срок оканчивался, собственно, в одно из последних чисел января, в день подписания распоряжения о высылке, но предстояла еще не близкая дорога, сперва на лошадях из села Шушенского через Минусинск.

¹ А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (М., «Новая Москва», 1926, с. 60—61) пишет: «Несмотря на самую большую и самую отвлеченную научную работу и наряду с ней Владимир Ильич никогда не отрывался от жизни, ее непосредственного пульса, а умел как будто бы за болтовней почерпнуть знания практические. В этом кроме его выдающихся способностей и прозорливости была его сила». *Ред.*

синск в Красноярск¹, — верст 350; потом по железной дороге. А кроме того, не вполне было спокойно на сердце, подлинно ли окончилась ссылка, не вышло бы какой-нибудь зацепки. Ведь мы жили тогда под самодержавием, и это была административная ссылка, т. е. полный произвол власти. Какое-нибудь столкновение с начальством, какая-нибудь мелкая месть местного сатрапа, и срок ссылки мог быть продлеп.

И хотя, главным образом, такая судьба постигала за какие-нибудь провинности в месте ссылки, но бывали случаи, что она диктовалась и соображениями из центра, например усилением революционного движения, при котором нежелательным считалось возвращать из глухих углов влиятельных революционеров.

Поэтому Владимир Ильич, хотя жил он скромно и явным образом, по крайней мере, запретов не преступал, был непокоен относительно своей участи и, чем ближе подходил срок, тем более нервничал.

«Вьеду такого-то, если не надбавят срока», — писал он нам².

Это опасение не сбылось, Владимир Ильич мог выехать, как предполагал, и мы по письмам или телеграмме (теперь не помню) знали день и час его приезда и ждали его³.

Меньший брат, Дмитрий Ильич, проживал тогда по первому своему делу поднадзорным в Подольске, Московской губернии. Он сел в сибирский поезд при остановке его в Подольске и приехал вместе с Владимиром Ильичем в Москву.

Мы жили в то время на окраине Москвы у Камер-Коллежского вала, по Бахметьевской улице. Увидав подъехавшего извозчика, мы выбежали все на лестницу встречать Владимира Ильича. Первым раздалось горестное восклицание матери:

— Как же ты писал, что поправился? Какой ты худой!

— Я действительно поправился. Я только за последнее время, перед отъездом, сдал.

Надежда Константиновна рассказывала потом, что нервность перед окончанием срока, неуверенность в том, что он подлинно пастапет, съела почти всю поправку брата в Сибири⁴.

¹ В. И. Ленин с семьей выехали из Шушенского 29 января (10 февраля) 1900 года. Ехали на лошадях через Минусинск до железнодорожной станции Ачинск. *Ред.*

² Возможность увеличения срока ссылки серьезно тревожила Владимира Ильича. Свои опасения на этот счет он высказывал также в письме А. Н. Потресову от 27 июня (9 июля) 1899 года: «Мой срок кончается 29.I.1900. Только бы не прибавили срока — величайшее несчастье, постигающее передко ссылных в Восточной Сибири. Мечтаю о Пскове» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 46, с. 32). *Ред.*

³ О своем выезде В. И. Ленин послал телеграмму на имя матери М. А. Ульяновой. Телеграмма до настоящего времени не разыскана. *Ред.*

⁴ Н. К. Крупская писала об этом из Уфы М. И. Ульяновой 30 марта (12 апреля) 1900 года: «...похудел Володя очень, это за последнее время его так подтянуло, а то он выглядел очень хорошо... Последнее время он хронически недосыпал, волновался перед отъездом, да и морозы стояли

— А Юлий приехал? Было письмо? Телеграмма? — забросал нас Володя вопросами тотчас после первых приветствий, едва вошел, разоблачившись, в нашу столовую.

Юлий Цедербаум, известный по более позднему псевдониму Мартова, был сослан по одному с Владимиром Ильичем делу в Туруханск и оканчивал свой срок одновременно с ним. Как еврей, ему был назначен самый отдаленный и скверный угол Енисейской губернии.

Наш ответ, что мы никаких вестей от Юлия не имели и ничего о нем не знаем, взволновал Владимира Ильича.

— Как же? Ведь мы с ним условились. Что бы это могло значить? — говорил он, бегая по комнате. — Надо послать ему телеграмму. Митя, я попрошу тебя отнести.

И он тотчас занялся составлением телеграммы и командированием брата, к некоторому разочарованию как этого последнего, так и нас всех, желавших, естественно, в эти первые минуты приезда иметь Владимира Ильича всецело для себя.

Меня это удивило, кроме того, потому, что я знала по периоду до ссылки, что с Мартовым, вступившим позже в кружок, Володя был гораздо менее близок, чем с другими его членами — с Кржижановским, Старковым; знала, что с этими последними он жил в ссылке по соседству (верстах в 50) и встречался довольно часто. При этих условиях близость обычно лишь увеличивается. Между тем о них Владимир Ильич рассказывал мало, в общих, спокойных тонах; вести же о Мартове ждал с самым горячим нетерпением.

Последующие беседы разъяснили мне это. Он считал Цедербаума своим ближайшим товарищем для дальнейшей работы, главным образом для общерусской газеты. Он восхищался революционным темпераментом Юлия и очень волновался, пока не получал известия, что тот благополучно выехал из Туруханска. Он напевал нам сложенную Цедербаумом в ссылке песенку:

То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралася пурга.
В стене ветра ухо различает
Хохот торжествующий врага.
Смело, братья, смело, и над долей злой
Песней насмеемся удалой.

Там, в России, люди очень пылки,
Там под стать геройский им наряд,
Но со многих годы дальней ссылки
Быстро позолоту соскоблят.
И порывы эти все сведет на поль
Сдобренный махоркой алкоголь.
И т. д.

сильные очень, так что не гулял совсем. Как поехали, так Володя повеселел сразу и есть и спать стал по-человечески» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 55, с. 416). *Ред.*

Пел Ильич, и сестра подбирала за ним на фортепьяно также польские революционные песни, которым он научился от ссыльных рабочих поляков, отчасти по-польски, отчасти в русском переводе их, сделанном Кржижановским.

Таковы были: «Беснуйтесь тираны», «Вихри враждебные», «Червоны штандар». Ясно помню Володю, как он рассказывал из угла в угол по нашей маленькой столовой и пел с увлечением:

А колёр штандара червоны,
Бо на ним работников крив.

Он восхищался революционными песнями польских рабочих и указывал на необходимость создать таковые для России.

В те годы людям, возвращающимся из ссылки, было исключено для жительства около 60 пунктов России: кроме столиц и университетских городов — те промышленные пункты, которые были захвачены рабочим движением, а таковыми к 1900 году были более или менее все. Оставалось выбирать среди очень немногих городов. Владимир Ильич выбрал еще в Сибири Псков, как более близкий к Петербургу, и согласился относительно этого местожительства с Цедербаумом и Потресовым (сосланным в Вятскую губернию). С ними обоими предполагал он издавать общерусскую газету. Цедербаум проехал в Псков из Петербурга, где виделся с родными, а Потресов заезжал к нам в Москву, но уже после отъезда Владимира Ильича.

Я не помню, сколько дней пробыл у нас брат. За это время приезжал повидаться с ним из Екатеринослава его старый сармарский знакомый, И. Х. Лалаянц, который был в то время членом комитета социал-демократической партии и редакции газеты «Южный рабочий». Он пробыл у нас дня три. У него были с братом деловые разговоры.

Позднее Владимир Ильич рассказывал мне, что они касались главным образом созыва II съезда партии, который предполагался тогда еще в России. Повальные аресты на юге в апреле 1900 года — и Лалаянца в том числе — убедили окончательно Владимира Ильича в невозможности созывать съезд в России. Он говорил мне об этом в июне, перед отъездом за границу, когда развивал подробный план общерусской газеты, организация которой протягивала бы шупальца во все концы России, объединяя вокруг основных принципов все разбросанные по нашей необъятной стране комитеты и кружки.

«Если только подготовки к съезду вызывают такие провалы, — говорил он, — разрушают чуть не до корня организацию, ведут к аресту наиболее ценных работников, следовательно, в самодержавной России съезды являются непозволительной роскошью. Нужны другие способы объединения партии. И вот, таким способом может явиться общерусская газета, издаваемая за

границей, вокруг которой, как вокруг лесов, поставленных на воздвигающемся здании, будет строиться партия».

Из этой идеи возникла «Искра» с ее эпитафией «Из искры возгорится пламя», и она выполнила, действительно, задачу объединения партии и разожгла пожар революции.

ТРЕТИЙ АРЕСТ ИЛЬИЧА. ПОЕЗДКА В УФУ И ОТЪЕЗД ЗА ГРАНИЦУ

Не успели мы порадоваться возвращению Ильича из Сибири, быстро умчался он, проведя несколько дней у нас, в Москве, в Псков, — как в мае вновь тревожная весть: арестован в Петербурге. Помню, как сильно поразила она нас, особенно, конечно, мать, которая была прямо-таки в отчаянии, несмотря на неоднократно проявленную твердость характера. Но мать была уже измучена арестами: за время ссылки Владимира Ильича был арестован молодой брат, Дмитрий, студент V курса, и просидел 9 месяцев по нудному, никак не выходившему у его творцов, делу. Фактов не было, из простого кружка самообразования ничего криминального не получалось, а его занятия с рабочими на заводе Гужона не были раскрыты. Брат плохо выносил московские условия сидения, и мать под конец совсем расхворалась. А незадолго до возвращения Владимира Ильича из ссылки была арестована сестра, Мария Ильинична, уже вне всякого наимневиннейшего «сообщества», были прерваны ее занятия в Брюссельском университете, и она была выслана в Нижний. И мать ездила то в Тулу к Дмитрию, то в Нижний к Мане. Только удалось добиться возвращения последней домой и водворения Мити в Подольск, Московской губернии, куда мы собирались на летние месяцы, как новая беда, грозившая быть много худшей: Володя, уже показавший себя серьезным революционером, за родство с которым брали и меньших, оказался вновь арестованным в Петербурге, куда он не имел права являться, арестован уже с заграничным паспортом.

Значит, не попасть ему за границу! Ну, конечно, если даже у Мани отобрали заграничный паспорт и не позволили ехать учение продолжать, то его-то уж, конечно, не пустят.

А мы так желали для него заграницы, мы видели, что в России с его революционным темпераментом ему несдобровать. Да и это ли только?.. Опять какое-нибудь большое дело... Мы были в полном неведении, за что, при каких обстоятельствах он арестован, и не могли, конечно, принимать всерьез успокоительных строк его письма через жандармов. Помнится, что он сам таким письмом известил нас. Знали мы по горькому опыту, во что разрастаются эти две недели, месяц, которыми успокаивают обычно родных первое время после ареста. Но на этот раз дело

вышло неожиданно совсем наоборот. Володя был через 2—3 недели освобожден и приехал к нам в Подольск и даже с заграничным паспортом в кармане¹. Оказалось, улик не было найдено: Владимир Ильич и Цедербаум, арестованные вместе, были признаны виновными лишь в неразрешенной поездке в Петербург.

Брат рассказывал нам, как все вышло. Они поехали вдвоем с корзиной литературы в Питер и доехали бы, может быть, благополучно, если бы не переконспирировали. А именно, они решили, для того чтобы замести следы, пересесть по пути на другую железнодорожную линию, но упустили из виду, что пересели на дорогу, идущую через Царское Село, где жил царь, и слежка была поэтому много строже. В охране над ними подтрунили за эту конспирацию. Но все же сразу их не арестовали. Корзину удалось сбить по приезде, и навестить кое-кого они успели, не приведя хвостов. На ночлег они устроились где-то в Казачьем переулке у Екатерины Васильевны Малченко, матери их товарища², инженера, сосланного по общему делу в Архангельск. Но только что вышли они утром, как были схвачены на улице шпиками. Владимир Ильич рассказывал: прямо за оба локтя ухватили, так что не было никакой возможности выбросить что-либо из кармана. И на извозчике двое весь путь за оба локтя держали. Так же был схвачен и повезен на другом извозчике Цедербаум.

Владимир Ильич беспокоился главным образом за химическое письмо Плеханову, написанное на почтовом листке с каким-то счетом. В этом письме сообщалось о плане общерусской газеты, и оно выдало бы его с головой. И все три недели он не знал, проявлено ли письмо. Всего больше беспокоило его, что химические чернила иногда со временем выступают самостоятельно. Но оказалось с этой стороны благополучно: на листок не обратили внимания, и он был в этом же виде возвращен брату. Владимир Ильич приехал к нам в Подольск сияющий. Заграница для них обоих, а следовательно, и план общерусской газеты, не отпала.

Мы переехали тогда с ранней весны в Подольск, где сняли вместо дачи квартиру в доме Кедровой, в конце города, на берегу реки Пахры. Володя пробыл у нас с неделю, если не больше³, принимая участие в наших прогулках пешком и на лодке по живописным окрестностям Подольска, играл с увлечением в крокет на дворе. Приезжал к нему туда Лепешинский, приезжали Шестернин с женою Софьей Павловной. Последние ноче-

¹ В. И. Ленин был в заключении с 21 по 31 мая (с 3 по 13 июня) 1900 года. *Ред.*

² Имеется в виду А. Л. Малченко. *Ред.*

³ В. И. Ленин жил у своих родных в Подольске с 1 по 7 (с 14 по 20) июня 1900 года. *Ред.*

вали у нас, и я помню, как горячо обрушился Володя на позицию защищаемой ими заграничной группы «Рабочее дело». Приезжал и еще кто-то. Со всеми Владимир Ильич договаривался насчет шифра, убеждал в необходимости правильного корреспондирования в намечавшуюся общерусскую газету, о которой он говорил лишь с наиболее близкими.

До отъезда за границу у Володи было еще желание: съездить в Уфу, повидаться с женой, Надеждой Константиновной, которая должна была отбывать еще до марта 1901 года срок гласного надзора¹.

Похлопотать об этой льготе поехала в Петербург мать. К удивлению нашему, и это удалось. Мать сказала в департаменте полиции, что поедет вместе с сыном. И вот, мы втроем выехали по железной дороге в Нижний, с тем, чтобы продолжать путь на пароходе.

Путешествие это я хорошо запомнила. Был июнь месяц, река была в разливе, и ехать на пароходе по Волге, потом по Каме и, наконец, по Белой было дивно хорошо. Мы проводили все дни на палубе. Володя был в самом жизнерадостном настроении, с наслаждением вдыхая чудный воздух с реки и окрестных лесов. Помню наши с ним подолгу в ночь затягивавшиеся беседы на пустынной верхней палубе маленького парохода, двигавшегося по Каме и по Белой. Мать спускалась утомленная в каюту. Редкие пассажиры исчезали еще раньше. Палуба оставалась лишь для нас двоих, и вести конспиративные разговоры среди затихшей реки и сонных берегов было очень удобно. Владимир Ильич подробно, с увлечением развивал мне свой план общерусской газеты, долженствовавшей сыграть роль лесов для построения партии. Он указывал, как постоянные провалы делают совершенно невозможными съезды в России. Как раз в апреле того года огромные провалы на всем Юге вырвали чуть ли не с корнем несколько организаций, между прочим редакцию «Южного рабочего» в Екатеринославе. Там был арестован и самарский приятель Владимира Ильича И. Х. Лалаянц, приезжавший к нему как раз для переговоров о подготовляющемся II съезде партии еще в феврале, когда брат по пути в Псков остановился на несколько дней у нас в Москве.

«Если одни приготовления к съезду влекут за собой такие крахи, такие жертвы, то безумно организовать его в России;

¹ 20 апреля (3 мая) 1900 года В. И. Ленин написал прошение директору департамента полиции, в котором просил, в связи с болезнью жены, разрешить ему поездку к ней в Уфу сроком на полтора месяца. В этой просьбе Владимиру Ильичу было отказано. Позднее разрешение было получено по ходатайству М. А. Ульяновой.

13(26) мая 1900 года департамент полиции в отношении на имя псковского губернатора уведомлял, что Владимиру Ильичу Ульянову, проживающему в Пскове, Архангельская ул., д. Чернова, разрешено приехать в Уфу на полтора месяца (см. журнал «Красный архив», 1934, № 1 (62), с. 134). *Ред.*

только орган, выходящий за границей, сможет длительно бороться против таких направлений, как «экономизм», сможет сплотить партию вокруг правильно понятых идей социал-демократии. Иначе, если бы даже съезд и собрался, все распалось бы опять после него, как после I съезда».

Я не могу, конечно, восстановить через столько лет наши беседы, но общее содержание глубоко залегло в моей памяти. Много говорили о позиции группы «Освобождение труда» и «Рабочего дела» и коллизии между ними. Владимир Ильич был горячим рыцарем первой и Г. В. Плеханова, защищая последнего от всех нападок в нетоварищеском, высокомерном отношении, а всю группу — в инертности. Я указывала ему, как и Шестернин и другие практические работники, что нам нельзя порывать связи с «Рабочим делом», потому что лишь оно одно дает нам популярную литературу, печатает наши корреспонденции, исполняет заказы. Так, Московский комитет послал ему первомайский листок 1900 года для отпечатания, от группы же «Освобождение труда» нет ни шерсти, ни молока, даже на письма ответа не дожидаться. Владимир Ильич говорил, что, конечно, они люди старые, больные, чтобы выполнять практическую работу, в этом молодые должны помогать им, но не обособляясь в особую группу, а признавая целиком их вполне правильное и выдержанное теоретическое руководство. Владимир Ильич именно так и мыслил свою с товарищами работу за границей.

Говорили мы с ним о «Кредо» и «Антикредо», о Бернштейне и Каутском, обо всех жгучих в то время вопросах. Володя был в подъемном настроении, особенно увлекателен, и это совместное с ним путешествие осталось одним из лучших моих воспоминаний.

В Уфе Владимир Ильич виделся с местными товарищами. Помню из них Крохмалю, с которым он уславливался в шифре; знаю, что из некоторых уездов приезжали ссыльные повидаться с ним. Мы с матерью уехали через 3 дня; он же оставался дольше¹ и назад поехал по железной дороге, причем делал остановку в Самаре. Везде он договаривался о корреспонденциях, о шифре. По возвращении в Подольск собрался скоро за границу. Недели через две после него выехала туда же и я.

Впервые напечатано в кн.: Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. М., «Новая Москва», 1926, 62 с.

Печатается по кн.: Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. Сборник статей с предисловием М. И. Ульяновой. М., Партиздат, 1934, с. 13—103, сверенной с рукописью

¹ В. И. Ленин приехал в Уфу 15(28) июня 1900 года и пробыл там около трех недель. *Ред.*

ИЗ СТАТЬИ
«ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ТЮРЬМЕ
(Декабрь 1895 года — февраль 1897 года)»¹

Владимир Ильич был арестован 9 декабря ст. ст. 1895 года. Месяца за полтора до этого я с матерью была у него в Петербурге. Он жил тогда в Б. Казачьем пер.— вблизи Сенного рынка — и числился помощником присяжного поверенного. Несколько раз брат и выступал, но, кажется, только по уголовным делам, по назначению суда, т. е. бесплатно, причем облакался во фрак покойного отца. В это время круг его знакомых был уже довольно широк; он много бегал и суетился. У него на квартире я познакомилась с Василием Андреевичем Шелгуновым, тогда еще зрячим...

Владимир Ильич предупреждал меня тогда о возможном аресте, о том, чтобы не пускать мать для хлопот о нем в Питер.

Он знал, как и все мы, что тяжелое для всех матерей хождение по мытарствам при аресте сына для нее еще во много раз тяжелее, так как заставит ее вновь переживать все, что она перечувствовала в питерской охранке и департаменте полиции при хлопотах о брате Александре Ильиче. По этой причине я приезжала после ареста Владимира Ильича в Питер одна, а потом с лета 1896 года жила вместе с матерью и ходила большей частью сама, иногда с ее прошениями, в эти присутственные места, связанные для нее с такими тяжелыми воспоминаниями.

И действительно, около половины декабря мы получили сообщение о его аресте (от Чеботаревых, у которых он столовался)...

(Далее А. И. Ульянова-Елизарова рассказывает, что В. И. Ленин через Н. К. Крупскую просил родных достать чемодан, похожий на тот, который он привез из-за границы, так как на допросе сообщил, что оставил его у родных в Москве. См. настоящий том, стр. 45. Ред.)

¹ Статья дана в извлечениях, дополняющих воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой о пребывании В. И. Ленина в тюрьме, которые печатаются в настоящем томе на с. 45—54. Опущенный текст статьи идентичен тексту указанных воспоминаний. Ред.

Этот чемодан очень беспокоил всех товарищей в первое время после ареста: хотя Ильича и пропустили с ним, но вопрос о нем при аресте или тотчас после него показывал, что внимание на себя чемодан обратил, что, пропустив его на границе — может быть, намеренно, с целью пожать большие плоды, — они потеряли его, очевидно, в Петербурге и разыскивали следы его. Владимир Ильич рассказывал, что на границе чемодан не только повернули вверх дном, но еще и прищелкнули по дну, вследствие чего он решил, что наличие второго дна установлено и он влетел...

(Затем А. И. Ульянова-Елизарова пишет о том, что В. И. Ленин сумел включить в список необходимых ему книг, переданный им из тюрьмы на волю, ряд названий несуществующих книг, запросив таким образом о судьбе своих товарищей. См. настоящий том, стр. 46—47. Ред.)

Мои стремления дополнить этот список привели только к одному результату: к подтверждению указанного мною Михаилом Александровичем Сильвиным, от которого впервые я услышала об этой хитрости брата, и Надеждой Константиновной Крупской, которая получала письма брата. Ничего больше вспомнить они не могли. Но и перечисленные мною «книги» дают достаточное представление о том, каким образом Владимир Ильич перехитрил жандармов и дал товарищам идею о способе передачи. В ответном письме, переписанном рукою А. К. Чеботаревой и отправленном от ее имени, они сообщили со своей стороны о ком-то тем же способом...

Я приехала в Петербург в первой половине января 1896 года, пробыла приблизительно с месяц, получила несколько свиданий с братом, доставила ему большое количество книг (тогда выдавалось без ограничений), выполнила, кроме того, некоторую дозу поручений, которых у Ильича и вообще всегда бывало много, а в тюрьме, понятно, тем больше, подыскала ему «невесту» на время моего отсутствия и уехала. Относительно «невесты» для свиданий и передач помню, что на роль таковой предлагала себя Надежда Константиновна Крупская, но брат категорически восстал против этого, сообщив мне, что «против нейтральной невесты ничего не имеет, но что Надежде Константиновне и другим знакомым показывать на себя не следует».

Через месяц приблизительно я снова приезжала на некоторое время в Питер, а с мая мы вместе с матерью и сестрою Марией Ильиничной приехали туда, с тем чтобы поселиться на даче поблизости, навещать брата и заботиться о нем. Для меня выезд из Москвы на это лето диктовался еще отношением ко мне московской полиции и жандармерии, предложившей мне выехать перед коронацией Николая II из Москвы.

Мы разделили свидания. Мать с сестрой отправлялись на личные, по понедельникам, — в те времена на них давалось по

1/2 часа, — а я по четвергам, на свидания за решеткой, которые мы с братом предпочитали, во-первых, потому, что они были более продолжительны — минимум час (помню одно свидание, длившееся 1 1/2 часа), — а главным образом потому, что на них можно было сказать гораздо больше: надзиратель полагался один на ряд клеток, и говорить можно было свободнее. Мы пользовались с братом псевдонимами, о которых уславливались в зашифрованных письмах, — так, помню, что злополучный чемодан фигурировал у нас под наименованием «лампа». Пользовались, конечно, всюю иностранными словами, которые вплетали в русскую речь. Так, стачка у нас именовалась по-английски: «страйк»; стачечники — «гревисты», с французского, и т. д.

(Далее А. И. Ульянова-Елизарова рассказывает о крупных стачках текстильщиков в Петербурге и Москве и о том подъеме, который они вызвали у революционных социал-демократов. См. настоящий том, стр. 49—50. Ред.)

С одной стороны, это настроение воли должно было, вероятно, вызывать во Владимире Ильиче и его товарищах более страстное стремление выйти на простор из тюрьмы; а с другой, бодрое настроение за стенами при общении с ним, которому тогдашние — очень льготные как сравнительно с предыдущим, так и с последующим периодом — условия заключения давали широкую возможность, поддерживало, несомненно, бодрость в заключенных. Известно ведь, что никогда тюрьма не переносится так тягостно, как в годы затишья и реакции: естественная в тюрьме склонность преувеличивать мрачные стороны питается общей атмосферой.

...Я приносила книги два раза в неделю — по средам и субботам. В каждой пачке книг была одна с зашифрованным письмом — точками или штрихами карандашом в буквах. Таким образом мы переписывались во все время заключения брата. Получив кипу книг, он прежде всего искал ту из них, где по условленному значку было письмо. Доставка книг от прокурора происходила без всякой задержки — на другой же день они обычно передавались заключенным. Помню несколько случаев, когда я, торопясь передать какие-нибудь сведения или запросить о чем-нибудь Ильича, приносила ему книги в среду к вечеру и получала от него зашифрованный ответ в сдаваемой мне книге на следующий день, в четверг, от тюремных надзирателей.

Обмен таким образом происходил идеально быстро. А в тот же четверг на свидании за решеткой брат уточнял мне кое-что в письме. Таким образом, передача Владимиру Ильичу о событиях на воле была очень полная; у меня была тесная связь с оставшимися на воле членами «Союза борьбы», и я специально видалась с ними перед свиданием, чтобы получать из первых рук — от Надежды Константиновны, Якубовой, Сильвина и

др. — сведения о ходе работы и забастовки, которые, кроме того, и из более широких источников слышала...

Говоря о впечатлениях прочитанной им книги (с шифрованным письмом), Ильич беседовал об этом письме. Кроме событий на воле, я должна была осведомлять его о товарищах, сидевших с ним, передавать вести от них и обратно. Для этого надо было всегда прийти раньше в наш «клуб» — комнату в «предварилке», где приходящие к заключенным ожидали вызова на свидание и приема передачи, чтобы от них забрать известия и им передать...

Но хотя, как видно из всего изложенного, день Ильича и без того был занят, — кроме книг, необходимых для его работы, ему переправлялись все вновь выходящие в том числе все ежемесячные журналы; разрешались и еженедельники, из которых можно было черпать сведения о политических событиях; выписывала я для него какой-то немецкий еженедельник, кажется «Archiv für Sociale Gesetzgebung und Statistik», — он не мог удовлетвориться этим, не мог оставить вне поля своего зрения нелегальную работу. И вот Ильич стал писать, кроме того, нелегальные вещи и нашел способ передавать их на волю. Это, пожалуй, самые интересные страницы из его тюремной жизни. В письмах с воли ему сообщали о выходящих листках и других подпольных изданиях; выражались сожаления, что листки не могут быть написаны им, и ему самому хотелось писать их. Конечно, никаких химических реактивов в тюрьме получить было нельзя. Но Владимир Ильич вспомнил, как рассказывал мне, одну детскую игру, показанную матерью: писать молоком, чтобы проявлять потом на свечке или лампе. Молоко он получал в тюрьме ежедневно. И вот он стал делать миниатюрные чернильницы из хлебного мякиша и, налив в них несколько капель молока, писать им меж строк жертвуемой для этого книги. Владимиру Ильичу посылались специально беллетристика, которую не жаль было бы рвать для этой цели, а кроме того, мы утилизировали для этих писем страницы объявлений, приложенных к номерам журналов. Таким образом, шифрованные письма точками были заменены этим, более скорым способом. В письме точками Ильич сообщил, что на такой-то странице имеется химическое письмо, которое надо прогреть на лампе.

Вследствие трудности прогревания в тюрьме, этим способом пользовались больше мы, чем он. Надежда Константиновна указывает, впрочем, что можно было проявлять письма опусканием в горячий чай и что таким образом они переписывались молоком или лимоном, когда сидели (с осени 1896 года) одновременно в «предварилке».

Вообще Ильич, всегда стремившийся к уточнению всякой работы, к экономии сил, ввел особый значок, определявший страницу шифрованного письма, чтобы не рыться и не разы-

скивать его в книгах. Первое время надо было искать этот значок на стр. 7. Это был тоненький карандашный штрих, и перемножение числа строк с числом букв на последней строке, где он находился, давало страницу: так, если была отмечена 7-я буква 7-й строки, мы раскрывали 49-ю страницу, с которой и начиналось письмо. Таким образом легко было и мне, и Владимиру Ильичу в полученной, иногда солидных размеров, стопке книг отыскать быстро ту, в которой было письмо, и страницу письма. Этот способ обозначения — страницы время от времени менялись — сохранялся у нас постоянно, и еще в последних перед революцией письмах, написанных по большей части рукой Надежды Константиновны, в 1915 и 1916 годах, я определяла по этому условному значку местонахождение письма в книге.

...Характерно для кипучей энергии брата, а пожалуй, и для того, что за стенами тюрьмы он не представлял себе вполне ясно условия хлопот и бедности на воле, что как-то на свидании он сказал мне: «Что ж ты, собственно, делаешь здесь, в Петербурге?» Мне оставалось лишь руками развести: хождение по «мытарствам», бедность по поручениям, разъезды по конкам для свидания с людьми, шифровка, переписка химических писем — дела было больше, чем по горло.

(А. И. Ульянова-Елизарова далее пишет о том, что приговор по делу В. И. Ленина — ссылка на три года в Восточную Сибирь — был встречен его семьей с облегчением, так как опасались более сурового приговора. Но все же мать В. И. Ленина беспокоилась, как он будет жить один в ссылке. См. настоящий том, стр. 53. Ред.).

...Помню, как я успокаивала мать тем, что три года — срок не долгий, что физическое здоровье брата поправится в хорошем климате Минусинского уезда, а также и тем, что к нему поедет, наверное, по окончании дела Надежда Константиновна (тогда видно уже было, к чему пло дело) и он будет не один.

Назначение Владимиру Ильичу Минусинского уезда произошло вследствие прошения о том матери в департамент полиции, так же как и разрешение ехать на свой счет. К дню его освобождения мы занимали с матерью комнату на Сергиевской, кажется, № 15...

(Далее А. И. Ульянова-Елизарова говорит о собраниях социал-демократов Петербурга, в которых В. И. Ленин принял участие, выйдя из тюрьмы. См. настоящий том, стр. 53. Ред.).

На первом собрании разгорелась дискуссия между «декабристами» и позднейшими сторонниками «Рабочей мысли»: спорил Ильич, которого поддерживали все «старики», с Якубовой. Последняя очень разволновалась: слезы выступили у нее на глазах. И тягостно было ей, видимо, спорить с Ильичем, которого она так ценила, выходу которого так радовалась, и мнение свое не могла не отстаивать. Оно клонилось к тому, что газета

должна быть подлинно рабочей, ими составляться, их мысли выражать; она радовалась пробуждающейся инициативе рабочих, массовому характеру ее. Ильич указывал на опасность «экопомизма», который он предвидел раньше других. Спор выплыл в поединок между двумя. Мне было жаль Якубову; я знала, как беззаветно предана она революции, с какой трогательной заботливостью относилась лично к брату за время заключения, и мне казалось, что брат преувеличивает опасность уклона «молодых». Очень тягостно повлиял спор — «разногласия тотчас после освобождения» — на Запорожца, тогда уже больного.

На третий день мы все трое уехали в Москву. Не помню уже, было на этот счет дополнительное напоминание со стороны «начальства» или мы сами сочли благоразумнее не откладывать отъезда. Помню только, что в эти дни мне приходилось бегать в департамент полиции и брать отсрочки со дня на день и для себя лично, потому что я получила уведомление, что лица, бывшие под гласным надзором, не имеют права, впрямь до особого разрешения, проживать в столицах. Это было уже толкование в применении к случаю, потому что существовавшее дотеле постановление гласило: «Лица, бывшие под гласным надзором, не имеют права въезда в столицы в течение года после окончания его». Мой гласный надзор по делу 1 марта 1887 года окончился в 1892 году и через год, с 1893 года, я переехала в Москву; да и в Питере жила во время сиденья брата с перерывами целый год, а тут вдруг — очевидно, в связи с делом брата и моими личными знакомствами в Питере и Москве — спохватились.

...Питерские знакомые очень настаивали на необходимости этого (поездки к месту ссылки на свой счет. *Ред.*), чтобы сбросить его недюжинные силы. А. М. Калмыкова предлагала даже средства для этого. Мать отказалась от помощи, передав через меня А. М. Калмыковой, что пусть те деньги пойдут для более нуждающегося, например, Кржижановского, а она сможет отправить Владимира Ильича на свои средства...

Ильич уехал с обещанием писать, и он выполнил это обещание. За все три года его ссылки у нас была наиболее обстоятельная, наиболее регулярная переписка с ним. Но это не входит уже в рамки статьи.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К «ПИСЬМАМ В. И. ЛЕНИНА К РОДНЫМ (1910—1916 годы)»

Осенью 1911 года, в октябре—ноябре, мне удалось побывать за границей, и я провела недели две в Париже, у Владимира Ильича. Нашла, что он живет плохо в материальном отношении, питается недостаточно и, кроме того, сильно обносился. Я стала убеждать его пойти со мною на следующее утро в магазин, чтобы купить необходимое ему зимнее пальто. Но он категорически отказался, и я, уже не ожидая его, была удивлена, когда услышала из-под окна моей комнаты, выходящей во дворик, его оклик в условленный час. Оказалось, что Надя после моего ухода убедила его принять мое предложение. При покупке Владимир Ильич отказывался от всего более дорогого и только убеждения приказчика, что одно пальто является «inuisable» («неизносимым»), заставили его остановиться на нем. Но ту-журку, которую я считала тоже необходимой ему, он решительно отказался покупать.

Заметила я также в это посещение Владимира Ильича, что и настроение его было менее жизнерадостным, чем обычно. Как-то раз во время прогулки вдвоем он сказал: «Удастся ли еще дожить до следующей революции?». И вид у него был тогда печальный, похожий на ту фотографию, что была снята с него в 1895 году в охранке. Это было время тяжелой реакции, симптомы возрождения, как факты выхода «Звезды» и «Мысли», только еще намечались.

Выяснив условия посылки съестного из России за границу, я посылала ему в Париж мясное (ветчину, колбасы). По поводу домашней запеченной ветчины он выразился в одном не сохранившемся письме, что это «превосходная снедь», из чего можно было заключить о разнице между этим мясом и тем, которым ему приходилось питаться в Париже. В Австрию пересылка мясного не разрешалась, и поэтому по переезде его в Краков я посылала ему рыбное (икру, балык, сельди и т. п.) и сладкое, которое он сам, конспиративно от Надеины, просил послать ей. Об этих «гостинцах» упоминают в письмах от 1912 и 1913 годов и он, и Надежда Константиновна.

РЕЧЬ НА ВЕЧЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ
«ЛЕНИН И ОКТЯБРЬ»
В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА 29 ОКТЯБРЯ 1927 года

Я не собиралась говорить и не приготовила своих воспоминаний, поэтому они будут представлять из себя небольшие отрывочки.

Я не могу говорить о партийной работе в то время, потому что не принимала в ней участия. Коснусь периода немного более раннего. В последний раз я видела Владимира Ильича в Париже в 1911 году. Это были годы реакции, тогда еще не начинала выходить «Правда», глухая реакция была, и я помню, в разговоре с Владимиром Ильичем у него мелькнули печальные нотки, он сказал: не знаю, удастся ли нам чего другого дождаться. Потом я уехала.

Революция пронеслась так быстро, так волшебно. Я тогда начала работать секретарем в «Правде», в первые послереволюционные дни. Мы ждали с нетерпением приезда Владимира Ильича, и, когда узнали, что он едет, как-то все не верилось, что он может открыто приехать, — с большим нетерпением ожидали его. Я встретила его на Финляндском вокзале, и эти моменты оставили у меня впечатление чего-то большого и яркого, было какое-то общее настроение подъема. Это было вечером. На Финляндском вокзале я встретила массу народа, рабочих. Они шпалерами выстроились около поезда, на котором приехал Владимир Ильич, и встречали его с большой радостью. Помню дружественные, восторженные лица рабочих. Мы вместе пошли на вокзал, где, как вы знаете, Владимир Ильич выступил, содержания его речи я передать не могу, помню только настроение общего большого подъема, которое вызвала эта его речь.

Потом он выступил на броневике, на площади Финляндского вокзала, тут были красные факелы, настроение было какое-то особенно торжественное и подъемное, с одной стороны, а с другой стороны, как-то немножко страшно было, что это действительно он может так свободно говорить, или это только так кажется.

Владимир Ильич остановился у нас в квартире, на Широкой улице, очень много товарищей к нему приходило туда, очень много было разговоров, но опять-таки из этих разговоров помню лишь отрывочки, помню, что многие товарищи, которые не совсем стояли на большевистской пораженческой точке зрения, которые считали, что как же это возможно кончить войну, после этих бесед очень скоро убеждались, личное слово Владимира Ильича убеждало чрезвычайно.

Жизнь пошла очень сутолочная, очень горячая, каждый день сидели в «Правде», где я с ним работала. Народу бывало очень много. Он ездил на собрания.

В то же время помню маленькие личные черточки, которые могут охарактеризовать его до некоторой степени. Однажды я прихожу и застаю его за игрой и возней с 11-летним мальчиком, моим воспитанником¹, который чрезвычайно привязался к Владимиру Ильичу. Владимир Ильич очень любил детей и умел подходить к ним. И вот Владимир Ильич стал бегать за этим мальчиком вокруг столового стола, мальчик был увертливый, и Владимиру Ильичу не удавалось догнать его. Тогда он протянул руку через стол, чтобы схватить его. Движение было настолько энергичное, что стол опрокинулся, полетел графин, что-то перевернулось, разбилось. Я это рассказала для того, чтобы показать, как он мог наряду с серьезным делом увлекаться игрой.

В июле, когда начались выступления, он ушел от нас с квартиры. Одно время он думал, чтобы дать себя арестовать. Помню, он сказал тогда, что если арестуют, то очень вероятно, что с ним покончат, потом они, может быть, даже слезы прольют, крокодиловы слезы, скажут, как это нельзя было удержать, но все же постараются расправиться таким образом. Все это внушало страх за него. Особенно в этом пришлось убедиться, когда к нам стали приходиться с обысками. Было восемь обысков, причем они происходили не так, как в царской России. Как только откроешь дверь, являются солдаты со штыками на винтовках, солдаты эти измученные, исхудалые, озлобленные, они бежали по коридору и стремились найти того, кого им надо было. Они не искали книжек, как раньше, не смотрели их, а они штыками прокалывали матрацы, диваны, открывали сундуки, словно он где-либо мог лежать там. Мало, конечно, они давали себе отчет в том, что происходило. В тот раз, как говорила Надежда Константиновна, когда они забрали моего мужа, ее и прислугу, дело происходило так, что прислуга эта была деревенская примитивная женщина, она отперла дверь, а сама повернулась и пошла, через кухню, за хлебом что ли. Но пришедшие с обыском, которые искали Владимира Ильича, решили,

¹ Г. Я. Лозгачевым. *Ред.*

что она прячет его и пошла предупредить, и стали обыскивать весь дом. Это был второй обыск. А во время первого обыска была такая история. Тут был один шпион, который утверждал, что знает Владимира Ильича. Когда оказалось, что Владимира Ильича здесь нет, они стали искать его карточку в альбоме. Нашли карточку и смотрят на моего мужа, и хоть он совсем был непохож, говорят: «Вот он!» И Марка Тимофеевича забрали и повезли на грузовике, потом уже все разъяснилось. Но эта прислуга имела глупость и второй раз также уйти, когда пришли с обыском. Отперла дверь и пошла куда-то. Они побежали за ней и стали искать по всему двору этого дома, часа три искали, потому что дом большой был, все углы облазили, искали, где Владимир Ильич. Оставили у нас сидеть двух солдат, тогда Надежды Константиновны не было дома, она, подходя к дому, увидела, что неблагополучно, и ушла. А мы с сестрой¹ сидели за чаем в столовой и с этими двумя солдатами чай пили. Они были очень озлоблены. Один из них сказал: «Если бы я его увидел, я бы его своими руками убил». Мария Ильинична начала разговор с ними. Налили им чаю, дали бутербродов. Мария Ильинична спрашивает: «Почему вы думаете, что он подкуплен, откуда это видно? Он столько лет работал нелегально, столько пострадал от царизма». Когда они послушали этот разговор, они как-то смякли, и один из них сказал: «Значит, тогда Керенский подкуплен». — «Почему же обязательно должен кто-нибудь быть подкуплен?» — говорит моя сестра.

Потом еще три раза приходили искали, и после этого весь дом на этой Широкой улице был до глубины души возмущен нами и требовал, чтобы мы ушли с этой квартиры, такие вредные люди. Это вот мои личные воспоминания.

А потом относительно Октября тоже очень небольшие отрывочки. Помню, что было как-то чрезвычайно жутко за него, как он может вернуться, каким образом, после того как его так тщательно искали, настолько ли перевернулось настроение солдат, чтобы можно было не бояться ареста? Увидела я его уже в Смольном. Вследствие конспирации он скрывался на квартире, куда лишних людей не пускали, поэтому я увидела его только в Смольном. Особенно ярко вспоминаю день 25 октября, когда был совершен переворот, это заседание, когда был прочитан манифест о земле и о прекращении войны и об основании социалистической республики². Все это было так неожиданно и такое яркое и подъемное настроение было, что вери-

¹ М. И. Ульяновой. *Ред.*

² Декреты о мире, о земле и постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства были приняты II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября (8 ноября) 1917 года. *Ред.*

лось и не верилось, казалось, что какую-то сказку переживаешь.

Помню, как затем в связи с выступлением Краснова было очень тревожное настроение, и когда я пришла в Смольный, тов. Розмирович сказала мне, что у нас в военных делах только один человек понимает. Я решила, что этим человеком был муж ее, тов. Крыленко, тогдашний наш военный комиссар. «Нет, — говорит она, — не он, один Владимир Ильич понимает только у нас в военных делах». Я говорю: «Как же это может быть, он ведь никогда этим делом не занимался». И я пошла к нему в кабинет. Тут было масса карт, он был весь окружен картами, и я особенно обратила внимание на выражение его лица: он сидел такой бледный и какой-то углубленный, глубоко углубленный, что мне как-то страшно стало за него, и я подумала: «Как же это он с военными делами сможет разобраться?» И стало страшно за него, вид у него был очень утомленный.

Если ограничиться только Октябрем, то это самое яркое воспоминание у меня осталось, как он сидел и работал над военными картами и как страшно утомлен был. Потом он так же страшно утомлялся, когда ему приходилось на заседаниях Совнаркома решать самые мелкие дела.

Вот то, что я могу сейчас вспомнить кратко об Октябрьских днях.

Печатается по стенограмме

Дмитрий Ильич Ульянов

ДЕТСКИЕ ГОДЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

ДОМ, ДВОР И САД

Мои детские воспоминания, если не считать самых ранних, отрывочных и очень смутных, связаны с жизнью нашей семьи в доме на Московской улице¹, который купили родители в 1878 году.

Дом был деревянный, одноэтажный с антресолями, т. е. наверху, непосредственно под крышей, рядом с чердаком, было несколько маленьких комнат, выходивших окнами во двор.

Фасадом дом выходил на Московскую улицу, тогда пыльную и грязную, с деревянными тротуарами. Если идти от центра города на запад, к реке Свияге, дом был с левой стороны улицы. Внизу было пять больших комнат (с востока на запад): зала, кабинет отца, так называемая проходная, мамина комната и столовая, кроме того, было две прихожих (с востока и с запада). Внизу же на запад была кухня, через холодные сени.

Наверху в антресолях было четыре маленьких комнаты: две к западу — Анина и детская, и две к востоку — Саши и Володи. Обе эти половины антресолей имели две внутренние лестницы, связывавшие верх с низом через две прихожие. Летом же обе половины антресолей соединялись между собой также балконом между Аниной и Сашиной комнатами.

Около дома (на юг) был большой двор, покрытый мелкой зеленой травой; продолжением двора был сад, выходивший непосредственно на соседнюю Покровскую улицу через калитку в заборе. Калитка всегда запиралась на замок. Сад отгораживал от двора невысокий заборчик с калиткой. Около этой садовой калитки на дворе был колодец, из которого вода для поливки сада качалась ручным насосом. Вода в этом колодце была очень жесткая и годилась, кроме поливки сада, только для мытья полов. Питьева вода доставлялась с реки Свияги водовозом. Слева от колодца стоял небольшой флигель в три окошечка, выходившие в сад. Около флигеля — небольшая

¹ В Симбирске (ныне Ульяновск). *Ред.*

кухонька под особой крышей. Флигель обычно сдавался внаймы; только одно лето, во время ремонта дома, флигель занимали мы, а кухоньку при нем Саша использовал под химическую лабораторию.

Через весь сад, от садовой калитки до Покровской улицы, шла так называемая большая аллея, делившая сад на две половины. Она вся была обсажена серебристыми тополями, только в конце аллеи росла одна осинка с вечно трепещущими листьями. Аня ее почему-то очень любила, и мы прозвали ее «Анина осинка». Кроме этой большой аллеи вокруг всего сада вдоль заборов с соседними участками были четыре узенькие аллейки с прочно установившимися у нас в детстве названиями: «Черный бор» — с густо сиренью и развесистыми вязами, «Желтый бор» — с густой акацией, «Красный бор» — с большим деревом колючего боярышника и даже «Грязный бор» — ввиду обилия там благодаря неопрятному соседству всякого мусора — бумажек, пустых бутылок и пр. В центре сада был цветник — детище мамы, с единственной в саду беседкой. В этой беседке иногда устраивались общие вечерние чаепития.

Кроме серебристых тополей и единственной осинки в саду росли несколько ветвистых вязов, на которые мы все охотно лазили во время своих игр, много кустов сирени, но больше всего обыкновенной желтой акации, которой был обсажен по краям весь сад.

Из фруктовых деревьев были преимущественно яблони. Больше всего аниса (приволжский сорт яблок), затем белый налив, апорт и несколько деревьев с очень вкусными яблоками, под названием «черное дерево». Помню, что яблоки с этого «черного дерева» мама всегда берегла, главным образом для папы. Росла еще одна яблоня в конце сада, под названием «дичок», у детей переделанное на «дьячок». Дерево обычно было густо усыпано маленькими, но очень вкусными плодами. Бывало, кто раньше утром встанет, первым бежит собирать урожай, т. е. упавшие на землю яблоки, и потом делится с другими. С деревьев рвать не полагалось до определенного срока. И я не помню с нашей стороны ни одного нарушения в этом смысле. Кроме яблонь были две-три груши и несколько вишневых деревьев, густой малинник, кусты крыжовника и смородины. Для сбора ягод мамой устанавливались правила для детей. Было также несколько грядок клубники, с которыми мать подолгу возилась, пересаживая кустики, удобряя землю и поливая. В поливке сада, а иногда и в уборке его принимали участие все дети. Это была, так сказать, общественная нагрузка, от которой никто никогда не отказывался, наоборот, скорее было соревнование.

Около колодца во дворе стояла большая кадка, другая такая же кадка стояла в цветнике. От нас требовалось, особенно в

жаркое летнее время, чтобы обе эти кадки были заблаговременно наполнены водой, чтобы можно было поливать цветы рано утром, что часто делала мать сама. По вечерам же брались за работу все вместе. Обычно один кто-нибудь качает воду из колодца, другие с лейками и ведрами разносят ее к месту назначения. Бывало, приходит иногда отец, и работа кипит вовсю. Если качаешь воду из колодца, не хочется уступать другому, покуда не натрешь мозолей на руках, лишь бы побольше наполнить бочку водой, не отстать от других.

Дружная, спорая бывала работа!

Когда решали пить чай в беседке, то также дружно брались все за работу: Саша, бывало, тащит в сад самовар; другие несут что кому под силу; дети по несколько раз бегают в дом и обратно в сад, в беседку. Обычно было принято прислугу не беспокоить, а все делать самим. Обычно в нашей семье вечерний чай соединялся с холодным ужином, так что возни с этими чаепитиями в беседке было немало. По окончании чаепития на всех также хватало работы: девочки помогали матери мыть посуду, мы уносили из беседки все обратно домой.

ИГРЫ

На дворе и в саду у нас было много разных детских игр. Вспоминаю из раннего детства игру в лошадки, когда мы носились по двору и по аллеям сада, один за кучера, другой за лошадь, соединившись веревочкой друг с другом. Володя был старше меня на четыре года, поэтому, когда он бежал за кучера, постегивая меня хлыстиком, все было хорошо, когда же я впрягал его в виде лошади, он очень быстро вырывался и убегал от меня. Догнать его я не мог, и тогда, помню, однажды я безнадежно сел на траву и стал говорить, что так играть нельзя: он сильнее меня и, когда ему вздумается, убегает от меня, что никогда, мол, не бывает, чтобы лошадь убегала от кучера, и поэтому он должен бегать за кучера, а я за лошадь. На это Володя ответил: лошадь всегда сильнее человека, и ты должен уметь подойти к ней с лаской, покормить ее чем-нибудь вкусным, например черным хлебом с солью, что, мол, лошади очень любят, и тогда лошадь не будет убегать от тебя и будет послушной.

Впоследствии, помню, я бежал в лошадки чаще с кем-нибудь из сверстников или с сестрами. На этом дворе играли мы всей нашей компанией, с Аней и Сашей, в черную палочку, причем тот, кто «водил», должен был, начиная искать, громко возглашать: «Черная палочка пришла, никого не нашла, кого первого найдет, того с палочкой пошлет». Помню, что я часто ждал в этой игре, чтобы меня «выручил» Саша, который выбегал из своей засады обычно последним.

Вспоминаю из раннего детства игру в «брыкаски», которую выдумал, очевидно, Володя, когда ему было около восьми лет. Играли он, сестра Оля и я. Это, собственно, не была игра в обычном смысле слова — никаких правил, ничего твердо установленного. Это была импровизация, фантазия в лицах и действиях. Конечно, главным действующим лицом был Володя, его фантазия, его инициатива. В эту фантастику он вовлекал нас, младших, — меня и Олю. Какую роль мы играли, что должны были делать? Заранее ничего не было предусмотрено. Володя сам свободно фантазировал и осуществлял эту фантазию в действиях. Что такое «брыкаска»? Это не то человек, не то зверь. Но обязательно что-то страшное и, главное, таинственное.

Мы с Олей сидим на полу в полутемной зале нашего симбирского дома и с замиранием сердца ожидаем появления «брыкаски». Вдруг за дверью или под диваном слышатся какие-то звероподобные звуки. Внезапно выскакивает что-то страшное, мохнатое, рычащее, это и есть «брыкаска» — Володя в вывернутом наизнанку меховом тулупчике. Может быть, «брыкаска» сердитая, злая: от нее нужно бежать, прятаться под диван или под занавеску, а то укусит или схватит за ногу; а может быть, она только по виду страшная, а на самом деле добрая, и от нее совсем не надо бегать, можно даже с ней подружиться и приласкать ее. Этого никто не знает. Все зависит от ее настроения. Полумрак, мохнатое существо на четвереньках... Оно рычит и хватает тебя за ногу. Страшно! Возня, визг, беготня, грозное рычание «брыкаски» то под диваном, то на диване, то в зале, то в совершенно темной прихожей. Затем внезапно обнаруживается, что «брыкаска» добрая, не кусается и не щипается и ее можно спокойно погладить по шерстке. И уже несколько не страшно, даже очень весело, «брыкаска» выделывает удивительные номера и подплясывает, мы за ней кто во что горазд...

Ясно, что для такой игры было совершенно необходимо, чтобы старших не было дома, а то всякий интерес пропадает: внесут в залу лампу, велют вылезать из-под дивана, а «брыкаске» в вывернутой шубе определенно влетит.

И вот помню как большую радость, когда Володя или Оля таинственно сообщают мне, что сегодня вечером папа с мамой куда-то уходят и мы будем играть в «брыкаски».

Вообще у Володи в детстве была богатая фантазия, которая проявлялась в самых разнообразных играх. У меня осталась в памяти, между прочим, такой случай: сидим мы вечером за большим столом и мирно и спокойно занимаемся какой-то стройкой домиков. Я соорудил из карт какой-то высокий дом, что-то, как мне показалось, необычайное, и стал хвастаться пе-

ред ними. В это время входит няня¹ и заявляет, к моему великому огорчению, что мама велит мне идти спать. Мне не хочется, начинаются обычные пререкания. Вдруг Володя, чтобы поддержать няню, произносит отчетливо с напускным важным видом примерно следующую фразу: «Инженер мистер Дим перед своей поездкой в Америку представил нам замечательный проект многоэтажного здания, рассмотрением которого мы должны сейчас заняться. До свидания, мистер Дим!» Польщенный похвалой, я без всякого дальнейшего протеста отправляюсь с няней в путешествие.

В большом ходу была у Володи и Оли игра в «индейцев», иногда и я принимал в ней участие. Научились читать Володя и Оля почти одновременно и читали в детстве одни и те же книжки. Вот под влиянием чтения про индейцев у них и создалась такая игра, когда они, изображая индейцев, то и дело прятались от взрослых и шушукались между собой, как бы скрывая что-то.

Помню, как-то однажды я забрел в глухой, заросший со всех сторон уголок нашего сада и увидел там Олю, сидящую в каком-то шалаше из хвороста, низ шалаша был устлан травой. Около шалаша лежала кучка мелко наломанного хвороста, посыпанного огненно-желтыми листиками шафрана. Это должно было изображать горящий костер, на котором в каком-то котелке или горшочке готовился обед. Над головой у Оли пристроен большой зеленый лопух, изображавший головной убор индейца. Володя где-то промышлял охотой, она в ожидании его стерегла жилище и готовила еду. Оля дала мне понять, что все это тайна и рассказывать об этом старшим нельзя. Вскоре вернулся с охоты Володя, вооруженный луком и стрелами и тащивший какой-то косматый корень, долженствующий изображать убитого зверя. Володя рассказывал в подробностях, как он измучился в борьбе с этим зверем, как тот покусал и подарапал его, прежде чем меткая стрела заставила наконец зверя свалиться замертво. При этом Володя рычал и ревел, как убитый им зверь, показывая нам этим, как было страшно и с каким трудом досталась ему победа. Кроме того, мы узнали из его рассказа, что ему причинили много хлопот также «белые люди», которые ловили Володю арканом и хотели его убить или взять в неволю, что, пожалуй, еще страшнее смерти. Володя изображал, каким он подвергался опасностям и как в конце концов он устал и проголодался. Необходимо было сейчас же достать черного хлеба с солью для восстановления сил, и я был послан поэтому на кухню, но со строгим наказом не выдавать ничего «белым людям» и скрываться. Помню, с какой таинственностью и важностью я выполнял данное мне поручение и как, посолив два куска

¹ Речь идет о В. Г. Сарбатовой, которая почти 20 лет прожила в семье Ульяновых и скончалась в возрасте 70 лет. *Ред.*

черного хлеба, я крался с этой добычей к шалашу, заматавая свой след и уверенный, что никто меня не видит. Володя потом, подкрепившись, показывал нам свою новую стрелу, стреляя высоко в воздух, а я приносил ему обратно его замечательную стрелу с легкой лопаточкой на одном конце и тяжелым куском черного вара на другом.

Иногда, особенно в дождливую погоду, эти игры в «индейцев» переносились на сеновал, в каретный сарай и даже на чердак дома.

В правом углу двора, почти примыкая к саду, стоял так называемый каретный сарай. Раньше он, вероятно, служил прямому своему назначению, но при нас, так как у отца не было ни лошади, ни экипажей, он был просто складом для всякой всячины. Этот сарай, большой и просторный, служил нам для детских игр. Редко кто из взрослых заходил в него, и поэтому мы чувствовали себя в нем уединенно и очень уютно. Там довольно низко висела трапеция, на которую кроме Володи лазили и мы с Олей, но главным образом на ней упражнялся Володя.

К нам в Симбирск приезжали иногда странствующие цирковые артисты, которые проделывали на площади Старого венца различные аттракционы, вроде, например, хождения по канату на большой высоте. Этот номер произвел на всех нас большое впечатление, и Володя с Олей решили проделывать то же самое у нас в каретном сарае. Достали толстую веревку, натянули ее метра на два над землей и затем упражнялись поочередно в хождении «по канату», причем обязательно подошвы натирались густо мелом и употреблялся шест для балансирования, как у настоящих актеров.

В каретном сарае Володю можно было часто застать за работой — он выделывал перочинным ножом из мягкой осокоревой коры лодочки, которые дарил младшей сестре Мане. Там же он мастерил себе при помощи топора и пилы ходули, на которых любил потом расхаживать большими шагами. Выпиливанием по дереву лобзиком Володя в противоположность Саше не занимался. Он не играл также в бабки, чем увлекались тогда почти все гимназисты, и в том числе младший брат Митя.

* * *

На дворе, между каретным сараем и погребом, были устроены «гигантские шаги», на которых все мы иногда катались. Чтобы Володя увлекался ими, я не помню. Скорее, это можно сказать по отношению к крокету, в который Володя с Олей научились играть лучше других. Когда отец купил крокет, помню, как мы под руководством Володи взялись правильно устанавливать его. Между красным и черным колышками Володя туго натянул бечевку и потом, вымеривая точно расстояния молот-

ком, намечал места для установки дужек, и как особенно тщательно он устанавливал потом мышеловку.

Игрой в крокет одно время увлекались мы все: играли и Аня, и ее подруга, молодая учительница, и даже папа; только Сашу очень редко удавалось оторвать от серьезной книги. Играли, строго придерживаясь установленных правил, из-за толкования которых иногда возникали горячие споры (как вообще часто случается в этой игре). Помню, что Володя играл лучше других и бывал непреклонен к нарушителям правил, но в то же время беспристрастным судьей в спорах.

Когда партия затягивалась до темноты, прибегали к помощи бумажных фонариков, которыми освещали дужки. Употреблялись специальные выражения в соответствии с папиной службой: «Шар отправился в уезд» или: «Угнать этот шар подальше в губернию».

* * *

Летом каждый вечер мы отправлялись с папой на Свягу купаться. Отец абонировал на весь сезон определенные часы в купальне некоего Рузского. Помню, что фамилия владельца общественной купальни была Кох, и вот, бывало, отец, увидев издали идущего туда купаться учителя немецкого языка Штейнгауера, кричит ему в виде приветствия: «Немец идет к немцу, а русский — к Рузскому».

Володя взялся научить меня плавать в три урока. «Только делай так, как я буду учить», — и показал мне, что делать руками и ногами под водой. Затем посадил меня на глубокое место и сказал: «Плыви, как я учил». Мне залилась вода и в нос, и в рот, но после второго урока я уже поплыл самостоятельно, а затем стал плавать с ним и Сашей на ту сторону реки Свяги.

* * *

Зимой на Свяге устраивались общественный каток и высокие ледяные горы. Каждый день после обеда мы уходили туда с Володей кататься на коньках. Иногда нас сопровождали сестры: Оля также каталась на коньках, а маленькую Маню мы катали по катку в кресле. На нашем дворе также была ледяная гора с длинным ледяным раскатом — дорожкой. Гору мы делали сами около садового забора, рядом с колодцем, а раскат доводили до самого дома. В морозные вечера ходили с Володей качать воду из колодца и поливали гору и раскат. У Володи были настоящие железные санки для катания с гор, на них можно было кататься лежа и управлять руками. На деревянных санках катались с горы всей гурьбой, вываливаясь обычно в сугроб. Крику и смеху было немало, и иногда, когда мы очень расшалимся, нас загоняли домой.

Не могу не вспомнить вечер в нашем доме в детстве, когда мне было пять — семь лет. Везде и на всем лежит отпечаток рабочей обстановки. Отец сидит за работой в своем кабинете. Наверху в антресолях каждый у себя в комнате, сидят за книгами братья Саша и Володя. Внизу в столовой, за большим столом, сидит за шитьем или другой работой мать. Тут же, около нее, с книгами и тетрадами сидят сестры Аня и Оля, здесь же и мы, меньшие (Митя и Маня), тихо чем-нибудь занимаемся. Шуметь и мешать старшим строго запрещается. Бывало, только кто-нибудь из нас запищит или Володя, кончив занятия, сбежит вниз и начнется шум, сейчас же является отец и строго говорит: «Что это за шум? Чтобы я больше этого не слышал!» — и все опять стихнет. В крайнем случае, отец берет провинившегося к себе в кабинет и усаживает при себе за какую-нибудь работу. Порядок, в общем, был строгий.

Впервые напечатано в 1938 г. в журнале «Красная новь» № 5, с. 141—145

Печатается по кн.: Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче, изд. 3. М., Политиздат, 1968, с. 6—14, сверенной с журналом

ИГРА В СОЛДАТИКИ

В Симбирске у нас была в детстве в большом ходу игра в солдатики. В нее в разное время играли братья Саша, Володя, сестры Оля, Аня и я, но учил нас этой игре и вырезыванию солдатиков из бумаги старший брат Саша. Фигурки солдатиков имели подставки и, таким образом, держались вертикально. Аналогично вырезывались и кони, на которых можно было прилаживать солдатиков верхом. Получались всадники (конница). Игра была очень проста и напоминала собою детские кегли. Каждый играющий должен был выставлять по условию на полу комнаты в ряд по 10—15 солдатиков, и они сбивались маленьким резиновым мячиком, какой употребляется при игре в лапту. Сбитые фигурки заменялись новыми, из запаса. Играли обычно в столовой, где расстояния были промерены. Интересно, что Сашина армия были итальянцы под предводительством Гарибальди. Володина — американцы Авраама Линкольна из гражданской войны Севера с рабовладельческим Югом, под командой генералов Гранта и Шермана. У Ани и Оли были испанские стрелки, боровшиеся с Наполеоном Бонапартом. В боях не нужно было, чтобы противник соответствовал обязательно истории: американцы могли драться с испанцами, итальянцами, русскими и т. д., как в шахматной партии.

В детской литературе того времени отображалась очень ярко борьба негров против рабства, и тут характерно только то, что Володя своим выбором выражал симпатии Липкольву и его революционным генералам Гранту и Шерману, боровшимся против рабства негров в южных штатах Америки. У Володи и Оли настольной книгой в то время была повесть Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

5 декабря 1940 г., Горки

Впервые напечатано в кн.: Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., Полигиздат, 1964, с. 13—14

Печатается по кн.: Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче, изд. 3-е. М., Политиздат, 1968, с. 14—15

КАК РАБОТАЛ ЛЕНИН В МОЛОДЫЕ ГОДЫ

У Ленина мы учимся по его литературным трудам, по его сочинениям, изучая различные вопросы ленинизма. У Ленина мы учимся на всей истории нашей партии — с ее основания до 1924 года. Мы должны также учиться у Ленина тому, как надо работать.

В работе у Ленина всегда бросались в глаза редкая настойчивость и упорство. Работал он не от случая к случаю, а систематически, изо дня в день. Поэтому результат его работы всегда отличается поразительной ясностью и четкостью мысли. Он работал всегда с особенной тщательностью, придавая громадное значение качеству работы. Этого обычно он требовал и от других; не раз приходилось слышать от него: «Сделано неплохо, но может быть сделано еще лучше!»

Будучи учеником гимназии, он прекрасно учился, имея по всем предметам только одну отметку: отлично. Переходил из класса в класс с круглой пятеркой и первыми наградами и окончил гимназию в 17 лет с золотой медалью.

Когда задавали на дом сочинения, он никогда не писал их накануне подачи, наспех, просиживая из-за этого ночь, как это делало большинство его товарищей-гимназистов. Наоборот, как только объявлялась тема и назначался для написания срок, обычно двухнедельный, Владимир Ильич сразу брался за работу. Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновик, проставляя буквы и цифры согласно составленному плану. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них в последующие дни он вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу — смотри там-то, страница такая-то.

Постепенно, день за днем правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д. Затем, незадолго до срока подачи сочинения, он

брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, справляясь со своими пометками в различных книгах, которые у него уже были припасены заранее. Теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами набело вполне обработанное и готовое сочинение.

Между прочим, Владимир Ильич никогда в гимназии не писал черновиков чернилами, исключительно карандашом. При этом он очинивал карандаш чрезвычайно тонко, с какой-то особой любовью, так что буквы получались, как тонкие нити. Как только карандаш тупился или ломался, он с новым усердием очинивал его вновь и вновь, доводя до идеального состояния.

Мне, мальчику 12—13 лет, очень нравилось следить за тем, как Владимир Ильич пишет сочинения; я пробирался в его отсутствие к первому листу черновика и удивлялся, как быстро первая половина листа заполнялась все новыми и новыми строчками.

Преподавателем словесности у Владимира Ильича и первым оценщиком его сочинений был тогдашний директор Симбирской гимназии Федор Михайлович Керенский, отец известного эсера¹. Тот восхищался сочинениями Владимира Ильича и очень часто ставил ему не просто пять, а пять с плюсом. Не раз он говорил нашей матери, что ему особенно нравится в сочинениях Владимира Ильича продуманная система, обилие мыслей при сжатости, ясности и простоте изложения.

У матери долгое время хранились некоторые гимназические сочинения Владимира Ильича, но, к сожалению, в связи с многочисленными переездами из города в город, с жандармскими обысками и т. д. они все растерялись.

В своих ученических сочинениях уже тогда Владимир Ильич придерживался хорошего правила древних: чтобы мыслям было просторно, а словам тесно.

Исключенный из университета за участие в студенческих беспорядках, Ленин обычно летом жил в деревне. В большом, запущенном саду, около садовой скамьи, он устроил себе рабочий стол. Туда ежедневно после завтрака он уходил с книгами и тетрадями и усаживался за серьезную работу часов на пять, пока не позовут обедать. Эти занятия были настолько систематичными, что я с трудом могу вспомнить единичные случаи, когда Владимир Ильич изменял этому обычаю. Если принять во внимание его возраст — в те годы ему было около 20 лет, — то приходится поражаться выдержке и настойчивости этого человека.

Когда Ленин был арестован в Петербурге в декабре 1895 года, он взялся в тюрьме за серьезную литературную работу.

¹ Имеется в виду А. Ф. Керенский — глава буржуазного Временного правительства в 1917 г. *Ред.*

Пользуясь книгами и статистическими сборниками, которые посылались ему с воли, он с обычным для него упорством, изо дня в день сидел за изучением и подбором материалов, составлением цифровых таблиц и т. п. И, таким образом, за 1¼ месяцев своего сидения в одиночке закончил вчерне свою большую работу «Развитие капитализма в России»¹.

Когда в начале 1897 года он услышал на свидании, что его дело закончено и скоро предстоит освобождение и высылка в Сибирь, он воскликнул: «Рано! Я не успел еще собрать все нужные мне материалы!»

Впервые напечатано в 1934 г. в кн.: Ульянов Д. И. и М. И. О Ленине. «Отрывки из воспоминаний». М., Партиздат, с. 6—9

Печатается по кн.: Ульянов Д. И. «Воспоминания о Владимире Ильиче», с. 23—25, сверенной с первой публикацией

¹ Книга «Развитие капитализма в России» вчерне была закончена в августе 1898 года, *Ред.*

О ВЫБОРЕ ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ ФАКУЛЬТЕТА

Надежда Константиновна вспоминает рассказ Владимира Ильича о своих гимназических годах: «Когда мы кончали гимназию, один из товарищей предложил мне пойти на прогулку, с тем чтобы поговорить о нашем будущем. Но когда этот товарищ стал говорить о выборе факультета и дальнейшей нашей работе, я понял, что речь идет только о карьере и совершенно не касается революционной деятельности. Я тогда махнул рукой на этого товарища».

Из этого факта определенно вытекает, что Владимир Ильич хотел говорить тогда с товарищем не о карьере, а по поводу революционной деятельности, что он тогда, *еще до университета*, интересовался вопросом о выборе путей революционного движения.

На это указывает совершенно определенно такой момент, как выбор Ильичем факультета. Сверстников его очень удивил тот факт, что Владимир Ильич остановился на юридическом факультете. Они считали тогда, что на юридический факультет идут, главным образом, карьеристы. Они не поняли тогда, что юридический факультет может быть интересным и людям, ставящим перед собой задачу изучения буржуазного общества, его экономической структуры, изучения его права; изучение всего в целом современного общества, борьбу с которым они поставили целью своей жизни.

Как известно, и Карл Маркс избрал юридический факультет; и это не случайность, что как тот, так и Владимир Ильич, поступая в университет, остановились оба на одном факультете.

Впервые напечатано в кн.: Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче. Изд. 3-е, доп. М., Политиздат, 1968, с. 47

Печатается по кн.: Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи. М., Политиздат, 1974, с. 60

ВОСПОМИНАНИЯ О КОКУШКИНЕ

(Запись беседы с Д. И. Ульяновым)

В 1887 году в декабре, числа 6-го или 7-го, Владимир Ильич в сопровождении околоточного надзирателя был привезен из Казани в Кокушкино¹.

Числа 15 декабря в Кокушкино приехала моя мать, Мария Александровна, с Ольгой Ильиничной и няней Варварой Григорьевной. Я учился в это время в четвертом классе Казанской гимназии, зимой был болен, и мать взяла меня с собой в Кокушкино.

Мы с Володей жили в одной комнате, где стояли две койки с обыкновенными жесткими матрацами. Моя кровать была железная, у Владимира Ильича — простая, деревянная. Койки стояли близко к печке. На койках было по одной подушке, и покрывались они сероватыми байковыми одеялами с каймой. Пол простой, из широких толстых досок, некрашенный; на полу лежали половики деревенской работы.

В комнате у окна стояли простой рабочий стол Владимира Ильича и несколько стульев. В углу комнаты — верстак; на стене была прибита деревянная рейка, за которую были заложены стамески, долото, коловорот, буравчик и пр. На полке над верстаком лежали фуганок, рубанки.

На столе у Владимира Ильича лежали книги, журналы.

Из газет Владимир Ильич читал «Русские ведомости», из журналов — «Русское богатство», уделяя особенное внимание статьям Н. Михайловского. Из библиотеки Пономарева (бывшего мужа Ардашевой, сестры Марии Александровны) Владимир Ильич пользовался книгами и журналами за прошлые годы, на-

¹ В. И. Ленин приехал в деревню Кокушкино Казанской губернии 7 (19) декабря 1887 года вместе с матерью и младшей сестрой М. И. Ульяновой. Очевидно, М. А. Ульянова потом вернулась в Казань и снова приехала в Кокушкино. *Ред.*

По свидетельству М. И. Ульяновой, надзиратель сопровождал семью Ульяновых до городской заставы. *О. У.*

пример «Современником», где печатались статьи Добролюбова, Чернышевского и др.

В комнате, где жила Анна Ильинична, стояла кровать и Ольги Ильиничны, которая зимой (1887/88 год) жила в Кокушкине недолго, около полутора месяцев. Обстановка в комнате была простая, на окнах висели на веревочке белые занавески.

В комнате Марии Александровны находилась кроватка Марии Ильиничны; в этой комнате была русская печь с плиткой, здесь пекли лепешки и готовили пищу.

В большой комнате дома стояли бильярд и фортепьяно, на котором играли Ольга Ильинична и Мария Александровна, они обе очень любили музыку.

На террасе дома стоял стол, покрытый клеенкой, на террасе были цветы. У дома был большой сад, в саду росли кусты сирени, березы и липы. Беседки в саду не было. Напротив дома стояла трапедия и к ней — наклонная лестница для гимнастических упражнений, которыми любил заниматься Владимир Ильич.

Читать Владимир Ильич в теплую погоду чаще уходил на берег реки Ушны, где и располагался под кустиками в тени.

На реке Ушне была очень неважная купальня, вернее, место, где раздевались перед купанием. Купальня представляла огороженный досками плот, который держался на воде на пустых бочках. Там же была старая лодка, сделанная из досок.

26 декабря 1939 г., Горки

Впервые напечатано в 1964 г. в кн.: Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче, с. 18—19

Печатается по кн.: Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче, изд. 3. М., Политиздат, 1968, с. 26—27

В АЛАКАЕВКЕ

В начале лета 1889 года наша семья и Владимир Ильич переехали из Казани в Самару и поселились на хуторе близ деревни Алакаевки, где мать купила небольшой участок земли. Мы жили в небольшом деревянном доме, к которому примыкал густой, запущенный сад, отделенный от поля рвом. В северо-западном углу сада был «Володин уголок» — деревянный столик и скамья, укрепленные в земле; этот уголок был весь в зелени, и солнце почти не заглядывало туда. Около столика Володя очень скоро протоптал дорожку в 10—15 шагов, по которой часто ходил, обдумывая прочитанное. Обычно около девяти часов утра он приходил сюда с книгами и тетрадями и работал до двух часов без перерыва. В течение пяти лет, с 1889 по 1893 год, это был настоящий *рабочий кабинет* Ильича. Занятия были настолько систематичны, что я с трудом могу вспомнить то утро, когда он не работал там. Шагах в пятнадцати от столика он устроил себе гимнастику, как он называл — рэк. Это нечто вроде трапеции, только без веревок, круглая, неподвижно укрепленная на двух столбах палка. Владимир Ильич любил в те годы упражняться на рэке; он его устраивал из кленовой, хорошо ошпунтованной палки и укреплял на высоте около сажени, так, чтобы, поднявшись на носки, едва касаться палки концами пальцев. Небольшой прыжок... Хватает палку руками, подтягивается на мускулах, забрасывает ноги вперед и ложится на палку животом. Затем усаживается и приступает к различным упражнениям. Один номер — влезать на рэк не животом, а спиной — долго ему не давался. Нужно было видеть, с какой настойчивостью он много раз, но безуспешно пытался проделать его! Наконец однажды с торжеством и лукавой улыбкой он говорит мне: «Пойдем на рэк, вчера вечером и сегодня утром я наконец сбалансировал. Гляди!» И трудный номер удается вполне: Владимир Ильич, тяжело дыша, с довольным лицом сидит на рэке. Номер состоял в том, чтобы, подтянувшись и повиснув на коленках, продвигаться вперед сначала бедрами, а потом спиной, не теряя равновесия, и затем сесть. Мне эта штука так и не далась, хотя, впрочем, я и редко упражнялся на его рэке.

Алакаевка расположена верстах в пятидесяти на восток от Самары. Общий характер местности — степной, но под самой Алакаевкой тогда были леса: крестьянский — под названием «Муравельный» и бывший Удельного ведомства — «Гремячий». Из города в деревню мы часть пути ехали по железной дороге до станции Смышляевка Самаро-Златоустовской железной дороги, другую часть, верст тридцать, — на лошади, па своей Буланке. Довольно часто выезжал на станцию я. Когда приходилось возить Володю, надо было держать ухо востро: он отмечал время по часам и в сухую погоду требовал ехать быстро. Для этого надо было настраивать ленивую Буланку при помощи кнута и все время следить за ней. Править лошадью сам Володя не любил, и вообще у него никогда не замечалось особого пристрастия к лошадям. Вся дорога шла степью и полями, и только под Алакаевкой начинался лес. И какой же чудный воздух был там, особенно после пыльной Самары!

Реки близко от Алакаевки не было, но вблизи дома находился большой пруд, сильно заросший, особенно по берегам, водяными растениями. Сюда мы ходили раза по два в день купаться, для чего у нас была приспособлена на чистом месте дощатая раздевалка. Володя хорошо умел плавать и артистически лежать неподвижно на воде, подложив руки под голову. Я ходил на пруд ловить карасей и стрелять уток. Ильич не любил рыбной ловли, а охоту признавал только тогда, когда она соединялась с хорошей прогулкой. Поэтому на охоту в алакаевский период мы ходили с ним в соседние леса, главным образом за тетеревами.

Однако Володя чаще предпринимал прогулки без ружья, ходил один, или с кем-нибудь из нас, или компанией с сестрами, с матерью, с Марком Елизаровым, когда последний жил в Алакаевке.

По вечерам обычно Владимир Ильич и все мы устраивались на терраске вокруг большой лампы, около которой в изобилии кружились ночные бабочки и жуки. Кто читал, кто играл в шахматы. Здесь я видел у Володи Рикардо на английском языке, которого он читал при помощи словаря. Затем Гизо в русском переводе — «История цивилизации во Франции», многотомный труд, который он брал, кажется, в Самарской городской библиотеке.

В Самаре в эти годы жил В. В. Водовозов — сын известной писательницы Е. Н. Водовозовой, автора книги «Жизнь европейских народов». Перед Самарой Водовозов был в административной ссылке в Шенкурске, Архангельской губернии. В первое время нашей жизни в Самаре он частенько заходил к нам, но потом почти перестал бывать. Владимир Ильич недолюбливал его. У этого Водовозова была большая библиотека, так что вся его комната до отказа была заставлена книжными шкафами, все

книги были чистенькие, в новых переплетах. Он очень дорожил своей библиотекой, и казалось, что книги любил больше, чем живых людей. По своей начитанности он, вероятно, был первым в городе, но эта начитанность, очевидно, так давила на его мозг, что сам он не представлял из себя ничего оригинального. Он не был ни марксистом, ни народником, а так, какой-то ходячей энциклопедией. К нему приходилось заходить не из-за него самого, а из-за его книг. Мне передавали, что, когда старший брат, Александр Ильич, был арестован по обвинению в покушении на жизнь царя, первыми словами Водовозова были: «Ах как жаль, он взял у меня такую-то ценную книгу, она, пожалуй, теперь пропадет...»

Как-то в начале 90-х годов был уволен со службы некий губернатор Косич (кажется, саратовский); про него говорили, что он был большой либерал и благоволил к политическим ссыльным. Об этом, в частности, рассказывал Водовозов, и от него и его группы исходило предложение поднести адрес названному Косичу от политических и вообще левых элементов. Это предложение вызвало споры в Самаре. Когда же Ильич узнал о нем, он категорически и очень резко высказался против. Так, кажется, и не был поднесен адрес.

Из товарищей брата по самарскому периоду хорошо помню Скляренко Алексея Павловича, Лалаянца Исаака Христофоровича, которого Марк Тимофеевич Елизаров прозвал Колумбом,— он так и остался под этой кличкой в последующие годы революционной работы,— ИONOBA Вадима Андреевича, рано умершего. Помню также Марию Петровну Голубеву, часто бывавшую у нас и принимавшую живое участие в спорах на политические темы.

У Скляренко гимназисты и семинаристы старших классов получали полулегальную литературу: Писарева, Чернышевского и т. п. Он для нас, юнцов, был окружен какой-то особой таинственностью. Внешностью он также imponировал нам: высокий, сильный, неразлучная суковатая палка и темное пенсне.

Владимир Ильич в эти годы много работал по статистике крестьянского хозяйства. Статистические данные (распределение крестьянских хозяйств на группы по количеству рабочего скота, размеру посева, аренды земли и пр.) говорили о росте экономического неравенства в крестьянской среде, о расслоении крестьянства на состоятельную, экономически крепкую группу и бедноту, на сельскую буржуазию и пролетарскую или полупролетарскую массу крестьян. Эти выводы разбивали народническую утопию об однородности крестьянства, они доказывали с очевидностью факт развития капитализма в России. Эти выводы подтверждали правильность марксистской линии в политике русских революционеров.

Товарищи Ильича — Скляренко, Лалаянц и Ионов — также зашмались тогда разработкой статистических материалов по тем же вопросам, что и Владимир Ильич. У меня сохранилась списанная мною в 1893 году небольшая рукопись Скляренко, являющаяся интересным образцом работы группы Владимира Ильича.

Помнится, в том же 1893 году я познакомился со статьей Федосеева «Причины падения крепостного права в России», которая в рукописном виде ходила по рукам самарских марксистов. Кто именно дал мне ее, не помню, но переписать ее я, к сожалению, не мог, так как она была довольно объемиста и дала мне ее на очень короткий срок. В этой очень интересной статье Федосеев доказывал, что реформа 1861 года вызвана, конечно, менее всего либеральным настроением верхов и не столько политическими соображениями, что, мол, лучше «освободить» крестьян сверху, чем ждать, когда начнется освобождение снизу, а причинами чисто экономическими. За «освобождение» стали помещики наиболее крупных и культурных хозяйств, которым выгоднее был переход на вольнонаемные отношения. Крепостнические отношения стали стеснять дальнейшее развитие более интенсивного, рационального сельского хозяйства. В то время, сорок лет тому назад, когда еще крепко держались, особенно в либеральном обществе и частью в парде, пеленые предрассудки о свободолюбии царя и его ближайших помощников, для молодого марксиста, каким был Федосеев, очень важно было опровергнуть эти вредные для трудящихся масс предрассудки, эту неправду об «освобождении» крестьян и доказать, что реформа была проведена в интересах господствующего класса, и если не всего в целом, то, во всяком случае, наиболее богатой, экономически сильной его части. Пользуясь многотомным трудом Скребицкого «Крестьянское дело в царствование Александра II», Федосеев доказывал, что наиболее крупные помещики, в частности прибалтийские, с хозяйством более высокого типа (по интенсификации и рационализации), сплошь были за «освобождение», т. е. за новую, более выгодную для них капиталистическую форму порабощения. Помещики отсталых, мелких, задолжавших хозяйств были против реформы.

В настоящее время это ясно каждому грамотному марксисту, тогда, сорок лет назад, это требовалось доказывать. Недаром Владимир Ильич так ценил работы Федосеева и, как известно, искал знакомства с ним¹.

Впервые напечатано в 1933 г. в кн.: В. И. Ленин в Самаре. 1889—1893. Сборник воспоминаний. М., Партиздат, с. 83—87

Печатается по кн.: Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче, с. 28—32, сверстной с первой публикацией

¹ Для встречи с Н. Е. Федосеевым В. И. Ленин 24 августа (5 сентября) 1893 года заезжал во Владимир, но встреча не состоялась, так как Федосеев в это время находился в тюрьме. *Ред.*

ШАХМАТЫ

Играть в шахматы Владимир Ильич начал лет восьми-девяти. Играл с отцом, который был первым его учителем, со старшим братом, Александром Ильичем, затем впоследствии с нами, меньшими, — сестрой Олей и со мной. Для меня он был учителем, и очень строгим, поэтому я больше любил играть с отцом, который снисходительно разрешал мне брать ходы обратно.

У Владимира Ильича было прекрасное правило, которого он сам всегда придерживался и строго требовал от своего партнера: обратно ходов ни в коем случае не брать, взялся за фигуру — ею и ходи. У любителей это правило очень часто нарушается, ходы берутся назад, положения переигрываются. Этот скверный обычай страшно портит и игру, и игрока. Вместо того чтобы, не касаясь фигур, продумать тщательно различные комбинации, что и дает интерес игре, приучает точно рассчитывать за несколько ходов вперед, люди тыкают фигуры, не подумав, торопятся, придают игре нервность, азарт.

Помню как анекдот следующий случай на шахматном вечере в Самаре. Играли на нескольких досках, некоторые наблюдали за игрой. За одной из досок сидели двое толстяков, брали ходы назад, спорили, горячились, шумели. Один нечаянно подставил под бой свою королеву, другой в мгновение ока схватил ее и сжал в кулаке. Поднялся невообразимый шум и крик, оба вскочили из-за стола, и потерпевший старался отнять свою фигуру. При общем хохоте Владимир Ильич крикнул: «Спрячьте ее в карман!»

Он обыкновенно играл серьезно и не любил так называемых «легких» партий. Играя со слабейшими игроками, чтобы уравновесить силы, давал вперед ту или другую фигуру. Когда же партнер из самолюбия отказывался, Владимир Ильич обычно заявлял: «Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться». Он да-

же предпочитал быть несколько слабее того, кому давал вперед. Когда без туры я стал выигрывать у него чаще и просил перейти на коня, он поставил условие: «Выиграй подряд три партии, тогда перейдем».

Обычно наблюдается обратное: больше нравится выигрывать, хотя бы и без особых усилий и труда. Владимир Ильич смотрел иначе: у него главный интерес в шахматах состоял в упорной борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые. Бывало, когда сделаешь в игре глупость и этим дашь ему легкий выигрыш, он говорил, смеясь: «Ну, это не я выиграл, а ты проиграл».

Пятнадцати лет Владимир Ильич стал обыгрывать отца. Помню, как Илья Николаевич (зимой 1885/86 года), войдя в столовую, сказал: «Володя, ты стал меня побивать в шахматы, тебе уже нужно познакомиться с NN и с ним играть» (помнится, некий Ильин, считавшийся лучшим игроком в Симбирске. У нас он не бывал).

Летом 1886 года Владимир Ильич много сражался в шахматы со старшим братом, Александром. Они объявили между собой матч. Каковы были условия матча и результаты его, я, к сожалению, не помню. Борьба была ожесточенная, оба молча сидели, часами не отрываясь от шахматной доски. Для меня тогда их игра была совершенно непонятна, слишком трудна, к тому же у них за игрой не было ни споров, ни азарта, что могло бы привлечь малейшее внимание, ни даже каких-нибудь разговоров.

О силе их игры в то время можно судить отчасти по следующему факту. Тем же летом Александр Ильич, живя в Кокупкине, Казанской губернии, с успехом играл, не глядя на доску, с игроком, которому тогдашняя первая категория в Казани давала ладью вперед. Интересно, что одновременно с этой шахматной партией «не глядя» Александр Ильич играл на бильярде в пять шаров и вел счет своим очкам.

Во время своего состязания братья играли только по вечерам. Несмотря на то что это было в каникулярное время, когда оба они были свободны, я не помню ни одного случая, чтобы они играли в шахматы до обеда. Утренние часы посвящались серьезным занятиям. По-моему, этот факт чрезвычайно показателен и характерен для них обоих, особенно если вспомнить, что старшему было 20 лет, а Владимиру Ильичу — всего 16.

В это лето, первое после смерти отца, мы занимали одну половину нашего дома (по Московской улице), ту, которая к Свяи-ге, другая же, к центру города, сдавалась квартирантам. Там внизу, в маленькой комнатке, обращенной во двор, и про-

исходило обычно шахматное состязание между старшими братьями.

Вспомню, между прочим, такой случай: они сосредоточенно сидели в этой комнате за шахматной доской, освещенной лампой, окно было открыто, но засетчено проволочной сеткой. Мы, ребята, играли во дворе и в освещенное окно видели неподвижные и молчаливые фигуры шахматистов. Одна девочка, лет двенадцати, подбежала к окну и крикнула: «Сидят как каторжники за решеткой»... Братья быстро обернулись к окну и серьезно посмотрели вслед убежавшей проказнице. Настоящей железной решетки они еще не знали, но, должно быть, она уже чувствовалась им как что-то неминуемое и совершенно неизбежное в те времена.

Зимой 1888/89 года Владимир Ильич много играл в шахматы и ходил в клуб с одним из двоюродных братьев¹. Тогда мы жили в Казани, на Первой горе, в доме Орлова. Однажды в то время Владимир Ильич попробовал свои силы, «не глядя па доску». Он позвал меня к себе в комнату и сказал, что, не давая ничего вперед, будет играть со мной, не глядя на шахматы. Никогда не видевши такой игры и полагая, что это чрезвычайно трудная штука, я уверенно уселся за шахматы и решил сбивать его необычными ходами и разными «шпильками»: авось не заметит. Он уселся на кровать и стал диктовать свои ходы. Несмотря на все свои выкрутасы, я был разбит очень скоро в пух и прах. Вообще же Владимир Ильич не любил играть «не глядя», и в дальнейшем я уже не помню таких партий. Следует, между прочим, сказать, что этот способ игры, несмотря на свою эффективность, чрезвычайно вреден, качество игры безусловно понижается, и в то же время требуется большое напряжение мозга.

В ту же зиму Марк Тимофеевич Елизаров организовал партию по переписке между Владимиром Ильичем и сильным сармским шахматистом А. Н. Хардиным. Ходы передавались по почте, обыкновенно открытками. После одного своего хода Владимир Ильич, ожидая ответного письма, несколько раз расставлял шахматы и говорил: «Интересно, что же он теперь делает, как выпутается из этого положения, я, по крайней мере, не нахожу удовлетворительного ответа»... Пришел наконец ответ, которого долго ждали. Немедленно были расставлены шахматы. Мне, уже заинтересовавшемуся их игрой, ход Хардина казался нелепым. Владимир Ильич вначале тоже недоумевал, но потом очень скоро продумал положение и сказал: «Н-да, это игрок — чертовская сила!» Нужно сказать, что Хардин был действительно очень крупной шахматной величиной. В 80-х годах он побил лучших московских игроков, а затем с большим успехом состязался с Чигориным. Хотя Хардин и не выступал на

¹ Речь идет об А. А. Ардашеве. *Ред.*

больших турнирах, Чигорин считал его одним из лучших шахматистов в России (см., например, перевод Дюффрена, примечание Чигорина). Владимир Ильич партию по переписке проиграл, затем, после переезда из Казани в Самару (весной 1889 года), лично познакомился с Хардиным, и тот давал ему первое время коня вперед. Через год-два Владимир Ильич стал побеждать, и они перешли на пешку и ход, но при таком соотношении Владимир Ильич чаще проигрывал.

Андрей Николаевич Хардин был присяжным поверенным и страстно любил шахматы. Он выписывал массу иностранной шахматной литературы и мог часами просиживать один за доской. По его словам, он выучился хорошо играть благодаря тому, что, попав куда-то в глушь и имея много досуга, целыми днями просиживал за шахматной литературой и теорией этой игры. В течение приблизительно года или немного больше он ни с кем не играл, а после этого сидения, встретившись с Чигориным, показал себя первоклассным игроком.

Зиму 1889/90 года мы жили всей семьей в Самаре, на Заводской улице, в доме Каткова, у самой Волги; в это время Владимир Ильич, больше чем когда-нибудь, увлекался шахматами. Он играл главным образом с Хардиным, но также и с другими самарскими шахматистами. Был организован турнир с участием восьми — десяти человек. Играли, давая фигуры вперед, так как участники были разной силы. В первой категории (разряде) был один Хардин, во второй — Владимир Ильич и еще один игрок, остальные — в третьем и четвертом разрядах. Победителем турнира вышел Владимир Ильич. Первый приз был что-то около 15 рублей. Никакой вещи они не купили, и один из участников принес призеру эти деньги. Владимир Ильич категорически отказался их взять, и по его предложению они были пожертвованы на что-то.

Владимир Ильич любил бывать у Хардина — первое время больше из-за шахмат, а потом, когда он сдал экзамены по юридическому факультету и записался у Хардина помощником присяжного поверенного, их связывали также общие дела судебного характера.

Лучшего партнера в шахматы, чем Хардин, нечего было и желать, и Владимир Ильич, конечно, мог бы скоро сравняться с ним и пойти дальше, если бы он серьезно взялся за шахматную литературу, если бы, например, летние месяцы, которые он в эти годы проводил в деревне Алакаевке, он посвятил шахматам и теории этой игры. При своей систематичности, настойчивости и по своим умственным силам он бы в несколько лет сделался крупнейшей шахматной величиной, это несомненно. Но Владимир Ильич всегда относился к шахматам только как к развлечению, к игре. Вспоминаю, как я, находясь в гимназии под гнетом идиотской латыни и греческого языка, сказал ему

как-то за игрой, что лучше бы вместо этих древностей в гимназии ввели шахматы для упражнения мозга. «Ну, этим ты поправишься, как говорится, из кулька в рогожку; не падо забывать, что шахматы все-таки только *игра, а не дело*». К шахматной литературе, как известно очень обширной, Владимир Ильич почти не прикасался, если не считать концов партий, которые он хорошо знал, и некоторых общеупотребительных в то время дебютов. Во всяком случае, он никогда не пробовал изучать теорию шахмат систематически, что совершенно необходимо для каждого крупного игрока.

Здесь сказывается его общность в оценке шахмат с Карлом Марксом и Вильгельмом Либкнехтом, которые тоже увлекались этой игрой в свое время. В воспоминаниях о Марксе В. Либкнехт, отец известного Карла Либкнехта, писал: «Вообще, шахматная игра отошла у нас на задний план, так как мы снова приступили к правильным занятиям. Там я, пользовавшийся в нашем маленьком кругу славой шахматного игрока, убедился в верности лессинговского приговора о шахматной игре: «Для игры — слишком много серьезности, для серьезности — слишком много игры». Я был приглашен на состязание известными игроками; в их обществе, обществе специалистов, я скоро узнал, что открытые мною ходы, которыми я гордился, уже сотни лет до меня были известны; я очутился в положении того крестьянина с Пиренеев, который во времена Людовика-Филиппа вновь изобрел изобретенные уже четыре века тому назад башенные часы. Я узнал, что существует большая шахматная литература и что я, если хочу преуспевать в шахматной игре, должен изучить эту литературу и совершенно отдаться шахматам. Но сделать шахматы задачей жизни — на это я не мог решиться...»

Выше было подчеркнуто, что во время состязания Владимира Ильича с Александром Ильичем они в утренние часы в шахматы не играли — в это время оба сидели за книгами и тетрадами. Шахматам посвящались послеобеденные и отчасти вечерние часы. Так и впоследствии, когда Владимир Ильич жил в Алакаевке, утро было занято более серьезной работой. В старом, запущенном саду среди густой листвы у него были стол и скамейка, там раскладывались с раннего утра книги, рядом была утоптанная дорожка шагов в десять — пятнадцать, по которой он шагал, обдумывая прочитанное. Ни о каких шахматах, ни о каком развлечении здесь не могло быть речи. Здесь нужно было работать, учиться, готовить себя не для шахмат, а для другой, более серьезной борьбы. За все пять лет, которые мы провели в Алакаевке, я с трудом могу вспомнить три-четыре дня, когда Владимир Ильич нарушил свой порядок и изменил своему столу в саду с книгами и утоптанной дорожке.

Начиная с 1893 года Владимир Ильич все реже и реже играет в шахматы. Про его игру в сибирской ссылке с Кржижа-

повским, Старковым, Лепешинским можно прочесть в статье П. Н. Лепешинского¹.

Последний раз я играл с Владимиром Ильичем в 1903 году в Женева. Дома у него не оказалось даже шахмат, мы нашли какую-то кофейню, где и уселись за игру. Владимир Ильич спросил меня, что я буду пить; я высказался за мюнхенское пиво. Он подозвал кельнершу и заказал кружку пива и стакан черного кофе. «Пива что-то не хочется»,— сказал он с хитрым огоньком в глазах... Играли четыре с лишним часа одну партию, притом так сосредоточенно, что окружающие начали под конец посмеиваться над нами.

После революции Владимир Ильич почти совершенно не играл в шахматы, говоря, что это слишком утомительно; он предпочитал в свободное время городки, прогулки, охоту.

Впервые напечатано в 1926 г. в журнале «Прожектор» № 3(73), с. 19—21

Печатается по кн.: Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче, с. 39—45, сверенной с журналом

¹ См. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти томах, т. 2. М., 1969, с. 72—73. *Ред.*

СЛУЧАЙ С КУПЦОМ АРЕФЬЕВЫМ

Более тридцати лет тому назад с Владимиром Ильичем произошел следующий случай, о котором я хочу вам рассказать.

Этот случай показывает, что не только в больших, великих делах, но и в мелочах, подобно описанной, Владимир Ильич проявлял силу воли и настойчивость, что, раз взявшись за какое-нибудь дело, он доводил его до конца, какие бы препятствия ни стояли ему на дороге.

В начале 90-х годов мы жили всей семьей в Самаре вместе с матерью. Владимир Ильич был помощником присяжного поверенного. Мы с Маршей Ильиничной учились в гимназии. С нами жили также Анна Ильинична и ее муж, Марк Тимофеевич Елизаров, занимавший какое-то небольшое место, помнится, в казенной палате.

Летом 1892 года Владимир Ильич вместе с Елизаровым был в Сызрани. Оттуда они собрались проехать на несколько дней в деревню Бестужевку, где брат Марка Елизарова крестьянствовал¹. Для этого надо было проехать на левый берег Волги.

В то время в Сызрани переправу через Волгу монопольно арендовал богатый купец Арефьев. У него был небольшой пароходик с баржей, на которых перевозились и люди, и лошади, и повозки. Купец запрещал лодочникам заниматься переправой, ревниво оберегая свои монопольные права. Поэтому каждый раз, когда лодочник набирал пассажиров, его лодку по распоряжению Арефьева нагонял пароходик и отвозил всех обратно.

Владимиру Ильичу не хотелось ждать перевоза, и он уговорил Марка Елизарова ехать на лодке. Лодочники не соглашались везти, боясь купца и заявляя, что все равно он воротит их обратно. Однако Владимиру Ильичу удалось-таки уговорить одного из них поехать, причем он энергично доказывал, что если Арефьев вернет лодку, то будет предан суду за самоуправство.

¹ Имеется в виду П. Т. Елизаров. *Ред.*

Сели в лодку и двинулись на перевал. Арефьев, увидев пристани, где он сидел за самоваром на балконе, крикнул Марку, с которым был знаком как земляк:

— Бросьте, Марк Тимофеевич, эту затею. Ведь вы знаете, что я за переправу аренду плачу и не позволю лодочникам перевозить на ту сторону. Идите лучше со мной чай пить и знакомого вашего ведите. Все равно поедете на пароходе, велью вас воротить.

Владимир Ильич стал настаивать, теперь еще более решительно, продолжать путь и не слушать самодура. Лодочник уныло говорил:

— Все равно воротит, зря едем, сейчас пароход нагонит, баграми нас к борту, и вас ссадят на пароход.

— Да поймите вы,— сказал Владимир Ильич,— что он не имеет права этого делать. Если он лодку задержит и силой заставит нас вернуться, будет сидеть в тюрьме за самоуправство.

— Сколько раз он так проделывал, и никогда суда не бывало. Да и кто станет с ним судиться: очень большую силу забрал в Сызрани, и судьи-то у него, должно быть, все свои. Он, слышь, откупил Волгу у города, аренду платит, а нам вот что хочешь, то и делай.

Лодка по настоянию Владимира Ильича продолжала свой путь на левый берег, хотя было совершенно ясно, что Арефьев приведет свою угрозу в исполнение. Едва лодка достигла середины реки, послышался свисток пароходика, который, отцепив баржу, быстро погнался за лодкой.

— Ну вот вам и переехали,— произнес лодочник.— Сейчас обратно поедете. И никакой суд ничего сделать не может, он всегда правый будет.

Пароход, догнав лодку, остановил машину. Два-три матроса, привычно работая баграми, подтянули лодку к борту и предложили пассажирам перебираться на пароход.

Владимир Ильич стал разъяснять служащим, что они не имеют права задерживать их и будут предапы суду за самоуправство, за что грозит тюрьма.

— Никакого значения,— доказывал он,— не имеет то обстоятельство, что Арефьев арендовал переправу через реку, это его дело, а не наше, и это ни в коем случае не дает права ни ему, ни вам бесчинствовать на Волге и силой задерживать людей.

На это капитан возразил:

— Ничего мы не знаем: нам приказал хозяин парохода, и мы обязаны слушаться и исполнять его распоряжения. Пожалуй-ста, пересаживайтесь, мы не дадим вам ехать дальше.

Пришлось подчиниться. Но Владимир Ильич сейчас же записал имена и фамилии всех служащих, принимавших участие в задержке лодки, а также лодочника и других свидетелей.

На сызранском берегу пришлось ждать некоторое время не-

ревоза, и опять слышно было, как Арефьев в победном тоне продолжал свои рассуждения о том, что он платит аренду, что лодочники не имеют права перевозить на тот берег, а потому он задерживает лодки и возвращает людей обратно.

Несомненно, были люди, которые не могли не видеть, что купец действует беззаконно, но не репались или не хотели тягаться с ним по судам. Одним это было невыгодно с материальной стороны, другие же, предвидя кучу хлопот, судебную волокиту и т. д., по инертности и «русской» лени отказывались от борьбы.

Нужно было Владимиру Ильичу столкнуться всего на несколько часов с этим стоячим обывательским болотом, чтобы основательно встряхнуть его, наказать главного виновника и научить лодочников, как надо бороться за свои права.

По возвращении через несколько дней в Самару Владимир Ильич подал жалобу на Арефьева, обвиняя его в самоуправстве. Суть дела была ясна до очевидности, ни один юрист не мог рассматривать его действия иначе как самоуправство, а за самоуправство по тогдашним законам полагалась тюрьма без замены штрафом.

Однако добиться этого Владимиру Ильичу стоило еще немало хлопот. Дело разбиралось у земского начальника где-то под Сызранью, верст за сто от Самары, куда должен был поехать Владимир Ильич в качестве обвинителя. Несмотря на совершенную ясность дела, земский начальник под каким-то предлогом отложил разбор дела. Второй раз, уже холодной осенью, дело было вновь назначено к слушанию. Владимир Ильич опять поехал туда, но и на этот раз при помощи разных формальных крючкотворств земский отложил дело.

Очевидно, Арефьев, зная о безнадежности своего положения и грозившей ему каре, пустил в ход все свои связи, чтобы оттянуть по возможности дело. Ему и его защитникам казалось, что бросит же наконец этот беспокойный человек ездить за сотню верст без всякой для себя выгоды, без всякой пользы с их точки зрения. Не знали они, что этот человек не меряется обычной меркой, доступной их пониманию, что, чем больше препятствий встречает он на своем пути, тем тверже и непреклоннее становится его решение.

На третий разбор дела Владимир Ильич получил повестку уже зимой, в конце 1892 года. Он стал собираться в путь. Поезд отходил что-то очень рано утром или даже ночью; предстояли бессонная ночь, скучнейшие ожидания в камере земского начальника, на вокзалах и т. д. Хорошо помню, как мать всячески уговаривала брата не ехать.

— Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проедешь, только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя.

— Нет, раз я уж начал дело, должен довести его до конца. На этот раз им не удастся еще оттягивать.

И он стал успокаивать мать.

Действительно, в третий раз земскому начальнику не удалось отложить решение дела: он и защитник Арефьева встретили во Владимире Ильиче серьезного противника, хорошо подготовившегося к предстоявшему бою, и земский начальник волей-неволей вынужден был согласно закону вынести приговор: месяц тюрьмы.

Года два спустя после описанной истории я, проезжая в поезде близко от Сызрани, случайно встретил в вагоне одного из сызранских знакомых Марка Елизарова. В разговоре он расспрашивал про него и его семью и чрезвычайно интересовался Владимиром Ильичем.

— А ведь Арефьев-то просидел тогда месяц в арестном доме. Как ни крутился, а не ушел. Позор для него, весь город знал, а на пристани-то сколько разговору было. До сих пор не может забыть.

*Впервые напечатано 24 февраля
1924 г. в газете «Правда»*

*Печатается по кн.: Ульянов Д. И.
Воспоминания о Владимире Ильиче,
с. 35—38, сверенной с газетой*

ЛЮБОВЬ К МУЗЫКЕ

Мальчиком Владимир Ильич учился играть на рояле. У него, по словам матери, был великолепный слух, и музыка давалась ему легко. В возрасте восьми-девяти лет он бойко играл многие детские пьесы, а также с матерью и со старшими в четыре руки.

Однако, поступив в гимназию, он в первых же классах совершенно бросил рояль. Почему? Во всяком случае, не гимназические занятия и вечернее приготовление уроков были этому причиной. У Владимира Ильича были прекрасные способности, и учение в гимназии давалось ему чрезвычайно легко. В младших классах он почти не готовил уроков по вечерам, так как все необходимое усваивал в классе при объяснениях учителя, при этом получал по всем предметам пятерки. Мать рассказывала впоследствии, что Илья Николаевич, отец наш, говорил ей даже о своем опасении, как бы Володя не изленился благодаря своим исключительным способностям.

Вернее всего, что причиной того, почему Владимир Ильич бросил рояль девяти или десяти лет, были рутинные взгляды того времени, что на рояле должны учиться играть девочки, а для мальчиков это занятие неподходящее, но на всю жизнь сохранил он любовь к музыке. Трудно допустить, конечно, чтобы отец смотрел таким образом, но возможно и вероятно, что он все же и не поощрял Владимира Ильича к музыке, а тот как-нибудь стороной, может быть от товарищей по гимназии и т. п., уловил и воспринял этот взгляд. Кроме того, старший брат Александр Ильич не играл на рояле, и это также могло оказать влияние на Владимира Ильича.

Вспоминаю случай, имевший место в том же Симбирске, где учился Владимир Ильич, годами десятью позже. Знакомый мальчик, сын педагога, увлекся роялем. Отец мальчика не только не поощрял сына в этом занятии, но прямо запретил ему играть на рояле. Это, однако, не остановило юного музыканта, и он тайно от отца, при поддержке матери скоро обогнал в музыке свою старшую сестру и стал прекрасным пианистом.

Как бы то ни было, Владимир Ильич бросил рояль, и только мать очень жалела об этом и не раз говорила, как он хорошо играл для своего возраста.

В 1883/84 году мне подарили гармонику. Ни я, ни старшая сестра, Ольга Ильинична, не умели приступить к этому инструменту, и только Владимир Ильич быстро освоился с ним и подобрал несколько мотивов, в том числе довольно удачно «Вот мчится тройка удалая вдоль по дорожке столбовой». Вообще же гармоника не заинтересовала его.

Зимой 1888/89 года в Казани я был с Владимиром Ильичем в опере. Ставили «Дочь кардинала»¹. Места наши были где-то высоко на галерее. Мне очень ярко врезался в память этот вечер. Помню, как мы пешком возвращались из театра, как ужинали дома молоком с хлебом, не хотелось спать. Владимир Ильич все время находился под впечатлением услышанной музыки, напевал «Рахиль, ты мне дана...», еще что-то и главным образом другую арию Елиазара — «Христиан я ненавижу, их решил презирать, но теперь я прибыль вижу — можно денежки достать!». Это место ему особенно понравилось, и дома за ужином он тихо, так как другие спали, все время повторял его.

В этот вечер Владимир Ильич был в чрезвычайно приподнятом настроении, что объяснялось, по-видимому, тем обстоятельством, что он из глухой деревушки, где находился под гласным надзором полиции (Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии), попал в оперу.

Все, кто близко знал Владимира Ильича, помнят, как менялось у него настроение: то веселый, смеющийся заразительно, как ребенок, увлекающий собеседника быстрым бегом своей мысли, хохочущий без конца, до слез, то мрачно-сдержанный, строгий, ушедший в себя, сосредоточенный, властный, бросающий короткие, резкие фразы, углубленный в разрешение какой-то трудной, важной задачи.

В 1888—1890 годах Владимир Ильич часто пел под рояль с Ольгой Ильиничной, которая хорошо играла, имела голос и умела петь. О ней мало известно, между тем в годы детства и юношества это был самый близкий, лучший товарищ Владимира Ильича. Она была моложе брата на полтора года, но не отставала от него по развитию. Восемнадцати лет она владела немецким, французским, английским и шведским языками. Шведский она изучила с той целью, чтобы ехать учиться в Финляндию в высшее учебное заведение (преподавание велось на шведском языке). Она читала массу книг, серьезные — конспектировала, приступила к изучению первого тома «Капитала» Маркса,

¹ «Дочь кардинала» — опера французского композитора Ж.-Ф. Галеви. О. У.

любила математику, которую знала для своего возраста прекрасно. Она отличалась редким трудолюбием и отрывалась от книг только для музыки, которую очень любила, но и музыкой она занималась серьезно (в Казани училась в консерватории роялю и теории музыки). Про Ольгу Ильиничну можно сказать, что она не работала только тогда, когда спала. В мае 1891 года она умерла от брюшного тифа.

Владимир Ильич поражался ее трудолюбию и способностям.

Они пели дуэтом «Нелюдимо наше море». И помню последний куплет:

Но туда выносят волны только спящего душой!..
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

Любил Володя «Свадьбу», кажется Даргомыжского:

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!
Венчала нас полночь средь мрачного бора!

Затем он пел «Чудесные глазки». Слова Гейне: «Du hast Diamanten und Perlen...»:

У тебя есть алмазы и жемчуг,
Все, что люди привыкли искать,
И еще есть прелестные глазки,
Милый друг, чего больше желать...

Дальше:

Эти чудные глазки на сердце
Положили мне скорби печать,
От них я совсем погибаю,
Милый друг, чего ж больше печаль.

«Погибаю» — надо было брать очень высокую ноту, и Владимир Ильич говорил, вытянув ее: «Уже погиб, погиб совсем». В его репертуаре была еще песня: «Так и рвется душа из груди молодой, просит воли она, просит жизни другой». Далее в песне оказывалось, что «воля и другая жизнь» — это сидеть вместе с милым дружкой и т. д. и т. п. Владимир Ильич смеялся: «Вон, оказывается, куда душа-то рвется!» Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Пелось ведь не для этого, не только для слов. Пелось потому, что душа его действительно рвалась к другой жизни. Пела. Но не изнывала, не грустила. У Владимира Ильича я почти не помню в пении минора. Наоборот, у него всегда звучали отвага, удаль, высокий подъем, призыв!

Он пел в это время также арию Валентина из «Фауста»¹: «Бог всемогущий, бог любви...» Пел то, что положено по нотам, пропущены те слова, которые нельзя выкинуть из песни, но одно место из этой арии у него выходило лучше, красивее — конечно, не благодаря его голосу, а потому, что он невольно вкладывал в это частицу своего боевого духа:

Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Клянусь, буду первым я в первых рядах...

И постоянно, когда я слушал и теперь, много лет спустя, слушаю арию Валентина в опере, на концерте и т. д., мне всякий раз вспоминается далекое время, как Владимир Ильич пел это место.

Летом 1889 или 1890 года я в первый раз услышал «Интернационал». Тот «Интернационал», который теперь знают все, который тогда в России, можно сказать, не знал никто. Было это на хуторе около деревни Алакаевки Самарской губернии. Ольга Ильинична играла на рояле и закончила свою музыку «Марсельезой». Я подбежал к роялю и просил ее повторить. Вдруг неожиданно, так как это было утром, когда Владимир Ильич не отрывался обычно от книг, он подошел к нам и сказал, что надо спеть «Интернационал». Они вместе стали подбирать на рояле новую для меня песню, а затем тихо петь по-французски: «*Debout, les damnés de la terre! Debout, les forçats de la faim...*» На мою просьбу перевести Владимир Ильич спел: «Вставайте, каторжники мира...» — и затем:

Это будет последний
И решительный бой!
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Некоторое время они путались с припевом, но потом наладились².

Мария Ильинична говорила мне, что в это время, в начале 90-х годов, Владимир Ильич выражал сожаление, что он не научился играть на рояле или на скрипке.

Гимназистами в старших классах в Самаре мы пели хором обычные, ходовые в то время песни, вроде «Коперника», «Быстры, как волны», «Из страны далекой» и т. д. Владимир Ильич

¹ Ария Валентина из оперы Ш. Гуно «Фауст». О. У.

² В одном из вариантов воспоминаний Дмитрия Ильича написано: «Летом 1889 года я в первый раз услышал «Интернационал». Было это в такой обстановке... Алакаевка... Оля... «Марсельеза»... Подходит Володя, они начинают что-то подбирать и петь по-французски: «*Debout, les damnés de la terre...*». Владимир Ильич поет по-русски: «Вставайте, каторжники мира...». И потом: «*C'est la lutte finale...*». О. У. (В 1967 году ноты с французским текстом «Интернационала» были обнаружены в альбоме, принадлежавшем О. П. Ульяновой, и опубликованы О. Д. Ульяновой в журнале «Музыкальная жизнь». М., 1968, № 10, с. 1. *Ред.*)

добавил нам куплет к «Копернику»: «Монах стучится в двери рая, апостол Петр ему в ответ: Куда ты, харя проклятая, здесь для тебя ведь места нет». Кто-то из товарищей научил нас новой песне:

Молодой кузнец гуляет
Вдоль по кузнице своей,
Себе молот выбирает
И зовет своих друзей.
Стук, стук, стук!
Стук, стук!
В десять рук, в десять рук!
Приударим, братцы, вдруг!

Владимир Ильич неожиданно захлопал из своей комнаты, где сидел за работой, и просил повторить. Мы, весьма польщенные его похвалой, повторили и спели также другой куплет из той же песни: «Богач золотом гордится и не терпит бедняка, а бедняк день-ночь трудится из-за насущного куска». Мотив песни веселый, бравурный. После я несколько раз слышал, как Владимир Ильич насвистывал его.

Он насвистывал особенно, сквозь зубы, при едва открытом рте. Вероятно, многие помнят это насвистывание, чрезвычайно характерное у него. Насвистывал он только тогда, когда был в веселом или хорошем настроении. При игре в шахматы, когда его дела шли хорошо или он выдумывал хорошую, красивую комбинацию, он задорно, смеющимися глазами смотрел на партнера и, улыбаясь, продолжал насвистывать.

В начале 1900 года Владимир Ильич, вернувшись из сибирской ссылки, привез оттуда, между прочим, новые революционные песни. Любимой его в то время была «Вековые устои»:

Вековые устои качнулись,
Поматнулся старинный уклад
С тех пор, как от сна мы проснулись
И сбросили старый наряд.

П р и п е в:

Встань, поднимайся, рабочий народ!
Встань на врага, люд голодный.
Раздайся, раздайся, клич мести народной,
Вперед, вперед, народ!

И сила и мощь капитала
По стране разлилися родной,
К фабрикам дворянство пристало,
Им служит сам царь головой.

П р и п е в.

Но, теснимый кругом капиталом,
Стал умнее рабочий народ,

Вся та клика в смятенье немалом
Скоро песни не те запоет...

Припев.

Беспольные смолкнут прокляты,
Смолкнет плач наших жен и детей,
Все рабочие встанут, как братья,
За свободу отчизны своей!

Припев.

И поднимется красное знамя,
Не помогут тюрьма и штыки.
Разгорится мятежное пламя,
Побегут перед нами полки.

Припев.

Другую песню Владимир Ильич называл «Туруханской», так как слова ее принадлежат, очевидно, туруханским ссыльным¹, мотив ее старый, кажется украинский.

То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралась пурга.
В шуме ветра ухо различает
Хохот торжествующий врага.
Смело, други, смело,
И над долей злой
Песней насмеемся
Удалой!

Там в России люди очень пылки,
Там к лицу геройский им парад,
Но лишения, годы долгой ссылки
Скоро позолоту соскоблят.

И глядишь, плетется
Доблестный герой
В виде мокрой курицы
Домой.

Утомляют нас годы лишений,
Стоит ли до старости дожидать,
Чтоб у юных, дерзких поколений
Чудом ископаемым прослыть...

Без расчета тратьте
Сил своих запас,
Все равно Сибирь
Схоронит нас.

Пусть же, други, сей науки трудной
С полным мы успехом курс пройдем,
А творцов системы этой чудной
Словом благодарным помянем.

В день победы нашей
Отблагодарим —
Гильолиной знатной
Их почтим...

¹ В рукописи Дмитрия Ильича написано, что слова этой песни принадлежат Мартову. О. М.

Владимир Ильич пел в это время также польские революционные песни: «Красное знамя» («Червоны штандар»), «Варшавянку» и менее известную «Время настало, в темной России дружно, рабочий, выступи в бой!..» Он говорил в то время, что у нас нет еще своих рабочих, революционных песен, так как рабочее движение еще слишком молодо, нет еще массовых политических выступлений, как в Польше и на Западе. Но такие песни должны быть, и, пока они не сложатся в ходе борьбы, нужно распространять переводные польские и пр.

В последние годы, перед своей болезнью, Владимир Ильич как-то не интересовался уже музыкой. Я почти не помню, чтобы он ездил в оперу или на концерт. Казалось бы, что именно в это время, при его крайне напряженной работе, музыка могла бы дать известный отдых, несколько отвлечь и развлечь его вниманием, приостановить, хоть совсем ненадолго, нечеловеческую работу мозга и его артерий.

Но именно здесь его целеустремленность достигла крайних пределов, внимание целиком было сосредоточено на одном деле, отвлечь или ослабить его было нельзя.

Как-то он собрался в Колонный зал, где предстоял вечер с концертным отделением при участии Шаляпина. Владимир Ильич не собирался выступать, а поехал с единственной целью — встряхнуться. Однако, несмотря на то что программу изменили и Шаляпина пустили первым, Владимир Ильич не дождался конца его пения и уехал домой.

Другой раз Мария Ильинична пригласила на квартиру в свободный вечер своих знакомых музыкантш — пианистку и певицу. Владимир Ильич послушал музыку минут десять и опять уединился в свой кабинет.

Во время болезни Владимира Ильича его часто возили в кресле по парку. Иногда, как мне передавали близкие товарищи, он тихо насвистывал что-нибудь. Между прочим, слышали у него напев «Долины Дагестана»¹:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилась моя.

Впервые отрывки были напечатаны 21 января 1941 г. в газете «Правда» № 21

Печатается полностью по кн.: Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче, с. 48—55

¹ Романс М. А. Балакирева на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Соп». О. У.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ В МОСКВЕ

(Стенограмма беседы с Д. П. Ульяновым)

Весной 1893 года я окончил гимназию. Летом мы жили, как и в прежние годы, на хуторе Алакаевка, но, так как я подал заявление в Московский университет, нам предстояло ехать в Москву.

Решили так: мама, я, сестры — Анна Ильинична и младшая, Маня (Мария Ильинична), — поедem в Москву, а Владимир Ильич поедет в Петербург. Выехали мы все вместе на пароходе и вместе ехали до Нижнего Повгорода. Владимир Ильич решил, что в Нижнем сделает остановку, потому что хотел там повидать, как он говорил, кое-кого из марксистов.

Помню только фамилию Розанова. Какой это Розанов — не знаю, только это не хирург Розанов и не тот Розанов, который был в «Южном рабочем», это был какой-то Розанов нижегородский.

Во время поездки на пароходе ничего интересного не было, разве только можно отметить, что мы несколько раз играли с Владимиром Ильичем на палубе в шахматы.

Затем он остался в Нижнем, а мы просхали из Нижнего на поезде в Москву.

В Москве первая наша квартира была в Большом Палашевском переулке — близко от Сытина переулкa, район Большой и Малой Бронной, около Тверского бульвара. Помню, что дом церковный. Тогда номера домов в Москве в ходу не были, и я помню, что Владимир Ильич еще смеялся, говорил: «Что же Москва еще номеров не ввела — дом купца такого-то или дом купчихи такой-то». Адрес ему такой еще попался: «Петровский парк, около Соломенной сторожки». Он возмущался: «Черт знает что за адрес, не по-европейски».

В этой нашей первой квартире Владимир Ильич не был.

Затем мы переехали на Покровку, в квартиру Фролова. Сняли целую квартиру и там жили, причем как раз на этой квартире впервые появилось у мамы пианино, это историческое пианино, которое затем всюду переезжало вместе с мамой: вместе

с ней было сначала в Москве, затем в Вологде, затем в Саратове и Самаре.

С этой квартиры на Покровке мы переехали в Вознесенский тупик. Находится он на Ново-Басманной улице, сразу же влево за железнодорожным мостом. В эту квартиру мы переехали весной 1894 года. Помню, что тогда Марк Елизаров купил себе первый велосипед, весил этот велосипед 53 фунта. Он интересен тем, что именно на нем научился ездить Владимир Ильич.

Я тогда был студентом первого курса, Марк служил на железной дороге счетоводом, и мы вместе с ним учились ездить на велосипеде. Летом 1894 года наши — мама и Елизаровы — сняли дачу около станции Люблино. Дачу сняли вместе с сослуживцем Марка — Буланже. Это был типичный толстовец; например, он с трудом отказывался от папирос, говоря, что не курит, т. е. ни табака, ни папирос не покупал, но чужие курил. Помню, приходил и говорил: «Дмитрий Ильич, дайте папиросу — ужасно зубы болят». Играли толстовцы в картишки, в винт или преферанс, толковали о греховности жизни, что все люди плохи, что только один Лев Николаевич Толстой истину указывает, а больше никто, что политика и социалисты — все это чепуха.

Тогда на этой даче жили Мария Александровна Ульянова, Анна Ильинична и Марк Елизаровы, я и Маня.

Туда летом приехал Владимир Ильич из Петербурга. Зимой 1893/94 года пробыл он в Петербурге, а на лето, так как его очень звала мать, приехал к нам и прожил с нами на даче около месяца.

По-видимому, это был не первый приезд Владимира Ильича к нам в Москву, так как, кажется, в начале 1894 года он вместе с Анной Ильиничной и Марком Елизаровым был на той вечеринке, где был Веве ¹.

В Люблино Владимир Ильич научился ездить на велосипеде. Я выбрал дорожку, которая шла под уклон шагов на сто, и решил его учить. Там же научился Буланже, и потом Владимир Ильич стал учиться и скоро научился. Иногда мы ездили в окрестностях на велосипеде, но так как велосипед был один на двоих и один ехал, а другой шел, то чаще ходили гулять с палками, без велосипеда. Часто ходили к Москве-реке — там, где Перерва.

Помню один наш разговор. Как-то мы идем, и я говорю Владимиру Ильичу:

— У нас очень много товарищей, старых, известных нам, почему не взяться и не создать террористической организации? — Это у меня еще народовольческая отрывка была.

¹ См. настоящий том, с. 37, примечание 1. *Ред.*

Владимир Ильич быстро остановился на ходу:

— А для чего это нужно? Предположим, удалось бы покушение, удалось бы убить царя, а какое это имеет значение?

— Как какое значение — оказало бы громадное влияние на общество.

— На какое общество? Какое ты общество имеешь в виду? Это то общество либеральное, которое играет в картишки и кушает севрюгу под хреном и мечтает о кучей конституции? Это общество ты имеешь в виду? Это общество не должно тебя интересовать, оно нам неинтересно, мы должны думать о рабочем человеке, о рабочем общественном мнении. Вот Карл Маркс в Западной Европе стал во главе рабочего класса именно потому, что рабочие — это самый революционный элемент капиталистического строя.

Больше уж я об этом и не заикался.

Внизу на даче у Буланже была пишущая машинка «Ремингтон», и, когда Владимир Ильич привез с собой «Эрфуртскую программу» Каутского и комментарии к ней и перевел программу на русский язык, я пошел вниз и начал печатать ее на машинке, печатал для себя, просто так.

А Владимир Ильич спрашивает:

— Ты вниз ходил, там печатал? Это неудобно, я тебе программы больше не дам.

— Почему неудобно?

— Люди посторонние, чужие нам, а ты печатаешь; видно, что программа социал-демократической партии. Это неконспиративно. Если можно взять машинку сюда, тогда давай, но туда, вниз, я не дам.

Я притащил машинку наверх, и почью, помню, мы долго не ложились, и Владимир Ильич начал щелкать на этой машинке. Он старался быстро писать, я говорю:

— Напутаешь.

— Ничего, напутаю — исправим. Печатать — так надо быстро, а то лучше я буду писать пером.

* * *

Когда мы переехали с дачи, то поселились на квартире около Курского вокзала, в Яковлевском переулке, рядом с Казенным, — в доме Бажанова, и там жили всю зиму 1894/95 года. Жили в том же составе: Елизаровых двое и пас трое — мать, Мария Ильинична и я. Мария Ильинична еще училась в это время в гимназии.

Зимой 1895 года мы получили письмо от Володи, что он болен, доктор говорит, что воспаление легких, — сперва был грипп, а потом гриппозное воспаление одного легкого. Мать ездила

в Питер, и Владимир Ильич вскоре поправился — у него легко прошла эта болезнь.

В апреле 1895 года он приехал к нам в Москву, на квартиру Бажанова.

Здесь он остановился и здесь же встретился с Лалаянцем — его бывшим самарским товарищем, участником марксистского кружка, — который отбыл год тюремного наказания в Крестовской тюрьме.

Тут Владимир Ильич рассказывал нам относительно третьего тома «Капитала», который прочитал по-немецки — русского перевода еще не было. Помню, тогда еще пришел к нам Масленников из Московского комитета — товарищ Анны Ильиничны, и он рассказывал нам о стремлении капиталистического общества к равной норме прибыли и о ренте, о так называемой дифференциальной ренте.

Это было как раз после выхода книги Бельтова¹, все мы прочли или начали читать первый том «Капитала» и с большим интересом слушали его рассказ о содержании третьего тома.

* * *

Летом 1895 года мы жили на даче — опять в том же составе — на станции Бутово по Курской железной дороге, 29 верст от Москвы.

В это лето Владимир Ильич ездил вполне легальным образом, по паспорту, за границу, где он виделся с Плехановым и членами группы «Освобождение труда», и привез с собой исторически известный чемодан с двойным дном с нелегальной литературой. Хотя он здорово рисковал, но считал необходимым привезти с собой литературу; он считал, что всякий, кто ездит за границу, должен так или иначе привезти с собой нелегальную литературу.

Когда Владимир Ильич вернулся из-за границы, он был у нас на даче в Бутове, и мы с Марией Ильиничной ездили с ним в Москву и провожали его на Николаевском вокзале в Питер.

Помню, что мы сидели на Страстном бульваре и ели простоквашу и Владимир Ильич сказал:

— Видишь этого человека?

— Вижу. А что?

— У него нижняя часть лица удивительно Плеханова напоминает.

Владимир Ильич, такой строгий к себе, всегда других людей, как Плеханова, выдвигал. Он придавал особое значение роли

¹ Имеется в виду книга Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданная в 1895 году под псевдонимом Н. Бельтов. О. У.

Плеханова, считал, что он первый теоретик марксизма в России.

Зиму 1895/96 года мы жили в доме Лоськова в Мансуровском переулке. Я тогда учился на третьем курсе университета.

В эту зиму, в декабре, мы узнали, что арестован Владимир Ильич и отвезен на Шпалерную в Дом предварительного заключения.

Сперва мать, а затем и Анна Ильинична поехали в Петербург организовать передачу ему продуктов и, главное, книг. Анна Ильинична организовала передачу ему статистических материалов для работы «Развитие капитализма в России».

Летом 1896 года я давал уроки в Смоленской губернии, а мама и сестры (Анна Ильинична и Мария Ильинична) жили в Финляндии на даче, где-то у Белоострова, для того чтобы быть ближе к Питеру, к Владимиру Ильичу, так как он продолжал сидеть, и они организовывали ему передачи.

Осенью я приехал в Питер на пару дней и ходил на свидание к Владимиру Ильичу в Дом предварительного заключения. Свидание было за двойной решеткой, между решетками стоял или ходил надзиратель, который запрещал говорить на иностранных языках и следил, чтобы никаких передач не было. На меня это произвело сильное впечатление, я в первый раз нюхнул тюрьмы, и первое впечатление, конечно, было очень тяжелое.

Затем мы жили втроем — Марк, Мария Ильинична и я — на квартире Мишке на Смоленской-Садовой в Москве. Помню, раз мы пошли сниматься, причем Марк взял с собой свою собаку — у него был сенбернар Фрида. Мы снимались в домашних костюмах, несмотря на возражения фотографа, — я был в расстегнутой тужурке, в косоворотке, а Марк даже не надел воротничка. Снялись в таком небрежном виде, и собаку сняли. Эту карточку послали Владимиру Ильичу в тюрьму; он был очень доволен, говорил, что это не официальный снимок, а как бы хорошая домашняя фотография. Марк и Мария Ильинична очень хорошо вышли.

В ожидании приезда мамы и Анны Ильиничны из Питера мы сняли квартиру на Собачьей площадке, в доме Романовского; на этой квартире мы жили довольно долго. Это была зима 1896/97 года. В начале 1897 года закончилось сидение Владимира Ильича, он был выпущен в феврале 1897 года, и ему нужно было ехать в Сибирь. Владимир Ильич получил разрешение проехать через Москву и в Москве остановиться; он тогда просрочил, лишnish два-три дня захватил, и Зубатов постарался в конце концов его выгнать.

Жил он у нас, на Собачьей площадке, и ходил каждый день с утра в Румянцевский музей, теперешнюю Ленинскую библио-

теку, потому что хотел использовать материал для работы «Развитие капитализма в России». Он брал с собой Марию Ильиничну, чтобы она ему помогала делать выписки.

Эта работа (как бы блестящая диссертация) — самостоятельный большой труд, анализ, исследование создания внутреннего рынка при капитализме. Владимир Ильич говорил, что когда пришли и сказали ему собирать вещи, освободили из Дома предварительного заключения, то первая мысль была — не дали мне закончить работу. Он наладился, а теперь неизвестно, где в ссылке работать. Когда Владимир Ильич проезжал через Москву, известно было, что он едет в Енисейскую губернию, должен попасть к красноярскому губернатору. Там где-то в районе Красноярска была частная библиотека у какого-то купца¹, которую он использовал.

Наши проводили его до Тулы; мне что-то (не помню сейчас что) препятствовало выехать; поехали мама, Елизаровы — Марк и Анна Ильинична — и Маня, доехали до Тулы и в грустном и печальном настроении вернулись домой.

Летом 1897 года я должен был ехать в Кокушкино по поручению матери, чтобы устроить фипансовые дела: когда отец матери, А. Д. Бланк, умер, его имение разделили между дочерьми.

Зимой 1897/98 года мы опять жили в той же квартире на Собачьей площадке, и в ноябре 1897 года, уже ко мне, явились с обыском. В 1896/97 году я начал революционную деятельность в рабочих кружках.

Обычно, когда ждешь обыска, готовишься, а тут вышло совсем неожиданно.

У нас была прихожая, и из прихожей сразу дверь в мою комнату, направо была дверь в столовую, а за столовой жили все наши.

Наша домашняя работница стояла на дворе у дверей квартиры, дверь была не заперта; ее один, в штатском, спросил, дома ли я, и сразу же вбежал наверх, а за ним шла полиция. Работница даже не успела меня предупредить. Они вошли прямо ко мне в комнату, я так рот и разинул, увидев полицию.

У меня там, где иконы висят, в этом месте, висел череп — я был медиком. Полицейский говорит: «Прикажете снять череп, ваше благородие?» «Да, посмотри, хотя там, вероятно, ничего нет». Я говорю: «Вы у мертвых в голове ищите революционные мысли». Затем нашли мешок с чем-то металлическим, а там были студенческие пуговицы. «А, до серьезного добрались —

¹ Имеется в виду библиотека Г. В. Юдиша, книгами которой Ленин пользовался во время своего пребывания в Красноярске, по дороге в ссылку. О. У.

там шрифт, вероятно», — быстро открывает мешок, а там — пуговицы.

Меня отправили в тюрьму — это было 7 ноября, — и до августа 1898 года, около десяти месяцев, я сидел в «Таганке»; сначала же был в тверском участке. Там я получил первое боевое крещение: сидел в одиночной камере, на которой было написано: «Государственный секретный преступник».

Вот в основном весь московский период нашей жизни.

19 мая 1938 г., Горки

*Впервые напечатано в 1964 г. в
кн.: Ульянов Д. И. Воспоминания
о Владимире Ильиче, с. 44—51*

*Печатается по кн.: Ульянов Д. И.
Воспоминания о Владимире
Ильиче, изд. 3-е. М., Политиздат,
1968, с. 56—63*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ. СЛУЧАЙ С ИСПРАВНИКОМ ПЕРФИЛЬЕВЫМ

Двадцать пять лет тому назад, в начале 1900 года, Владимир Ильич возвращался из Сибири после трех лет ссылки, которую отбывал в селе Шушенском Минусинского уезда Енисейской губернии. Возвращался он один, без Надежды Константиновны, у которой еще не окончился срок ссылки. Она доехала с Владимиром Ильичем до Уфы и осталась там отбывать гласный надзор полиции¹.

Получив извещение о времени выезда Владимира Ильича, я встретил его в 50 верстах от Москвы, в Подольске, где тогда жил. Нашел его в вагоне третьего класса дальнего поезда; по всему видно было, что публика ехала из холодных стран — меховые шубы, дохи, сибирские шапки с наушниками, валенки, бурки и т. д. были разбросаны по вагону. Владимир Ильич выглядел поздоровевшим, поправившимся, совсем, конечно, не так, как после «предварилки». Прежде всего он расспросил про семейных, про здоровье матери, стал спрашивать о новостях, но скоро выяснилось, что он гораздо богаче меня новостями, несмотря на то что ехал из ссылки, а я жил под Москвой.

Затем разговор перешел к наделавшей в то время много шума книге немецкого социал-демократа Э. Бернштейна — самого откровенного и беззащитного тогда ревизиониста и оппортуниста. Владимир Ильич жестоко критиковал и ругал, конечно, этого Бернштейна и говорил, что это — очень опасное искажение Маркса и с ним поэтому необходима самая решительная и беспощадная борьба. Попутно он обрушился на наших русских оппортунистов, на так называемый «экономизм», на органы этого направления — «Рабочее дело» и «Рабочую мысль».

¹ Н. К. Крупская была приговорена к трем годам ссылки в Уфимскую губернию. В связи с выходом замуж за В. И. Ленина она первые два года ссылки отбывала в селе Шушенском, последний, третий год — в Уфе. *Ред.*

Когда по прибытии в Москву мы ехали с Владимиром Ильичем на извозчике к своим, на Бахметьевскую улицу¹, я был счастлив и горд тем, что я на полтора часа раньше других его встретил и что я «привезу» его к ним.

Владимиру Ильичу было предоставлено право выбрать себе для жительства любой город, кроме столиц, университетских городов и, кажется, фабрично-заводских центров. Он остановился на Пскове. Псков, где он никогда не бывал и никого там не имел, был выбран, по-видимому, только благодаря его близости к Петербургу, который в то время, конечно, был центром внимания Ильича. Из Пскова легче можно было производить поездки в Питер, следить за ходом рабочего движения, сноситься с непосредственно работающими товарищами и влиять на движение. И вот один или два раза Владимиру Ильичу удалось благополучно съездить туда и видиться с кем надо. Но в последний свой приезд он попался опять в руки полиции.

Вместе с Мартовым, который был тогда единомышленником Владимира Ильича, они отправились в Питер. Прибыть на Варшавский вокзал, т. е. ехать прямо, казалось им опасным. Они решили замести следы и приехать с другого вокзала, где их не ждут шпики. Проехали из Пскова до Гатчины, оттуда повернули по боковой линии на бывшее Царское Село, там опять пересели в другой поезд и благополучно, казалось, прибыли в Питер. На другой день утром, когда Владимир Ильич вышел из квартиры, где почевал, его внезапно схватили, как он рассказывал потом, «за руки, один — за правую, другой — за левую, да так взяли, что не двинешься... если бы надо было что-нибудь проглотить, не дали бы». Посадили на извозчика и привезли в градоначальство; там, конечно, обыскали, но ничего не нашли. Отвели тут же в камеру. Вызывают на допрос: «Зачем приехали? Вам ведь известно, что в столицы вам запрещен въезд?» Далее: «И выбрали путь, нечего сказать! Через Царское Село! Да разве вы не знаете, что там мы за каждым кустиком следим?»

При градоначальстве сидеть было очень скверно, не сравнить с «предварилкой». «Инсекты не дают покоя ни днем, ни ночью, — рассказывал Владимир Ильич, — и вообще грязь невозможная, а кроме того, ночью шум, ругань; как раз около камеры усаживаются каждую ночь в карты играть городовые, шпики и пр...»

Хорошо, что сидение здесь продолжалось не более двух недель². Владимир Ильич очень беспокоился, чтобы у него не отобрали заграничного паспорта, который был уже в кармане, а с этим паспортом был связан дальнейший план действий:

¹ На Бахметьевской улице, куда мы приехали, жили во втором этаже небольшого домика Мария Александровна, Марк Елизаров и Мария Ильинична; где была тогда Анна Ильинична — не помню. *Д. И. Ульянов.*

² См. настоящий том, с. 63, примечание 1. *Ред.*

ехать за границу и приступить к изданию большой политической газеты — будущей «Искры», которая должна стать органом революционной социал-демократии в противовес «экономизму» и пр., которая должна тесно связаться с местами и стать центром собрания и организации партии пролетариата.

По освобождении Владимир Ильич поехал в Подольск, где мы жили с матерью. Его сопровождал от самого градоначальства полицейский чиновник, который и доставил Владимира Ильича по назначению — прямо к исправнику Подольского уезда. Исправник, некий Перфильев, старый чиновник, любивший при случае метнуть гром и молнию, но трус по существу, потребовал у Владимира Ильича документы. Тот предъявил свой заграничный паспорт. Перелистав и просмотрев его, исправник положил документ к себе в письменный стол и сказал: «Теперь вы можете идти, а паспорт останется у меня». Самое страшное для Владимира Ильича случилось: у него отобрали заграничный паспорт, и кто отобрал? Какой-то уездный исправник! «Документ мне нужен, — сказал Владимир Ильич, — возвратите его мне». Исправник величественно ответил: «Вы слышали: документ останется у меня, а вы можете идти». Владимир Ильич протестовал и заявил, что он не уйдет, пока не получит обратно паспорт. Исправник стоял на своем. Тогда Владимир Ильич повернулся к выходу и заявил: «В таком случае я принужден жаловаться на ваше незаконное действие в департамент полиции» — и вышел. Исправник струсил, последняя фраза произвела свое действие. Он вскричал: «Послушайте, г. Ульянов, вернитесь назад! Вот ваш паспорт, возьмите его».

Владимира Ильича ждали дома с нетерпением. Как только он перешагнул порог, он внес с собой живость и веселье. Начал рассказывать о своих последних злоключениях, и прежде всего об этом «старом плуте и дураке» — исправнике. Он был еще возбужден после этой схватки: «Хотел отобрать у меня заграничный паспорт, старый дурак, так я его так напугал департаментом полиции...» — и Владимир Ильич весело захохотал.

*Впервые напечатано в 1925 г. в
кн.: О Ленине. Воспоминания,
кн. IV, под ред. и с предисловием
П. Л. Мецгерякова. М.—Л.,
Госиздат, с. 48—50*

*Печатается по кн.: Ульянов Д. И.
Воспоминания о Владимире
Ильиче, с. 65—68, сверенной с
первой публикации*

ПО ТЕТЕРЕВИНЫМ ВЫВОДКАМ

Как-то раз, помнится в августе 1919 года, Владимир Ильич договорился с товарищами-охотниками поехать на охоту по тетеревиным выводкам. Решено было поехать с вечера в Горки, там переночевать, а утром на заре проехать в деревню Опарники, где должен был ждать нас егерь Михаил Плешаков с легавой собакой.

На молодых тетеревов выходят в лес обычно рано утром, до солнца, чтобы собака по росе лучше чуяла след птицы. Когда солнце обогреет, след птицы найти труднее.

В Горках улеглись спать поздно вечером, а разбудили нас так рано, что было еще темновато и видны были звезды на небе. Помню, что Ильич, когда его будили, захохотал и воскликнул: «Да ведь еще ночь совсем, звезды светят!» Должно быть, он еще совсем не спал или не успел заснуть.

Быстро собрались и поехали к месту охоты. Езды было не более 15 минут. Егерь Плешаков встретил машину уже готовым — с ружьем и с собакой — и, пожурив нас, что поздно приехали, повел сейчас же в лес.

Впоследствии Плешаков не раз охотился с Ильичем, но в этот раз видел его впервые и не знал, что это Ленин, хотя вообще речь о его приезде была. На его вопрос, кто это, товарищи с целью конспирации сказали, что это их знакомый, слесарь из Москвы. (Владимир Ильич был в синей косоворотке и потрепанном пиджаке.) «Вот, — проворчал егерь, — я рассчитывал, что они Ленина привезут, а тут какой-то слесарь!» Я не знал тогда об этой конспирации и был очень удивлен, когда Плешаков обратился почему-то ко мне со словами: «Идите за мной, Дмитрий Ильич, следите за собакой, выводок сейчас должен быть». Я не понимал, в чем дело, почему он не обратился к Владимиру Ильичу, не позвал его следить за собакой, с какой стати первый выстрел будет мой, и стал подзывать брата ближе к собаке, чтобы он первый стрелял. Но Ильич ответил, что пойдет

рядом и будет стрелять, когда птица полетит в его сторону. Поднялся пестрый черныш, и я его убил, ощутив при этом на душе какой-то неприятный осадок: почему так вышло, что первым стрелял я, а не Владимир Ильич? Чего ради я попал на первое место? Ну, думаю, следующего он будет стрелять, и казалось, что вот сейчас подымется второй. Но этого не последовало. И егерь, когда после выстрела сошлись все вместе, предложил подманывать выводок, а нам занять места и сидеть неподвижно в ожидании появления птиц. Он объяснил, что матку нужно стрелять в первую очередь и тогда весь выводок будет в наших руках. Мы разместились кто где. Ильич уселся на опушке большого леса. Егерь начал подманывать. Солнце сильно пригрело, и меня потянуло к дремоте. Внезапно около Владимира Ильича с резким шумом поднялась тетерка. Он громко крикнул: «Тетерев!» Егерь на это сердито передразнил: «Тетерев! Конечно, тетерев. Это же matka. Отчего не стрелял?» Ильич на это также сердито крикнул: «А сам отчего не стрелял?» Егерь в свою очередь: «Я подманываю, мне стрелять не полагается. Вы должны были стрелять» — и как-то выругался. Кто-то из охотников дернул его и прошипел: «Не ругайся, это же сам Ленин!» Егерь присел: «Что же ты мне раньше не сказал, что это Ленин, а болтаете — слесарь. Эх, мать честная! Это, выходит, я самого Владимира Ильича обругал! Ей-богу, не знал. Извините, пожалуйста».

Охота оборвалась. А бедный Плешаков долго еще ворчал и бурчал себе под нос: «Вот те раз! Как же это я так... Не знал, сказали — слесарь, а то бы разве я?» — и т. п.

Впоследствии Ильич не раз охотился с Плешаковым и на тетеревов, и на дупелей, и на бекасов, причем последний всегда трогательно объяснял ему все касающееся данной охоты.

После смерти Ильича в одном иллюстрированном журнале был помещен портрет Михаила Плешакова и очерк под заголовком: «Егерь тов. Ленина».

Плешаков любовно хранил этот номер в своем чемоданчике.

1938 г., Горки

Впервые напечатано в 1964 г. в кн.: Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче, с. 59—60

Печатается по кн.: Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче, изд. 3-е. М., Политиздат, 1968, с. 97—99

Мария Ильинична Ульянова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

С самых детских лет я испытывала к Владимиру Ильичу какое-то совсем особое чувство: горячую любовь вместе с своего рода поклонением, точно это было существо какого-то особого, высшего порядка. И если я позволяла себе капризы и непослушание с другими, то от всего этого не оставалось и следа, если я только подозревала, что Владимир Ильич может меня видеть или слышать. Уже не говоря о том, чтобы я проявляла какую-нибудь тень непослушания по отношению к нему. А между тем он никогда не выказывал никакой строгости ко мне, даже наоборот, баловал меня, как младшую в семье.

Я думаю, что такой полный авторитет он завоевал себе благодаря высоте своего нравственного облика. Дети ведь очень чутки к тому, чтобы слово не расходилось с делом, чтобы взрослые не оперировали с двоякого рода моралью: одною, применяемою к детям, а другою — к себе. Брат всегда делал хорошо все, за что бы он ни брался, кроме того, он очень рано научился владеть собой. А между тем от природы он был вспыльчивым, и нужно было немало воли, чтобы сдерживать себя. Повторяю: я не помню, за малыми исключениями, чтобы он был нервен в то время, чтобы он проявлял себя резко по отношению к кому бы то ни было.

Возможно, что моя привязанность к Владимиру Ильичу усугублялась еще тем, что я перенесла на него любовь к отцу, который умер, когда мне еще не было восьми лет. Отец очень любил возиться, бегать и играть с нами, детьми. Много возился он и со мной, как с младшей. У Владимира Ильича было такое же отношение к детям, как и у отца. В этом отношении было то, что особенно завоевывает детей. Он подходил к ним просто, ласково и, я бы сказала, как равный, как к всамделишным людям, хотя и маленьким. В его тоне и обращении с ними не было ни пренебрежительности, которая так часто чувствуется у взрослых по отношению к детям, ни особого подлаживания под детей и под детские интересы. Владимир Ильич сам слишком мно-

го детского, в лучшем смысле этого слова, сохранил до последних дней своей жизни, что выражалось в удивительной чистоте, искренности, жизнерадостности, способности увлекаться, скажем охотой, прогулкой, игрой и пр., как ребенок, а также в умении предаваться самой беззаботной веселости. Как же тут было не завоевать симпатии детей!

И всегда, когда Владимиру Ильичу приходилось встречаться с детьми, у него очень быстро устанавливались с ними самые дружеские отношения, с оттенком влюбленности со стороны детей. Знакомство завязывалось быстро, и через некоторое время слышались уже громкий хохот, возня и беготня.

Владимир Ильич стоял всегда за предоставление детям наибольшей свободы и в более поздние годы останавливал нас всегда, когда замечал, что мы слишком «обдергиваем» их: «сиди смирно», «не вертись», «не озоруй» и т. п. Это отношение его к детям проявилось и незадолго до его смерти. На рождество 1923 года я устроила в большом зале горкинского дома елку, созвала человек десять ребят местных служащих и двух наших племянников. Владимир Ильич приехал (сверху) на своем кресле и с удовольствием смотрел на игры детей и слушал их хорвое пение. Но когда под конец я раздала ребятам подарки и они на радостях слишком распалились и разбегались, я стала их останавливать, боясь, как бы весь этот шум не утомил слишком Владимира Ильича. Но он тотчас же знаками попросил меня не останавливать детей в их играх.

Никакого «обдергивания» не было никогда со стороны Владимира Ильича и по отношению ко мне, когда я была ребенком, а он молодым человеком (он был старше меня на восемь лет).

Отношение его ко мне было всегда простое и ласковое и как-то поднимало меня всегда в собственных глазах.

В симбирский период нашей жизни разница лет между мною и Владимиром Ильичем, о которой я говорила выше, была особенно ощутительна.

Но я слишком забежала вперед.

Из жизни в Симбирске, до смерти отца, у меня сохранились такие воспоминания. Мы жили в большом, поместительном доме с антресолями, на которых помещались мы, дети. К дому примыкал большой, покрытый травой двор, на котором летом устраивались всегда разные игры, вроде жмурок, пятнашек и пр., а зимой сооружали ледяную гору. За двором тянулся большой фруктовый сад, который выходил на параллельную Московской, на которой был наш дом, Покровскую улицу. Этот сад был очень хорош. Вокруг него шли дорожки, обсаженные сиренью, акацией и пр. На них было очень много тени. Посредине тоже были дорожки, которые разделяли сад на четыре равные части. Эти четвертушки были засажены всевозможными ягодными кустами, яблонями и т. п. Без особого разрешения

нам не позволялось рвать что-нибудь в саду. «Пастись» на грядках с клубникой, в малиннике и пр. разрешалось только после того, как были сделаны запасы варенья и когда набегу ребят на кусты и гряды не могли уже плачевно сказаться на последствиях. Запрещение это выполнялось нами, детьми, очень строго. И я помню, как поразили меня слова одной знакомой, которая в разговоре с мамой выразила удивление, что в саду все цело. «Мои, мол, ребята, все обрывают». Я не помню, чтобы запрет рвать ягоды и пр. был для нас особенно труден, мы всегда получали ягоды за столом, кроме того, запрета, например, на крыжовник, когда он созревал, не было совсем, да и на другие ягоды запрет скоро снимался, как я указала выше.

В этих ягодных кустах, помню я, мелькала иногда фигура Владимира Ильича. Помню и чаепития в беседке посреди сада, куда собиралась после обеда вся семья. Но в те годы разница лет между мною и Владимиром Ильичем (восемь лет) была особенно ощутительна: я была еще совсем маленькой, а брат — гимназистом старших классов. Но некоторые картинки у меня ярко запечатлелись в памяти. Вот я еще совсем маленькая. В доме у нас была собачка, по кличке Garçon¹, которую наша старушка няня², жившая у нас в доме и вынянчившая всех детей, начиная с Владимира Ильича, называла Кальсонкой. Раз вечером кто-то из мальчиков — у нас жили в то время дети Персианиновых — гимназисты — зовет меня наверх, в их комнату, чтобы посмотреть фокус. Я иду вместе с няней и, затаив дыхание, смотрю на ящик от маминой машинки, который сам двигается по полу то в одну, то в другую сторону. Изумлению моему нет конца, но изумление это переходит в отчаяние, когда ящик приподымают и под ним оказывается наша собачонка. Я заливаюсь горькими слезами, и даже обещание няни дать Кальсонке сейчас же говядинки плохо способствует моему успокоению. Но тут появляется Владимир Ильич, и его уверение, что с собакой ничего не произошло, оказывает свое действие.

А вот зима. И мы летим с Владимиром Ильичем на санках с высокой ледяной горы, устроенной на дворе. В те годы Ильич называл меня «пичужкой» и часто высоко поднимал меня над головой, взяв сзади за локти.

В 1886 году (12 января) умер отец, а 8 мая 1887 года был повешен в Петербурге старший брат, Александр.

Я уже рассказывала в своей речи на Московском Совете 7 февраля 1924 года³ о том, какое впечатление произвела на Владимира Ильича казнь старшего брата, и приводила его слова: «Не таким путем надо идти, мы пойдем не таким путем». Выражение лица при этом у него было такое, точно он жалел,

¹ Мальчик. *Ред.*

² Она и умерла у нас в доме в 1890 году. *М. У.*

³ См. настоящий том, с. 136—137. *Ред.*

что брат слишком дешево отдал свою жизнь, не использовав ее так, как можно было это сделать на благо рабочего класса.

Летом 1887 года мы переехали в Казань, продав дом и простившись совсем с Симбирском. Сестре Анне ссылка в Восточную Сибирь была заменена Казанской губернией, и она поселилась там в имении тетки — в Кокушкине. Младший брат был переведен в Казанскую гимназию, а Владимир Ильич поступил в Казанский университет. Два месяца, что он пробыл в университете¹, я жила вместе с сестрой в деревне, а за несколько дней до его высылки из Казани приехала с кем-то в город. Помню зимний морозный вечер. Вместе с Ильичем мы в кибитке с бубенчиками едем в Кокушкино, а сзади на санках нас провожает какой-то полицейский чип. Это было мое первое знакомство с полицией. Город кончается, мы выезжаем в поле, и тогда наш провожатый поворачивает обратно. В Кокушкине Володя проводит все время за книгами в своей комнате за письменным столом, и я захожу в эту комнату с каким-то особенным чувством уважения. А когда он берется заниматься со мной — что, впрочем, в этот период случалось редко, я испытываю глубокую радость и мне кажется, что все занятия идут у меня куда лучше. Гулять мы отправлялись обыкновенно на речку по льду. Владимир Ильич охотился за зайцами, но, должно быть, неудачно, и сестра часто поддразнивала его этими неудачами. Зимой в деревне жилось невесело, к тому же дом, в котором мы жили, был довольно холодный. Общества — никакого, и мне казалось, что брат тяготился жизнью там. За границу его не пускали.

*Впервые напечатано в 1964 г. в
кн.: Ульянова М. И. О Ленине.
М., Политиздат, с. 7—11*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, изд. 2. М., Политиздат,
1966, с. 6—10, сверенной с руко-
писью*

¹ В. И. Ленин поступил в Казанский университет 13(25) августа 1887 года. 5(17) декабря 1887 года за участие в студенческой сходке он был исключен из университета. *Ред.*

В СИМБИРСКЕ

Вы просите, ребята, рассказать вам о товарище Ленине? Вы говорите, что знаете о нем как о вожде рабочего класса, вожде мировой социальной революции, но вам так мало приходилось слышать о нем как о человеке и вы хотели бы больше знать о его жизни. Вы правы, когда задаете такие вопросы, потому что товарищ Ленин был большим человеком не только по своему уму, по той роли, которую он играл в нашей революции, по той огромной работе, которую он вел во имя освобождения и улучшения жизни всех обездоленных, угнетаемых капиталом людей во всем мире. Не только эту работу должны мы все изучать, мы должны хорошо знать товарища Ленина и как человека, потому что это поможет нам и самим стать лучше.

Я постараюсь рассказать вам поподробнее о нем, потому что знаю Владимира Ильича не только по книгам и рассказам других людей, но знаю его близко и по совместной жизни с ним. Слушайте же.

Наши детские годы прошли на Волге, в городе Симбирске, который теперь в честь Владимира Ильича, настоящая фамилия которого была Ульянов, переименован в Ульяновск. Это был (в значительной степени он остался таким и теперь)¹ небольшой провинциальный город, тихий и спокойный. Там не было фабрик и заводов, не было трамваев и даже конок, к Симбирску не была в то время проведена еще железная дорога. Зимой сообщаться с другими городами было особенно трудно: можно было ездить только на лошадях, а это ведь такой неудобный и долгий способ передвижения! Но с весны, с открытием навигации, Симбирск несколько оживал. Он лежит на большой судоходной реке, и, когда она сбрасывала с себя ледяные оковы, на пристани города закипала жизнь, раздавались свистки пассажирских и буксирных пароходов, оживала торговля и сообщение с другими городами становилось более удобным — на па-

¹ Воспоминания относятся к 1930 году. *Ред.*

роходах. Симбирск, теперешний Ульяновск, расположен на высоком гористом берегу Волги, в нем много зелени и фруктовых садов, которые расположены по горе. Весной, особенно в ледоход, вид на Волгу с горы, Венца, как называется там бульвар над обрывом, был очень красивый. Река поднимается из своих берегов, делается шире, а льдины несутся вниз по воде, набегая одна на другую, треща и образуя местами заторы. И борются одна с другой, пробивая себе дорогу, отталкивая более мелкие или с грохотом разбивая их. Мы любили смотреть на эту картину, любили прогулки по Венцу, с которого ледоход, возрождающееся движение по реке, был особенно хорошо виден. Но в Ульяновске есть и другая река, Свяга, которая впадает в Волгу. Дом, в котором мы жили, был ближе к Свяге, и мы чаще ходили туда гулять, купаться и кататься на лодке. Можно было там и рыбачить, что особенно любил мой младший брат, Дмитрий Ильич.

Жили мы в довольно большом, поместительном доме, который отец наш, служивший директором народных училищ, купил в 1878 году. К дому примыкали большой, покрытый зеленой травой двор и сад, который выходил на другую, параллельную Московской улице, на которой был наш дом, Покровскую улицу. На Покровскую улицу выходила калитка, и этим выходом мы пользовались обыкновенно, когда ходили купаться и гулять на Свягу: это был кратчайший путь до нее. Для купанья у нас был определенный час в купальне, принадлежавшей одним знакомым, и в этот час должно было успеть выкупаться как мужское, так и женское поколение нашего дома. Заранее улаживались, кто пойдет раньше, отец с братьями или мы с матерью. И нередко, придя к купальне, мы видели, как братья бултыхаются в воде. Ящик в купальне не удовлетворял их, они выплывали обыкновенно из купальни в реку и уплывали иногда довольно далеко от нее. Приходилось иногда и братьям поджидать, пока мы, сестры, выкупаемся. У купальни была скамеечка, на которой обычно и располагались ожидающие.

На дачу, за город, мы обычно не выезжали, когда жили в Симбирске, и только иногда уезжали на некоторое время в Казанскую губернию, в Кокушкино, где жили две наши тетки со стороны матери¹. Часть этого имения, принадлежавшего отцу нашей матери, перешла по наследству к ней, но долго проводить там время было неудобно, ибо отец не мог на долгое время отлучаться со службы, но старшие дети живали там иногда и одни. Это был очень живописный и хороший уголок, с речкой, на которой можно было рыбачить и кататься на лодке, со старым парком, в котором раздавались всегда голоса детей — их

¹ Имеются в виду А. А. Веретенникова и Л. А. Ардашева-Пономарева. *Ред.*

собиралось в Кокушкине много по летам. Был невдалеке и лес, куда мы ходили гулять. Поездку в Кокушкино мы, дети, очень любили, уже одна поездка на пароходе до Казани, чтобы потом пересечь на лошадей, была для нас удовольствием. Племяла, конечно, и компания двоюродных братьев и сестер, которые, как я уже говорила, собирались на летние каникулы в большом количестве в Кокушкине. Удовольствием этих поездок пользовались, впрочем, больше старшие братья и сестры, а мы, меньшие, чаще оставались с матерью в Симбирске или ездили туда только на сравнительно короткий срок. Мать неохотно отпускала нас без себя, а сама она тоже не уезжала надолго, чтобы не оставлять отца одного.

*Впервые напечатано в 1964 г. в
кн.: Ульянова М. И. О Ленине,
с. 12—14*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, изд. 2. М., Политиздат,
1966, с. 11—13*

В ГИМНАЗИИ

*Из речи на траурном заседании Моссовета
7 февраля 1924 года*

В старших классах гимназии Владимир Ильич проводил все вечера за книгами, за подготовкой к той революционной работе, которой была заполнена вся его последующая жизнь. Особенно памятно мне время после окончания им гимназии, годы, когда он жил с нами в Казани и Самаре, до отъезда в Петербург.

Весной 1887 года (год окончания Владимиром Ильичем гимназии) мы получили известие о казни старшего брата. Десятки лет прошли с тех пор, но и теперь я хорошо вижу выражение лица Владимира Ильича в ту минуту и слышу его голос: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». И он стал готовить себя к тому пути, который, по его мнению, должен был привести и действительно привел к победе.

Когда мы жили в деревне в Самарской губернии, Владимир Ильич каждое утро после чая отправлялся, нагруженный книгами, словарями и тетрадями, в укромный уголок сада, где стояли стол и скамейка. Там проводил Владимир Ильич большую часть дня за научными занятиями. Он не просто читал книги, он изучал авторов, штудировал их, составлял конспекты, делал заметки и выписки из книг. Я приходила в тот уголок заниматься с ним языками, и меня, тогда совсем еще ребенка, поражала настойчивость и аккуратность, с какой Владимир Ильич делал то дело, за которое он брался. И такое внушал он к себе чувство, что хотелось без всяких понуканий сделать все на свете, лишь бы он был доволен тобой, лишь бы заслужить его одобрение.

Целые дни проводил Владимир Ильич за книгами, отрываясь только для прогулки и для разговоров и споров с тем небольшим кружком товарищей, которые, так же как и он, подготавливали себя к революционной работе. Это умение работать, это упорство сохранилось у него на всю жизнь. И в ссылке, и за границей он пользовался каждым свободным часом, чтобы отправиться в библиотеку. Сохранилось много тетрадок и выписок

Владимира Ильича, и по ним можно судить, какое громадное количество литературы по всем отраслям знания было им протудировано. Он всю жизнь учился. Изучал великих мыслителей и живую жизнь, теорию и практику, факты и цифры. Гимназия была только началом.

При всей своей природной одаренности Владимир Ильич не был бы тем, чем он был, если бы не работал так упорно над собой в течение всей своей жизни, начиная с гимназических лет.

*Впервые напечатано в 1924 г. в
кн.: «Лекции Московским рабочим», с. VIII—X*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, с. 16—17*

КАК? БЕЛУЮ ТЕТРАДКУ ЧЕРНЫМИ НИТКАМИ?

У Владимира Ильича с самых детских лет была очень характерная черта: все, за что он ни брался, он выполнял очень хорошо. Сплошь и рядом, если ученику задано какое-нибудь сочинение, срок большой, он садится делать в последние дни, перед самой подачей письменной работы. Думает: «Времени много, успею». Когда Владимиру Ильичу задавали какое-нибудь сочинение на дом, он брался за него сразу — готовил материал. Подбирал себе книги, читал их, делал выписки.

У него было обыкновение писать карандашом. Он тонко чинил его, это был идеально очиненный карандаш. Выписки он делал и писал только на одной стороне перегнутого вдоль листа. Если приходило что-нибудь в голову, он брал нужную страницу и прибавлял запись на правой стороне. План сочинения он составлял предварительно. Это черта, которая русским людям не очень свойственна. У нас многие, если идут делать доклад какой-нибудь, знаю я таких товарищей, то говорят, что в голову тут же придет. А Владимир Ильич, какой бы доклад или брошюру ни писал, составлял всегда план. Даже мальчиком он составлял планы своих сочинений.

Когда я была во втором классе гимназии, он иногда мне помогал в занятиях, если я чего-нибудь не понимала. И всегда требовал большой аккуратности и точности. Помню, мне задали нарисовать карту Европы. Я, посмотрев на карту, нарисовала от руки. Он сказал, что для этого есть циркуль, нужно смерить точно расстояние, и заставил все переделать. Вот другой случай. Я занималась с ним языками. Нужно было выписывать незнакомые слова. Я взяла тетрадку, взяла первую попавшуюся нитку и шиваю. Нитка попалась черная. Он увидел и говорит: «Как? Белую тетрадку черными нитками? Нельзя!» И тут же заставил меня переделать. Вот такая точность была у него во всем. И это осталось на всю жизнь.

Мне приходилось с ним жить в тогдашней Самарской губернии, на хуторе Алакаевке, теперь там колхоз «Уголок Лепина», очень хороший колхоз. Владимир Ильич жил там летом. Было ему лет 18—20. Время у него было разграничено. Аккуратно каждый день встанет, напьется чаю, заберет тетради, словари, книги, идет в уголок сада. Устроил там себе стол, скамеечку, трапезию. Сам устроил: вбил палки и сделал перекладину.

Регулярно, в определенный час, чтобы зря не пропадало время, садился он заниматься. С утра он брался за более трудные вещи: политэкономия, историю. И так обыкновенно часов до двух, до обеда, он проводил время в этом уголке. Я приходила туда заниматься иностранными языками.

Не было ни одного дня, чтобы он не занимался, чтобы он куда-нибудь ушел. Как бы ни были велики у человека способности, без такого упорного труда достигнуть чего-нибудь нельзя. После обеда он шел или гулять или туда же читать беллетристику, новые журналы. Эта точность в распределении времени у него так и осталась с юных лет. Поэтому он очень многое успел сделать.

Он очень любил языки: немецкий, французский, очень большое внимание уделял их изучению. Словари у него были все подобраны. Его таблицы неправильных французских глаголов так аккуратно разграфлены и написаны — точно напечатаны.

Особо близких товарищей в школе у него не было, но школьные товарищи к нему хорошо относились. Он, бывало, раньше уходил в школу, чтобы помочь кому-нибудь в задачах и древних языках, которые он очень хорошо знал, да и в новых языках.

У него очень рано сказалась способность к журнальной литературной работе. В симбирской гимназии учитель словесности, бывало, поставит Владимиру Ильичу пять с плюсом да еще хвалит изо всех сил. Он всегда говорил нашей матери, что ее сын будет литератором, — такой у него был хороший слог. Математикой и естественными науками Владимир Ильич меньше занимался. Склонность к естественным наукам была у старшего брата, Александра Ильича. Он постоянно ездил на лодке, червей всяких собирал, делал коллекции яиц. А Владимир Ильич этого не любил. Он больше любил языки, словесность, историю, литературу.

СТАРШИЙ БРАТ

Брата старшего он очень любил. Александр был старше Владимира Ильича года на четыре. Владимир Ильич обыкновенно все делал, «как Саша», как он говорил. Бывало, кашу подадут на стол, его первого нарочно спрашивают: «Володя, как кашу хочешь: с молоком или с маслом?» Он всегда отвечал: «Как Саша».

Старший брат был очень выдержанный, уравновешенный, мягкий, а Владимир Ильич в детстве был шумливый, вспыльчивый, не очень дисциплинированный. Старший брат имел на него огромное влияние. Потом он выровнялся совершенно. Дружил он больше всего со средней сестрой: они по возрасту подходили, читали много вместе. А в играх всегда их была троица: Володя, Ольга и Дмитрий. Все эти игры происходили во дворе.

На Владимира Ильича очень сильное впечатление произвела казнь старшего брата. В этом году он как раз окончил гимназию. Поехал в университет в Казань. Порядки тогда в университете были очень тяжелые: запрещалось собираться студентам, которые хотели заниматься саморазвитием. Были надзиратели, они назывались «педелями», которые доносили начальству о политических разговорах студентов.

В Казани студенты как-то хотели проучить одного надзирателя, вообще потребовали большей свободы в университете. Они написали петицию, и Владимир Ильич принимал в этом очень активное участие. Петицию эту у студентов не приняли. Была вызвана полиция. Многие студенты тогда демонстративно бросили свои студенческие билеты. И Владимир Ильич бросил свой билет. Несколько десятков студентов было арестовано. Владимир Ильич тоже.

И вот когда пристав вез его в тюрьму, то сказал: «Что вы бьетесь, молодой человек, ведь стена перед вами».

А Владимир Ильич очень решительный был и отвечает: «Да, стена, да гнилая, тщи и рассыплется».

Выслали его в Казанскую губернию. Там за ним был негласный надзор. Старшая сестра тоже там жила. Она была под гласным надзором, пристав приезжал узнавать, как, что, не приезжает ли кто-нибудь. Тут только и можно было делать, что сидеть и заниматься. И Владимир Ильич много занимался, читал.

Когда Владимир Ильич был в Казани, он познакомился кое с кем из революционеров. Было там несколько человек старых народовольцев. С их тактикой, с их методами он был не согласен, но всегда старался взять у них все, что можно было использовать для революционной работы. Он всегда расспрашивал их: «А как вы прятались от шпиков, как в тюрьме знакомства заводили?»

Во время подполья очень важно было, чтобы революционер был конспиративен, чтобы он умел одурачивать жандармов и шпиков. Сколько раз Владимир Ильич мог попасть на каторгу, если бы попался жандармам, но благодаря находчивости и умению он от них уходил.

Подпольную работу Владимир Ильич начал в 90-х годах, когда приехал в Петербург (теперешний Ленинград). Условия были очень трудные. Техники, как мы ее тогда называли, т. е. возможности печатать листки в типографии, не было. Первый листок Владимир Ильич выпустил от руки. Он написал его печатными буквами, четыре-пять экземпляров. Шпики, филеры — полицейские агенты — держали себя очень умело. Сплошь и рядом бывало так: пойдет за тобой один, а чтобы не догадался, что за тобой следят, передаст другому, потом снова появится. Владимиру Ильичу приходилось изучать проходные дворы и все время зорко следить, а не идет ли кто-нибудь? У него было особое умение от них бегать.

Как-то раз, в 1895 году, он рассказывал: нужно было ему куда-то идти, видит, шпион. Владимир Ильич хотел отделаться от него. Он взял и незаметно шмыгнул в какой-то подъезд. Там была комната швейцара. Того как раз не было. Владимир Ильич зашел в комнату, сел в кресло и видит в окошко, как шпик мечется — пропал человек, как в воду канул. А Владимир Ильич сидит в кресле и хохочет. Кто-то спускается с лестницы и видит, что сидит в комнате швейцара неизвестный человек и покатывается со смеху.

ИЗ САМАРСКОГО (АЛАКАЕВСКОГО) ПЕРИОДА (1889—1893 годы)

В ДЕРЕВНЕ И В ГОРОДЕ

В мае 1889 года мы переехали из Казани в Самару. На деньги, вырученные от продажи симбирского дома, мать надумала купить небольшой хутор. При содействии М. Т. Елизарова, жениха, а позднее мужа старшей сестры, хутор был куплен в 50 верстах от Самары у некоего К. М. Сибирякова. Это был богатый сибирский золотопромышленник, скупивший в середине 70-х годов у обедневших самарских помещиков большое количество земли с целью организации крупного, технически рационального хозяйства. Человек левых либеральных убеждений, — может быть, даже левее, — Сибиряков, по-видимому, имел в виду и революционную пропаганду в народе. Во всяком случае, та или иная связь с политическими у него была.

Он широко помогал народникам, которые еще с конца 70-х годов вели в округе Алакаевки (так называли наш хутор по имени прилегавшей к нему деревни) непрерывную революционную работу. Во второй половине 70-х годов в одной из деревень Сибирякова — Сколково, его резиденции, жил Глеб Успенский вместе со своей женой, которая занимала место учительницы в построенной Сибиряковым начальной школе. Здесь Успенский написал свой известный рассказ «Три деревни», описав в нем деревни Сколково, Заглядино и Гвардейцы и подлинных жителей этих деревень. В этой же округе было, одна за другой, несколько попыток со стороны народников организовать земледельческие колонии¹ (кавказцы — группа Орлова, позднее ставшего эсером, организовавшего такую же колонию на Кавказе, тоже на земле Сибирякова, и колония А. А. Преображенского, которая была организована на хуторе Шарнеля, в трех верстах от Алакаевки, и существовала еще при нас).

Задуманное в широком масштабе сельскохозяйственное предприятие не пошло у Сибирякова, хотя на организацию его

¹ Колония эта описана Карониным (Петропавловским) в его рассказе «Борская колония». М. У. (См. Каронин С. (Петропавловский Н. Е.). Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1958, с. 269—358. *Ред.*)

и были затрачены большие суммы. За границей он закупил усовершенствованные сельскохозяйственные орудия — были куплены даже два паровых плуга, — соорудил громадные кирпичные и саманные постройки при хуторах для скота и сельскохозяйственных орудий и т. п. Хозяйство приносило, однако, лишь убыток, и Сибирякову пришлось отказаться от своей затеи. Земельные орудия были проданы за бесценок какому-то немцу, имевшему в Самаре торговлю мелким слесарным инструментом и сельскохозяйственными орудиями. Начал распродавать Сибиряков и земли, оставив лишь некоторое количество земли, достаточное для содержания сельскохозяйственной школы, которую он решил организовать. На Константиновском хуторе, в двух верстах от Алакаевки, было построено здание для этой школы, подбирались уже и кадры учителей. Среди них был толстовец Алексеев, живший ранее в Ясной Поляне у Льва Толстого, Зубрилин, окончивший Петровско-Разумовскую академию, и др., но открыть школу не разрешили. В этом запрещении сыграла, несомненно, определенную роль связь Сибирякова с политическими, хотя и вообще-то Свербеев, бывший тогда самарским губернатором, не был сторонником такого рода культурных начинаний. Как бы то ни было, а после этого Сибиряков стал ликвидировать все и переехал в Петербург (впрочем, и раньше он бывал в Самарской губернии лишь наездами).

В эти-то края и забросила нас судьба.

Покупая это имение¹, мать надеялась, что Владимир Ильич заинтересуется сельским хозяйством. Но склонности у Владимира Ильича к последнему не было. Позднее, по словам Надежды Константиновны, он говорил ей как-то: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал было, да вижу, нельзя, отношения с крестьянами ненормальные становятся».

Но если хозяйство не пошло и от него скоро отказались, то как дача Алакаевка была очень хороша, и мы проводили в ней каждое лето. Особенно хороши там были степной прозрачный воздух и тишина кругом.

В нескольких десятках саженей от старого одноэтажного дома был старый запущенный сад, обрывом спускавшийся к ручью. У каждого из нас был там свой любимый уголок. «Олин клен», — говорили мы. И действительно, вторую мою сестру чаще всего можно было застать за книгой около высокого ста-

¹ В рукописи далее следует: «...мать надеялась, между прочим, предохранить Владимира Ильича от нового ареста. Из университета его исключили, на него и на всю нашу семью после казни старшего брата полиция смотрела косо, и мать боялась, что, живя в Казани, он опять попадет в какую-нибудь «историю», и, действительно, он, по всей вероятности, влетел бы летом 1889 года, как говорил и сам, — при аресте в Казани кружка т. Н. Е. Федосеева. Надеялась мать немного и на то, что Владимир Ильич заинтересуется сельским хозяйством». *Ред.*

рого клена. Анна Ильинична больше любила березовую аллею. В старой липовой аллее, лучше всего сохранившейся, было слишком много тени: верхушки деревьев почти сходились, образуя точно купол. На этой аллее сидели и гуляли больше по вечерам. Минутах в десяти ходьбы от дома был пруд, куда мы ходили купаться. А кругом раздолье: доли, холмы, леса! Невдалеке был так называемый Муравельный лес, в котором было много лесной малины, и мы нередко отправлялись за ней. Ходил туда с нами и Владимир Ильич. Природу он очень любил, и всегда самым лучшим удовольствием и отдыхом для него являлось хождение по глухим, нелюдимым местам с «настоящей природой»¹, как он выражался, описывая свои прогулки за границей.

Террасы в доме не было, ее заменяло крылечко с крышей, достаточно, впрочем, большое для того, чтобы наша семья могла разместиться на нем за самоваром. По вечерам на этом крылечке, чтобы в комнаты не палетали комары, зажигалась лампа, и вся молодежь усаживалась за стол с книгами.

Старшая сестра, Анна Ильинична, так описывает это в одном своем стихотворном опыте:

Ночь давно уж, все-то дремлет,
Все кругом молчит.
Мрак ночной поля объемлет,
И деревня спит.
Под покровом темной тучки
Спряталась луна.
Нет и звездочек, порой липишь
Чуть блеснет одна.
В хуторке лишь, на крылечке,
Светит огонек,
И за чтением серьезный
Собрался кружок.
Все сидят, уткнувшись в книги,
Строго все молчат,
Хоть Манюшины глазенки
Больно спать хотят.
Хоть кружится, развлекая,
Неустанный рой —
Бабочек, букашек стая,
Что из тьмы ночной
Жадно так стремятся к свету,
Пляшут вокруг него.
Теплотой его согреты
Мнят, что вновь вернулось лето,
Что идет тепло.

.

На этом же крылечке мы ужинали по вечерам молоком, ба-лакирь (горшок) которого приносился нам из погребца, и серым пшеничным хлебом.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 223. Ред.

Направо от маленькой прихожей, к которой примыкало крыльцо, была комнатка Владимира Ильича. В этой комнате, впрочем, он проводил только ночь. Утром, напившись чаю, он забирал книги, тетради и словари и отправлялся заниматься в сад. А в комнате на это время все окна завешивались темными синими занавесками или одеялами «от мух», с которыми Владимир Ильич постоянно воевал.

В саду у Владимира Ильича был свой уголок. Там он устроил себе в тени лип деревянный стол, скамейку, и в некотором отдалении трапецию. В этом уголке Владимир Ильич проводил все время до обеда за серьезной работой. Работать Владимир Ильич умел, работать систематически и усидчиво. Книги он не только читал, он изучал, прорабатывал их. Читал по определенному плану. Помню, уже в более поздние годы он говорил, что просто читать разные книги — мало толку. В одном из своих писем из Сибири, спрашивая, работает ли брат Дмитрий, который сидел в то время в тюрьме, Владимир Ильич писал:

«Ему бы заняться чем-нибудь регулярным, а то ведь так «читать» вообще — мало проку»¹.

Владимир Ильич считал, что надо выбрать какой-нибудь один вопрос и работать по нему систематически. Такой систематической его работа была всегда. С утра, на свежую голову, он штудировал более серьезные вещи. Не только читал, но и конспектировал прочитанное, делал заметки и выписки. Иногда он оставлял книги и прохаживался взад и вперед по аллейке около стола, видимо обдумывая прочитанное. Потом садился и опять углублялся в чтение.

В этот уголок сада я прибегала к Владимиру Ильичу по утрам заниматься языками. Я читала и переводила ему французскую или немецкую книгу, причем Ильич всегда настаивал, чтобы я работала возможно более самостоятельно, сама додумывалась до смысла, прибегая к его помощи лишь в особо трудных местах. Слов незнакомых я не выписывала в особую тетрадь, как это обычно делается, но значение их брат спрашивал меня на другой день, обращая на них мое внимание и при дальнейшем чтении, когда они попадались в тексте.

После обеда Владимир Ильич иногда тоже сидел в своем любимом уголке, но читал уже более легкие книги. Иногда к нему присоединялась сестра Ольга², и они читали вместе (из книг, которые они читали вместе, мне запомнился Глеб Успенский). По возрасту Ольга более всего подходила к Владимиру Ильичу, и они жили в то время общими интересами.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 92. *Ред.*

² Далее в рукописи следует: «...которая жила вместе с нами до осени 1890 года, когда она поступила на Высшие Бестужевские курсы в Петербурге». *Ред.*

По вечерам в алакаевском домике раздавалось иногда пение, это Владимир Ильич пел под аккомпанемент Ольги Ильиничны. Он очень любил музыку и пение, охотно пел сам и слушал пение других: М. Т. Елизарова или хоровое пение. Помню обычный финал его пения, когда он принимался за романс «У тебя есть прелестные глазки». На высоких нотах — «от них я совсем погибаю» — он смеялся, махал рукой и говорил: «Погиб, погиб».

Прося выслать ноты для пения Г. М. Кржижановскому, Владимир Ильич писал из Сибири: «На вопросы Маняши: какой у Глеба голос?.. Гм, гм! Должно быть, баритон — что ли. Да он те же вещи поет, что и мы, бывало, с Марком «кричали» (как няня выражалась)»¹.

Ольга Ильинична только два лета жила с нами в Алакаевке. Это была девушка с незаурядными способностями и огромной трудоспособностью. Кончив гимназию с золотой медалью, она много и усидчиво работала над своим самообразованием: изучала английский язык, серьезно занималась музыкой, много читала². Стремясь изучать медицину, она решила ехать в Гельсингфорс, так как Женский медицинский институт в Петербурге был в то время закрыт, и принялась за изучение шведского языка. Усвоила она его основательно, делала и переводы со шведского, но в Гельсингфорсский университет все же не попала, так как выяснилось, что кроме шведского языка нужен был еще и финский. Чтобы не терять времени на его изучение, она поступила на физико-математическое отделение Высших (Бестужевских) курсов в Петербурге³. В напряженной работе

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 73.

Далее в рукописи: «Настоящего голоса у нас в семье ни у кого не было, но музыку мы все любили и немного ей учились. В детские годы учился играть на рояле и Владимир Ильич, но рано бросил это занятие и потом жалел об этом.

По возрасту Ольга Ильинична больше всего подходила к Владимиру Ильичу, и жили они в то время общими интересами. Иногда они читали вместе. Помню это потому, что у нас с Олей была установлена очередь мыть посуду после обеденного чая: один день мыла я, другой — она. Случалось, что она просила меня заменить ее в этой не очень-то приятной для нас обязанности, чтобы идти читать вместе с Володей. Чаще, впрочем, он читал один.

По вечерам обыкновенно Владимир Ильич отправлялся гулять. Иногда к нему присоединялся кто-нибудь из нас. На этих прогулках, бывало, строились планы будущего, говорилось о прочитанном, иногда Владимир Ильич шел молча, точно обдумывал что-то. Он любил гулять и предпочитал ветреную погоду». *Ред.*

² В рукописи: «По некоторым сохранившимся ее запискам видно, как много и систематически она работала. В одной тетрадке, например, она каждый день записывала все, что сделала за этот день, отмечая, сколько страниц прочла она в той или другой книге. Насколько двинула вперед занятия языками и пр.». *Ред.*

³ В рукописи далее следует: «Много работала она и там, и Э. П. Кржижановская и А. А. Якубова, учившиеся вместе с ней, отзывались о ней как об очень выдающейся девушке». *Ред.*

прошла для нее там зима 1890/91 года, а весной Ольга Ильинична заболела брюшным тифом¹, осложнившимся к тому же рожей, и 8 мая ее не стало².

Как все в нашей семье, Владимир Ильич был застенчив, и когда — что случалось крайне редко — к нам приезжал кто-нибудь из малознакомых, он или оставался в своей комнате, или через окно удирал в сад. Так поступал он и при посещении малоинтересных для него людей. В Алакаевке мы жили уединенно. Знакомых было мало. Но кое с кем из местных жителей Владимир Ильич поддерживал знакомство.

В трех верстах от Алакаевки была, как я уже указывала, колония «кавказцев», как звали их крестьяне. Несколько народников село на землю, купив ее на льготных условиях у Сибирякова, с целью создать образцовую земледельческую коммуну. Дело, впрочем, не шло у них на лад, и скоро, за исключением А. А. Преображенского, все разбежались. С Преображенским же Владимир Ильич видался и много спорил, прогуливаясь иногда до поздней ночи по дороге от нашего хутора до хутора Шарнеля.

Преображенский же познакомил Владимира Ильича с некоторыми интересными крестьянами-самородками.

Видался Владимир Ильич и с Д. А. Гончаровым, студентом-медиком, исключенным в 1887 г. из Казанского университета за участие в демонстрации. Он служил фельдшером в Тростянке, в 8—10 верстах от Алакаевки³. Гончаров не принадлежал в то время ни к какой политической партии, но настроен был очень радикально. К Владимиру Ильичу он относился с огромным уважением⁴.

¹ В рукописи далее: «В моей памяти до сих пор сохранился текст телеграммы, которую Владимир Ильич, сдававший тогда экстерном государственные экзамены в Петербурге, прислал нам: «Олей брюшной тиф, лежит в больнице, уход хорош, доктор надеется на благополучный исход».

Помню беспокойство матери, ее колебания, ехать ли тотчас же или подождать следующих сообщений. Но скоро пришла другая телеграмма от Владимира Ильича: «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра».

Мать тотчас же собралась и уехала. Но ей не удалось выходить сестру: тиф у нее оказался тяжелый...». *Ред.*

² В рукописи далее сказано: «Из моей совместной жизни с Ольгой Ильиничной у меня больше всего остались в памяти ее рассказы. Она часто рассказывала мне прочитанные ею рассказы и повести, и это было одним из любимых моих времяпрепровождений. Рассказывала она очень хорошо, и я с нетерпением ожидала очередного продолжения». *Ред.*

³ В рукописи далее следует: «...и лишь позднее, в 1892 году, сдал государственные экзамены на звание врача при Киевском университете». *Ред.*

⁴ В рукописи далее: «Гончаров умер от сыпного тифа в Самарской губернии в 1918 году, а Преображенский под влиянием Владимира Ильича стал позднее марксистом». *Ред.*

На зиму мы переезжали в Самару, где жили вместе с замужней сестрой и ее мужем, М. Т. Елизаровым. Я училась тогда в гимназии, и Владимир Ильич часто помогал мне в уроках. Если ему нужно было уходить куда-нибудь вечером, он обыкновенно предупреждал меня об этом и предлагал прийти раньше, пока он дома. От этих занятий у меня осталась в памяти его необыкновенная добросовестность ко всякому делу, за которое он брался, к чему он старался приучить и меня. Помню, как мне задали на дом по географии начертить карту Европы. Повозившись с этим, я принесла показать свой чертеж Владимиру Ильичу, но он забраковал мою работу и предложил мне переделать ее. При этом он подробно рассказал, как надо взять циркуль и наметить им на бумаге все расстояния, а не рисовать «на глаз», как было сделано в моей первой работе. С жаром принялась я за дело и была удовлетворена одобрением Владимира Ильича. Но гораздо важнее умения рисовать карты был полученный мной от этой совместной работы пример того, каков должен быть вообще подход ко всякому делу, за которое берешься. Не кое-как, лишь бы скорее с плеч долой, а по обдуманному, взвешенному плану, аккуратно и настойчиво, пока не выйдет действительно хорошо, пока сделанная работа не даст удовлетворения.

Пунктуальность и аккуратность Владимира Ильича проявлялись иногда даже в мелочах. Делая себе как-то тетрадку для занятий, я схватила первую попавшуюся мне катушку с нитками и стала сшивать свою тетрадку черной ниткой. Ильич, который был при этом, остановил меня, заметив, что это некрасиво и что надо найти белую нитку.

Из посещавших нашу квартиру в Самаре кроме А. П. Скляренко, И. Х. Лалаянца, В. В. Водовозова, который приходил больше к старшей сестре — они читали вместе по-итальянски, — М. И. Лебедевой и М. П. Голубевой помню еще В. А. Ионову и А. И. Ерамасова. Последний был знаком с М. Т. Елизаровым и Ионовым по Сызрани, и они затащили его как-то к нам. Вот как описывает А. И. Ерамасов свое первое посещение нашей семьи:

«Я испытывал какое-то особенное чувство при первом посещении ульяновской семьи, перенесшей такое тяжелое горе... Жили тогда Елизаровы в районе Почтовой и Сокольничьей улиц, т. е. недалеко от района «выселенцев», по выражению одного губернатора, кажется Брянчанинова, т. е. недалеко от района, где селилась обычно революционная интеллигенция. Помню, пришли мы вечером и попали прямо к чаю. Вся семья собралась уже в столовой. Здесь я познакомился с Марией Александровной, Анной Ильиничной, Марией Ильиничной и Владимиром Ильичем. Кроме того, за столом был племянник Марка Тимофеевича, который жил у дяди и учился в гимназии.

Разговор шел на обычные в то время темы: о народничестве, о судьбах капитализма, о В. В. и Николае — оне¹ и пр. Владимир Ильич выделялся не только знанием литературы, но и какой-то особой способностью находить слабые места у народников, субъективистов толка Михайловского и пр. После чая мы перешли в комнату Владимира Ильича, где продолжали разговор. В этом разговоре принимал участие и мой приятель Ионов, который много работал над вопросом о развитии капитализма в России и дифференциации крестьянства, собирая материалы по этим вопросам и из статистических сборников и из личного изучения положения крестьянства. Марк Тимофеевич делился своими постоянными наблюдениями из жизни крестьян в Самарской губернии, где тогда уже резко проявлялась дифференциация крестьянства. В разговоре, помню, принимала участие и Анна Ильинична.

Из всей обстановки комнаты мне до сих пор помнится комплект «Русских ведомостей», которые висели на стене перед столиком. Владимир Ильич хранил все прочитанные газеты и отмечал номера, чем-либо заинтересовавшие его».

После этого первого посещения А. И. Ерамасов заглядывал к нам и в другие свои приезды в Самару².

В своих воспоминаниях об этом периоде самарской жизни А. И. Ерамасов сообщает о переводе «Коммунистического манифеста», сделанном Владимиром Ильичем.

«В то время Владимир Ильич сделал прекрасный перевод «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса, — пишет он. — Перевод этот в рукописи ходил по рукам, завезли мы его и в Сызрань. Здесь я отдал тетрадь знакомому учителю, который считался у начальства неблагонадежным. По какому-то делу этого учителя вызвали в Симбирск к директору народных училищ. Мать учителя испугалась, что нагрянут с обыском, и уничтожила тетрадь. Такова судьба этого перевода Ильича. Мне так совестно вспоминать об этом, так как я был отчасти виновником гибели прекрасного перевода».

Хотя А. И. Ерамасов был довольно редким нашим посетителем в Самаре — жил он постоянно в Сызрани, — но связь с ним установилась крепко, на всю жизнь. Не принимая сам непосредственного участия в революционной работе, он за все время подпольной борьбы снабжал партию средствами — он был тогда довольно богатым человеком, — и в трудные времена мы

¹ Имеются в виду В. П. Воронцов и Н. Ф. Даниельсон — идеологи либерального народничества 80—90-х годов XIX в. *Ред.*

² Затем в рукописи М. И. Ульяновой приводится выдержка из воспоминаний А. И. Ерамасова: «При дальнейших посещениях Самары я познакомился там с революционной интеллигенцией, особенно помнится мне А. П. Складенко, который все время оставался другом Ильича и всей семьи Ульяновых-Елизаровых». *Ред.*

всегда обращались за помощью к «монаху», как прозвал его Ильич.

После революции А. И. Ерамасов был некоторое время в партии, но вышел из нее по болезни (туберкулез легких и почек), короткое время работал в Музее народного образования, но вынужден был оставить работу по той же причине. Не имея заработка, он находился в стесненных материальных условиях, но сам ни разу не написал об этом ни Владимиру Ильичу, ни кому-либо другому из членов нашей семьи — так велика была его скромность, — пока мы сами не разыскали его и не выхлопотали ему пенсию. После этого А. И. Ерамасов прожил недолго и весной 1927 года умер в Сызрани.

В Самаре Владимир Ильич много работал над подготовкой к экзаменам, которые он сдал экстерном в Петербурге в 1891 году. По окончании их он возвратился в Самару и занимался немного юридической практикой (по назначению) в качестве помощника присяжного поверенного, работая у А. Н. Хардина¹.

В самарский период у нас в доме процветала игра в шахматы. Хорошо играл и Владимир Ильич, и младший брат Дмитрий Ильич, и Марк Тимофеевич. Сильного партнера нашли они в лице А. Н. Хардина, который был первоклассным шахматистом. У нас на квартире нередко устраивались шахматные вечера. Позднее Владимир Ильич играл в шахматы очень редко, а потом совсем бросил.

Осенью 1893 года Владимир Ильич переехал в Петербург, остальные же члены нашей семьи — в Москву, где брат Дмитрий поступил в университет. Пришлось продать и Алакаевку, которая не могла уже служить нам дачей. Купил ее местный купец Данилин, которого интересовала только земля и мельница; от дома и сада осталось скоро одно воспоминание: дом был перенесен Данилиным в Неяловку, а сад вырублен. В 1905 или 1906 году Данилин был убит крестьянами.

* * *

Мне пришлось побывать в Алакаевке в 1927 году, и я нашла там у местных крестьян самый сердечный прием. Наперебой расспрашивали они меня о Владимире Ильиче, повторяя: «Жаль, мы тогда не знали, кто с нами живет». Расспрашивали они и про Анну Ильиничну, которая в 1892 году, когда в Самарской губернии свирепствовала холера, положила немало трудов на помощь больным лекарствами и указаниями.

При деревне Алакаевке организован теперь колхоз «Уголок Ленина», и в память Ильича надо принять все меры, чтобы пре-

¹ А. Н. Хардин — присяжный поверенный, видный представитель либеральных кругов Самары. *Ред.*

вратить его в показательный. Во главе этого колхоза, председателем его состоит «дядя Костя» — Константин Дмитриевич Филиппов, присутствовавший на первом съезде колхозников-ударников в Москве в 1933 году. «Дядя Костя» уже не молод, но работает он подлинно по-ударному, и в значительной степени его усилиям обязан колхоз своими достижениями. По инициативе колхозников колхоза «Уголок Ленина» на месте деревянного домика, где Владимир Ильич жил по летам, готовится к революционной работе, построена теперь школа его имени.

Впервые напечатано в 1934 г. в кн.: Ульяновы Д. И. и М. И. О Ленине. Отрывки из воспоминаний. М., Партиздат, с. 13—28

Печатается по кн.: Ульянова М. И. О Ленине, с. 24—33, сверенной с рукописью

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ НА ОБЕДЕ У ЧАСТНОГО ПРИСТАВА

Во время одного своего приезда в Москву (по-видимому, это было до его ссылки) Владимир Ильич попросил одну свою старую знакомую (М. П. Голубеву) дать ему квартиру для свидания с двумя товарищами. Попробовав достать такую квартиру в одной знакомой радикальной семье и потерпев неудачу, Мария Петровна решила устроить свидание для Владимира Ильича на квартире своей сестры, которая была замужем за частным приставом. Сестра эта очень любила Марию Петровну и раньше оказывала ей всякие услуги — собирала деньги, не зная, впрочем, на что они идут, давала свою квартиру для свиданий Марии Петровны с товарищами. Свидания эти устраивались на ее квартире Марией Петровной, однако обычно в отсутствие пристава, которого служебные его дела вынуждали бывать в более или менее длительном отсутствии. Узнав от сестры, что муж ее в определенный день будет в каком-то наряде, она дала ее адрес Владимиру Ильичу для него и его знакомых, указав время, когда надо прийти. Владимир Ильич пришел раньше, и они с Марией Петровной уединились в маленьком кабинетике и беседовали там в ожидании прихода других. Это было в первом часу дня. Вдруг неожиданно возвращается пристав, выяснивший, что дело, которое ему было поручено, откладывается и он имеет время, прежде чем идти в наряд, пообедать дома. Относившийся вообще с большим почтением к Марии Петровне и пытавшийся даже однажды хлопотать за нее (вопрос шел о том, чтобы ей было разрешено дольше остаться в Москве), за что он едва не вылетел с места (ему было заявлено, что если, мол, вы уж имеете таких родственников, то по крайней мере не хлопочите за них), пристав с большим гостеприимством пригласил обедать и Марию Петровну. Жена его сказала, что Мария Петровна не одна, а у нее сидит ее знакомый. Но пристав настоял, чтобы к обеду был приглашен и тот. И вот Владимир Ильич пошел с Марией Петровной обедать вместе с приставом. Хо-

зяин, не зная, конечно, с кем он имеет дело, был воплощенной любезностью и, чтобы занять своих гостей, стал рассказывать о том, что он пишет мемуары, которые представляют большой интерес. Владимир Ильич поддакивал ему: «Да, это должно быть очень интересно» — несколько раз в течение обеда. Сказал то же самое и на приглашение пристава прийти как-нибудь к нему вечером, чтобы послушать чтение этих мемуаров. Мария Петровна едва удерживалась от смеха. Во время этой беседы пристав рассказал между прочим, что он сидел в тюрьме месяца три (он сидел за какую-то недостачу денег) и чуть ли не там занимался своими мемуарами. К счастью, два товарища, с которыми Владимир Ильич должен был иметь свидание, пришли позже, когда обед был уже окончен и пристав ушел к исполнению своих обязанностей. Неизвестно, сумели ли бы они держать себя соответствующим образом, как это делал Владимир Ильич. Когда они пришли, Мария Петровна провела их с Владимиром Ильичем в ту комнатку, где она раньше беседовала с ним, а сама вышла. Кто были эти товарищи — она не знала.

*Впервые напечатано в 1964 г. в
кн.: Ульянова М. И. О Ленине,
с. 35—36*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, изд. 2. М., Политиздат,
1966, с. 34—35, сверенной с ру-
кописью*

МЕНЯ ВЗЯТЬ НЕ МОГУТ — ВСЕ РАВНО СИЖУ

Тюрьма — дом предварительного заключения. В камере койка, столик, табуретка привинчены к стене. Владимир Ильич, и сидя в тюрьме, решил не прерывать своей революционной работы. Когда он попался, ему прежде всего надо было узнать, кто из кружка уцелел. Из тюрьмы можно было запросить для работы книги. Он и послал длинный список книг, которые ему нужно было достать. И так как у всех его товарищей были различные клички, то он в этом легальном письме, которое шло через жандармов, запросил о всех товарищах. И запросил очень оригинально.

Были два нижегородца — Ванеев и Сильвин, которых прозвали Минин и Пожарский. Он пишет: «Пришлите книгу «Герои смутного времени»». О Глебе Максимилиановиче Кржижановском, у которого была кличка Суслик, запросил: Брема «О мелких грызунах». Надежду Константиновну прозвали Рыбой. Он и пишет: Майн Рида «The Mynoga».

Товарищи ему отвечали: «Минин взят, Пожарский остался» или: «Первый том есть, второго нет». Таким образом, он узнал, кто из его кружка уцелел, кто попался.

Нужно было ему посылать из тюрьмы на свободу листки. Был целый ряд способов общаться через книги и через письма. Он писал молоком между строчками обычного письма. Молоко при нагревании проявлялось. Но, сидя в камере, очень трудно выбрать такой момент, чтобы никто не видел. Надзиратели подкрадывались незаметно. Подойдет надзиратель и глянет в «волчок». Нужно было быть начеку. Владимир Ильич делал маленькие чернильницы из черного хлеба, наливал молоко и писал. Когда кто-нибудь заглядывал в глазок, ему оставалось только эту чернильницу отправить в рот.

И вот, помню, как-то на свидании он говорил: «Неудачный день сегодня: шесть чернильниц пришлось съесть».

В тюрьме он писал программу партии. Над этой работой ему пришлось много думать, вносить много исправлений, переделы-

вать отдельные пункты. В «предварилровке» условия были вольготнее: книг можно было иметь сколько угодно. У него в камере лежали кипы книг и различные его выписки. В эти листки он и сунул проект программы. И вдруг неожиданно к нему в камеру явились с обыском. Товарищ прокурора явился. Конечно, если бы нашли тут программу партии, Владимиру Ильичу бы не поздоровилось. Тут или заключение, или каторгу можно было заработать. У него была масса выписок. Прокурор посмотрел и сказал: «Слишком жарко сегодня, чтобы всю статистику эту просмотреть». Так и прохлопал.

Владимир Ильич говорил: «Я в лучших условиях, чем другие, меня взять не могут, все равно сижу».

*Впервые напечатано в январе
1936 г. в журнале «Пионер» № 1,
с. 24*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, с. 36—37*

ОТДЫХ И ОХОТА

Когда Владимир Ильич отдыхал, он очень любил всякие игры на воздухе: городки, крокет. Когда Владимир Ильич был уже взрослым и собирался за границу ставить газету «Искра», он попал к нам, в Подольск. И там такие сражения в крокет бывали — страстные, азартные. Игра в городки процветала в Горках. Он хорошо катался на коньках. В Сибири, когда был в ссылке, он устроил каток на реке. Когда Владимир Ильич жил в Германии — там ведь реки не замерзают, — он мне писал, что нашел где-то искусственный каток из искусственного льда и собирается кататься¹.

Очень он любил ездить на велосипеде. Эту возможность он получил только за границей. Там он выучился и делал огромные прогулки. Раз чуть не пострадал: какой-то виконт налетел на него на своем автомобиле, Владимир Ильич успел отскочить, но велосипед совершенно сломался².

Охотиться Владимир Ильич тоже очень любил. Судя по его письмам из Сибири, он там очень много ходил с ружьем. Не скажу, чтобы он был тогда хорошим охотником, но любил отправляться в дальние прогулки с ружьем. Помню, все шла переписка с мужем старшей сестры, нельзя ли как-нибудь получить хорошую охотничью собаку. Потом кто-то ему достал собаку, он много с ней возился.

Владимир Ильич вообще очень любил кошек и собак. Когда он был уже больной, ему кто-то достал маленького щенка, ирландского сеттера. Одного достали — заболел чумой и погиб. Потом другого достали. В 1922 году, когда он был болен, он немало возился с ним. Охота для него была просто отдыхом. Уже при Советской власти он иногда отправлялся на охоту, ходил по лесам около Горок. Ему хотелось иногда отвлечься от постоянных мыслей о работе. Он очень любил такие вылазки на охоту.

*Впервые напечатано в январе
1936 г. в журнале «Пионер» № 1,
с. 25*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, с. 37—38*

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 195—196. *Ред.*

² См. там же, с. 303, 307. *Ред.*

В «ПРАВДЕ» ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

БАРЫШНИ

Первый номер «Правды» вышел 5 марта 1917 года. Небольшая группа работников во главе с К. С. Еремеевым составляла этот номер. Составляла наспех: материал еще не успели собрать, не успели наладить и связи с фабриками, заводами, полками. Это делалось уже потом, в последующие дни, когда петербургские рабочие увидели возродившуюся «Правду» и потянулись в убогое помещение ее редакции на Мойке со своими резолюциями, запросами, с подпиской.

Вечером 4-го пишущая эти строки и А. И. Елизарова спешно набрасывали свои впечатления — хронику уличной борьбы первых дней революции, Константин Степанович попыхивал трубкой, трудясь над передовицей. Кроме указанных лиц с первых дней деятельное участие в составлении газеты приняли М. С. Ольминский, В. М. Молотов, т. Андрей (Егор Пылаев) и Захар (Бреслав), который ведал хроникой. А несколько позднее — вернувшиеся из ссылки Каменев, а затем Сталин.

Вся контора «Правды» состояла из К. М. Шведчикова и стола, за которым он сидел в помещении редакции. Первый номер «Правды» 5 марта был распространен бесплатно, а в последующие дни в «контору» тянулась очередь рабочих, пришедших подписаться на «Правду».

— Ну-ка, на родную-то нашу матушку, — слышались голоса.

Редакция помещалась в двух комнатах. Одна, маленькая, представляла собой кабинет редакторов, и позднее из нее через плохонькую переборку раздавался хохот Ильича и его ближайших товарищей по работе, которые ежедневно по несколько часов проводили в редакции.

В другой, немного большей, помещался секретариат, сидели товарищи, обрабатывавшие материал, машинистка и т. д.

Типография помещалась в том же доме, в другой квартире, а в редакции была еще лишь одна маленькая комната, совершенно пустая, в которую члены редколлегии уединялись обык-

новенно для переговоров с приходившими и приезжавшими к ним товарищами. А приезжало их много, особенно с фронтов, и много вопросов, сомнений и недоумений надо было разрешить и давать указания для дальнейшей работы.

В этот период в редакцию приходило особенно много писем с фронта. Ни о каком подсчете их в то время, конечно, не могло быть и речи, потому что не было соответствующего аппарата — он был мал донельзя, но это преобладание солдатских писем в первые месяцы революции бросалось в глаза не только нам, работникам редакции, через руки которых проходила вся почта, но и всем читателям «Правды», так как многие из этих писем были напечатаны в ней. В большинстве солдатских писем выражалось сочувствие «Правде» и большевикам. Не разбиравшихся еще в политических партиях и их программах солдат влекло к большевикам главным образом горячее стремление выйти как можно скорее из войны, а путь к этому они видели только один — тот, что указывала «Правда». Но были, конечно, и ругательные письма. «Немецкие шпионы», «изменники» и пр. и т. д. — таких эпитетов было немало, и завершались они обыкновенно угрозой, что солдаты, «защищающие отечество», вернувшись с фронта, разделаются с «предателями». Но таких писем становилось все меньше по мере того, как фронтовики начинали судить о большевиках по их литературе и по «Правде», которая хотя и с трудом, но доходила до фронта.

Иногда в редакцию вваливалась запыленная, с обветренным и изможденным лицом фигура окопника, которого его товарищи делегировали в Петроград, чтобы записаться литературой, из первоисточника узнать, как нужно организовать и пр.

В апреле, немедленно по возвращении из эмиграции, за редактирование «Правды» взялся Владимир Ильич. Это был один из наиболее блестящих периодов «Правды». Определенность, четкость позиции, блестящие статьи наших лучших литераторов, в которых они откликались немедленно на все злободневные вопросы, делали ее крайне интересной. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что никогда ни одну газету не читали с таким захватывающим интересом, как маленькую нашу «Правду» апреля — июля 1917 года.

А кругом шло шипенье. Растущая злоба «порядочных» людей против большевиков проявлялась во всяких мелочах. Невроятного труда стоило, например, добиться станции по нашему редакционному телефону. Все заявления и жалобы по этому поводу оставались гласом вопиющего в пустыне. Зато нередко раздавался звонок, и, когда кто-нибудь из нас брал телефонную трубку, раздавался голос: «Это что? «Правда»?» — «Нет, это ложь, а не правда», — восклицала телефонная барышня, бросая трубку. С такой же злобой, я сказала бы, почти с яростью относились к приходившим в редакцию жильцы того дома, где поме-

щалась «Правда». На просьбы указать, как пройти в редакцию, неизменно следовала самая грубая брань. На грех, «Правда» помещалась на Мойке, у самого Невского, где жила такая публика, что на ее симпатии к большевикам нечего было рассчитывать. Когда страсти особенно разгорались, как это было, например, во время демонстраций 20—21 апреля, в редакцию и типографию «Правды» вызывалась охрана. Однажды вечером, когда Ильич был в редакции, прибежал кто-то из товарищей и убедил его уехать оттуда — враждебная манифестация была у самой редакции. На извозчике, в сопровождении солдата с винтовкой Владимир Ильич уехал из редакции на квартиру одного знакомого на Невском, 3. В этой квартире было несколько комнатных жильцов. Когда Владимир Ильич вошел в прихожую, ему навстречу выбежали две барышни и, не узнав его (в комнате был полумрак), направились к выходной двери с возгласом: «Идем бить Ленина».

В июльские дни «Правда» была разгромлена, а Владимир Ильич скрылся в подполье.

Впервые напечатано в 1925 г. в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент» № 4, с. 5—7

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, с. 61—63*

ПРИЕЗД В. И. ЛЕНИНА В РОССИЮ В 1917 году

16 апреля исполняется 20 лет¹ со дня приезда В. И. Ленина в Петроград после Февральской революции, положившей конец его долголетнему изгнанию. Почти пятнадцать лет (за вычетом пребывания его в Петербурге во время первой российской революции 1905 года) — пятнадцать лучших лет своей жизни провел Владимир Ильич в эмиграции, в среде, где «много тяжело», как писал он, где «...невероятно, чудовищно велик процент людей, все существо которых — один большой комок нервов»². Эмиграция была особенно тяжела, ибо приходилось жить вдали от русских рабочих масс, к непосредственной связи с которыми Ильич всегда так стремился...

Тем более непереносно стало это бремя, когда в России вспыхнула Февральская революция:

«Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время»³, — писал Владимир Ильич т. Ганецкому.

Ленин стал неудержимо рваться в Россию, чтобы принять непосредственное участие в руководстве революционной борьбой пролетариата и трудового крестьянства, иметь возможность своевременно влиять на политические события. Однако проехать в Россию было делом нелегким. На помощь Антанты могли в этом смысле рассчитывать лишь социал-шовинисты. Плеханов и его сторонники беспрепятственно проехали на крейсере в сопровождении миноносцев. От деятельности оборонцев в России Антанга могла ждать лишь пользы для себя в своей империалистской политике. Не то было с интернационалистами, фигурировавшими в «черных списках»! Для них проезд через страны Антанты представлял риск интернирования, ареста или потопления парохода, как это и имело место с некоторыми, избравшими такой путь в Россию. Ильич прекрасно понимал это.

¹ Воспоминания написаны в 1937 году. *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 89—90. *Ред.*

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 419. *Ред.*

Семья Ульяновых 1879 г.
Мария Александровна, Илья Николаевич и их дети:
Ольга, Мария, Александр, Дмитрий,
Анна, Владимир.

Александр Ульянов
1887 г.

Анна Ульянова
1883—1887 гг.

Владимир Ульянов
1887 г.

Ольга Ульянова
1887 г.

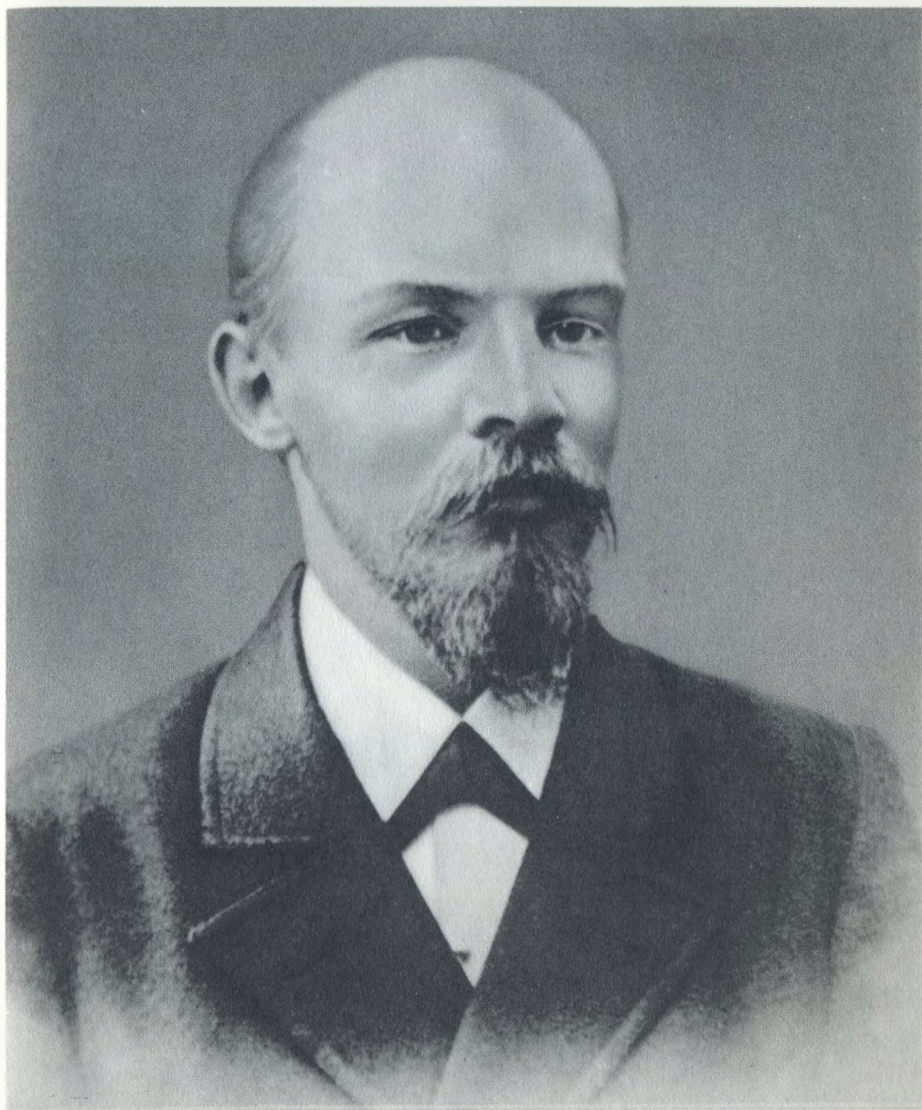
В. И. Ульянов
1891 г.

В. И. Ульянов
1897 г.

Д. И. Ульянов
1900—1901 гг.

В. И. Ульянов
1900 г.

М. Т. Елизаров, М. А. Ульянова, Д. И. Ульянов
и М. И. Ульянова
1902 г.

Н. К. Крупская
1895 г.

А. И. Ульянова-Елизарова и М. И. Ульянова
1912 г.

М. А. и М. И. Ульяновы
1913 г.

В. И. Ленин за рабочим столом в своем кабинете в Кремле
16 октября 1918 г.

В. И. Ленин произносит речь при открытии памятника
К. Марксу и Ф. Энгельсу
7 ноября 1918 г.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Горках
1922 г.

В. И. Ленин, Н. К. Крупская и А. И. Ульянова-Елизарова
с племянником Виктором Ульяновым и дочерью рабочего
Верой Брусовой
1922 г.

«Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще... — писал он Ганецкому 30 марта 1917 г. — Ясно, что приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист Милюков (и К⁰) способны пойти *на все*, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милюкову, и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму»¹.

Но какой же другой путь избрать? Один фантастический план сменялся у Владимира Ильича другим, но все они были неосуществимы. В бессонные ночи, обдумывая возможности вырваться из Швейцарии, он решил как-то прикинуться глухонемым и с паспортом шведа пробраться в Швецию. Ганецкий должен был найти шведа, похожего на Ильича, и добыть у него паспорт. К письму с изложением этого плана была приложена и фотография Владимира Ильича.

«Прочтя записку, я почувствовал, как томится Владимир Ильич, — рассказывает Ганецкий, — но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом... Однако присланная фотография (Владимира Ильича. — *М. У.*) была сейчас же использована. Через два дня она красовалась в ежедневной газете левых шведских социал-демократов «*Политикен*»², а под ней — передовица, написанная Воровским: «Вождь русской революции»...»³.

Изверился скоро Владимир Ильич и в успехе попыток комитета по возвращению в Россию русских политических эмигрантов добиться через Совет рабочих депутатов содействия Милюкова на проезд через Германию в обмен на германских пленных. Милюков не мог одобрить такой план. Единственной реальной возможностью было добиться разрешения германского правительства проехать через Германию, которое было получено через нейтральных швейцарских социалистов.

Это был, конечно, рискованный шаг, так как ясно было, что русская буржуазия и социал-шовинисты попытаются использовать проезд большевиков через Германию для клеветы и инсинуаций против них. Ввиду этого переезд надо было обставить так, чтобы устранить всякую возможность обвинения в сделках с германским правительством и немецкими социал-шовинистами. Владимир Ильич поручил швейцарскому коммунисту Фрицу Платтену предъявить германским властям условия переезда. В основном они заключали в себе требование экстеррито-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 418—419. *Ред.*

² «*Politiken*», 1917, № 80, 6 апреля. *Ред.*

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2, с. 377—378. *Ред.*

риальности вагона, паспорта едущих не должны были предъявляться, никто, помимо т. Платтена, который сопровождал Владимира Ильича и его товарищей до Стокгольма (в Петроград его не пустило русское правительство), не имел права ни выходить из вагона, ни вести с кем бы то ни было дорогой каких-либо переговоров. В силу этого их вагон получил впоследствии название «запломбированного».

9 апреля (н. ст.) Владимир Ильич выехал из Цюриха. С ним ехала лишь небольшая часть эмигрантов, главным образом большевиков. Другие признали этот переезд «политической ошибкой» и устроили даже при отходе поезда враждебную демонстрацию нашим товарищам. Впоследствии, однако, они вынуждены были избрать тот же путь, изверившись в возможности проехать в Россию как-либо иначе.

Приезд Владимира Ильича в Петроград, как мы ни ждали его, был неожиданным. Лишь 16 апреля днем получены были из Торнео телеграммы от него с известием о приезде. Это был праздничный день¹. Заводы не работали, газет не было, но из уст в уста разнеслась по рабочим районам радостная весть, что вечером должен приехать вождь большевиков. Рабочие стали готовиться к торжественной встрече своего признанного, любимого вождя и учителя.

Встреча началась с Белоострова. Кроме ближайших товарищей Владимира Ильича и его родных сюда приехали и сестрорецкие рабочие и работницы со своими знаменами. Ильича вынесли из вагона на руках, и на вокзале он обратился к рабочим с речью. Он говорил о значении Февральской революции, которая должна быть «ступенькой» к всемирной социалистической революции.

Эта встреча произвела на Владимира Ильича большое впечатление. Все лицо его светилось, он был очень возбужден. Засыпая товарищей вопросами о положении дел, он высказал в то же время опасение, что в Петрограде его, вероятно, арестуют. Но вместо ареста его ждала на Финляндском вокзале еще более торжественная встреча. У всех, кто присутствовал при ней, встреча оставила неизгладимое, незабываемое впечатление.

К моменту прихода поезда вся площадь и прилегавшие к ней улицы были заполнены народом. Тут были десятки тысяч рабочих и работниц, пришедших со своими знаменами. На перроне был выстроен почетный караул из матросов флотского экипажа, солдат пулеметной роты, Московского и Преображенского полков. При появлении Владимира Ильича солдаты и матросы взяли на караул, а военный оркестр заиграл «Марсельезу». Выслушав рапорт, Владимир Ильич обратился к почетному караулу с лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция!» Затем его провели в «парадные покои», где ему

¹ Пасха. *Ред.*

пришлось выслушать кисло-сладкое приветствие Чхеидзе¹, приехавшего встретить его от исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. И опять в своей ответной речи Ильич употребил тот же, очевидно сильно огорошивший Чхеидзе, лозунг.

Выйдя на площадь, Владимир Ильич сел было в приготовленную для него легковую машину, но рабочие делегации, громко приветствовавшие его, потребовали, чтобы он вышел из машины и поднялся на броневик. Освещенный прожектором, броневик тронулся к дому Кшесинской², а Ильич, оборачиваясь то в одну, то в другую сторону, приветствовал окружающих его рабочих и солдат, освободивших Россию от самодержавия. «Да здравствует социалистическая революция!» — восклицал он. Медленно двигалась за броневиком рабочая толпа. Во главе ее шла заводская и районная вооруженная милиция, по краям рабочие образовали цепь из своих рядов.

Во дворце Кшесинской собрались партийные товарищи. Посыпались приветствия, но Владимир Ильич очень быстро перевел разговор на деловые темы. Он обратился к собравшимся с речью, в которой изложил свою точку зрения на ближайшие задачи, стоящие перед партией в связи с создавшимся положением. Он высказал те положения, которые были на следующий день изложены им на фракции Петроградского Совета рабочих депутатов и нашли свое выражение в его знаменитых Апрельских тезисах³.

Они вызвали бешенство буржуазии, дикий вой меньшевиков и эсеров. «Запломбированный» вагон, проезд через Германию были широко использованы ими с целью оклеветать вождя партии В. И. Ленина, отвлечь от большевиков несознательные слои рабочих и солдат, находившихся в плену мелкобуржуазных иллюзий. Лишь меньшинство рабочих понимало тогда позицию Ленина, правильность которой была так блестяще подтверждена через несколько месяцев и обеспечила успех и победу Великой Октябрьской революции.

20 лет прошло со дня приезда Ленина из эмиграции в апреле 1917 года. Лозунг, брошенный им рабочим массам в этот знаменательный день, претворен в жизнь.

*Впервые напечатано 16 апреля
1937 г. в газете «Известия» № 91*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, с. 64—68*

¹ Н. С. Чхеидзе — один из лидеров меньшевиков, был председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, активно поддерживал буржуазное Временное правительство. *Ред.*

² Дом (дворец) балерины М. Ф. Кшесинской (Кронверкский проспект в Петрограде, ныне проспект М. Горького в Ленинграде) во время Февральской буржуазно-демократической революции был захвачен броневым дивизионом. В нем помещались Центральный и Петербургский комитеты РСДРП, правления некоторых профессиональных союзов, читальня и солдатский клуб. *Ред.*

³ «О задачах пролетариата в данной революции». — См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—118. *Ред.*

ПОДПОЛЬЕ В «СВОБОДНОЙ» РОССИИ

ПОИСКИ ИЛЬИЧА В ПЕРВЫЕ ДНИ ИЮЛЯ 1917 ГОДА

В ночь на 5 июля была разгромлена «Правда». Юнкера чуть не застали там Ильича, который всего за полчаса перед их набегом заезжал туда по какому-то редакционному делу. О разгроме мы не знали до следующего дня. Утром, когда мы только еще вставали, к нам пришел Я. М. Свердлов и, рассказав о происшедшем ночью, стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться. Было совершенно очевидно, что разгромом редакции дело не ограничится и что Ильичу грозит опасность попасть в лапы юнкеров. Яков Михайлович накинул на брата свое непромокаемое пальто, и они тотчас же ушли из дому совершенно незамеченными. А мы стали готовиться к визиту непрошенных гостей, в котором нимало не сомневались. К таким ночами посещениям мы достаточно привыкли при царизме, но как странно, как оскорбительно было подвергаться обыску в «свободной» России!

Поздно вечером на нашей тихой, безлюдной улице (мы жили в конце Широкой улицы Петроградской стороны) раздался грохот огромного грузовика, который остановился около нашего дома. «Это к нам, это они!» — воскликнула я. И действительно, подойдя к окнам, мы увидели, что грузовик остановился около дома, в котором мы жили, и солдаты уже направляются к подъезду. Мы из окон слышали их громкие голоса, слышали, как они переговаривались с дворником или швейцаром, а через несколько минут раздался звонок и громкий стук в дверь.

Мы открыли тотчас же, так как скрывать было нечего, и вся наша квартира наполнилась свирепой толпой юнкеров и солдат с ружьями в руках. Они едва предъявили нам ордер на обыск и уже принялись спешно за разыскивание того, за кем приехали. Помощник начальника контрразведки с двумя или тремя офицерами и солдатами направились в комнату, где жил Ильич, остальные заняли все другие комнаты.

Хотя мы и сказали, что Ильича в квартире нет, они принялись все же искать его всюду, где только можно было предположить, что может спрятаться человек: под кроватями, в шкафах, за занавесками окон и т. п. Потребовали ключи я, когда я открывала ту или иную корзину или сундук, набрасывались и прокалывали содержимое штыками. При этом, видимо, не соображали даже, что иной раз это была корзина таких размеров, в которой взрослому человеку никак не поместиться. После осмотра той или иной вещи я опять запирала ее на ключ, но скоро убедилась, что это еще больше разжигает страсти. «Если запирает, тут-то он и есть», — вероятно, думали они, и на корзину тотчас же налетали другие солдаты и снова заставляли отпирать ее, рылись, кололи штыками. Что лежало в корзине, их не интересовало, вещи они не осматривали: им надо было только убедиться, что там не спрятался тот «немецкий шпион», которого они пришли искать. Старший дворник сновал вместе с ними. Теперь язык у него развязался, и он не боялся уже говорить прямо. «Да если бы я знал раньше, я бы его такого-сякого собственными руками задушил!» — кричал он.

В комнате Владимира Ильича, где были помощник начальника контрразведки и двое-трое офицеров, обыскивавшие держались более сдержанно. Перерыв все и забрав часть бумаг, они делали все новые попытки что-нибудь выпытать от нас, а двое солдат сидели в это время у стола и перебирали некоторые письма Ильича. Там было немало писем с фронта от солдат, и большинство их было полно восторга и благодарности Владимиру Ильичу, который указывал им путь к окончанию проклятой войны. Я знала эти письма и, глядя теперь на читавших их солдат, видела на их лицах выражение удивления. Как! Немецкому шпиону, предателю интересов родины, которого они пришли арестовать как своего злейшего врага, их товарищи по оружию, солдаты, из окопов, пишут такие письма!

Один из офицеров тоже был точно в каком-то недоумении. Он все время засыпал нас вопросами, где Владимир Ильич жил раньше, что он делал, какие книги написал. «А нельзя ли эти его книги посмотреть?» — спросил он наконец. «Конечно, можно, — ответила я, — да не хотите ли их почитать?» «А можно их взять?» — спросил наивный офицер, но его товарищи стали делать ему знаки и шептать что-то, очевидно, что, мол, неудобно это, и сконфуженный офицерик умолк.

Выведать, где находится Владимир Ильич, офицерам, конечно, не удалось. Один из них особенно настойчиво допрашивал об этом Надежду Константиновну. «Ведь и по старым царским законам жена не обязана была выдавать своего мужа», — прервала я его. Он умолк. Но все же ему удалось узнать, что незадолго перед тем Владимир Ильич был в Финляндии у Бонч-Бруевича. Это имело свои последствия.

Не найдя ничего, офицеры и солдаты удалились, уведя с собой Надежду Константиновну, М. Т. Елизарова, у которого кто-то нашел сходство с Владимиром Ильичем, и нашу прислугу. Последняя не сумела сказать, как зовут «барина», у которого она служит, и контрразведка заподозрила, что она что-то скрывает. Но их продержали недолго и отпустили в ту же ночь, после того как переусердствовавшие контрразведчики получили от своего начальства нагоняй за то, что привели не того, кого искали.

Прошло несколько дней. Был пятый час вечера. И опять наша улица наполнилась солдатами, и скоро они опять рыскали по квартире. На этот раз визит их, так как дело было днем, привлек большую толпу любопытных, которые окружили дом со всех сторон. Во главе отряда, пришедшего делать обыск, был молодой офицер. Он был и во время первого обыска, но тогда держался более прилично. Теперь же, чувствуя себя старшим и будучи, вероятно, до последней степени обозлен, что поиски не приводят к желаемым результатам, он крайне резко напустился на нас, требуя указать, где Владимир Ильич. Контрразведке, мол, известно, что он приехал сюда. «Его здесь нет, поищите, и вы сами это увидите», — отвечали ему. Он принялся за поиски, побежал и в кухню. Прислуга наша была довольно несообразительная крестьянка. Она что-то буркнула сердито в ответ на вопрос о том, не приезжал ли кто-нибудь в квартиру, и скоро после этого выбежала по черному ходу на лестницу. Как выяснилось позднее, она вспомнила как раз в это время, что надо купить что-то, и побежала в лавку. Ее очень быстро вернули, но верить, что она направлялась в лавочку, офицер никак не хотел. Он был убежден, что ее направили в какую-нибудь другую квартиру этого же дома предупредить Владимира Ильича, который, очевидно, успел скрыться еще раньше. Накричав на прислугу, но получив от нее довольно решительный отпор — «что вы, мол, ко мне привязались, не знаю я ничего», — офицер заявил, что он будет вынужден обыскать весь дом. «А у вас есть разрешение на это?» — спросил его М. Т. Елизаров. Офицерик задумался на минуту и потом, признавая, очевидно, правильность указания, что без разрешения делать обыск во всем доме нельзя, побежал вниз звонить по телефону в контрразведку. В то же время он отдал распоряжение оцепить весь дом, не выпускать никого и обыскать прилежавший к дому пустырь. А на пустыре были свалены бревна, дрова и всякие обломки, и обшарить все это было дело нелегкое. Солдаты носились взад и вперед, приподымая прикладами бревна, спускались в подвальные помещения дома, заглядывали во все щели, но поиски их не увенчались никаким результатом. А офицерик безумствовал. Он ведь был в Финляндии на даче

Бонч-Бруевича и получил там от кого-то сведения, что Ленин должен быть в Петрограде у себя на квартире.

Из контрразведки получилось разрешение произвести обыск лишь в одной квартире, расположенной этажом ниже, в которой жил в то время товарищ Алексей (Пушас). Обыска там не производили, но осмотрели все комнаты, проверили документы у присутствовавших и убедились, что там Владимира Ильича нет.

Таким образом прошло несколько времени. В нашей квартире оставлены были двое солдат. Мы угощали их чаем с бутербродами и вели с ними разговоры. Бутерброды они ели охотно, жаловались, что вот, мол, землишки мало и война надоела, но к нашим словам относительно Владимира Ильича, кто он такой и за что борется, относились недоверчиво. Слишком крепко им вбили в голову, что это немецкий шпион, слишком поражал этих несознательных людей факт его проезда во время войны через Германию. А почему, мол, других не пускают, а его пропустили?

Во время обыска Надежда Константиновна, возвращавшаяся из Выборгского района, где она работала, подошла было уже совсем к дому, но, увидав, какой переполох там творится, повернула обратно.

И еще, в третий раз, повестила нас контрразведка. Мы жили тогда уже на другой квартире. К Марку Тимофеевичу приехал племянник¹, которого в доме не знали. Кто-то нашел в нем сходство с Владимиром Ильичем, сообщил об этих своих предположениях куда следует — и снова ночной визит и переворачивание всей квартиры вверх дном. И опять без результата.

Но скоро он (В. И. Ленин. *Ред.*) был переправлен из Петербурга сначала в Сестрорецк, а затем и дальше в Финляндию, и на душе стало спокойнее.

Впервые напечатано в 1927 г. в кн.: О Ленине. Сборник воспоминаний. М., изд-во «Правда», с. 35—40

Печатается по кн.: Ульянова М. И. О Ленине, с. 75—79, сверенной с рукописью

¹ Имеется в виду Петр Павлович Елизаров, агроном Симбирской губернии. *Ред.*

ПЕРВОЕ ПОКУШЕНИЕ НА В. И. ЛЕНИНА

1 (14) января 1918 года, под вечер, Владимир Ильич выступал в Михайловском манеже перед первым отрядом социалистической армии, уезжавшим на фронт.

На митинг его сопровождали: швейцарский товарищ Платтен и пишущая эти строки. Выйдя после митинга из манежа, мы сели в закрытый автомобиль и поехали в Смольный. Но не успели мы отъехать и несколько десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля как горох посыпались ружейные пули. «Стреляют», — сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову Владимира Ильича (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас, что мы ошибаемся и что он не думает, чтобы это была стрельба. После выстрелов шофер ускорил ход, потом, завернув за угол, остановился и, открыв двери автомобиля, спросил: «Все живы?» «Разве в самом деле стреляли?» — спросил его Ильич. «А то как же! — ответил шофер. — Я думал — никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам. Да и так ехать-то очень быстро нельзя было — туман, и то уже на риск ехали».

Все кругом было действительно бело от густого питерского тумана.

Доехав до Смольного, мы принялись обследовать машину. Оказалось, что кузов был продырявлен в нескольких местах пулями, некоторые из них пролетели навывлет, пробив переднее стекло. Тут же мы обнаружили, что рука т. Платтена в крови. Пуля задела его, очевидно, когда он отводил голову Владимира Ильича, и содрала на пальце кожу.

«Да, счастливо отделались», — говорили мы, поднимаясь по лестнице в кабинет Ильича.

НА ОТДЫХЕ

В начале лета 1918 года, когда встал вопрос о том, где проводить дни отдыха, В. Д. Бонч-Бруевич предложил Владимиру Ильичу ездить к нему на дачу в Тарасовку. Там имелись две свободные комнатки во втором этаже дачки, находившейся рядом с домом, где жила семья Владимира Дмитриевича. Столоваться мы должны были у него.

В Институте Ленина сохранилась записка, написанная, очевидно, на каком-либо заседании, — Владимир Ильич обычно практиковал такой способ, не допуская никакого шума и переговоров на заседаниях, — следующего содержания:

- 1) Как дела на даче?
- 2) Можно поехать на следующее воскресенье?
- 3) Вдвоем или втроем?
- 4) Можно ли *там* заставить ждать авто?

Владимир Дмитриевич дал положительные ответы на эти вопросы, указав, что он уже отдал распоряжение об отправке постельного белья и пр.

«Картошку купил, — прибавлял он. — Молоко и творог великолепны, есть и другой продукт».

Итак, дело с дачей было на мази. Но побывали мы на ней не более двух-трех раз, несмотря на гостеприимство В. Д. Бонч-Бруевича. Дело в том, что Владимир Ильич любил отдыхать в полном уединении.

«Здесь отдых чудесный, — писал он матери из Стирсуддена (Финляндия), где он жил летом 1907 г., — купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего»¹.

А в Тарасовке было довольно многолюдно. Правда, мы обыкновенно уходили с утра одни на прогулку в лес, забираясь возможно дальше, чтобы избежать встреч со знакомыми и неизбежных разговоров, от которых Владимир Ильич уставал и в городе. Но избежать этих встреч все же было нельзя — на обедах, во время чаепитий и т. п. И настоящего отдыха для Влади-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 238. *Ред.*

мира Ильича не получалось. Но самым большим злом на даче в Тарасовке были комары, которых Владимир Ильич совершенно не переносил. Сеток в окнах не было, и они беспрепятственно наполняли комнатки нашего «монрепо» своим жужжанием. И раз, безуспешно пытаясь заснуть ночью, Владимир Ильич сбежал с дачи на рассвете в город, и с тех пор поездки в Тарасовку были оставлены.

Другой дачи не было, и, чтобы подышать свежим воздухом в свободный день, мы с тех пор взяли себе за правило выезжать хотя бы на несколько часов за город, забирая с собой вместо обеда бутерброды. Ездили в разных направлениях, но скоро излюбленным местом Владимира Ильича стал лесок на берегу Москвы-реки, около Барвихи. Мы выбирали уединенное место на горке, откуда открывался широкий вид на реку и окрестные поля, и проводили там время до вечера. Товарищ Гиль, шофер Владимира Ильича, со своим авто располагался поблизости — охраны у Владимира Ильича тогда не было. Местечко это мы хорошо изучили и знали уже, какой мостик на проселке, ведущем к нашему «монрепо», выдержит машину.

Знали, правда после некоторого плачевного опыта: один маленький мостик пострадал при переезде через него тяжелой машины. Но Владимир Ильич попросил тотчас же остановиться и привести его, насколько это было возможно, в надлежащий порядок.

Раз на дороге нам встретился понтонный мост. Мы остановились около него в нерешительности, но бывший поблизости крестьянин уверил нас, что ехать по нему на машине нельзя, указав, что его давно не ремонтировали.

— Ведь теперь, извините за выражение, Советская власть, — прибавил он.

Дело было в начале Советской власти, когда население не убедилось еще, что рабочий класс способен строить новое, а видело лишь, что он способен разрушать старое.

Иногда к нашей машине, когда мы проезжали по деревне, со всех ног бежала стая белоголовых крестьянских ребятишек с просьбой покатасть их. Владимир Ильич, который очень любил детей, просил Гиля остановиться, машина наполнялась до отказа шумной, ликующей толпой ребят. Проехав километр — полтора, ребята высаживались и с веселым криком бежали обратно по направлению к деревне.

Как ни примитивен был такого рода отдых — о другом в то время трудно было думать, — он оставлял у всех нас очень хорошее воспоминание, и мы возвращались домой освеженные и довольные.

РАНЕНИЕ

Пятница 30 августа 1918 года. Утром получилось сообщение об убийстве в Петрограде тов. Урицкого. Настроение было тревожное.

В то время по пятницам на фабриках и заводах устраивались митинги, и Ильич обыкновенно выступал на них. Собирался он ехать в районы и в этот день. Я попросила Бухарина заехать к нам обедать и помочь нам отговорить Ильича от выступлений в этот день. Ильич отшучивался и не давал определенного ответа: «Там, мол, посмотрю, как выйдет». Меня по случаю простуды засадили дома, и в редакцию я вечером не поехала. Около 5 часов Ильич пришел из своего кабинета уже в пальто и сказал мне, что все же поедет на митинг, и категорически отказался взять меня с собой. Проходит час, другой. С нетерпением караулю у окна возвращение знакомой машины. Вот наконец она несется как-то особенно быстро. Но что это? Шофер соскакивает и открывает дверцы. Этого никогда раньше не бывало. Ильича выводят из автомобиля какие-то незнакомые люди. Он без пальто и без пиджака, идет, опираясь на товарищей. Бегу вниз по лестнице и встречаю их уже поднимающимися паверх. Ильич очень бледен, но идет сам, поддерживаемый с двух сторон. Сзади наш шофер Гиль. На мой вопрос Ильич успокаивающе отвечает, что ранен только в руку, легко; бегу отворять двери, готовить постель, куда через несколько минут Ильича и укладывают. Товарищи, привезшие Ильича, помогают. Это — тов. Гончарова, работающая сейчас в агитотделе МК¹, тов. Полуторный и рабочий Иванов.

¹ Далее в рукописи следует: «...и один из рабочих завода б. Михельсона. Я не знаю, к сожалению, его фамилии, а между тем он сделал немало, чтобы спасти жизнь Ильича. Сразу после ранения, не теряя присутствия духа перетянул Ильичу руку веревкой около плеча, благодаря чему удалось избежать большой потери крови. Этого товарища уже нет в живых, если не ошибаюсь, в 20-м году он умер от сыпного тифа. Но его фамилию надо узнать, надо расспросить его близких и товарищей о нем и записать их рассказы». *Ред.*

Товарищ рабочий не теряется и тут.

— «Скорее доктора, йоду, бинтов», — говорит он.

Кому звонить? Я соображаю, что в 8 часов должно быть заседание Совнаркома, на котором Ильич должен был председательствовать. Теперь уже около восьми. Товарищи, вероятно, собрались. Бегу в Совнарком и прошу скорее вызвать врачей: Ильич ранен. Тов. Випокуров, бывший там, бежит со мной: он ведь врач и может оказать первую помощь. Накладывает повязку. А в квартиру приходят все новые товарищи расспросить, узнать, что надо сделать. Звонит телефон — не сразу соображаем попросить кремлевских телефонисток не соединять. Несколько человек едут за врачами. Тут и шофер Гиль. Он наспех рассказывает, как было дело, а потом бежит звонить в аптеку, а также встретить и подготовить Надежду Константиновну, которая вот-вот должна вернуться. Но она и без подготовки догадывается, в чем дело, и спрашивает только: «Жив?»

Мало-помалу порядок несколько восстанавливается. Приезжают и другие врачи, и из них одной из первых — тов. Величина-Бруевич, которая вместе с другими дежурила около Ильича все первое трудное время. Вот Вейсброд, Обух, Мишц, позднее Розанов, Мамонов. Они серьезны, бледны. На наши вопросы дают неопределенные ответы — случай серьезный, ничего пока нельзя сказать, но организм сильный. Тяжелая ночь. Ильич лежит и слабо стонет. Он бледен, ни кровинки в лице. Но когда в комнате появляюсь я или Надежда Константиновна, он старается бодриться; ему неприятно, что мы беспокоимся. И мы стараемся не показываться ему. А ближайшие товарищи из ЦК — Свердлов, Зиповьев и др. — расположились на ночь на креслах в кабинете Ильича, готовые по первому зову вскочить и прийти на помощь. Появляются санитары, готовят для все пужное для вливания физиологического раствора. Вейсброд остается на ночь. Он укладывается на кушетке в проходной комнате. Но его поднимают чуть ли не ежеминутно. Кажется, что, если он не спит, а сидит или ходит тут, около нас, дело пойдет лучше. А наутро Ильич уже свежее, чуть-чуть улыбается, протягивает руку.

Улучшение продолжается медленно, постепенно. Первая опасность миновала. Но может быть еще заражение. Надо подождать четвертого, пятого дня. А потом, как трудно удержать Ильича в постели! Как он внушает в отсутствие врачей, что не надо уж очень-то их слушать, что надо подобрать газеты за время его болезни. Все — чтобы ни одного номера не пропало. Дать их ему или прочесть вслух.

Первое время врачи, сестра и санитар дежурят круглые сутки. Но дело все больше идет на улучшение. Ильичу позволяют садиться. Скоро он решает, что уже достаточно силен, и начинает понемногу ходить. И лишь тотчас приехавшие врачи,

припугнувшие его, что с сердцем может быть плохо, несколько сдерживают его путешествия. Сдерживает несколько и сломанная рука. Наконец и ходить можно. Можно ехать и в Горки на окончательную поправку. Ильич протестует, но Вейсброду удается все же настоять, что он поедет проводить его туда. Машина трогается. Но вот на дворе ее останавливает издали тов. Свердлов. «Последнее напутственное слово», — говорю я. Все смеются. Еще несколько минут — и мы за городом на лоне природы. А через час и в Горках, где поправка идет быстро.

В марте 1923 года за несколько часов до потери Ильичем речи мы сидели у его постели и перебирали минувшее. «В 1917 г., — говорит Ильич, — я отдохнул в шалаше у Сестрорецка благодаря белогвардейским прапорщикам; в 1918 г. — по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого не было...»

Случая не было, и напряженная работа сломила его.

Впервые напечатано в 1926 г. в журнале «Московский пролетарий» № 31, с. 16—17

Печатается по кн.: Ульянова М. И. О Ленине, с. 85—87, сверенной с рукописью

НАПАДЕНИЕ БАНДИТОВ

Зимой 1918/19 года разруха давала себя знать во всех областях: застой в промышленности, недостаток продуктов и топлива, полутемные, почти не освещаемые улицы города, заколоченные магазины, снежные сугробы на улицах, сильно затруднявшие передвижение, и, как одно из следствий этой разрухи, воровство, грабежи, бандитизм, побороть которые было не так просто. Нередки бывали случаи, когда бандиты отнимали у кого-нибудь автомобиль, чтобы потом на нем совершать налеты на различные учреждения и частные квартиры, причем иной раз они выдавали себя за агентов ЧК, приехавших произвести обыски.

Поэтому постовые милиционеры нередко останавливали автомобили и требовали у пассажиров предъявления пропусков. Было два или три случая, когда милиционеры останавливали и автомобиль Владимира Ильича. Раз это было, когда мы проезжали по Триумфальной-Садовой. С нами вместе ехали, кажется, т. Илья Цивцивадзе и еще кто-то из товарищей. Шофер не заметил знака милиционера и не остановил машину сразу по его требованию. Недолго думая (время было беспокойное), милиционер выстрелил, впрочем, кажется, в воздух. Помню, что Владимир Ильич выговаривал милиционеру, что нельзя, мол, так сразу палить, не выяснив, кто едет, а тот смущенно оправдывался, что время такое, что некогда выяснять и если его требование остановить машину и предъявить пропуск сразу не исполняется, то ему ничего другого не остается, как пускать в ход оружие.

В другой раз милиционеры открыли стрельбу, когда Владимир Ильич после подавления восстания левых эсеров ехал осматривать дом, где находился их штаб. Был и еще случай, когда автомобиль Владимира Ильича навлек на себя подозрение усердных охранителей московских улиц и был под охраной препровожден в отделение милиции. С вооруженными милицио-

нерами на подножках автомобиля подкатили мы к милиции, нас высадили, провели в отделение, где Владимир Ильич с улыбкой показал свой пропуск и был отпущен. Задержавшие Владимира Ильича товарищи были немало смущены этим случаем, но Владимир Ильич просто и ласково успокоил их.

Но, несмотря на все меры борьбы с бандитизмом, случаи нападения на пешеходов и проезжих, грабежи и убийства происходили довольно часто. Жертвой одного из бандитских набегов стал в начале 1919 года и Владимир Ильич.

Незадолго перед этим Надежда Константиновна, болезнь которой (базедова болезнь и болезнь сердца) значительно обострилась, была помещена по совету врачей в лесную школу в Сокольниках. Там ей была предоставлена во втором этаже отдельная комнатка, и персонал, обслуживавший школу, проявил к Надежде Константиновне много внимания и заботливости. Врачи надеялись, что хороший воздух, отстранение от работы и покой окажут на ее здоровье хорошее действие. Выбор пал на эту лесную школу и потому, что она была недалеко от Москвы, благодаря чему Владимир Ильич мог часто навещать Надежду Константиновну.

Итак, Надежда Константиновна была переселена в Сокольники, а мы с Владимиром Ильичем довольно часто навещали ее, отправляясь туда обычно по вечерам на автомобиле. Кроме шофера нас сопровождал в этих поездках товарищ Чебанов, состоявший в охране Владимира Ильича. Отправились мы в Сокольники и в воскресенье 19 января. В школе, при которой жила Надежда Константиновна, должен был состояться в этот вечер детский праздник и елка, и нас просили приехать к определенному сроку, чтобы принять участие в празднике, об устройстве которого, чтобы позабавить детишек, немало хлопотал В. Д. Бонч-Бруевич.

Поехали мы, помнится, около шести часов вечера. По случаю праздничного дня на улицах было довольно много народу. Много гуляющих было и на Сокольническом шоссе, по которому мы направлялись в Сокольники. На одном из поворотов вдали вдруг раздался свист, на который Владимир Ильич обратил внимание. Мы продолжали, однако, путь, не придав этому особого значения. Но когда мы были почти у железнодорожного моста, раздался вдруг крик: «Стой!» Кричали несколько человек, которые стояли у самой дороги.

Думая, что мы имеем дело с милиционерами, которые хотят проверить наши документы, и опасаясь, что, если не остановить сразу машину, можно подвергнуться опять обстрелу со стороны милиции, мы попросили шофера остановиться. Машина остановилась. Но каково же было наше изумление, когда остановившие наш автомобиль люди (помнится, их было трое) моментально высадили нас всех из автомобиля и, не удовлетво-

рившись пропуском, который показал им Владимир Ильич, стали обыскивать его карманы, приставив к его вискам дуло револьвера, забрали браунинг и кремлевский пропуск.

— Моя фамилия Ленин, — сказал им Владимир Ильич, — но они не обратили на это внимания. Не понимая, что происходит и с кем мы имеем дело — формы у милиции тогда еще не было, — я бросилась к одному из остановивших нас, который продолжал держать дуло револьвера у виска Владимира Ильича. Это был высокий блондин в короткой теплой куртке, с серой меховой папахой на голове, с очень спокойным и невозмутимым лицом.

— Что вы делаете, — сказала я ему, — ведь это же товарищ Ленин! Вы-то кто? Покажите ваши мандаты.

— Уголовным никаких мандатов не надо, — спокойно ответил он мне с усмешкой.

Бандиты вскочили в автомобиль, направили на нас револьверы (особенно энергично действовал один из них, черный, с довольно-таки разбойничьей физиономией) и пустились во весь опор по направлению к Сокольникам.

Надо отдать им справедливость, что вся эта операция была проделана так артистически ловко и необыкновенно быстро, что даже не обратила на себя внимания прохожих. Думаю, что бандиты поняли, что перед ними Ленин, потому что на лице одного из них было заметно какое-то замешательство, когда он посмотрел пропуск Владимира Ильича. Они почувствовали, вероятно, что попали в серьезную историю и что вся Москва (как и произошло на самом деле) будет поставлена на ноги для их поимки. Но рассуждать было уже поздно, и они, повторяю, во весь опор пустились паутек. А мы остались на дороге, не сразу придя в себя от неожиданности и от быстроты, с которой вся эта история произошла, а потом громко расхохотались, увидав, что товарищ Чебанов стоит с бидоном молока (мы везли молоко Надежде Константиновне). Несмотря на трагичность положения, он не забыл вынуть этот бидон и теперь держал его в руке, как большую драгоценность. Посыпались рассказы, как все произошло, у кого отобрали револьвер (у меня он остался в кармане, так как на меня вообще бандиты не обратили внимания, шофер Гиль спрятал свой револьвер под подушку сиденья). Товарищ Гиль заявил, что он не решился стрелять, так как это привело бы лишь к выстрелам со стороны бандитов, и в этом он был, конечно, прав. Не мог стрелять и товарищ Чебанов, видя, что на Владимира Ильича наведены револьверы.

Но что же делать? Мы были на дороге около железнодорожного моста. Кто-то из прохожих указал нам, где помещается Сокольнический Совет, и мы отправились туда, не переставая подтрунивать над Чебановым и его бидоном. В Совете, куда нас

не сразу соглашались пустить, было довольно пусто; там был, кажется, только один товарищ, отнесшийся к нам сначала с некоторым недоверием. Его попросили вызвать председателя Совета, а сами тем временем стали звонить по телефону. Вызвали машину для себя, сообщили о происшедшем в ВЧК и, кажется, лично Дзержинскому. Пришел и председатель Совета или его заместитель. Покачивая головой, Владимир Ильич сказал ему, что это, мол, уже ни на что не похоже, что у самого Совета грабят на улице людей, и спросил, часто ли это у них случается. Председатель ответил, что случается довольно часто, что они борются с бандитизмом, насколько могут, но это мало помогает. Владимир Ильич опять покачал головой и сказал, что терпеть такого безобразия нельзя и надо познергичнее взяться за борьбу с бандитизмом. Тем временем подошла машина, и скоро мы катили уже по направлению к лесной школе на елку. К елке мы, правда, опоздали, но на вечеру ребят все же присутствовали, хотя настроение у нас (у меня особенно) было для этого не особенно подходящее.

Между тем в ВЧК и уголовном розыске происшествие это вызвало переполох, все было поставлено на ноги, и в тот же вечер автомобиль наш был найден в противоположной части города — на набережной около Крымского моста. Благодаря обилию снега на улицах он застрял там в сугробе, бандиты разбежались, а около автомобиля, как рассказывал товарищ Гиль, поехавший на розыски его, лежали убитые милиционер и красноармеец. Как выяснилось потом, в Москве были в этот вечер убиты бандитами 22 постовых милиционера.

Бандиты, совершившие налет на автомобиль Владимира Ильича, были арестованы (часть из них была расстреляна при вооруженном сопротивлении) лишь через довольно продолжительное время. Это оказались матерые бандиты, мастера своего дела, имевшие за собой «богатое» прошлое по части грабежей и убийств. Кто-то из них рассказывал потом на допросе, что они якобы не поняли сначала «спяна», что имеют дело с Лениным (им показалось, что была произнесена фамилия Левин) и что когда они рассмотрели хорошенько его документ, то повернули обратно, чтобы его убить. «Что мы сделали,— говорил якобы один из главарей этой шайки, Яков Кошельков,— ведь это ехал Ленин; если мы догоним и убьем его, то на нас не подумают, а подумают на контрреволюционеров, и может быть переворот».

Но едва ли они решились бы ехать обратно на поиски Ленина. Задачей их было в первую голову замести следы, а затем использовать автомобиль для налетов, что бандиты нередко тогда практиковали.

На следствии выяснилось, что эта шайка совершила огромное количество грабежей и убийств. Наглость их доходила до

того, что с документами агентов МЧК они произвели однажды «обыск» на Афинерном заводе. «Обыск» этот происходил в присутствии большого количества рабочих; бандиты вызвали даже представителей заводского комитета для присутствия на нем, а в результате забрали около 3 фунтов золота в слитках, около 3½ фунта платиновой проволоки и 25 000 рублей и скрылись. На этом же следствии выяснилось, что главарь этой шайки Яков Кошельков писал своей невесте (сохраняем орфографию письма): «За мной охотятся, как за зверем, не какого не пощадят. Что же они хотят от меня? Я дал жизнь Ленину». И как ни ловок он был, но чувствовал, что от ареста ему не уйти, и убивал последнее время на улице каждого встречного, если ему казалось только, что тот подозрительно на него смотрит.

Позднее в своей книжке «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Владимир Ильич использовал случай с нападением на него бандитов.

«Представьте себе,— пишет он там,— что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти подобра-поздорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу»¹.

На этот раз Владимир Ильич дешево отделался от бандитов. «Компромисс» помог. А в Москве через несколько дней после нападения на его автомобиль было введено военное положение, борьба с бандитизмом значительно усилилась, и город пришел вскоре в более спокойное состояние.

*Впервые напечатано 21 января
1930 г. в газете «Правда»*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, с. 88—93, сверенной с
газетой*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 19. Ред.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬЧЕ

В своих коротких воспоминаниях о Владимире Ильиче я остановлюсь на некоторых чертах Владимира Ильича, наиболее характерных для него как для человека и революционера.

Но прежде всего несколько слов о том, что способствовало у него выработке именно этих черт. Помимо больших способностей, исключительной одаренности, которыми Владимир Ильич обладал от рождения, у него в детские и юношеские годы были очень благоприятные условия для развития.

Отец и мать наши были люди культурные и идейные, самый пример которых влиял развивающим и гуманизирующим образом. Отец, мещанин по происхождению, выбрался в люди (как тогда говорили) или получил среднее и высшее образование главным образом благодаря своему упорству и большой трудоспособности. Стипендии он не получал, хотя считался у педагогов «даровитым мальчиком», этому мешало его мещанское происхождение, ибо дети людей из податного сословия были лишены тогда стипендии; стипендии давались только детям чиновников и дворян. Работа по народному образованию была его любимым делом, делом всей его жизни, которому он отдавался с огромной энергией, беззаветной преданностью, не щадя своих сил. Одухотворенный лучшими идеями 60-х и начала 70-х годов, он пошел работать для простого народа, для тех, кому труднее всего было добиться образования, что он знал по собственному опыту, пошел организовывать школы для детей вчерашних рабов. Это было трудное дело в то время. Отсутствие средств, всякие препоны, которые правительство ставило делу народного образования, темнота и невежество крестьян, которые боялись школ, относились к ним с недоверием, ибо не видели в них никакого толка, кроме лишних поборов и лишения семьи работников, настолько плохи были тогда школы. Метко писал об этом времени Щедрин, что «и просвещение, и продовольствие, и народная нравственность, и холера, и сибирская язва, и оспа —

в одной горсти было». Надо было много сил и настойчивости, чтобы преодолеть эти препятствия, сохранить душу живую, веру в свое дело, несмотря ни на что. Надо было колесить по губернии и в метели, и в осеннюю и весеннюю слякоть и распутицу, обследуя школы, распинаясь на мирских сходах крестьян, следя за постройкой новых училищ, настаивая на ассигновании средств на школы у земств и т. п. И усилия его давали результаты, недоверие крестьян к школам уменьшалось, под его руководством воспитывались новые идейные учителя, которые вместо битья и бессмысленной зубрежки несли в деревню свои знания, горя тем же огнем, что их руководитель, готовностью отдать свои силы на благо народное. И время работы отца в Симбирской губернии так и осталось в памяти его современников как «ульяновское» время, а учителя, выпестованные им, назывались «ульяновцами». Пример отца, вечно занятого, всегда горящего на работе, был очень велик, но, помимо того, он и детям уделял очень много внимания, отдавал им весь свой досуг. Он старался и им привить чувство долга, которое было у него так сильно, выработать у них характер и трудоспособность. Он следил за их занятиями, развивал их вкус к лучшим произведениям тогдашних писателей, принимал участие и в их играх и прогулках и пользовался их большой любовью. Большой демократ по натуре, доступный всем, очень простой в обращении и в своих потребностях, он и тут влиял на детей благотворным образом. Большое влияние на воспитание детей в нашей семье имела и мать. Это был недюжинный человек, очень одаренный, обладавший, кроме того, большим педагогическим тактом, большой силой воли и горячим мужественным сердцем. Не прибегая почти к строгости и наказаниям, не стесняя без нужды свободы детей, она имела на них огромное влияние, пользовалась их неограниченным уважением и любовью.

Кроме родителей большое влияние оказывал на Владимира Ильича старший брат — Александр Ильич, тоже очень способный, сильный юноша, с большим характером, огромной трудоспособностью (14—16 часов в день), очень высоким нравственным обликом. Владимир Ильич очень любил старшего брата, во всем следовал его примеру, читал те книги, которые хвалил ему Александр, и пр. Гибель этого брата — он погиб на виселице за покушение на Александра III — глубоко поразила Владимира Ильича. И тогда-то стала складываться, вероятно, у Владимира Ильича одна из его наиболее характерных черт, которая отличает всю его жизнь, всю его деятельность во все ее этапы. Этой чертой была *целеустремленность*. Поставив себе еще юношей цель жизни — революционную работу, он неуклонно шел к ней и ни разу в жизни не изменил этой цели, не отошел от нее ни на шаг. Помните, что он писал как-то, что *надо торопиться жить, чтобы все силы отдать революции*. Характерен в этом отношении

и отзыв, который дал о Владимире Ильиче его заклятый враг, меньшевик Дан на Копенгагенском конгрессе в 1910 году. На этом конгрессе резко выявились все раздражение и вся злоба представителей различных течений в русской секции конгресса против Владимира Ильича. Он был страшно одинок, но не хотел сделать ни шагу по пути соглашения со своими противниками, выступавшими довольно сплоченным фронтом. И это особенно выводило их из себя. «Один против всех, ни на что не похоже...» «Он губит партию...» «Какое счастье было бы для партии, если бы он куда-нибудь исчез, испарился, умер...» Вот какие фразы раздавались на заседаниях русской секции во время дебатов с Владимиром Ильичем.

И когда одна старая партийка¹ автору этих словечек, Дану, сказала: «Как же это так выходит, что один человек может погубить всю партию и что все они бессильны против одного и должны призывать смерть в сообщницы?» — он со злобой и раздражением ответил буквально следующее: «Да потому, что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с ним».

Дело было, конечно, не только в том, что был один человек, который все силы отдавал революционной работе, а в том, что его линия была правильной и за ним шли рабочие массы. Но как бы ни как, отзыв этот очень характерен для Владимира Ильича, для его целеустремленности.

Еще парочка штрихов. Когда Владимир Ильич был уже болен и врачи старались всячески ограничить его работу, а мы пытались убедить его в необходимости меньше работать, он как-то на мои уговоры сказал мне: «У меня ничего другого нет». «Ничего другого нет», и это была сущая правда. Он был весь в революции, в революционной работе и без этой работы чувствовал себя, как рыба, выброшенная на берег. И еще позднее, когда Ильич не мог уже вставать, врачи, видя его тяжелое состояние духа, решили сделать ему некоторое послабление и предложили свидания с товарищами, но с условием, чтобы он не говорил с ними о политике. Но Владимир Ильич наотрез отказался. «Какие чудачки,— говорил он нам, когда врачи ушли,— они думают, что политические деятели, встретившись после долгой разлуки, могут говорить о чем-либо другом, кроме политики»². И еще позднее, когда он захотел диктовать свои

¹ З. П. Кржижановская. *Ред.*

² В варианте рукописи М. И. Ульянова пишет: «В 22-м году летом Владимиру Ильичу была запрещена всякая работа. «Если нельзя заниматься политикой,— сказал он,— буду заниматься сельским хозяйством». Много тут было планов в Горках, где он в это время жил, разговоров о выпiske семян из Америки, всем он советовал читать книгу «Обновлен-

записки, свои последние статьи и врачи было воспротивились этому, Владимир Ильич заявил, что, если ему откажут в этом, он вообще не будет лечиться.

Гибель старшего брата дала, несомненно, большой толчок Владимиру Ильичу в смысле его стремлений заняться революционной работой. Но как ни любил и ни уважал он Александра Ильича, он рано понял, что не таким путем надо идти, что индивидуальным террором не достигнуть цели, что благодаря ему лучшие представители революционеров лишь отрываются от масс, от влияния на эти массы. Но глубокое уважение к народо-вольцам за их героизм и самоотвержение он сохранил на всю жизнь, он впитывал в себя их опыт, их революционную закалку и уже позднее, живя за границей, говорил, что нам надо учиться у Халтурина, народо-вольцев. Но путь их, повторяю, был не его путем. Он рано понял, что «идеи становятся силой, когда они овладевают массами»¹. Но он понимал также, что для того, чтобы идти к массам и звать их за собой, надо быть самому хорошо подкованным теоретически. И он упорно работал над своим самообразованием, работал систематически, по определенному плану. Он позднее писал как-то брату, который сидел в это время в тюрьме, что читать просто мало толку, надо выбрать один какой-нибудь вопрос и заниматься им систематически. Такой была его работа всегда. Он в совершенстве усвоил революционную сущность учения Маркса, он пропитал этим учением всю свою революционную практику. Задачу революционных марксистов он видел в том, чтобы не только объяснить мир, но его переделать.

Помню, с какой иронией рассказывал Владимир Ильич позднее о своем разговоре с одним из «легальных марксистов» в Петербурге о том, какую, мол, деятельность считать важнее — легальную или нелегальную. Для «легального марксиста»-профессора такой деятельностью была его легальная литературная деятельность, для Владимира Ильича и тени сомнения не было, что на первый план выдвигается нелегальная, подпольная работа.

пая земля» (речь идет о книге Гарвуда, переведенной на русский язык К. А. Тимирязевым. *Ред.*). Но это увлечение продолжалось недолго. Здоровье стало улучшаться, он получил возможность читать и писать и к октябрю уехал в Москву на работу. Увы, это улучшение было слишком кратковременным, и скоро он снова выбыл из строя. Но и когда он лежал парализованный, хотя и владел еще речью, он последним мощным усилием дал, может быть, лучшее из всего, что он писал во всю свою жизнь. Он диктовал эти статьи стенографистке, потом заставлял прочитывать ее написанное и исправлял. Врачи не сразу разрешили ему эту работу, но скоро им пришлось уступить, так как Владимир Ильич категорически заявил, что, если ему не будет разрешена эта работа хотя бы в течение получаса в день, он отказывается от всякого лечения». *Ред.*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 332. *Ред.*

Упорная теоретическая работа не делала Владимира Ильича сухим книжным человеком. Ту страсть, которую он вкладывал в работу, он вкладывал в отдых, прогулки и пр. Он любил жизнь во всех ее проявлениях, любил людей. Болел душой за их страдания, за несправедливость по отношению к ним.

Прав был Горький, который писал, что он не встречал, не знает человека, «который с такой глубиной и силой, как Ленин, чувствовал бы ненависть, отвращение и презрение к несчастьям, горю, страданию людей»¹.

И поэтому-то столько страсти вносил Владимир Ильич в свою работу, проявлял в ней такой горячий темперамент. Когда Владимир Ильич был еще юношей и его арестовали в первый раз за студенческие волнения, пристав сказал, обращаясь к нему: «И чего вы бунтуете, молодой человек, ведь перед вами стена». «Стена, да гнилая, ткни и рассыплется», — ответил ему Владимир Ильич.

Живя в казанской, самарской, а потом в сибирской деревне, Владимир Ильич присматривался к жизни крестьян, изучал ее и был хорошо с ней знаком. В то же время в казанский и самарский период своей жизни Владимир Ильич вошел в сношения с революционной молодежью, которой читал рефераты. Некоторые из них потом составили его первые произведения, и в том числе одно из наиболее замечательных его произведений — «Что такое «друзья народа»...». Несколько лет провел Владимир Ильич за этой теоретической работой, но скоро его потянуло из Самары в более живой промышленный центр, он почувствовал себя в Самаре, как в палате № 6 Чехова, как говорил он сестре². И он уехал в Петербург, чтобы принять непосредственное участие в революционном движении, войти в сношение с рабочими массами, вести среди них пропаганду и агитацию.

Это было осенью 1893 года. И с тех пор Владимир Ильич весь в революционной борьбе, куда бы ни забрасывала его судьба. Он заводит связи с рабочими, воюет с «легальными марксистами» и народниками на собраниях и в печати, едет за границу, чтобы связаться с группой «Освобождение труда», и привозит оттуда транспорт нелегальной литературы. И, попав в тюрьму, он не оставляет революционной работы. Помимо работы над книгой «Развитие капитализма в России», которая имела крупнейшее значение для победы марксистской идеологии в России, он пишет в тюрьме проект программы партии, пишет нелегальные листки для рабочих, которые передает на волю, и они издаются «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Сколько изобретательности вносит тут Владимир

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2, с. 252. *Ред.*

² См. настоящий том, с. 34. *Ред.*

Ильич, чтобы надуть жандармов. И, попав в ссылку в глухое сибирское село, за четыре с лишним тысячи верст от культурных центров, он продолжает революционную работу. Не только его легальные произведения были направлены к продвижению идей марксизма, к борьбе с народниками и «легальными марксистами», он пишет в ссылке и нелегальные произведения: брошюру «Задачи русских социал-демократов», статьи для партийного органа «Рабочая газета», редактором которой он избирается заочно на I съезде партии. Так велик в то время был уже его авторитет в партии. Он пишет там и свое знаменитое «Антикредо»¹ против «экономистов», бернштейншанцев под русским соусом, проводит его на собрании близких товарищей, списывается по поводу него и с другими ссылными.

Товарищи, близко наблюдавшие Владимира Ильича в ссылке, поражались, с каким упорством и энергией он работал и там. Целеустремленность была и здесь его основной чертой. А между тем скольких губила «проклятая тина ссылочной жизни». Мартов, который отбывал ссылку в Туруханском округе, написал тогда стихотворение об этом. Один куплет звучал так: «Там, в России, люди очень пылки, там к лицу геройский наш наряд, но со многих годы долгой ссылки живо позолоту соскоблят. И глядишь, плетется доблестный герой в виде мокрой курицы домой». Но под конец ссылки и Владимир Ильич стал выходить из равновесия: он боялся, как бы не надбавили срока, что иногда бывало, он полон был планов о дальнейшей работе, о постановке партийного органа, около которого, как леса около здания, создалась бы партия, и он боялся новой отсрочки. Но срока ему не надбавили, и он получил возможность вернуться в Россию. Он списывается и сговаривается с товарищами, организует «псковское совещание»², едет в Питер, чтобы повидаться с товарищами, и лишь случайно отделяется там трехнедельным арестом³.

Отношение к людям, сближение с ними тоже определяется у Владимира Ильича его основной идеей — революционной борьбой, интересами дела. «Без прений, споров и борьбы мнений никакое движение, в том числе и рабочее движение, невозможно»⁴, — писал Владимир Ильич. И в эти споры, как ни резок, как ни непримирим бывал Владимир Ильич к своим противникам, он не вносил ничего личного. В этом была его сила.

¹ См. настоящий том, с. 42, примечание 2. *Ред.*

² Имеется в виду совещание революционных марксистов с «легальными марксистами» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановским) в конце марта — начале апреля 1900 года по вопросу о содействии последних изданию газеты «Искра» и журнала «Заря». На этом совещании обсуждался написанный В. И. Лениным «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари». *Ред.*

³ См. настоящий том, с. 63, примечание 1. *Ред.*

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 166. *Ред.*

Если посмотреть письма Владимира Ильича к товарищам, опубликованные и неопубликованные, то видно, как иной раз он за ту или иную ошибку или неверную линию ругает того или иного товарища почем зря, кажется, места сухого не остается. А там, глядишь, ошибка исправлена, линия выправлена, и идет опять дружная работа, и у товарищей нет ни обиды, ни неприязни, как будто бы ничего и не было. Интересы дела были на первом плане. Конечно, если дело шло не о скоропреходящей ошибке, а о глубоком принципиальном расхождении, Владимир Ильич относился иначе. Он рвал тогда с человеком, как бы близок он ни был ему раньше (Плеханов, Мартов). Редко к кому Владимир Ильич относился с большим уважением, редко кого он больше любил, чем Плеханова, мало к кому он питал такую нежную симпатию, как к Мартову, — но интересы дела были на первом плане. Но такого рода расхождения, всякого рода расколы давались Владимиру Ильичу необычайно тяжело. После II съезда и его раскола он опасно заболел.

Он принимал меры для того, чтобы снова и снова перетянуть на свою сторону Плеханова, Мартова, ибо это было в интересах революции.

Другой основной, наиболее характерной чертой Владимира Ильича было его *отношение к массам*. У Владимира Ильича было какое-то особенное чутье масс, тяготение к ним, постоянная тесная связь. Изучать эти массы Владимир Ильич начал, как я говорила, еще будучи юношей. Он знакомился с крестьянской массой, когда жил в казанской, самарской деревнях, а позднее в Сибири. И в Питере, когда он вел работу среди рабочих, у него был совсем особенный подход к ним. Владимир Ильич интересовался каждой мелочью, рисовавшей быт, жизнь рабочих, по отдельным черточкам старался охватить жизнь рабочего в целом, найти то, за что можно ухватиться, чтобы лучше подойти к рабочему с революционной пропагандой. Увязка теории и практики — вот что было особенностью работы Владимира Ильича в кружках. И когда он говорил с рабочими или писал для них, он старался всегда говорить и писать так, чтобы рабочие его понимали. Когда члены группы «Освобождение труда» получили брошюру Ленина «Объяснение закона о штрафах...» и написали ему свой хвалебный отзыв о ней, Владимир Ильич отвечал им, что отзывы Плеханова и Аксельрода о его литературных попытках (для рабочих) его «чрезвычайно ободрили. Я ничего так не желал бы, — писал он, — ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих»¹. Кларе Цеткин Владимир Ильич сказал как-то, что во время его речи он все время думает о рабочих и крестьянах как о своих слушателях. «Я хотел, чтобы они меня поняли. Где бы ни гово-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 12. *Ред.*

рил коммунист, он должен думать о массах, он должен говорить для них»¹. За границей, в эмиграции, Владимир Ильич страшно тяготился отрывом от масс. В своих письмах к товарищам этого периода он постоянно просит товарищей, работающих в России, давать рабочим больше писать в заграничный орган², писать не только для печати, а для того, чтобы оторванные от этих масс заграничные работники-литераторы не теряли связи с этими массами, чтобы они знали их запросы, их жизнь и борьбу от них самих. Он просит в этих письмах «...давать хоть иногда и прямые картинки бесед с рабочими (о чем говорят в кружке? какие жалобы? недоумения, запросы? темы бесед? и проч. и проч.)»³. А когда за границу приезжал кто-нибудь из местных работников, особенно из рабочих, Владимир Ильич буквально впивался в него, стараясь рядом наводящих вопросов разузнать о настроениях рабочих в России, и почерпал из таких расспросов очень многое. Безгранична была его вера в рабочие массы, в их творческие силы.

Огромные возможности в смысле непосредственного влияния на массы дала Владимиру Ильичу революция. Между Владимиром Ильичем и революционными массами установилось настолько близкое единство, что отделить их друг от друга было невозможно. Владимир Ильич был лабораторией революционной мысли для миллионов восставших рабочих и крестьян, он был гениальной головой, для которой были понятны как самые интимные мысли рабочих и крестьян, так и самые высокие вершины научных знаний. В разрешение каждой очередной проблемы Владимир Ильич уходил с головой, проверяя каждый шаг на опыте и личными разговорами с отдельными, часто рядовыми работниками. Особенное значение он придавал объяснению каждой меры широким народным массам и тому, как тот или другой закон или распоряжение правительства воспринимается рядовыми рабочими и крестьянами. По его предложению А. Д. Цюрупа, который был тогда наркомом продовольствия, вызвал к себе несколько рядовых крестьян поговорить с ними «по душам» и узнать без прикрас думы и чаяния крестьянских масс.

Сам Владимир Ильич постоянно беседовал со всеми приезжавшими к нему рабочими и крестьянами. Им к нему был доступ вне всякой очереди. «Чем велик Ленин?» — задает в своих воспоминаниях вопрос крестьянин Чернов, не раз бывавший у Ленина. «А вот чем. Он не меня, конечно, слушал, как персону необыкновенную, а через меня он слушал все крестьян-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти томах, т. 5. М., 1969, с. 32. *Ред.*

² См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 107. *Ред.*

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 254. *Ред.*

ство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах»¹.

Я привела вам здесь, товарищи, только несколько примеров для иллюстрации того, как проявлялись у Владимира Ильича те наиболее характерные его черты, о которых я говорила в начале моего слова. Этих примеров можно было бы привести, конечно, гораздо больше, вы найдете их в том огромном литературном наследии Ленина, которое надо изучать и штудировать и которое еще на долгие годы будет путеводителем в нашей работе и борьбе. И дело тут, понятно, не в отдельных цитатах, а в том, чтобы понять и усвоить, проводить в жизнь суть, дух учения Ленина.

*Впервые напечатано в 1964 г. в
кн.: Ульянова М. И. О Ленине,
с. 95—104*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, изд. 2. М., Политиздат,
1966, с. 94—103, сверенной с ру-
кописью*

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти томах, т. 4. М., 1969, с. 310. *Ред.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

Вторую годовщину¹ переживаем мы со дня смерти Владимира Ильича Ленина. Уже второй год приходится трудящимся СССР строить новое общество, где не будет бедных и богатых, где не будет угнетения одного класса другим, без своего признанного вождя и учителя.

Невольно вспоминается вся его жизнь.

Долгие годы пришлось Владимиру Ильичу провести в эмиграции за границей, в чужих странах, потому что царское правительство преследовало его в России и не давало вести ту революционную работу, которой он посвятил всю свою жизнь с раннего юношества.

Но и будучи оторванным от непосредственного общения с широкими рабочими и крестьянскими массами, он умел всегда правильно подмечать их настроения и запросы. Живя за тысячу верст от России, он поддерживал всегда самую деятельную переписку с работавшими в России товарищами, настаивал всегда, чтобы в нелегальную газету «Искра», издававшуюся тогда за границей, 25-летие которой мы справляем в этом году, писало как можно больше рабочих.

«Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе»².

Интересовался он и жизнью и нуждами крестьянства, но связи с деревней тогда, в царские времена, были слабее и революционная работа поставлена хуже, чем в городах, на заводах.

Но, помимо переписки, он искал всегда случая порасспросить о настроениях трудовых масс в России всех приезжавших за границу товарищей. Приезд свежего человека, связанного с

¹ Воспоминания написаны в 1926 году. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 107. *Ред.*

революционной работой в России, был для Владимира Ильича всегда праздником, и никто не умел так много узнать от приезжих о подлинной жизни в России, как тов. Ленин.

Когда в апреле 1917 года, после Февральской революции, Владимир Ильич приехал в Россию, он получил наконец возможность постоянного общения с трудящимися. В редакции «Правды» в Петрограде, где он тогда работал, он часами беседовал с представителями фабрик и заводов, с солдатами, приезжавшими с фронтов.

Он прислушивался к разговорам в трамваях, заводил разговоры с «простыми» людьми на прогулках, он не пропускал ни малейшего случая общения с ними, ибо он понимал, что для партии, которая ставит своей задачей освобождение всех трудящихся, необходимо хорошо знать повседневную жизнь этих трудящихся, их нужды и запросы.

И позднее, когда Владимир Ильич стоял во главе громадного государства и был занят с утра до поздней ночи важной работой на пользу всей страны, он также охотно и подолгу беседовал с делегациями от рабочих и крестьян, приезжавшими к нему, стараясь никому из них не отказать, распоряжаясь пропускать их к себе в первую очередь.

В редкие дни, когда ему удавалось уехать на отдых в Горки, он беседовал там с местными крестьянами и крестьянками, расспрашивая их об их жизни, помогая им всем, чем только мог.

Бывали случаи, что, гуляя где-нибудь в лесу около Горок или отправляясь на охоту за несколько десятков верст от Москвы, он заводил разговоры с встречавшимися ему крестьянами, расспрашивал их о том, как они относятся к тем или иным мероприятиям Советской власти, как работают у них Советы и пр. и т. д.

Эти разговоры давали ему возможность лично проверять, насколько правильны эти мероприятия, какие изменения нужно в них внести.

После покушения на Владимира Ильича товарищи охраняли его и противились, когда он один ходил по улицам Москвы, боясь за него, но эта охрана сильно тяготила его, и он нередко незаметно скрывался от нее, чтобы походить по улицам, поближе посмотреть на жизнь.

Чуткому, внимательному отношению к трудящимся и их нуждам учил Владимир Ильич и работавших с ним товарищей.

Владимира Ильича нет теперь с нами, но он оставил в наследство нам выпестованную им Коммунистическую партию, которая неуклонно выполняет его заветы.

Под руководством этой партии все большее и большее число рабочих и работниц, крестьян и крестьянок берется за общественную работу, за налаживание нашей промышленности и сель-

ского хозяйства, за улучшение работы Советов, учебы и тому подобное.

Все более широкие массы начинают понимать, что дело Коммунистической партии — их дело и что нужны дружные усилия всех трудящихся, чтобы добиться лучшей доли. Недаром Владимир Ильич говорил, что «...социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»¹.

В этой общественной работе все большее и большее участие принимают и трудящиеся женщины — работницы и крестьянки. Им труднее это, чем мужчинам. Домашнее хозяйство, ребяташки — все это ведь на их руках. Но и они все сознательнее становятся, и они все больше начинают понимать, что прав был товарищ Ленин, когда говорил, что освобождение трудящихся женщин есть дело самих этих женщин.

Товарищи крестьянки! Помните этот завет тов. Ленина и принимайте шире участие в общественной работе. Никто не сможет большего сделать для улучшения вашей жизни, чем вы сами!

*Впервые напечатано 5 января
1926 г. в журнале «Крестьянка»
№ 1, с. 2—3*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, с. 104—106*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 57. Ред.

ИЗ ДОКЛАДА В «ТИМИРЯЗЕВКЕ» В ЯНВАРЕ 1925 года

Я останавлиюсь здесь на некоторых чертах, особенно характерных для Владимира Ильича. Основной из них была целеустремленность, подчинение всего себя, всей своей деятельности одной определенной цели.

Он знал, что *идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами.*

Но прежде чем идти к массам, он решил подковать себя в теоретическом отношении.

«...«Читать» вообще — мало проку»¹, — писал он младшему брату, когда тот сидел в тюрьме. Владимир Ильич работал систематически, штудировал книги, делал выписки.

Он умел работать, не теряя попусту время. Характерно, например, что перед поездкой в Сибирь, в ссылку (ему разрешили ехать на свой счет и остановиться в Москве на несколько дней для свидания с матерью), он и эти немногие дни использовал для посещения Румянцевской библиотеки и просмотра нужных ему для работы книг.

Много работал он в библиотеках и за границей. Отчасти это вызывалось неимением средств, которые у Владимира Ильича были всегда очень ограничены, а главным образом тем, что в библиотеках он имел возможность работать спокойно, в более благоприятных условиях. Его не отрывали там визитеры и пр.

Но Владимир Ильич в то же время любил жизнь во всех ее проявлениях. Любимым его отдыхом были прогулки. Он старался отыскивать новые красивые места, по преимуществу более безлюдные, ездил на далекие прогулки на велосипеде, и это давало ему настоящий отдых от умственной работы, от трепки

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 92. Ред.

нервов, которой так много было в обстановке эмигрантской жизни, с ее дроблением на группы, течения и пр.

За исключением кратковременных поездок на отдых в деревню (за границей), во время которых он, конечно, тоже не порывал с политической работой, я не знаю ни одного месяца, больше того, ни одного дня, когда бы он не жил жизнью партии, не болел ее неудачами, не радовался ее успехам.

И когда Владимир Ильич заболел и врачи настаивали, чтобы он больше давал себе отдыха, и я напоминала ему об этом, видя, что он плохо исполняет их указания, Владимир Ильич говорил мне: «У меня ничего другого нет».

Позднее, когда Владимир Ильич был уже прикован к постели, врачи, видя, что моральное состояние его очень тяжелое, предложили ему повидаться с кем-либо из товарищей, с условием, однако, не говорить о политике. Владимир Ильич наотрез отказался. «Чудаки,— говорил он нам, когда врачи ушли.— Они представляют себе, что политические деятели, встретившись после долгой разлуки, могут говорить о чем-либо другом, кроме политики».

Владимир Ильич жил революционной работой и всякие неудачи в пей переживал необычайно тяжело. Надо перечитать его письма к Шляпникову и Коллонтай в эпоху империалистской войны, чтобы понять весь его гнев, боль и возмущение шовинизмом, охватившим даже лучших представителей революционной интеллигенции. Он стремился хоть немного разорвать эту завесу, открыть рабочим глаза. А возможности для этого были так незначительны, связь с Россией так слаба. Своих немногих корреспондентов он забрасывает письмами, подталкивает, настаивает.

Так, т. Коллонтай он пишет 19/III. 1916 года:

«Пожалуйста, похлопочите, узнайте, добейтесь, обругайте, заставьте, присмотрите!»¹

Стремление добиться исполнения, проверить выполнение проявляется Владимиром Ильичем и в дальнейшем, когда он становится во главе победившей республики Советов.

Другой отличительной чертой Владимира Ильича была его способность общаться с массами, узнавать постоянно их интересы и запросы, проверять мероприятия Советской власти и партии путем этого общения.

Еще лишь приступая к революционной деятельности, он ходил в Петербурге даже в трактиры, где имел возможность прислушиваться к разговорам рабочих, узнавать у них условия их жизни, их требования.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 201. Ред.

Такого же рода общение поддерживал он и в ссылке, где у него на почве юридических советов установилась связь с местным крестьянством.

За границей, живя долгие годы в эмиграции, Владимир Ильич буквально обсасывал со всех сторон всякого свежего, попадавшего за рубеж, человека. Особенно любил он беседовать с рабочими, непосредственно сталкивавшимися с массами.

*Впервые напечатано в 1964 г. в
кн.: Ульянова М. И. О Ленине,
с. 108—110*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, изд. 2, М., Политиз-
дат, 1966, с. 107—109, сверенной с
рукописью*

АККУРАТНОСТЬ, ПУНКТУАЛЬНОСТЬ, ЧЕТКОСТЬ

Одной из отличительных черт Владимира Ильича была большая аккуратность, пунктуальность, четкость во всякой взятой им на себя работе. Он органически не мог отнестись поверхностно, кое-как, нашармака к любому, хотя бы и незначительному, делу.

Эта черта была присуща Владимиру Ильичу с юных лет. Еще в гимназические годы он с необыкновенной тщательностью выполнял все школьные задания. Это относилось главным образом к письменным работам, так как при богатых способностях Ильича и прекрасной памяти устные задания усваивались им обычно на уроке, во время объяснения учителя, и дома ему оставалось лишь слегка проглядеть их по книге или восстановить в памяти по записям. Зато тщательность подготовки письменных работ тогда еще буквально была в глаза и очень импонировала нам, меньшим.

Дмитрий Ильич рассказывает, как ему, мальчику 12—13 лет, нравилось следить за тем, как Владимир Ильич пишет сочинения¹, за которые он принимался сразу, как только объявлялась тема и назначался для написания срок, обычно двухнедельный. Тут же он составлял план сочинения, просматривал нужную литературу, делая выписки, которые могли ему пригодиться для сочинения. Черновик сочинения набрасывался Владимиром Ильичем на одной стороне согнутого вдоль листа. «Постепенно, день за днем, правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д.» Времени было достаточно, и можно было не спеша, основательно разработать тему. Недаром сочинения Владимира Ильича отличались всегда продуманностью, логичностью, богатым использованием материала и получали высшую оценку со стороны учителя словесности, который нередко ставил Владимиру Ильичу за сочинения не просто пять, а пять с плюсом.

¹ См. настоящий том, с. 88—89. *Ред.*

Составленная им табличка спряжения неправильных французских глаголов наглядно показывает, как тщательно Владимир Ильич подходил к каждой работе, если даже она делалась им для себя, а не для того, чтобы подать преподавателю по его заданию.

Аккуратность и четкость в выполнении этой, казалось бы, незначительной таблички давала Ильичу возможность легче уложить ее в памяти, проще отыскать нужную форму при справках.

Мне нередко приходилось прибегать к помощи Владимира Ильича во время приготовления уроков в низших классах гимназии. И ярко осталось в памяти его неодобрение всякой небрежности, кое-как сделанной работы. Приходилось переделывать, ибо это неодобрение Ильича было хуже всякого наказания.

Составление плана при писании статьи или книги сделалось привычкой Владимира Ильича. Опубликованные в Ленинских сборниках и Сочинениях Ленина материалы показывают, что и к своим устным докладам, которые он делал обычно без записей, он составлял всегда предварительно план. Мы знали обычно по его настроению и углубленности в себя, что Ильич обдумывает какую-либо работу или доклад. Он бывал в такие моменты неразговорчив, а иногда приговаривал что-то себе сквозь зубы — «шипел», как выражалась Надежда Константиновна, и мы старались не развлекать его ничем посторонним.

Тщательное, всестороннее изучение предмета, выписки, пометки, просмотр целой груды литературы по тому или иному интересовавшему Владимира Ильича вопросу давали ему возможность выступать во всеоружии, быть подкованным в нем, что называется, на все четыре ноги. Недаром он считал, что «...«читать» вообще — мало проку».

Строгое требование тщательной, добросовестной работы, которое Владимир Ильич предъявлял прежде всего к себе самому, он предъявлял и к другим. В этом ему помогала проверка исполнения, в которой он наряду с подбором кадров видел «гвоздь вопроса»¹.

С какой горячей настойчивостью добивался Владимир Ильич выполнения данных им поручений, видно хотя бы из следующей фразы его письма т. Коллонтай: «Пожалуйста, похлопочите, узнайте, добейтесь, обругайте, заставьте, присмотрите!»²

Известно, что им же было введено обыкновение требовать расписки на конверте. Но Владимир Ильич не довольствовался этим, а еще запрашивал сам или поручал запросить секретаря по телефону, получено ли письмо, что предпринято по нему, требуя сплошь и рядом донесения ежедневно по ряду важных поручений, сводки об исполнении. Таким путем он приучал

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 16. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 201. *Ред.*

аппарат как Управления делами и секретариата Совнаркома, так и других учреждений к аккуратности и исполнительности.

Указанной выше привычке к размеренному труду, аккуратности и пунктуальности Владимир Ильич остался верен до последних дней своей жизни. Уже будучи тяжело больным, лишенным речи, он требовал, чтобы в строго определенное время велись с ним занятия по восстановлению речи, которые проводили врач и Надежда Константиновна. Это относилось и к просмотру газеты, которую Владимиру Ильичу в то время приносили после обеда, когда он отдыхал в своем кресле, и к чтению вслух и пр. и т. д.

Своей прочно установившейся привычке он не изменял и тогда, когда всякий другой, больной такой тяжелой болезнью, лишенный возможности обмениваться с окружающими, высказать самые настоятельные свои нужды, человек предался бы унынию, апатии и перенес бы, как это бывает в большинстве случаев, все свои мысли на свое здоровье.

Но то, что свойственно обыкновенным людям, иначе выражается у таких гигантов ума и действия, каким был Ильич. Он глубоко затаил в себе боль за вынужденное бездействие, отстранение от любимой работы, которая давала ему цель жизни, и старался наперекор всему продолжать работать, хотя бы в той области, которая одна только осталась ему доступной.

*Впервые напечатано в 1964 г. в
кн.: Ульянова М. И. О Ленине,
с. 115—118*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, изд. 2, М., Политиздат,
1966, с. 114—117, сверенной с
машинписным текстом*

ОДНА ИЗ САМЫХ СИЛЬНЫХ СТОРОН ЛЕНИНА

Простота и скромность, большой демократизм и доступность отличали Владимира Ильича и в личной жизни и в его отношении к людям. «...Наша нравственность,— говорил он,— выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»¹ — и применял это правило прежде всего к самому себе.

Приведу лишь несколько штрихов для иллюстрации.

Владимир Ильич относился к людям внимательно и приветливо, независимо от того, каково было положение человека, место, занимаемое им по служебной лестнице, в обществе. Рабочих, делегатов от крестьян, которые приходили к нему на прием,— с ними Владимир Ильич особенно любил поговорить — он встречал приветливо и извинялся перед ними, если ему приходилось заставить их немного подождать. Обычно же он строго соблюдал часы приема делегаций, поручая своему секретарю вести точный их учет, заранее давать им пропуски в Кремль, проверяя выполнение через некоторое время. Без проверки выполнения своих поручений он вообще не мог работать.

Интересно было наблюдать выражение лиц некоторых бывавших на приеме крестьян до и после свидания с ним.

Вот в приемной Владимира Ильича ждут несколько крестьян. Они смущенно стоят, переминаясь с ноги на ногу, держат в руках шапки. На лицах у них радость от предстоящего свидания с главой Советского правительства, но в то же время заметна и некоторая тревога: как он их примет и что им скажет. Перед тем как войти к нему в кабинет, они стали в очередь, впереди самый старый; некоторые перекрестились... Товарищ, вошедший в кабинет к Ильичу через некоторое время, наблюдал такую картину: Владимир Ильич сидел в своем кресле, за столом, немного отодвинувшись, а полукругом около него сидели крестьяне. Владимир Ильич чему-то громко смеялся, вместе с ним смеялись все крестьяне. Вид у них был совершенно другой, чем тот, когда они ждали в приемной, точно дружеская,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 309. Ред.

задушевная беседа сняла с них те заботы и тревоги, с которыми они пришли к Владимиру Ильичу.

Весной 1920 года т. Шотман встретился в Сибири со сгорбленным стариком, лет 75, с большой седой бородой. Оказалось, что это коммунист, едет из Омска, с партийных курсов, к себе в станицу.

— Мне скоро умирать, — говорил он, — но перед смертью хотелось бы видеть Владимира Ильича Ленина. Только бы увидеть его, родного, а потом можно и умереть.

— Я решил устроить ему свидание с Владимиром Ильичем, — рассказывает т. Шотман. — Ленин с удовольствием согласился.

Когда я ввел т. Путинцева в кабинет, т. Ленин встал из-за стола, подошел к растерявшемуся старику и, взяв его обеими руками за руку, сказал:

— Здравствуйте, Илья Данилович.

От неожиданности Илья Данилович совсем растерялся и от волнения едва произнес:

— Любезный деятель, поклон из Сибири.

Усадив старика против себя на стул у окна, Ленин стал подробно расспрашивать его о жизни сибирских казаков.

Илья Данилович отвечал на все вопросы очень обстоятельно, указывал без стеснения на недостатки советского механизма, за хорошие декреты хвалил без лести. Владимиру Ильичу т. Путинцев, видимо, очень понравился, говорил с ним, как со старым знакомым, вспоминал о своей жизни в Сибири и пр.

На прощание Владимир Ильич обнял старика и крепко, товарищески поцеловал его.

Характерен и такой случай. Заинтересовавшись как-то беседой с одним крестьянином, Владимир Ильич предложил ему написать статью в газету. Тот мотивировал отказ тем обстоятельством, что в дороге он потерял свои очки, а достать их очень трудно. Владимир Ильич взял перо и написал т. Семашко:

«Николай Александрович!

У меня сидит тов. Иван Афанасьевич *Чекунов*, очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма.

Он потерял очки... Нельзя ли помочь ему достать хорошие очки?

Очень прошу помочь и попросить секретаря Вашего сообщить мне, *удалось ли*»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 83—84.

В рукописи далее следует: «Несмотря на совершенно пчеловеческую перегруженность делами, Владимир Ильич находил время побеседовать, хотя бы несколько минут, с рабочими и крестьянами. А если не побеседовать, то прочесть десяток-другой крестьянских писем. Ленин высоко ценил эти письма. Он говорил т. В. Карпинскому:

Когда Владимир Ильич незадолго до своей роковой болезни поехал в Костино¹, он в один из последующих дней по приезде направился к скотному двору, чтобы осмотреть его. Служащие совхоза «Костино» еще не знали Владимира Ильича, и, так как вход на скотный двор для посторонних был запрещен, сторож не пропустил Ленина. Владимир Ильич спокойно повернул вспять, не сказав ни слова.

Дело доходило до того, что, приходя в кремлевскую парикмахерскую, Владимир Ильич садился, чтобы дождаться своей очереди, но тут уже присутствовавшие восставали, они не могли допустить, чтобы он так непроизводительно тратил свое время.

В первые годы Советской власти, когда бывал нехваток продуктов, Владимиру Ильичу нередко направлялись лично для него мука, мясо и т. п. Но обычно Ильич направлял все эти продукты в детские дома или больницы или, если продукты поступали в небольшом количестве, предлагал разделить их между целым рядом товарищей, не забывая и лечивших его и Надежду Константиновну врачей, отказ которых от гонорара всегда очень смущал его.

Исключение, впрочем, делалось для посылок с продуктами, которые присылали ему близкие товарищи.

Очень характерны для скромности Владимира Ильича анкеты, заполнявшиеся им на съездах и конгрессах. На вопрос, говорит ли он свободно на каком-нибудь иностранном языке, Владимир Ильич в анкете III конгресса Коминтерна записал: «Ни на каком»². А между тем известно, какие громовые овации встречали его речи со стороны западноевропейских делегатов.

«Ведь это же подлинные человеческие документы. Ведь этого я не услышу ни в одном докладе».

Новому типу бюрократов — советским бюрократам с партбилетом в кармане — некоторое число их имеется еще в нашем аппарате — не грех задуматься над примером отношения Ленина к личным обращениям и письмам трудящихся и проявлять к ним больше внимания.

В первые годы Советской власти широкие слои трудящихся не знали часто Владимира Ильича в лицо — не до фотографирования было в тот период разрухи, голода и холода. И бывало, что, когда Владимир Ильич входил в Кремль, здание правительства или даже в свою квартиру, часовые резко бросали: «Пропуск», подозрительно поглядывая на просто одетого человека. Владимир Ильич, который обычно делал им под козырек, спокойно вынимал пропуск из кармана и терпеливо ждал, пока часовой его рассматривал. Узнав, что он оставил Ленина, часовой смущался, но Владимир Ильич ласково успокаивал его и, откозырнув, проходил дальше». *Ред.*

¹ В. И. Ленин пробыл в Костино с 17 января по 1 марта 1922 года. *Ред.*

² М. И. Ульянова, по-видимому, имеет в виду анкету, заполненную В. И. Лениным во время всероссийской переписи членов РКП(б) 13 февраля 1922 года, в которой на вопрос, на каких языках кроме русского он свободно говорит, В. И. Ленин ответил: «Свободно ни на одном» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 509*). *Ред.*

Произносились эти речи Владимиром Ильичем на правильном немецком языке, разве только иногда он затруднялся в подыскании отдельного слова, да и то передавал свою мысль в таких случаях другими оборотами¹.

Образцом скромности Владимира Ильича является и его речь на праздновании его юбилея в день его 50-летия:

«Товарищи! Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушания юбилейных речей». (Владимир Ильич приехал на собрание с запозданием.)

Закончил он пожеланием, «...чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии»².

*Впервые напечатано 21 января
1937 г. в газете «Известия»*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, с. 118—121, сверенной с
рукописью*

¹ Далее в рукописи следует: «На XI съезде партии Владимир Ильич на вопрос: «Какую партийную работу исполняете в настоящее время?» — ответил: «Член ЦК РКП», а на вопрос: «Какое участие принимаете в настоящее время в кооперации и в профдвижении?» — ответил: «Никакого». Он подразумевал под этим, что не принимает непосредственного участия в первичной кооперативной ячейке и в первичной профорганизации. Это было верно, но верно также и то, что, будучи руководителем всей нашей страны, ее хозяйства и всех организаций, он неизбежно и очень пристально руководил и всей суммой вопросов профдвижения и кооперации». *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 325, 327.

Далее в рукописи: «Простота и скромность отличали Владимира Ильича, как я указывала, и в личной жизни. Нечего уже говорить о периоде эмиграции, когда он имел «existenz-minimum парижского рабочего», как он выражался, а на поверку и того меньше. Но и в советский период, когда материальные условия его резко изменились к лучшему, он оставался верен себе. Все должно было быть просто, скромно, никаких излпшеств».

В варианте рукописи сказано: «Владимир Ильич был подлинным коммунистом, и большее знакомство с его жизнью, с его характером, чертами и обычаями принесет многим и многим из молодых членов партии большую непосредственную пользу, будет иметь для них воспитательное значение, показав им, как должен проявлять себя настоящий коммунист, предохранит от многих неправильностей, высокомерия и зазнайства».

Владимир Ильич прекрасно знал себе цену и понимал свое значение, и простота и скромность, отличавшие его, были не признаком недооценки им этого значения и не преуменьшением своей роли, а проявлением подлинно высокой, гениальной культуры». *Ред.*

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ
С УЧАЩИМИСЯ 364-й ШКОЛЫ г. МОСКВЫ
23 НОЯБРЯ 1936 года

Наиболее характерные черты его (В. И. Ленина) — большая простота, доступность, демократизм, никакого зазнайства. Когда он был Председателем Совнаркома, он оставался таким же простым человеком. Всякие лишние траты он запрещал... В квартире всегда очень просто, ничего лишнего, никакой роскоши. Это черты настоящего коммуниста — у него они были особенно ярко выражены.

Очень много он оказывал внимания людям. Будете читать Ленинский сборник, увидите массу записок: устройте такого-то, помогите такому-то. У меня была всегда масса поручений от него: достань тому-то шубу, пригласи к тому-то врача. У врача он требовал всегда отчета, что нужно сделать, чтобы товарищ поправился.

Очень чуткое и внимательное отношение к товарищам, очень простое отношение. Иногда несдержанные товарищи критиковали его за новые идеи, которые были им непонятны. Он очень спокойно и обстоятельно разъяснял им их ошибки.

Я думаю, что наша красная смена должна учиться не только по большому литературному наследству, которое у нас осталось от Ленина, следуя которому наша партия добилась больших успехов, но вы должны больше знакомиться с Лениным как человеком и коммунистом. В этом смысле вы можете очень многое для себя взять. Это будет для вас очень полезно, чтобы вырасти стойкими коммунистами, достойной красной сменой нам, старым бойцам.

Бои предстоят немалые. Вы это можете видеть по истории, как два класса неприкрыто противостоят один другому, какая идет упорная борьба. Для того чтобы подготовить себя к этой борьбе, к новым боям и победам, нужно хорошо использовать ваши юные годы, когда у вас больше свободного времени, свежая голова и когда вы можете большего достигнуть в смысле подготовки себя к этой работе.

Я выражу пожелание, чтобы вы не только Сочинения Ленина хорошо изучили, но больше знакомились с ним как с человеком.

В о п р о с. Как Ленин относился к учителям?

Т о в. У л ь я н о в а. Тут надо немного уйти в область прошлого, чтобы на этот вопрос ответить. Вы не забудьте, что учился он в гимназии в конце прошлого столетия. Гимназии были очень плохие. Учителя были старые реакционеры, которым важно было только одно: продвигаться по службе. Я помню по рассказам Владимира Ильича, что состав учителей был очень плохой. Некоторые выезжали на том, что заставляли зубрить, другие относились к преподаванию спустя рукава. Благодаря этому особого уважения к себе учителя не могли внушить.

Но характерно было для учебы Владимира Ильича то, что он всегда на уроках слушал очень внимательно то, что объясняли, и усваивал урок прекрасно. Иногда старшие сестры, другие члены семьи жаловались, что он крутится и мешает им заниматься. Отец позовет его к себе в кабинет, спросит урок — знает, начинает латинскую грамматику спрашивать — знает...

Хорошая память и внимание давали ему возможность хорошо запоминать объяснения на уроках, поэтому сидеть дома и зубрить ему не приходилось, и у него была возможность много читать. Отметки были у него хорошие, и он многим товарищам помогал, раньше уходил в гимназию, чтобы объяснить товарищам то, что им непонятно.

Конечно, близкой связи с учителями в то время не могло быть. Он рано стал в оппозицию к старому укладу, к старому строю, а в школе учителя все были допотопные, которые больше своего предмета ничего дать не могли. Сколько-нибудь свободо-мыслящего человека в учителя не потерпели бы тогда.

В о п р о с. Во время работы в партии получались большие разногласия. Порывал ли Ленин личные связи с тем, с кем расходился во взглядах?

Т о в. У л ь я н о в а. К людям он относился хорошо, но мерило было такое: стоит человек на революционной точке зрения или свернул куда-нибудь. Для него это имело крупнейшее значение. Если разногласия маленькие, их можно было уладить — он выступал с резкой критикой.

Плеханов, например. Ленин относился к нему с большим уважением. Мартов был видный меньшевик. Ленин был с ними очень дружен, а когда он увидел, что они изменили, пошли по другому пути, что для них дело революции не на первом месте, что они идут на соглашательство, для него идея была выше личных отношений, и с ними не могло быть никаких дружеских отношений.

Правда, он потом делал попытку перетянуть их. Он цепил Плеханова, это был большой ум. Но быть дружным с человеком, с которым он идейно расходится, он никогда не мог и

расходился с людьми, если они стояли на неверном пути и шли на поводу у буржуазии. Но сплошь и рядом для таких заблуждающихся, которых можно перетянуть, он пускал в ход все, чтобы на них воздействовать. Личного он не вносил в борьбу ничего, но принципиальность была большая, и поэтому, если не было никакой возможности столкнуться, он с этими людьми порывал.

*Впервые напечатано 18 февраля
1958 г. в газете «Комсомольская
правда»*

*Печатается по кн.: Ульянова М. И.
О Ленине, с. 122—124, сверенной с
машинописным текстом*

ВОЖДЬ, ТОВАРИЩ, ЧЕЛОВЕК

Через несколько дней исполнится четыре года¹ со дня смерти Владимира Ильича. То, чему он учил нас при своей жизни, его богатое литературное наследство становится год от года достоянием все большего количества пролетариев не только в СССР, но и далеко за его пределами. Это вполне понятно. Все большее количество трудящихся всех стран, самым ходом истории, на своей жизни, на своей борьбе, убеждаются в правильности того пути, которым он учил идти и по которому он привел к победе над эксплуататорами, к возможности строительства социализма рабочими и трудящимися крестьянами нашей страны. И чтобы не свернуть с этого пути, чтобы на всех этапах борьбы применять правильную ленинскую тактику, которая одна только наиболее безболезненно и быстро может привести к победе, пролетарские коммунистические партии всех стран, все сознательные пролетарии учатся на его Сочинениях, проверяют себя и свои методы борьбы на его богатом революционном опыте. И все возрастает спрос на его Сочинения, и на все большее количество иностранных языков их переводят.

Никогда так много не читали Ленина при его жизни. Тогда он был с нами. Он сам руководил борьбой, определял линию партии и Коминтерна, давал сам указания на всех этапах революции. Во всех трудных случаях можно было обратиться непосредственно к нему и получить у него советы и указания. Не то теперь. Да и, помимо того, великие, гениальные люди только после своей смерти вырастают для своих современников, своих потомков во весь свой гигантский рост; после их смерти вполне и целиком оценивают оставшиеся в живых все их значение. Таким человеком был Владимир Ильич.

Но он велик не только своим учением, не только как вождь мировой пролетарской революции, он велик и как человек, в лучшем смысле этого слова; его должны знать все трудящиеся,

¹ Статья написана в 1928 году. *Ред.*

чтобы на его примере учиться вырабатывать из себя настоящих коммунистов, у которых слово не расходится с делом, которые завоевывают авторитет и доверие всей своей жизнью.

Владимир Ильич принадлежал к тем немногим людям, которые, поставив себе раз и навсегда одну определенную цель в жизни, неуклонно идут к ней, не сворачивая с избранного пути, не смущаясь никакими трудностями и опасностями. Их дело становится для них высшей целью и интересом. Таким делом была для Владимира Ильича его революционная работа.

Еще юношей, только что покинув школьную скамью, он с необыкновенным упорством и настойчивостью берется за книгу, чтобы подготовить себя к этой революционной работе. Та же настойчивость проявлялась у него всегда — как в подпольные времена, так и после завоевания Советской власти.

Период империалистической войны был одним из наиболее тяжелых периодов для революционеров, находившихся в эмиграции, за границей. Связи с Россией были крайне затруднены, денег не было, работу было вести трудно; многие эмигранты шли на фронт защищать «свое отечество». Мало было людей, кто выступал открыто против войны, за интернационализм. И по письмам, которые сохранились с того времени, мы видим, с каким упорством и настойчивостью Владимир Ильич боролся против империалистической войны, с какой неослабной энергией вел он агитацию, старался восстановить связи с Россией и пр. И, давая то или иное задание, он стремился к тому, чтобы оно было выполнено срочно, без промедления. Так, в одном письме к т. Коллонтай он пишет: «Пожалуйста, похлопочите, узнайте, добейтесь, обругайте, заставьте, присмотрите!»¹ Сколько в одних этих словах настойчивости, упорства, желания во что бы то ни стало добиться результатов.

Когда Владимир Ильич был уже тяжело болен и не покидал постели, врачи, чтобы несколько развлечь его, предложили ему повидать кого-нибудь из близких товарищей, но с условием не говорить с ними о политике, боясь, что такой разговор взволнует больного. Владимир Ильич наотрез отказался от такого свидания и, когда врачи ушли, с усмешкой говорил: вот, мол, чудачки; они думают, что политические деятели могут говорить между собою о чем-либо другом, кроме политики.

Но, отдавая жизнь революционной борьбе, Владимир Ильич не был ригористом, сухим человеком. Он любил жизнь во всех ее проявлениях, любил людей, был чуток и внимателен к ним, бывал заразительно весел и остроумен в обществе. С детьми он становился точно сам ребенком, бегал и играл с ними, возбуждая их горячую привязанность к себе. Лучшим его отдыхом были прогулки. Природу он страстно любил и быстро знакомился

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 201. Ред.

обыкновенно со всеми красивыми уголками той местности, где ему приходилось жить. И, бродя где-нибудь с ружьем по лесам, он всегда пользовался случаем при встрече с крестьянином или крестьянкой поговорить с ними о их житье-бытье, расспросить их о том, как идет их хозяйство, о их нуждах и пр. Такие встречи он использовал для большего общения с массами.

Владимир Ильич был очень заботлив к товарищам, и, встречаясь с ними, он наряду с разговорами о делах никогда не забывал справиться о том, как товарищ живет, отдыхал ли он, не нуждается ли в чем-либо. И потом поручал их врачам, с просьбой осмотреть такого-то, заботился, чтобы нуждающимся товарищам помогли и комнатой, и одеждой и пр. Он находил время для этого, несмотря на перегруженность работой.

К себе Владимир Ильич был необычайно строг и от других требовал точного выполнения взятых на себя обязанностей, строго взыскивая за всякие упущения. Но в то же время он умел быть и снисходительным к ошибкам товарищей, если их ошибки и промахи вызывались не злой их волей или нерадением, а особым несчастным стечением обстоятельств. И тогда потерпевший товарищ находил всегда поддержку Ильича и защиту от требовавших более суровых кар по отношению к виновному. Сколько раз, бывало, совершишь какую-нибудь ошибку (а кто застрахован от них?), кажется, что уже все на свете пропало, лучше уж не показываться на глаза Ильичу; его ведь особенно стыдно видеть в такие минуты. А он придет сам, и вместо строгости и недовольства видишь милую улыбку и желание успокоить и утешить. И при виде этого новые силы находишь в себе и от ошибок исправляешься лучше, чем при применении строгостей и взысканий, — лучше потому, что такой метод не вызывает озлобления, не приводит к подавленности человека, который и сам сознает свою ошибку.

В краткой заметке не опишешь образа Ильича. Для этого потребуется много томов, участие в собирании материалов о нем всех знавших его, подробная его биография. И тогда трудящиеся всех стран не только будут изучать его Сочинения, будут знать его не только как вождя, но и просто как доброго, отзывчивого, прекрасного человека и товарища.

Впервые напечатано в январе 1928 г. в журнале «Делегатка» № 2

Печатается по кн.: Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Письма. Очерки. М., 1973, с. 120—123

ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ

Ушел из жизни большой человек, гигант художественного слова. И, как всегда бывает с людьми такого масштаба, после смерти их роль, их личность, их работа для человечества кажутся еще больше, еще значительнее. Это чувствуется очень остро с кончиной Алексея Максимовича.

Вспоминается роль, которую играл он, его произведения для каждого из нас. Вспоминаются глухие годы подполья. Значение Горького для молодежи того времени, лишенной свободного слова. Как мы зачитывались его произведением «Мать», заучивали наизусть бессмертную «Песнь о Буревестнике».

В конце 90-х годов я лишь мельком встречалась с Алексеем Максимовичем в Нижнем Новгороде, куда была выслана под надзор полиции. Ближе, как человека, я узнала его в Петрограде перед революцией. Наши свидания происходили у него на квартире на Петербургской стороне, куда я приходила к нему с письмами и поручениями от Ленина. Ильичу нужен был заработок, дороговизна в связи с империалистической войной нарастала с каждым днем, и как ни умел он ограничиваться лишь самым необходимым минимумом в своих потребностях, но одно время невозможность найти литературную работу и «пристроить» свои книги сказались особенно остро. Алексей Максимович выручал.

Если в то время многое из политической, особенно эмигрантской, жизни отталкивало Горького, и ему было непонятно порой, как люди, «хорошие» люди могут расходиться, раскалываться из-за политических убеждений, то Ленина, ту роль, которую ему суждено сыграть для нашей страны и всего человечества, Горький понял сразу. И сразу полюбил его. Ильич отвечал ему тем же. Мало было людей, к которым Ленин относился бы с такой любовью, как к Горькому. Как-то оживлялось всегда его лицо при свиданиях с Алексеем Максимовичем. Он мог беседовать с ним часами, и видно было, что эти беседы доставляют

ему истинное удовольствие. Горький был одного масштаба с Ильичем, он был таким же гигантом, хотя и в другой области. Кроме того, он был милым, простым, обаятельным человеком. И это сближало их обоих.

И встают в памяти: концерты у Горького на квартире, где играли любимые музыкальные вещи Ильича, Горький у нас на даче в Горках и его частые визиты в Кремль, на городскую квартиру Ленина.

У Горького всегда были про запас какие-либо дела к Ильичу, большое количество просьб за разных людей. И как чутко шел Ленин всегда навстречу этим ходатайствам Горького, если выполнить их представлялась хотя бы какая-либо возможность.

Необычайно велика роль Горького как воспитателя молодых начинающих литераторов. Надо было поражаться, как успевал он прочитывать то огромное количество писем, которое направлялось ему на Капри с просьбой помочь, посоветовать, прочесть ту или иную вещь и т. п. Некоторые из них проходили через меня, когда я работала в «Правде», и, вероятно, ни один из этих запросов не оставался без ответа.

А когда он получил возможность приехать, сначала на короткий срок, в Союз ССР, он лично посещал собрания и слеты рабселькоров, выступал на них, часами разговаривая с рабочими, работницами и крестьянками. Сколько из них он воодушевил своей поддержкой, советом, дружеским словом!

Теперь его нет. Но и после своей смерти он будет продолжать дело, которому отдал свою жизнь. По его бессмертным сочинениям трудящиеся всего мира будут учиться ценить человека, бороться за лучшую, светлую жизнь во всем мире, за коммунизм.

*Впервые напечатано 20 июня
1936 г. в газете «Известия»*

Печатается по газете

Надежда Константиновна Крупская

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

ВВЕДЕНИЕ

Печатаемые в данном сборнике воспоминания охватывают период с 1894 по 1917 год, со времени моей первой встречи с Владимиром Ильичем в 1894 году и до Октябрьской революции 1917 года¹. Мне часто говорят, что написаны мои воспоминания очень скупо. Конечно, об Ильиче всем хочется знать как можно больше, да и описываемая эпоха — эпоха громадной исторической значимости. Она охватывает период развертывания массового рабочего движения, создания крепкой, принципиально выдержанной, закаленной тяжелейшими условиями подпольной работы партии рабочего класса. Это были годы непрерывного нарастания сознательности и организованности рабочего класса, годы отчаянной борьбы, закончившейся победой пролетарской социалистической революции.

Об этой эпохе и об Ильиче можно написать горы интереснейших статей и книг. Целью моих воспоминаний было дать картину той обстановки, в которой приходилось жить и работать Владимиру Ильичу.

Я писала только о том, что особенно живо осталось в памяти. Воспоминания написаны в два приема. Первая часть, охватывающая период 1894—1907 годов, написана в первые годы после смерти Владимира Ильича. Сюда входят воспоминания, касающиеся работы в Питере, времени пребывания в ссылке, мюнхенского и лондонского периодов первой эмиграции, времени перед II съездом партии, самого II съезда и периода непосредственно после него — до 1905 года. Затем идут воспоминания о 1905 году за границей и в России и, наконец, о 1905—1907 годах. Я писала их большею частью в Горках, бродя по опустелым комнатам горкинского большого дома и по зарастающим травой дорожкам парка, где провел последний год своей жизни Ильич. 1894—1907 годы были годами пафоса молодого рабочего движения, и

¹ Автор имеет в виду только I и II части «Воспоминаний о Ленине», которые в 1932 и 1933 годах были изданы отдельными книгами. *Ред.*

невольно мысли бежали к этим годам, когда закладывался фундамент нашей партии. Я писала первую часть почти исключительно по памяти. Вторая часть написана несколько лет спустя¹.

За эти годы пришлось много учиться, усиленно перечитывать Ленина, учиться связывать в тесный узел прошлое с настоящим, учиться жить с Ильичем без Ильича. И вторая часть вышла иная, чем первая. В первой части больше бытового, во второй — больше о том написано, чем жил, о чем думал Владимир Ильич. Мне кажется, что лучше читать обе части вместе. Первая часть органически связана со второй, без первой части вторая может показаться менее «воспоминательной», чем она есть на самом деле.

Когда писалась вторая часть воспоминаний, вышло уже в печати много других воспоминаний, сборников, вышло второе издание Сочинений Ленина. Это наложило на воспоминания о второй эмиграции определенную печать. Можно было лучше проверить себя. Кроме того, период, которого касаются эти воспоминания, 1908—1917 годы, гораздо сложнее, чем предыдущий.

Первый период (1893—1907 годы) охватывал первые шаги рабочего движения, борьбу за создание партии, нарастание первой революции, направленной главным образом против царизма, и разгром этой революции.

Второй период — годы второй эмиграции — куда сложнее. Это были годы подытоживания революционной борьбы первого периода, годы борьбы с реакцией. Это были годы бешеной борьбы против оппортунизма во всех его видах и формах, это была борьба за необходимость приспособлять свою работу ко всяким условиям, не снижая ее революционного содержания.

Годы второй эмиграции были годами, когда надвигалась мировая война, когда оппортунизм рабочих партий привел к краху II Интернационала, когда перед мировым пролетариатом встали совершенно новые задачи, когда нужно было прокладывать новые пути, камешек по камешку закладывать фундамент III Интернационала, когда нужно было начинать в труднейших условиях борьбу за социализм. В эмиграции все эти задачи выступали во всей своей конкретности и остроте.

Вне понимания этих задач нельзя понять, как вырос Ленин в вождя Октября, в вождя мировой революции. Вожди складываются и вырастают в борьбе, в ней черпают свою силу. Воспо-

¹ Далее в рукописи следует: «Много было пережито за эти годы. При Ильиче я жила, что называется, за чужим «загадом», обо всем важным, волнующем можно было с ним в любую минуту потолковать, обсудить. Теперь пришлось очень многое решать самостоятельно. Жизнь бешено мчится вперед, развиваясь в сложнейших противоречиях. Нельзя оставаться настоящим партийцем, не учась все время, не вдумываясь во все, что кругом делается. Мне пришлось здорово учиться». *Ред.*

минания об Ильиче за годы эмиграции нельзя писать, не связывая каждой мелочи его жизни с той борьбой, которую он вел за эти годы.

За девять лет второй эмиграции Ильич остался таким же, каким был. Он так же много и организованно работал, зорко вглядывался в каждую мелочь, все связывал в один узел, так же умел глядеть правде в глаза, как бы горька она ни была. Он, как и раньше, ненавидел всякий гнет и эксплуатацию, так же был предан делу пролетариата, делу трудящихся, так же близко к сердцу принимал их интересы, и вся его жизнь была подчинена интересам дела, само собой это выходило, иначе жить он не мог. Он так же горячо и резко боролся против оппортунизма, против каких бы то ни было сматываний удочек. Он по-прежнему рвал с ближайшими друзьями, если видел, что они тащат движение назад, умел просто, по-товарищески, подойти к вчерашнему противнику, если это нужно для дела, по-прежнему говорил все начистоту, напрямик. По-прежнему любил он природу, пушистый весенний лес, горные тропы и озера, шум большого города, рабочую толпу, любил товарищей, движение, борьбу, жизнь во всей ее многогранности. Тот же Ильич, только если наблюдать его изо дня в день, заметишь, что стал он сдержаннее, еще внимательнее к людям, подолгу ходит задумавшись, и, когда оторвешь его от его мыслей, печалью какой-то светятся в первую минуту его глаза.

Трудны были годы эмиграции, унесли они у Ильича немало сил, но выковали из него того борца, который нужен был массам, который повел их к победам.

Н. Крупская

Часть первая

В ПИТЕРЕ

1893—1898 годы

Владимир Ильич приехал в Питер осенью 1893 года, но я познакомилась с ним не сразу. Слышала я от товарищей, что с Волги приехал какой-то очень знающий марксист, затем мне привесли тетрадку «О рынках»¹, порядком-таки зачитанную. В тетрадке были изложены взгляды, с одной стороны, нашего питерского марксиста, технолога Германа Красина, с другой — взгляды приезжего волжанина. Тетрадка была согнута пополам: на одной стороне растрепанным почерком, с помарками и вставками, излагал свои мысли Г. Б. Красин, на другой — старательно, без помарок, писал свои примечания и возражения приезжий.

Вопрос о рынках тогда очень интересовал всех нас, молодых марксистов.

В питерских марксистских кружках в это время стало уже откristаллизовываться особое течение. Суть его заключалась в том, что процессы общественного развития представителям этого течения казались чем-то механическим, схематическим. При таком понимании общественного развития отпадала совершенно роль масс, роль пролетариата. Революционная диалектика марксизма выбрасывалась куда-то за борт, оставались мертвые «фазы развития». Конечно, сейчас каждый марксист сумел бы опровергнуть эту «механистическую» точку зрения, но тогда наши питерские марксистские кружки весьма волновались по этому поводу. Мы были еще очень плохо вооружены — многие из нас не знали из Маркса, например, ничего, кроме I тома «Капитала», даже «Коммунистического манифеста» в глаза не видали и лишь инстинктом чувствовали, что эта «механистичность» — прямая противоположность живому марксизму.

Вопрос о рынках стоял в тесной связи с этим общим вопросом понимания марксизма.

¹ Имеется в виду работа «По поводу так называемого вопроса о рынках». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 67—122. *Ред.*

Сторонники «механистичности» обычно очень абстрактно подходили к вопросу.

С тех пор прошло больше тридцати лет.

Тетрадка, о которой идет речь, к сожалению, не сохранилась.

Я могу говорить только о том впечатлении, какое она произвела на нас.

Вопрос о рынках в его трактовке приезжим марксистом ставился архиконкретно, связывался с интересами масс, чувствовался во всем подходе именно живой марксизм, берущий явления в их конкретной обстановке и в их развитии.

Хотелось поближе познакомиться с этим приезжим, узнать поближе его взгляды.

Увидала я Владимира Ильича лишь на масленице. На Охте у инженера Классона, одного из видных питерских марксистов, с которым я года два перед тем была в марксистском кружке, решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином¹. Для ради конспирации были устроены блины. На этом свидании, кроме Владимира Ильича, были: Классон, Я. П. Коробко, Серебровский, Ст. Ив. Радченко и др.; должны были прийти Потресов и Струве, но, кажется, не пришли. Мне запомнился один момент. Речь шла о путях, какими надо идти. Общего языка как-то не находилось. Кто-то сказал — кажется, Шевлягин, — что очень важна вот работа в комитете грамотности. Владимир Ильич засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех — я потом никогда не слыхала у него такого смеха:

«Ну, что ж, кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем»².

Надо сказать, что наше поколение подростками еще было свидетелями схватки народовольцев с паризмом, свидетелями того, как либеральное «общество» сначала всячески «сочувствовало», а после разгрома партии «Народная воля» трусливо поджало хвост, боялось всякого шороха, начало проповедь «малых дел».

Злое замечание Владимира Ильича было понятно. Он пришел сговариваться о том, как идти вместе на борьбу, а в ответ услышал призыв распространять брошюры комитета грамотности.

Потом, когда мы близко познакомились, Владимир Ильич рассказал мне однажды, как отнеслось «общество» к аресту его

¹ Совещание происходило в конце февраля 1894 года. *Ред.*

² Н. К. Крупская в своей книге «Воспоминания» (М., изд. газеты «Правда», 1925, с. 7 (Б-ка «Прожектор» № 2)) пишет: «Я сидела в соседней комнате с Коробко и слушала разговор через открытую дверь. Подошел Классон и, взволнованный, пощипывая бороду, сказал: «Ведь это черт знает, что он говорит». — «Что же, — ответил Коробко, — он прав, какие мы революционеры». *Ред.*

старшего брата. Все знакомые отшатнулись от семьи Ульяновых, перестал бывать даже старичок-учитель, приходивший раньше постоянно играть по вечерам в шахматы. Тогда еще не было железной дороги из Симбирска, матери Владимира Ильича надо было ехать на лошадях до Сызрани, чтобы добраться до Питера, где сидел сын. Владимира Ильича послали искать попутчика — никто не захотел ехать с матерью арестованного.

Эта всеобщая трусость произвела, по словам Владимира Ильича, на него тогда очень сильное впечатление.

Это юношеское переживание, несомненно, наложило печать на отношение Владимира Ильича к «обществу», к либералам. Он рано узнал цену всякой либеральной болтовни.

На «блинах» ни до чего не договорились, конечно. Владимир Ильич говорил мало, больше присматривался к публике. Людям, называвшим себя марксистами, стало неловко под пристальными взорами Владимира Ильича.

Помню, когда мы возвращались, идя вдоль Невы с Охты домой, мне впервые рассказали о брате Владимира Ильича, бывшего народовольцем, принимавшем участие в покушении на убийство Александра III в 1887 году и погибшем от руки царских палачей, не достигнув еще совершеннолетия.

Владимир Ильич очень любил брата. У них было много общих вкусов, у обоих была потребность долго оставаться одному, чтобы можно было сосредоточиться. Они жили обычно вместе, одно время в особом флигеле, и когда заходил к ним кто-либо из многочисленной молодежи — двоюродных братьев или сестер — их было много, у мальчиков была излюбленная фраза: «Осчастливьте своим отсутствием». Оба брата умели упорно работать, оба были революционно настроены. Но сказывалась, вероятно, разница возрастов. Александр Ильич не обо всем говорил с Владимиром Ильичем.

Вот что рассказывал Владимир Ильич:

Брат был естественником. Последнее лето, когда он приезжал домой, он готовился к диссертации о кольчатых червях и все время работал с микроскопом. Чтобы использовать максимум света, он вставал на заре и тотчас же брался за работу. «Нет, не выйдет из брата революционера, подумал я тогда, — рассказывал Владимир Ильич, — революционер не может уделять столько времени исследованию кольчатых червей». Скоро он увидел, как он ошибся.

Судьба брата имела, несомненно, глубокое влияние на Владимира Ильича. Большую роль при этом сыграло то, что Владимир Ильич к этому времени уже о многом самостоятельно думал, решал уже для себя вопрос о необходимости революционной борьбы.

Если бы это было иначе, судьба брата, вероятно, причинила бы ему только глубокое горе или, в лучшем случае, вызвала бы

в нем решимость и стремление идти по пути брата. При данных условиях судьба брата обострила лишь работу его мысли, выработала в нем необычайную трезвость, умение глядеть правде в глаза, не давать себя ни на минуту увлечь фразой, иллюзией, выработала в нем величайшую честность в подходе ко всем вопросам.

Осенью 1894 года Владимир Ильич читал в нашем кружке свою работу «Друзья народа»¹. Помню, как всех захватила эта книга. В ней с необыкновенной ясностью была поставлена цель борьбы. «Друзья народа» в отгектографированном виде потом ходили по рукам под кличкой «желтеньких тетрадок». Они были без подписи. Их читали довольно широко, и нет никакого сомнения, что они оказали сильное влияние на тогдашнюю марксистскую молодежь. Когда в 1896 году я была в Полтаве, П. П. Румянцева, бывший в те времена активным социал-демократом, только что вышедшим из тюрьмы, характеризовал «Друзья народа» как наилучшую, наиболее сильную и полную формулировку точки зрения революционной социал-демократии.

Зимой 1894/95 года я познакомилась с Владимиром Ильичем уже довольно близко. Он занимался в рабочих кружках за Невской заставой, я там же четвертый год учительствовала в Смоленской вечерне-воскресной школе и довольно хорошо знала жизнь Шлиссельбургского тракта². Целый ряд рабочих из кружков, где занимался Владимир Ильич, были моими учениками по воскресной школе: Бабушкин, Боровков, Грибакин, Бодровы — Арсений и Филипп, Жуков и др. В те времена вечерне-воскресная школа была прекрасным средством широкого знакомства с повседневной жизнью, с условиями труда, настроением рабочей массы. Смоленская школа была на 600 человек, не считая вечерних технических классов и примыкавших к ней школ женской и Обуховской. Надо сказать, что рабочие относились к «учительницам» с безграничным доверием: мрачный сторож громовских лесных складов с просиявшим лицом докладывал учительнице, что у него сын родился; чахоточный текстильщик желал ей за то, что выучила грамоте, удалого жениха; рабочий-сектант, искавший всю жизнь бога, с удовлетворением писал, что только на страстной узнал он от Рудакова (другого ученика школы), что бога вовсе нет, и так легко стало, потому что нет хуже, как быть рабом божьим, — тут тебе податься некуда, рабом человеческим легче быть — тут борьба возможна; напивав-

¹ Имеется в виду книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—346. *Ред.*

² Рабочий пригород Петербурга, расположенный за Невской заставой; раньше он назывался Невским, теперь Володарским районом. Через него вдоль Невы проходила большая почтовая дорога (тракт) на Шлиссельбург, вдоль которой и расположено большинство фабрик и заводов этого района. *Н. К.*

шийся каждое воскресенье до потери человеческого облика табачник, так насквозь пропитанный запахом табака, что, когда наклонился к его тетрадке, голова кружилась, писал каракулями, пропуская гласные, — что вот нашли на улице трехлетнюю девчонку, и живет она у них в артели, надо в полицию отдавать, а жаль; приходил одноногий солдат и рассказывал, что Михайла, который у вас прошлый год грамоте учился, надорвался над работой, помер, а помирая, вас вспоминал, велел поклониться и жить долго приказал; рабочий-текстильщик, горой стоявший за царя и попов, предупреждал, чтобы «того, черного, остерегаться, а то он все на Гороховую шляется»¹; пожилой рабочий толковал, что никак он из церковных старост уйти не может, «потому что больно попы народ обдувают и их надо на чистую воду выводить, а церкви он совсем даже не привержен и насчет фаз развития понимает хорошо» и т. д. и т. п. Рабочие, входившие в организацию, ходили в школу, чтобы приглядываться к народу и намечать, кого можно втянуть в кружки, вовлечь в организацию. Для них учительницы не все уже были на одно лицо, они уж различали, кто из них насколько подготовлен. Если признают, что учительница «своя», дают ей знать о себе какой-нибудь фразой, например, при обсуждении вопроса о кустарной промышленности скажут: «Кустарь не может выдержать конкуренции с крупным производством», или вопрос загнут: «А какая разница между петербургским рабочим и архангельским мужиком?» — и после этого смотрят уж на учительницу особым взглядом и кланяются ей по-особенному: «Наша, мол, знаем».

Что случится на тракту, сейчас же все рассказывали, знали — учительницы передадут в организацию.

Точно молчаливый уговор какой-то был.

Говорить в школе можно было, в сущности, обо всем, не смотря на то что в редком классе не было шпика; надо было только не употреблять страшных слов «царь», «стачка» и т. п., тогда можно было касаться самых основных вопросов. А официально было запрещено говорить о чем бы то ни было: однажды закрыли так называемую повторительную группу за то, что там, как установил нагрянувший инспектор, преподавали десятичные дроби, разрешалось же по программе учить только четырем правилам арифметики.

Я жила в то время на Старо-Невском, в доме с проходным двором, и Владимир Ильич по воскресеньям, возвращаясь с занятий в кружке, обычно заходил ко мне, и у нас начинались бесконечные разговоры. Я была в то время влюблена в школу, и меня можно было хлебом не кормить, лишь бы дать поговорить о школе, об учениках, о Семянниковском заводе, о Торнто-

¹ На Гороховой помещалось охранное отделение. *Ред.*

не, Максвелле и других фабриках и заводах Невского тракта. Владимир Ильич интересовался каждой мелочью, рисовавшей быт, жизнь рабочих, по отдельным черточкам старался охватить жизнь рабочего в целом, найти то, за что можно ухватиться, чтобы лучше подойти к рабочему с революционной пропагандой. Большинство интеллигентов того времени плохо знало рабочих. Приходил интеллигент в кружок и читал рабочим как бы лекцию. Долгое время в кружках «проходила» по рукописному переводу книжка Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Владимир Ильич читал с рабочими «Капитал» Маркса, объяснял им его, а вторую часть занятий посвящал вопросам рабочих об их работе, условиях труда и показывал им связь их жизни со всей структурой общества, говоря, как, каким путем можно переделать существующий порядок. Увязка теории и практики — вот что было особенностью работы Владимира Ильича в кружках. Постепенно такой подход стали применять и другие члены нашего кружка. Когда в следующем году появилась виленская гектографированная брошюра «Об агитации», — почва для ведения листковой агитации была уже вполне подготовлена, надо было только приступить к делу. Метод агитации на почве повседневных нужд рабочих в нашей партийной работе пустил глубокие корни. Я поняла вполне всю плодотворность этого метода только гораздо позже, когда жила в эмиграции во Франции и наблюдала, как во время громадной забастовки почтарей в Париже французская социалистическая партия стояла совершенно в стороне и не вмешивалась в эту стачку. Это-де дело профсоюзов. Они считали, что дело партии — только политическая борьба. Необходимость увязки экономической и политической борьбы была им совершенно неясна.

Многие из товарищей, работавших тогда в Питере, видя эффект листковой агитации, в увлечении этой формой работы забыли, что это одна из форм, но не единственная форма работы в массе, и пошли по пути пресловутого «экономизма».

Владимир Ильич никогда не забывал о других формах работы. В 1895 году он пишет брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах»¹. В этой брошюре Владимир Ильич дал блестящий образец того, как надо было подходить к рабочему-средняку того времени и, исходя из его нужд, шаг за шагом подводить его к вопросу о необходимости политической борьбы. Многим интеллигентам эта брошюра показалась скучной, растянутой, но рабочие зачитывались ею: она была им понятна и близка (брошюра была напечатана в народофильской типографии и распространена среди рабочих). В то время Владимир Ильич внимательно изучал фабричные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 15—60. *Ред.*

законы, считая, что, объясняя эти законы, особенно легко выяснить рабочим связь их положения с государственным устройством. Следы этого изучения видны в целом ряде статей и брошюр, написанных в то время Ильичем для рабочих, и в брошюре «Новый фабричный закон»¹ в статьях «О стачках», «О промышленных судах» и др.²

Хождение по рабочим кружкам не прошло, конечно, даром: началась усиленная слежка. Из всей нашей группы Владимир Ильич лучше всех был подкован по части конспирации: он знал проходные дворы, умел великолепно надуть шпионов, обучал нас, как писать химией в книгах, как писать точками, ставить условные знаки, придумывал всякие клички. Вообще у него чувствовалась хорошая народовольческая выучка. Недаром он с таким уважением говорил о старом народовольце Михайлове, получившем за свою конспиративную выдержку кличку Дворник. Слежка все росла, и Владимир Ильич настаивал, что должен быть назначен «наследник», за которым нет слежки и которому надо передать все связи. Так как я была наиболее «чистым» человеком, то решено было назначить «наследницей» меня. В первый день пасхи нас человек 5—6 поехало «праздновать пасху» в Царское Село к одному из членов нашей группы — Сильвину, который жил там на уроке³. Ехали в поезде как незнакомые. Чуть не целый день просидели над обсуждением того, какие связи надо сохранить. Владимир Ильич учил шифровать. Почти полкниги исшифровали. Увы, потом я не смогла разобрать этой первой коллективной шифровки. Одно было утешением: к тому времени, когда пришлось расшифровать, громадное большинство «связей» уже провалилось.

Владимир Ильич тщательно собирал эти «связи», выискивая всюду людей, которые могли бы так или иначе пригодиться в революционной работе. Помню, раз по инициативе Владимира Ильича было совещание представителей нашей группы (Владимира Ильича и, кажется, Кржижановского) с группой учительниц воскресной школы⁴. Почти все они потом стали социал-демократками. В числе их была Лидия Михайловна Книпович, старая народоволка, перешедшая через некоторое время к социал-демократам. Старые партийные работники помнят ее. Человек с громадной революционной выдержкой, строгая к себе и другим, прекрасно знавшая людей, прекрасный товарищ, окружавшая любовью, заботой тех, с кем она работала, Лидия сразу оценила во Владимире Ильиче революционера. Она взяла на себя сношения с народовольческой типографией: договаривалась, передавала рукописи, получала оттуда уже напечатанные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 263—314. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 288—298, 274—287. *Ред.*

³ Совещание состоялось 2(14) апреля 1895 года. *Ред.*

⁴ Совещание с группой учительниц воскресной школы состоялось в апреле 1895 года. *Ред.*

брошюры, развозила корзины с ними по своим знакомым, организовала развозку литературы рабочим. Когда она была арестована, — по указаниям предателя, наборщика типографии, — было арестовано у разных знакомых Лидии двенадцать корзин с нелегальными брошюрами. Народовольцы печатали тогда массами брошюры для рабочих: «Рабочий день», «Кто чем живет», брошюру Владимира Ильича «О штрафах», «Царь-голод» и др. Двое из народовольцев, работавших в Лахтинской типографии, — Шаповалов и Катанская, — теперь в рядах Коммунистической партии. Лидии Михайловны нет уж в живых. Она умерла в 1920 г., когда Крым, где она жила последние годы, был под белыми. Умирая, в бреду она рвалась к своим, к коммунистам, умерла с именем дорогой ей партии коммунистов на устах. Из учительниц были, кажется, на этом совещании еще П. Ф. Куделли, А. И. Мещерякова (обе теперь члены партии) и др. За Невской же заставой учительствовала и Александра Михайловна Калмыкова — прекрасная лекторша (помню ее лекции для рабочих о государственном бюджете), имевшая в то время книжный склад на Литейном. С Александрой Михайловной познакомился тогда близко и Владимир Ильич. Струве был ее воспитанником, у нее всегда бывал и Потресов, товарищ Струве по гимназии. Позднее Александра Михайловна содержала на свои деньги старую «Искру», вплоть до II съезда. Она не пошла следом за Струве, когда он перешел к либералам, и решительно связала себя с искровской организацией. Кличка ее была Тетка. Она очень хорошо относилась к Владимиру Ильичу. Теперь она умерла, перед тем два года лежала в санатории в Детском Селе, не вставая. Но к ней приходили иногда дети из соседних детских домов. Она рассказывала им об Ильиче. Она писала мне весной 1924 года, что надо издать особой книжкой статьи Владимира Ильича 17-го года, полные горячей страсти, его горячие призывы, так действовавшие тогда на массы. В 1922 году Владимир Ильич написал Александре Михайловне несколько строк теплого привета, таких, какие только умел он писать. Александра Михайловна была тесно связана с группой «Освобождение труда». Одно время (кажется, в 1899 году), когда Засулич приезжала в Россию, Александра Михайловна устраивала ее нелегально и постоянно с ней видалась¹. Под влиянием начавшего нарастать рабочего движения и под влиянием статей и книг группы «Освобождение труда», под влиянием питерских социал-демократов полевел Потресов, полевел на время и Струве. После ряда предварительных собраний стала нащупываться почва для совместной работы. Задумали сообща издать сборник

¹ В. И. Засулич приехала в Россию в конце 1899 года и пробыла там несколько месяцев. В феврале 1900 года В. И. Ленин встретился с ней, познакомил с планом издания «Искры» и «Зари» и вел переговоры об участии группы «Освобождение труда» в этих изданиях. *Ред.*

«Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». От нашей группы в редакцию входили: Владимир Ильич, Старков и Степан Ив. Радченко, от них — Струве, Потресов и Классон. Судьба сборника известна. Он был сожжен царской цензурой. Весной 1895 года перед отъездом за границу Владимир Ильич усиленно ходил в Озерной переулок, где жил тогда Потресов, торопясь закончить работу.

Лето 1895 года Владимир Ильич провел за границей¹, частью прожил в Берлине, где ходил по рабочим собраниям, частью в Швейцарии, где впервые видел Плеханова, Аксельрода, Засулич. Приехал полон впечатлений, захватив из-за границы чемодан с двойным дном, между стенками которого была налита нелегальная литература.

Тотчас же за Владимиром Ильичем началась бешеная слежка: следили за ним, следили за чемоданом. У меня двоюродная сестра служила в то время в адресном столе. Через пару дней после приезда Владимира Ильича она рассказала мне, что ночью, во время ее дежурства, пришел сыщик, перебирал дуги (адреса в адресном столе надевались по алфавиту на дуги) и хвастал: «Выследили, вот, важного государственного преступника Ульянова, — брата его повесили, — приехал из-за границы, теперь от нас не уйдет». Зная, что я знаю Владимира Ильича, двоюродная сестра поторопилась сообщить мне об этом. Я, конечно, сейчас же предупредила Владимира Ильича. Нужна была сугубая осторожность. Дело, однако, не ждало. Работа развертывалась. Завели разделение труда, поделив работу по районам. Стали составлять и пускать листки. Помню, что Владимир Ильич составил первый листок к рабочим Семянниковского завода². Тогда у нас не было никакой техники. Листок был переписан от руки печатными буквами, распространялся он Бабушкиным. Из четырех экземпляров два подобрали сторожа, два пошли по рукам. Распространялись листки и по другим районам. Так, на Васильевском острове был составлен листок к работницам табачной фабрики Лаферм. А. А. Якубова и Э. П. Невзорова (Кржижановская) прибегли к такому способу распространения: свернув листки в трубочки так, чтобы их можно было удобно брать поодиночке, и пристроив соответственным образом передники, они, как только раздался гудок, пошли быстрым шагом навстречу работницам, валившим гурьбой из ворот фабрики, и почти пробежали мимо, рассыпая недоумевающим работницам в руки листки. Листок имел успех. Листки, брошюры шевелили рабочих. Решено было еще издавать — благо была нелегальная типография — популярный журнал «Рабочее

¹ В. И. Ленин уехал за границу 25 апреля (7 мая) и вернулся 7(19) сентября 1895 года. *Ред.*

² Листок к рабочим Семянниковского завода написан позднее 24 декабря 1894 года (5 января 1895 года). Листок не разыскан. *Ред.*

дело»¹. Тщательно готовил Владимир Ильич к нему материал. Каждая строчка проходила через его руки. Помню одно собрание у меня на квартире, когда Запорожец с необычайным увлечением рассказывал о материале, который ему удалось собрать на сапожной фабрике за Московской заставой. «За все штраф, — рассказывал он, — каблук на сторону посадишь — сейчас штраф». Владимир Ильич рассмеялся: «Ну, если каблук на сторону посадил, так штраф, пожалуй, и за дело». Материал собирал и проверял Владимир Ильич тщательно. Помню, как собирался, например, материал о фабрике Торнтонна. Решено было, что я вызову к себе своего ученика, браковщика фабрики Торнтонна, Кроликова, уже высланного раньше из Петербурга, и соберу у него по плану, намеченному Владимиром Ильичем, все сведения. Кроликов пришел в какой-то занятой у кого-то шикарной шубе, принес целую тетрадь сведений, которые были им еще устно дополнены. Сведения были очень ценные. Владимир Ильич на них так и накинулся. Потом я с Аполлиной Александровной Якубовой, повязавшись платочками и придав себе вид работниц, сами ходили еще в общежитие фабрики Торнтонна, побывали и на холостой половине и на семейной. Обстановка была ужасающая. Только на основании так собранного материала писал Владимир Ильич корреспонденции и листки. Посмотрите его листок к рабочим и работницам фабрики Торнтонна². Какое детальное знание дела в нем видно! И какая это школа была для всех работавших тогда товарищей! Вот уж когда учились «вниманию к мелочам». И как глубоко врезывались в сознание эти мелочи.

Наше «Рабочее дело» не увидало света. 8 декабря было у меня на квартире заседание, где окончательно зачитывался уже готовый к печати номер. Он был в двух экземплярах. Один экземпляр взял Ванев для окончательного просмотра, другой остался у меня. Наутро я пошла к Ваневу за исправленным экземпляром, но прислуга мне сказала, что он накануне съехал с квартиры. Раньше мы условились с Владимиром Ильичем, что я в случае сомнений буду наводить справки у его знакомого — моего сослуживца по Главному управлению железных дорог, где я тогда служила, — Чеботарева. Владимир Ильич там обедал и бывал каждый день. Чеботарева на службе не было. Я зашла к ним. Владимир Ильич на обед не приходил: ясно было, что он арестован. К вечеру выяснилось, что арестованы очень многие из нашей группы. Хранившийся у меня экземпляр «Рабочего дела» я отнесла на хранение к Нине Александровне Герд — моей подруге по гимназии, будущей жене Струве. Чтобы не всадить еще больше арестованных, было решено пока «Рабочее дело» не печатать.

¹ Речь идет о подготавливавшейся газете «Рабочее дело». *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 70—74. *Ред.*

Этот петербургский период работы Владимира Ильича был периодом чрезвычайно важной, но невидной по существу, незаметной работы. Он сам так характеризовал ее. В ней не было внешнего эффекта. Вопрос шел не о геройских подвигах, а о том, как наладить тесную связь с массой, сблизиться с ней, научиться быть выразителем ее лучших стремлений, научиться быть ей близким и понятным и вести ее за собой. Но именно в этот период петербургской работы выковывался из Владимира Ильича вождь рабочей массы.

Когда я пришла в первый раз после ареста нашей публики в школу, Бабушкин отозвал меня в угол под лестницу и там передал мне написанный рабочими листок по поводу ареста. Листок носил чисто политический характер. Бабушкин просил передать листок в технику и доставить им для распространения. До тех пор у нас с ним никогда не было прямой речи о том, что я связана с организацией. Я передала листок нашим. Помню это собрание — было оно на квартире Ст. Ив. Радченко. Собрались все остатки группы. Прочитав листок, Ляховский воскликнул: «Разве можно печатать этот листок, — он ведь написан на чисто политическую тему». Однако, так как листок был, несомненно, написан рабочими, по собственной инициативе, так как рабочие просили его непременно напечатать, решено было листок печатать. Так и сделали.

Сношения с Владимиром Ильичем завязались очень быстро. В те времена заключенным в «предварилке» можно было передавать книг сколько угодно, они подвергались довольно поверхностному осмотру, во время которого нельзя было, конечно, заметить мельчайших точек в середине букв или чуть заметного изменения цвета бумаги в книге, где писалось молоком. Техника конспиративной переписки у нас быстро совершенствовалась. Характерна была заботливость Владимира Ильича о сидящих товарищах. В каждом письме на волю был всегда ряд поручений, касающихся сидящих: к такому-то никто не ходит, надо подыскать ему «невесту», такому-то передать на свидании через родственников, чтобы искал письма в такой-то книге тюремной библиотеки, на такой-то странице, такому-то достать теплые сапоги и пр. Он переписывался с очень многими из сидящих товарищей, для которых эта переписка имела громадное значение. Письма Владимира Ильича дышали бодростью, говорили о работе. Получая их, человек забывал, что сидит в тюрьме, и сам принимался за работу. Я помню впечатление от этих писем (в августе 1896 года я тоже села). Письма молоком приходили через волю в день передачи книг — в субботу. Посмотришь на условные знаки в книге и удостовериться, что в книге письмо есть. В шесть часов давали кипяток, а затем надзирательница водила уголовных в церковь. К этому времени разрежешь письмо на длинные полоски, заварить чай и, как уйдет надзиратель-

лица, начинаешь опускать полоски в горячий чай — письмо проявляется (в тюрьме неудобно было проявлять на свечке письма, вот Владимир Ильич додумался проявлять их в горячей воде), и такой бодростью оно дышит, с таким захватывающим интересом читается. Как на воле Владимир Ильич стоял в центре всей работы, так и в тюрьме он был центром сношений с волей.

Кроме того, он много работал в тюрьме. Там было подготовлено «Развитие капитализма в России». Владимир Ильич заказывал в легальных письмах нужные материалы, статистические сборники. «Жаль, рано выпустили, надо бы еще немножко доработать книжку, в Сибири книги доставать трудно», — в шутку говорил Владимир Ильич, когда его выпустили из тюрьмы. Не только «Развитие капитализма» писал Владимир Ильич в тюрьме, писал листки, нелегальные брошюры, написал проект программы для I съезда (он состоялся лишь в 1898 году, но намечался раньше), высказывался по вопросам, обсуждавшимся в организации. Чтобы его не накрыли во время писания молоком, Владимир Ильич делал из хлеба маленькие молочные чернильницы, которые — как только щелкнет фортка — быстро отправлял в рот. «Сегодня съел шесть чернильниц», — в шутку добавлял Владимир Ильич к письму.

Но как ни владел Владимир Ильич собой, как ни ставил себя в рамки определенного режима, а нападала, очевидно, и на него тюремная тоска. В одном из писем он развивал такой план. Когда их водили на прогулку, из одного окна коридора на минутку виден кусок тротуара Шпалерной. Вот он и придумал, чтобы мы — я и Аполлиария Александровна Якубова — в определенный час пришли и стали на этот кусочек тротуара, тогда он нас увидит. Аполлиария почему-то не могла пойти, а я несколько дней ходила и простаивала подолгу на этом кусочке. Только что-то из плана ничего не вышло, не помню уже отчего.

Пока Владимир Ильич сидел, работа на воле разрасталась, стихийно росло рабочее движение. После ареста Мартова, Ляховского и др. силы группы еще более ослабели. Правда, в группу входили новые товарищи, но это была публика уже менее идейно закаленная, а учиться уже было некогда, движение требовало обслуживания, требовало массы сил, все уходило на агитацию, о пропаганде некогда было и думать. Листковая агитация имела большой успех. Стачка 30 тысяч питерских текстилей, разразившаяся летом 1896 года, прошла под влиянием социал-демократов и многим вскружила голову.

Помню, как однажды (кажется, в начале августа) на собрании в лесу, в Павловске, Сильвин читал вслух проект листка.

В одном месте там попалась фраза, прямо ограничивающая рабочее движение одной экономической борьбой. Прочтя ее

вслух, Сильвин остановился. «Ну и загнул же я, как это меня угораздило», — сказал он, смеясь. Фраза была вычеркнута. Летом 1896 года с треском провалилась Лахтинская типография, пропала возможность печатать брошюры, пришлось надолго отложить попечение о журнале.

Во время стачки 1896 года в нашу группу вошли группа Тихарева, известная под кличкой Обезьяны, и группа Чернышева, известная под кличкой Петухи¹. Но пока «декабристы» сидели в тюрьме и держали связь с волей, работа шла еще по старому руслу. Когда Владимир Ильич вышел из тюрьмы², я еще сидела. Несмотря на чад, охватывающий человека по выходе из тюрьмы, на ряд заседаний, Владимир Ильич ухитрился все же написать письмишко о делах. Мама рассказывала, что он в тюрьме поправился даже и страшно весел.

Меня выпустили вскоре после «ветровской истории» (заключенная Ветрова сожгла себя в Петропавловской крепости). Жандармы выпустили целый ряд сидевших женщин, выпустили и меня и оставили до окончания дела в Питере, приставив пару шпионов, ходивших всюду по стопам. Я застала организацию в самом плачевном состоянии. Из прежних работников остался только Степан Ив. Радченко и его жена. Сам он работы по конспиративным условиям уже вести не мог, но продолжал быть центром и держал связь. Держал связь и со Струве. Струве вскоре женился на Н. А. Герд, социал-демократке, Струве и сам в то время был социал-демократствующим. Он совершенно не был способен к работе в организации, тем более подпольной, но ему льстило, несомненно, что к нему обращаются за советами. Он даже написал манифест для I съезда социал-демократической рабочей партии. Зимой 1897/98 года я довольно часто бывала у Струве с поручениями от Владимира Ильича — тогда Струве издавал журнал «Новое слово» — да и так с Ниной Александровной меня многое связывало. Я приглядывалась к Струве. Он в то время был социал-демократом, но меня удивляла его книжность и почти полное отсутствие интереса к «живому дереву жизни», интереса, которого так много было у Владимира Ильича. Струве достал мне перевод и взялся его редактировать. Он, видимо, тяготился этой работой, быстро уставал (с Владимиром Ильичем мы часами сидели за аналогичной работой. Владимир Ильич совсем иначе работал, весь уходя в работу, даже такую, как перевод). Для отдыха брал Струве читать Фета. Кто-то в воспоминаниях своих писал, что Владимир Ильич любил Фета. Это неверно. Фет — махровый крепостник, у кото-

¹ 12 августа 1896 года произошел новый провал: провалились почти все «старяки» и многие из «петухов». Я тоже была арестована тогда же. *И. К.*

² В. И. Ленин был освобожден из тюрьмы 14(26) февраля 1897 года. *Ред.*

рого не за что зацепиться даже, но вот Струве действительно любил Фета.

Знала я и Туган-Барановского. Я училась вместе с его женой, Лидией Карловной Давыдовой (дочерью издательницы журнала «Мир божий»), и одно время заходила к ним. Лидия Карловна была очень умная и хорошая, хотя и безвольная женщина. Она была умнее своего мужа. В его разговорах всегда чувствовался чужой человек. Раз я обратилась к нему с подписным листом на стачку (костромскую, кажется). Я получила сколько-то, не помню сколько, рублей, но должна была выслушать рассуждение на тему: «Непонятно-де, почему надо поддерживать стачки,— стачка недостаточно действительное средство борьбы с предпринимателями». Я взяла деньги и поторопилась уйти.

Я писала Владимиру Ильичу в ссылку обо всем, что приходилось видеть и слышать. Однако о работе организации мало чего можно было написать. Ко времени I съезда в ней было лишь четыре человека: Ст. Ив. Радченко, его жена Любовь Николаевна, Саммер и я. Делегатом от нас был Степан Иванович. Но, вернувшись со съезда, он ничего почти не рассказал нам о том, что там произошло, вынул из корешка книги хорошо знакомый нам «манифест», написанный Струве и принятый съездом, и разрыдался: все почти участники съезда — их было несколько человек — были арестованы.

Мне дали три года Уфимской губернии, я перепросилась в село Шушенское Минусинского уезда, где жил Владимир Ильич, для чего объявилась его «невестой».

В ССЫЛКЕ 1898—1901 годы

В Минусинск, куда я ехала на свой счет, поехала со мной моя мать. Приехали мы в Красноярск 1 мая 1898 года, отсюда надо было ехать на пароходе вверх по Енисею, но пароходы еще не ходили. В Красноярске познакомилась с народоправцем Тютчевым и его женой, которые, как люди опытные в этих делах, устроили мне свидание с проезжавшей через Красноярск партией ссыльных социал-демократов; в их числе были товарищи по одному со мною делу — Ленгник и Сильвин. Солдаты, привезя ссыльных в фотографию, сели в сторонку и жевали хлеб с колбасой, которыми их угостили.

В Минусинске зашла к Аркадию Тыркову — первомартовцу, сосланному в Сибирь без срока, чтобы передать поклон от его сестры, моей гимназической подруги. Заходила к Ф. Я. Кону, польскому товарищу, осужденному в 1885 году на каторгу по делу «Пролетариата», много перенесшему в тюрьме и ссылке,

он был для меня окружен ореолом старого непримиримого революционера, — ужасно он мне понравился.

В село Шушенское, где жил Владимир Ильич, мы приехали в сумерки; Владимир Ильич был на охоте. Мы выгрузились, нас провели в избу. В Сибири — в Минусинском округе — крестьяне очень чисто живут, полы устланы пестрыми самоткаными дорожками, стены чисто выбелены и украшены пихтой. Комната Владимира Ильича была хоть невелика, но также чиста. Нам с мамой хозяева уступили остальную часть избы. В избу набились все хозяева и соседи и усердно нас разглядывали и расспрашивали. Наконец, вернулся с охоты Владимир Ильич. Удивился, что в его комнате свет. Хозяин¹ сказал, что это Оскар Александрович (ссылный питерский рабочий) пришел пьяный и все книги у него разбросал. Ильич быстро взбежал на крыльцо. Тут я ему навстречу из избы вышла. Долго мы проговорили в ту ночь.

В Шушенском из ссыльных было только двое рабочих — лодзинский социал-демократ, шляпочник, поляк Проминский с женой и шестью ребятами и путиловский рабочий Оскар Энгберг, финн по национальности. Оба — очень хорошие товарищи. Проминский был спокойным, уравновешенным и очень твердым человеком. Он мало читал и не много знал, но обладал замечательно ярко выраженным классовым инстинктом. К своей верующей тогда еще жене он относился спокойно-насмешливо. Он очень хорошо пел польские революционные песни «*Ludu roboczy, poznaj swoje sily*», «*Pierwszy maj*»² и целый ряд других. Дети подпевали ему, присоединялся к хору и Владимир Ильич, очень охотно и много певший в Сибири. Пел Проминский и русские революционные песни, которым учил его Владимир Ильич. Проминский собирался назад в Польшу на работу и погубил несметное количество зайчишек, чтобы заготовить мех на шубки детям. Но добраться до Польши ему так и не удалось. Перебрался с семьей только поближе к Красноярску и служил на железной дороге. Дети выросли. Сам он стал коммунистом, коммунисткой стала пани Проминская, коммунистами стали дети. Один убит на войне. Другой чуть не погиб во время гражданской войны, теперь в Чите. Только в 1923 году выбрался Проминский в Польшу, но по дороге умер от сыпного тифа.

Другой рабочий, Оскар, был совсем иного типа. Молодой, он был сослан за забастовку и за буйное поведение во время нее. Он много читал всякой всячины, но о социализме имел самое смутное представление. Раз приходит из волости и рассказывает: «Новый писарь приехал, сошлись мы с ним в убеждениях». — «То есть?» — спрашиваю. «Да и он, и я против револю-

¹ А. Д. Зырянов. *Ред.*

² «Рабочий народ, познай свою силу», «Первое мая». *Ред.*

ции». Мы с Владимиром Ильичем так и ахнули. На другой день я засела с ним за «Коммунистический манифест» (приходилось переводить с немецкого) и, одолев его, перешли к чтению «Капитала». Зашел как-то на занятия Проминский, сидит и посаывает трубочку. Я предлагаю какой-то вопрос по поводу прочитанного. Оскар не знает, что сказать, а Проминский спокойно так, улыбаясь, ответил на вопрос. На целую неделю бросил Оскар занятия. Но так парень хороший был. Больше ссыльных в Шущенском не было. Владимир Ильич рассказывал, что он пробовал завести знакомство с учителем, но ничего не вышло. Учитель тянул к местной аристократии: попу, паре лавочников. Дулись они в карты и выпивали. К общественным вопросам интереса у учителя никакого не было. С этим учителем постоянно препирался старший сын Проминского, Леопольд, тогда уже сочувствовавший социалистам.

Был у Владимира Ильича один знакомый крестьянин, которого он очень любил, Журавлев. Чахоточный, лет тридцати, Журавлев был раньше писарем. Владимир Ильич говорил про него, что он по природе революционер, протестант. Журавлев смело выступал против богатеев, не мирился ни с какой несправедливостью. Он все куда-то уезжал и скоро помер от чахотки.

Другой знакомый Ильича был бедняк, с ним Владимир Ильич часто ходил на охоту. Это был самый немудрый мужичонка — Сосипатычем его звали; он, впрочем, очень хорошо относился к Владимиру Ильичу и дарил ему всякую всячину: то журавля, то кедровых шишек.

Через Сосипатыча, через Журавлева Владимир Ильич изучал сибирскую деревню. Он мне рассказывал как-то об одном своем разговоре с зажиточным мужиком, у которого он жил. У того батрак украл кожу. Мужик накрыл его у ручья и прикончил. Говорил Ильич по этому поводу о беспощадной жестокости мелкого собственника, о беспощадной эксплуатации им батраков. И правда, как каторжные, работали сибирские батраки, отсыпаясь только по праздникам.

И еще был у Ильича способ изучать деревню. По воскресеньям он завел у себя юридическую консультацию. Он пользовался большой популярностью как юрист, так как помог одному рабочему, выгнанному с приисков, выиграть дело против золотопромышленника. Весть об этом выигранном деле быстро разнеслась среди крестьян. Приходили мужики и бабы и излагали свои беды. Владимир Ильич внимательно слушал и вникал во все, потом советовал. Раз пришел крестьянин за двадцать верст посоветоваться, как бы ему засудить зятя за то, что тот не позвал его на свадьбу, где здорово гуляли. «А теперь зять поднесет, если приедете к нему?» — «Теперь-то поднесет». И Владимир Ильич чуть не час убил, пока уговорил мужика с зятем помириться. Иногда совершенно нельзя было разобраться по

рассказам, в чем дело, и потому Владимир Ильич всегда просил приносить ему копию с дела. Раз бык какого-то богатея забодал корову маломощной бабы. Волостной суд приговорил владельца быка заплатить бабе десять рублей. Баба опротестовала решение и потребовала «копию» с дела. «Что тебе, копию с белой коровы, что ли?» — посмеялся над ней заседатель. Разгневанная баба прибежала жаловаться Владимиру Ильичу. Часто достаточно было угрозы обижаемого, что он пожалуется Ульянову, чтобы обидчик уступил.

Сибирскую деревню хорошо изучил Владимир Ильич, — он знал раньше деревню приволжскую. Рассказывал Ильич раз: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал, было, да вижу — нельзя, отношения с мужиками непорочные становятся».

Собственно говоря, заниматься юридическими делами Владимир Ильич не имел права, как ссыльный, но тогда времена в Минусинском округе были либеральные. Никакого надзора фактически не было.

«Заседатель» — местный зажиточный крестьянин — больше заботился о том, чтобы сбыть нам телятину, чем о том, чтобы «его» ссыльные не сбежали. Дешевизна в этом Шушенском была поразительная. Например, Владимир Ильич за свое «жалованье» — восьмирублевое пособие — имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья — и то считалось, что дорого платит. Правда, обед и ужин был простоват — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест — покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь и для Владимира Ильича и для его собаки, прекрасного гордона — Женьки, которую он выучил и поноску носить, и стойку делать, и всякой другой собачьей науке. Так как у Зыряновых мужики часто напивались пьяными, да и семейным образом жить там было во многих отношениях неудобно, мы перебрались вскоре на другую квартиру — полдома с огородом наняли за четыре рубля¹. Зажили семейно. Летом никого нельзя было найти в помощь по хозяйству. И мы с мамой вдвоем воевали с русской печкой. Вначале случалось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. Потом привыкла. В огороде выросла у нас всякая всячина — огурцы, морковь, свекла, тыква; очень я гордилась своим огородом. Устроили из двора сад — съездили мы с Ильичем в лес, хмелю привезли, сад соорудили. В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худущая, с острыми локтями, живо при-

¹ В. И. Ленин и Н. К. Крупская с матерью переехали с квартиры крестьянина А. Д. Зырянова на квартиру крестьянки П. А. Петровой 10(22) июля 1898 года. *Ред.*

бравшая к рукам все хозяйство. Я выучила ее грамоте, и она украшала стены маминими директивами: «Никовды, никовды чай не выливай», вела дневник, где отмечала: «Были Оскар Александрович и Проминский. Пели «Пень», я тоже пела».

Помню, как мы встречали Первое мая¹.

Утром пришел к нам Проминский. Он имел сугубо праздничный вид, надел чистый воротничок и сам весь сиял, как медный грош. Мы очень быстро заразились его настроением и втроем пошли к Энгбергу, прихватив с собою собаку Женьку. Женька бежала впереди и радостно тявкала. Идти надо было вдоль речки Шуши. По реке шел лед. Женька забиралась по брюхо в ледяную воду и вызывающе лаяла по адресу мохнатых шушенских сторожевых собак, не решавшихся войти в такую холодную воду.

Оскар заволновался нашим приходом. Мы расселись в его компате и принялись дружно петь:

Десь настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь, раздайся удалая!
Забастуем в этот день!
Полицейские до пота
Правят подлую работу,
Нас хотят изловить,
За решетку посадить.
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом.
Гоп-га! Гоп-га!

Спели по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпраздновать Май в поле. Как наметили, так и сделали. В поле нас было больше, уже шесть человек, так как Проминский захватил своих двух сынишек. Проминский продолжал сиять. Когда вышли в поле на сухой пригорок, Проминский остановился, вытащил из кармана красный платок, расправил его на земле и встал на голову. Дети завизжали от восторга. Вечером собрались все у нас и опять пели. Пришла и жена Проминского. К хору присоединились и моя мать и Паша.

А вечером мы с Ильичем как-то никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие...

Появился детский элемент. Во дворе жил поселенец — латыш-катанщик². Было у него 14 детей, но выжил один, Минька. Отец был горький пьяница. Было Миньке шесть лет, было у него прозрачное бледное личико, ясные глазки и серьезный разговор. Стал он бывать у нас каждый день — не успеешь

¹ 1 Мая 1899 года. В этот день, как позднее вспоминала Н. К. Крупская, они хором пели «Интернационал». *Ред.*

² П. И. Кудум. *Ред.*

встать, а уж хлопает дверь, появляется маленькая фигурка в большой шапке, материной теплой кофте, закутанная шарфом, и радостно заявляет: «А вот и я». Знает, что души в нем не чаяла моя мама, что всегда пошутит и повозится с ним Владимир Ильич. Забежит Минькина мать:

«Миничка, не видал ты рубля?»

«Видал, ну, посмотрел, валяется на столе, положил в корбку».

Когда мы уехали, захворал с горя Миняй. Теперь нет его уже в живых, а катанщик писал, просил отвести ему земли за Енисеем, «хочется на старости лет сытно пожить».

Наше хозяйственное обрастание все увеличивалось — завели котенка.

С утра мы брались с Владимиром Ильичем за перевод Вебба¹, который достал мне Струве. После обеда часа переписывали в две руки «Развитие капитализма». Потом другая всякая работешка была. Как-то прислал Потресов на две недели книжку Каутского против Бернштейна², мы побросали все дела и перевели ее в срок — в две недели. Поработав, закатывались на прогулки. Владимир Ильич был страстным охотником, завел себе штаны из чертовой кожи и в какие только болота не залезал. Ну, дичи там было! Я приехала весной, удивлялась. Придет Проминский — он страстно любил охоту — и, радостно улыбаясь, говорит: «Видал — утки прилетели». Приходит Оскар и тоже об утках. Часами говорили, а на следующую весну я сама уже стала способна толковать о том, где, кто, когда видел утку. После зимних морозов буйно пробуждалась весной природа. Сильна становилась власть ее. Закат. На громадной весенней луже в поле плавают дикие лебеди. Или — стоишь на опушке леса, бурлит речонка, токует тетерева. Владимир Ильич идет в лес, просит поддержать Женьку. Держишь ее, Женька дрожит от волнения, и чувствуешь, как тебя захватывает это бурное пробуждение природы. Владимир Ильич был страстным охотником, только горячился очень. Осенью идем по далеким просекам. Владимир Ильич говорит: «Знаешь, если заяц встретится, не буду стрелять, ремня не взял, неудобно будет нести». Выбегает заяц, Владимир Ильич палит.

Позднею осенью, когда по Енисею шла шуга (мелкий лед), ездили на острова за зайцами. Заяцы уже побелеют. С острова деться некуда, бегают, как овцы, кругом. Целую лодку настроеляют, бывало, наши охотники.

Живучи в Москве, Владимир Ильич тоже охотился иногда последние годы, но охотничий жар у него уж значительно по-

¹ Имеется в виду книга Беатрисы и Сиднея Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». *Ред.*

² Речь идет о книге К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика». Штутгарт, 1899. *Ред.*

убыл. Устроили раз охоту на лис, с флажками. Все предприятие очень заинтересовало Владимира Ильича. «Хитро придумано», — говорил он. Устроили охотники так, что лиса выбежала прямо на Владимира Ильича, а он схватился за ружье, когда лиса, постояв с минуту и поглядев на него, быстро повернула в лес. «Что же ты не стрелял?» — «Знаешь, уж очень красива она была».

Поздней осенью, пока не выпал еще снег, но уже замерзли реки, далеко ходили по протоке — каждый камешек, каждая рыбешка видны подо льдом, точно волшебное царство какое-то. А зимой, когда замерзает ртуть в градусниках и реки промерзают до дна, вода идет сверх льда и быстро покрывается ледком, можно было катить на коньках версты по две по гниющей под ногами наледи. Все это страшно любил Владимир Ильич.

По вечерам Владимир Ильич обычно читал книжки по философии — Гегеля, Канта, французских материалистов, а когда очень устанет — Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Когда Владимир Ильич впервые появился в Питере, и я его знала только по рассказам, слышала я от Степана Ивановича Радченко: Владимир Ильич только серьезные книжки читает, в жизнь не прочел ни одного романа. Я подивилась; потом, когда мы познакомились ближе с Владимиром Ильичем, как-то ни разу об этом не заходил у нас разговор, и только в Сибири я узнала, что все это чистая легенда. Владимир Ильич не только читал, но много раз перечитывал Тургенева, Л. Толстого, «Что делать?» Чернышевского, вообще прекрасно знал и любил классиков. Потом, когда большевики стали у власти, он поставил Госиздату задачу — переиздание в дешевых выпусках классиков. В альбоме Владимира Ильича, кроме карточек родных и старых каторжан, были карточки Золя, Герцена и несколько карточек Чернышевского¹.

Два раза в неделю приходила почта. Переписка была обширная.

Приходили письма и книги из России. Писала подробно обо всем Анна Ильинична, писали из Питера. Писала, между прочим, Нина Александровна Струве мне о своем сынишке: «Уже держит головку, каждый день подносим его к портретам Дарвина и Маркса, говорим: поклонись дедушке Дарвину, поклонись Марксу, он забавно так кланяется». Получали письма из далекой ссылки — из Туруханска от Мартова, из Орлова Вятской губернии от Потресова. Но больше всего было писем от товарищей, разбросанных по соседним селам. Из Минусинска (Шушенское было в 50 верстах от него) писали Кржижановские, Старков; в 30 верстах в Ермаковском жили Лепепинский, Ва-

¹ Чернышевского Владимир Ильич особенно любил. На одной из карточек Чернышевского имеет надпись рукой Владимира Ильича: родился тогда-то, умер в 1889 году. *Н. К.*

неев, Сильвин, Панин — товарищ Оскара; в 70 верстах в Теси жили Ленгник, Шаповал, Барамзин, на сахарном заводе жил Курнатовский. Переписывались обо всем — о русских вестях, о планах на будущее, о книжках, о новых течениях, о философии. Переписывались и по шахматным делам, особенно с Лепешинским. Играли по переписке. Расставит шахматы Владимир Ильич и соображает. Одно время так увлекался, что вскрикивал даже во сне: «Если он конем сюда, то я турой туда».

И Владимир Ильич и Александр Ильич с детства играли с большим азартом в шахматы. Играл и отец Владимира Ильича. «Сначала отец нас обыгрывал,— рассказывал Владимир Ильич,— потом мы с братом достали руководство к шахматной игре и стали отца обыгрывать. Раз — мы наверху жили — встретил отца, идет из нашей комнаты со свечой в руке и несет руководство по шахматной игре. Затем за него засел».

По возвращении в Россию Владимир Ильич бросил игру в шахматы. «Шахматы чересчур захватывают, это мешает работе». А так как Владимир Ильич ничего не умел делать наполовину, не отдаваясь делу со всей страстью, то и на отдыхе и в эмиграции неохотно уже садился играть в шахматы.

Владимир Ильич с ранней молодости умел отбрасывать то, что мешало. «Когда был гимназистом, стал увлекаться коньками, но уставал, после коньков спать очень хотелось, мешало заниматься, бросил».

«Одно время,— рассказывал другой раз Владимир Ильич,— я очень увлекался латынью». — «Латынью?» — удивилась я. «Да, только мешать стало другим занятиям, бросил». Недавно только, читая «Леф», где разбирался стиль, строение речи Владимира Ильича, указывалось на сходство конструкции фразы у Владимира Ильича с конструкцией фраз римских ораторов — на сходство ораторских приемов, я поняла, почему мог увлекаться Владимир Ильич, изучая латинских писателей.

С товарищами по ссылке не только переписывались, иногда, хотя не часто, виделись.

Раз мы ездили к Курнатовскому¹. Был он очень хорошим товарищем, очень образованным марксистом, но тяжело сложилась его жизнь. Суровое детство с извергом-отцом, потом ссылка за ссылкой, тюрьма за тюрьмой. На воле почти не работал, через месяц-другой влетал на долгие годы, жизни не знал. Осталась в памяти одна сценка. Идем мимо сахарного завода, где он служил. Идут две девочки — одна постарше, другая маленькая. Старшая несет пустое ведро, младшая — со свеклой. «Как не стыдно, большая заставляет нести маленькую», — сказал старшей девочке Курнатовский. Та только недоуменно посмотрела

¹ Поездка В. И. Ленина и Н. К. Крупской к В. К. Курнатовскому в деревню Ивановка Минусинского уезда состоялась 11(23) октября 1898 года. *Ред.*

на него. Ездили мы еще в Тесь¹. Пришло как-то раз письмо от Кржижановских — «Исправник злится на тесинцев за какой-то протест и никуда не пускает. В Теси есть гора, интересная в геологическом отношении, напишите, что хотите ее исследовать». Владимир Ильич в шутку написал исправнику заявление, прося не только его пустить в Тесь, но в помощь ему и жену. Исправник прислал разрешение нарочным. Наняли двуколку с лошастью за три рубля — баба уверяла, что конь сильный, не «жоркий», овса ему мало надо — и покатили в Тесь. И хоть не «жоркий», конь стал у нас посередь дороги, но все же до Теси мы добрались. Владимир Ильич с Ленгником толковали о Канте, с Барамзипым — о казанских кружках, Ленгник, обладавший прекрасным голосом, пел нам; вообще от этой поездки осталось какое-то особенно хорошее воспоминание.

Ездили пару раз в Ермаковское. Раз для принятия резолюции по поводу «Кредо»² — Ванеев был тяжело болен туберкулезом, умирал. Его кровать вынесли в большую комнату, где собрались все товарищи. Резолюция была принята единогласно.

Другой раз ездили туда же, уже хоронить Ванеева³.

Из «декабристов» (так в шутку называли товарищей, арестованных в декабре 1895 года) двое скоро выбыли из строя: сошедший в тюрьме с ума Запорожец и тяжело захворавший там Ванеев погибли, когда только-только еще начинало разгораться пламя рабочего движения.

На Новый год ездили в Минусу, куда съехались все ссыльные социал-демократы.

Были в Минусе и ссыльные народовольцы: Кон, Тырков и др., но они держались отдельно. Старики относились к социал-демократической молодежи недоверчиво: не верили в то, что это настоящие революционеры. На этой почве незадолго до моего приезда в село Шушенское в Минусинском уезде разыгралась ссыльная история. Был в Минусе ссыльный, социал-демократ Райчин, заграничник, связанный с группой «Освободительного труда». Он решил бежать. Достали ему денег на побег, для побега не было назначено. Но Райчин, получив деньги, пришел в очень нервное состояние и, не предупредив никого, бежал. Старики-народовольцы обвиняли социал-демократов, что те знали о побеге Райчина, но их, стариков, не предупредили, могли быть обыски, а они не почистились. «История» росла, как снежный ком. Когда я приехала, Владимир Ильич рассказал мне про

¹ В село Тесинское В. И. Ленин и Н. К. Крупская ездили летом 1899 года. *Ред.*

² Совещание политических ссыльных-марксистов, организованное В. И. Лениным для обсуждения манифеста «экономистов» — «Credo», проходило 20—22 августа (1—3 сентября) 1899 года. *Ред.*

³ На похороны А. А. Ванеева В. И. Ленин с Н. К. Крупской ездили 10 (22) сентября 1899 года. В. И. Ленин произнес речь на могиле погибшего товарища. *Ред.*

нее. «Нет хуже этих ссыльных историй, — говорил он, — они страшно затягивают, у стариков нервы больные, ведь чего только они не пережили, каторгу перенесли. Нельзя давать засасывать себя таким историям — вся работа впереди, нельзя себя растрачивать на эти истории». И Владимир Ильич настаивал на разрыве со стариками. Помню собрание, на котором произошел разрыв. Решение о разрыве было принято раньше, надо было провести его по возможности безболезненно. Рвали потому, что надо было порвать, но рвали без злобы, с сожалением. Так потом и жили врозь.

В общем, ссылка прошла неплохо. Это были годы серьезной учебы. По мере того как приближался срок окончания ссылки, все больше и больше думал Владимир Ильич о предстоящей работе. Из России вести приходили скупо: там рос и креп «экономизм», партии на деле не было, типографии в России не было, попытка наладить издательство через Бунд не удалась. Между тем ограничиваться писанием популярных брошюр и не высказываться по основным вопросам ведения работы было более невозможно. В работе был величайший разброд, постоянные аресты делали невозможной всякую преемственность, люди договаривались до «Кредо», до идей «Рабочей мысли», помещавшей корреспонденции распропагандированного «экономистами» рабочего, писавшего: «Не надо нам, рабочим, никаких Марксов и Энгельсов...»

Л. Толстой где-то писал, что едущий первую половину дороги обычно думает о том, что он оставил, а вторую — о том, что ждет его впереди. Так и в ссылке. Первое время больше подводились итоги прошлого. Во второй половине больше думалось о том, что впереди. Владимир Ильич все пристальнее и пристальнее думал о том, что нужно делать, чтобы вывести партию из того состояния, в которое она пришла, что нужно делать, чтобы направить работу по надлежащему руслу, чтобы обеспечить правильное социал-демократическое руководство ею. С чего начать? В последний год ссылки зародился у Владимира Ильича тот организационный план, который он потом развил в «Искре», в брошюре «Что делать?»¹ и в «Письме к товарищу»². Начать надо с организации общерусской газеты, поставить ее надо за границей, как можно теснее связать ее с русской работой, с российскими организациями, как можно лучше наладить транспорт. Владимир Ильич перестал спать, страшно исхудал. Бессонными ночами обдумывал он свой план во всех деталях, обсуждал его с Кржижановским, со мной, списывался о нем с Мартовым и Потресовым, сговаривался с ними о поездке за границу. Чем дальше, тем больше овладевало Владимиром Ильичем

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 1—192. *Ред.*

² «Письмо к товарищу о наших организационных задачах». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 1—32. *Ред.*

нетерпение, тем больше рвался он на работу. А тут еще нагрянули с обыском. Перехватили у кого-то квитанцию письма Ляховского к Владимиру Ильичу. В письме была речь о памятнике Федосееву, жандармы придрались к случаю, чтобы учинить обыск. Обыск произведен был в мае 1899 года¹. Письмо они нашли, оно оказалось очень невинным, пересмотрели переписку — и тоже ничего интересного не нашли. По старой питерской привычке нелегальщину и нелегальную переписку мы держали особо. Правда, она лежала на нижней полке шкафа. Владимир Ильич подсунул жандармам стул, чтобы они начали обыск с верхних полок, где стояли разные статистические сборники — и они так умаялись, что нижнюю полку и смотреть не стали, удовлетворившись моим заявлением, что там лишь моя педагогическая библиотека. Обыск сошел благополучно, но боязно было, чтобы не воспользовались предлогом и не накиннули еще несколько лет ссылки. Побегн были еще тогда не так обычны, как позднее, — во всяком случае, это бы осложнило дело. Ведь прежде чем ехать за границу, нужно было провести большую организационную работу в России. Дело, однако, обошлось благополучно — срока не набавили.

В феврале 1900 года, когда кончился срок ссылки Владимира Ильича², мы двинулись в Россию. Рекой по ночам разливалась Паша, ставшая за два года настоящей красавицей, Минька суетился, перетаскивая к себе домой остающуюся бумагу, карандаши, картинки и пр., приходил Оскар Александрович, садился на кончик стула, видимо, волновался, принес мне подарок — самодельную брошку в виде книги с надписью «Карл Маркс», в память моих занятий с ним по «Капиталу», заглядывали то и дело в комнату хозяйка или соседка, недоумевала наша собака, что весь этот переполох должен означать, и ежеминутно отворяла носом все двери, чтобы удостовериться, все ли на месте, кашляла мама, возясь с укладкой, деловито увязывал книги Владимир Ильич.

Доехали до Минусы, где мы должны были захватить с собой Старкова и Ольгу Александровну Сильвину. Там уж собралась вся наша ссыльная братия, было то настроение, которое бывает, когда кто-нибудь из ссыльных уезжает в Россию: каждый думал, когда и куда он сам поедет, как будет работать. Владимир Ильич договорился уже раньше о совместной работе со всеми, кто вскоре ехал в Россию, договорился о переписке с остающимися. Думали о России, а говорили так, о всякой пустяковине. Барамзин подкармливал бутербродами Женьку, которая оставалась ему в наследство, но она не обращала на него внимания, лежала у маминих ног и не сводила с нее глаз, следя за каждым ее движением.

¹ 2(14) мая 1899 года. *Ред.*

² Срок ссылки В. И. Ленина кончился 29 января (10 февраля) 1900 года. *Ред.*

Наконец, урядившись в валенки, дохи и пр., двинулись в путь. Ехали на лошадях 300 верст по Енисею, день и ночь, благо луна светила вовсю. Владимир Ильич заботливо засупонивал меня и маму на каждой станции, осматривал, не забыли ли чего, шутил с озябшей Ольгой Александровной. Мчались вовсю, и Владимир Ильич — он ехал без дохи, уверяя, что ему жарко в дохе, — засунув руки во взятую у мамы муфту, уносился мыслью в Россию, где можно будет поработать вволю.

В Уфе в день нашего приезда к нам пришла местная публика — А. Д. Цюрупа, Свидерский, Крохмаль. «Шесть гостиниц обошли... — заикаясь, сказал Крохмаль, — наконец-то нашли вас».

Пару дней пробыл Владимир Ильич в Уфе и, поговоривши с публикой и препоручив меня с мамой товарищам, двинулся дальше, поближе к Питеру. От этой пары дней у меня осталось в памяти лишь посещение старой народоволки Четверговой, которую Владимир Ильич знал по Казани. В Уфе у нее был книжный магазин. Владимир Ильич в первый же день пошел к ней, и какая-то особенная мягкость была у него в голосе и лице, когда он разговаривал с ней. Когда потом я читала то, что Владимир Ильич написал в заключении в «Что делать?», я вспомнила это посещение. «Многие (речь идет о молодых руководителях рабочего движения социал-демократах. *Н. К.*) из них, — писал Владимир Ильич в «Что делать?», — начинали революционно мыслить, как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой героической традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными «Народной воле» и которых молодые социал-демократы высоко уважали»¹. Этот абзац — кусок биографии Владимира Ильича.

Очень жаль было расставаться, когда только что начиналась «постоящая» работа, но даже и в голову не приходило, что можно Владимиру Ильичу остаться в Уфе, когда была возможность перебраться поближе к Питеру.

Владимир Ильич поселился в Пскове², где жили потом и Потресов и Л. Н. Радченко с детьми. Как-то Владимир Ильич, смеясь, рассказывал, как малышки-девочки Радченко, Женюрка и Люда, передразнивали его и Потресова. Заложив руки за спину, ходили по комнате рядом, одна говорила «Бернштейн», другая отвечала «Каутский»...

Там, сидя в Пскове, усердно вил Владимир Ильич нити организации, которые должны были тесно связывать будущую за-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 180—181. *Ред.*

² В. И. Ленин приехал в Псков 26 февраля (10 марта) 1900 года. *Ред.*

граничную общерусскую газету с Россией, с русской работой. Виделся с Бабушкиным, целым рядом других лиц.

Я понемногу акклиматизировалась в Уфе, устроилась с переводами, достала уроки.

Незадолго до моего приезда в Уфу там была ссыльная история, и социал-демократическая публика раскололась на два лагеря. В одном лагере были: Крохмаль, Цюрупа, Свицерский, в другом — братья Плаксины, Салтыков, Квятковский. Чачина и Аптекман стояли вне группировок, поддерживали отношения с обеими группами. Мне была ближе первая группа, с которой я скоро сблизилась. Эта группа вела кое-какую работу, вообще это была наиболее активная часть публики. Были связи с железнодорожными мастерскими. Там был кружок рабочих социал-демократов в 12 человек. Самым активным был рабочий Якутов. Он не раз захаживал ко мне брать книжки и поговорить. Долго добывался «пульверизации» Маркса, но, раздобыв ее, никак не мог прочесть. «Некогда,— жаловался он,— все, знаете, крестьяне ко мне со своими делами приезжают. С каждым надо поговорить, чтобы он худо о себе не думал, ну вот и времени нет». Он рассказывал, что его жена Наташа тоже ему сочувствует, и им никакая ссылка не страшна, он нигде не пропадет, руки везде его прокормят. Он был большой конспиратор, пуще всего ненавидел крик, хвастовство, большие слова. Надо все делать основательно, без шума, но прочно.

В 1905 году Якутов был председателем республики, образовавшейся в Уфе, а потом, в годы реакции, его повесили в уфимской тюрьме. Он умирал на тюремном дворе, а вся тюрьма пела — во всех камерах пели — и клялась, что никогда не забудет его смерти, не простит ее.

Занималась я еще с другими рабочими — с молодым металлистом с небольшого заводика, рассказывавшим мне про жизнь местных рабочих, очень горячим и нервным. Потом мне говорили, что он ушел к эсерам и сошел с ума в тюрьме.

Бывал у меня чахоточный переплетчик Крылов, старательно устраивавший двойные переплеты, в которые можно было вкладывать нелегальные рукописи, склеивавший из рукописей картон для переплетов. Он рассказывал о работе местных печатников.

На основании этих рассказов позднее составлялись корреспонденции для «Искры».

Кроме самой Уфы, работа велась и по заводам. На Усть-Катавском заводе была фельдшерница социал-демократка, которая вела там работу среди рабочих, распространяла там нелегальную популярную литературу, которой нам чертовски не хватало.

Было несколько человек студентов социал-демократов по заводам. Наша уфимская организация содержала в Екатеринбурге

одного нелегала — рабочего Мазанова, вернувшегося из Туруханска, где он был в ссылке вместе с Мартовым. Только работа у него что-то не ладилась.

Уфа была центром для губернии — ссыльные Стерлитамака, Бирска и других уездных городов добивались всегда разрешения съездить в Уфу.

Но, кроме того, Уфа лежала на пути из Сибири в Россию. Возвращавшиеся из ссылки товарищи заезжали уславливаться о работе. Заезжал Мартов (ему не сразу удалось выбраться из Туруханска), Гл. Ив. Окулова, Панин. Из Астрахани нелегально приезжала Л. М. Книпович — Дяденька, из Самары приезжали Румянцев, Португалов.

Мартов поселился в Полтаве. С ним была связь, через него надеялись получить литературу. Литература пришла, кажется, через неделю после моего отъезда из Уфы, и отправившийся получить ее Квятковский угодил за этот развалившийся в дороге ящик на 5 лет в Сибирь. А работы он, в сущности, не вел, взялся за получение посылки только потому, что посылка была адресована на пивоваренный завод, дочери владельца которого он давал уроки.

Были в Уфе и народовольцы — Леонович, а позднее — Бороздич.

Перед отъездом за границу Владимир Ильич чуть не влетел. Приехал из Пскова в Питер одновременно с Мартовым. Их выследили и арестовали¹. В жилетке у него было 2 тысячи рублей, полученных от Тетки (А. М. Калмыковой), и записи связей с заграницей, писанные химией на листке почтовой бумаги, на которой для проформы было написано чернилами что-то безразличное — счет какой-то. Если бы жандармы догадались нагреть листок, не пришлось бы Владимиру Ильичу ставить за границей общерусскую газету. Но ему «пофартило», и через дней десять его выпустили.

Потом он ездил ко мне в Уфу попрощаться. Он рассказывал о том, что ему удалось сделать за это время, рассказывал про людей, с которыми приходилось встречаться. Конечно, по случаю приезда Владимира Ильича был ряд собраний. Помню, как, когда выяснилось, что Леонович, считавший себя народовольцем, не знает даже по названию группы «Освобождение труда», Владимир Ильич вскипел: «Да разве революционер может не знать этого, разве он может сознательно выбрать партию, с которой будет работать, если не знает, не изучит того, что писала группа «Освобождение труда»».

Кажется, около недели прожил тогда в Уфе Владимир Ильич².

¹ См. настоящий том, с. 63, примечание 1. *Ред.*

² См. настоящий том, с. 65, примечание. *Ред.*

Из-за границы он писал мне преимущественно в книжках, отправляемых на адреса различных земцев. В общем дело шло с газетой не так быстро, как этого хотелось Владимиру Ильичу; трудно было столкнуться с Плехановым, и письма Владимира Ильича из-за границы были кратки, невеселы, кончались: «расскажу, когда приедешь», «о конфликте с Плехановым подробно записал для тебя»¹.

Еле дождалась я конца ссылки², а тут и писем что-то от Владимира Ильича долго не было.

Хотела ехать в Астрахань, к Дяденьке (Л. М. Книпович), да заторопилась.

Заезжали с мамой в Москву к Марии Александровне — матери Владимира Ильича. Она тогда одна в Москве была: Мария Ильинична сидела, Анна Альинична была за границей.

Марию Александровну я очень любила, — она такая чуткая и внимательная была всегда³. Владимир Ильич страшно любил мать: «У ней громадная сила воли, — сказал он мне как-то, — если бы с братом это случилось, когда отец был жив, не знаю, что бы и было».

Свою силу воли Владимир Ильич унаследовал от матери, унаследовал также и ее чуткость, внимание к людям.

Когда жили за границей, я старалась описать ей как можно живее нашу жизнь, чтобы почувствовала она хоть немного близость сына. Когда Владимир Ильич был в ссылке в 1897 году, еще до моего приезда, в газетах было помещено объявление о смерти Марии Александровны Ульяновой, умершей в Москве. Оскар рассказывал: «Пришел к Владимиру Ильичу, а он бледный, как полотно, — говорит: мать у меня умерла». О смерти какой-то другой М. А. Ульяновой оказалось извещение.

Много горя выпало на долю Марии Александровны: казнь старшего сына, смерть дочери Ольги, бесконечные аресты друзей детей.

Заболел Владимир Ильич в 1895 году — она тотчас же приезжает и отхаживает его, сама готовит ему пищу; арестуют его — она опять на посту, часами просиживает в полутемной приемной Дома предварительного заключения, ходит на свидание, носит передачи, и только чуть-чуть дрожит у ней голова.

Обещала я ей беречь Владимира Ильича, да не уберегла...

¹ «Как чуть не потухла «Искра»?». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 334—352. *Ред.*

² Срок ссылки Н. К. Крупской закончился 11(24) марта 1901 года. *Ред.*

³ Н. К. Крупская в своей книге «Воспоминания» (М., изд. газеты «Правда», 1925, с. 43—44 (Б-ка «Прожектор», № 2)) пишет: «Потом, когда мы за границей жили, она писала и письма, всегда она писала нам письма вместе и никогда Владимиру Ильичу одному.

Мелочь это, но столько чуткости было в этой мелочи». *Ред.*

Из Москвы отвезла я свою мать в Питер, устроила ее там, а сама покатила за границу. По-попехонски ехала. Направилась в Прагу, полагая, что Владимир Ильич живет в Праге под фамилией Модрачек.

Дала телеграмму. Приехала в Прагу — никто не встречает. Подождала-подождала. С большим смущением наняла извозчика в цилиндре, нагрузила на него свои корзины, поехали. Приезжаем в рабочий квартал, узкий переулок, громадный дом, из окон которого во множестве торчат проветривающиеся пены...

Лечу на четвертый этаж. Дверь отворяет беленькая чешка. Я твержу: «Модрачек, герр Модрачек». Выходит рабочий, говорит: «Я Модрачек». Ошеломленная, я мямлю: «Нет, это мой муж». Модрачек наконец догадывается. «Ах, вы, вероятно, жена герра Ритмейера, он живет в Мюнхене, но пересылал вам в Уфу через меня книги и письма». Модрачек провозился со мной целый день, я ему рассказала про русское движение, он мне — про австрийское, жена его показывала мне связанные ею прошивки и кормила чешскими клецками.

Приехав в Мюнхен¹, — ехала я в теплой шубе, а в это время в Мюнхене уже в одних платьях все ходили, — наученная опытом, сдала корзины на хранение на вокзале, поехала в трамвае разыскивать Ритмейера. Отыскала дом, квартира № 1 оказалась пивной. Подхожу к стойке, за которой стоял толстенный немец, и робко спрашиваю господина Ритмейера, предчувствуя, что опять что-то не то. Трактирщик отвечает: «Это я». Совершенно убитая, я лепечу: «Нет, это мой муж».

И стоим дураками друг против друга. Наконец приходит жена Ритмейера и, взглянув на меня, догадывается: «Ах, это, верно, жена герра Мейера, он ждет жену из Сибири. Я провозжу».

Иду куда-то за фрау Ритмейер на задний двор большого дома, в какую-то необитаемую квартиру. Отворяется дверь, сидят за столом: Владимир Ильич, Мартов и Анна Ильинична. Забыв поблагодарить хозяйку, я стала ругаться: «Фу, черт, что ж ты не написал, где тебя найти?»

«Как не написал? Я тебя по три раза на день ходил встречать. Откуда ты?» Оказалось потом, что немец, на имя которого была послана книжка с адресом, зачитал книжку.

Немало россиян путешествовали потом в том же стиле: Шляпников заехал в первый раз вместо Женевы в Геную; Бабушкин вместо Лондона чуть не угодил в Америку.

¹ Н. К. Крупская приехала в Мюнхен в середине апреля (н. ст.) 1901 года. *Ред.*

МЮНХЕН
1901—1902 годы

Хотя и Владимир Ильич, и Мартов, и Потресов поехали за границу по легальным паспортам, но в Мюнхене было решено жить по чужим паспортам, вдали от русской колонии, чтобы не проваливать приезжающих из России работников и легче отправлять нелегальную литературу в Россию в чемоданах, письмах и пр.

Когда я приехала в Мюнхен, Владимир Ильич жил без прописки у этого самого Ритмейера, назывался Мейером. Хотя Ритмейер и был содержанием пивной, но был социал-демократом и укрывал Владимира Ильича в своей квартире. Комнатешка у Владимира Ильича была плохонькая, жил он на холодную ногу, обедал у какой-то немки, которая угощала его Mehlspeise¹. Утром и вечером пил чай из жестяной кружки, которую сам тщательно мыл и вешал на гвоздь около крана.

Вид у него был озабоченный, все налаживалось не так быстро, как хотелось. В то время в Мюнхене кроме Владимира Ильича жили: Мартов, Потресов и Засулич. Плеханову и Аксельроду хотелось, чтобы газета выходила где-нибудь в Швейцарии, под их непосредственным руководством. Они, в первое время и Засулич, не придавали особого значения «Искре», совершенно недооценивали той организующей роли, которую она могла сыграть и сыграла; их гораздо больше интересовала «Заря».

«Глупая ваша «Искра»»,— говорила вначале шутя Вера Ивановна. Это, конечно, была шутка, но в ней сквозила известная недооценка всего предприятия. Владимир Ильич думал, что надо, чтобы «Искра» была в стороне от эмигрантского центра, чтобы она была законспирирована, что имело громадное значение для сношений с Россией, для переписки, для приездов. Старики готовы были видеть в этом нежелании перенести газету в Швейцарию нежелание руководства, желание вести какую-то свою линию и не торопились особенно помогать. Владимир Ильич это чувствовал и нервничал. К группе «Освобождение труда» у него было совсем особенное чувство. Я не говорю уже про Плеханова, он относился влюбленно и к Аксельроду и к Засулич. «Вот ты увидишь Веру Ивановну,— сказал мне Владимир Ильич в первый вечер моего приезда в Мюнхен,— это кристально-чистый человек». Да, это была правда.

Вера Ивановна одна из группы «Освобождение труда» стала близко к «Искре». Она жила вместе с нами в Мюнхене и в Лондоне, жила жизнью редакции «Искры», ее радостями и горестями, жила вестями из России.

¹ Мучными блюдами. *Ред.*

«А «Искра»-то важная становится», — шутила она, по мере того как росло и ширилось влияние «Искры». Вера Ивановна рассказывала не раз про долгие холодные годы эмиграции.

Мы никогда такой эмиграции, как группа «Освобождение труда», не знали — у нас все время были самые тесные связи с Россией, постоянно к нам приезжали оттуда люди. Мы жили в эмиграции в гораздо лучших условиях по части осведомленности, чем в каком-либо другом губернском городе, жили исключительно интересами русской работы, дело в России шло на подъем, рабочее движение росло. Группа «Освобождение труда» жила от России оторванно, жила за границей в годы глухой реакции — заезжий из России студент был уже целым событием, но заезжать опасались: когда к ним в начале 90-х годов заехали Классон и Коробко, их тотчас же по возвращении вызвали в жандармское, спрашивали, зачем ездили к Плеханову. Слежка была организована образцово.

Из всех членов группы «Освобождение труда» Вера Ивановна чувствовала себя наиболее одиноко. У Плеханова и Аксельрода была все же семья. Вера Ивановна говорила не раз о своем одиночестве: «Ближих никого нет у меня» — и тотчас старалась прикрывать горечь своих переживаний шуточкой: «Ну вот, вы меня любите, я знаю, а когда умру, разве что одной чашкой чаю меньше выпьете».

Потребность же в семье у ней была громадная — может быть, потому, что выросла она в чужой семье, была на положении воспитанницы. Надо было только видеть, как любовно она возилась с беленьким малышом, сынишкой Димки (сестры П. Г. Смидовича). Даже хозяйственность Вера Ивановна проявляла, заботливо покупала провизию в те дни, когда была ее очередь варить обед в коммуне (в Лондоне Вера Ивановна, Мартов и Алексеев жили коммуной). Впрочем, мало кто догадывался о семейственных и хозяйственных склонностях Веры Ивановны. Жила она по-нигилистичному: одевалась небрежно, курила без конца, в комнате ее царил невероятный беспорядок, убирать свою комнату она никому не разрешала. Кормилась довольно фантастически. Помню, как она раз жарила себе мясо на керосинке, отстригала от него кусочки ножницами и ела.

«Когда я жила в Англии, — рассказывала она, — выдумали меня английские дамы разговорами занимать: «Вы сколько времени мясо жарите?» — «Как придется, — отвечаю, — если есть хочется, минут десять жарю, а не хочется есть — часа три». Ну, они и отстали».

Когда Вера Ивановна писала, она запиралась в своей комнате и питалась одним крепким черным кофе.

По России Вера Ивановна тосковала страшно. Кажется, в 1899 году¹ она ездила нелегально в Россию — не на работу, а

¹ См. настоящий том, с. 221, примечание. *Ред.*

так, «хоть мужика посмотреть, какой у него нос стал». И вот, когда стала выходить «Искра», она почувствовала, что это кусок русской работы, она судорожно за нее держалась. Для нее уйти из «Искры» значило опять оторваться от России, опять начать тонуть в мертвой, тянущей ко дну эмигрантщине.

Вот почему, когда на II съезде встал вопрос о редакции «Искры», она возмутилась. Для нее это был не вопрос самолюбия, это был вопрос жизни и смерти.

В 1905 году она поехала в Россию и там осталась.

На II съезде Вера Ивановна в первый раз в жизни пошла против Плеханова. С Плехановым ее соединяли долгие годы совместной борьбы, она видела, какую громадную роль он играл в деле направления революционного движения в правильное русло, ценила его как основоположника русской социал-демократии, ценила его ум, блестящий талант. Самое незначительное несогласие с Плехановым страшно волновало ее, но в данном случае она не пошла с Плехановым.

Судьба Плеханова трагична. В области теории его заслуги перед рабочим движением чрезвычайно велики. Но годы эмиграции не прошли для него даром: они оторвали его от русской действительности. Широкое массовое рабочее движение возникло в то время, когда он уже был за границей. Он видел представителей различных партий, писателей, студентов, даже отдельных рабочих, но русской рабочей массы он не видел, с ней не работал, ее не чувствовал. Бывало, придет какая-нибудь корреспонденция из России, которая поднимает завесу над новыми формами движения, заставляет почувствовать перспективы движения, Владимир Ильич, Мартов и даже Вера Ивановна читают и перечитывают ее; Владимир Ильич потом долго шагает по комнате, вечером не может заснуть. Когда мы переехали в Женеву, я пробовала показывать Плеханову корреспонденции и письма, и удивляло меня, как он на них реагировал: точно почву он под ногами терял, недоверие у него какое-то появлялось на лице, никогда не говорил он потом об этих письмах и корреспонденциях.

Особенно недоверчиво стал он относиться к письмам из России после II съезда.

Меня это вначале даже обижало как-то, а потом стала думать, что это вот отчего: давно он уже уехал из России, и не было у него того мерила, вырабатываемого опытом, которое дает возможность определить удельный вес каждой корреспонденции, читать многое между строк.

Приезжали часто в «Искру» рабочие, каждый, конечно, хотел повидать Плеханова. Попасть к Плеханову было гораздо труднее, чем к нам или Мартову, но даже если рабочий попадал к Плеханову, он уходил от него со смешанным чувством. Его поражали блестящий ум Плеханова, его знания, его остроумие,

но как-то оказывалось, что, уходя от Плеханова, рабочий чувствовал лишь громадное расстояние между собой и этим блестящим теоретиком, но о своем заветном, о том, о чем он хотел рассказать, с ним посоветоваться, он так и не смог поговорить.

А если рабочий не соглашался с Плехановым, пробовал изложить свое мнение,— Плеханов начинал раздражаться: «Еще ваши папеньки и маменьки под столом ходили, когда я...»

Вероятно, в первые годы эмиграции это не так было, но к началу 900-х годов Плеханов потерял уже непосредственное ощущение России. В 1905 году он в Россию не ездил.

Павел Борисыч Аксельрод в гораздо большей степени, чем Плеханов и Засулич, был организатором. Он больше всех общался с приезжими, у него они больше всего проводили время, там их поили, кормили. Павел Борисыч подробно их обо всем расспрашивал.

Он вел переписку с Россией, знал конспиративные способы сношений. Ну, как мог себя чувствовать в долгие годы эмиграции в Швейцарии русский организатор-революционер, можно себе представить! Павел Борисыч на три четверти потерял работоспособность, он не спал ночей напролет, писал с чрезвычайным напряжением, месяцами будучи не в состоянии окончить начатой статьи, почерк его было почти невозможно разобрать: так нервно он писал.

Почерк Аксельрода производил на Владимира Ильича всегда сильное впечатление. «Вот дойдешь до такого состояния, как Аксельрод,— не раз говорил Владимир Ильич,— ведь это просто ужас один». О почерке Аксельрода он не раз говорил с доктором Крамером, который лечил его во время его последней болезни. Когда Владимир Ильич первый раз ездил за границу, в 1895 году,— об организационных вопросах он больше всего толковал с Аксельродом. Об Аксельроде он много рассказывал мне, когда я приехала в Мюнхен. О том, что делает теперь Аксельрод, он спрашивал меня, указывая на фамилию Аксельрода в газете, тогда, когда сам уже не только не мог писать, но и сказать ни слова.

П. Б. Аксельрод особенно болезненно относился к тому, что «Искра» издается не в Швейцарии и что поток сношений с Россией идет не через него. Потому так бешено отнесся он к вопросу о тройке на II съезде. «Искра» будет организационным центром, а он отстраняется от редакции! И это тогда, когда на II съезде больше, чем когда-либо, почувствовалось дыхание России.

Когда я приехала в Мюнхен, из группы «Освобождение труда» там жила только Засулич под чужим именем — по какому-то болгарскому паспорту, звалась Великой Дмитриевной.

По болгарским паспортам должны были жить и все осталь-

ные. До моего приезда Владимир Ильич жил просто без паспорта. Когда я приехала, взяли паспорт какого-то болгарина, доктора Иорданова, вписали туда ему жену Марицу и поселились в комнате, нанятой по объявлению в рабочей семье. До меня секретарем «Искры» была Инна Гермогеновна Смидович-Леман, также жившая по болгарскому паспорту и звавшаяся Димкой. Владимир Ильич, когда я приехала, рассказал, что он провел, что секретарем «Искры» буду я, когда приеду. Это, конечно, означало, что связи с Россией будут вестись все под самым тесным контролем Владимира Ильича. Мартов и Потресов тогда ничего не имели против этого, а группа «Освобождение труда» не имела своего кандидата, да и не придавала в то время «Искре» особого значения. Владимир Ильич рассказывал, что ему это было не очень ловко делать, но он считал, что для дела это необходимо. Работы сейчас же навалилось масса. Дело было организовано так: письма из России посылались на различные города Германии по адресам немецких товарищей, а те все пересылали на адрес доктора Лемана, который все уже пересылал нам.

Незадолго перед тем вышла целая история. В России для брошюр удалось наконец наладить в Кишиневе типографию, и заведующий типографией Аким (брат Либера — Леон Гольдман) выслал на адрес Лемана подушку с зашитыми в середину экземплярами вышедшей в России брошюры. Удивленный Леман в недоумении отказался на почте от подушки, но, когда наши это узнали и забили тревогу, подушку он получил и сказал, что теперь будет принимать все, что на его имя придет, хоть целый поезд.

Транспорта для перевозки «Искры» в Россию еще не было. «Искра» перевозилась главным образом в чемоданах с двойным дном с разными попутчиками, которые отвозили в Россию эти чемоданы в условленное место, на явки.

Была такая явка в Пскове у Лепешинских, была в Киеве, еще где-то. Русские товарищи, вынув литературу из чемодана, передавали ее организации. Транспорт только что налаживался через латышей Ролау и Скубика.

На все это тратилось не мало времени. Его также уходило много на всякие переговоры, из которых потом ничего не выходило.

Помню, как с неделю, кажется, ушло на переговоры с каким-то типом, который хотел завязывать связи с контрабандистами, путешествуя по границе с фотографическим аппаратом, каковой мы должны были ему купить.

Была переписка с агентами «Искры» в Берлине, Париже, Швейцарии, Бельгии. Они помогали, чем могли, отыскивая соглашающихся брать чемоданы, добывая деньги, связи, адреса и т. д.

В октябре 1901 года образовалась из сочувствующих групп так называемая Заграничная лига русской революционной социал-демократии¹.

Связи с Россией очень быстро росли. Одним из самых активных корреспондентов «Искры» был питерский рабочий Бабушкин, с которым Владимир Ильич виделся перед отъездом из России и сговорился о корреспондировании². Он присылал массу корреспонденций из Орехово-Зуева, Владимира, Гусь-Хрустального, Иваново-Вознесенска, Кохмы, Кинешмы.

Он постоянно объезжал эти места и укреплял связи с ними. Писали из Питера, Москвы, с Урала, с Юга. Вели переписку с «Северным союзом»³. Скоро приехал из Иваново-Вознесенска представитель «Союза», Носков. Более российский тип трудно было себе представить. Голубоглазое блондинистое лицо, немного сутулый, он говорил на «о». Приехал он за границу с узелком договориться обо всем. Его дядюшка, мелкий фабрикант в Иваново-Вознесенске, дал ему денег на поездку за границу, чтобы только избавиться от беспокойного племянника, которого то забирали в каталажку, то обыскивали. Борис Николаевич (от природы он назывался Владимиром Александровичем, а это была его кличка) был хорошим практиком. Я его встречала еще в Уфе, когда он заезжал туда проездом в Екатеринбург. За границу он приехал за связями. Собираение связей было его профессией. Помню, как он, усевшись на плиту в нашей узенькой мюнхенской кухне, с блестящими глазами рассказывал нам о работе «Северного союза». Рассказывая, страшно увлекался. Владимир Ильич своими вопросами только подливал масла в

¹ Заграничная лига русской революционной социал-демократии была основана по инициативе В. И. Ленина и являлась заграничным отделом организации «Искры». Она вербовала сторонников «Искры» из числа русских социал-демократов за границей, материально поддерживала ее, организовывала доставку газеты в Россию и издавала популярную марксистскую литературу.

II съезд РСДРП утвердил Лигу в качестве единственной заграничной партийной организации, имеющей уставные права комитета, и обязал ее работать под руководством и контролем ЦК РСДРП. После II съезда в Заграничной лиге укрепились меньшевики и повели борьбу против Ленина, против большевиков. С октября 1903 года Лига стала оплотом меньшевизма; существовала до 1905 года. *Ред.*

² Встреча В. И. Ленина с И. В. Бабушкиным состоялась 13(26) июля 1900 года в Смоленске. *Ред.*

³ «Северный союз РСДРП» или «Северный рабочий союз» — областное объединение социал-демократических организаций Владимирской, Ярославской и Костромской губерний. Возник в 1900—1901 годах по инициативе высланных из Ярославля и Иваново-Вознесенска О. А. Варенцовой и В. А. Носкова.

С первых дней своего существования «Северный союз» был связан с «Искрой» и разделял ее политическую линию и организационный план. Весной 1902 года «Союз» был разгромлен охранкой, но вскоре восстановлен. *Ред.*

огонь. Борис — пока жил за границей — завел тетрадь, куда тщательно записывал все связи: где кто живет, что делает, чем может быть полезен. Потом оставил нам эти связи. Это был своеобразный поэт-организатор. Впрочем, он слишком идеализировал людей и работу, и не было у него умения бесстрашно смотреть действительности в глаза. После II съезда он был примиренцем, а потом как-то сошел с политической сцены. В годы реакции он умер.

Приезжали в Мюнхен и другие, еще до моего приезда был в Мюнхене Струве. С ним дело в это время шло уже на разрыв. Он переходил в это время из стана социал-демократии в стан либералов. В последний приезд с ним было резкое столкновение. Вера Ивановна подшила ему прозвище «подкованный теленок». Владимир Ильич и Плеханов ставили над ним крест. Вера Ивановна считала, что он еще не безнадежен. Ее и Потресова звали в шутку «Struve-freundliche Partei»¹.

Приезжал Струве второй раз, когда я уже была в Мюнхене. Владимир Ильич отказался его видеть. Я ходила видеться со Струве на квартиру Веры Ивановны. Свидание было очень тяжелое. Струве был страшно обижен. Пахнуло какой-то тяжелой достоевщиной. Он говорил о том, что его считают ренегатом, и еще что-то в том же роде, издевался над собой. Сейчас я уже не помню того, что он говорил, помню только то тяжелое чувство, с каким я шла с этого свидания. Было ясно, это — чужой, враждебный партии человек. Владимир Ильич был прав. Потом с кем-то, не помню уже с кем, жена Струве Нина Александровна прислала привет и коробку мармелада. Она была бессильна, да и вряд ли понимала, куда повертывает Петр Бернгардович. Он-то понимал.

Поселились мы после моего приезда в рабочей немецкой семье. У них была большая семья — человек шесть. Все они жили в кухне и маленькой комнатешке. Но чистота была страшная, детишки ходили чистенькие, вежливые. Я решила, что надо перевести Владимира Ильича на домашнюю кормежку, завеластряпню. Готовила на хозяйской кухне, но готовить надо было все у себя в комнате. Старалась как можно меньше греметь, так как Владимир Ильич в это время начал уже писать «Что делать?»². Когда он писал, он ходил обычно быстро из угла в угол и шепотком говорил то, что собирался писать. Я уже приспособилась к этому времени к его манере работать. Когда он писал, ни о чем уж с ним не говорила, ни о чем не спрашивала. Потом, на прогулке, он рассказывал, что он пишет, о чем думает. Это стало для него такой же потребностью, как шепотком проговорить себе статью, прежде чем ее написать. Бродили мы

¹ «Дружественная Струве партия». *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 1—192. *Ред.*

по окрестностям Мюнхена весьма усердно, выбирая места подичее, где меньше народа.

Через месяц перебрались на собственную квартиру в предместье Мюнхена Швабинг¹, в один из многочисленных, только что отстроенных больших домов, завели «обстановочку» (при отъезде продали ее всю за 12 марок) и зажили по-своему.

В начале первого — после обеда — приходил Мартов, подходили и другие, шло так называемое заседание редакции. Мартов говорил не переставая, причем постоянно перескакивал с одной темы на другую. Он массу читал, откуда-то узнавал всегда целую кучу новостей, знал всех и вся. «Мартов — типичный журналист, — говорил про него не раз Владимир Ильич, — он чрезвычайно талантлив, все как-то хватает на лету, страшно впечатлителен, но ко всему легко относится». Для «Искры» Мартов был прямо пезаменим. Владимир Ильич страшно уставал от этих ежедневных 5—6-часовых разговоров, делался от них совершенно болен, неработоспособен. Раз он попросил меня сходить к Мартову и попросить его не ходить к нам. Условились, что я буду ходить к Мартову, рассказывать ему о получаемых письмах, договариваться с ним. Из этого, однако, ничего не вышло, через два дня дело пошло по-старому. Мартов не мог жить без этих разговоров. После нас он шел с Верой Ивановной, Димкой, Блюменфельдом² в кафе, где они просиживали целыми часами.

Потом приехал Дан с женой и детьми. Мартов стал проводить у них целые дни.

В октябре мы ездили из Мюнхена в Цюрих объединяться с «Рабочим делом»³. Объединения никакого не вышло. Акимов, Кричевский и другие договорились до белых слонов. Мартов страшно горячился, выступая против рабочедельцев, даже галстук с себя сорвал, я первый раз видела его таким. Плеханов блистал остроумием. Составили резолюцию о невозможности объединения. Деревянным голосом прочел ее на конференции Дан. «Папский нунций», — бросили ему противники.

Этот раскол пережит был совсем безболезненно. Мартов, Ленин не работали вместе с «Рабочим делом», в сущности, разрыва не было, потому что не было совместной работы. Плеханов же был в отличном настроении, ибо противник, с которым ему при-

¹ Переезд в Швабинг состоялся 5(18) мая 1901 года. *Ред.*

² Блюменфельд набирал «Искру» сначала в Лейпциге, потом в Мюнхене в немецких социал-демократических типографиях. Он был отличным наборщиком и хорошим товарищем. К делу относился горячо. Он очень любил Веру Ивановну, всегда очень заботился о ней. С Плехановым он не ладил. Это был товарищ, на которого можно было вполне положиться. За что возьмется — сделает. *Н. К.*

³ Речь идет о поездке на «объединительный» съезд заграничных организаций РСДРП, куда В. И. Ленин и Н. К. Крупская выехали между 16 и 19 сентября (29 сентября и 2 октября) и вернулись позднее 22 сентября (5 октября) 1901 года. *Ред.*

ходилось так много бороться, был положен на обе лопатки. Плеханов был весел и разговорчив.

Жили мы в одном отеле, кормились вместе, и время прошло как-то особенно хорошо.

Только иногда чуть, капельку, проскальзывала разница в подходах к некоторым вопросам.

Запомнился один разговор. В кафе, в котором мы сидели, рядом с нашей комнатой был гимнастический зал, как раз там шло упражнение в фехтовании. Рабочие, вооруженные щитами, сражались, скрепявая картонные мечи. Плеханов посмеялся: «Вот и мы в будущем строе будем так сражаться». Когда мы возвращались домой, я шла с Аксельродом, — он продолжал развивать тему, задетую Плехановым: «В будущем строе будет смертельная скука, никакой борьбы не будет».

В то время я еще была до дикости застенчива и ничего не сказала, но, помню, подивилась таким рассуждениям.

Вернувшись из Цюриха, Владимир Ильич засел за окончание «Что делать?». После меньшевики яростно нападали на «Что делать?», но в то время оно всех захватило, особенно тех, кто ближе стоял к русской работе. Вся брошюра была страстным призывом к организации, она набрасывала широкий план организации, в которой каждый мог найти себе место, мог сделаться винтиком революционной машины, винтиком, без которого не может пойти работа, как бы мал он ни был. Брошюра звала к упорной, неустанной работе над созданием того фундамента, который надо было создать для того, чтобы при тогдашних русских условиях могла существовать партия не на словах, а на деле. Нельзя социал-демократу бояться долгой работы, надо работать, работать не покладая рук, быть всегда готовым «...на все, начиная от спасенья чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного «угнетения» и кончая подготовкой, назначением и проведением *всенародного вооруженного восстания*», — писал Владимир Ильич в «Что делать?»¹.

Двадцать два года прошло с тех пор, как написана эта брошюра, и каких двадцать два года, — в корне изменились все условия работы партии, совсем новые задачи стоят перед рабочим движением, а и сейчас захватывает революционный пафос этой брошюры, и сейчас надо изучать эту брошюру тому, кто хочет не на словах, а на деле быть ленинцем.

Если «Друзья народа» имели громадное значение для определения пути, по которому должно идти революционное движение, то «Что делать?» определяло план широкой революционной работы, указывало определенное дело.

Ясно было, что съезд партии еще преждевременен, что нет еще предпосылок для того, чтобы он не повис в воздухе, как по-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 177. Ред.

вис I съезд, что нужна длительная подготовительная работа. Поэтому никто не отнесся серьезно к попытке созыва Бундом съезда в Белостоке. От «Искры» поехал туда Дан, захватив чемодан, между стенками которого было набито «Что делать?». Белостокский съезд превратился в конференцию.

Владимира Ильича особенно интересовало отношение к «Что делать?» рабочих. Так, 16 июля 1902 года он пишет Ивану Ивановичу Радченко: «Уж очень обрадовало Ваше сообщение о беседе с рабочими. Нам до последней степени редко приходится получать такие письма, которые действительно придают массу бодрости. Передайте это непременно Вашим рабочим и передайте им нашу просьбу, чтобы они и сами писали нам *не только для печати*, а и так, для обмена мыслей, чтобы не терять связи друг с другом и взаимного понимания. Меня лично особенно интересует при этом, как отнесутся рабочие к «Что делать?», ибо отзывом рабочих я еще не получал»¹.

«Искра» работала вовсю. Ее влияние росло. Готовилась к съезду Программа партии. Для обсуждения ее приехали в Мюнхен Плеханов и Аксельрод. Плеханов нападал на некоторые места наброска Программы, сделанного Лениным. Вера Ивановна не во всем была согласна с Лениным, но не была согласна до конца и с Плехановым. Аксельрод соглашался тоже кое в чем с Лениным. Заседание было тяжелое. Вера Ивановна хотела возражать Плеханову, но тот принял неприступный вид и, скрестив руки, так глядел на нее, что Вера Ивановна совсем запуталась. Дело дошло до голосования. Перед голосованием Аксельрод, соглашавшийся в данном вопросе с Лениным, заявил, что у него разболелась голова и он хочет прогуляться.

Владимир Ильич ужасно волновался. Так нельзя работать. Какое же это деловое обсуждение?

Необходимость построить работу на деловых основах, так, чтобы не привносился в нее личный элемент, чтобы капризы, исторически сложившиеся личные отношения не влияли на решение, — встала во весь рост.

Владимир Ильич крайне болезненно относился ко всякой размолвке с Плехановым, не спал ночи, нервничал. А Плеханов сердился, дулся.

Прочитав статью Владимира Ильича к четвертому номеру «Зари», Плеханов вернул ее Вере Ивановне с примечаниями на полях, вылив в них всю свою досаду. Владимир Ильич, увидав их, совершенно выбился из колеи, заметался.

К этому времени выяснилось, что печатать «Искру» в Мюнхене далее невозможно, владелец типографии не хотел рисковать. Надо было выбираться. Куда? Плеханов и Аксельрод стояли за Швейцарию, остальные — понюхав атмосферы, развернув-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 201. *Ред.*

шейся на заседании при обсуждении Программы,— голосовали за Лондон.

Мама поехала на лето в Россию, а мы стали собираться.

Этот мюнхенский период вспоминался нам после как какой-то светлый период. Последующие годы эмиграции переживались куда тяжелее. В мюнхенский период не было еще такой глубокой трещины в личных отношениях между Владимиром Ильичем, Мартовым, Потресовым и Засулич. Все силы сосредоточивались на одной цели — создании общерусской газеты, интенсивно шло собиранье сил около «Искры». Ощущение роста организации, осознание того, что путь к созданию партии намечен правильно, было у всех.

Поэтому можно было не внешне, а от всей души веселиться на карнавале, возможно было то исключительное жизнерадостное настроение, которое было всеобщим при поездке в Цюрих, и т. д.

Местная жизнь не привлекала нашего особенного внимания. Мы наблюдали ее со стороны. Бывали иногда на собраниях, но в общем они были мало интересны. Помню празднование 1 Мая. В том году в первый раз немецкой социал-демократии разрешено было устроить шествие, но с тем, чтобы не скопиться в городе, а устроить празднество за городом.

И вот довольно большие колонны немецких социал-демократов, с женами и детьми и редьками в карманах, молча, очень быстрым шагом прошли по городу — пить пиво в загородном ресторане. Никаких флагов, плакатов не было. Этот *Maifeier*¹ не напоминал совершенно демонстрации во имя торжества рабочего класса во всем мире.

В загородный ресторан, куда направилась процессия, мы не пошли, отстали от демонстрации, а пошли по привычке бродить по улицам Мюнхена, чтобы заглушить чувство разочарования, которое невольно закралось в душу: хотелось принять участие в боевой демонстрации, а не в демонстрации с разрешения полиции.

Так как мы соблюдали сугубую конспирацию, то совершенно не виделись с немецкими товарищами. Встречались только с Парвусом, жившим неподалеку от нас, в Швабинге, с женой и сынишкой. Однажды приезжала к нему Роза Люксембург, и Владимир Ильич ходил тогда повидаться с ней². Тогда Парвус, занимая очень левую позицию, сотрудничал в «Искре», интересовался русскими делами.

В Лондон мы ехали через Льеж³. В то время там жил Николай Леонидович Мещеряков с женой — мои старые приятели

¹ Майский праздник. *Ред.*

² В. И. Ленин встречался с Р. Люксембург в мае 1901 года. *Ред.*

³ В. И. Ленин и Н. К. Крупская выехали из Мюнхена в Лондон 30 марта (12 апреля) 1902 года. *Ред.*

по воскресной школе. В те времена, когда я его знала, он был еще народовольцем, но он первый ввел меня в нелегальную работу, первый обучал правилам конспирации и помог мне сделаться социал-демократкой, усердно снабжая меня заграничными изданиями группы «Освобождение труда».

Теперь он был социал-демократом, давно уже жил в Бельгии, прекрасно знал местное движение, и мы решили по дороге заехать к ним.

В это время в Льеже как раз было громадное возбуждение. За несколько дней перед тем войска стреляли в бастовавших рабочих. Заметно было, как волнуются рабочие кварталы, по лицам рабочих, по кучкам стоявших людей. Ходили мы смотреть Народный дом. Он стоит в очень неудобном месте, толпу легко запереть на площади перед домом, как в ловушке. Рабочие тянулись к Народному дому. И вот, чтобы предупредить скопление там народа, партийные верхи назначили собрания по всем рабочим кварталам. И мелькало недоверие к бельгийским вождям социал-демократии. Получилось какое-то разделение труда: одни стреляют в толпу, другие ищут предлога ее успокоить...

ЖИЗНЬ В ЛОНДОНЕ

1902—1903 годы

В Лондон мы приехали в апреле 1902 года.

Лондон поразил нас своей грандиозностью. И хоть была в день нашего приезда невероятная мразь, но у Владимира Ильича лицо сразу оживилось, и он с любопытством стал вглядываться в эту твердыню капитализма, забыв на время и Плеханова и конфликты в редакции.

На вокзале нас встретил Николай Александрович Алексеев — товарищ, живший в Лондоне в эмиграции и прекрасно изучивший английский язык. Он был вначале нашим поводырем, так как мы оказались в довольно-таки беспомощном состоянии. Думали, что знаем английский язык, так как в Сибири перевели даже с английского на русский целую толстенную книгу — Веббов. Я английский язык в тюрьме учила по самоучителю, никогда ни одного живого английского слова не слыхала. Стали мы в Шушенском Вебба переводить — Владимир Ильич пришел в ужас от моего произношения: «У сестры была учительница, так она не так произносила». Я спорить не стала, переучилась. Когда приехали в Лондон, оказалось — ни мы ни черта не понимаем, ни нас никто не понимает. Попадали мы вначале в прекомичные положения. Владимира Ильича это забавляло, но в то же время задевало за живое. Он принялся усердно изучать язык. Стали мы ходить по всяческим собраниям, забираясь в первые ряды и внимательно глядя в рот оратору. Ходили мы вначале

довольно часто в Гайдпарк. Там выступают ораторы перед прохожими — кто о чем. Стоит атеист и доказывает кучке любопытных, что бога нет, — мы особенно охотно слушали одного такого оратора, он говорил с ирландским произношением, нам более понятным. Рядом офицер из «Армии спасения» выкрикивает истерично слова обращения к всемогущему богу, а немного поодаль приказчик рассказывает про каторжную жизнь приказчиков больших магазинов... Слушание английской речи давало многое. Потом Владимир Ильич раздобыл через объявления двух англичан, желавших брать обменные уроки, и усердно занимался с ними. Изучил он язык довольно хорошо.

Изучал Владимир Ильич и Лондон. Он не ходил смотреть лондонские музеи — я не говорю про Британский музей, где он проводил половину времени, но там его привлекал не музей, а богатейшая в мире библиотека, те удобства, с которыми можно было там научно работать. Я говорю про обычные музеи. В музее древностей через 10 минут Владимир Ильич начинал испытывать необычайную усталость, и мы обычно очень быстро выметались из зал, увешанных рыцарскими доспехами, бесконечных помещений, уставленных египетскими и другими древними вазами. Я помню один только музейчик, из которого Ильич никак не мог уйти, — это музей революции 1848 года в Париже, помещавшийся в одной комнатушке, — кажется, на rue des Cordilières, — где он осмотрел каждую вещичку, каждый рисунок.

Ильич изучал живой Лондон. Он любил забираться на верх омнибуса и подолгу ездить по городу. Ему нравилось движение этого громадного торгового города. Тихие скверы с парадными особняками, с зеркальными окнами, все увитые зеленью, где ездят только вылощенные кэбы, и ютящиеся рядом грязные переулки, населенные лондонским рабочим людом, где посередине развешано белье, а на крыльце играют бледные дети, оставались в стороне. Туда мы забирались пешком, и, наблюдая эти кричащие контрасты богатства и нищеты, Ильич сквозь зубы повторял: «Two nations!» («Две нации!»). Но и с омнибуса можно было наблюдать тоже не мало характерных сцен. Около баров (распивочных) стояли опухшие, ободранные люмпены, среди них нередко можно было видеть какую-нибудь пьяную женщину с подбитым глазом, в бархатном платье со шлейфом, с вырванным рукавом и т. п. С омнибуса мы видели однажды, как могучий боби (полицейский), в своей характерной каске с подвязанным подбородком, железной рукой толкал перед собой тщедушного мальчишку, очевидно, пойманного воришку, и целая толпа шла следом с гиком и свистом. Часть ехавшей на омнибусе публики повскакала с мест и также стала гикать на воришку. «Н-д-а-а», — мычал Владимир Ильич. Раза два мы ездили наверху омнибуса вечером в дни полочки в рабочие кварталы. Вдоль тротуара широкой улицы (Road — дороги) стоит беско-

нечный ряд лотков, освещенных каждый горящим факелом, — тротуары залиты толпой рабочих и работниц, шумной толпой, покупающей всякую всячину и тут же утоляющей свой голод. Владимира Ильича всегда тянуло в рабочую толпу. Он шел всюду, где была эта толпа, — на прогулку, где усталые рабочие, выбравшись за город, часами валялись на траве, в бар, в читалку. В Лондоне много читалок — одна комната, куда входят прямо с улицы, где нет даже никакого сиденья, а лишь стойки для чтения и прикрепленные к палкам газеты; входящий берет газету и по прочтении вешает ее на место. Такие читалки хотел потом Ильич завести повсюду и у нас. Шел в народный ресторанчик, в церковь. В Англии в церквях после богослужения бывает обычно какой-нибудь коротенький доклад и потом дискуссия. Эти-то дискуссии, где выступали рядовые рабочие, особенно любил слушать Ильич. В газетах он отыскивал объявления о рабочих собраниях в глухих кварталах, где не было парада, не было лидеров, а были рабочие от станка, как теперь говорят. Собрание посвящалось обычно обсуждению какого-нибудь вопроса, проекта, например, городов-садов. Внимательно слушал Ильич и потом радостно говорил: «Из них социализм так и прет! Докладчик пошлости разводит, а выступит рабочий — сразу быка за рога берет, самую суть капиталистического строя вскрывает». На рядового английского рабочего, сохранившего, несмотря ни на что, свой классовый инстинкт, и надеялся всегда Ильич. Приезжие обычно видят лишь развращенную буржуазией обуржуазившуюся рабочую аристократию. Ильич изучал, конечно, и эту верхушку, конкретные формы, в которые выливается это влияние буржуазии, ни на минуту не забывал значение этого факта, но старался нащупать и движущие силы будущей революции в Англии.

По каким только собраниям мы не шатались! Раз забрели в социал-демократическую церковь. В Англии есть такие. Ответственный социал-демократический работник читал в нос библию, а потом говорил проповедь на тему, что исход евреев из Египта — это прообраз исхода рабочих из царства капитализма в царство социализма. Все вставали и по социал-демократическим молитвенникам пели: «Выведи нас, господи, из царства капитализма в царство социализма». Потом мы еще раз ходили в эту церковь «Семи сестер» на собеседование с молодежью. Юноша читал доклад о муниципальном социализме, доказывая, что никакая революция не нужна, а социал-демократ, выступавший при нашем первом посещении церкви «Семи сестер» в роли попа, заявлял, что он уже 12 лет состоит в партии и 12 лет борется с оппортунизмом, а муниципальный социализм — это чистой воды оппортунизм.

Английских социалистов в домашнем быту мы знаем мало. Англичане — народ замкнутый. На русскую эмигрантскую бо-

гему они смотрели с наивным удивлением. Помню, как меня допрашивал один английский социал-демократ, с которым мы встретились раз у Тахтаревых: «Неужели вы сидели в тюрьме? Если бы мою жену посадили в тюрьму, я не знаю, что бы сделал! Мою жену!» Всепоглощающее засилье мещанства мы могли наблюдать в семье нашей квартирной хозяйки — рабочей семье, а также на англичанах, дававших нам обменные уроки. Тут мы власть изучили всю бездонную пошлость английского мещанского быта. Один из ходивших к нам на урок англичан, заведовавший крупным книжным складом, утверждал, что он считает, что социализм — теория, наиболее правильно оценивающая вещи. «Я убежденный социалист, — говорил он, — я даже одно время стал выступать как социалист. Тогда мой хозяин вызвал меня и сказал, что ему социалисты не нужны, и если я хочу остаться у него на службе, то должен держать язык за зубами. Я подумал: социализм придет неизбежно, независимо от того, буду я выступать или нет, а у меня жена и дети. Теперь я уже никому не говорю, что я социалист, но вам-то я могу это сказать».

Этот мистер Раймонд¹, объехавший чуть не всю Европу, живший в Австралии, еще где-то, проведший в Лондоне долгие годы, и половины того не видал, что успел наглядеть в Лондоне Владимир Ильич за год своего пребывания там. Ильич затащил его однажды в Уайтчепль на какой-то митинг. Мистер Раймонд, как и громадное большинство англичан, никогда не бывал в этой части города, населенной русскими евреями и живущей своей непохожей на жизнь остального города жизнью, и всему удивлялся.

По нашему обыкновению мы шатались и по окрестностям города. Чаще всего ездили на так называемый Prime Rose Hill. Это был самый дешевый конец — вся прогулка обходилась шесть пенсов. С холма виден был чуть не весь Лондон — задымленная громада. Отсюда пешком уходили уже подальше на лоно природы — в глубь парков и зеленых дорог. Любили мы ездить на Prime Rose Hill и потому, что там близко было кладбище, где похоронен Маркс. Туда ходили.

В Лондоне мы встретились с членом нашей питерской группы — Аполлинарией Александровной Якубовой. В питерские времена она была очень активным работником, ее очень все ценили и любили, а я была еще связана с ней совместной работой в вечерне-воскресной школе за Невской заставой и общей дружбой с Лидией Михайловной Книпович. После ссылки, откуда она бежала, Аполлинария вышла замуж за Тахтарева, бывшего редактора «Рабочей мысли». Они жили теперь в эмиграции, в Лондоне, в стороне от работы. Аполлинария очень обрадо-

¹ Кроме мистера Раймонда (Реймента) В. И. Лепин занимался с конторским служащим Вильямсом и рабочим Йонгом. *Ред.*

валась нашему приезду. Тахтаревы взяли нас под свою опеку, помогли нам устроиться дешево и сравнительно удобно. С Тахтаревыми мы все время виделись, но так как мы избегали разговоров о рабочемысленстве, то в отношениях была известная натянутость. Раза два взрывало. Объяснялись. В январе 1903 года, кажется, Тахтаревы (Тары) официально заявили о своем сочувствии направлению «Искры».

Скоро должна была приехать моя мать, и мы решили устроиться по-семейному: нанять две комнаты и кормиться дома, так как ко всем этим «бычачьим хвостам», жареным в жиру скатам, кэксам российские желудки весьма мало приспособлены, да и жили мы в это время на казенный счет, так приходилось беречь каждую копейку, а своим хозяйством жить было дешево.

В смысле конспиративном устроились как нельзя лучше. Документов в Лондоне тогда никаких не спрашивали, можно было записаться под любой фамилией.

Мы записались Рихтерами. Большим удобством было и то, что для англичан все иностранцы на одно лицо, и хозяйка так все время и считала нас немцами.

Скоро приехали Мартов и Вера Ивановна¹ и поселились вместе с Алексеевым коммуной в одном из более напоминавших европейские домов поблизости от нас. Владимир Ильич сейчас же устроился работать в Британском музее.

Он обычно уходил туда с утра, а ко мне с утра приходил Мартов, мы с ним разбирали почту и обсуждали ее. Таким образом Владимир Ильич был избавлен от доброй доли так утомлявшей его сутолоки.

С Плехановым конфликт кое-как закончился. Владимир Ильич уехал на месяц в Бретань повидаться с матерью и Анной Ильиничпой, пожить с ними у моря². Море, с его постоянным движением и безграничным простором, он очень любил, у моря отдыхал.

В Лондон сразу же стал приезжать к нам народ. Приехала Инна Смидович — Димка, вскоре уехавшая в Россию. Приехал и ее брат Петр Гермогенович, который по инициативе Владимира Ильича был окрещен Матрелой. Перед тем он долго сидел. Выйдя из тюрьмы, он стал горячим искровцем. Он считал себя большим специалистом по смыванию паспортов — якобы надо было смывать потом, и в коммуне одно время все столы стояли вверх дном, служба прессом для смываемых паспортов. Вся эта техника была весьма первобытна, как и вся наша тогдашняя конспирация. Перечитывая сейчас переписку с Россией, диву даешься наивности тогдашней конспирации. Все эти письма о

¹ Засулич. *Ред.*

² В. И. Ленин с родными жил в Логиви (северный берег Франции) со второй половины июня по 12(25) июля 1902 года. *Ред.*

посовых платках (паспорта), ворящемся пиве, теплом мехе (нелегальной литературе), все эти клички городов, начинающих с той буквы, с которой начиналось пазвание города (Одесса — Осип, Тверь — Терентий, Полтава — Петя, Псков — Паша и т. д.), вся эта замена мужских имен женскими и наоборот, — все сие было до крайности прозрачно, шито белыми нитками. Тогда это не казалось таким наивным, да и все же до некоторой степени путало следы. Первое время не было такого обилия провокаторов, как позднее. Люди были все надежные, хорошо знавшие друг друга. В России работали агенты «Искры», им доставлялась литература из-за границы — «Искра» и «Заря», брошюры, — они заботились о том, чтобы искровская литература перепечатывалась в нелегальных типографиях, распространяли искровскую литературу по комитетам, заботились о доставке «Искре» корреспонденций и о том, чтобы держать «Искру» в курсе всей ведущейся в России нелегальной работы, собирали на нее деньги. В Самаре (у Соши) жили Грызуны — Кржижановские, Глеб Максимилианович — Клэр и Зинаида Павловна — Улитка. Там же жила Мария Ильинична — Медвежонок. В Самаре сразу образовалось нечто вроде центра. У Кржижановских особая способность группировать около себя публику. Ленгник — Курц поселился на юге, жил одно время в Полтаве (у Пети), потом в Киеве. В Астрахани жила Лидия Михайловна Книпович — Дяденька. В Пскове жил Лепешинский — Лапоть и Любовь Николаевна Радченко — Паша. Степан Иванович Радченко к этому времени замучился окончательно и ушел от нелегальной работы, зато непокладая рук работал на «Искру» брат Степана Ивановича — Иван Иванович (он же Аркадий, он же Касьян). Он был разъездным агентом. Таким же агентом, развозившим по России «Искру», был Сильвин (Бродяга). В Москве работал Бауман (он же Виктор, Дерево, Грач) и тесно связанный с ним Иван Васильевич Бабушкин (он же Богдан). К числу агентов относилась и тесно связанная с питерской организацией Елена Дмитриевна Стасова — Гуца, она же Абсолют, а также Глафира Ивановна Окулова, после провала Баумана поселившаяся под именем Зайчик в Москве (у Старухи). Со всеми ними «Искра» вела активную переписку. Владимир Ильич просматривал каждое письмо. Мы знали очень подробно, кто из агентов «Искры» что делает, и обсуждали с ними всю их работу; когда между ними рвались связи, — связывали их между собою, сообщали о провалах и пр.

На «Искру» работала типография в Баку. Работа велась при условиях строжайшей конспирации; там работали братья Енукидзе, руководил делом Красин (Лошадь). Типография называлась Нина. Потом на севере, в Новгороде, пробовали завести другую типографию — Акулину. Она очень быстро провалилась.

Прежняя нелегальная типография в Кишиневе, которой за-

ведовал Аким (Леон Гольдман), к лондонскому периоду уже провалилась.

Транспорт шел через Вильно (через Груню).

Питерцы пробовали наладить транспорт через Стокгольм. Об этом транспорте, функционировавшем под названием пиво, была бездна переписки, мы слали на Стокгольм литературу пудами, нас извещали, что пиво получено. Мы были уверены, что получено в Питере, и продолжали слать на Стокгольм литературу. Потом, в 1905 году, возвращаясь через Швецию в Россию, мы узнали, что пиво находится все еще в пивоварне, попросту говоря, в стокгольмском Народном доме, где нашей литературой был завален целый подвал.

«Малые бочки» посылались через Варде; раз, кажись, была получена посылка, потом что-то расстроилось. В Марселе поселили Матрену. Она должна была наладить транспорт через поваров, служивших на пароходах, ходивших в Батум. В Батуме прием литературы наладили Лошади — бакинцы. Впрочем, большинство литературы выброшено было в море (литература заворачивалась в брезент и выбрасывалась на условленном месте в воду, наши ее выуживали). Михаил Иванович Калинин, работавший тогда на заводе в Питере и входивший в организацию, через Гушу передал адрес в Тулон, какому-то матросу. Возили литературу через Александрию (Египет), налаживали транспорт через Персию. Затем налажен был транспорт через Каменец-Подольск, через Львов. Ели все эти транспорты уймищу денег, энергии, работа в них сопряжена была с большим риском, доходило, вероятно, не больше одной десятой всего посылаемого. Посылали еще в чемоданах с двойным дном, в переплетах книг. Литература моментально расхватывалась.

Особенный успех имело «Что делать?». Оно отвечало на ряд самых насущных, назревших вопросов. Все очень остро чувствовали необходимость конспиративной, планомерно работающей организации.

В июне 1902 года в Белостоке состоялась организованная Бундом (Борисом) конференция, которая вся провалилась, кроме петербургского делегата. В связи с ней провалились Бауман и Сильвин. На этой конференции решено было образовать организационный комитет по созыву съезда. Дело, однако, затянулось. Нужно было представительство от местных организаций, но они носили еще крайне неоформленный, неоднородный характер. В Питере, например, организация делилась на рабочий комитет (Маня) и интеллигентский (Ваня). Рабочий комитет должен был по преимуществу вести экономическую борьбу, интеллигентский — вести высокую политику. Впрочем, эта высокая политика была довольно-таки мелкотравчатая и больше напоминала либеральную политику, чем революционную. Такая структура выросла на почве «экономизма»: принципиально раз-

битый наголову «экономизм» прочно держался еще на местах. «Искра» по достоинству оценила значение такой структуры. Особая роль в борьбе за правильную структуру организаций принадлежит Владимиру Ильичу. Его «Письмо к Ереме», или, как оно называлось в литературе, «Письмо к товарищу»¹ (о нем скажу дальше), сыграло исключительную роль в деле организации партии. Оно помогло орабочению партии, втягиванию в разрешение всех жгучих вопросов политики рабочих, разбило ту стену, которая была воздвигнута рабочедельцами между рабочим и интеллигентом. Зимой 1902/03 года в организациях была отчаянная борьба направлений, искровцы завоевывали постепенно положение, но бывало и так, что их вышибали.

Владимир Ильич направлял борьбу искровцев, предостерегая их от упрощенного понимания централизма, борясь со склонностью видеть в каждой живой самостоятельной работе кустарничество. Вся эта работа Владимира Ильича, так глубоко повлиявшая на качественный состав комитетов, мало известна молодежи, а между тем именно она определила лицо нашей партии, заложила основы ее теперешней организации.

Рабочедельцы-экономисты были особенно озлоблены на эту борьбу, лишавшую их влияния, и негодовали на «комапдование» со стороны заграницы. Для переговоров по организационным вопросам 6 августа приехал из Питера тов. Краснуха — с паролем: «Читали ли вы «Гражданин» № 47?» С тех пор он пошел у нас под кличкой Гражданин. Владимир Ильич много говорил с ним о питерской организации, ее структуре. В совещании принимали участие и П. А. Красиков (он же Музыкант, Шпилька, Игнат, Панкрат) и Борис Николаевич (Носков). Из Лондона Гражданина отправили в Женеву потолковать с Плехановым и окончательно обмыслить. Через пару недель пришло письмо из Питера от Еремы, высказывавшего свои соображения о том, как должна быть организована работа на местах. Не видно было по письму, был ли Ерема отдельный пропагандист или группа пропагандистов. Но это было неважно. Владимир Ильич стал обдумывать ответ. Ответ разросся в брошюру «Письмо к товарищу». Оно было сначала отпечатано на гектографе и распространено, а затем, в июне 1903 года, издано нелегально Сибирским комитетом:

В начале сентября 1902 года приехал Бабушкин, бежавший из скатеринославской тюрьмы. Ему и Горовицу помогли бежать из тюрьмы и перейти границу какие-то гимназисты, выкрасили ему волосы, которые скоро превратились в малиновые, обрашавшие на себя всеобщее внимание. И к нам он приехал малиновый. В Германии попал в лапы к комиссионерам, и еле-еле удалось ему избавиться от отправки в Америку. Поселили мы

¹ См. настоящий том, с. 236, примечание 2. *Ред.*

его в коммуны, где он и прожил все время своего пребывания в Лондоне. Бабушкин за это время страшно вырос в политическом отношении. Это уже был закаленный революционер, с самостоятельным мнением, перевидавший массу рабочих организаций, которому нечего было учиться, как подходить к рабочему,— сам рабочий. Когда он пришел несколько лет перед тем в воскресную школу, это был совсем неопытный парень. Помню такой эпизод. Был он в группе сначала у Лидии Михайловны Книпович. Был урок родного языка, подбирали какие-то грамматические примеры. Бабушкин написал на доске: «У нас на заводе скоро будет стачка». После урока Лидия отозвала его в сторону и наворчала на него: «Если хотите быть революционером, нельзя рисоваться тем, что ты революционер, надо иметь выдержку» и т. п. Бабушкин покраснел, но потом смотрел на Лидию как на лучшего друга, часто советовался с ней о делах и как-то по-особенному говорил с ней.

В то время в Лондон приехал Плеханов. Было устроено заседание совместно с Бабушкиным. Речь шла о русских делах. У Бабушкина было свое мнение, которое он защищал очень твердо, и так держался, что стал импонировать Плеханову. Георгий Валентинович стал внимательнее в него вглядываться. О своей будущей работе в России Бабушкин говорил, впрочем, только с Владимиром Ильичем, с которым был особенно близок. Еще помню один маленький, но характерный эпизод. Дня через два после приезда Бабушкина, придя в коммуны, мы были поражены царившей там чистотой — весь мусор был прибран, на столах постланы газеты, пол подметен. Оказалось, порядок водворил Бабушкин. «У русского интеллигента всегда грязь — ему прислуга нужна, а сам он за собой прибирать не умеет», — сказал Бабушкин.

Он скоро уехал в Россию. Потом мы его уже не видали. В 1906 году он был захвачен в Сибири с транспортом оружия и вместе с товарищами расстрелян у открытой могилы.

Еще до отъезда Бабушкина приехали в Лондон бежавшие из киевской тюрьмы искровцы — Бауман, Крохмаль, Блюменфельд, повезший в Россию чемодан с литературой, провалившийся на границе с чемоданом и адресами и потом отвезенный в киевскую тюрьму, Валлах (Литвинов, Палаша), Тарсис (он же Пятница).

Мы знали, что готовится в Киеве побег из тюрьмы. Дейч, только что появившийся на горизонте, спец по побегам, знавший условия киевской тюрьмы, утверждал, что это невозможно. Однако побег удался. С воли переданы были веревки, якорь, паспорта. Во время прогулки связали часового и надзирателя и перелезли через стену. Не успел бежать только последний по очереди — Сильвин, державший надзирателя.

Несколько дней проšli как в чаду.

В половине августа пришло письмо из редакции «Южного рабочего», популярного нелегального рабочего органа, сообщившее о провалах на Юге и о том, что редакция желает вступить с организацией «Искры» и «Зари» в самые тесные сношения и заявляет о своей солидарности во взглядах. Это, конечно, было большим шагом вперед в деле объединения сил. Однако в следующем письме «Южный рабочий» выражал недовольство резкостью полемики «Искры» с либералами. Затем началась речь о том, что литературная группа «Южного рабочего» должна и впредь сохранить свою самостоятельность и т. д. Чувствовалось, что не все договаривается до конца.

Самарцы выяснили путем переговоров, что у «Южного рабочего» была: 1) недооценка крестьянского движения, 2) недовольство резкостью полемики с либералами и 3) желание остаться обособленной группой и издавать свой орган, популярный.

В начале октября в Лондон приехал бежавший из Сибири Троцкий. Он считал себя тогда искровцем. Владимир Ильич приглядывался к нему, много расспрашивал его про впечатления от русской работы. Троцкого звали на работу в Россию, но Владимир Ильич считал, что ему надо остаться за границей, подучиться и помогать работе «Искры». Троцкий поселился в Париже.

Приехала из ссылки в Олекме Екатерина Михайловна Александрова (Жак). Раньше она была видной народоволкой, и это наложило на нее определенную печать. Она не походила на наших пылких, растрепанных девиц, вроде Димки, была очень выдержанна. Теперь она была искровкой; то, что она говорила, было умно.

К старым революционерам, к народовольцам, Владимир Ильич относился с уважением.

Когда приехала Екатерина Михайловна, на отношение к ней Владимира Ильича не осталось без влияния то, что она бывшая народоволка, а вот перешла к искровцам. Я и совсем смотрела на Екатерину Михайловну снизу вверх. Перед тем как стать окончательно социал-демократкой, я пошла к Александровым (Ольмидским) просить кружок рабочих. На меня произвела тогда колоссальное впечатление скромная обстановка, всюду наваленные статистические сборники, молча сидевший в глубине комнаты Михаил Степанович и горячие речи Екатерины Михайловны, убеждавшей меня стать народоволкой. Я рассказывала об этом Владимиру Ильичу перед приездом Екатерины Михайловны. У нас началась полоса увлечения ею. У Владимира Ильича постоянно бывали такие полосы увлечения людьми. Подметит в человеке какую-нибудь ценную черту и вцепится в него. Екатерина Михайловна поехала из Лондона в Париж. Искровкой она оказалась не очень стойкой — на II партийном

съезде не без ее участия плелась сеть оппозиции против «захватнических» намерений Ленина, потом она была в примиренческом ЦК, потом сошла с политической сцены.

Из приезжавших в Лондон из России товарищей помню еще Бориса Гольдмана — Адель и Доливо-Добровольского — Дно.

Бориса Гольдмана я еще знала по Питеру, где он работал по «технике», печатая листки «Союза борьбы». Человек чрезвычайно колеблющийся, в то время он был искровцем. Дно поражал своей тихостью. Сидит, бывало, тихо, как мышь. Он вернулся в Питер, но скоро сошел с ума, а потом, выздоровев наполовину, застрелился. Трудна тогда была жизнь нелегала, не всякий мог ее вынести.

Всю зиму шла усиленная работа по подготовке съезда. В ноябре 1902 года конституировался Организационный комитет по подготовке съезда (в ОК вошли представители «Южного рабочего», «Северного союза», Красуха, И. И. Радченко, Красилов, Ленгник, Кржижановский; Бунд вначале воздержался от вхождения).

Название «Организационный» соответствовало сути дела. Без ОК никогда не удалось бы созвать съезда. Нужно было при труднейших полицейских условиях произвести сложную работу по увязке организационной и идейной только еще оформившихся и продолжавших оформляться коллективов, по увязке мест с границей. Вся работа по сношениям с ОК в подготовке съезда фактически легла на Владимира Ильича. Потресов был болен, его легкие не были приспособлены к лондонским туманам, и он где-то лечился. Мартов тяготился Лондоном, его замкнутой жизнью и, поехав в Париж, застрял там. Должен был жить в Лондоне Дейч, бежавший с каторги старый член группы «Освобождение труда». Группа «Освобождение труда» надеялась на него как на крупного организатора. «Вот придет Женька (кличка Дейча), — говорила Вера Ивановна, — он наладит все сношения с Россией как нельзя лучше». На него надеялись и Плеханов и Аксельрод, считая, что это будет их представитель в редакции «Искры», который за всем будет следить. Однако, когда приехал Дейч, оказалось, что долгие годы оторванности от русских условий наложили на него свой отпечаток. Для сношений с Россией он оказался совершенно неприспособленным, не знал новых условий, его тянуло на людей, он вошел в Заграничную лигу русских социал-демократов, повел широкие сношения с заграничными колониями и тоже вскоре уехал в Париж.

Постоянно жила в Лондоне Вера Ивановна, она охотно слушала рассказы о русской работе, но сама вести сношения с Россией не могла, не умела. Все легло на Владимира Ильича. Переписка с Россией ужасно трепала ему нервы. Ждать неделями, месяцами ответов на письма, ждать постоянно провала всего дела, постоянно пребывать в неизвестности, как развер-

тывается дело, — все это как нельзя менее соответствовало характеру Владимира Ильича. Его письма в Россию переполнены просьбами писать аккуратно: «Еще раз: усердно и настоятельно просим и молим Женю¹ писать нам чаще и подробнее, в частности немедленно, непременно в тот же день, как получится письмо, известить нас хоть парой строк о получении...»² Переполнены письма просьбами действовать скорее. Ночи не спал Ильич после каждого письма из России, сообщавшего о том, что «Соня молчит, как убитая», или что «Зарин вовремя не вошел в комитет», или что «нет связи со Старухой». Остались у меня в памяти эти бессонные ночи. Владимир Ильич страстно мечтал о создании единой сплоченной партии, в которой растворились бы все обособленные кружки со своими основывавшимися на личных симпатиях и антипатиях отношениями к партии, в которой не было бы никаких искусственных перегородок, в том числе и национальных. Отсюда борьба с Бундом. Бунд в то время в своем большинстве стоял на рабочедельской точке зрения. И Владимир Ильич не сомневался, что, если Бунд войдет в партию и сохранит только автономию в своих чисто национальных делах, ему неминуемо придется идти в погу с партией. А Бунд хотел сохранить за собой полную самостоятельность во всех вопросах, он говорил о своей, особой от РСДРП, политической партии, он соглашался примкнуть лишь на федеративных началах. Такая тактика была убийственна для еврейского пролетариата. В одиночку еврейский пролетариат не мог никогда победить. Только слившись с пролетариатом всей России, мог он стать силой. Бундовцы этого не понимали. И потому редакция «Искры» вела с Бундом яркую борьбу. Это была борьба за единство, за сплоченность рабочего движения. Борьбу вела вся редакция, но бундовцы знали, что самым страстным сторонником борьбы за единство является Владимир Ильич³.

¹ *Женя* — конспиративное название группы «Южный рабочий». *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 252. *Ред.*

³ Н. К. Крупская в своих воспоминаниях, напечатанных 16 апреля 1925 года в газете «Правда» № 87, пишет: «Стремление группы «Освобождение труда» поставить для надзора за сношениями с Россией Дейча потерпело окончательный крах после того, как Лев Григорьевич от имени заграничного отдела ОК, ведавший лишь заграничными колониями, куда входили и представители «Рабочего дела» и Бунд, составил письмо ОК к организациям на местах с просьбой сноситься не через редакцию «Искры», а непосредственно с ЗОК по вопросам съезда, широко раздать адрес ЗОК и т. д. Это было такое нарушение самой элементарной конспирации, что приходилось только руками разводиться. Я укоряла Веру Ивановну: «Что ж, Ваш практик-то хваленый, ахнул». Вера Ивановна говорила: «Да-а-а», и при этом мимика ее была очень выразительна. «Раньше он, знаете, очень умел налаживать», — оправдывалась она. Кроме недостатка конспирации заявление говорило о недостатке доверия к части редакции, которая вела переписку с Россией, представляло собою наивную попытку организовать контроль. Такое отношение не могло не волновать». *Ред.*

Вскоре группа «Освобождение труда» вновь поставила вопрос о переезде в Женеву, и на этот раз уже один только Владимир Ильич голосовал против переезда туда. Начали собираться. Нервы у Владимира Ильича так разгулялись, что он заболел тяжелой нервной болезнью «священный огонь», которая заключается в том, что воспаляются кончики грудных и спинных нервов.

Когда у Владимира Ильича появилась сыпь, взялась я за медицинский справочник. Выходило, что по характеру сыпи это — стригущий лишай. Тахтарев — медик не то четвертого, не то пятого курса — подтвердил мои предположения, и я вымазала Владимира Ильича йодом, чем причинила ему мучительную боль. Нам и в голову не приходило обратиться к английскому врачу, ибо платить надо было гинею. В Англии рабочие обычно лечатся своими средствами, так как доктора очень дороги. Дорогой в Женеву Владимир Ильич метался, а по приезде туда свалился и пролежал две недели.

Из работ, которые не первировали Владимира Ильича в Лондоне, а дали ему известное удовлетворение, было писание брошюры «К деревенской бедноте»¹. Крестьянские восстания 1902 года привели Владимира Ильича к мысли о необходимости написать брошюру для крестьян. В ней он растолковывал, чего хочет рабочая партия, объяснял, почему крестьянской бедноте надо идти с рабочими. Это была первая брошюра, в которой Владимир Ильич обращался к крестьянству.

ЖЕНЕВА

1903 год

В апреле 1903 года мы переехали в Женеву.

В Женеве мы поселились в пригороде, в рабочем поселке Séchéron, — целый домишко заняли: впизу большая кухня с каменным полом, наверху три маленьких комнаточки. Кухня была у нас и приемной. Недостаток мебели пополнялся ящиками из-под книг и посуды. Игнат (Красиков) в шутку назвал как-то нашу кухню «притоном контрабандистов». Толчея у нас сразу образовалась непотолченная. Когда надо было с кем потолковать в особицу, уходили в рядом расположенный парк или на берег озера.

Попеменно стали съезжаться делегаты. Приехали Дементьевы. Костя (жена Дементьева) прямо поразила Владимира Ильича своими познаниями транспортного дела. «Вот это па- стоящий транспортер! — повторял он, — вот это дело, а не болтовня». Приехала Любовь Николаевна Радченко, с которой мы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 129—203. *Ред.*

лично были очень близко связаны, разговорам не было конца. Потом приехали ростовские делегаты — Гусев и Локерман, затем Землячка, Шотман (Берг), Дяденька, Юноша (Дмитрий Ильич). Каждый день кто-нибудь приезжал. С делегатами толковали по вопросам программы, Бунда, слушали их рассказы. У нас постоянно сидел Мартов, не устававший говорить с делегатами.

Надо было осветить делегатам позицию «Южного рабочего», который, прикрываясь фирмой популярной газеты, хотел сохранить для себя право на обособленное существование. Надо было выяснить, что при условии нелегального существования популярная газета не может стать массовой, не может рассчитывать на массовое распространение.

В редакции «Искры» пошли всякие недоразумения. Положение стало невыносимым. Делилась редакция обычно на две тройки: Плеханов, Аксельрод, Засулич — с одной стороны, Ленин, Мартов, Потресов — с другой. Владимир Ильич внес опять предложение, которое он вносил уже в марте, о кооптации в редакцию седьмого члена. Временно, до съезда, кооптировали Красикова: надо было иметь в редакции седьмого. В связи с этим Владимир Ильич стал обдумывать вопрос о тройке. Это был очень большой вопрос, и с делегатами об этом не говорилось. О том, что редакция «Искры» в ее прежнем составе стала нероботоспособной, об этом слишком тяжело было говорить.

Приехавшие жаловались на членов ОК: одного обвиняли в резкости, халатности, другого — в пассивности, мелькало недовольство тем, что «Искра»-де стремится слишком командовать, но казалось, что разногласий нет и что после съезда дела пойдут прекрасно.

Делегаты съезжались, не приехали только Клэр и Курц.

ВТОРОЙ СЪЕЗД ИЮЛЬ — АВГУСТ 1903 года

Первоначально съезд предполагалось устроить в Брюсселе, там и происходили первые заседания. В Брюсселе жил в то время Кольцов — старый плехановец. Он взял на себя устройство всего дела. Однако устроить съезд в Брюсселе оказалось не так-то легко. Явка была назначена у Кольцова. Но после того как к нему пришло штуки четыре россиян, квартирная хозяйка заявила Кольцовым, что больше она этих хождений не потерпит и если придет еще хоть один человек, пусть они немедленно же съезжают с квартиры. И жена Кольцова стояла целый день на углу, перехватывала делегатов и направляла их в социалистическую гостиницу «Золотой петух» (так она, кажись, называлась).

Делегаты шумным лагерем расположились в этом «Золотом петухе», а Гусев, хватив рюмочку коньяку, таким могучим голо-

сом пел по вечерам оперные арии, что под окнами отеля собиралась толпа (Владимир Ильич очень любил пение Гусева, особенно «Нас венчали не в церкви»).

Со съездом переконспирировали. Бельгийская партия придумала для ради конспирации устроить съезд в громадном мучном складе. Своим вторжением мы поразили не только крыс, но и полисменов. Заговорили о русских революционерах, собирающихся на какие-то тайные совещания.

На съезде было 43 делегата с решающим голосом и 14 — с совещательным. Если сравнить этот съезд с теперешними, где представлены в лице многочисленных делегатов сотни тысяч членов партии, он кажется маленьким, но тогда он казался большим: на I съезде в 1898 году было всего ведь 9 человек... Чувствовалось, что за 5 лет порядочно ушли вперед. Главное, организации, от которых приехали делегаты, не были уже полумифическими, они были уже оформлены, они были связаны с начинавшим широко развертываться рабочим движением.

Как мечтал об этом съезде Владимир Ильич! Всю жизнь — до самого конца — он придавал партийным съездам исключительно большое значение; он считал, что партийный съезд — это высшая инстанция, на съезде должно быть отброшено все личное, ничто не должно быть затушевано, все сказано открыто. К партийным съездам Ильич всегда особенно тщательно готовился, особенно заботливо обдумывал к ним свои речи. Теперешняя молодежь, которая не знает, что значит годами ждать возможности обсудить сообща, со всей партией в целом, самые основные вопросы партийной программы и тактики, которая не представляет себе, с какими трудностями связан был созыв нелегального съезда в те времена, вряд ли поймет до конца это отношение Ильича к партийным съездам.

Так же страстно, как Ильич, ждал съезда и Плеханов. Он открывал съезд. Большое окно мучного склада около импровизированной трибуны было завешено красной материей. Все были взволнованы. Торжественно звучала речь Плеханова, в ней слышался неподдельный пафос. И как могло быть иначе! Казались, долгие годы эмиграции уходили в прошлое, он присутствовал, он открывал съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

По существу дела, II съезд был учредительным. На нем ставились коренные вопросы теории, закладывался фундамент партийной идеологии. На I съезде было принято только название партии и манифест о ее образовании. Вплоть до II съезда программы у партии не было. Редакция «Искры» эту программу подготовила. Долго обсуждалась она в редакции. Обосновывалось, взвешивалось каждое слово, каждая фраза, шли горячие споры. Между мюнхенской и швейцарской частью редакции месяцами велась переписка о программе. Многим практикам каза-

лось, что эти споры носят чисто кабинетный характер, и что совсем не важно, будет стоять в программе какое-нибудь «более или менее», или его стоять не будет.

Мы вспоминали однажды с Владимиром Ильичем одно сравнение, приведенное где-то Л. Толстым: идет он и видит издали — сидит человек на корточках и машет как-то нелепо руками; он подумал — сумасшедший, подошел ближе, видит — человек пож о тротуар точит. Так бывает и с теоретическими спорами. Слушать со стороны: зря люди препираются, выкинуть в суть — дело касается самого существенного. Так и с программой было.

Когда в Женеву стали съезжаться делегаты, больше всего, детальнее всего с ними обсуждался вопрос о программе. На съезде этот вопрос прошел наиболее гладко.

Другой вопрос громадной важности, обсуждавшийся на II съезде, был вопрос о Бунде. На I съезде было постановлено, что Бунд составляет часть партии, хотя и автономную. В течение пяти лет, которые прошли со времени I съезда, партии как единого целого, в сущности, не было, и Бунд вел обособленное существование. Теперь Бунд хотел закрепить эту обособленность, установив с РСДРП лишь федеративные отношения. Подкладка этого заключалась в том, что Бунд, отражая настроение ремесленников еврейских местечек, гораздо больше интересовался борьбой экономической, чем политической, и потому гораздо больше симпатизировал «экономистам», чем «Искре». Вопрос шел о том, быть ли в стране единой сильной рабочей партии, тесно сплачивающей вокруг себя рабочих всех национальностей, проживающих на территории России, или же быть в стране несколькими обособленными по национальности рабочим партиям. Вопрос шел об интернациональном сплочении внутри страны. Редакция «Искры» стояла за интернациональное сплочение рабочего класса, Бунд — за национальную обособленность и лишь дружественные договорные отношения между национальными рабочими партиями России.

Вопрос о Бунде также детально обсуждался с приехавшими делегатами и также решен был в духе «Искры» громадным большинством.

Позднее факт раскола заслонил перед многими те громадной важности принципиальные вопросы, которые были поставлены и разрешены на II съезде. Владимир Ильич во время обсуждения этих вопросов чувствовал особую близость к Плеханову. Речь Плеханова о том, что основным демократическим принципом должно являться положение: «высший закон — благо революции» и что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения этого основного принципа, произвела на Владимира Ильича глубокое впечатление. Он вспоминал о ней, когда 14 лет спустя перед большевиками встал во весь рост вопрос о роспуске Учредительного собрания.

И другая речь Плеханова — о значении народного образования, о том, что оно есть «гарантия прав пролетариата», была созвучна с мыслями Владимира Ильича.

Плеханов на съезде тоже чувствовал близость к Ленину.

Отвечая Акимову, ярому рабочедельцу, жаждавшему посеять рознь между Плехановым и Лениным, Плеханов шутил говорил: «У Наполеона была страстишка разводить своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона, — он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, и он не намерен разводиться со мной». Владимир Ильич смеялся и отрицательно качал головой.

При обсуждении первого пункта порядка дня (о конституировании съезда), по вопросу приглашения представителя группы «Борьба» (Рязанов, Невзоров, Гуревич), неожиданно разыгрался инцидент. ОК пожелал выступить на съезде с особым мнением. Дело было вовсе не в группе «Борьба», а в том, что ОК попытался связать своих членов особой дисциплиной — перед лицом съезда. ОК захотел выступить как группа, предварительно решающая в своей среде, как надо голосовать, и выступающей на съезде как группа. Таким образом, высшей инстанцией для члена съезда являлась бы группа, а не сам съезд. Владимир Ильич вскипел прямо от возмущения. Но не только он поддержал Павловича (Красикова), восставшего против такой попытки, поддержали его и Мартов и другие. Хотя ОК был съездом распущен, однако инцидент был знаменателен и предвещал всяческие осложнения. Впрочем, временно инцидент отодвинулся на задний план, поскольку на первый план выдвинулись вопросы колоссальной принципиальной важности — вопрос о месте Бунда в партии и вопрос о программе. По вопросу о Бунде и редакция «Искры», и ОК, и делегаты с мест выступили очень дружно. Представитель «Южного рабочего», член ОК Егоров (Левин), также со всей решительностью выступал против Бунда. Плеханов во время перерыва говорил ему всяческие комплименты, говорил, что его речь надо-де «распубликовать по всем коммунам». Бунд клали на обе лопатки. Прочно устанавливалось положение, что национальные особенности не должны мешать единству партийной работы, монолитности социал-демократического движения.

Тем временем пришлось перебираться в Лондон. Брюссельская полиция стала придираться к делегатам и выслала даже Землячку и еще кого-то. Тогда снялись все. В Лондоне устройству съезда всячески помогли Тахтаревы. Полиция лондонская не чинила препятствий.

Продолжал обсуждаться вопрос о Бунде. Затем, пока подрабатывался в комиссии вопрос о Программе, перешли к четвертому пункту порядка дня, к вопросу об утверждении Центрального Органа. Таковым — при возражениях со стороны рабочедельцев — единодушно признана была «Искра». «Искру» горячо приветствовали. Даже представитель ОК Попов (Розанов) говорил о том, что «вот здесь, на съезде, мы видим единую партию, созданную в значительной степени деятельностью «Искры»». Это было десятое заседание, а их было 37. Над съездом начинали по-немногу скопляться тучи. Предстоял выбор тройки в ЦК. Основного ядра ЦК не было еще налицо. Несомненной была кандидатура Глебова (Носкова), зарекомендовавшего себя как неутомимого организатора. Другой несомненной кандидатурой была бы кандидатура Клэра (Кржижановского), если бы он был на съезде. Но на съезде его не было. За него и за Курца (Ленгника) приходилось голосовать заочно, «по доверию», что было весьма даже неудобно. Между тем на съезде было слишком много «генералов», кандидатов в ЦК. Таковыми были Жак (Штейн — Александрова), Фомин (Крохмаль), Штерн (Костя — Роза Гальберштадт), Попов (Розанов), Егоров (Левин). Все это — кандидаты на два места в цекистскую тройку. Кроме того, все знали друг друга не только как партийных работников, но знали и личную жизнь друг друга. Тут была целая сеть личных симпатий и антипатий. Чем ближе подходили выборы, тем напряженнее становилась атмосфера. Обвинения, бросавшиеся Бундом и «Рабочим делом», в желании командовать, диктовать свою волю из заграничного центра и пр., хотя и встречали дружный отпор вначале, делали свое дело, влияя на центр, на колеблющихся, — может быть, даже помимо их сознания. Боялись командования, чьего? Конечно, не Мартова, Засулич, Старовера и Аксельрода. Боялись командования Ленина и Плеханова. Но знали, что в вопросе о составе, о русской работе будет определять Ленин, а не Плеханов, стоявший в стороне от практической работы.

Съезд утвердил направление «Искры», но предстояло еще утверждать редакцию «Искры».

Владимир Ильич выдвинул проект о том, чтобы редакцию «Искры» составить из трех лиц. Об этом проекте Владимир Ильич ранее сообщил Мартову и Потресову. Мартов отстаивал перед съезжавшимися делегатами редакционную тройку как наиболее деловую. Тогда он понимал, что тройка направлена была главным образом против Плеханова. Когда Владимир Ильич передал Плеханову записку с проектом редакционной тройки, Плеханов не сказал ни слова и, прочитав записку, молча положил ее в карман. Он понял, в чем дело, но шел на это. Раз партия — нужна деловая работа.

Мартов больше всех членов редакции вращался среди членов ОК. Очень скоро его уверили, что тройка направлена против

него и что, если он войдет в тройку, он предаст Засулич, Потресо́ва, Аксельрода. Аксельрод и Засулич волновались до крайности.

В такой атмосфере споры о § 1 Устава приняли особо острый характер. Ленин и Мартов политически и организационно разошлись по вопросу о § 1 партийного Устава. Они нередко расходились и раньше, но раньше эти расхождения происходили в рамках тесного кружка и быстро изживались, теперь разногласия выступили на съезде, и все те, кто имел зуб против «Искры», против Плеханова и Ленина, постарались раздуть расхождения в крупный принципиальный вопрос. На Ленина стали нападать за статью «С чего начать?», за книжку «Что делать?», изображать честолюбцем и пр. Владимир Ильич выступал на съезде резко. В своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад» он писал: «Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов «центра». «Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде!» — жаловался он мне. — «Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..» «Какая прекрасная вещь — наш съезд!» — отвечал я ему. — «Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы намечились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это — жизнь. Это — не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...»

Товарищ из «центра» смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на разных языках¹. В этой цитате весь Ильич.

С самого начала съезда нервы его были напряжены до крайности. Бельгийская работница, у которой мы поселились в Брюсселе, очень огорчалась, что Владимир Ильич не ест той чудесной редиски и голландского сыру, которые она подавала ему по утрам, а ему было и тогда уже не до еды. В Лондоне же он дошел до точки, совершенно перестал спать, волновался ужасно.

Как ни бешено выступал Владимир Ильич в прениях, — как председатель он был в высшей степени беспристрастен, не позволял себе ни малейшей несправедливости по отношению к противнику. Другое дело Плеханов. Он, председательствуя, особенно любил блистать остроумием и дразнить противника.

Хотя громадное большинство делегатов не разошлось по вопросу о месте Бунда в партии, по вопросу о Программе, о признании направления «Искры» своим знаменем, но уже к середине съезда почувствовалась определенная трещина, углубившаяся к концу его. Собственно говоря, серьезных разногласий,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 333, примечание. *Ред.*

мешавших совместной работе, делавших ее невозможной, на II съезде еще не выявилось, они были еще в скрытом состоянии, в потенции, так сказать. А между тем съезд распадался явным образом на две части. Многим казалось, что во всем виноваты нетактичность Плеханова, «бешенство» и честолюбие Ленина, ипильки Павловича, несправедливое отношение к Засулич и Аксельроду, — и они примыкали к обиженным, из-за лиц не замечали сути. В их числе был и Троцкий, превратившийся в ярого противника Ленина. А суть была в том, что товарищи, группировавшиеся около Ленина, гораздо серьезнее относились к принципам, хотели во что бы то ни стало осуществить их, пропитать ими всю практическую работу; другая же группа была более обывательски настроена, склонна была к компромиссам, к принципиальным уступкам, более взирала на лица.

Борьба во время выборов носила крайне острый характер. Осталась в памяти пара предвыборных сенок. Аксельрод корит Баумана (Сорокина) за недостаток якобы нравственного чутья, поминает какую-то ссыльную историю, сплетню. Бауман молчит, и слезы стоят у него на глазах.

И другая сценка. Дейч что-то сердито выговаривает Глебову (Носкову), тот поднимает голову и, блеснув загоревшимися глазами, с досадой говорит: «Помолчали бы вы уж в тряпочку, папаша!»

Съезд кончился. В ЦК выбрали Глебова, Клэра и Курца, причем из 44 решающих голосов 20 воздержалось от голосования, в ЦО выбрали Плеханова, Ленина и Мартова. Мартов от участия в редакции отказался. Раскол был налицо.

ПОСЛЕ ВТОРОГО СЪЕЗДА 1903—1904 годы

В Женеве, куда мы вернулись со съезда, началась тяжелая канитель. Прежде всего хлынула в Женеву эмигрантская публика из других заграничных колоний. Приезжали члены Лиги и спрашивали: «Что случилось на съезде? Из-за чего был спор? Из-за чего раскололись?»

Плеханов, которому страшно надоели эти расспросы, рассказывал однажды: «Приехал NN. Расспрашивает и все повторяет: «Я — как буриданов осел». А я его спрашиваю: «Почему же, собственно, буриданов?..»»

Стали приезжать и из России. Приехал, между прочим, из Питера Ерема, на имя которого Владимир Ильич адресовал год тому назад письмо к питерской организации. Он сразу встал на сторону меньшевиков, зашел к нам. Приняв архитрагический вид, при встрече он воскликнул, обращаясь к Владимиру Ильичу: «Я — Ерема» — и стал говорить о том, что меньшевики

правы... Помню также члена Киевского комитета, который все добивался: какие изменения в технике обусловили раскол на съезде? Я таращила глаза — столь примитивного понимания соотношения между «базой» и «надстройкой» я никогда не видывала, не предполагала никогда даже, что оно может существовать.

Те, кто помогал деньгами, явками и пр., под влиянием агитации меньшевиков отказывали в помощи. Помню, приехала в Женеву к сестре со своей старушкой-матерью одна моя старая знакомая. В детстве мы с ней так чудесно играли в путешественников, в диких, живущих на деревьях, что я ужасно обрадовалась, когда узнала об ее приезде. Теперь это была уже немолодая девушка, совсем чужая. Зашел разговор о помощи, которую их семья всегда оказывала социал-демократам. «Мы не можем вам дать теперь свою квартиру под явки, — заявила она, — мы очень отрицательно относимся к расколу между большевиками и меньшевиками. Эти личные дрязги очень вредно отзываются на деле». Ну уж и посылали же мы с Ильичем ко всем чертям этих «сочувствующих», не входящих ни в какие организации и вообще, ражающих, что они своими явками и грошами могут повлиять на ход дела в нашей пролетарской партии!

Владимир Ильич тотчас же написал в Россию о случившемся Клэру и Курцу. В России ахали, но присоветовать ничего путного не могли, всерьез предлагали, например, вызвать Мартова в Россию, спрятать его где-нибудь в глуши и засадить за писание популярных брошюр. Курца решено было выписать за границу.

После съезда Владимир Ильич не возражал, когда Глебов предложил кооптировать старую редакцию, — лучше уж маяться по-старому, чем раскол. Меньшевики отказались. В Женеве Владимир Ильич пробовал сговориться с Мартовым, писал Потресову, убеждал его, что расходиться не из-за чего. Писал по поводу раскола Владимир Ильич и Калмыковой (Тетке) — рассказывал ей, как было дело. Ему все не верилось, что нельзя было найти выхода. Срывать решения съезда, ставить на карту русскую работу, дееспособность только что сложившейся партии казалось Владимиру Ильичу просто безумием, чем-то совершенно невероятным. Бывали минуты, когда он ясно видел, что разрыв неизбежен. Раз он начал писать Клэру о том, что тот не представляет себе совершенно настоящего положения, надо отдать себе отчет в том, что отношения старые в корне изменились, что старой дружбе с Мартовым теперь конец, о старой дружбе надо забыть, начинается борьба. Этого письма не закончил и не послал Владимир Ильич. Ему чрезвычайно трудно было рвать с Мартовым. Период питерской работы, период работы в старой «Искре» тесно связывал их. Впечатлительный до крайности, Мартов в те времена умел чутко подхватывать мысли Ильича

и талантливо развивать их. Потом Владимир Ильич яростно боролся с меньшевиками, но каждый раз, когда линия Мартова хоть чуточку выпрямлялась, у него просыпалось старое отношение к Мартову. Так было, например, в 1910 году в Париже, когда Мартов и Владимир Ильич работали вместе в редакции «Социал-демократа». Приходя из редакции, Владимир Ильич не раз рассказывал довольным тоном, что Мартов берет правильную линию, выступает даже против Дана. И потом уже в России, как доволен был Владимир Ильич позицией Мартова в июльские дни, не потому, что от этого была польза большевикам, а потому, что Мартов держится с достоинством — так, как подобает революционеру.

Когда Владимир Ильич был уже тяжело болен, он мне как-то грустно сказал: «Вот и Мартов тоже, говорят, умирает».

Большинство делегатов съезда (большевиков) уехало в Россию на работу. Меньшевики уехали не все, напротив, приехал к ним еще Дан. За границей число их сторонников росло.

Большевики, оставшиеся в Женеве, периодически собирались. Самую непримиримую позицию на этих собраниях занимал Плеханов. Он весело шутил и подбадривал публику.

Приехал наконец член ЦК Курц, он же Васильев (Ленгник), и почувствовал себя совершенно придавленным той склокой, которая царил в Женеве. На него навалилась целая куча дел по разбору конфликтов, посылке в Россию людей и т. д.

Меньшевики имели успех у заграничной публики и решили дать бой большевикам, созвав съезд Лиги русских социал-демократов за границей для заслушания доклада делегата Лиги на II съезде, Ленина. В то время в правление Лиги входили Дейч, Литвинов и я. Дейч настаивал на созыве съезда Лиги. Литвинов и я были против, не сомневаясь, что при наличных условиях съезд превратится в сплошной скандал. Тогда Дейч вспомнил, что в правление входят еще Вечеслов, живший в Берлине, и Лейтейзен, живший в Париже. Они фактически последнее время непосредственно в работе правления Лиги не принимали участия, но официально из него не вышли. Привлекли их к голосованию, они голоснули за съезд.

Владимир Ильич перед съездом Лиги, задумавшись, наскал на велосипеде на трамвай и чуть не выбил себе глаз. Повязанный, бледный, ходил он на съезд Лиги. С бешеной ненавистью нападали на него меньшевики. Помню одну дикую сцену — запомнились яростные лица Дана, Крохмаля и др., которые, вскочив, бешено стучали поупитрами.

На съезде Лиги меньшевики были численно сильнее большевиков; кроме того, среди меньшевиков было больше «генералов». Меньшевики приняли такой устав Лиги, который делал из Лиги оплот меньшевизма, обеспечивал меньшевикам свое издательство, делал Лигу независимой от ЦК. Тогда Курц (Ва-

силев) от имени ЦК потребовал изменения устава, а так как Лига этому не подчинилась, то объявил Лигу распущенной.

Плехановские нервы не выдержали скандала, устроенного меньшевиками, он заявил: «Не могу стрелять по своим».

На собрании большевиков Плеханов заявил, что надо идти на уступки. «Бывают моменты,— заявил он,— когда и самодержавие вынуждено делать уступки». «Тогда и говорят, что оно колеблется»,— подала реплику Лиза Кнунянц. Плеханов метнул на нее сердитый взгляд.

Плеханов решил для спасения мира в партии, как он говорил, кооптировать старую редакцию «Искры». Владимир Ильич ушел из редакции, заявив, что он не отказывается от сотрудничества и даже не настаивает на опубликовании об его уходе из редакции. Пусть делает Плеханов попытку помириться, он не станет становиться поперек дороги миру в партии. Незадолго перед тем Владимир Ильич писал в письме к Калмыковой: «Нет хуже тупика, как отход от работы». Уходя из редакции, он ставился на этот путь, он понимал это. Оппозиция потребовала еще кооптации представителей в ЦК, двух мест в Совете¹ и признания законными постановлений съезда Лиги. ЦК согласился двух представителей оппозиции кооптировать в ЦК, передать им одно место в Совете, постепенно реорганизовать Лигу. Мира никакого не получалось. Уступка Плеханова окрылила оппозицию. Плеханов настаивал на уходе из Совета второго представителя ЦК — Ру (Коняга, настоящая фамилия Гальперин), чтобы очистить место меньшевикам. Владимир Ильич долго колебался перед этой новой уступкой. Помню, как мы втроем — Владимир Ильич, Коняга и я — стояли вечером на берегу разбушевавшегося Женевского озера. Коняга уговаривал Владимира Ильича согласиться на его отставку. Наконец Владимир Ильич решился — пошел к Плеханову говорить о том, что Ру выйдет из Совета².

Мартов выпустил брошюру «Осадное положение», паполненную самыми дикими обвинениями. Троцкий также выпустил брошюру «Отчет сибирской делегации», где события освещались

¹ Совет партии (1903—1905) согласно Уставу партии, принятому на II съезде РСДРП, был создан как высшее партийное учреждение, призванное согласовывать и объединять деятельность ЦК и редакции ЦО, восстанавливать ЦК и редакцию ЦО в случае, если выбывает весь состав одного из этих учреждений, а также представлять партию в сношениях с другими партиями. Совет партии состоял из пяти членов. *Ред.*

² Н. К. Крупская в своих воспоминаниях, напечатанных 27 ноября 1925 года в газете «Правда» № 274, пишет: «Вспоминается один разговор с Конягой. Владимира Ильича не было дома, а Коняга развил план: ему и Владимиру Ильичу — отойти окончательно от партийной деятельности и поселиться где-то в предместье Берлина. Уйти от партийной работы... Коняга, как показало дальнейшее,— мог это сделать, Ильич — не мог». *Ред.*

совершенно в мартовском духе, Плеханов изображался пешкой в руках Ленина и т. д.

Владимир Ильич засел за ответ Мартову, за писание брошюры «Шаг вперед, два шага назад», где подробно анализировал события на съезде.

Тем временем в России также шла борьба. Большевистские делегаты делали доклады о съезде. Принятая на съезде программа и большинство резолюций съезда были встречены местными организациями с большим удовлетворением. Тем непонятнее казалась им позиция меньшевиков. Принимались резолюции с требованием подчинения постановлению съезда. Из наших делегатов в этот период особенно энергично работала Дяденька, которая, как старая революционерка, не могла прямо понять, как допустимо такое неподчинение съезду. Она и другие товарищи из России писали ободряющие письма. Комитеты один за другим становились на сторону большинства.

Приехал Клэр. Он не представлял себе той степи, которая уже выросла между большевиками и меньшевиками, и думал, что можно примирить большевиков и меньшевиков, пошел говорить с Плехановым, увидел полную невозможность примирения и уехал в подавленном настроении. Владимир Ильич еще больше помрачнел.

В начале 1904 года приехали в Женеву Циля Зеликсон, представитель питерской организации Барон (Эссеп), рабочий Макарь. Все они были сторонниками большевиков. С ними часто виделся Владимир Ильич. Разговоры шли не только о склоке с меньшевиками, но и о российской работе. Барон, тогда совсем молодой парень, был увлечен питерской работой. «У нас, — говорил он, — теперь организация строится на коллективных началах, работают отдельные коллективы: коллектив пропагандистов, коллектив агитаторов, коллектив организаторов». Владимир Ильич слушал. «Сколько человек у вас в коллективе пропагандистов?» — спросил он. Барон несколько смущенно отвечал: «Пока я один». «Маловато, — заметил Ильич. — А в коллективе агитаторов?» Покраснев до ушей, Барон отвечал: «Пока я один». Ильич неистово хохотал, смеялся и Барон. Ильич всегда какой-нибудь парой вопросов, попадавших в самое больное место, умел из гущи красивых схем, эффектных отчетов вышелушить реальную действительность.

Потом приехал Олимпийский (Мих. Ст. Александров), ставший на сторону большевиков, приехала бежавшая из далекой ссылки Зверь¹.

Зверь, вырвавшаяся из ссылки, на волю, была полна веселой энергией, которой она заражала всех окружающих. Никаких сомнений, никакой нерешительности в ней не было и следа. Она

¹ М. М. Эссеп. *Ред.*

дразнила всякого, кто вешал нос на квинту, кто вздыхал по поводу раскола. Заграничные дрызги как-то не задевали ее. В это время мы придумали устраивать у себя в Сепероне раз в неделю «журфиксы», для сближения большевиков. На этих «журфиксах», однако, настоящих разговоров не выходило, зато очень разгоняли они навеянную всей этой склокой с меньшевиками тоску, и весело было слушать, как залихватски затягивала Зверка какого-нибудь «Ваньку» и подхватывал песню высокий лысый рабочий Егор. Он ходил было поговорить по душам с Плехановым — даже воротнички по этому случаю падел, — пошел он от Плеханова разочарованный, с тяжелым чувством. «Не унывай, Егор, валяй «Ваньку» — наша возьмет», — утешала его Зверка. Ильич веселел: эта залихватость, эта бодрость расценивала его тяжелые пастроения.

Появился на горизонте Богданов. Тогда Владимир Ильич еще мало был знаком с его философскими работами, не знал его совершенно как человека. Было видно, однако, что это работник цекистского масштаба. Он приехал за границу временно, в России у него были большие связи. Кончался период безысходной склоки.

Больше всего было Ильичу тяжело рвать окончательно с Плехановым.

Весной Ильич познакомился со старым революционером народоправцем Натансоном и его женой. Натансон был великолепным организатором старого типа. Он знал массу людей, знал прекрасно цену каждому человеку, понимал, кто на что способен, к какому делу кого можно приставить. Что особенно поразило Владимира Ильича, — он знал прекрасно состав не только своих, но и наших с.-д. организаций, лучше, чем многие наши тогдашние цекисты. Натансон жил в Баку, знал Красина, Постолюковского и др. Владимиру Ильичу показалось, что Натансона можно бы убедить стать социал-демократом. Натансон очень был близок к социал-демократической точке зрения. Потом кто-то рассказывал, как этот старый революционер рыдал, когда в Баку впервые в жизни увидел грандиозную демонстрацию. Об одном не мог Владимир Ильич сговориться с Натансоном. Не согласен Натансон был с подходом социал-демократии к крестьянству. Недели две продолжался роман с Натансоном. Натансон хорошо знал Плеханова, был с ним на «ты». Владимир Ильич разговорился с ним как-то о наших партийных делах, о расколе с меньшевиками. Натансон предложил поговорить с Плехановым. От Плеханова вернулся каким-то растерянным: надо идти на уступки...

Порвался роман с Натансоном. Владимиру Ильичу досадно стало на себя, что он с человеком чужой партии стал говорить о делах социал-демократии, что тот посредником каким-то явился. Досадовал на себя, досадовал на Натансона.

Тем временем ЦК в России вел двойственную примиренческую политику, комитеты стояли за большевиков. Надо было, опираясь на Россию, созвать новый съезд.

В ответ на июльскую декларацию ЦК¹, которая лишала Владимира Ильича возможности защищать свою точку зрения и сноситься с Россией, Владимир Ильич вышел из ЦК, группа большевиков — 22 человека — приняла резолюцию о необходимости созыва III съезда.

Мы с Владимиром Ильичем взяли мешки и ушли на месяц в горы. Сначала пошла было с нами и Зверка, но скоро отстала, сказала: «Вы любите ходить там, где ни одной кошки нет, а я без людей не могу». Мы, действительно, выбирали всегда самые дикие тропинки, забирались в самую глушь, подальше от людей. Пробродяжничали мы месяц: сегодня не знали, где будем завтра, вечером, страшно усталые, бросались в постель и моментально засыпали.

Деньжат у нас было в обрез, и мы питались больше всухомятку — сыром и яйцами, запивая вином да водой из ключей, а обедали лишь изредка. В одном социал-демократическом трактирчике один рабочий посоветовал: «Вы обедайте не с туристами, а с кучерами, шоферами, чернорабочими: там вдвое дешевле и сытнее». Мы так и стали делать. Тянувшийся за буржуазией мелкий чиновник, лавочник и т. п. скорее готов отказаться от прогулки, чем сесть за один стол с прислугой. Это мещанство процветает в Европе вовсю. Там много говорят о демократии, но сесть за один стол с прислугой не у себя дома, а в шикарном отеле — это выше сил всякого выбивающегося в люди мещанина. И Владимир Ильич с особенным удовольствием шел обедать в застольную, ел там с особым аппетитом и усердно похваливал дешевый и сытный обед. А потом мы одевали наши мешки и шли дальше. Мешки были тяжеловаты: в мешке Владимира Ильича уложен был тяжелый французский словарь, в моем — столь же тяжелая французская книга, которую я только что получила для перевода. Однако ни словарь, ни книга ни разу даже не открывались за время нашего путешествия; не в

¹ Так называли резолюцию, принятую примиренческой частью ЦК, проводившей к этому времени меньшевистскую политику, и меньшевиками в отсутствие Ленина. Резолюция содержала 26 пунктов, но из них опубликованы были лишь 9 в № 72 «Искры» от 25 августа 1904 года. В ответе редакции «Искры» Ленину, возмущенному сокрытием от партии решений ее руководящего органа, Плеханов отстаивал мысль, что местные комитеты не должны знать всех подробностей о разногласиях вождей: «Стараться сделать пролетариат судьей в бесчисленных расприх, возникающих между кружками, значит склоняться к самому худшему из всех видов псевдодемократизма» («Искра» № 53 от 25 ноября 1903 года).

Один из пунктов этой декларации гласил: «ЦК решительно высказывается против созыва в настоящее время экстренного съезда, против агитации за этот съезд». Н. К.

словарь смотрели мы, а на покрытые вечным снегом горы, синие озера, дикие водопады.

После месяца такого времяпрепровождения первые у Владимира Ильича пришли в норму. Точно он умылся водой из горного ручья и смыл с себя всю паутину мелкой склоки. Август мы провели вместе с Богдановым, Ольминским, Первухиными в глухой деревушке около озера Lac de Bré. С Богдановым сговорились о плане работы; к литературной работе Богданов наметил привлечь Луначарского, Степанова, Базарова. Наметили издавать свой орган за границей и развивать в России агитацию за съезд¹.

Ильич совсем повеселел, и по вечерам, когда он возвращался домой от Богдановых, раздавался неистовый лай — то Ильич, проходя мимо цепной собаки, дразнил ее.

Осенью, вернувшись в Женеву, мы из предместья Женевы переехали поближе к центру. Владимир Ильич записался в «Société de Lecture»², где была громадная библиотека и прекрасные условия для работы, получалась масса газет и журналов на французском, немецком, английском языках. В этом «Société de Lecture» было очень удобно заниматься, члены общества — по большей части старички-профессора — редко посещали эту библиотеку; в распоряжении Ильича был целый кабинет, где он мог писать, ходить из угла в угол, обдумывать статьи, брать с полки любую книгу. Он мог быть спокоен, что сюда не придет ни один русский товарищ и не станет рассказывать, как меньшевики сказали то-то и то-то и там-то и там-то подложили свинью. Можно было, не отвлекаясь, думать. Подумать было над чем.

Россия начала японскую войну, которая выявляла с особой яркостью всю гнилость царской монархии. В японскую войну пораженцами были не только большевики, но и меньшевики, и даже либералы. Снизу поднималась волна народного возмущения. Рабочее движение вступило в новую фазу. Все чаще и чаще приходили известия о массовых народных собраниях, устраиваемых вопреки полиции, о прямых схватках рабочих с полицией.

Перед лицом нарастающего массового революционного движения мелкие фракционные дрязги уже не волновали так, как волновали еще недавно. Правда, эти дрязги принимали иногда совершенно дикий характер. Например, приехал с Кавказа большевик Васильев и захотел сделать доклад о положении дел в России. Но в начале собрания меньшевики потребовали выборов

¹ В своих воспоминаниях, напечатанных 27 ноября 1925 года в газете «Правда» № 271, Н. К. Крупская добавляет: «Этот план более соответствовал характеру Ильича, чем план, предлагавшийся Конягой». *Ред.*

² «Общество любителей чтения». *Ред.*

президиума, хотя это был простой доклад, на который мог прийти любой член партии, а не организационное собрание. Попытка со стороны меньшевиков превратить каждый доклад в какую-то избирательную схватку была попыткой «демократическим способом» заткнуть рот большевикам. Дело дошло чуть не до рукопашной, до борьбы из-за кассы. В сумятице кто-то издрал даже тальму на Наталье Богдановне (жене Богданова), кто-то кого-то зашиб. Но теперь все это гораздо меньше волновало, чем раньше.

Теперь мысли были в России. Чувствовалась громадная ответственность перед развивающимся там, в Питере, в Москве, в Одессе и пр., рабочим движением.

Все партии — либералы, эсеры — особенно ярко стали выявлять свою настоящую сущность. Выявили свое лицо и меньшевики. Теперь уже ясно стало, что разделяет большевиков и меньшевиков.

У Владимира Ильича была глубочайшая вера в классовый инстинкт пролетариата, в его творческие силы, в его историческую миссию. Эта вера родилась у Владимира Ильича не вдруг, она выковалась в нем в те годы, когда он изучал и продумывал теорию Маркса о классовой борьбе, когда он изучал русскую действительность, когда он в борьбе с мировоззрением старых революционеров научился героизму борцов-одиночек противопоставлять силу и героизм классовой борьбы. Это была не слепая вера в неведомую силу, это была глубокая уверенность в силе пролетариата, в его громадной роли в деле освобождения трудящихся, уверенность, покоившаяся на глубоком знании дела, на добросовестнейшем изучении действительности. Работа среди питерского пролетариата облекла в живые образы эту веру в мощь рабочего класса.

В конце декабря стала выходить большевистская газета «Вперед». В редакцию, кроме Ильича, вошли Ольминский, Орловский¹. Вскоре на подмогу приехал Луначарский. Его пафосные статьи и речи были созвучны с тогдашним настроением большевиков.

Нарастало в России революционное движение, а вместе с тем росла и переписка с Россией. Она скоро дошла до 300 писем в месяц, по тогдашним временам это была громадная цифра. И сколько материалу она давала Ильичу! Он умел читать письма рабочих. Помню одно письмо, писанное рабочими одесских каменоломен. Это было коллективное письмо, написанное несколькими первобытными почерками, без подлежащих и сказуемых, без запятых и точек, но дышало оно неисчерпаемой энергией, готовностью к борьбе до конца, до победы, письмо красочное в каждом своем слове, наивном и убежденном, непоколеби-

¹ В. В. Воровский. *Ред.*

мом. Я не помню теперь, о чем писалось в этом письме, но помню его вид, бумагу, рыжие чернила. Много раз перечитывал это письмо Ильич, глубоко задумавшись, шагал по комнате. Не напрасно старались рабочие одесских каменоломен, когда писали Ильичу письмо: тому написали, кому нужно было, тому, кто лучше всех их понял.

Через несколько дней после письма рабочих одесских каменоломен пришло письмо от одесской начинающей пропагандистки Танюши, которая добросовестно и подробно описывала собрание одесских ремесленников. И это письмо читал Ильич и тотчас сел отвечать Танюше: «Спасибо за письмо. Пишите чаще. Нам чрезвычайно важны письма, описывающие *будничную*, повседневную работу. Нам чертовски мало пишут таких писем».

Чуть не в каждом письме Ильич просит русских товарищей давать побольше связей. «...Сила революционной организации в числе ее связей», — пишет он Гусеву. Просит Гусева связывать большевистский заграничный центр с молодежью. «...Среди нас есть, — пишет он, — какая-то идиотская, филистерская, обломовская боязнь молодежи»¹. Ильич пишет своему старому знакомому по Самаре — Алексею Андреевичу Преображенскому, который жил в то время в деревне, и просит у него связей с крестьянами. Он просит питерцев посылать письма рабочих в заграничный центр не в выдержках, не в изложении, а в подлинниках. Эти письма рабочих яснее всего говорили Ильичу о том, что революция близится, парастает. У порога стоял уже пятый год.

ПЯТЫЙ ГОД. В ЭМИГРАЦИИ

Уже в ноябре 1904 года, в брошюре «Земская кампания и план «Искры»», и затем в декабре, в статьях в №№ 1—3 «Вперед»², Ильич писал о том, что близится время настоящей, открытой борьбы масс за свободу. Он ясно чувствовал приближение революционного взрыва. Но одно дело чувствовать это приближение, а другое — узнать, что революция уже началась. И потому, когда пришла весть в Женеву о 9-м Января, когда дошла весть о той конкретной форме, в которой началась революция, — точно изменилось все кругом, точно далеко куда-то в прошлое ушло все, что было до этого времени. Весть о событиях 9-го января долетела до Женевы на следующее утро. Мы с Владимиром Ильичем шли в библиотеку и по дороге встретили шедших к нам Луначарских. Запомнилась фигура жены Луначарского, Анны Александровны, которая не могла говорить от

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 12, 13. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 75—98, 126—149, 151—166, 174—200. *Ред.*

волнения и лишь беспомощно махала муфтой. Мы пошли туда, куда инстинктивно потянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях,— в эмигрантскую столовку Лепешинских. Хотелось быть вместе. Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели «Вы жертвою пали...», лица были сосредоточены. Всех охватило сознание, что революция уже началась, что порваны пути веры в царя, что теперь совсем уже близко то время, когда «падет произвол и восстанет народ, великий, могучий, свободный...».

Мы зажили той своеобразной жизнью, какой жила в то время вся женевская эмиграция: от одного выпуска местной газеты «Трибунки»¹ до другого.

Все мысли Ильича были прикованы к России.

Вскоре приехал в Женеву Гапон. Попал он сначала к эсерам, и те старались изобразить дело так, что Гапон их человек, да и все рабочее движение Питера также дело их рук. Они страшно рекламировали Гапона, восхваляли его. В то время Гапон стоял в центре всеобщего внимания, и английский «Times» (газета «Время») платил ему бешеные деньги за каждую строчку.

Через некоторое время после приезда Гапона в Женеву к нам пришла под вечер какая-то эсеровская дама и передала Владимиру Ильичу, что его хочет видеть Гапон. Условились о месте свидания на нейтральной почве, в кафе. Наступил вечер, Ильич не зажигал у себя в комнате огня и шагал из угла в угол.

Гапон был живым куском нарастающей в России революции, человеком, тесно связанным с рабочими массами, беззаветно верившими ему, и Ильич волновался этой встречей.

Один товарищ недавно возмутился: как это Владимир Ильич имел дело с Гапоном!

Конечно, можно было просто пройти мимо Гапона, решив наперед, что от попа не будет никогда ничего хорошего. Так это и сделал, например, Плеханов, принявший Гапона крайне холодно. Но в том-то и была сила Ильича, что для него революция была живой, что он умел всматриваться в ее лицо, охватывать ее во всем ее многообразии, что он знал, понимал, чего хотят массы. А знание массы дается лишь соприкосновением с ней. Ильича интересовало, чем мог Гапон влиять на массу.

Владимир Ильич, придя со свидания с Гапоном, рассказывал о своих впечатлениях. Тогда Гапон был еще обвеян дыханием революции. Говоря о питерских рабочих, он весь загорался, он кипел негодованием, возмущением против царя и его приспешников. В этом возмущении было немало наивности, но тем непосредственнее оно было. Это возмущение было созвучно с возмущением рабочих масс. «Только учиться ему надо,— гово-

¹ Речь идет о газете «Женевская трибуна», выходившей на французском языке. *Ред.*

рил Владимир Ильич.— Я ему сказал: «Вы, батенька, лести не слушайте, учитеь, а то вон где очутитеь,— показал ему под стол»».

8 февраля Владимир Ильич писал в № 7 «Вперед»: «Пожелаем, чтобы Г. Гапону, так глубоко пережившему и перечувствовавшему переход от воззрений политически бессознательного народа к воззрениям революционным, удалось доработаться до необходимой для политического деятеля ясности революционного мпросозерцания»¹.

Гапон никогда не доработался до этой ясности. Он был сыном богатого украинского крестьянина, до конца сохранил связь со своей семьей, со своим селом. Он хорошо знал нужды крестьян, язык его был прост и близок серой рабочей массе; в этом его происхождении, в этой его связи с деревней, может быть, одна из тайн его успеха; но трудно было встретить человека, так насквозь проникнутого поповской психологией, как Гапон. Раньше он никогда не знал революционной среды, а по натуре своей был не революционером, а хитрым попом, шедшим на какие угодно компромиссы. Он рассказывал как-то: «Одно время нашли на меня сомнения, поколебалась во мне вера. Совсем расхворался, поехал в Крым. В то время был там старец, говорили, святой жизни. Поехал я к нему, чтобы в вере укрепиться. Пришел я к старцу; у ручья народ собравшись, и старец молебен служит. В ручье ямка, будто конь Георгия Победоносца тут ступил. Ну, глупость, конечно. Но, думаю, не в этом дело,— вера у старца глубока. Подхожу после молебна к старцу благословиться. А он скидает ризу да говорит: «А мы тут лавку свечную поставили, наторговали сколько!» Вот те и вера! Еле живой я домой дошел. Был у меня приятель тогда, художник Верещагин, говорит: «Брось священство!» Ну, подумал я: сейчас на селе родителей уважают, отец — старшина, ото всех почет, а тогда станут все в глаза бросать: сын — расстрига! Не сложил я сана».

В этом рассказе весь Гапон.

Учиться он не умел. Он уделял немало времени, чтобы учиться стрелять в цель и ездить верхом, но с книжками дело у него плохо ладилось. Правда, он, по совету Ильича, засел за чтение плехановских сочинений, но читал их как бы по обязанности. Из книг Гапон учиться не умел. Но не умел он учиться и из жизни. Поповская психология застилала ему глаза. Попав вновь в Россию, он скатился в бездну провокаторства.

С первых же дней революции Ильичу стала сразу ясна вся перспектива. Он понял, что теперь движение будет расти как лавина, что революционный народ не остановится на полпути, что рабочие ринутся в бой с самодержавием. Победят ли рабочие, или будут побеждены,— это видно будет в результате

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 282. *Ред.*

схватки. А чтобы победить, надо быть как можно лучше вооруженным.

У Ильича было всегда какое-то особое чутье, глубокое понимание того, что переживает в данную минуту рабочий класс.

Меньшевики, ориентируясь на либеральную буржуазию, которую надо было еще раскачивать, толковали о том, что надо «развязать» революцию,— Ильич знал, что рабочие уже решились бороться до конца. И он был с ними. Он знал, что остановиться на полдороге нельзя, что это внесло бы в рабочий класс такую деморализацию, такое понижение энергии в борьбе, принесло бы такой громадный ущерб делу, что на это нельзя было идти ни под каким видом. И история показала, что в революции пятого года рабочий класс потерпел поражение, но побежден не был, его готовность к борьбе не была сломлена. Этого не понимали те, кто нападал на Ленина за его прямолинейность, кто после поражения не умел ничего сказать, кроме того, что «не нужно было браться за оружие». Оставаясь верным своему классу, нельзя было не браться за оружие, нельзя было авангарду оставлять свой борющийся класс.

И Ильич неустанно звал авангард рабочего класса — партию — к борьбе, к организации, к работе над вооружением масс. Он писал об этом во «Вперед», в письмах в Россию.

«Девятое января 1905 года обнаружило весь гигантский запас революционной энергии пролетариата и всю недостаточность организации социал-демократов»¹,— писал Владимир Ильич в начале февраля в своей статье «Должны ли мы организовать революцию?», каждая строка которой дышит призывом перейти от слов к делу.

Ильич не только перечитал и самым тщательным образом проштудировал, продумал все, что писали Маркс и Энгельс о революции и восстании,— он прочел немало книг и по военному искусству, обдумывая со всех сторон технику вооруженного восстания, организацию его. Он занимался этим делом гораздо больше, чем это знают, и его разговоры об ударных группах во время партизанской войны, «о пятках и десятках» были не болтовней профана, а обдуманным всесторонне планом.

Служащий «Société de Lecture» был свидетелем того, как раненько каждое утро приходил русский революционер в подвернутых от грязи на швейцарский манер дешевеньких брюках, которые он забывал отвернуть, брал оставленную со вчерашнего дня книгу о баррикадной борьбе, о технике наступления, садился на привычное место к столику у окна, приглаживал привычным жестом жидкие волосы на лысой голове и погружался в чтение. Иногда только вставал, чтобы взять с полки большой словарь и отыскать там объяснение незнакомого термина,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 264—265. *Ред.*

а потом ходил все взад и вперед и, сев к столу, что-то быстро, сосредоточенно писал мелким почерком на четвертушках бумаги.

Большевики изыскивали все средства, чтобы переправлять в Россию оружие, по то, что делалось, была капля в море. В России образовался Боевой комитет (в Питере), но работал он медленно. Ильич писал в Питер: «В таком деле менее всего пригодны схемы, да споры и разговоры о функциях Боевого комитета и правах его. Тут нужна бешеная энергия и еще энергия. Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят *больше полгода* и ни одной не сделали! А говорят ученейшие люди... Идите к молодежи, господа! вот одно единственное, все спасающее средство. Иначе, ей-богу, вы опоздаете (я это по всему вижу) и окажетесь с «учеными» записками, планами, чертежами, схемами, великолепными рецептами, но без организации, без живого дела... Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы, пошлите вы, бога для, все «функции, права и привилегии» ко всем чертям»¹.

И большевики делали в смысле подготовки вооруженного восстания не мало, проявляя нередко колоссальный героизм, рискуя каждую минуту жизнью. Подготовка вооруженного восстания — таков был лозунг большевиков. О вооруженном восстании толковал и Гапон.

Вскоре по приезде он выступает с проектом боевого соглашения революционных партий. В № 7 «Вперед» (от 8 февраля 1905 года) Владимир Ильич дает оценку предложения Гапона и подробно освещает весь вопрос о боевых соглашениях².

Гапон взял на себя задачу снабдить питерских рабочих оружием. В распоряжение Гапона поступали всякого рода пожертвования. Он закупал в Англии оружие. Наконец дело было сложено. Найден был пароход — «Джон Графтон», капитан которого согласился везти оружие и сгрузить его на одном из островов недалеко от русской границы. Не имея представлений, как ведутся нелегальные транспортные дела, Гапон представлял себе дело гораздо проще, чем оно было в действительности. Чтобы организовать дело, он взял у нас нелегальный паспорт и связи и отправился в Питер. Владимир Ильич видел во всем предприятии переход от слов к делу. Оружие нужно рабочим во что бы то ни стало. Из всего предприятия, однако, ничего не вышло. «Графтон» сел на мель, и вообще подъехать к намеченному острову оказалось невозможным. Но и в Питере Гапон ничего не смог сделать. Ему пришлось скрываться в убогих квартирах рабочих. Пришлось жить под чужим именем, все сношения были страшно затруднены, адреса эсеров, где надо было

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 336, 337. *Ред.*

² См. «О боевом соглашении для восстания». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 274—282. *Ред.*

условиться о приеме транспорта, оказались мифическими. Только большевики послали на остров своих людей. На Гапона все это произвело ошеломляющее впечатление. Жить нелегально, впроголодь, никому не показываясь, совсем не то, что выступать, ничем не рискуя, на тысячных собраниях. Налаживать конспиративную доставку оружия могли лишь люди совершенно иного революционного закала, чем Гапон, готовые идти на всякую безвестную жертву...

Другой лозунг, выдвинутый Ильичем, это — поддержка борьбы крестьян за землю. Эта поддержка дала бы рабочему классу возможность опираться в своей борьбе на крестьянство. Крестьянскому вопросу Владимир Ильич всегда уделял много внимания. В свое время, при обсуждении Программы партии ко II съезду, Владимир Ильич выдвинул — и горячо его отстаивал — лозунг возвращения крестьянам «отрезков» земли, отрезанной у них при реформе 1861 года.

Ему казалось, что для того чтобы увлечь за собой крестьянство, надо выставить возможно более близкое крестьянам конкретное требование. Подобно тому как агитацию среди рабочих начинали социал-демократы с борьбы за кипяток, за сокращение рабочего дня, за своевременную выплату заработной платы, так и крестьянство надо организовать вокруг конкретного лозунга.

Пятый год заставил Ильича пересмотреть этот вопрос. Беседы с Гапоном — крестьянином по происхождению, сохранившим связь с деревней; беседы с Матюшенко — матросом с «Потемкина», с рядом рабочих, приезжавших из России и близко знавших, что делается в деревне, показали Ильичу, что лозунг об «отрезках» уже недостаточен, что нужно выдвинуть более широкий лозунг — конфискации помещичьих, удельных¹ и церковных земель. Недаром Ильич в свое время так усердно рылся в статистических сборниках и детально вскрывал экономическую связь между городом и деревней, между крупной и мелкой промышленностью, между рабочим классом и крестьянством. Он видел, что настал момент, когда эта экономическая связь должна послужить базой могущественного политического влияния пролетариата на крестьянство. Революционным до конца классом он считал лишь пролетариат.

Запомнилась мне такая сценка. Однажды Гапон попросил Владимира Ильича прослушать написанное им воззвание, которое он начал с большим пафосом читать. Воззвание было переполнено проклятиями царю. «Не нужно нам царя, — говорилось в воззвании, — пусть будет один хозяин у земли — бог, а вы все у него будете арендатели!» (в то время крестьянское движение

¹ *Удельные земли* — земли, принадлежавшие царю и членам царской семьи. *Ред.*

еще шло как раз по линии борьбы за понижение арендной платы). Владимир Ильич расхохотался, — больно уж наивен был образ, а с другой стороны, очень уж выукло выступило то, чем Гапон был близок массе: сам крестьянин, он разжигал у рабочих, наполовину еще сохранивших связь с деревней, исконную затаенную жажду земли.

Смех Владимира Ильича смутил Гапона. «Может, не так что, — сказал он, — скажите, я поправлю». Владимир Ильич сразу стал серьезен. «Нет, — сказал он, — это не выйдет, у меня весь ход мысли другой, пишете уж своим языком, по-своему».

Вспоминается другая сцена. Дело было уже после III съезда, после восстания «Потемкина». Потемкинцы были интерпрированы в Румынии, страшно бедствовали. Гапон в то время получал много денег, — и за свои воспоминания, и пожертвования ему всякие передавали на дело революции, — он целыми днями возился с закупкой одежды для потемкинцев. Приехал в Женеву один из самых видных участников восстания на «Потемкине» — матрос Матюшенко. Он сразу сошелся с Гапоном, ходили они неразлучно.

В то время приехал к нам парень из Москвы (я не помню уж его клички), молодой краспощекий приказчик из книжного склада, недавно ставший социал-демократом. Привез поручение из Москвы. Парень рассказал, как и почему он стал социал-демократом, а потом стал распространяться, почему правильна Программа социал-демократической партии, и излагать ее — с горячностью вновь обращенного — пункт за пунктом. Владимиру Ильичу стало скучно, и он ушел в библиотеку, оставив меня поить парня чаем и выуживать из него, что можно. Парень продолжал излагать Программу. В это время пришли Гапон и Матюшенко. Я было и их собралась поить чаем, да парень в это время дошел как раз до изложения «отрезков». Услыша изложение этого пункта, причем парень стал доказывать, что дальше борьбы за «отрезки» идти крестьяне не должны, — Матюшенко и Гапон вскипели: «Вся земля народу!»

Не знаю, до чего бы это дело дошло, если бы не пришел Ильич. Быстро разобравшись, о чем идет спор, он не стал говорить по существу, а увел Гапона и Матюшенко к себе. Я постаралась поскорее сплавить парня.

В крестьянстве поднималось широкое революционное движение. На декабрьской Таммерфорской конференции¹ Ильич внес предложение: пункт об «отрезках» вовсе выбросить из программы.

Вместо него введен был пункт о поддержке революционных мероприятий крестьянства, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель.

¹ О Таммерфорской конференции см. настоящий том, с. 303—304. *Ред.*

Иначе посмотрел на дело пользовавшийся тогда громадным влиянием немецкий социал-демократ Каутский. Он написал тогда в «*Neue Zeit*»¹, что в России революционное городское движение должно оставаться нейтральным в вопросе об отношениях между крестьянством и помещиком.

Теперь Каутский — один из самых видных предателей рабочего дела, но тогда он считался революционным социал-демократом. Когда другой немецкий социал-демократ, Бернштейн, поднял в конце девяностых годов знамя борьбы с марксизмом, стал доказывать, что надо пересмотреть учение Маркса, что многое в учении Маркса устарело, отжило свой век, что цель (социализм) — ничто, а движение — все,— Каутский тогда выступил против Бернштейна в защиту учения Маркса². Благодаря этому имя Каутского было в то время окружено ореолом наиболее революционного и последовательного ученика Маркса. Утверждение Каутского, однако, не поколебало убеждения Ильича, что русская революция может победить, только опираясь на крестьянство.

Утверждение Каутского побудило Ильича проверить, правильно ли излагает Каутский точку зрения Маркса и Энгельса. Владимир Ильич стал на опыте изучать отношение Маркса к аграрному движению в Америке в 1848 году, отношение Энгельса в 1885 году к Генри Джорджу³. В апреле Владимир Ильич дает уже статью «Маркс об американском «черном разделе»»⁴.

Он кончает эту статью словами: «Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России. Чем беспрощетнее было это угнетение, тем более могучим будет теперь его проуждение, тем непреодолимее будет его революционный натиск. Дело сознательного революционного пролетариата всеми силами поддержать этот натиск, чтобы он не оставил камня на камне в старой, проклятой, крепостнически-самодержавной рабьей России, чтобы он создал новое поколение свободных и

¹ «Новое время». *Ред.*

² В своих воспоминаниях, опубликованных 6 декабря 1925 года в газете «Правда» № 279, Н. К. Крупская далее пишет: «Книжечку Каутского против Бернштейна («*Anti-Bernstein*») на немецком языке прислал Владимиру Ильичу в ссылку Потресов; она чрезвычайно понравилась Владимиру Ильичу. Мы стали переводить ее и перевели в две недели для товарищей по ссылке». *Ред.*

³ *Генри Джордж* (1839—1897) — американский экономист, публицист. Буржуазный радикал, распространявший среди рабочих буржуазно-реформистские взгляды. Выдвигал идею «единого земельного налога» как средства обеспечения всеобщего достатка и «социального мира», которую Ф. Энгельс назвал насквозь буржуазной (см. *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, 2 изд., т. 36, с. 78). *Ред.*

⁴ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 40, с. 53—60. *Ред.*

смелых людей, создал новую республиканскую страну, в которой развернется на просторе наша пролетарская борьба за социализм»¹.

В Женеве большевистский центр гнезвился на углу знаменитой, населенной русскими эмигрантами, Каружки (Rue de Carouge) и набережной реки Арвы. Тут помещалась редакция «Вперед», экспедиция, большевистская столовка Лепешинских, тут жили Бонч-Бруевич, Лядовы (Мандельштамы), Ильины. У Бонч-Бруевичей бывали постоянно Орловский, Ольминский и др. Богданов, вернувшись в Россию, сговорился с Луначарским, который и приехал в Женеву и вступил в редакцию «Вперед». Луначарский оказался блестящим оратором, очень много содействовал укреплению большевистских позиций. С той поры Владимир Ильич стал очень хорошо относиться к Луначарскому, веселел в его присутствии и был к нему порядочно-таки пристрастен даже во времена расхождения с впередовцами. Да и Анатолий Васильевич в его присутствии всегда был особенно оживлен и остроумен. Помню, как однажды — кажется в 1919 или 1920 году — Анатолий Васильевич, вернувшись с фронта, описывал Владимиру Ильичу свои впечатления и как блестяли глаза у Владимира Ильича, когда он его слушал.

Луначарский, Воровский, Ольминский, — хорошая это была подкрепа «Впереду». Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, заведовавший всей хозяйственной частью, непрерывно сиял, строил разные грандиозные планы, возился с типографией.

Чуть не каждый вечер собирались большевики в кафе Ландольт и подолгу засиживались там за кружкой пива, обсуждая события в России, строя планы.

Уезжали многие, многие готовились к отъезду.

В России шла агитация за III съезд. Так многое изменилось со времени II съезда, так много новых вопросов выдвинула жизнь, что новый съезд стал прямо необходим. Большинство комитетов высказывались за съезд. Образовалось Бюро комитетов большинства². ЦК накооптировал массу новых членов, в том числе и меньшевиков, — в массе своей он был примиренческим и всячески тормозил созыв III съезда. После провала ЦК, имевшего место в Москве, на квартире у писателя Леонида Андре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 60. *Ред.*

² Так как примиренчески-меньшевистский ЦК упорно отказывался созвать съезд и вообще не отражал воли партии, в большинстве стоявшей на позиции «большинства», то на «совещании 22-х» в Женеве (август 1904 года) было решено создать большевистский орган для борьбы за созыв III съезда партии. Намеченные этим совещанием кандидаты (Гусев, Богданов, Землячка, Литвинов, Лядов) были затем утверждены на трех нелегальных конференциях в России — Северной, Южной и Кавказской. Так было создано Бюро комитетов большинства (БКБ). Наряду с агитацией за созыв съезда, БКБ руководило фактически практической работой большевистских организаций в России. *Н. К.*

ева, оставшиеся на воле члены ЦК согласились на созыв съезда.

Съезд устроен был в Лондоне¹. На нем явное большинство было за большевиками. И потому меньшевики на съезд не пошли, а своих делегатов собрали на конференцию в Женеву.

На съезд от ЦК приехал Зоммер (он же Марк — Любимов) и Винтер (Красин). Марк имел архимрачный вид. Красин — такой, точно ничего не случилось. Делегаты бешено нападали на ЦК за его примиренческую позицию. Марк сидел темнее тучи и молчал. Молчал и Красин, подперев рукой щеку, но с таким невозмутимым видом, точно все эти ядовитые речи не имели к нему ровно никакого отношения. Когда дошла до него очередь, он спокойным голосом сделал доклад, не возражая даже на обвинения, — и всем ясно стало, что больше говорить не о чем, что было у него примиренческое настроение и прошло, что отныне он становится в ряды большевиков, с которыми пойдет до конца.

Партийцы знают теперь ту большую и ответственную работу, которую нес Красин во время революции пятого года по вооружению боевиков, по руководству подготовкой боевых снарядов и пр. Делалось все это конспиративно, без шума, но вкладывалась в это дело масса энергии. Владимир Ильич больше чем кто-либо знал эту работу Красина и с тех пор всегда очень ценил его.

С Кавказа приехало четверо: Миха Цхакая, Алеша Джапаридзе, Леман и Каменев. Мандата было три. Владимир Ильич допрашивал: кому же принадлежат мандаты, — мандатов три, а человека четыре? Кто получил большинство голосов? Миха возмущенно отвечал: «Да разве у нас на Кавказе голосуют?! Мы дела все решаем по-товарищески. Нас послали четырех, а сколько мандатов — не важно». Миха оказался старейшим членом съезда — ему было в то время 50 лет. Ему и поручили открыть съезд. От Полесского комитета был Лева Владимиров. Много раз писали мы ему в Россию о расколе, и никаких реплик не получали. В ответ на письма, где описывались выходы мартовцев, мы получали письма, где рассказывалось, сколько и каких листовок распространено, где были в Полесье стачки, демонстрации. На съезде Лева держался твердым большевиком.

Были на съезде из России еще Богданов, Постолюнский (Вадим), Румянцев (П. П.), Рыков, Саммер, Землячка, Литвинов, Скрыпник, Бур (А. М. Эссен), Шкловский, Крамольников и др.

На съезде чувствовалось во всем, что в России переживается разгар рабочего движения. Были приняты резолюции о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, об отношении к тактике правительства накануне переворота, по вопросу об открытом выступлении РСДРП, об отношении к кре-

¹ Работа III съезда РСДРП проходила с 12 по 27 апреля (25 апреля—10 мая) 1905 года. *Ред.*

стьянскому движению, об отношении к либералам, об отношении к национальным социал-демократическим организациям, о пропаганде и агитации, об отколовшейся части партии и т. д.

По предложению Владимира Ильича, делавшего доклад по аграрному вопросу, пункт об «отрезках» был перенесен в комментарии, на первый же план выдвинут был вопрос о конфискации помещичьих, удельных и церковных земель.

Еще два вопроса были характерны для III съезда — вопрос о двух центрах и вопрос об отношении между рабочими и интеллигентами.

На II съезде преобладали литераторы и практические работники, много поработавшие для партии в той или иной форме, но связанные с русскими организациями, только еще складывавшимися, весьма слабыми узами.

III съезд носил уже иную физиономию. В России организации к этому времени уже вполне оформились, — это были нелегальные комитеты, работавшие при страшно тяжелых конспиративных условиях. Комитеты почти нигде, в силу этих условий, не включали в себя рабочих, но влияние на рабочее движение они имели большое. Листки, «распоряжения» комитета, были созвучны настроению рабочих масс, — они чувствовали руководство; комитеты пользовались поэтому у них большой популярностью, причем действия их облекались для большинства рабочих дымкой таинственности. Рабочие нередко собирались отдельно от интеллигентов для обсуждения коренных вопросов движения. На III съезд было прислано заявление 50 одесских рабочих по основным вопросам расхождений между меньшевиками и большевиками, причем сообщалось, что на собрании, где обсуждался этот вопрос, не было ни одного интеллигента.

Комитетчик был обычно человеком довольно самоуверенным, — он видел, какое громадное влияние на массы имеет работа комитета; комитетчик, как правило, никакого внутрипартийного демократизма не признавал: провалы одни от этого демократизма только получаются, с движением мы и так-де связаны, — говорили комитетчики; комитетчик всегда внутренне презирал немного за границу, которая-де с жиру бесится и склоки устраивает: «посадить бы их в русские условия». Комитетчик не желал засилья за границы. Вместе с тем он не хотел новшества. Приспособляться к быстро менявшимся условиям комитетчик не хотел и не умел.

В период 1904—1905 годов комитетчики вынесли на своих плечах колоссальную работу, но многие из них с громадным трудом приспособлялись к условиям растущих легальных возможностей и открытой борьбы.

На III съезде не было рабочих — по крайней мере, не было ни одного сколько-нибудь заметного рабочего. Кличка Бабуш-

кин относилась вовсе не к рабочему Бабушкину, который в это время был в Сибири, а, насколько помню, к т. Шкловскому. Зато комитетчиков на съезде было много. Тот, кто упустит из виду эту физиономию III съезда, многого в протоколах съезда не поймет.

Вопрос об «обуздании заграницы» ставился не только комитетчиками, но и другими видными работниками. Во главе оппозиции за границе шел Богданов.

Многое тут говорилось зря, но Владимир Ильич не особенно близко принимал это к сердцу. Он считал, что благодаря развивающейся революции значение заграницы ежечасно падает, знал, что и сам он «не жилец» уже за границей, и о чем только он заботился, так это о том, чтобы ЦК быстро осведомлял ЦО (ЦО должен был отныне называться «Пролетарием» и пока что издаваться за границей). Он настаивал также, чтобы были организованы периодические свидания между заграничной и русской частью ЦК.

Острее стоял вопрос о введении рабочих в комитеты.

За введение рабочих в комитеты особенно горячо стоял Владимир Ильич. За — были также Богданов, «заграничники» и литераторы, против — комитетчики. Горячился Владимир Ильич, горячились комитетчики. Комитетчики настояли, чтобы резолюция по этому поводу не выносилась: нельзя же, в самом деле, было выносить резолюцию, что рабочих не надо вводить в комитет!

Выступая в прениях, Владимир Ильич говорил: «Я думаю, что надо взглянуть на дело шире. Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых 2-х интеллигентов было 8 рабочих. Если совет, высказанный в литературе, — по возможности вводить рабочих в комитеты, — оказался недостаточным, то было бы целесообразно, чтобы такой совет был высказан от имени съезда. Если вы будете иметь ясную и определенную директиву съезда, то вы будете иметь радикальный способ для борьбы с демагогией: вот ясная воля съезда»¹.

Владимир Ильич и раньше многократно отстаивал необходимость вводить рабочих в возможно большем числе в комитеты. Он писал об этом и в своем «Письме товарищу» еще в 1902 году. Теперь, защищая на съезде ту же точку зрения, он ужасно горячился, вставляя цвишенруфы². Когда Михайлов (Постоловский) сказал: «Таким образом, на практике к интеллигентам предь-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 163. *Ред.*

² Цвишенруф — возглас с места, реплика. *Ред.*

являются очень низкие требования, а к рабочим непомерно высокие», Владимир Ильич вскрикнул: «Совершенно верно!» Его восклицание было покрыто хором комитетчиков: «Неверно!»¹

Когда Румянцев сказал: «В Петербургском комитете только один рабочий, несмотря на то, что работа в Петербурге ведется лет 15», Владимир Ильич крикнул: «Безобразие!»²

И потом, при заключении дебатов, Ильич говорил: «Я не мог сидеть спокойно, когда говорили, что рабочих, годных в члены комитета, нет. Вопрос оттягивается; очевидно в партии есть болезнь. Рабочих надо вводить в комитеты»³. Если Ильич не очень огорчился по поводу того, что его точка зрения провалилась с таким треском на съезде, так только потому, что он знал: надвигающаяся революция радикально вылечит партию от неумения орачивать комитеты.

И еще один большой вопрос стоял на съезде: о пропаганде и агитации.

Как-то, помню, к нам в Женеву приехала девица из Одессы и жаловалась: «Рабочие предъявляют к комитету невозможные требования: хотят, чтобы мы давали им пропаганду. Разве это возможно? Мы можем давать им только агитацию!»

На Ильича сообщение одесской девицы произвело довольно сильное впечатление. Оно оказалось как бы введенным в прения о пропаганде. Оказалось, об этом говорили и Землячка, и Миха Цхакая, и Десницкий, старые формы пропаганды умерли, пропаганда превратилась в агитацию. С колоссальным ростом рабочего движения устная пропаганда и даже агитация вообще не могли удовлетворить потребностей движения: нужна была популярная литература, популярная газета, литература для крестьян, для народностей, говорящих на других языках...

Сотни новых вопросов выдвигала жизнь, которые нельзя было разрешить в рамках прежней нелегальной организации. Их можно было разрешить лишь путем постановки в России ежедневной газеты, путем широкого легального издательства. Однако пока что свобода печати не была еще завоевана. Решено было издавать в России нелегальную газету, образовать там группу литераторов, обязанных заботиться о популярной газете. Но ясно, что все это были паллиативы.

На съезде немало говорили о разгоравшейся революционной борьбе. Были приняты резолюции о событиях в Польше и на Кавказе. «А движение это становится все шире и шире,— рассказывал уральский делегат.— Давно пора перестать смотреть на Урал, как на отсталый, сонный край, неспособный двинуться. Политическая стачка в Лысьве, многочисленные стачки по раз-

¹ См. Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 года. Протоколы. М., Госполитиздат, 1959, с. 263. *Ред.*

² См. там же, с. 267. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 174. *Ред.*

ным заводам, разнообразные признаки революционного настроения, вплоть до аграрно-заводского террора в самых разнообразных формах, мелких стихийных демонстраций,— все это признаки, что Урал накануне крупного революционного движения. Что это движение примет на Урале форму вооруженного восстания, это весьма вероятно. Урал был первый, где рабочие пустили в ход бомбы, выставили даже пушки (на Воткинском заводе). Товарищи, не забывайте об Урале!»¹

Само собой, Владимир Ильич долго толковал с уральским делегатом.

В общем и целом III съезд правильно наметил линии борьбы. Большевики те же вопросы разрешали по-другому. Принципиальную разницу между резолюциями III съезда и резолюциями меньшевистской конференции Владимир Ильич осветил в брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции»².

Вернулись мы в Женеву. Я попала в комиссию по редактированию протоколов съезда вместе с Камским и Орловским. Камский уехал. Орловский оказался страшно занят. В Женеве, куда приехало после съезда порядочное число делегатов, организовали проверку протоколов. В те времена никаких стенографисток не было, специальных секретарей также, протокол писали по очереди по два члена съезда, сдавая потом мне. Не все члены съезда были хорошими секретарями. На съезде протоколы зачитывать, само собой, не удавалось. В Женеве, в столовке Лепешинских, устроена была проверка протоколов совместно с делегатами. Само собою, каждый делегат находил, что его мысль записана неверно, и хотел делать вставки. Вставки делать не разрешалось, вносить поправки можно было лишь тогда, когда остальные делегаты признавали правомерность поправки. Работа была очень трудна. Не обходилось и без столкновений. Скрипник (Щенский) требовал выдачи ему протоколов на дом, и когда я ему сказала, что тогда протоколы надо выдавать всем на руки — и от протоколов останутся рожки да ножки, Скрипник возмутился и печатными буквами написал протест в ЦК по поводу невыдачи ему протоколов.

Когда черновая работа была закончена, не мало ушло времени на редактирование протоколов и у Орловского.

В июле пришли первые протоколы заседания нового ЦК. В них писалось о том, что российские большевики не согласны с «Искрой» и также будут проводить бойкот³, что ЦК хотя

¹ Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 года. Протоколы, с. 377. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 1—131. *Ред.*

³ Речь идет об отношении социал-демократов к комиссии под председательством сенатора и члена Государственного Совета Н. В. Шидловского, созданной царским правительством после 9 января «для безотла-

обсуждал вопрос о поддержке крестьянского движения, но пока еще ничего не предпринял, хочет советоваться с агрономами.

Письмо показалось страшно скучным.

Следующее письмо о работе ЦК было еще скупер. Ильич страшно нервничал. Подышав на съезде русской атмосферой, труднее было переносить оторванность от русской работы.

В половине августа в письме к ЦК Ильич убеждал ЦК «перестать быть немым», не ограничиваться обсуждением вопросов промеж себя. «...В работе ЦК есть какой-то внутренний дефekt...» — писал он русским цекистам¹.

В последующих письмах он жестоко ругается за то, что не выполняется постановление о регулярном осведомлении ЦО.

В сентябрьском письме, обращенном к Августу, Ильич пишет: «Дождаться полной солидарности в ЦК или в среде его агентов — утопия. «Не кружок, а партия», милый друг!»².

В письме к Гусеву от 13 октября 1905 года он указывает на необходимость вести наряду с подготовкой к вооруженному восстанию и профессиональную борьбу, но вести эту борьбу в большевистском духе, давая и тут бой меньшевикам³.

На женевском горизонте появились предвестники свободы печати. Появились издатели, наперебой предлагавшие издать легально вышедшие за границей нелегально брошюры. Одесский «Буревестник», издательство Малых и др. — все предлагали свои услуги.

ЦК предлагал воздерживаться от заключения каких бы то ни было договоров, так как предполагал наладить свое издательство.

В начале октября возник вопрос о поездке Ильича в Финляндию, где предполагалось свидание с ЦК, но развивавшиеся события поставили вопрос иначе — Владимир Ильич собрался ехать в Россию. Я должна была еще остаться на пару недель в Женеве, чтобы ликвидировать дела. Вместе с Ильичем разобрали мы его бумаги и письма, разложили по конвертам, Ильич

гательного выяснения причин недовольства рабочих в гор. С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем». Большевики развернули широкую разъяснительную работу в связи с выборами в комиссию, разоблачая истинные цели царизма, который организацией этой комиссии стремился отвлечь рабочих от революционной борьбы. Когда же выборщики предъявили правительству требования: свобода слова, печати, собраний, неприкосновенность личности и т. п., то Шидловский объявил, что эти требования не могут быть удовлетворены. После этого большинство выборщиков отказалось от выборов депутатов и обратилось с воззванием к рабочим Петербурга, которые поддержали их забастовкой. Комиссия Шидловского, не приступая к работе, была распущена. *Ред.*

¹ Письмо «Центральному Комитету РСДРП» написано 11 (24) июля 1905 года (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 47, с. 40, 39). *Ред.*

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 47, с. 65. *Ред.*

³ См. там же, с. 88—92. *Ред.*

надписал собственноручно каждый конверт. Все было уложено в чемодан и сдано на хранение, кажется т. Карпинскому. Этот чемодан сохранился и был доставлен уже после смерти Ильича в Институт Ленина. В нем была масса документов и писем, бросающих яркий свет на историю партии.

В сентябре Ильич писал в ЦК:

«Относительно Плеханова сообщаю Вам для осведомления здешние слухи. Он явно озлобился на нас за разоблачение перед Международным бюро. Ругается, как извозчик, в № 2 «Дневника Социал-Демократа». Говорят то о его особой газете, то о возвращении его в «Искру». Вывод: недоверие к нему должно усилиться»¹.

И 8 октября Владимир Ильич продолжает: «Усердно прошу: бросьте теперь совсем мысль о Плеханове и назначьте своего делегата из большинства... Хорошо бы назначить Орловского»².

Но когда пришли вести, что есть возможность в России наладить ежедневную газету, когда Ильич собрался уже ехать, он написал Плеханову горячее письмо, где звал Плеханова сотрудничать в газете: «...тактические разногласия нашей революция сама сметает с поразительной быстротой...», «...все это создаст новую почву, на которой всего легче будет забыть старое, спеться на живом деле»³. В конце Ильич просил Плеханова о свидании. Не помню, имело ли оно место. Вероятно, нет, потому что тогда этот факт вряд ли забылся бы.

Плеханов в Россию в 1905 году не ездил.

26 октября Ильич уже сговорился детально в письме о своем возвращении в Россию. «Хорошая у нас в России революция, ей-богу!», — пишет он там. И, отвечая на вопрос о сроке восстания, он говорит: «Я бы лично охотно оттянул его до весны... Но ведь нас все равно не спрашивают»⁴.

СНОВА В ПИТЕРЕ

Было условлено, что в Стокгольм приедет человек и привезет для Владимира Ильича документы на чужое имя, с которыми он мог бы переехать через границу и поселиться в Питере. Человек, однако, не ехал и не ехал, и Ильичу приходилось сидеть и ждать у моря погоды, в то время как в России революционные события принимали все более и более широкий размах.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 75. *Ред.*

² Там же, с. 84.

Речь идет о посылке представителя в Международное социалистическое бюро II Интернационала. Представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро с 1905 по 1912 год был В. И. Ленин. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 106, 105. *Ред.*

⁴ Там же, с. 100. Курсив Н. К. Крупской. *Ред.*

Две недели просидел он в Стокгольме и приехал в Россию в начале ноября. Я приехала вслед за ним дней через десять, устроив предварительно все дела в Женеве. За мной увязался шпик, который сел со мной на пароход в Стокгольме и потом в поезд, шедший из Хапко на Гельсингфорс. В Финляндии революция была уже во всем разгаре. Я хотела было дать телеграмму в Питер, но улыбающаяся веселая финка ответила, что телеграммы она принять не может: шла почтово-телеграфная забастовка. В вагонах все громко разговаривали, я ввязалась в разговор с каким-то финским активистом¹, почему-то говорившим по-немецки. Он описывал успехи революции. «Шпиков, — говорил он, — мы арестовали всех и посадили в тюрьму». Мой взгляд упал на сопровождавшего меня шпика. «Но могут приехать новые», — засмеялась я, выразительно взглянув на своего соглядатая. Финн догадался. «О, — воскликнул он, — только скажите, если кого заметите, мы его сейчас арестуем!» Мы подбежали к какой-то маленькой станции. Мой шпик встал и сошел на станции, где поезд стоит лишь одну минуту. Больше я его не видала...

Четыре года почти прожила я за границей и смертельно стосковалась по Питеру. Он теперь весь кипел, я это знала, и тишина Финляндского вокзала, где я сошла с поезда, находилась в таком противоречии с моими мыслями о Питере и революции, что мне вдруг показалось, что я вылезла из поезда не в Питере, а в Парголово. Смущенно я обратилась к одному из стоявших тут извозчиков и спросила: «Какая это станция?» Тот даже отступил, а потом насмешливо оглядел меня и, подбоченясь, ответил: «Не станция, а город Санкт-Петербург».

На крыльце вокзала меня встретил Петр Петрович Румянцев. Он сказал, что Владимир Ильич живет у них, и мы поехали с ним куда-то на Пески. Петра Петровича Румянцева я видела первый раз на похоронах Шелгунова, тогда он был молодягой, с кудрявой шевелюрой, — шел впереди демонстрации и цел. В 1896 году я встретила его в Полтаве, он стоял в центре полтавских социал-демократов, только что вышел из тюрьмы, был бледен и нервен. Он выделялся своим умом, пользовался большим влиянием и казался хорошим товарищем.

В 1900 году я видела его в Уфе, куда он приезжал из Самары и имел какой-то разочарованный и томный вид.

В 1905 году он вновь появился на горизонте, был он уже лтератором, человеком с положением и брюшком, бонвиванов-

¹ *Активисты* — финская партия активного сопротивления — радикально-буржуазная партия Финляндии, ставившая целью добиваться восстановления автономии Финляндии и даже полного отделения ее от России путем «активного сопротивления». После революции 1905 года «активисты» сошли со сцены, а в 1917 году они оказались на стороне белых. *Ред.*

ских¹ повадок, но выступал умно и дельно. Он отлично провел кампанию по бойкоту комиссии Шидловского, держал себя твердым большевиком. Вскоре после III съезда был кооптирован в ЦК.

У него была хорошая, хорошо обставленная семейная квартира, и первое время Ильич жил там без прописки.

Владимира Ильича всегда крайне стесняло пребывание в чужих квартирах, мешало его работоспособности. По моем приезде Ильич стал торопить поселиться вместе, и мы поселились в каких-то меблированных комнатах на Невском, без прописки. Я, помню, разговорилась с прислуживавшими девушками, они мне нарасказали о том, что делается в Питере, с массой живых, говорящих подробностей. Я, конечно, сейчас же все пересказала Ильичу. Ильич лестно отозвался о моих обследовательских способностях, и с тех пор я стала его усердным репортером. Обычно, когда мы жили в России, я могла много свободнее передвигаться, чем Владимир Ильич, говорить с гораздо большим количеством людей. По двум-трем поставленным им вопросам я уже знала, что ему хочется знать, и глядела вовсю. И теперь еще не изжилась привычка — каждое свое впечатление формулировать мысленно для Ильича.

На другой же день у меня оказалась в этом отношении довольно богатая пожива. Я отправилась искать нам пристанище и на Троицкой улице, осматривая пустую квартиру, разговорилась с дворником. Долго он мне рассказывал про деревню, про помещика, про то, что земля должна отойти от бар крестьянам.

Тем временем мы решили поселиться легально. Мария Ильинична устроила нас где-то на Греческом проспекте у знакомых. Как только мы прописались, целая туча шпиков окружила дом. Напуганный хозяин не спал всю ночь напролет и ходил с револьвером в кармане, решив встретить полицию с оружием в руках. «Ну его совсем. Нарвешься зря на историю», — сказал Ильич. Поселились нелегально, врозь. Мне дали паспорт какой-то Прасковьи Евгеньевны Онегиной, по которому я и жила все время. Владимир Ильич несколько раз менял паспорта.

Когда Владимир Ильич приехал в Россию, там уже выходила легальная ежедневная газета «Новая жизнь». Издателем была Мария Федоровна Андреева (жена Горького), редактором был поэт Минский, принимали участие: Горький, Леопид Андреев, Чириков, Бальмонт, Тэффи и др. В качестве сотрудников вошли туда большевики: Богданов, Румянцев, Рожков, Гольденберг, Орловский, Луначарский, Базаров, Каменев и др. Секретарем «Новой жизни» и всех последующих большевистских газет того времени был Дмитрий Ильич Лещенко, он же заведовал хрони-

¹ *Бонвиван* — человек, любящий весело пожить. *Ред.*

кой, был корреспондентом, дававшим сведения с заседаний Думы, выпускающим и пр.

Первая статья Владимира Ильича появилась 10 ноября. Она начинается словами: «Условия деятельности нашей партии коренным образом изменяются. Захвачена свобода собраний, союзов, печати»¹, — и Ильич торопится воспользоваться этими новыми условиями деятельности, чтобы сразу же смелыми штрихами набросать основные линии «нового курса». Конспиративный аппарат партии должен быть сохранен. Безусловно, необходимо наряду с конспиративным аппаратом создавать новые и новые, открытые и полуоткрытые, партийные (и примыкающие к партии) организации. Надо влить в партию широкие кадры рабочих. Рабочий класс инстинктивно, стихийно социал-демократичен, а более чем десятилетняя работа социал-демократии очень и очень уж не мало сделала для превращения этой стихийности в сознательность.

«На III съезде партии, — писал Владимир Ильич в примечании к этой статье, — я выражал пожелание, чтобы в комитетах партии приходилось, примерно, 8 рабочих на 2 интеллигентов. Как устарело это пожелание!

Теперь надо желать, чтобы в новых организациях партии на одного члена партии из социал-демократической интеллигенции приходилось несколько сот рабочих социал-демократов»².

И, обращаясь к комитетчикам, боявшимся, как бы партия не растворилась в массе, Владимир Ильич писал: «Не стройте себе воображаемых ужасов, товарищи!»³. Социал-демократическая интеллигенция должна теперь идти в «народ». «Теперь инициатива самих рабочих будет проявляться в таких размерах, о которых мы, вчерашние конспираторы и «кружковики», не смели и мечтать»⁴. «Наша задача теперь не столько выдумывать нормы для организации на новых началах, сколько развернуть самую широкую и смелую работу...»⁵ «Чтобы поставить организацию на новое основание, необходим новый съезд партии»⁶.

Таково было содержание первой «легальной» статьи Ильича.

Со старой кружковщиной необходимо было вести борьбу, — она проглядывала во всем.

Конечно, в первые же дни по приезде я поехала за Невскую заставу, в бывшие вечерне-воскресные смоленские классы. В них теперь преподавалась уже не география, не естествознание, — по классам, переполненным рабочими и работницами, шла про-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 83. *Ред.*

² Там же, с. 90, примечание. *Ред.*

³ Там же, с. 86. *Ред.*

⁴ Там же, с. 90. *Ред.*

⁵ Там же, с. 91. *Ред.*

⁶ Там же, с. 83. *Ред.*

пагандистская работа. Партийные пропагандисты читали лекции. Мне запомнилась одна из них. Молодой пропагандист излагал по Энгельсу тему «Развитие социализма от утопии к науке». Рабочие сидели не шевелясь, добросовестно стараясь усвоить излагаемое оратором. Никто никаких вопросов не задавал. Внизу наши партийные девичьи устраивали для рабочих клуб, расставляли привезенные из города стаканы.

Когда я рассказывала Ильичу о своих впечатлениях от виденного, он задумчиво молчал. Он хотел другого: активности самих рабочих. Не то чтобы ее не было, но она выявлялась не на партсобраниях. Токи, по которым шли партработа и самостоятельность рабочих, как-то не смыкались. Рабочие колоссально за эти годы выросли. Я это каждый раз особенно чувствовала, когда встречала своих бывших «учеников»-воскресников. Раз как-то на улице меня окликнул булочник, оказалось, мой бывший ученик, «социалист Бакин», который 10 лет тому назад был выслан по этапу на родину за то, что наивно стал толковать с управляющим фабрики Максвель о том, что при переходе с двух мюль на три «интенсивность труда» возрастает. Теперь это был вполне сознательный социал-демократ, и мы долго толковали с ним о совершающейся революции, об организации рабочих масс, он мне рассказывал о забастовке булочников.

Первая же статья Ильича, где он прямо писал о партийном съезде, о партийном конспиративном аппарате, превращала «Новую жизнь» в открыто партийный орган. Само собой, что пребывание в нем минских, бальмонтов и пр. стало немыслимо, произошло размежевание, и газета целиком перешла в руки большевиков. Она и организационно стала партийной, стала работать под контролем и руководством партии.

Следующая статья Ильича в «Новой жизни» была посвящена коренному вопросу русской революции, взаимоотношениям между пролетариатом и крестьянством¹. Не только меньшевики неправильно понимали эти взаимоотношения, но и в среде большевиков был еще у некоторых товарищей известный «отрезочный уклон». «Отрезки» из исходного пункта агитации превращались ими в самоцель, продолжали поддерживаться ими и тогда, когда жизнь сделала возможной и необходимой агитацию и борьбу совсем уже на другой базе.

Статья «Пролетариат и крестьянство» была директивной статьей, дававшей ясный партийный лозунг: пролетариат России вместе с крестьянством борется за землю и волю, вместе с международным пролетариатом и сельскохозяйственными рабочими борется за социализм.

Эту точку зрения стали проводить представители большевиков и в Совете рабочих депутатов. Совет рабочих депутатов воз-

¹ «Пролетариат и крестьянство». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 94—98. *Ред.*

ник тогда, когда Владимир Ильич был еще за границей — 13 октября, возник как боевой орган борющегося пролетариата. Я не помню выступления Владимира Ильича в Совете рабочих депутатов¹. Помню одно собрание в Вольно-экономическом обществе, куда набралось много партийной публики в ожидании выступления Владимира Ильича. Ильич делал доклад по аграрному вопросу. Там впервые познакомился он с Алексинским. Почти все, относящееся к этому собранию, стерлось у меня в памяти. Мелкает какая-то серая дверь, в которую куда-то к выходу через толпу пробирается Владимир Ильич. Другие товарищи припомнят, вероятно, лучше. Я помню только, что это собрание было в ноябре, что был на нем Владимир Иванович Невский.

То, что Советы рабочих депутатов были боевыми организациями восстающего народа, это Владимир Ильич сразу же отметил в своих ноябрьских статьях. Он выдвинул тогда же мысль, что временное революционное правительство может вырасти только в огне революционной борьбы, с одной стороны, с другой стороны, что социал-демократическая партия должна всячески стремиться обеспечить свое влияние в Советах рабочих депутатов.

С Ильичем мы, по условиям конспирации, жили врозь. Он работал целыми днями в редакции, которая собиралась не только в «Новой жизни», но на конспиративной квартире или в квартире Дмитрия Ильича Лещенко, на Глазовской улице, но по условиям конспирации ходить туда было не очень удобно. Виделись где-нибудь на нейтральной почве, чаще всего в редакции «Новой жизни». Но в «Новой жизни» Ильич всегда был занят. Только когда Владимир Ильич поселился под очень хорошим паспортом на углу Бассейной и Надеждинской, я смогла ходить к нему на дом. Ходить надо было через кухню, говорить вполголоса, но все же можно было потолковать обо всем.

Оттуда он ездил в Москву. Тотчас по его приезде я зашла к нему. Меня поразило количество шпижов, выглядывавших из всех углов. «Почему за тобой началась такая слежка?» — спрашивала я Владимира Ильича. Он еще не выходил из дома по приезде и этого не знал. Стала разбирать чемодан и неожиданно обнаружила там большие круглые синие очки. «Что это?» Оказалось, в Москве Владимира Ильича урядили в эти очки, снабдили желтой финляндской коробкой и посадили в последнюю

¹ В. И. Ленин выступил на заседании Петербургского Совета рабочих депутатов 13(26) ноября 1905 года по вопросу о мерах борьбы с локаутом, объявленным капиталистами в ответ на введение рабочими явочным порядком 8-часового рабочего дня. Ленин предложил резолюцию по этому вопросу, на основе которой Исполнительный комитет Петербургского Совета рабочих депутатов принял 14(27) ноября постановление о мерах борьбы с локаутом. *Ред.*

минуту в поезд-молнию. Все полицейские ищйки бросились по его следам, приняв его, по-видимому, за экспроприатора. Надо было скорее уходить. Вышли под ручку, как ни в чем не бывало, пошли в обратную сторону против той, куда нам было нужно, переменили трех извозчиков, прошли через проходные ворота и приехали к Румянцеву, освободившись от слежки. Пошли на почевку, кажется, к Витмерам, моим старым знакомым. Проехали на извозчике мимо дома, где жил Владимир Ильич, шпики около дома продолжали стоять. На эту квартиру Ильич больше не возвращался. Недели через две послали какую-то девицу забрать его вещи и расплатиться с хозяйкой.

В то время я была секретарем ЦК и сразу впряглась в эту работу целиком. Другим секретарем был Михаил Сергеевич — М. Я. Вайнштейн. Помощницей моей была Вера Рудольфовна Менжинская. Таков был секретариат. Михаил Сергеевич ведал больше военной организацией, всегда был занят выполнением поручений Никитича (Л. Б. Красина). Я ведала явками, сношениями с комитетами, людьми. Теперь трудно представить себе, какая тогда у секретариата ЦК была упрощенная техника. На заседаниях ЦК мы, помнится, не бывали, никто нами «не ведал», протоколов никаких не велось, были в спичечных коробках, в переплетах и т. п. хранилищах зашифрованные адреса. Брали памятью. Народу валило к нам уйма, мы его всячески охаживали, снабжали чем надо: литературой, паспортами, инструкциями, советами. Теперь даже не представляешь себе, как это мы тогда справлялись и как это мы распоряжались, никем не контролируемые, и жили, что называется, «на всей божьей воле». Обычно, встречаясь с Ильичем, я рассказывала ему подробно обо всем. Наиболее интересных товарищей по наиболее интересным делам направляли непосредственно к цекистам.

Схватка с правительством приближалась. Ильич открыто писал в «Новой жизни» о том, что армия не может и не должна быть нейтральной, писал о всеобщем народном вооружении. 26 ноября был арестован Хрусталеv-Носарь. Заменял его Троцкий. 2 декабря Совет рабочих депутатов выпустил манифест с призывом отказываться от уплаты казенных платежей. 3 декабря за напечатание этого манифеста было закрыто восемь газет, в том числе «Новая жизнь». Когда я 3-го, по обыкновению, отправилась на явку в редакцию, нагруженная всякой нелегальщиной, у подъезда меня остановил газетчик. «Газета «Новое время», — громко выкрикивал он и между двумя выкриками вполголоса предупредил: «В редакции идет обыск!» «Народ за нас», — заметил по этому поводу Владимир Ильич.

В середине декабря состоялась Таммерфорская конференция. Как жаль, что не сохранились протоколы этой конференции! С каким подъемом она прошла! Это был самый разгар революции, каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиаз-

мом, все готовы к бою. В перерывах учились стрелять. Раз вечером мы были на финском массовом собрании, происходившем при свете факелов, и торжественность этого собрания соответствовала целиком настроению делегатов. Вряд ли кто из бывших на этой конференции делегатов забыл о ней. Там были Лозовский, Баранский, Ярославский, многие другие. Мне запомнились эти товарищи потому, что уж больно интересны были их «доклады с мест».

На Таммерфорской конференции, где собрались только большевики, была принята резолюция о необходимости немедленной подготовки и организации вооруженного восстания.

В Москве это восстание уже шло вовсю, и потому конференция была очень краткосрочной. Если память мне не изменяет, мы вернулись как раз накануне отправки Семеновского полка в Москву. По крайней мере, у меня в памяти осталась такая сцена. Неподалеку от Троицкой церкви с сумрачным лицом идет солдат-семеновец. А рядом с ним идет, сняв шапку и горячо в чем-то убеждая семеновца, о чем-то его прося, молодой рабочий. Так выразительны были лица, что ясно было, о чем просил рабочий семеновца: не выступать против рабочих, — и ясно было, что не соглашался на это семеновец.

ЦК призывал пролетариат Питера поддержать восставший московский пролетариат, но дружного выступления не получилось. Выступил, например, такой сравнительно серый район, как Московский, и не выступил такой передовой район, как Невский. Помню, как рвал и метал тогда Станислав Вольский, выступавший с агитацией как раз в этом районе. Он сразу впал в крайне мрачное настроение, чуть ли не усомнился в революционности пролетариата. Он не учитывал, как устали питерские рабочие от предыдущих забастовок, а главное, что они чувствовали, как плохо они организованы для окончательной схватки с царизмом, как плохо вооружены. А что дело пойдет о борьбе не на живот, а на смерть, это они видели уже по Москве.

ПИТЕР И ФИНЛЯДИЯ

1905—1907 годы

Декабрьское восстание было подавлено, правительство жестоко расправлялось с восставшими.

Владимир Ильич в статье от 4 января 1906 года («Рабочая партия и ее задачи при современном положении») так расценивал создавшееся положение: «Гражданская война кипит. Политическая забастовка, как таковая, начинает исчерпывать себя, отходить в прошлое, как изжитая форма движения. В Питере, напр., истощенные и обессиленные рабочие оказались не в состоянии провести декабрьской стачки. С другой стороны, дви-

жение в целом, будучи сдавлено в данный момент реакцией, несомненно поднялось на гораздо более высокую ступень». «Дубасовские пушки революционизировали в невиданных размерах новые массы народа». «Что же теперь? Будем смотреть прямо в лицо действительности. Теперь предстоит новая работа усвоения и переработки опыта последних форм борьбы, работа подготовки и организации сил в *главнейших центрах движения*»¹ (курсив мой. *Н. К.*). Ильич тяжело переживал московское поражение. Явно было, что рабочие были плохо вооружены, что организация была слаба, даже Питер с Москвой был плохо связан. Я помню, как слушал Ильич рассказ Анны Ильиничны, встретившей на Московском вокзале московскую работницу, горько укорявшую питерцев: «Спасибо вам, питерцы, поддерживали нас: семеновцев прислали».

И как бы в ответ на этот укор Ильич писал: «Правительству крайне выгодно было бы подавлять по-прежнему разрозненные выступления пролетариев. Правительству хотелось бы немедленно вызвать рабочих на бой и в Питере, при самых невыгодных для них условиях. Но рабочие не поддадутся на эту провокацию и сумеют удержаться на своем пути самостоятельной подготовки следующего всероссийского выступления»².

Ильич думал, что весной 1906 года поднимется крестьянство, что это отразится и на войсках. И он говорил: «Надо определеннее, практически поставить колоссальные задачи нового активного выступления, готовясь к нему более выдержанно, более систематически, более упорно, *сберегая, елико возможно, силы пролетариата, к истощенного стачечной борьбой*»³ (курсив мой. *Н. К.*).

«Пусть же ясно встанут перед рабочей партией ее задачи. Долой конституционные иллюзии! *Надо собирать новые, призывающие к пролетариату, силы* (курсив мой. *Н. К.*). Надо «собрать опыт» двух великих месяцев революции (ноябрь и декабрь). Надо приспособиться опять к восстановленному самодержавию, надо уметь везде, где надо, опять залезть в подполье»⁴.

В подполье мы залезали. Плели сети конспиративной организации. Со всех концов России приезжали товарищи, с которыми сговаривались о работе, о линии, которую надо проводить. Сначала публика приходила на явку, где принимали публику или я с Верой Рудольфовной или Михаил Сергеевич. Наиболее близкой и ценной публике я устраивала свидания с Ильичем, или же по боевой части — устраивал свидание с Никитчем (Красиным) Михаил Сергеевич. Явки устраивались в раз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 150—151. *Ред.*

² Там же, с. 151. *Ред.*

³ Там же, с. 152—153. *Ред.*

⁴ Там же, с. 152. *Ред.*

ных местах: то у зубного врача Доры Двойрес (где-то на Невском), то у зубного врача Лаврентьевой (на Николаевской), то в книжном складе «Вперед»¹, у разных сочувствующих.

Помню два эпизода. Однажды мы с Верой Рудольфовной Менжинской расположились принимать приезжих в складе «Вперед», где нам для этой цели отвели особую комнату. К нам пришел какой-то районщик с пачкой прокламаций, другой сидел в ожидании своей очереди, как вдруг дверь открылась, в нее просунулась голова пристава, который сказал: «Ага» — и запер нас на ключ. Что было делать? Лезть в окно было нецелесообразно, сидели и недоуменно смотрели друг на друга. Потом решили пока что сжечь прокламации и другую всяческую нелегалыщину, что и сделали, сговорились сказать, что мы отбираем популярную литературу для деревни. Так и сказали. Пристав поглядел на нас с усмешечкой, но не арестовал. Записал фамилии наши и адреса. Мы сказали, конечно, адреса и фамилии фиктивные.

Другой раз я чуть не влетела, отправившись первый раз на явку к Лаврентьевой. Вместо номера дома 32 дали № 33. Подхожу к двери и удивляюсь — карточка почему-то сорвана. Странная, думаю, конспирация... Двери мне отворяет какой-то денщик, я, ничего не спрашивая, нагруженная всякими шифрованными адресами и литературой, прущу прямо по коридору. За мной следом, страшно побледнев, весь дрожа, бросается денщик. Я останавливаюсь: «Разве сегодня не приемный день? У меня зубы болят». Заикаясь, денщик говорит: «Г-на полковника дома нет». «Какого полковника?» «Полковника-с Римана». Оказывается, я залезла в квартиру Римана, полковника Семеновского полка, усмирявшего московское восстание, чинившего расправу на Московско-Казанской ж. д.

Он, очевидно, боялся покушения, потому была сорвана карточка на двери, а я ворвалась к нему в квартиру и устремилась по коридору без доклада.

«Я не туда зашла, значит, мне к доктору надо», — сказала я и повернула обратно.

Ильич маялся по ночевкам, что его очень тяготило. Он вообще очень стеснялся, его смущала вежливая заботливость любезных хозяев, он любил работать в библиотеке или дома, а тут надо было каждый раз приспособляться к новой обстановке.

Встречались мы с ним в ресторане «Вена», но так как там разговаривать на людях было не очень-то удобно, то мы, посидев там или встретившись в условленном месте на улице, брали извозчика и ехали в гостиницу (она называлась «Северная»), что против Николаевского вокзала, брали там особый кабинет и

¹ Книжный склад и издательство «Вперед» принадлежали ЦК партии. *Ред.*

заказывали ужин. Помню, раз увидели на улице Юзефа (Дзержинского), остановили извозчика и пригласили его с собой. Он сел на облучок. Ильич все беспокоился, что ему неудобно сидеть, а он смеялся, рассказывал, что вырос в деревне и на облучке саней-то уж ездить умеет.

Наконец Ильичу надоела вся эта маята, и мы поселились с ним вместе на Пантелеймоновской (большой дом против Пантелеймоновской церкви) у какой-то черносотенной хозяйки.

Из выступлений Ильича, относящихся к тому времени, помню собрание на квартире у Книповичей пропагандистов от разных районов. Ильич говорил о деревне. Помню, ему задал какой-то вопрос Николай из-за Невской заставы. Помню, мне ужасно не понравилась тогда и шаблонная постановка вопроса и манера говорить Николая. После собрания я расспрашивала Дяденьку, которая была организатором за Невской заставой, что за работник Николай. Она говорила о нем как о талантливом парне, крепко связанном с деревней, но жаловалась, что он не умеет работать систематически с массой, а возится лишь с небольшой группой рабочих. В 1905 и 1906 годах Николай был все же одним из активных работников. В годы реакции он стал провокатором, но не выдержал и покончил с собой. Николай принадлежал к группе товарищей, которые стремились проникать во все слои беднейшего населения. Помню, он ходил в ночлежку вести агитацию. Тов. Крыленко, который тогда был совсем молодым, задиристым парнем, попал как-то на собрание сектантов, которые чуть его не поколотили; Сергей Войтинский также постоянно ввязывался во всякие истории.

За Ильичем началась слежка. Однажды он был на каком-то собрании (кажется, у адвоката Чекеруль-Куша), где делал доклад. За ним началась такая слежка, что он решил домой не возвращаться. Так и просидела я у окна всю ночь до утра, решив, что его где-то арестовали. Ильич еле-еле ушел от слежки и при помощи Баска (тогда видного члена Спилки) перебрался в Финляндию и там прожил до Стокгольмского съезда¹.

Там в апреле написал Ильич брошюру «Победа кадетов и задачи рабочей партии»². Подготавливал резолюции к Объединительному съезду, обсуждались они в Питере, куда приехал Ильич, в квартире Витмер, там была гимназия, и дело происходило в одном из классов.

После II съезда большевики и меньшевики собирались впервые вместе на съезде. Хотя меньшевики за последние месяцы уже достаточно выявили свое лицо, но Ильич еще надеялся, что новый подъем революции, в котором он не сомневался, захватит их и примирит с большевистской линией.

¹ IV (Объединительный) съезд РСДРП состоялся в Стокгольме 10—25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 года. *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 271—352. *Ред.*

Я на съезд несколько запоздала. Ехала туда вместе с Тучапским, которого раньше знала по подготовке I съезда, с Клавдией Тимофеевной Свердловой. Свердлов тоже собирался на съезд. На Урале он пользовался громадным влиянием. Рабочие не хотели ни за что отпустить его. У меня был мандат от Казани, но не хватало небольшого числа голосов. Мандатная комиссия дала поэтому мне лишь совещательный голос. Недолгое присутствие в мандатной комиссии сразу же заставило окунуться в атмосферу съезда — она была достаточно фракционна.

Большевики держались очень сплоченно. Их объединяла уверенность, что революция, несмотря на временное поражение, идет на подъем.

Помню хлопоты Дяденьки, которая хорошо знала шведский язык и на которую поэтому пала вся возня с устройством делегатов. Помню Ивана Ивановича Скворцова и Владимира Александровича Базарова, у которого в боевые моменты особенно поблескивали глаза. Я помню, как Владимир Ильич в связи с этим говорил о том, что у Базарова сильна политическая жилка, что его увлекает борьба. Помню какую-то прогулку на лоно природы, в которой принимали участие Рыков, Строев и Алексинский, говорили о настроениях рабочих. На съезде были также Ворошилов (Володя Антимеров) и К. Самойлова (Наташа Большевикова). Уж одни эти две последние клички, пропикнутые молодым задором, характерны для настроений большевистских делегатов на Объединительном съезде. Со съезда большевистские делегаты ехали еще больше сплоченными, чем раньше.

27 апреля открылась I Государственная дума, была демонстрация безработных, среди которых работал Войтинский, с большим подъемом прошло 1 Мая. В конце апреля открылась вместо «Новой жизни» газета «Волна», стал выходить большевистский журналчик «Вестник жизни». Движение шло опять на подъем.

По возвращении со Стокгольмского съезда мы поселились на Забалканском, я по паспорту Прасковьи Онегиной, Ильич по паспорту Чхеидзе. Двор был проходной, жить там было удобно, если бы не сосед, какой-то военный, который смертным боем бил жену и таскал ее за косу по коридору, да не любезность хозяйки, которая усердно расспрашивала Ильича о его родных и уверяла, что знала его, когда он был четырехлетним мальчуганом, только тогда он был черненьким...

Ильич писал отчет питерским рабочим об Объединительном съезде, ярко освещая все разногласия по самым существенным вопросам. «Свобода обсуждения, единство действия,— вот чего мы должны добиться»,— писал Ильич в этом отчете,— «...в поддержке революционных выступлений крестьянства, в критике мелкобуржуазных утопий все с.-д. согласны между собой». «При

выборах (в Думу. *Н. К.*) обязательно полное единство действий. Съезд решил, — будем выбирать *все*, где предстоят выборы. Во время выборов никакой критики участия в выборах. Действие пролетариата должно быть едино»¹.

Отчет вышел в изд. «Вперед» в мае месяце.

9 мая Владимир Ильич первый раз в России выступил открыто на громадном массовом собрании в Народном доме Паниной под фамилией Карпова. Рабочие со всех районов наполняли зал. Поражало отсутствие полиции. Два пристава, повертевшись в начале собрания в зале, куда-то исчезли. «Как порошком их посыпало», — шутил кто-то. После кадета Огородникова председатель предоставил слово Карпову. Я стояла в толпе. Ильич ужасно волновался. С минуту стоял молча, страшно бледный. Вся кровь прилила у него к сердцу. И сразу почувствовалось, как волнение оратора передается аудитории. И вдруг зал огласился громом рукоплесканий — то партийцы узнали Ильича. Запомнилось недоумевающее, взволнованное лицо стоявшего рядом со мной рабочего. Он спрашивал: кто, кто это? Ему никто не отвечал. Аудитория замерла. Необыкновенно подъемное настроение охватило всех присутствовавших после речи Ильича, в эту минуту все думали о предстоящей борьбе до конца.

Красные рубахи разорвали на знамена и с пением революционных песен разошлись по районам.

Была белая майская возбуждающая питерская ночь. Полиции, которую ждали, не было. С собрания Ильич пошел ночевать к Дмитрию Ильичу Лещенко.

Не удалось Ильичу больше выступать открыто на больших собраниях в ту революцию.

24 мая была закрыта «Волна». 26 мая она возобновилась под именем газеты «Вперед». «Вперед» просуществовала до 14 июня.

Только 22 июня удалось приступить к изданию новой большевистской газеты «Эхо», просуществовавшей до 7 июля. 8 июля была распущена Государственная дума.

В конце июня приезжала в Питер только что освободившаяся из варшавской тюрьмы Роза Люксембург. С ней виделась тогда Владимир Ильич и наша большевистская руководящая публика. Квартиру под свидание дал домовладелец Папа Роде, старик, с дочерью которого я вместе учительствовала за Невской заставой, а потом одновременно с ней сидела в тюрьме. Старик старался помогать, чем мог, и на этот раз отвел под собрание большую пустую квартиру, в которой для ради конспирации велел замазать белой краской все окна, чем, конечно, привлёк внимание всех дворников. На этом совещании говорили о создавшемся положении, о той тактике, которой надо было

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 64—65, 65. *Ред.*

держаться. Из Питера Роза поехала в Финляндию, а оттуда за границу.

В мае, когда движение нарастало, когда Дума стала отражать крестьянские настроения, Ильич уделял ей очень большое внимание. За это время им написаны статьи: «Рабочая группа в Государственной думе», «Крестьянская или «трудовая» группа и РСДРП», «Вопрос о земле в Думе», «Ни земли, ни воли», «Правительство, Дума и народ», «Кадеты мешают Думе обратиться к народу», «Горемычники, октябристы и кадеты», «Плохие советы», «Кадеты, трудовики и рабочая партия»¹; все эти статьи имеют в виду одно — смычку рабочего класса с крестьянством, необходимость поднять крестьян на борьбу за землю и волю, необходимость не дать кадетам возможности заключить сделки с правительством.

Ильич не раз выступал в это время с докладами по этому вопросу.

Выступал Ильич с докладом перед представителями Выборгского района в Союзе инженеров на Загородном. Пришлось долго ждать. Один зал был занят безработными, в другом собрались каталы, организатором их был Сергей Малышев, в последний раз пытавшиеся договориться с предпринимателями, но и на этот раз не договорились. Только когда они ушли, можно было приступить к докладу.

Помню также выступление Ильича перед группой учителей. Среди учителей господствовали тогда эсеровские настроения, большевиков на учительский съезд не пустили, но было организовано собеседование с несколькими десятками учителей. Дело происходило в какой-то школе. Из присутствовавших запомнилось лицо одной учительницы, небольшого роста, горбатенькой, — это была эсерка Кондратьева. На этом собеседовании выступал т. Рязанов с докладом о профсоюзах. Владимир Ильич делал доклад по аграрному вопросу. Ему возражал эсер Бунаков, уличая его в противоречиях, стараясь цитатами из Ильина (тогдашний литературный псевдоним Ильича) побивать Ленина. Владимир Ильич внимательно слушал, делал записи, а потом довольно сердито отвечал на эту эсеровскую демагогию.

Когда встали во весь рост вопросы о земле, когда открыто выявилось, говоря словами Ильича, «объединение чиновников и либералов против мужиков», колеблющаяся трудовая группа пошла за рабочими. Правительство почувствовало, что Дума не будет надежной опорой правительства, и перешло в наступление, начались избияния мирных демонстраций, поджоги домов с народными собраниями, начались еврейские погромы. 20 июня выпущено было правительственное сообщение по аграрному вопросу с резкими выпадами по адресу Государственной думы.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13. Ред.

Наконец 8 июля Дума была распушена, социал-демократические газеты закрыты, начались всякие репрессии, аресты. В Кронштадте и в Свеаборге разразилось восстание¹. Наши принимали там самое активное участие. Иннокентий (Дубровинский) сле-сле выбрался из Кронштадта и выскользнул из рук полиции, притворившись вдрызг пьяным. Вскоре арестовали нашу военную организацию, в среде которой оказался провокатор. Это было как раз во время Свеаборгского восстания. В этот день мы безнадежно ждали телеграмм о ходе восстания.

Сидели в квартире Менжинских. Вера Рудольфовна и Людмила Рудольфовна Менжинские жили в то время в очень удобной, отдельной квартире. К ним часто приходили товарищи. Постоянно у них бывали гг. Рожков, Юзеф, Гольденберг. На этот раз там также собралось несколько товарищей, в том числе Ильич. Ильич направил Веру Рудольфовну к Шлихтеру, чтобы сказать, что нужно немедленно выехать в Свеаборг. Кто-то вспомнил, что в кадетской «Речи» служит корректором товарищ Харрик. Пошла я к нему узнавать, нет ли телеграмм. Его не застала, телеграммы получила от другого корректора. Он посоветовал мне сговориться с Харриком, который живет неподалеку — в Гусевом переулке, и даже адрес Харрика надписал на гранках с телеграммами. Я пошла в Гусев переулок. Около дома под ручку ходили две женщины. Они остановили меня: «Если вы идете в такой-то номер, не ходите, там засада, всех хватают». Я поторопилась предупредить нашу публику. Как потом оказалось, там арестована была наша военная организация, в том числе и Вячеслав Рудольфович Менжинский. Восстание было подавлено. Реакция нагнала. Большевики возобновили издание нелегального «Пролетария», ушли в подполье; меньшевики забили отбой, стали писать в буржуазной прессе, выкинули демагогический лозунг рабочего беспартийного съезда, который при данных условиях означал ликвидацию партии. Большевики требовали экстренного съезда.

Ильичу пришлось перебраться в «ближнюю эмиграцию», в Финляндию. Он поселился там у Лейтейzenов на станции Куоккала, неподалеку от вокзала. Неуютная большая дача «Ваза» давно уже служила пристанищем для революционеров.

¹ Восстание матросов и солдат в Кронштадте началось 19 июля (1 августа) 1906 года, после того как там были получены известия о восстании в Свеаборге, которое вспыхнуло стихийно в ночь с 17(30) на 18(31) июля. Правительство через провокаторов получило сведения о сроке восстания в Кронштадте и поэтому заранее подготовилось к сражению. Успешному ходу восстания мешала также дезорганизаторская деятельность эсеров. К утру 20 июля (2 августа) восстание было подавлено.

Восстание в Свеаборге продолжалось три дня. Однако сказалась общая неподготовленность выступления, и 20 июля (2 августа), после обстрела крепости военными кораблями, Свеаборгское восстание также было подавлено. *Ред.*

Перед тем там жили эсеры, приготовлявшие бомбы, потом поселился там большевик Лейтейзен (Линдов) с семьей. Ильичу отвели комнату в сторонке, где он строчил свои статьи и брошюры и куда к нему приезжали и чекисты, и чекисты, и приезжие из провинции. Ильич из Куоккалы руководил фактически всей работой большевиков. Через некоторое время я тоже туда переселилась, уезжала ранним утром в Питер и возвращалась поздно вечером. Потом Лейтейзены уехали, мы заняли весь низ — приехала к нам моя мать, потом Мария Ильинична жила у нас одно время. Наверху поселились Богдановы, а в 1907 году — и Дубровинский (Иннокентий). В то время русская полиция не решалась соваться в Финляндию, и мы жили очень свободно. Дверь дачи никогда не запиралась, в столовой на ночь ставились кринка молока и хлеб, на диване стелилась на ночь постель, на случай если кто приедет с ночным поездом, чтобы мог, никого не будя, подкрепитесь и залечь спать. Утром очень часто в столовой мы заставляли приехавших ночью товарищей.

К Ильичу каждый день приезжал специальный человек с материалами, газетами, письмами. Ильич, просмотрев присланное, садился сейчас же писать статью и отправлял ее с тем же посланным. Почти ежедневно приезжал на «Вазу» Дмитрий Ильич Лещенко. Вечером я привозила каждодневно всяческие питерские новости и поручения.

Конечно, Ильич рвался в Питер, и как ни старались держать с ним постоянную самую тесную связь, а другой раз нападало такое настроение, что хотелось чем-нибудь перебить мысли. И вот бывало так, что все обитатели дачи «Вазы» засаживались играть... в дураки. Расчетливо играл Богданов, расчетливо и с азартом играл Ильич, до крайности увлекался Лейтейзен. Иногда приезжал в это время кто-нибудь с поручением, какой-нибудь районщик, смущался и недоумевал: чекисты с азартом играют в дураки. Впрочем, это только полоса такая была.

Я редко видала в это время Ильича, проводя целые дни в Питере. Возвращаясь поздно, заставляла Ильича всегда озабоченным и ни о чем его уж не спрашивала, больше рассказывала ему о том, что приходилось видеть и слышать.

Эту зиму мы с Верой Рудольфовной имели постоянную явку в столовой Технологического института. Это было очень удобно, так как через столовку за день проходила масса народу. В день перебивает другой раз больше десятка человек. Никто не обращал на нас внимания. Раз только пришел на явку Камо. В народном кавказском костюме он нес в салфетке какой-то шарообразный предмет. Все в столовке бросили есть и принялись рассматривать необычайного посетителя. «Бомбу принес», — мелькала, вероятно, у большинства мысль. Но это оказалась не бомба, а арбуз. Камо принес нам с Ильичем гостинцев — арбуз, какие-то засахаренные орехи. «Тетка прислала», — пояснял как-

то застенчиво Камо. Этот отчаянной смелости, непоколебимой силы воли, бесстрашный боевик был в то же время каким-то чрезвычайно цельным человеком, немного наивным и нежным товарищем. Он страстно был привязан к Ильичу, Красину и Богданову. Бывал у нас в Куоккале. Подружился с моей матерью, рассказывал ей о тетке, о сестрах¹. Камо часто ездил из Финляндии в Питер, всегда брал с собой оружие, и мама каждый раз особо заботливо увязывала ему револьверы на спине.

С осени стал выходить в Выборге нелегальный «Пролетарий»², которому Ильич уделял много времени и внимания. Сношения велись через т. Шлихтер. Нелегальный «Пролетарий» привозился в Питер и распространялся там по районам. Переправкой занималась т. Ирина (Лидия Гоби). Хотя перевозка и распределение были налажены — литература шла через легальную большевистскую типографию «Дело», но все же надо было добывать адреса, куда переправлять литературу. Нам с Верой Рудольфовой понадобилась помощница. Один из районщиков, Комиссаров, предложил в качестве помощницы свою жену — Катю. Пришла скромного вида стриженная женщина. Странное чувство в первую минуту овладело мной — чувство какого-то острого недоверия, откуда взялось это чувство — не осознала, скоро оно стерлось. Катя оказалась очень дельной помощницей, все делала очень аккуратно, конспиративно, быстро, не проявляла никакого любопытства, ни о чем не расспрашивала. Помню, только раз, когда я спросила ее о том, куда она едет на лето, ее как-то передернуло и она посмотрела на меня злыми глазами. Потом оказалось, что Катя и ее муж — провокаторы. Катя, достав оружие в Питере, повезла его на Урал, и следом за ее появлением приходила полиция, отбирала привезенное Катей оружие, всех арестовывала. Об этом мы узнали много позже. А ее муж, Комиссаров, стал управляющим у Симонова, домовладельца дома № 9 по Загородному проспекту. Симонов помогал социал-демократам. У него жил одно время Владимир Ильич, потом в этом доме был устроен большевистский клуб, потом там поселился Алексинский. В более позднее время — в годы реакции — Комиссаров устраивал в доме всяких нелегалов, снабжал их паспортами — и потом эти нелегалы очень быстро, «случайно» как-то проваливались на границе. В эту ловушку попал, например, однажды Иннокентий, вернувшись из-за границы на работу в Россию. Конечно, трудно установить момент, когда Комиссаров и его жена стали провокаторами. Во всяком случае, полиция не знала все же очень и очень многого, например, местожительства Владимира Ильича. Полицейский аппарат

¹ Речь идет о Е. А. Бахчиевой, Джаваире и Арусак Тер-Петросян. *Ред.*

² «Пролетарий» — большевистская нелегальная газета. Выходила с 21 августа (3 сентября) 1906 по 28 ноября (11 декабря) 1909 года под редакцией В. И. Ленина, вышло 50 номеров. *Ред.*

был в 1905-м и весь 1906 год еще порядочно дезорганизован. Созыв II Государственной думы назначен был на 20 февраля 1907 года.

Еще на ноябрьской конференции¹ 14 делегатов, в том числе и делегаты от Польши и Литвы, с Владимиром Ильичем во главе, высказались за выборы в Государственную думу, но против всяких блоков с кадетами (за что были меньшевики). Под таким лозунгом и шла работа большевиков по выборам в Думу. Кадеты потерпели поражение на выборах. Во II Думу у них прошла лишь половина того количества депутатов, которые проходили от них в I Думу. Выборы прошли с большим опозданием. Казалось, поднимается новая революционная волна. В начале 1907 года Ильич писал:

«Как мизерны стали вдруг наши недавние «теоретические» споры, освещенные прорвавшимся теперь ярким лучом восходящего революционного солнца!»

Депутаты II Думы довольно часто приезжали в Куоккалу потолковать с Ильичем. Работой депутатов-большевиков непосредственно руководил Александр Александрович Богданов, но он жил в Куоккале на той же даче «Ваза», — там же, где и мы, и обо всем сталкивался с Ильичем.

Я помню, как однажды, возвращаясь поздно вечером из Питера в Куоккалу, я встретилась в вагоне с Павлом Борисовичем Аксельродом. Он заговорил о том, что большевистские депутаты, в частности Алексинский, выступают в Думе совсем неплохо. Заговорил о рабочем съезде. Большевики вели довольно усиленную агитацию за рабочий съезд, надеясь, что широкий рабочий съезд поможет справиться со все растущим влиянием большевиков. Большевики настаивали на ускорении партийного съезда. Он назначен был наконец на апрель². Съезд получился очень многочисленный. Гуртом ехали на него делегаты, вереницей являясь на явку, где представителями от большевиков были я и Михаил Сергеевич, а от меньшевиков — Крохмаль и жена Хинчука М. М. Шик. Полиция учинила слежку. На Финляндском вокзале арестовали Марата (Шанцер) и еще нескольких делегатов. Пришлось принимать сугубые меры предосторожности. Ильич и Богданов уже уехали на съезд. В Куоккалу я не торопилась. Приезжаю в воскресенье только к вечеру и что же вижу? Сидят у нас 17 делегатов, холодные, голодные, не пивши, не евши! Домашняя работница, которая жила у нас, была финкой, социал-демократкой, по воскресеньям уходила на целый день — ставили они спектакли в Нардومه и пр., — пока я их напоила, накормила, прошло немало времени. Сама я на съезде не была.

¹ Вторая конференция РСДРП («Первая Всероссийская») состоялась в Таммерфорсе 3—7 (16—20) ноября 1906 года. *Ред.*

² Имеется в виду V съезд РСДРП, состоявшийся в Лондоне 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 года. *Ред.*

Не на кого было оставить секретарскую работу, а время было трудное. Полиция нагледа, публика стала побаиваться пускать большевиков на почевки и явки. Я встречалась иногда с публикой в «Вестнике жизни». Петр Петрович Румянцев, редактор журнала, постеснялся мне сказать сам, чтобы я явок в «Вестнике жизни» не устраивала, и напустил на меня сторожа — рабочего, с которым мы частенько говорили о делах. Досадно стало, зачем не сказал сам.

Со съезда Ильич приехал позже других. Вид у него был необыкновенный: подстриженные усы, сбритая борода, большая соломенная шляпа.

Тотчас после съезда Ильич выступил с докладом в Териоках в гостинице финна Какко (эта гостиница потом сторела) перед приехавшими в большом количестве из Питера рабочими.

3 июня была разогнана II Дума. Вся большевистская фракция приехала поздно вечером в Куоккалу, просидели всю ночь, обсуждая создавшееся положение. От съезда Ильич устал до крайности, нервничал, не ел. Я снарядила его и отправила в Стирсудден, в глубь Финляндии¹, где жила семья Дяденьки, а сама спешно стала ликвидировать дела. Когда приехала в Стирсудден — Ильич уже отошел немного. Про него рассказывали: первые дни ежеминутно засыпал — сядет под ель и через минуту уже спит. Дети его «дрыхалкой» прозвали. В Стирсуддене мы чудесно провели время — лес, море, дичее дикого, рядом только была большая дача инженера Зябицкого, где жили Лещенко с женой и Алексинский. Ильич избегал разговоров с Алексинским — хотелось отдохнуть, — тот обижался. Иногда у Лещенко собирались послушать музыку. Ксения Ивановна — родственница Книповичей — обладала чудесным голосом, она была певица, и Ильич слушал с наслаждением ее пение. Добрую часть дня мы проводили с Ильичем у моря или ездили на велосипеде. Велосипеды были старые, их постоянно надо было чинить, то с помощью Лещенко, то без его помощи, — чинили старыми калошами и, кажется, больше чинили, чем ездили. Но ездить было чудесно. Дяденька усиленно подкармливала Ильича яичницей да оленьим окороком, Ильич понемногу отошел, отдохнул, пришел в себя.

Из Стирсуддена поехали на конференцию в Териоки². Обдумав на свободе всесторонне положение, Ильич на конференции выступил против бойкота III Думы. Началась война еще на новом фронте, война с бойкотистами, не хотевшими считаться с горькой действительностью и опьянявшими себя звонкими фразами. В маленькой дачке горячо защищал свою позицию Ильич.

¹ В. И. Ленин уехал в Стирсудден в июне, ранее 15(28) 1907 года. *Ред.*

² Петербургская общегородская конференция РСДРП в Териоках проходила 8 и 14 (21 и 27) июля 1907 года. *Ред.*

Подъехал на велосипеде Красин и, стоя у окна, внимательно слушал Ильича. Потом, не входя в дачу, задумчиво пошел прочь... Да, было над чем подумать.

Подошел Штутгартский конгресс¹. Ильич им был очень доволен. Доволен резолюциями о профсоюзах и об отношении к войне.

ИЗ РОССИИ ЗА ГРАНИЦУ

Конец 1907 года

Ильичу пришлось перебраться в глубь Финляндии. На даче «Ваза» (в Куоккале) оставались еще Богдановы, Иннокентий (Дубровинский) и я. Уже в Териоках были обыски, ждали их в Куоккале. Мы с Натальей Богдановой «чистились», разбирали всякие архивы, отбирали ценное, отдавали это ценное прятать финским товарщицам, а остальное жгли. Жгли так усердно, что однажды я с удивлением увидела, что снег вокруг нашей «Вазы» усеян пеплом. Впрочем, если бы нагрянули жандармы, они все же нашли бы, вероятно, чем поживиться: очень уж большие залежи накопились в «Вазе». Пришлось предпринимать специальные меры предосторожности. Раз утром прибежала хозяйка дачи, рассказала, что в Куоккалу приехали жандармы, взяла, сколько смогла захватить, всякой нелегальщины, чтобы спрятать у себя. Александра Александровича Богданова и Иннокентия мы отправили гулять в лес, а сами стали ждать обыска. На этот раз на «Вазу» с обыском не пошли, искали боевиков.

Ильича товарищи отправили в глубь Финляндии, он жил в то время в Огльбю (небольшая станция около Гельсингфорса) у каких-то двух сестер финок². Чужим чувствовал он себя в изумительно чистенькой и холодной, по-фински уютной, с кружевными занавесочками комнате, где все стояло на своем месте, где за стеною все время шел смех, игра на рояле и болтовня на финском языке. Ильич писал целыми днями свою работу по аграрному вопросу³, тщательно обдумывая опыт пережитой революции. Часами ходил из угла в угол на цыпочках, чтобы не беспокоить хозяек. Я как-то была у него в Огльбю.

Ильича полиция уже искала по всей Финляндии, надо было уезжать за границу. Ясно было, что реакция затянется на годы.

¹ *Международный социалистический конгресс в Штутгарте — VII конгресс II Интернационала — проходил 5—11 (18—24) августа 1907 года. Ред.*

² *Имеются в виду сестры Винстен. Ред.*

³ *Имеется в виду книга «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов».— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 193—413. Ред.*

Надо было опять податься в Швейцарию. Больно неохота было, но другого выхода не было. Да и необходимо было наладить за границей издание «Пролетария», поскольку издание его в Финляндии стало невозможно. Ильич должен был при первой возможности уехать в Стокгольм и там дожидаться меня. Мне надо было устроить в Питере большую старушку-мать, устроить ряд дел в Питере, условиться о сношениях и потом уже выехать следом за Ильичем.

Пока я возилась в Питере, Ильич чуть не погиб при переезде в Стокгольм. Дело в том, что его выследили так основательно, что ехать обычным путем, садясь в Або на пароход, значило наверняка быть арестованным¹. Бывали уже случаи арестов при посадке на пароход. Кто-то из финских товарищей посоветовал сесть на пароход на ближайшем острове. Это было безопасно в том отношении, что русская полиция не могла там заарестовать, но до острова надо было идти версты три по льду, а лед, несмотря на то что был декабрь, был не везде надежен. Не было охотников рисковать жизнью, не было проводников. Наконец Ильича взялись проводить двое подвыпивших финских крестьян, которым море было по колено. И вот, пробираясь ночью по льду, они вместе с Ильичем чуть не погибли — лед стал уходить в одном месте у них из-под ног. Еле выбрались.

Потом финский товарищ Борго, расстрелянный впоследствии белыми, через которого я переправилась в Стокгольм, говорил мне, как опасен был избранный путь и как лишь случайность спасла Ильича от гибели. А Ильич рассказывал, что, когда лед стал уходить из-под ног, он подумал: «Эх, как глупо приходится погибать». Россияне — большевики, меньшевики, эсеры — вновь перебирались за границу. На одном пароходе со мной в Швецию сходили Дан, Лидия Осиповна Цедербаум, пара каких-то эсеров.

Пробыв несколько дней в Стокгольме, мы с Ильичем двинулись на Женеву через Берлин. В Берлине накануне нашего приезда у русских были обыски и аресты, потому встретивший нас член берлинской группы т. Аврамов не посоветовал нам идти к кому-нибудь на квартиру, а водил нас целый день из кафе в кафе. Вечер мы провели у Розы Люксембург. Штутгартский конгресс, где Владимир Ильич и Роза Люксембург выступали солидарно по вопросу о войне, очень сблизил их. Было это еще в 1907 году, а они на конгрессе уже говорили о том, что борьба против войны должна ставить себе целью не только борьбу за мир, она должна иметь целью замену капитализма социализмом. Порожденный войной кризис необходимо будет использовать для ускорения свержения буржуазии. «...Штутгартский съезд,— писал Владимир Ильич, давая его характеристику,— рельефно сопоставил

¹ Пароходы из Финляндии в Швецию ходили и зимой, разрезая лед ледоколами. *Н. К.*

по целому ряду крупнейших вопросов оппортунистическое и революционное крыло международной социал-демократии и дал решение этих вопросов в духе революционного марксизма»¹. На Штутгартском конгрессе Роза Люксембург и Ильич шли заодно. И потому разговор в тот вечер между ними носил особо дружеский характер.

В гостиницу, где мы остановились, мы пришли вечером больные, у обоих шла белая пена изо рта, и напала на нас слабость какая-то. Как потом оказалось, мы, переключившись из ресторана в ресторан, где-то отравились рыбой. Пришлось ночью вызывать доктора. Владимир Ильич был прописан финским поваром, а я американской гражданкой, и потому прислуживающий позвал к нам американского доктора. Тот осмотрел Владимира Ильича, сказал, что дело очень серьезно, посмотрел меня, сказал: «Ну, вы будете живы!», надавал кучу лекарств и, почуввав, что тут что-то неладно, слупил с нас бешеную цену за визит. Провалились мы чару дней и полубольные потащились в Женеву, куда приехали 7 (25 декабря 1907 года) января 1908 года. Ильич потом писал Горькому, что мы дорогой «простудились».

Неприятно выглядела Женева. Не было ни снежинки, но дул холодный резкий ветер — биза. Продавались открытки с изображением замерзшей на лету воды, около решеток набережной Женевского озера. Город выглядел мертвым, пустынным. Из товарищей в это время в Женеве жили Миха Цхакая, В. А. Карпинский и Ольга Равич. Миха Цхакая ютился в небольшой комнатешке, перебивался в большой нужде, хворал и с трудом поднялся с постели, когда мы пришли. Как-то не говорилось. Карпинские жили в это время в русской библиотеке, бывшей Куклина², которой заведовал Карпинский.

Когда мы пришли, у него был сильнейший припадок головной боли, от которой он щурился все время, все ставни были закрыты, так как свет раздражал его. Когда мы шли от Карпинского по пустынным, ставшим такими чужими, улицам Женевы, Ильич обронил: «У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал».

Началась наша вторая эмиграция, она была куда тяжелее первой.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 74. *Ред.*

² Г. А. Куклин — социал-демократ, издатель социал-демократической литературы. С 1903 года издавал за границей «Библиотеку русского пролетария». С 1905 года большевик. В Женеве организовал большую библиотеку революционной литературы, которая с 1902 года функционировала как общедоступная. После смерти Куклина (умер в 1907 году) библиотека и издания по его завещанию перешли к партии большевиков. *Ред.*

Часть вторая

ВТОРАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Вторая эмиграция распадается на три периода: *Первый период (1908—1911 годы) был годами, когда в России царил самая бешеная реакция.* Царское правительство жестоко расправлялось с революционерами. Тюремь были переполнены, в них царил самый каторжный режим, происходили постоянные избиения, смертные приговоры следовали один за другим. Нелегальные организации вынуждены были уйти в глубокое подполье. Это плохо удавалось. За время революции состав партии стал иным: партия пополнилась кадрами, не знавшими дореволюционного подполья и не привыкшими к конспирации. С другой стороны, царское правительство не жалело денег на организацию провокатуры. Вся система провокатуры была чрезвычайно продумана, разветвлена, окружала центральные органы партии. Информация у правительства была образцовая.

Параллельно с этим систематически преследовалась деятельность всяких легальных обществ, профессиональных союзов, печати. Правительство всеми силами стремилось отнять у рабочих масс завоеванные ими за годы революции «права» — права собираться, обсуждать интересующие их вопросы, организовываться. Но вернуть старые времена было невозможно, революция для масс не прошла бесследно, и рабочая самостоятельность прорывалась вновь и вновь через каждую щель.

Эти годы были годами величайшего идейного развала в среде социал-демократии. Стали делаться попытки пересмотра самых основ марксизма, возникли философские течения, пытавшиеся пошатнуть материалистическое мировоззрение, на котором зиждется весь марксизм. Действительность была мрачна. И вот стали делаться попытки найти выход в измышлении какой-то новой утонченной религии, философски обосновать ее. Во главе новой философской школы, открывавшей двери всякому богоскитательству, богостроительству, стоял Богданов, к нему призывали Луначарский, Базаров и др. Маркс пришел к марксизму

через философию, через борьбу с идеализмом. Плеханов в свое время уделил вопросу обоснования материалистического мировоззрения громадное внимание. Ленин изучал их работы, усиленно занимался философией еще в ссылке. Он не мог не учесть значения философской ревизии марксизма, ее удельный вес в годы реакции. И Ленин со всей резкостью выступал против Богданова и его школы¹.

Богданов был противником не только на философском фронте. Он группировал около себя отзовистов и ультиматистов. Отзовисты говорили, что Государственная дума стала настолько реакционна, что надо отозвать социал-демократическую фракцию из Думы; ультиматисты считали, что надо предъявить ей ультиматум, чтобы она с думской трибуны выступала так, чтобы ее вышибли из Думы. По существу дела разницы между отзовистами и ультиматистами не было... К ультиматистам принадлежали Алексинский, Марат и другие. Отзовисты и ультиматисты были также против участия большевиков в профессиональных союзах и легальных обществах. Нельзя-де идти на компромиссы. Большевики-де должны быть твердокаменными, несгибаемыми. Ленин считал такую точку зрения ошибочной. Она вела к отстранению от всякой практической работы, от масс, от организации их на живом деле. Большевики умели использовать в период до революции 1905 года каждую легальную возможность, умели в тяжелейших условиях пробиваться вперед и вести за собой массы. От борьбы за кипятки, за вентиляцию вели они шаг за шагом массы к всенародному вооруженному восстанию. Умение приспосабливаться к самой трудной обстановке и, приспосабливаясь, сохранять принципиальную выдержку, не сдавать революционных позиций — таковы были традиции ленинизма. Отзовисты рвали с большевистскими традициями. Борьба с отзовизмом была борьбой за испытанную большевистскую, ленинскую тактику.

И наконец, эти годы, 1908—1911, были годами острой борьбы за партию, за ее нелегальную организацию.

Вполне естественно, что в период реакции признаки упаднических настроений стали прежде всего сказываться среди меньшевиков-практиков, и раньше всегда склонных плыть по течению, склонных урезывать революционные лозунги, связанных тесными узами с либеральной буржуазией. Эти упадочные настроения выразились чрезвычайно ярко в стремлении очень ши-

¹ В рукописи далее следует: «Товарищам-практикам, мало интересовавшимся философией, было не ясно, чего это так горячится Ленин, чего это он бешено так ругается, из-за чего рвет с недавними соратниками — Богдановым и К^о, чего ради блокируется он с Плехановым, на чем свет ругавшим большевиков, писавшим, что не нужно было в декабре 1905 года братья за оружие. Шла борьба за марксизм, за его основы». *Ред.*

роких слоев меньшевиков ликвидировать партию. Ликвидаторы уверяли, что нелегальная партия ведет лишь к провалам, суживает размах рабочего движения. А на деле ликвидация нелегальной партии означала бы отказ от самостоятельной политики пролетариата, снижение революционного настроения пролетарской борьбы, ослабление организации и единства действий пролетариата. Ликвидация партии означала отказ от учения Маркса, от всех его установок.

Конечно, такие меньшевики, как Плеханов, так много сделавший в свое время для пропаганды марксизма, для борьбы с оппортунизмом, не могли не видеть всей реакционности ликвидаторских настроений, и, когда проповедь ликвидации партии стала перерастать в проповедь ликвидации самых основ марксизма, он всячески стал от них отгораживаться и образовал свою группу — группу меньшевиков-партийцев.

Развернувшаяся борьба за партию внесла ясность в целый ряд организационных вопросов, уточнила, углубила в широких рядах партийцев понимание роли партии, обязанностей ее членов.

Борьба за материалистическое мировоззрение, за связь с массами, за ленинскую тактику, борьба за партию происходила в тяжелейших условиях эмигрантской обстановки.

В годы реакции эмиграция страшно разрослась, не переставая пополняться она людьми, бежавшими за границу от свирепых преследований царского правительства, людьми с истрепанными, надорванными нервами, без перспектив впереди и без гроша денег, без какой-либо помощи из России. Все это придавало происходящей борьбе особо тяжелый характер. Склоки, свары было больше чем достаточно.

Теперь, много лет спустя, до прозрачности ясно, из-за чего шла борьба. Теперь, когда жизнь подтвердила так наглядно правильность ленинской линии, эта борьба кажется уже многим малоинтересной. А между тем без этой борьбы партия не могла бы так быстро развернуть свою работу в годы подъема, ее путь к победе был бы затруднен. Борьба происходила в условиях, когда вышеуказанные течения только еще складывались, происходила между людьми, недавно еще боровшимися рука об руку, и многим казалось, что все дело в неуживчивости Ленина, в его резкости, в его плохом характере. А на деле шла борьба за существование партии, за выдержанность ее линии, за правильность ее тактики. Резкость форм полемики диктовалась также запутанностью вопросов, и Ильич часто особо резко ставил вопросы потому, что без резкой постановки оставалась бы в тени самая суть вопроса.

Годы 1908—1911 были не просто годами проживания за границей, они были годами напряженной борьбы на важнейшем фронте — на фронте идеологической борьбы.

Второй период второй эмиграции, годы 1911—1914, были годами подъема в России. Рост стачечной борьбы, ленинские события, вызвавшие единодушное выступление рабочего класса, развитие рабочей печати, выборы в Думу и работа думской фракции — все это вызвало к жизни новые формы партийной работы, придало ей совершенно новый размах, сделало партию гораздо более рабочей по составу, приблизило ее к массам.

Быстро стали укрепляться связи с Россией, росло влияние на русскую работу. Пражская партийная конференция января 1912 года исключила ликвидаторов, оформила нелегальную партийную организацию. Плеханов с большевиками не пошел.

В 1912 году мы переехали в Краков. Борьба за партию, за ее укрепление шла уже не среди заграничных группок. Краковский период был периодом, когда в России на деле, на практике ленинская тактика целиком оправдывала себя. Вопросы практической работы партии с массами целиком захватывают Ильича. Но в то же время, как в России широко развертывалось рабочее движение, на международном фронте поблескивали уже зарницы приближавшейся грозы, все больше и больше начинало пахнуть войной. И Ильич думает уже о тех новых взаимоотношениях, которые должны установиться между различными национальностями, когда имеющая разразиться война превратится в гражданскую. Живя в Кракове, Ильичу пришлось ближе столкнуться с польскими социал-демократами, с их взглядами на национальный вопрос. Он настойчиво ведет борьбу с их ошибками, заостряет, уточняет формулировки. В краковский период большевиками принят ряд резолюций по национальному вопросу, имевших чрезвычайно большое значение.

Третий период второй эмиграции (1914—1917) охватывает годы войны, когда резко переменялся опять весь характер нашей эмигрантской жизни. Это был период, когда вопросы международного характера приобрели решающее значение, когда только под углом зрения международного движения могли трактоваться и наши российские дела.

Другая база, гораздо более широкая, база интернациональная, неизбежно должна была теперь лечь в их основу. Делалось все, что можно было сделать, сидючи в нейтральной стране, для пропаганды борьбы с империалистской войной, для пропаганды превращения ее в войну гражданскую, для закладки первых камней нового Интернационала. Эта работа поглощала все силы Ленина в первые годы войны (конец 1914 и 1915 год).

Но параллельно с этим у него — под влиянием окружающих событий — пробуждается ряд новых мыслей: его тянет к углубленной работе над вопросами об империализме, о характере войны, о новых формах государственной власти, которая сложится на другой день после победы пролетариата, о диалектическом методе в его применении к политике и тактике рабочего

класса. Мы перебираемся из Берна в Цюрих, где удобнее было работать. Ильич вплотную берется за писание, целые дни проводит в библиотеках, пока не приходит весть о Февральской революции и не начинаются сборы в Россию.

ГОДЫ РЕАКЦИИ

ЖЕНЕВА

1908 год

Вечером в день приезда в Женеву Ильич написал письмо Алексинскому — большевистскому депутату II Думы, осужденному вместе с другими большевистскими депутатами на каторгу, эмигрировавшему за границу и жившему в это время в Австрии, — в ответ на его письмо, полученное еще в Берлине, а через пару дней ответил А. М. Горькому, который усиленно звал Ильича приехать к нему в Италию, на Капри¹.

На Капри ехать было невозможно, надо было налаживать нелегальный Центральный Орган партии «Пролетарий». Надо было это делать как можно скорее, чтобы быстрее наладить в это трудное время реакции систематическое руководство через Центральный Орган. Ехать нельзя было, но Ильич в письме мечтал: «Действительно, важно было бы закатиться на Капри!» И дальше писал он: «К Вам приехать, я думаю, лучше тогда, когда у Вас не будет большой работы, чтобы можно было шлаться и болтать вместе»². Много за последнее время было пережито и передумано Ильичем, и хотелось ему поговорить с Горьким по душе, но поездку приходилось отложить.

Еще не было решено, будет ли издаваться «Пролетарий» в Женеве или где-либо в другом месте за границей. Было написано в Австрию австрийскому социал-демократу Адлеру и Юзефу (Дзержинскому), жившему там же. Австрия ближе к границе, там было бы в некотором отношении удобнее печататься, лучше можно было бы наладить транспорт, но Ильич мало надеялся на то, что можно будет поставить издание ЦО где-либо в другом месте, кроме Женевы, и предпринимал шаги для налаживания дела в Женеве. К нашему удивлению, мы узнали, что в Женеве от прежнего времени у нас оставалась наборная машина, что сокращало расходы и упрощало дело.

Объявился прежний наборщик, набиравший раньше в Женеве до революции большевистскую газету «Вперед» — т. Вла-

¹ Далее в рукописи следует: «Не помню, встречался ли Ильич с Горьким до Лондонского съезда, но начинал с Лондонского съезда, на котором присутствовал Горький, у Ильича всегда светлело лицо и смягчели глаза, когда он говорил о Горьком». В. И. Ленин впервые встретился с А. М. Горьким в Петербурге в ноябре 1905 года. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 120. *Ред.*

димиров. Общие хозяйственные заботы были возложены на Д. М. Котляренко.

К февралю уже съехались в Женеву все товарищи, посланные из России ставить «Пролетарий», т. е. Владимир Ильич, Богданов и Иннокентий (Дубровинский).

В письме от 2 февраля Владимир Ильич писал А. М. Горькому: «Все налажено, на днях выпускаем анонс. В сотрудники ставим Вас. Черкните пару слов, могли ли бы Вы дать что-либо для первых номеров (в духе ли *заметок о мещанстве* из «*Новой Жизни*» или отрывки из повести, которую пишете, и т. п.)»¹. Ильич еще в 1894 году в своей книжке «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» писал о буржуазной культуре, о мещанстве, которое он глубоко ненавидел и презирал. И потому заметки Горького о мещанстве ему особенно нравились².

Луначарскому, устроившемуся на Капри у Горького, Ильич писал: «Черкните, устроились ли вполне и стали ли работоспособны?»³

Редакционная тройка (Ленин, Богданов, Иннокентий) послала письмо в Вену Троцкому, приглашая сотрудничать в «Пролетарии». Троцкий отказался, не захотел работать с большевиками, но не сказал прямо, а мотивировал свой отказ занятостью.

Начались заботы о налаживании транспорта для «Пролетария». Разыскивали старые связи. Когда-то транспорт наш шел морем, через Марсель и пр. Ильич думал, что теперь наладить транспорт можно бы, пожалуй, через Капри, где жил Горький. Он писал Марии Федоровне Андреевой, жене Горького, о том, как наладить через пароходных служащих и рабочих переправку литературы в Одессу. Списывался о транспорте через Вену с Алексинским, мало, впрочем, надеясь на успех. Алексинский для таких дел был весьма мало пригоден. Стали звать за границу из России нашего «спеца» по транспортным делам, Пятницкого, теперешнего работника Коминтерна, наладившего

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 130. *Ред.*

² В воспоминаниях, опубликованных 22 апреля 1928 года в газете «Правда» № 94, Н. К. Крупская пишет: «Письма Ильича к Горькому, относящиеся к началу 1908 года, написаны как-то особенно дружественно, Ильич молчал о том, как тяжело было ему вновь приспособливаться к оторванности от России, к постоянному ожиданию писем из Питера, Москвы и т. д., ко всей эмигрантской атмосфере, но само собой тянуло поговорить с человеком, который так многое умеет понять, как умел это А. М. Горький.

Но глубоко ошибся бы тот, кто подумал бы, что невеселые личные переживания Ильича хоть в малейшей мере отразились на его готовности к борьбе, хоть на минуту вызвали в нем упадочные настроения, сомнения в том, что поражение пролетариата только временное». *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 123. *Ред.*

в свое время очень хорошо транспорт через германскую границу. Но пока ему удалось уйти из-под слежки, из-под ареста, перебраться через границу, прошло чуть не восемь месяцев. По приезде за границу Пятница пробовал наладить транспорт через Львов, но там устроить ничего не удалось. Осенью 1908 года он приехал в Женеву. Сговорились, что он опять поселится там, где жил раньше, в Лейпциге, и будет налаживать транспорт опять через германскую границу, восстановит старые связи.

Алексинский решил переехать в Женеву. Жену Алексинского, Татьяну Ивановну, предполагалось привлечь в мои помощницы по переписке с Россией. Но это все были лишь планы. Что касается писем, то мы их больше ждали, чем получали. Вскоре после нашего приезда в Женеву произошла история с разменом денег.

В июле 1907 года была совершена экспроприация в Тифлисе на Эриванской площади. В разгар революции, когда шла борьба развернутым фронтом с самодержавием, большевики считали допустимым захват царской казны, допускали экспроприацию. Деньги от тифлисской экспроприации были переданы большевистской фракции. Но их нельзя было использовать. Они были в пятисотках, которые надо было разменять. В России этого нельзя было сделать, ибо в банках всегда были списки номеров взятых при экспроприации пятисоток. Теперь, когда реакция свирепствовала вовсю, надо было устраивать побег из тюрем, где царское правительство мучило революционеров, надо было, для того чтобы не дать заглухнуть движению, ставить нелегальные типографии и т. п. Деньги нужны были до зарезу. И вот группой товарищей была организована попытка разменять пятисотки за границей одновременно в ряде городов. Как раз через несколько дней после нашего приезда за границу была сделана ими попытка разменять эти деньги. Знал об этом, принимал участие в организации этого размена провокатор Житомирский. Тогда никто не знал, что Житомирский провокатор, и все относились к нему с полным доверием. А он уже провалил в это время в Берлине т. Камо, у которого был взят чемодан с динамитом и которому пришлось долго сидеть потом в немецкой тюрьме, а затем германское правительство выдало Камо России. Житомирский предупредил полицию, и пытавшиеся произвести размен были арестованы. В Стокгольме был арестован латыш, член Цюрихской группы¹, в Мюнхене — Ольга Равич, член Женевской группы, наша партийка, недавно вернувшаяся из России, Богдасарян и Ходжамирян.

В самой Женеве был арестован Н. А. Семашко, в адрес которого пришла открытка на имя одного из арестованных.

¹ Имеется в виду Я. Я. Страуян. *Ред.*

Швейцарские обыватели были перепуганы насмерть. Только и разговоров было, что о русских экспроприаторах. Об этом с ужасом говорили за столом в том пансионе, куда мы с Ильичем ходили обедать. Когда к нам пришел в первый раз живший в это время в Женеве Миха Цхакая, самый что ни на есть мирный житель, его кавказский вид так испугал нашу квартирную хозяйку, решившую, что это и есть самый настоящий экспроприатор, что она с криком ужаса захлопнула перед ним дверь.

Швейцарская партия была в то время настроена архипортунистически, и швейцарские социал-демократы говорили по случаю ареста Н. А. Семашко о том, что у них — самая демократическая страна, что правосудие стоит у них на высоте, и они не могут терпеть на своей территории преступлений против собственности.

Русское правительство требовало выдачи арестованных. Шведские социал-демократы готовы были вмешаться в дело, но требовали только, чтобы Цюрихская группа, в которую входил арестованный товарищ, подтвердила, что арестованный в Стокгольме парень¹ — социал-демократ и все время жил в Цюрихе. Цюрихская группа, где преобладали меньшевики, отказалась это сделать. В местной бернской газете меньшевики торопились тоже отгородиться от Семашко, изображая дело так, будто он не социал-демократ и не представлял Женевскую группу на Штутгартском конгрессе.

Меньшевики осуждали Московское восстание 1905 года, они были против всего, что могло отпугнуть либеральную буржуазию. То, что буржуазная интеллигенция отхлынула от революции в момент ее поражения, они объясняли не ее классовой природой, а считали, что ее напугали большевики своими методами борьбы. Утверждение большевиков, что в момент подъема революционной борьбы допустима была экспроприация на революционные цели средств у экспроприирующих, резко осуждалось ими. Большевики, по их мнению, отпугнули либеральную буржуазию. Необходима была борьба с большевиками. В этой борьбе все средства были хороши.

В письме от 26 февраля 1908 года, адресованном Плеханову, П. Б. Аксельрод развивал план, как дискредитировать большевиков в глазах иностранцев, используя для этой цели всю эту историю: составить доклад, перевести его на немецкий и французский языки, послать немецкому партийному правлению (Форштанду), Каутскому, Адлеру, Интернациональному бюро, в Лондон и т. д.²

Это опубликованное много лет спустя, в 1925 году, письмо Аксельрода как нельзя лучше рисует, как далеко разошлись уже к этому времени дороги большевиков и меньшевиков.

¹ Я. Я. Страуян. *Ред.*

² Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. II. М., 1925, с. 256—258. *Ред.*

После ареста Н. А. Семашко Владимир Ильич послал официальное заявление, как представитель РСДРП, в Международное бюро¹. Он писал также Горькому, что если тот знает Семашко лично по Нижнему, то ему надо бы выступить в защиту его в швейцарской печати². Н. А. Семашко вскоре выпустили.

Трудно было нам после революции вновь привыкнуть к эмигрантской атмосфере. Целые дни Владимир Ильич просиживал в библиотеке, но по вечерам мы не знали, куда себя приткнуть. Сидеть в неудобной холодной комнате, которую мы себе наняли, было неохота, тянуло на людей, и мы каждый день ходили то в кино, то в театр, хотя редко досиживали до конца, а уходили обычно с половины спектакля бродить куда-нибудь, чаще всего к озеру.

Наконец в феврале вышел первый, изданный уже в Женеве, (21-й) номер «Пролетария». Характерна в нем первая статья Владимира Ильича. «Мы умели,— писал он,— долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя и своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций. Именно поэтому она свободна и от слабых сторон буржуазных революций. И эта пролетарская партия идет к победе»³.

Эти слова принадлежали Владимиру Ильичу. И они выражали то, чем он тогда жил. В момент поражения он думал о величайших победах пролетариата. По вечерам, когда мы ходили по набережным Женевского озера, он говорил об этом.

Тов. Адоратского, который был в 1906 году выслан за границу и уехал в Россию в начале 1908 года, мы еще застали в Женеве. Он вспоминает разговоры с Ильичем о характере следующей революции, о том, что эта революция несомненно даст власть в руки пролетариата. Эти воспоминания т. Адоратского вполне соответствуют и духу вышеприведенной статьи и всему тому, что говорил тогда Ильич. Что поражение пролетариата только временное — в этом Ильич не сомневался ни минуты.

Тов. Адоратский вспоминает также и то, что Владимир Ильич заставил его «написать подробные воспоминания о 1905 годе, об октябрьских днях и особенно о тех уроках, которые относились к вопросам о вооружении рабочих, о боевых дружинах, об организации восстания и о взятии власти»⁴.

¹ Заявление было послано в редакцию газеты «*Berner Tagwacht*» («Бернский часовой») и напечатано 5 февраля 1908 года в № 29 (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 47, с. 128—129). *Ред.*

² См. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 47, с. 129—131. *Ред.*

³ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 16, с. 420. *Ред.*

⁴ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2, с. 175. *Ред.*

Владимир Ильич считал, что надо самым внимательным, тщательным образом изучать опыт революции, что этот опыт со-служит службу в дальнейшем. Он вцеплялся в каждого участника недавней борьбы, подолгу толковал с ним. Он считал, что на русский рабочий класс легла задача: «...сохранить традиции революционной борьбы, от которой спешат отречься интеллигенция и мещанство, развить и укрепить эти традиции, внедрить их в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного демократического движения»¹.

«Сами рабочие,— писал он,— стихийно ведут именно такую линию. Они слишком страстно переживали великую октябрьскую и декабрьскую борьбу. Они слишком явно видели изменение своего положения *только* в зависимости от этой непосредственно революционной борьбы. Они говорят теперь или, по крайней мере, чувствуют все, как тот ткач, который заявил в письме в свой профессиональный орган: фабриканты отобрали наши завоевания, подмастерья опять по-прежнему издеваются над нами, *погодите, придет опять 1905 год*.

Погодите, придет опять 1905 год. Вот как смотрят рабочие. Для них этот год борьбы дал образец того, *что делать*. Для интеллигенции и ренегатствующего мещанства, это — «сумасшедший год», это образец того, *чего не делать*. Для пролетариата переработка и критическое усвоение опыта революции должны состоять в том, чтобы научиться применять *тогдашние* методы борьбы *более успешно*, чтобы ту же октябрьскую стачечную и декабрьскую вооруженную борьбу сделать более широкой, более сосредоточенной, более сознательной»².

Предстоящие годы представлялись Ильичу как годы подготовки к новому наступлению.

Нужно было использовать «передышку» в революционной борьбе для дальнейшего углубления ее содержания.

Прежде всего надо было выработать линию борьбы в условиях реакции. Надо было обдумать, как, переведя партию на подпольное положение, в то же время удержать за ней возможность действовать легальными способами, сохранить возможность через посредство думской трибуны говорить с широкими массами рабочих и крестьян. Ильич видел, что у многих из большевиков, у так называемых отзовистов, есть стремление до чрезвычайности упростить дело: желая во что бы то ни стало сохранить формы борьбы, оказавшиеся целесообразными в момент наивысшего развития революции, они по существу дела отходили от борьбы в тяжелой обстановке реакции, от всех трудностей приспособления работы к новым условиям. Ильич

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 40. *Ред.*

² Там же, с. 40—41. *Ред.*

расценивал отзовизм как ликвидаторство слева. Наиболее откровенным отзовистом был Алексинский. Когда он вернулся в Женеву, у них с Ильичем очень быстро испортились отношения. По целому ряду вопросов приходилось Ильичу иметь с ним дело, и теперь более, чем когда-либо, Ильичу претила самоуверенная ограниченность этого человека. До того, чтобы думская трибуна и при реакции могла быть способом общения с широкими слоями рабочих и крестьянских масс, Алексинскому было очень мало дела. Он, Алексинский, не мог ведь уже больше, после разгона II Думы, выступать с этой трибуны. На женевском фоне самовлюбленное хулиганство этого человека выступало как-то особенно выпукло, не заслоняемое ничем, а ведь он считался тогда еще большевиком. Помню такую картину. Иду по улице Каруж («Каружка» искони была эмигрантским центром) и вижу растерянно стоящих посредине тротуара двух бундовцев. Они входили вместе с Алексинским в комиссию по редактированию протоколов Лондонского съезда (эти протоколы впервые вышли в 1908 году в Женеве), — зашел спор о какой-то формулировке, и вот Алексинский что-то накричал, захватил со стола все протоколы и убежал. Я оглянулась — вдали увидела завораживающую за угол быстро шагающую низенькую фигуру Алексинского с гордо поднятой головой и громадными папками бумаг под мышками. Было даже не смешно.

Но не в одном Алексинском было дело. Чувствовалось, что в большевистской фракции нет уже прежней сплоченности, что надвигается раскол, в первую голову раскол с А. А. Богдановым.

В России вышли «Очерки по философии марксизма» со статьями А. Богданова, Луначарского, Базарова, Суворова, Бермана, Юшкевича и Гельфонда¹. Эти «Очерки» были попыткой ревизии материалистического мировоззрения, материалистического, марксистского понимания развития человечества, понимания классовой борьбы.

Новая философия открывала двери всякой мистике. В годы реакции ревизионизм мог развернуться особо пышным цветом, упадочнические настроения среди интеллигенции помогали бы этому всячески. Тут размежевание было неизбежно.

Ильич всегда интересовался вопросами философии, занимался ею много в ссылке, знал хорошо все высказывания в этой области К. Маркса, Ф. Энгельса, Плеханова, изучал Гегеля, Фейербаха, Канта. Еще в ссылке он яро спорил с товарищами, склонявшимися к Канту, следил за тем, что писалось по этому вопросу в «Neue Zeit», и вообще по части философии был довольно серьезно подкован.

¹ Очерки по философии марксизма. Философский сборник. Спб. [«Зерно»], 1908. *Ред.*

В письме к Горькому от 25 февраля (10 марта) Ильич изложил историю своих разногласий с Богдановым. Еще в ссылке Ильич читал книжку Богданова «Основные элементы исторического взгляда на природу», но тогдашняя позиция Богданова была лишь переходом к позднейшим его философским взглядам. Позже, когда в 1903 году Ильич работал с Плехановым, Плеханов не раз ругал ему Богданова за его философские высказывания¹. В 1904 году вышла книжка Богданова «Эмпириомонизм», и Ильич напрямик заявил Богданову, что он считает правильными взгляды Плеханова, а не его, Богданова.

«Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым, как *беки*², — писал Ильич Горькому, — и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции и дал нам возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социал-демократии (= большевизма), которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной.

Философией заниматься в горячке революции приходилось мало. В тюрьме в начале 1906 г. Богданов написал еще одну вещь, — кажется, III выпуск «Эмпириомонизма». Летом 1906 г. он мне презентовал ее и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, не марксистским. Я написал ему тогда «объяснение в любви», письмецо по философии в размере трех тетрадок. Выяснял я там ему, что я, конечно, *рядовой марксист* в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова. Сии тетрадочки показал я некоторым друзьям (Луначарскому в том числе) и подумывал было напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии», но не собрался. Теперь жалею о том, что тогда тотчас не напечатал.

...Теперь вышли «Очерки философии марксизма». Я прочел все статьи, кроме суворовской (ее читаю), и с каждой статьей прямо бесновался от негодования... Я себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей.

Меня опять потянуло к «Заметкам рядового марксиста о философии» и я их начал писать, а Ал. Ал — чу — в процессе моего чтения «Очерков» — я свои впечатления, конечно, излагал прямо и грубо³.

¹ Далее в рукописи следует: «...но сотрудничество с ним в целях борьбы с ревизионизмом считал возможным». *Ред.*

² Большевики. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 142, 143. *Ред.*

Так описывал дело Владимир Ильич Горькому.

Уже ко времени выхода первого заграничного номера «Пролетария» (13 февраля 1908 года) отношения с Богдановым у Ильича испортились до крайности¹.

Еще в конце марта Ильич считал, что можно и нужно отделить философские споры от политической группировки во фракции большевиков. Он считал, что философские споры внутри фракции покажут лучше всего, что нельзя ставить знак равенства между большевизмом и богдановской философией.

Однако с каждым днем становилось яснее, что скоро большевистская фракция распадется.

В это тяжелое время Ильич особенно сблизился с Иннокентием (Дубровинским).

До 1905 года мы знали Иннокентия только понаслышке. Его хвалила Дяденька (Лидия Михайловна Книпович), знаящая его по астраханской ссылке, нахваливали его самарцы (Кржижановские), но встречаться с ним не пришлось. Переписки также не было. Однажды только, когда после II съезда партии разгорелась склока с меньшевиками, получилось от него письмо, где он писал о важности сохранить партийное единство. Потом он

¹ Далее в рукописи сказано: «В этом номере уже было помещено заявление следующего содержания: «В № 20 «*Neue Zeit*» в предисловии неизвестного нам переводчика статьи А. Богданова об Эрнсте Махе мы прочитали следующее: «В русской социал-демократии обнаруживается, к сожалению, сильная тенденция сделать то или иное отношение к Маху вопросом фракционного деления в партии. Очень серьезные тактические разногласия большевиков и меньшевиков обостряются спором по вопросу, совершенно, по нашему мнению, с этими разногласиями не связанному, именно: согласуется ли марксизм в теоретико-познавательном отношении с учением Спинозы и Гольбаха, или Маха и Авенариуса?»

По поводу этого редакция «Пролетария», как идейная представительница большевистского течения, считает необходимым заявить следующее. В действительности этот философский спор фракционным не является и, по мнению редакции, быть не должен; всякая попытка представить эти разногласия, как фракционные, ошибочна в корне. В среде той и другой фракции есть сторонники обоих философских направлений». (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 421. *Ред.*)

На этом заявлении сошлись все три редактора, посланные за границу издавать «Пролетарий», — Ильич, Богданов, Иннокентий (Дубровинский).

Всем им казалось, что это заявление сделать необходимо ввиду того, что среди меньшевиков росло и крепло стремление «приспособиться» к наступившей реакции, ввиду чего распустить все нелегальные ячейки, перестать издавать нелегальную литературу и т. д. Фактически это предложение сводилось к ликвидации партии, к отказу от всякой сколько-нибудь серьезной борьбы, к полной сдаче позиции. Для борьбы с ликвидаторством надо было сохранить фракцию.

Ильич надеялся, что можно отделить философские споры от фракции.

Еще в конце марта Ильич надеялся, что можно найти выход. Он писал Горькому: «Я говорю: *отделить* драку от фракции. Конечно, на живых людях это отделение сделать трудненько, больненько. Нужно время. Нужны заботливые товарищи. Тут помогут практики, тут должны помочь Вы, — тут «психология», Вам и книга в руки». (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 152). *Ред.*

входил в примиренческий ЦК и провалился вместе с другими цекистами на квартире у Леонида Андреева.

В 1905 году Ильич увидал Иннокентия на работе. Он видел, как беззаветно был предан Иннокентий делу революции, как брал на себя всегда самую опасную, самую тяжелую работу — оттого и не удалось Иннокентию побывать ни на одном партийном съезде: перед каждым съездом он систематически проваливался¹. Видел Ильич, как решителен Иннокентий в борьбе — он участвовал в Московском восстании, был во время восстания в Кронштадте. Иннокентий не был литератором; он выступал на рабочих собраниях, на фабриках, его речи воодушевляли рабочих в борьбе, но само собой разумеется, никто их не записывал, не стенографировал. Ильич очень ценил беззаветную преданность Иннокентия делу и очень был рад его приезду в Женеву. Их многое сближало. И тот, и другой придавали громадное значение партии и считали, что необходима самая решительная борьба с ликвидаторами, толковавшими, что нелегальную партию надо ликвидировать, что она только мешает работать. И тот, и другой чрезвычайно ценили Плеханова, были рады, что Плеханов не солидаризируется с ликвидаторами. И тот, и другой считали, что Плеханов прав в области философии, и полагали, что в области философских вопросов надо решительно отгородиться от Богданова, что теперь такой момент, когда борьба на философском фронте приобрела особое значение. Ильич видел, что никто так хорошо с полуслова не понимает его, как Иннокентий. Иннокентий приходил к нам обедать, и они долго после обеда обдумывали планы работы, обсуждали создавшееся положение. По вечерам сходились в кафе Ландольт и продолжали начатые разговоры. Ильич заражал Иннокентия своим «философским запоем», как он выражался. Все это сближало. Ильич во время сильно привязался к Иноку (Иннокентию).

Время было трудное. В России шел развал организаций. При помощи провокатуры вылавливала полиция наиболее видных работников. Большие собрания и конференции стали невозможны. Уйти в подполье людям, которые еще недавно были у всех на виду, было не так-то просто. Весной (в апреле — мае) были арестованы на улице Каменев и Варский (польский социал-демократ, ближайший товарищ Дзержинского, Тышки и Розы Люксембург); через несколько дней на улице же был арестован Зиновьев и, наконец, Н. А. Рожков (член нашего ЦК — большевик). Массы ушли в себя. Им хотелось осмыслить все происшедшее, продумать его, агитация общего характера приелась, никого уже не удовлетворяла. Охотно шли в кружки, но руководить кружками было некому. На почве этого настроения

¹ И. Ф. Дубровинский был делегатом V (Лондонского) съезда РСДРП, на который смог приехать лишь в последний день его работы.
Ред.

имел известный успех отзовизм. Боевые группы, оставаясь без руководства организации, действуя не на фоне массовой борьбы, а вне ее, независимо от нее, вырождались, и Иннокентию пришлось разбирать не одно тяжелое дело, возникшее на этой почве.

Горький звал Владимира Ильича на Капри, где жили тогда Богданов, Базаров и др., чтобы договориться всем вместе, но Ильич не ехал, ибо предчувствовал, что договориться нельзя. В письме от 16 апреля Ильич писал Горькому:

«Ехать мне бесполезно и вредно: разговаривать с людьми, пустившимися проповедовать соединение научного социализма с религией, я *не могу* и не буду. Время тетрадок прошло. Спорить нельзя, трепать зря нервы глупо»¹.

В мае Ильич поехал все же на Капри, уступая настояниям Горького. Пробыл там буквально пару дней². Поездка не принесла, конечно, примирения с философскими взглядами Богданова. Ильич потом вспоминал, как он говорил Богданову, Базарову: придется годика на два, на три разойтись, а жена Горького, Мария Федоровна, смеясь, призвала его к порядку.

Было много народу, было шумно, суетно, играли в шахматы, катались на лодке. Ильич мало как-то рассказывал о своей поездке. Больше говорил о красоте моря и о тамошнем вине, о разговорах же на большие темы, бывших на Капри, говорил скупой: тяжеловато это ему было.

Опять засел Ильич за философию.

Вот как характеризует Владимир Ильич создавшееся положение в письме, писанном летом 1908 года к Воровскому, товарищу по работе во «Вперед» и по работе во время революции 1905 года. Воровский жил в это время в Одессе.

«Дорогой друг! Спасибо за письмо. Ваши «подозрения» оба неверны. Я не нервничал, но положение у нас трудное. Надвигается раскол с Богдановым. Истинная причина — обида на резкую критику на рефератах (отнюдь не в редакции) его философских взглядов. Теперь Богданов выискивает всякие разногласия. Вытащил на свет божий бойкот вместе с Алексинским, который скандалит напропалую и с которым я вынужден был порвать все сношения.

Они строят раскол на почве эмпириомонистической-бойкотистской. Дело разразится быстро. Драка на ближайшей конференции неизбежна. Раскол весьма вероятен. Я выйду из фракции, как только линия «левого» и истинного «бойкотизма» возьмет верх. Вас я звал, думая, что Ваш быстрый приезд поможет утихомирить. В августе нового стиля все же непременно расчитываем на Вас, как участника конференции. Обязательно устройте так, чтобы могли съездить за границу. Деньги вышлем

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 155. *Ред.*

² В. И. Ленин был у М. Горького на о. Капри между 10 и 17 (23 и 30) апреля 1908 года. *Ред.*

на поездку всем большевикам. На местах дайте лозунг: мандаты давать только местным и только действительным работникам. Убедительно просим писать для нашей газеты. Можем платить теперь за статьи и будем платить аккуратно.

Жму Вашу руку.

Не знаете ли какого-нибудь издателя, который взялся бы издать мою философию, которую я напишу?»¹

В это время большевики получили прочную материальную базу.

Двадцатитрехлетний Николай Павлович Шмидт, племянник Морозова, владелец мебельной фабрики в Москве, на Пресне, в 1905 г. целиком перешел на сторону рабочих и стал большевиком. Он давал деньги на «Новую жизнь», на вооружение, сблизился с рабочими, стал их близким другом. Полиция называла фабрику Шмидта «чертовым гнездом». Во время Московского восстания эта фабрика сыграла крупную роль. Николай Павлович был арестован, его всячески мучили в тюрьме, возили смотреть, что сделали с его фабрикой, возили смотреть убитых рабочих, потом зарезали его в тюрьме. Перед смертью он сумел передать на волю, что завещает свое имущество большевикам.

Младшая сестра Николая Павловича — Елизавета Павловна Шмидт — доставшуюся ей после брата долю наследства решила передать большевикам. Она, однако, не достигла еще совершеннолетия, и нужно было устроить ей фиктивный брак, чтобы она могла располагать деньгами по своему благоусмотрению. Елизавета Павловна вышла замуж за т. Игнатьева, работавшего в боевой организации, но сохранившего легальность, числилась его женой — могла теперь с разрешения мужа распоряжаться наследством, но брак был фиктивным. Елизавета Павловна была женой другого большевика, Виктора Таратуты. Фиктивный брак дал возможность сразу же получить наследство, деньги переданы были большевикам. Вот почему и говорил Ильич так уверенно о том, что «Пролетарий» будет платить за статьи, и делегатам будут высланы деньги на дорогу.

Виктор Таратута летом приехал в Женеву, стал помогать в хозяйственных делах и вел переписку с другими заграничными центрами в качестве секретаря Заграничного бюро Центрального Комитета.

Понемногу налаживались связи с Россией, завязывалась переписка, но времени у меня было все же очень много свободного. Чувствовалось, что долго придется еще жить за границей, и я решила взяться за изучение вплотную французского языка, чтобы примкнуть к работе местной социал-демократической партии. Поступила на курсы французского языка, которые устраивались летом для иностранцев-педагогов, преподавателей

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 159—160. Ред.

французского языка, при Женевском университете. Понаблюдала иностранных педагогов, поучилась на курсах не только французскому языку, но и швейцарскому умению деловито, напряженно, добросовестно работать¹.

Ильич, устав от работы над своей философской книжкой, брал мои французские грамматики и книжки по истории языка, по изучению особенностей французской речи и часами читал их, лежа в постели, пока не придут в покой нервы, взвинченные философскими спорами.

Стала я также изучать постановку школьного дела в Женеве. Впервые я поняла, что такое буржуазная «народная» школа. Смотрела, как в прекрасных зданиях, с большими светлыми окнами, воспитывались из детей рабочих послушные рабы. Наблюдала, как в одном и том же классе учителя бьют, дают затрещины ребятам рабочих и оставляют в покое детей богатых, как душат всякую самостоятельную мысль ребенка, как все заполняет мертвая зубрежка и как на каждом шагу внушается ребятам преклонение перед силой, богатством. Никогда не могла представить себе ничего подобного в демократической стране. Подробно рассказывала я Ильичу о своих впечатлениях. Он внимательно слушал.

В первую эмиграцию — до 1905 года — внимание Ильича, когда он наблюдал окружающую заграничную жизнь, приковывалось главным образом к рабочему движению, его особенно интересовали рабочие собрания, демонстрации и пр. У нас в России этого не было до отъезда Ильича за границу в 1900 году. Теперь, после революции 1905 года, после пережитого колоссального подъема рабочего движения в России, борьбы партий, после опыта Думы и особенно после возникновения Советов рабочих депутатов, наряду с интересом к формам рабочего движения, Ильич особенно стал интересоваться и тем, что же такое представляет из себя по сути дела буржуазная демократическая республика, какова в ней роль рабочих масс, как велико в ней влияние рабочих, как велико влияние других партий.

Мне запомнилось, каким полуудивленным, полупрезрительным тоном передавал Ильич слова швейцарского депутата, говорившего (в связи с арестом Семашко), что республика их существует сотни лет и она не может допустить нарушения прав собственности.

«Борьба за демократическую республику» была пунктом нашей тогдашней программы, буржуазная демократическая республика стала для Ильича особо ярко теперь вырисовываться как более утонченное, чем царизм, но все же как несомненное орудие порабощения трудящихся масс. Организация власти в

¹ Далее в рукописи: «...— ничего похожего на нашу российскую расхлябанность; взамен зачитываться стала французскими классиками: Гюго, Мопассаном, Флобером и пр.». *Ред.*

демократической республике всячески способствовала тому, что вся жизнь насквозь пропиталась буржуазным духом.

Мне думается, не пережив революции 1905 года, не пережив второй эмиграции, Ильич не смог бы написать свою книгу «Государство и революция».

Развернувшаяся дискуссия по философским вопросам требовала скорейшего выпуска той философской книжки, которую начал писать Ильич¹. Ильичу надо было достать некоторые материалы, которых не было в Женеве, да и склочная эмигрантская атмосфера здорово мешала Ильичу работать, поэтому он поехал в Лондон, чтобы поработать там в Британском музее и докончить начатую работу.

Во время его отсутствия был объявлен реферат Луначарского. На нем выступал Иннокентий. Ильич прислал тезисы, в которые Иннокентий внес свои поправки. Он очень волновался перед выступлением, сидел у нас целыми днями, обложившись книгами, делал выписки. Выступил он удачно, заявил от имени своего и Ленина, что большевизм ничего общего не имеет с философским направлением Богданова (эмпириомонизмом), что он и Ленин являются сторонниками диалектического материализма и солидаризируются с Плехановым.

Хотя реферат читал Луначарский, но главным защитником эмпириокритицизма на этом реферате был Богданов, и он особо резко напал на Инока. Он хорошо знал Инока, знал, что Инок был за открытую, прямую борьбу на философском фронте, знал, как присуще было Иноку чувство революционной чести, и, возражая ему, он старался ударить по чувству. «Выехал, — говорил он про докладчика, — рыцарь в венке из роз, но ему был нанесен удар сзади». Этот выпад не смутил, конечно, Инока. Подробно рассказал он о реферате Ильичу, вернувшемуся вскоре из Лондона.

Своей поездкой в Лондон Ильич был доволен — удалось собрать нужный материал, его подработать.

Вскоре по возвращении Ленина, 24 августа, состоялся пленум Центрального Комитета. На пленуме ЦК было решено ускорить созыв партийной конференции. Организовывать конференцию поехал в Россию Иннокентий. К этому времени ярко уже стала выявляться и крепнуть линия ликвидаторства, охватывающая широкие слои меньшевиков. Ликвидаторы хотели ликвидировать партию, ее нелегальную организацию, которая вела, по их мнению, только к провалам; они хотели держать курс на легальную и только легальную деятельность в профессиональных союзах, разных обществах и пр. В условиях реакции это был полный отказ от всякой революционной деятельности, отказ от руководства, сдача всех позиций. С другой стороны, в рядах

¹ «Материализм и эмпириокритицизм». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18. Ред.

большевистской фракции ультиматисты и отзовисты ударились в противоположную крайность: они были против участия не только в Думе, но и в культурно-просветительных обществах, в клубной работе, в школах и легальных профессиональных союзах, в страховых кассах. Они совершенно отходили от широкой работы в массах, от руководства ими.

Иннокентий и Ильич немало толковали между собой по поводу необходимости сочетать партийное руководство (для чего необходимо было сохранить во что бы то ни стало нелегальный аппарат) с широкой работой в массах. На очереди стояла подготовка партийной конференции, на почве выборов на нее надо было вести широкую агитацию против ликвидаторства и справа и слева.

Инок и поехал в Россию, чтобы провести все это в жизнь. Он поселился в Питере¹, наладил там работу цекистской пятерки, куда входил и он, Мешковский (Гольденберг), меньшевик М. И. Бройдо, представитель Бунда, представитель латышей. Наладил Инок бюро, куда входил, между прочим, Голубков, бывший потом делегатом от Бюро ЦК на партийной конференции. Сам Инок на конференцию, состоявшуюся в декабре 1908 года, не попал, недели за две до конференции он собрался ехать за границу, но был арестован на Варшавском вокзале и сослан в Вологодскую губернию.

О поездке Иннокентия в Россию полиция оказалась очень хорошо осведомлена. Несомненно, о поездке Иннокентия сообщил департаменту полиции Житомирский. Кроме того, к работе Бюро ЦК, которое организовал Иннокентий, была привлечена жена депутата II Думы Серова — Люся. Эта Люся, как вскоре оказалось, была провокаторшей².

Ильич закончил свою философскую книжку в сентябре, уже после отъезда Иннокентия в Россию. Вышла она много позже, лишь в мае 1909 года.

Мы было обосновались окончательно в Женеве.

Приехала моя мать, и мы устроились по-домашнему — наняли небольшую квартиру, завели хозяйство. Внешне жизнь как бы стала входить в колею. Приехала из России Мария Ильи-

¹ Далее в рукописи: «Приехав в Питер, он остановился в доме Симона, № 9 по Загородному проспекту, где управляющим был некто Комиссаров. Он считался членом партии, всячески помогал нелегалам, устраивал у себя, снабжал паспортами. Никто и не подозревал, что это провокатор, ибо аресты происходили не у него на квартире, а в других местах. Иннокентий был арестован на Варшавском вокзале и отправлен в Вологодскую губернию». *Ред.*

² В рукописи далее следует: «Иннокентий уехал, а в сентябре Ильич закончил уже свою книжку. Вскоре она была напечатана, но распространена только в 300—400 экз., так как издатель книжки был арестован и книжка лежала у него на складе.

Ильич, погруженный в партийные дела, в большую научную работу, все же внимательно присматривался к окружающей жизни». *Ред.*

пична, стали приезжать и другие товарищи. Помню, приезжал т. Скрыпник, изучавший в то время вопросы кооперации. Я ходила вместе с ним в качестве переводчицы к швейцарскому депутату Сиггу (ужасному оппортунисту). Говорил с ним т. Скрыпник о кооперации, но разговор дал очень мало, ибо у Сигга и у Скрыпника был разный подход к вопросу о кооперации. Скрыпник подходил с точки зрения революционера, Сигг же ничего не видел в кооперации, кроме хорошо налаженной «купцовой лавочки».

Приехали из России Зиновьев и Лилина. У них родился сынишка, занялись они семейным устройством. Приехал Каменев с семьей. После Питера все тосковали в этой маленькой тихой мещанской заводи — Женеве. Хотелось перебраться в крупный центр куда-нибудь. Большевики, эсеры перебрались уже в Париж. Ильич колебался: в Женеве-де жить дешевле, лучше заниматься. Наконец, приехали из Парижа Лядов и Житомирский и стали уговаривать ехать в Париж. Приводились разные доводы: 1) можно будет принять участие во французском движении, 2) Париж большой город — там будет меньше слежки. Последний аргумент убедил Ильича. Поздней осенью стали мы перебираться в Париж.

В Париже пришлось провести самые тяжелые годы эмиграции. О них Ильич всегда вспоминал с тяжелым чувством. Не раз повторял он потом: «И какой черт понес нас в Париж!» Не черт, а потребность развернуть борьбу за марксизм, за ленинизм, за партию в центре эмигрантской жизни. Таким центром в годы реакции был Париж¹.

ПАРИЖ

1909—1910 годы

В половине декабря двинулись мы в Париж. 21-го должна была состояться там совместная с меньшевиками партийная конференция. Все мысли Владимира Ильича были поглощены этой конференцией. Надо было дать правильную оценку моменту, выровнять партийную линию — добиться, чтобы партия осталась партией класса, осталась авангардом, умеющим даже в самые трудные времена не оторваться от низов, от масс, помочь им преодолеть все трудности, организовать для новых боев. Надо было дать отпор ликвидаторам. С русскими организациями связи были слабы, конференция не могла рассчитывать

¹ В конце главы в рукописи далее сказано: «Говорил это и много лет спустя. Помню, как меня удивило, что Ильич стал поминать лихом Париж как-то раз в последние уже годы своей жизни, когда Париж и вся эмиграция далеко, бесконечно далеко уж ушли в прошлое. Видно, очень уж тяжелы были те годы». *Ред.*

на особую поддержку русских организаций (из россиян приехали на конференцию только пара москвичей: с Урала был Батурич да на второй день приехал из Питера член III Думы Полетаев). Отзовисты организовывались особо и нервничали всюду. Меньшевики собрали перед партийной конференцией съезд своих заграничных групп в Базеле, где принят был ряд раскольнических резолюций. Атмосфера была накалена.

Владимир Ильич смотрел отсутствующими глазами на всю нашу возню с домашним устройством в новом логовище: не до того ему было. Квартира была нанята на краю города, около самого городского вала, на одной из прилегающих к Авеню д'Орлеан улиц, на улице Бонье, недалеко от парка Монсури. Квартира была большая, светлая и даже с зеркалами над каминными (это было особенностью новых домов). Была там комната для моей матери, для Марии Ильиничны, которая приехала в это время в Париж, в Сорбонну, учиться языку, наша комната с Владимиром Ильичем и приемная. Но эта довольно шикарная квартира весьма мало соответствовала нашему жизненному укладу и нашей привезенной из Женевы «мебели». Надо было видеть, с каким презрением глядела консьержка на наши белые столы, простые стулья и табуретки. В нашей «приемной» стояла лишь пара стульев да маленький столик, было неуютно до крайности.

На мою долю сразу выпало много всякой хозяйственной возни — моя старуха-мать как-то растерялась в суতোлке большого города. В Женеве все хозяйственные дела улаживались гораздо проще, а тут пошла какая-то канитель: газ надо было открыть, так пришлось раза три ездить куда-то в центр, чтобы добиться соответствующей бумажки. Бюрократизм во Франции чудовищный. Чтобы получить книжки из коммунальной библиотеки, надо было поручительство домохозяина, а он ввиду нашей убогой обстановки не решался за нас поручиться. С хозяйством на первых порах была большая возня. Хозяйка я была плохая — только Владимир Ильич да Инок были другого мнения, а люди, привыкшие к заправскому хозяйству, весьма критически относились к моим упрощенным подходам¹.

В Париже жилось очень толкотливо. В то время в Париж стягивалась отовсюду эмигрантская публика. Ильич сидел мало дома в этот год. До поздней ночи просиживала наша публика в

¹ В рукописи далее читаем: «Как-то в феврале, помнится, приехал из своего путешествия по Японии Марк Тимофеевич — муж Анны Ильиничны, обедал у нас. Посмотрел он, как мы хлопочем около кухни, как по очереди с Марией Ильиничной моем посуду, и говорит: «Лучше бы вы «Машу» какую завели». Но мы тогда жили на партийное жалование, поэтому экономили каждую копейку, а кроме того, французские «Маши» не мирились с русской эмигрантской суতোлкой. Потом я понемногу приспособилась, но из-за переезда не была даже на декабрьской партконференции». *Ред.*

кафе. Особым любителем кафе был Таратуга. Понемногу втянулись и другие.

На декабрьской партийной конференции после больших споров наметилась все же общая линия. «Социал-демократ» должен был стать общим органом. На пленуме, состоявшемся после конференции, была выбрана новая редакция «Социал-демократа»: Ленин, Зиновьев, Каменев, Мартов, Мархлевский. В течение года выпустили девять номеров. Мартов в новой редакции был в одиночестве, он часто забывал о своем меньшевизме. Помню, как однажды Владимир Ильич с довольным видом говорил, что с Мартовым хорошо работать, что он на редкость талантливый журналист. Но это было, пока не приехал Дан.

Что касается положения внутри большевистской фракции, то с отзовистами отношения обострялись все больше и больше. Отзовисты выступали очень напористо. В конце февраля отношения с ними порваны были окончательно¹. Года три шла перед этим с Богдановым и богдановцами работа об руку, — не просто работа, а совместная борьба. Совместная борьба сближает так, как ничто. Ильич же имел еще ту особенность, что умел, как никто, увлекать людей своими идеями, заражать их своей страстностью и в то же время он умел будить в них их лучшие стороны, брать от них то, чего не могли взять другие. В каждом из товарищей по работе была как бы частица Ильича — потому, может быть, он чувствовался таким близким². Разгоравшаяся внутрифракционная борьба здорово трепала нервы. Помню, пришел раз Ильич после каких-то разговоров с отзовистами домой, лица на нем нет, язык даже черный какой-то стал. Решили мы, что поедет он на недельку в Ниццу, отдохнет там вдали от сутолоки, посидит на солнышке. Поехал, отошел³.

Заниматься в Париже было очень неудобно. Национальная библиотека была далеко. Ездил туда Владимир Ильич обычно на велосипеде, но езда по такому городу, как Париж, не то, что езда по окрестностям Женевы, — требует большого напряжения. Ильич очень уставал от этой езды. На обеденный перерыв библиотека закрывалась. С выпиской нужных книг была также большая бюрократическая канитель, выдавали нужные книги лишь через день, через два. Ильич на чем свет ругал Национальную библиотеку, а попутно и Париж. Написала я письмо

¹ Далее в рукописи: «В № 42 «Пролетария» начата была открытая борьба с богостроительством, Ильичу тяжело было рвать с Богдановым и другими отзовистами». *Ред.*

² В рукописи далее следует: «...несмотря на то, что личной близости у него почти ни с кем не было. Были простые, близкие, товарищеские отношения и только. Всякие разрывы сношений с товарищами по работе Ильич переживал крайне тяжело». *Ред.*

³ В. И. Ленин отдыхал в Ницце между 13(26) февраля и 23 февраля (8 марта) 1909 года. *Ред.*

французскому профессору, который преподавал летом на женеvских курсах французского языка, прося указать другие хорошие библиотеки. Моментально получила ответ, где были все нужные справки; Ильич обошел все указанные библиотеки, но нигде не приспособился. В конце концов, у него украли велосипед. Он оставлял его на лестнице соседнего с Национальной библиотекой дома, платя за это консьержке 10 сантимов, но, придя однажды за велосипедом, его не нашел. Консьержка заявила, что она не бралась стеречь велосипед, а разрешала только его ставить на лестницу.

С ездой на велосипедах в Париже и под Парижем нужна была большая осторожность. Раз Ильич по дороге из Жювизи попал под автомобиль, еле успел соскочить, а велосипед был совершенно изломан.

Приехал бежавший из Сольвычегодска Инок. Житомирский предложил ему любезно поселиться в его квартире. Инок приехал совсем больной: ему кандалы, когда он шел в ссылку, так натерли ноги, что на ногах образовались раны. Посмотрели наши врачи ногу Иннокентия и наговорили всякой всячины. Ильич поехал посоветоваться к французскому профессору Дюбуше, прекрасному хирургу, работавшему в качестве врача во время революции 1905 года в России, в Одессе. Ильич ездил к Дюбуше с Наташей Гопнер, которая знала его по Одессе. Услышав, каких страстей наговорили наши товарищи-врачи Иноку, Дюбуше расхохотался. «Ваши товарищи-врачи — хорошие революционеры, но как врачи — они ослы!» Ильич хохотал до слез и потом часто повторял эту характеристику. Все же Иноку пришлось долго лечить ногу.

Ильич очень обрадовался приезду Инока. Оба они торжествовали, что Плеханов стал отмежевываться очень решительно от ликвидаторов. Плеханов заявил уже о своем выходе из редакции «Голоса социал-демократа», где верх взяли ликвидаторы, еще в декабре 1908 года, потом взял это заявление обратно, но все время у него отношения с ликвидаторами обострялись, и когда вышел в 1909 году первый том меньшевистского сборника «Общественное движение в России в начале XX века», где была помещена статья Потресова, в которой он отрицал ведущую роль пролетариата в буржуазно-демократической революции, Плеханов окончательно вышел 26 мая из редакции «Голоса». И Ильич и Инок надеялись еще, что возможна будет с Плехановым совместная работа. Более молодое поколение не испытывало к Плеханову того чувства, как старшее поколение марксистов, в жизни которых Плеханов сыграл решающую роль. Борьбу на философском фронте Ильич и Инок принимали близко к сердцу. Для них обеих философия была орудием борьбы, была органически связана с вопросом расценки всех явлений с точки зрения диалектического материализма, с вопросами прак-

тической борьбы по всем линиям. Ильич торопил Анну Ильичну с изданием книжки, писал ей в Россию. Намечалось расширенное заседание редакции «Пролетария», где предполагалось окончательно размежеваться также с отзовистами. «У нас дела печальны,— писал Владимир Ильич сестре Анне Ильичне 26 мая: — Spaltung¹, верно, будет; надеюсь через месяц, 1½ дать тебе об этом точные сведения»².

В мае вышла книжка Ильича «Материализм и эмпириокритицизм». Все точки были поставлены над *i*. Вопросы философии для Ильича неразрывно были связаны с вопросами борьбы с религией³. Вот почему Ильич в мае прочел в клубе «Пролетария» реферат на тему «Религия и рабочая партия», написал для № 45 «Пролетария» статью «Об отношении рабочей партии к религии» и для № 6 «Социал-демократа» «Классы и партии в их отношении к религии и церкви»⁴. Эти статьи, особенно статья в «Пролетарии», имеют значение и по сию пору. В них со всей силой подчеркивается классовый характер религии, указывается на то, что в руках буржуазии религия — средство отвлекать массы от классовой борьбы, туманить их сознание. Нельзя проходить пассивно мимо этого фронта борьбы, недооценивать его. Но нельзя подходить к этому вопросу упрощенно, надо вскрывать социальные корни религии, брать вопрос во всей его сложности.

Вред религии понял Ильич еще пятнадцатилетним мальчиком. Сбросил с себя крест, перестал ходить в церковь. В те времена это было не так просто, как теперь⁵.

Но особо вредной считал Ленин утонченную религию, очищенную от разных несуразиц, бросающихся всякому в глаза, очищенную от внешних рабских форм. Такая утонченная религия способна сильнее влиять. Такой утонченной религией считал он богостроительство, попытки выдумать какую-то новую религию, новую веру⁶.

В июне стали понемногу съезжаться уже делегаты на расширенную редакцию «Пролетария». Расширенной редакцией «Пролетария» назывался по сути дела Большевицкий центр, куда в то время входили также и впередовцы.

¹ Раскол. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 292. *Ред.*

³ Далее в рукописи: «Не заняв определенной позиции в области религии, нельзя понять страстности борьбы в философских вопросах». *Ред.*

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 415—426, 429—438. *Ред.*

⁵ В рукописи читаем: «Он ненавидел всякое богостроительство, ибо считал всякую религию дурманом для масс, а он не мог стерпеть, чтобы кто-нибудь морочил голову массам». *Ред.*

⁶ Далее в рукописи следует: «Это не мешало ему понимать, что все дело в социальных корнях религии и предостерегать от придания борьбе с религией таких форм, которые заслоняли бы, отодвигали бы на задний план классовую борьбу». *Ред.*

Приехал из Москвы Голубков (Давыдов), партийный работник, работавший в России в Бюро ЦК под руководством Иннокентия и присутствовавший на парижской партийной конференции 1908 года. Приехал Шулятиков (Донат), депутат Думы Шурканов (он оказался потом провокатором). Последний, впрочем, не на совещание. По французскому обычаю, пошли наши с ними в кафе. Шурканов дул пиво кружку за кружкой, пил и Шулятиков. Но Шулятикову пить нельзя было, у него был наследственный алкоголизм. Пиво вызвало у него острый нервный припадок. Выйдя из кафе, он вдруг бросился с палкой на Шурканова. Еле справились с ним Иннокентий и Голубков. Привели к нам. Я осталась с ним сидеть, пока они пошли отыскивать доктора и комнату, где бы его поселить за городом. Нашли комнату в Фонтеней-о-Роз, где жили Семашко и Владимирский, которые его отходили к заседанию расширенного совещания редакции «Пролетария».

Часа два просидела я с больным Шулятиковым в нашей пустой «приемной». Он нервно метался, вскакивал, ему все виделась его повешенная сестра. Приходилось его успокаивать, отвлекать его мысли, держать его руку и тихо ее гладить. Как только выпускала его руку, так начинал он метаться. Еле дождалась прихода Иннокентия и Голубкова, которые пришли за ним.

В заседании расширенной редакции «Пролетария» принимали участие члены редакции — Ленин, Зиновьев, Каменев, Богданов, представители местных большевистских организаций — Томский (Петербург), Шулятиков (Москва), Накоряков (Урал); члены ЦК — Иннокентий, Рыков, Гольденберг, Таратута и Марат (Шапцер). Кроме того, на совещании присутствовали Скрыпник (Щур), Любимов (Зоммер, Марк), Полетаев (член III Государственной думы) и Давыдов-Голубков. Заседания расширенной редакции происходили с 21 по 30 июня.

Были приняты резолюции об отзовистах-ультиматистах, за единство партии, против специально большевистского съезда. Особо стоял вопрос о Каприйской школе. Богданов ясно видел, что большевистская фракция неизбежно распадается, и заранее подбирал, организовывал свою фракцию. Богданов, Алексинский, Горький и Луначарский организовали на Капри высшую социал-демократическую пропагандистскую школу для рабочих. Учеников для школы подбирал в России рабочий Вилонов — крепких, надежных. Они приехали учиться. Рабочие после пережитой революции остро ощущали необходимость теоретической подготовки, да и время было такое, когда непосредственная борьба замерла. Они ехали учиться, но для всякого искушенного в партийной работе было ясно, что школа на Капри заложит основы новой фракции. И совещание расширенной редакции «Пролетария» осудило эту организацию новой фракции. Болга-

нов заявил о своем неподчинении решениям совещания и был исключен из большевистской фракции. На его защиту встал Красин¹. Большевистская фракция распадалась.

Весной, еще до заседания расширенной редакции «Пролетария», очень серьезно захворала Мария Ильинична. Ильич ужасно волновался. Но удалось вовремя захватить болезнь, сделать операцию. Операцию делал Дюбуше. Поправка, однако, шла медленно. Надо было отдохнуть где-нибудь вне Парижа, на лоне природы.

Совещание взяло немало сил у Ильича, и после совещания необходимо было поехать и ему куда-нибудь пожить на травке, туда, где не было эмигрантской склоки и сутолоки.

Ильич стал просматривать французские газеты, отыскивая объявления о дешевых пансионах. Нашел такой пансион в деревушке Бомбон, в департаменте Сены и Марны, где за четверых надо было платить лишь 10 франков в день. Съездил посмотреть. Оказалось все очень удобно. Мы прожили там около месяца².

В Бомбоне Ильич не занимался, и о делах мы старались не говорить. Ходили гулять, гоняли чуть не каждый день на велосипедах в Клармарский лес за 15 километров. Наблюдали также французские нравы. В пансионе, в котором мы поселились, жили разные мелкие служащие, продавщица из большого модного магазина с мужем и дочкой, камердинер какого-то графа и т. п. Небезынтересно было наблюдать эту обывательскую публику, насквозь проникнутую мелкобуржуазной психологией. С одной стороны, это была публика архипрактическая, смотревшая, чтобы кормили сытно и чтобы все было устроено удобно. С другой стороны, у всех них было стремление походить на настоящих господ³. Особо типична была мадам Лагуретт (так звали продавщицу), явно прошедшая огонь, воду и медные трубы, сыпавшая двусмысленными анекдотами и в то же время мечтавшая, как она поведет к первому причастию свою дочку Марту, как это будет трогательно и т. д. и т. п. Конечно, в большом количестве это мецанство надоедало. Хорошо было, что можно было жить обособленно, по-своему. В общем отдохнул в Бомбоне Ильич не плохо⁴.

¹ Далее в рукописи: «Многие из сторонников Богданова, например, Марат, колебались». *Ред.*

² В рукописи далее: «...должно быть. Отдохнули здорово. Приезжал туда только раз приехавший из России по транспортным делам Зефир — близкий товарищ». *Ред.*

³ Далее в рукописи: «Мы за обедом практиковались во французском языке и слушали болтовню мадам Лагуретт». *Ред.*

⁴ В деревушке Бомбон, под Парижем, В. И. Ленин с семьей отдыхал в августе — первой половине сентября 1909 года.

Далее в рукописи следует: «Маня поправлялась понемногу после болезни, поправилась и моя мать». *Ред.*

Осенью мы переменили квартиру, поселились в тех же краях, на глухой улочке Мари-Роз, две комнаты и кухня, окна выходили в какой-то сад¹. «Приемной» нашей теперь была кухня, где и велись все задушевные разговоры². С осени у Владимира Ильича было рабочее настроение. Он завел «прижим», как он выражался, вставал в 8 часов утра, ехал в Национальную библиотеку, возвращался в 2 часа. Много работал дома. Я усиленно его охраняла от публики. У нас всегда бывало много народу, была толчея непротолченная, особенно теперь, когда благодаря реакции, тяжелейшим условиям работы в России, русская эмиграция быстро росла. Приезжали из России, с воодушевлением рассказывали, что там делается, потом публика быстро как-то увядала. Засасывала эмигрантщина, забота о заработке, о житейских мелочах.

Осенью ученики Каприйской школы приглашали Ильича приехать на Капри читать лекции. Ильич категорически отказался, объясняя им фракционный характер школы, и звал в Париж. Внутри Каприйской школы стала разгораться фракционная борьба. В начале ноября пятеро учеников (всего их было двенадцать) Каприйской школы, в том числе Вилонов, организатор школы, оформились уже как определенные ленинцы и были исключены из школы. Этот факт как нельзя лучше характеризовал, как прав был Ильич, указывая на фракционный характер школы. Исключенные ученики приехали в Париж. Помню первую встречу с Вилоновым. Начал он рассказывать о своей работе в Екатеринославе. Из Екатеринослава нам часто писал раньше корреспонденции какой-то рабочий, подписывавшийся «Миша Заводский». Корреспонденции были очень хороши, касались самых животрепещущих вопросов партийной и заводской жизни. «Не знаете ли вы Мишу Заводского?» — спросила я Вилонова. «Да это я и есть», — ответил он. Это сразу настроило Ильича дружески к Михаилу, и они долго проговорили в тот день. А вечером того же дня Ильич писал Горькому: «Дорогой Алексей Максимович! Я был все время в полнейшем убеждении, что Вы и тов. Михаил — самые твердые фракционеры новой фракции, с которыми было бы нелепо мне пытаться поговорить по-дружески. Сегодня увидел в первый раз т. Михаила, покалякал с ним по душам и о делах и о Вас и увидел,

¹ Далее в рукописи: «Маня уехала в Россию, и нам не пужна уже была большая квартира». *Ред.*

² Далее в рукописи: «По утрам приходила «femme de ménage» (домашняя работница. *Ред.*), вообще хозяйство вошло в свою колею, мама тоже приспособилась. Владимир завел режим. «Володя стал большой домосед. Эту зиму много работает. Встает в 8 часов, едет в библиотеку, возвращается в 2 часа», — писала я домой. Эту зиму начала приезжать в большом количестве публика из России. Там свирепствовала реакция — многим товарищам приходилось эмигрировать. Парижская колония росла». *Ред.*

что ошибался жестоко. Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идет вперед противоречиями, и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется. Я рассматривал школу *только* как центр новой фракции. Оказалось, это неверно — не в том смысле, чтобы она не была центром новой фракции (школа была этим центром и состоит таковым сейчас), а в том смысле, что это неполно, что это не вся правда. Субъективно некие люди делали из школы такой центр, объективно была она им, а кроме того школа черпнула из настоящей рабочей жизни настоящих рабочих передовиков». И какой страстной верой в силы рабочего класса дышит конец этого письма, где Ильич пишет о том, что рабочему классу приходится выковыривать партию из разнородных и разнокалиберных элементов. «Выкует во всяком случае, выкует превосходную революционную социал-демократию в России, выкует скорее, чем кажется иногда с точки зрения трелятого эмигрантского положения, выкует вернее, чем представляется, если судить по некоторым внешним проявлениям и отдельным эпизодам. Такие люди, как Михаил, тому порукой»¹.

Вместе с Михаилом приехало еще пять учеников Каприйской школы. Среди них особо выдавался Ваня Казанец (Панкратов) своей активностью и прямолинейностью. Он резче всех был настроен против Каприйской школы. Были еще Люшвин (Пахом), Козырев (Фома), Устинов (Василий), Романов (Аля Алексинский). Ильич читал приехавшим лекции очень усердно. Ученики уехали в Россию. У Михаила был туберкулез легких, нажитый им в Николаевских арестантских ротах, где его всячески истязали. Михаила устроили в Давос. Недолго он прожил там, умер 1 мая 1910 года.

В конце декабря приехали в Париж по окончании занятий на Капри и остальные ученики — и им читал Ильич лекции. Он говорил им о текущем моменте, о столыпинской реформе и ее курсе на «крепкого» крестьянина, о ведущей роли пролетариата и о думской фракции. Кто-то из каприйцев, по словам т. Козырева, бывшего тогда в числе учеников, пытался вначале уличить Ильича в том, что он теперь ставит работу Государственной думы выше агитации в войсках. Ильич улыбнулся и заговорил о важности думской работы. Конечно, он несколько не думал, что нужно в какой-нибудь мере ослаблять работу в войсках, но считал, что ее нужно как можно глубже законспирировать. Об этой работе надо было не говорить, а делать ее. Как раз в это время пришло письмо из Тулона от группы моряков социал-демократов с крейсера «Слава», которые просили литературу и особенно человека, который помогал бы вести революционную

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 219, 220. Ред.

работу среди моряков. Ильич направил туда одного товарища, знавшего хорошо условия конспиративной работы, который и поселился в Тулоне. Ильич ни словом об этом не обмолвился, конечно, ученикам.

Живя мыслью в России, Ильич в то же время внимательно изучал и французское рабочее движение. Французская социалистическая партия была в то время насквозь оппортунистической. Например, весной 1909 года происходила громадная стачка почтарей. Весь город был взволнован, а партия стояла в стороне: это-де дело профессиональных союзов, а не наше. Нам, россиянам, это разделение труда, это самоустрашение партии от участия в экономической борьбе казалось прямо чудовищным.

Особенно внимательно наблюдал Ильич предвыборную кампанию. В ней все тонуло в личной склоке, взаимных разоблачениях, политические вопросы отодвигались на задний план. Актуальные вопросы политической жизни не обсуждались почти совершенно. Только некоторые собрания были интересны. На одном из них я видела Жореса, его громадное влияние на толпу, но его выступление мне не очень понравилось — слишком уж рассчитано было каждое слово. Больше понравилось выступление Вайяна. Старый коммунар, он пользовался особой любовью рабочих. Запомнилась фигура высокого рабочего, пришедшего с работы с еще засученными рукавами. С глубочайшим вниманием слушал этот рабочий Вайяна. «Вот он, наш старик, как говорит!» — воскликнул он. И с таким же восхищением смотрели на Вайяна двое подростков, сыновей рабочего. Но не везде ведь выступали Жоресы и Вайяны. А рядовые ораторы крутили, приспособлялись к аудитории, в рабочей аудитории говорили одно, в интеллигентской другое¹. Посещение французских предвыборных собраний дало яркую картину, что такое выборы в «демократической республике». Со стороны это прямо поражало. Поэтому так нравились Ильичу песни революционных шансонетчиков, высмеивавших выборную кампанию. Помню одну песенку, в которой описывалось, как депутат ездит собирать голоса в деревню, выпивает вместе с крестьянами, разводит им всякие турусы на колесах, и подвыпившие крестьяне выбирают его и подпевают: «T'as bien dit, mon ga! (правильно, парень, говоришь!)». А затем, заполучив голоса крестьян, депутат начинал получать 15 тысяч франков депутатского жалованья и предавал в палате депутатов их крестьянские интересы.

К нам приходил как-то депутат французской палаты, социалист Дюма, рассказывал, как он объезжал перед выборами деревни, и невольно вспоминались шансонетчики. Самым видным из шансонетчиков был Монтегюс, сын коммунара, люби-

¹ Далее в рукописи: ««Вот она, парламентская-то машина!» — сказал как-то Ильич после одного из предвыборных собраний». *Ред.*

мец фобуров (рабочих окраин). В его песнях была какая-то смесь мелкобуржуазной сентиментальности с подлинной революционностью.

Любил Ильич ходить в театр на окраины города, наблюдать рабочую толпу. Помню, мы ходили раз посмотреть пьесу, описывающую истязания штрафных солдат в Марокко. Интересен был зрительный зал: больно уж непосредственно реагировали на все наполнявшие театр рабочие. Спектакль еще не начался. Вдруг весь театр в такт завопил: «Шляпа! Шляпа!». Оказалось, в театр вошла какая-то дама в высокой модной шляпе с перьями. Это публика требовала, чтобы дама сняла шляпу, ей пришлось подчиниться. Начался спектакль. В пьесе солдата берут и отправляют в Марокко, а его мать и сестра остаются в нищете. Хозяин квартиры согласен освободить их от платы за квартиру, если сестра солдата станет его наложницей. «Скотина! Собака!» — несетя со всех сторон. Я не помню уже подробно содержания пьесы. Изображено там было, как мучают в Марокко неподчиняющихся начальству солдат. Кончалась пьеса восстанием и пением «Интернационала». Эту пьесу запрещали играть в центре, но на окраинах Парижа ее играли, и она вызывала бурю аплодисментов. В 1909 г. в связи с авантюрой в Марокко была столышняя демонстрация протеста. Мы ходили ее смотреть. Демонстрация происходила с разрешения полиции. Ее возглавляли депутаты — представители социалистической партии, перевязанные красными шарфами. Рабочие были очень воинственно настроены, грозили кулаками, проходя мимо богатых кварталов, кое-где спешно закрывали в этих домах ставни, но прошла демонстрация как нельзя более мирно. Не походила эта демонстрация на демонстрацию протеста.

Владимир Ильич через Шарля Раппопорта связался с Лафаргом, зятем Маркса, испытанным борцом, мнение которого он особенно ценил. Поль Лафарг вместе с своей женой Лаурой, дочерью Маркса, жили в Дравейль, в 20—25 верстах от Парижа. Они уже отошли от непосредственной работы. Помню, раз ездили мы с Ильичем на велосипедах к Лафаргам. Лафарги встретили нас очень любезно. Владимир стал разговаривать с Лафаргом о своей философской книжке, а Лаура Лафарг повела меня гулять по парку. Я очень волновалась — дочь ведь это Маркса была передо мной; жадно вглядывалась я в ее лицо, в ее чертах искала невольно черты Маркса. В смущении я лопотала что-то нечленораздельное об участии женщины в революционном движении, о России; она отвечала, но разговора настоящего как-то не вышло. Когда мы вернулись, Лафарг и Ильич говорили о философии. «Скоро он докажет, — сказала Лаура про мужа, — насколько искренни его философские убеждения», и они как-то странно переглянулись. Смысл этих слов и этого взгляда я поняла, когда узнала в 1911 году о смерти Лафаргов. Они умерли,

как атеисты, покончив с собой, потому что пришла старость и ушли силы, необходимые для борьбы.

1910 год начался расширенным пленумом Центрального Комитета. Еще на расширенном заседании редакции «Пролетария» были приняты резолюции за единство партии, против специального большевистского съезда. Эту линию вел Ильич и сплотившаяся вокруг него группа товарищей и на пленуме Центрального Комитета. В период реакции существование партии, смело говорившей всю правду хотя бы из подполья, было особо важно. Это было время, когда реакция громила партию, когда партию захлестывала оппортунистическая стихия, когда важно было удержать во что бы то ни стало знамя партии. У ликвидаторов в России был свой сильный легальный оппортунистический центр. Партия была нужна, чтобы противостоять ему. Опыт с Каприйской школой показывал, как часто относительно, своеобразна была в то время фракционность рабочих. Важно было, чтобы был единый партийный центр, около которого сплачивались бы все социал-демократические рабочие массы. В 1910 году шла борьба за самое существование партии, за влияние через партию на рабочие массы. Владимир Ильич не сомневался, что внутри партии большевики будут в большинстве, что партия в конце концов пойдет по большевистскому пути, но это должна была быть партия, а не фракция. Эту линию проводил Ильич и в 1911 году, когда устраивалась под Парижем партийная школа, куда принимались и впередовцы, и меньшевики-партийцы. Эта линия проводилась и на Пражской партийной конференции 1912 года. Не фракция, а партия, проводящая большевистскую линию. Конечно, в этой партии не было места ликвидаторам, для борьбы с которыми собирались силы. Конечно, в партии не место было тем, кто заранее решал, что не будет подчиняться постановлениям партии. Борьба за партию, однако, у ряда товарищей перерастала в примиренчество, упускавшее из виду цель объединения и соскльзавшее на обывательское стремление объединить всех и вся, невзирая на то, кто за что боролся. Даже Иннокентий, стоявший целиком на точке зрения Ильича, считавший, что основное — это объединение с меньшевиками-партийцами, с плехановцами, увлеченный страстным желанием добиться сохранения партии, соскальзывал на примиренческую точку зрения. Ильич поправлял его.

В общем, единогласно были приняты резолюции. Смешно думать, что Ильича просто заголосовали примиренцы, и он сдал позиции. Пленум продолжался три недели. Ильич считал, что надо было, не сдавая ни на йоту принципиальной позиции, идти на максимальные уступки в области организационной. Фракционный большевистский орган «Пролетарий» был закрыт. Оставшиеся пятисотки сожжены. Большевистские фракционные деньги были переданы так называемым «держателям» — трем

немецким товарищам: Каутскому, Мерингу и Цеткин, с тем чтобы эти деньги выдавались ими лишь на общепартийные цели. В случае если произойдет раскол, оставшиеся деньги должны были быть возвращены большевикам. Каменев был послан в Вену, где должен был являться представителем большевиков в троцкистской «Правде»¹. «Последнее время было у нас очень «бурное», но кончилось попыткой мира с меньшевиками,— писал Владимир Ильич Анне Ильиничне,— да, да, как это ни странно; закрыли фракционный орган и пробуем сильнее двинуть объединение»².

В Россию поехали Инок и Ногин организовывать русскую (т. е. работавшую в России) коллегия Центрального Комитета. Ногин был примиренцем, желавшим объединить все и вся, и его речи встречали отпор среди большевиков. Инок вел другую линию, но Россия не за граница, где каждое слово на виду, его слова истолковывались в ногинском смысле, об этом очень старались все небольшие. В ЦК были кооптированы Линдов и В. П. Милютин. Инок был вскоре арестован, Линдов стоял на ногинской точке зрения, был мало активен. С русским ЦК дело было в 1910 году хуже не надо.

За границей дело также плохо ладилось. Марк (Любимов) и Лева (Владимиров) были «примиренцами вообще», очень часто поддавались всяким рассказам о склочности и нелояльности большевиков. Марк особо много их слышал, так как входил в объединенное Заграничное бюро ЦК (ЗБЦК), где были представители всех фракций.

Впередовцы продолжали организовываться. Группа Алексинского ворвалась раз на заседание большевистской группы, собравшейся в кафе на Авеню д'Орлеан (Avenue d'Orléan). Алексинский с нахальным видом уселся за стол и стал требовать слова и, когда ему было отказано, свистнул. Пришедшие с ним впередовцы бросились на наших. Члены нашей группы Абрам Скочно и Исаак Кривой ринулись было в бой, но Николай Васильевич Сапожков (Кузнецов), страшный силач, схватил Абрама под одну мышку, Исаака — под другую, а опытный по части драк хозяин кафе потушил огонь. Драка не состоялась. Но долго после этого, чуть не всю ночь, бродил Ильич по улицам Парижа, а вернувшись домой, не мог заснуть до утра.

«Вот и выходит так,— писал Ильич Горькому 11 апреля 1910 года,— что «анекдотическое» в объединении сейчас преобладает, выдвигается на первый план, подает повод к хихиканью, смешкам и пр...

Сидеть в гуще этого «анекдотического», этой склоки и скандала, маеты и «накипи» тошно; наблюдать все это — тоже

¹ Речь идет о фракционном органе Троцкого, издававшемся в 1908—1912 годах. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 306. *Ред.*

тошно. Но непозволительно давать себя во власть настроению. Эмигрантщина теперь во 100 раз тяжеле, чем было до революции. Эмигрантщина и склока неразрывны.

Но склока отпадет; склока остается на $\frac{9}{10}$ за границей; склока, это — аксессуар. А развитие партии, развитие с.-д. движения идет и идет вперед через все дьявольские трудности теперешнего положения. Очищение с.-д. партии от ее опасных «уклонений», от ликвидаторства и отзовизма *идет вперед* неуклонно; в рамках объединения оно *подвинулось значительно дальше, чем прежде*».

И далее: «Могу себе представить, как тяжело наблюдать этот тяжелый рост нового с.-д. движения тем, кто не видал и не пережил тяжелого роста конца 80-х и начала 90-х годов. Тогда подобных с.-д. были десятки, если не единицы. Теперь — сотни и тысячи. Отсюда — кризис и кризисы. И социал-демократия *в целом* изживает их открыто и изживет их честно»¹.

Склока вызывала стремление отойти от нее. Лозовский, например, целиком ушел во французское профессиональное движение. Тянуло и нас поближе стать к французскому движению. Думалось, что этому поможет, если пожить во французской партийной колонии. Она была на берегу моря, недалеко от небольшого местечка Порник, в знаменитой Вандее. Сначала поехала туда я с матерью. Но в колонии у нас житье не вышло. Французы жили очень замкнуто, каждая семья держалась обособленно, к русским относились недружелюбно как-то, особенно заведующая колонией. Поближе я сошлась с одной французской учительницей. Рабочих там почти не было. Вскоре приехали туда Костицыны и Саввушка — впередовцы — и сразу вышел у них скандал с заведующей. Тогда мы все решили перебраться в Порник и кормиться там сообща. Наняли мы с матерью две комнатухи у таможенного сторожа. Вскоре приехал Ильич. Много купался в море, много гонял на велосипеде — море и морской ветер он очень любил, — весело болтал о всякой всячине с Костицыными, с увлечением ел крабов, которых ловил для нас хозяин. Вообще к хозяевам он вспылал большой симпатией. Толстая громкоголосая хозяйка — прачка — рассказывала о своей войне с ксендзами. У хозяев был сынишка — ходил он в светскую школу, но так как мальчонка прекрасно учился, был бойким, талантливым парнишкой, то ксендзы всячески старались убедить мать отдать его учиться к ним в монастырь. Обещали стипендию. И возмущенная прачка рассказывала, как она выгнала вон приходившего ксендза: не для того она сына рожала, чтобы подлого иезуита из него сделать. Оттого так и подхваливал крабов Ильич. В Порник Ильич приехал 1 авгу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 250—251. *Ред.*

ста¹, а 26-го уже был в Копенгагене, куда он поехал на заседание Международного социалистического бюро и на международный конгресс². Характеризуя работу конгресса, Ильич писал: «Разногласия с ревизионистами наметились, но до выступления ревизионистов с самостоятельной программой еще далеко. Борьба с ревизионизмом отсрочена, но эта борьба придет неизбежно»³. Русская делегация на конгрессе была многочисленна — 20 человек: 10 социал-демократов, 7 социалистов-революционеров, 3 — от профессиональных союзов. В социал-демократической группе были представители всех направлений: Ленин, Зиновьев, Каменев, Плеханов, Варский, Мартов, Мартынов; с совещательными голосами были: Троцкий, Луначарский, Коллонтай и т. д. Много было гостей. Во время конгресса состоялось совещание, в котором приняли участие Ленин, Плеханов, Зиновьев, Каменев, члены III Думы Полетаев и И. П. Покровский. На совещании было решено издавать заграничный популярный орган — «Рабочую газету». Плеханов дипломатничал, но дал все же для первого номера статью «Наше положение».

После Копенгагенского конгресса Ильич ездил в Стокгольм повидаться с матерью и Марией Ильиничной, где и пробыл десять дней⁴. Последний раз видел он в этот раз свою мать, предвидел он это и грустными глазами провожал уходящий пароход. Когда в 1917 году — семь лет спустя — он вернулся в Россию, ее не было уже в живых.

Ильич по возвращении в Париж рассказывал, что на конгрессе удалось ему хорошо поговорить с Луначарским. К Луначарскому Ильич всегда относился с большим пристрастием — больно его уже подкупала талантливость Анатолия Васильевича. Однако вскоре в «Peuple»⁵ появилась статья Луначарского «Тактические течения в нашей партии», где все вопросы освещались с отзовицтской точки зрения. Ильич посмотрел и промолчал, потом ответил в статье. Другие участники конгресса также давали свои оценки. В связи с международным конгрессом Троцкий поместил в «Vorwärts»⁶ анонимную статейку, где нападал всячески на большевиков и выхвалял свою венскую «Правду». Против помещения этой статьи в «Vorwärts» протестовали делегаты съезда Плеханов, Ленин, Варский. Плеханов

¹ В. И. Ленин с семьей жил в городке Порник с 9(22) июля по 10(23) августа 1910 года. *Ред.*

² Международный социалистический конгресс в Копенгагене (VIII конгресс II Интернационала) состоялся 15—21 августа (28 августа — 3 сентября) 1910 года. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 354. *Ред.*

⁴ В. И. Ленин пробыл в Стокгольме с 30 августа по 12 сентября (12—25 сентября) 1910 года. *Ред.*

⁵ «Народ». *Ред.*

⁶ «Вперед». *Ред.*

с первых же шагов появления Троцкого за границей, еще в 1903 году, перед II съездом, враждебно настроен был против Троцкого. Перед II съездом они сердито поспорили по вопросу популярной газете. Плеханов на Копенгагенском конгрессе безоговорочно подписал протест против выступления Троцкого, а Троцкий поднял кампанию против «Рабочей газеты», которую стали издавать большевики, объявил ее узкофракционным органом, делал на эту тему доклад в Венском клубе, в результате чего Каменев вышел из редакции троцкистской «Правды», куда был послан работать после январского пленума. Парижские примиренцы с Марком во главе под влиянием нападков Троцкого поднимали также кампанию против «Рабочей газеты», боясь фракционности. Терпеть не мог Ильич расплывчатого, беспринципного примиренчества, примиренчества со всеми, с кем угодно, равнявшегося сдаче позиций в разгар борьбы.

В № 50 «Neue Zeit» за 1910 год появилась статья Троцкого «Тенденции развития русской социал-демократии», а в № 51 — статья Мартова «Прусская дискуссия и русский опыт». Владимир Ильич написал ответ «Исторический смысл внутривнутрипартийной борьбы в России», но редакторы «Neue Zeit» — Каутский и Вурм — отклонили статью Ленина¹. Ответил Троцкому и Мартову Мархлевский (Карский), предварительно списавшись с Владимиром Ильичем.

В 1911 году к нам в Париж приехал арестованный в Берлине в начале 1908 года с чемоданом с динамитом т. Камо. Он просидел в пемецкой тюрьме более 1½ лет, симулировал сумасшедшего, потом в октябре 1909 года был выдан России, отправлен в Тифлис, где просидел в Метехском замке еще 1 год и 4 месяца. Был признан безнадежно больным психически и переведен в Михайловскую психиатрическую больницу, откуда бежал, а потом нелегально, прячась в трюме, поехал в Париж потолковать с Ильичем. Он страшно мучился тем, что произошел раскол между Ильичем, с одной стороны, и Богдановым и Красиным — с другой. Он был горячо привязан ко всем трем. Кроме того, он плохо ориентировался в сложившейся за годы его сидения обстановке. Ильич ему рассказывал о положении дел.

Камо попросил меня купить ему миндалю. Сидел в нашей парижской гостиной-кухне, ел миндаль, как он это делал у себя на родине, и рассказывал об аресте в Берлине, придумывал казни тому провокатору, который его выдал, рассказывал о годах симуляции, когда он притворялся сумасшедшим, о ручном воровстве, с которым он возился в тюрьме. Ильич слушал и остро

¹ Статья «Исторический смысл внутривнутрипартийной борьбы в России» была опубликована только 29 апреля (12 мая) 1911 года в № 3 «Дискуссионного листа» (приложение к Центральному Органу РСДРП «Социал-демократ») (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 358—376). *Ред.*

жалко ему было этого беззаветно смелого человека, детски-наивного, с горячим сердцем, готового на великие подвиги и не знающего после побега, за какую работу взяться. Его проекты работы были фантастичны. Ильич не возражал, осторожно старался поставить Камо па землю, говорил о необходимости организовать транспорт и т. п. В конце концов было решено, что Камо поедет в Бельгию, сделает себе там глазную операцию (он косил, и шпики сразу его узнавали по этому признаку), а потом морем проберется на юг, потом на Кавказ. Осматривая пальто Камо, Ильич спросил: «А есть у вас теплое пальто, ведь в этом вам будет холодно ходить по палубе?» Сам Ильич, когда ездил на пароходах, неустанно ходил по палубе взад и вперед. И когда выяснилось, что никакого другого пальто у Камо нет, Ильич притащил ему свой мягкий серый плащ, который ему в Стокгольме подарила мать и который Ильичу особенно нравился. Разговор с Ильичем, ласка Ильича немного успокоили Камо. Потом, в период гражданской войны, Камо нашел свою «полочку», опять стал проявлять чудеса героизма. Правда, с переходом на новую экономическую политику он вновь выбился из колеи, все толковал о необходимости учиться и в то же время мечтал о разных подвигах. Он погиб во время последней болезни Ильича. Ехал в Тифлис по Верийскому спуску на велосипеде, натолкнулся на автомобиль и был убит.

В 1910 году в Париж приехала из Брюсселя Инесса Арманд и сразу же стала одним из активных членов нашей Парижской группы. Вместе с Семашко и Бритманом (Казаковым) она вошла в президиум группы и повела обширную переписку с другими заграничными группами. Она жила с семьей, двумя девочками-дочерьми и сынишкой. Она была очень горячей большевичкой, и очень быстро около нее стала группироваться наша парижская публика.

Вообще наша Парижская группа стала крепнуть понемногу. Идейное сплочение шло. Только бедствовали многие ужасно. Рабочие кое-как устраивались, положение же интеллигенции было крайне тяжелое. Переходить на рабочее положение не всегда было посильно. Жить на средства эмигрантской кассы, питаться в долг в эмигрантской столовке было архинепереносно. Помню несколько тяжелых случаев. Один товарищ заделался лакировщиком, но умение давалось не сразу, приходилось менять места работы. Жил он в рабочем квартале, вдали от эмигрантской гущи. И вот дело дошло до того, что он так обессилел от голода, что не мог уже встать с постели, написал письмишко, чтобы принесли ему денег, но не заходили к нему, а оставили у консьержки.

Трудно было Николаю Васильевичу Сапожкову (Кузнецову); он с женой нашли работу — красить глиняную посуду какую-то, но зарабатывали гроши, и видно было, как у этого здо-

рового человека, высокого силача, от голодовки постепенно ложились на лицо морщины, хотя никогда и не жаловался он на свое положение. Много было таких случаев. Тяжелее всего был случай с т. Пригарой, участником Московского восстания. Жил он где-то в рабочем предместье, и товарищи мало знали о нем. Раз приходит к нам и начинает возбужденно, не останавливаясь, говорить что-то несурзное — о колесницах, полных снопами, о прекрасной девушке, стоявшей на колеснице, и т. п. и т. д. Явно человек с ума сошел. Первая мысль была: это от голода. Мама стала спешно готовить ему, побледневший Ильич остался с Пригарой, а я побежала за знакомым доктором-психиатром. Он пришел, поговорил с больным, потом сказал, что это — тяжелая форма помешательства на почве голода; сейчас ничего, а когда перейдет в манию преследования, может покончить с собой, тогда надо следить. Мы даже адреса его не знали. Бритман пошел провожать его до дому, но Пригара дорогой от него ушел. Подняли на ноги нашу группу — пропал человек. Потом нашли его труп в Сене с привязанными к шее и ногам камнями — покончил человек с собой.

Пожить бы еще годика два в атмосфере склоки да эмигрантщины, можно было надорваться. Но на смену годам реакции пришли годы подъема.

В связи со смертью Л. Толстого начались демонстрации, вышел № 1 газеты «Звезда», в Москве стала выходить большевистская «Мысль». Ильич сразу ожил. Его статья «Начало демонстраций» от 31 декабря 1910 года дышит неистощимой энергией. Она кончается призывом: «За работу же, товарищи! Беритесь везде и повсюду за постройку организаций, за создание и укрепление рабочих с.-д. партийных ячеек, за развитие экономической и политической агитации. В первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться за свободу, во второй революции он должен привести их к победе!»¹.

ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА 1911—1914 годы

ПАРИЖ
1911—1912 годы

Уже конец 1910 года прошел под знаком революционного подъема. Годы 1911—1914 были годами, когда вплоть до начала войны, до августа 1914 года, каждый месяц приносил факты нарастания рабочего движения. Только рост этого движения совершался в иных условиях, чем рост рабочего движения перед

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 75. *Ред.*

1905 годом. Он совершался на базе опыта революции 1905 года. Пролетариат был уже не тот. Он многое пережил — полосу забастовок, ряд вооруженных восстаний, громадное массовое движение, пережил годы поражения. В этом был гвоздь вопроса. Это ярко сказывалось во всем, и Ильич, впивавшийся в живую жизнь со всей страстностью, умевший расшифровывать значение каждой фразы, сказанной рабочим, удельный ее вес, чувствовал всем своим существом этот рост пролетариата. Но, с другой стороны, он знал, что не только пролетариат, но и вся обстановка уж не та, что была раньше. Интеллигенция стала уже другой. В 1905 году широкие слои интеллигенции всячески поддерживали рабочих. Теперь было не то. Характер борьбы, которую поведет пролетариат, был уже ясен. Борьба будет жестокая, непримиримая, пролетариат будет сбрасывать все, что будет стоять на его пути. И нельзя будет бороться его руками за куцую конституцию, как того хотела либеральная буржуазия, не даст рабочий класс сделать ее куцей. Он поведет, а не его поведут. Да и условия борьбы стали другие. Правительство царское тоже имело за плечами опыт революции 1905 года. Теперь оно опутывало всю рабочую организацию целую сеть провокатуры. Это были уже не старые шпики, торчавшие на углах улиц, от которых можно было спрятаться, это были Машиновские, Романовы, Брендинские, Черномазовы, занимавшие ответственные партийные посты. Слежка, аресты — все делалось правительством не наобум, а строго продуманно.

Такая обстановка была настоящим садком для выводки оппортунистов самой высокой марки. Курс ликвидаторов на ликвидацию партии, передового, ведущего отряда рабочего класса, поддерживался широкими слоями интеллигенции. Ликвидаторы, как грибы, росли и справа, и слева. Каждый кадетиска ладил плюнуть по адресу нелегальной партии. Нельзя было не вести с ними бешеной борьбы. Условия борьбы были неравные. У ликвидаторов сильный легальный центр в России, возможность вести широкую ликвидаторскую работу в массах, у большевиков — борьба за каждую пядь в тяжелейших условиях тогдашнего подполья.

1911 год начался с прорыва цензурных рогаток, с одной стороны, с энергичной борьбы за укрепление партийной нелегальной организации — с другой. Борьба началась внутри заграничного объединения, созданного январским пленумом 1910 года, но скоро перехлестнула через его рамки, пошла своим путем.

Страшно радовал Ильича выход «Звезды» в Питере и «Мысли» в Москве. Заграничные нелегальные газеты доходили до России из рук вон плохо, хуже, чем в период до 1905 года: заграничная и Россия были насыщены провокаторами, благодаря которым все проваливалось. И потому выход в России легаль-

ных газет и журналов, где можно было писать большевикам, страшно радовал Ильича.

В редакцию «Звезды» входили В. Бонч-Бруевич (большевик), Н. Иорданский (тогда плехановец) и И. Покровский (от думской фракции, сочувствовал большевикам). Газета считалась органом думской фракции. В первом номере был помещен фельетон Плеханова. Первый номер не очень удовлетворил Владимира Ильича, показался ему тусклым. Зато понравился ему очень № 1 московской «Мысли».

«...Вся наша и радует меня безмерно»¹, — писал Ильич о ней Горькому. Усиленно стал писать Ильич для «Звезды» и «Мысли». Издавать легальные газеты в то время было не так-то легко. В феврале в Москве был арестован Скворцов-Степанов, а в Питере Бонч-Бруевич и Лидия Михайловна Книпович, работавшая с Полетаевым и др. В апреле «Мысль» была закрыта, а в июне на 25-м номере прекратилась и «Звезда» как орган думской фракции. Восстановлена была только в ноябре (№ 26 «Звезды» вышел 5 ноября). Правда, она стала тогда уже определению большевистской. В Баку также стала издаваться большевистская «Современная жизнь».

В июле стали стовариваться с т. Савельевым об издании в Питере легального журнала «Просвещение». Поставить журнал удалось лишь к концу 1911 года.

Владимир Ильич самым усиленным образом следил за этими изданиями, писал для них.

Что касается связи с рабочими, то сначала была попытка повторить опыт занятий с каприйцами в отношении учеников Болонской школы, но дело не вышло.

Еще в ноябре 1910 года отзовисты организовали школу в Болонье, в Италии; ученики послали приглашение ряду лекторов, в том числе Дану, Плеханову, Ленину. Владимир Ильич ответил отказом и звал приехать в Париж. Но, умудренные каприйским опытом, впередовцы начали крутить, потребовали официального приглашения со стороны Заграничного бюро ЦК (в ЗБЦК в это время преобладали меньшевики), а приехав в Париж, вместе с вольнослушателями, которые должны были противостоять ленинскому влиянию, болонцы потребовали автономии. Занятия в конце концов не состоялись, и ЗБЦК отправило приехавших в Россию.

Весной 1911 года наконец удалось устроить под Парижем свою партийную школу. В школу принимались рабочие и меньшевики-партийцы и рабочие-впередовцы (отзовисты), по и тех и других было очень небольшое меньшинство.

Первыми приехали питерцы — два рабочих-металлиста — Белостоцкий (Владимир), другой — Георгий (фамилии не пом-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 13. *Ред.*

ню), впередовец, и работница Вера Васильева. Публика все приехала развитая, передовая. В первый вечер, когда они появились на горизонте, Ильич повел их ужинать куда-то в кафе, и я помню, как горячо проговорил он с ними весь вечер, расспрашивая о Питере, о их работе, нащупывая в их рассказах признаки подъема рабочего движения. Пока что Николай Александрович Семашко устроил их неподалеку от себя в пригороде Парижа Фонтеней-о-Роз, где они подчитывали разную литературу в ожидании, когда подъедут остальные ученики. Затем приехали двое москвичей: один — кожевник, Присягин, другой — текстильщик, не помню фамилии. Питерцы скоро сошлись с Присягиным. Был он незаурядным рабочим, в России уже перед тем редактировал нелегальную газету кожевников «Посадчик», хорошо писал, но был он ужасно застенчив: начнет говорить, и руки у него дрожат от волнения. Белостокский его поддразнивал, но очень мягко, добродушно.

Во время гражданской войны Присягин был расстрелян Колчаком как председатель губпрофсовета в Барнауле.

Но совсем уж недобродушно насмеялся Белостокский над другим москвичом — текстильщиком. Тот был мало развит, но был очень самоуверен. Писал стихи, старался выражаться помудренее. Помню, пришла я как-то в школьное общежитие, встретила москвича. Он стал созывать публику: «Мистер Круцкая пришла». За этого «мистер Круцкая» поднял Белостокский парня на смех. Постоянно возникали у них конфликты. Кончилось тем, что питерцы стали настаивать, чтобы парня убрали из школы: «Он ничего не понимает, про проституцию черт знает что несет». Попробовали мы убеждать, что парень подучится, но питерцы настаивали на отсылке москвича обратно. Временно устроили мы его на работу в Германии.

Школу решили организовать в деревне Лонжюмо, в 15 километрах от Парижа, в местности, где не жило никаких русских, никаких дачников. Лонжюмо представляло собою длинную французскую деревню, растянувшуюся вдоль шоссе, по которому каждую ночь непрерывно ехали возы с продуктами, предназначенными для насыщения «брюха Парижа». В Лонжюмо был небольшой кожевенный заводик, а кругом тянулись поля и сады. План поселения был таков: ученики снимают комнаты, целый дом снимает Инесса. В этом доме устраивается для учеников столовая. В Лонжюмо поселяемся мы и Зиновьевы. Так и сделали. Хозяйство все взяла на себя Катя Мазанова, жена рабочего, бывшего в ссылке вместе с Мартовым в Туруханске, а потом нелегально работавшего на Урале. Катя была хорошей хозяйкой и хорошим товарищем. Все шло как нельзя лучше. В доме, который сняла Инесса, поселились тогда наши вольнослушатели: Серго (Орджоникидзе), Семен (Шварц), Захар (Бреслав). Серго незадолго перед тем приехал в Париж. До это-

го жил он одно время в Персии, и я помню обстоятельную переписку, которая с ним велась по выяснению линии, которую занял Ильич по отношению к плехановцам, ликвидаторам и впереводцам. С группой кавказских большевиков у нас всегда была особенно дружная переписка. На письмо о происходящей за границей борьбе долго что-то не было ответа, а потом раз приходит консьержка и говорит: «Пришел какой-то человек, ни слова не говорит по-французски, должно быть к вам». Я спустилась вниз — стоит кавказского вида человек и улыбается. Оказался Серго. С тех пор он стал одним из самых близких товарищей. Семена Шварца мы знали давно. Его особенно любила моя мать, в присутствии которой он рассказывал как-то, как впервые, молодым девятнадцатилетним парнем, распространял листки на заводе, представившись пьяным. Был он николаевским рабочим. Бреслава знали также с 1905 года по Питеру, где он работал в Московском районе.

Таким образом, в доме Инессы жила все своя публика. Мы жили на другом конце села и ходили обедать в общую столовую, где хорошо было поболтать с учениками, порасспросить их о разном, можно было регулярно обсуждать текущие дела.

Мы нанимали пару комнат в двухэтажном каменном домишке (в Лояжюмо все дома были каменные) у рабочего-кожевника и могли наблюдать быт рабочего мелкого предприятия. Рано утром уходил он на работу, приходил к вечеру совершенно измученный. При доме не было никакого садика. Иногда выносили на улицу ему стол и стул, и он подолгу сидел, опустив усталую голову на истомленные руки. Никогда никто из товарищей по работе не заходил к нему. По воскресеньям он ходил в костел, возвышавшийся паискошь от нас. Музыка захватывала его. В костел приходили петь монахиши с чудесными оперными голосами, пели Бетховена и пр., и понятно, как захватывало это рабочего-кожевника, жизнь которого протекала так тяжело и беспросветно. Невольно напрашивалось сравнение с Присяжным, тоже кожевником по профессии, жизнь которого была не легче, но который был сознательным борцом, общим любимцем товарищей. Жена французского кожевника с утра надевала деревянные башмаки, брала в руки метлу и шла работать в соседний замок, где она была поденщицей. Дома за хозяйку оставалась девочка-подросток, которая целый день возилась в полутемном, сыром помещении с хозяйством и с младшими братишками и сестренками. И к ней никогда не приходили никакие подруги, и у ней тоже была в будни только возня по хозяйству, в праздник — костел. Никогда никому в семье кожевника не приходила в голову мысль о том, что не плохо бы кое-что изменить в существующем строе. Бог ведь создал богачей и бедняков, значит, так и надо — рассуждал кожевник.

Нянька-француженка, которую Зиновьевы взяли к своему трехлетнему сынишке, держалась тех же взглядов, и когда мальчонка стремился проникнуть в парк замка, находившегося рядом с Лонжюмо, она ему объясняла: «Это не для нас, это для господ». Мы очень потешались над малышом, когда он глубоко-мысленно повторял это изречение своей нянюшки.

Скоро съехались все ученики: николаевский рабочий Андреев, уже прошедший в ссылке, кажется вологодской, своеобразный курс учебы. Ильич в шутку называл его первым учеником. Догадов из Баку (Павел), Сема (Семков). Из Киева приехали двое: Андрей Малиновский и Чугурин — плехановцы. Андрей Малиновский оказался, как позднее выяснилось, провокатором. Он ничем не выдавался, кроме своего прекрасного голоса; был он парень совсем молодой, малонаблюдательный. Рассказывал он мне, как ушел, направляясь в Париж, от слежки. Показалось мне что-то мало правдоподобным, но особых подозрений не вызвало. Другой, Чугурин, считал себя плехановцем. Это был сормовский рабочий, сидевший долго в тюрьме, очень развитой рабочий, большой нервняга. Скоро стал он большевиком. Из Екатеринослава приехал также плехановец Савва (Зевин). Когда мы занимали квартиры ученикам, мы говорили, что это русские сельские учителя. Савва во время своего пребывания в Лонжюмо болел тифом. Лечивший его доктор-француз потом говорил с улыбкой: «Какие у вас странные учителя». Больше всего французов удивляло, что наши «учителя» ходят сплошь и рядом босиком (жарища тем летом стояла невероятная).

Зевин принимал полгода спустя участие в Пражской партийной конференции, потом долго боролся в рядах большевиков, пока не был убит в числе 26 бакинских комиссаров белыми.

Из Ивапово-Вознесенска приехал Василий (С. Искрянистов). Он очень хорошо занимался, но держался как-то странно, сторонился всех, запирался в своей комнате и, когда ехал в Россию, наотрез отказался брать какие-либо поручения. Он был очень дельным работником. В течение ряда лет занимал ответственные посты. Бедовал здорово. На фабрики и заводы его, как «неблагопадежного», никуда не брали, ему никак не удавалось найти заработок, и он с женою и двумя детьми очень долго жил только на очень маленький заработок своей жены — ткачихи. Как потом выяснилось, Искрянистов не выдержал и стал провокатором. Стал здорово запивать. В Лонжюмо не шил. Вернувшись из Лонжюмо, не выдержал, покончил с собой. Раз вечером прогнал из дому жену и детей, затопил печку, закрыл трубу, наутро его нашли мертвым. Получил он за свою «работу» какие-то гроши, рублей десять, числился провокатором меньше года.

От поляков был Олег (Прухняк). В половине занятий приехал в Лонжюмо Манцев.

Занятия происходили очень регулярно. Владимир Ильич читал лекции по политической экономии (30 лекций), по аграрному вопросу (10 лекций), теорию и практику социализма (5 лекций)¹. Семинарскую работу по политической экономии вела Инесса Зиновьев и Каменев читали историю партии, пару лекций читал Семашко. Из других лекторов — Рязанов читал лекции по истории западноевропейского рабочего движения, Шарль Раппопорт — по французскому движению, Стеклов и Финн-Енотаевский — по государственному праву и бюджету, Луначарский — по литературе и Станислав Вольский — по газетной технике.

Занимались много и усердно. По вечерам иногда ходили в поле, где много пели, лежали под скирдами, говорили о всякой всячине. Ильич тоже иногда ходил с ними.

Каменев не жил в Лонжюмо, приезжал туда только читать лекции. Писал он в то время свою книжку «Две партии». Он обсуждал ее с Ильичем. Помню, как они лежали на траве в логу за селом, и Ильич развивал Каменеву свои мысли. Он написал предисловие к этой книжке².

Мне приходилось довольно часто ездить в Париж, в экспедицию, где видалась по делам с публикой. Это было необходимо, чтобы избежать приездов в Лонжюмо. Ученики все собирались ехать немедленно в Россию на работу, и надо было принимать меры, чтобы хоть несколько законспирировать их пребывание в Париже. Ильич был очень доволен работой школы. В свободное время ездили мы с ним по обыкновению на велосипеде, поднимались на гору и ехали километров за пятнадцать, там был аэродром. Заброшенный вглубь, он был гораздо менее посещаем, чем аэродром Жювизи. Мы были часто единственными зрителями, и Ильич мог вволю любоваться маневрами аэропланов.

В половине августа мы переехали обратно в Париж.

Сколоченное с таким трудом в январе 1910 года объединение всех фракций стало быстро разваливаться. По мере того как вставали практические задачи работы в России, делалось все яснее, что совместная работа невозможна. Требования практической работы срывали маску партийности, которой прикрывались некоторые меньшевики. Вылезла на свет божий суть «лояльности» Троцкого, под маской лояльности стремившегося объединить ликвидаторов и впередовцев. Когда стала ощущаться необходимость организовать в России получше для работы, тут-то и сказалась искусственность всего объединения. Еще в конце декабря 1910 года Ленин, Зиновьев и Каменев подали заяв-

¹ В. И. Ленин прочел 29 лекций по политической экономии, 12 — по аграрному вопросу и 12 — по теории и практике социализма в России. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 295—298. *Ред.*

ление в ЗБЦК о необходимости созыва за границей пленума Центрального Комитета. Только через месяц с лишком получили они ответ на свое заявление: меньшевистский ЗБЦК отклонил сделанное предложение. Переговоры на эту тему затянулись до конца мая 1911 года. Явно было — с ЗБЦК каши не сварить. Входящий в ЗБЦК представитель большевиков, т. Семашко, вышел из состава ЗБЦК, и большевики стали созывать совещание членов ЦК, находившихся в то время за границей. Таких членов было в июне 1911 года девять. Бундист Ионов был болен, остальные съехались к 10 июня, но меньшевик Горев и бундист Либер ушли с совещания. Остальные обсудили наиболее настоятельные вопросы, обсудили вопросы созыва партийной конференции, постановили создать в России Российскую организационную комиссию по созыву партийной конференции¹ (РОК). В августе поехали в Россию: Бреслав (Захар) — в Петер и Москву, Семен Шварц — на Урал и в Екатеринбург, Серго — на юг. Поехал также Рыков, который был арестован тотчас по приезде на улице. В газетах было помещено сообщение, что у Рыкова было взято много адресов. Это было не так. Действительно, был арестован одновременно с Рыковым ряд большевиков, но потом выяснилось, что в Лейпциге, где в то время работал Пятницкий по транспорту и куда заезжал Рыков перед отъездом в Россию, в это время жил Брендинский, наш транспортер². Потом оказалось, что Брендинский был провокатором. Он зашифровывал Рыкову адреса. Вот почему, хотя у Рыкова ничего при обыске не взяли, все адреса были провалены.

В Баку было созвано совещание. Оно лишь случайно не было арестовано, так как был арестован член совещания, видный бакинский работник Степан Шаумян и ряд других бакинских работников. Совещание было перенесено в Тифлис, там оно и прошло. Были представители от пяти организаций; присутствовали на нем Шварц, Серго и др. На совещании были представлены большевики и плехановцы. Присутствовал на совещании также Черномазов, оказавшийся потом провокатором. Российская организационная комиссия сделала, однако, свое дело — партийная конференция была созвана в январе 1912 года.

Парижская большевистская группа представляла собою в 1911 году довольно сильную организацию. Туда входили тт. Семашко, Владимирский, Антонов (Бритман), Кузнецов (Сапожков), Беленькие (Абрам, потом и его брат Гриша), Инесса, Сталь, Наташа Гопнер, Котляренко, Чернов (настоящей фамилии не помню), Ленин, Зиновьев, Каменев, Лилина, Таратута,

¹ Речь идет о VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, состоявшейся 5—17 (18—30) января 1912 года. *Ред.*

² В своей книге «Воспоминания о Ленине» (М., Соцэкиз, 1931, с. 64) Н. К. Крупская далее пишет: «...к которому Пятницкий и Марк отнесли с полным доверием». *Ред.*

Марк (Любимов), Лева (Владимиров) и др. Всего было свыше 40 человек. В общем и целом у группы были порядочные связи с Россией и большой революционный опыт. Борьба с ликвидаторами, с троцкистами и др. закаляла группу. Группа оказывала немало содействия русской работе, вела кое-какую работу среди французов и среди широкой рабочей эмигрантской публики. Такой публики было довольно много в Париже. Одно время мы пробовали с т. Сталь повести работу среди женской эмигрантской массы работниц: шляпочниц, швеек и пр. Был целый ряд собраний, но мешала недооценка этой работы. На каждом собрании кто-либо непременно заводил «бузу»: «А почему нужно созывать непременно женское собрание?», — так и завяло это дело, хотя известную долю пользы оно, может быть, и принесло. Ильич считал это дело нужным.

В конце сентября Владимир Ильич ездил в Цюрих на заседание Международного бюро¹. Обсуждалось письмо Молькенбура в ЦК германской социал-демократии о том, что в связи с выборами не следует из-за мароккских событий выпячивать критику колониальной политики. Роза Люксембург опубликовала это письмо. Бебель возмущался этим. Владимир Ильич защищал Розу. Оппортунистическая политика германской социал-демократии уже ярко проявилась на этом заседании.

В эту свою поездку Ильич прочитал в Швейцарии ряд рефератов.

В октябре покончили с собой Лафарги². Эта смерть произвела на Ильича сильное впечатление. Вспоминали мы нашу поездку к ним³. Ильич говорил: «Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги». И хотелось ему сказать над телом Лафаргов, что недаром прошла их работа, что дело, начатое ими, дело Маркса, с которым и Поль Лафарг, и Лаура Лафарг так тесно были связаны, ширится, растет и перекидывается в далекую Азию. В Китае как раз поднималась в это время волна массового революционного движения. Владимир Ильич написал речь, Инесса ее перевела. Я помню, как, волнуясь, он говорил ее от имени РСДРП на похоронах⁴.

Перед Новым годом большевики собрали совещание большевистских заграничных групп. Настроение было бодрое, хотя нервы у всех порядком-таки расшатала эмиграция.

¹ Заседание Международного социалистического бюро в Цюрихе проходило 10—11 (23—24) сентября 1911 года. *Ред.*

² Это случилось в ноябре, в ночь на 13 (26) 1911 года. *Ред.*

³ См. настоящий том, с. 348—349. *Ред.*

⁴ «Речь, произнесенная от имени РСДРП на похоронах Поля и Лауры Лафарг 20 ноября (3 декабря) 1911 года». — *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 20, с. 387—388. *Ред.*

Шла усиленная подготовка к конференции, Владимир Ильич списался с чешским представителем социал-демократии в Международном социалистическом бюро Немецом об устройстве конференции в Праге. Прага представляла то преимущество, что там не было русской колонии, что важно было с конспиративной точки зрения, да и Владимир Ильич знал Прагу по первой эмиграции, когда он жил там некоторое время у Модрачека.

Из воспоминаний, связанных с Пражской конференцией, у меня остались два (на самой конференции я не была). Одно — спор между Саввой (Зевиным), делегатом от Екатеринослава, бывшим учеником Лонжюмовской школы, с делегатом от Киева — Давидом (Шварцманом) и, кажись, Серго. В памяти осталось взволнованное лицо Саввы. Я не помню точно содержания разговора, но Савва был плехановцем. Плеханов на конференцию не поехал. «Состав Вашей конференции, — писал он в ответ на приглашение, — до такой степени однообразен, что мне лучше, т. е. сообразнее с интересами единства партии, не принимать в ней участия». Савву он тоже соответствующим образом настропалил, и тот во время конференции вносил протесты за протестами в духе Плеханова. Потом, как известно, Савва стал большевиком. Другой плехановец, Давид, держался с большевиками. Разговор, обстановка которого осталась у меня в памяти, тогда шел о том, ехать ли Савве на конференцию или нет. В Лонжюмо Савва всегда был веселым, очень уравновешенным, и потому так поразило меня его волнение.

Другое воспоминание. Владимир Ильич уже уехал в Прагу. Приехал Филипп (Голощекин) вместе с Брендинским, чтобы ехать на партийную конференцию. Брендинского я знала лишь по имени, он работал по транспорту. Жил он в Двинске. Его главная функция была переправлять полученную литературу в организации, главным образом в Москву. У Филиппа явились сомнения относительно Брендинского. У него в Двинске жили отец и сестра. Перед поездкой за границу Филипп заезжал к отцу. Брендинский нанимал комнату у сестры Филиппа. И вот старик предупреждал Филиппа: не доверяй этому человеку, он как-то странно ведет себя, живет не по средствам, швыряется деньгами. За две недели до конференции Брендинский был арестован, его выпустили через несколько дней. Но пока он сидел, к нему приезжало несколько человек, которые были арестованы; кто именно был арестован — не выяснено. Вызвала у Филиппа подозрение и совместная переправа через границу. Филипп пришел к нам на квартиру вместе с Брендинским, я им обрадовалась, но Филипп многозначительно пожал мне руку, выразительно посмотрел на меня, и я поняла, что он мне что-то хочет сказать о Брендинском. Потом в коридоре он сказал мне

о своих сомнениях. Мы условились, что он уйдет и мы повидаемся с ним позже, а пока я поговорю с Брендинским, позондирую почву, а потом решим, как быть.

Разговор с Брендинским у нас вышел очень странный. Мы получали от Пятницы извещения, что литература благополучно переправлена, что литература доставлена в Москву, а москвичи жаловались, что они ни черта не получают. Я стала спрашивать Брендинского, по какому адресу, кому он передает литературу, а он смугился, сказал, что передает не организации, ибо теперь это опасно, а своим знакомым рабочим. Я стала спрашивать фамилии. Он стал пазывать явно наобум — адресов-де не помнит. Видно было — врет человек. Я стала расспрашивать о его объездах, спросила что-то о каком-то городе, кажется Ярославле; он сказал, что не может туда ездить, ибо там был арестован. Я спрашиваю: «По какому делу?» А он отвечает: «По уголовному». Я так и опешила. Чем дальше, тем путаннее были его ответы. Я ему чего-то наплела, что конференция будет в Бретани, что Ильич и Зиновьев туда уже уехали, а потом сговорила с Филиппом, что они с Григорием уедут ночью в Прагу, и он оставит записку Брендинскому, что уезжает в Бретань. Так и сделали. Потом я откомандировалась к Бурцеву, который специализировался в то время на раскрытии провокаторов: «Явный-де провокатор», — говорила я ему. Бурцев выслушал и предложил: «Пошлите его ко мне». Посылать провокатора к Бурцеву было ни к чему. Потом пришла телеграмма от Пятницкого, у которого также явились подозрения, он писал в телеграмме, чтобы Брендинского на конференцию не пускать, позднее прислал подробное письмо. Так Брендинский на конференцию и не попал. В Россию он больше не вернулся, царское правительство купило для него виллу под Парижем за 40 тысяч франков.

Я очень гордилась тем, что уберегла конференцию от провокатора. Я не знала, что на Пражской конференции присутствовали и без того два провокатора: Роман Малиновский и Романов (Аля Алексинский) — бывший капрпец.

Пражская конференция была первой партийной конференцией с русскими работниками, которую удалось созвать после 1908 года и на ней деловым образом обсудить вопросы, касающиеся русской работы, выработать четкую линию этой работы. Резолюции были приняты о современном моменте и задачах партии, о выборах в IV Государственную думу, о думской социал-демократической фракции, о характере и организационных формах партийной работы, о задачах социал-демократии в борьбе с голодом, об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих, о петиционной кампании.

Четкая партийная линия по вопросам русской работы, настоящее руководство *практической* работой — вот что дала Пражская конференция.

В этом было ее громадное значение¹. На конференции был выбран ЦК, куда вошли Ленин, Зиновьев, Орджоникидзе (Серго), Шварцман (Давид), Голощекин (Филипп), Спандарян², Малиновский. Были намечены кандидатуры на случай ареста. Вскоре после конференции в ЦК были кооптированы Сталин и Белостокский, питерский рабочий (ученик Лонжюмовской школы), в ЦК было создано то единство, без которого невозможна была работа в это трудное время. Несомненно, конференция была крупным шагом вперед: клала конец развалу русской работы. Злопыхательство ликвидаторов, Троцкого, дипломатия Плеханова, бундовцев и др.— все это хотя и требовало резкого отпора, разоблачения, однако удельный вес этих споров снижался, главный центр внимания переносился теперь на работу в России. И полбеда было, что в ЦК входил Малиновский, полбеда было, что совещание, которое было устроено в Лейпциге после конференции с представителями III Думы — Полетаевым и Шуркановым, было тоже детально известно полиции: Шурканов оказался также провокатором. Несомненно, прокуратура губила работников, ослабляла организацию, но полиция была бессильна остановить подъем рабочего движения, а правильно намеченная линия влиwała движение в правильное русло и растила все новые и новые силы.

Из Лейпцига, куда Ильич ездил на свидание с Полетаевым и Шуркановым, он поехал в Берлин, чтобы там договориться с

¹ Далее в рукописи следует: «На Пражской конференции участвовали рабочие, стоявшие в гуще рабочего движения, участвовал, например, в числе других рабочих Обуховского завода Евгений Онуфриев, близкий товарищ Петра Грибакина, занимавшегося в 1895 году в кружке Ильича и потом, в 1909 году, замученного в царской тюрьме». *Ред.*

² Сурен Спандарян был делегатом от Баку. Когда Ильич после конференции был в Берлине, был там и Сурен, познакомил он Ильича со старым другом своей семьи — Воски-Иоаннисян, которая оказывала всякие услуги партии. Через нее предполагалось вести переписку с Россией. Немного продержался Сурен, уже в конце апреля пришло сообщение об его аресте. В Париже жил отец Сурена. Мы пошли с Ильичем к нему, чтобы поподробнее узнать об аресте сына.

Отец Сурена, большой старик, жил одиноко и заброшенно, не было у него денег, нечем ему было даже заплатить за квартиру, память ему изменяла: напишет письмо, а адрес забудет написать. Ильичу ужасно стало жалко старика. И из Баку вести были нерадостные. Сурен сидел в очень тяжелых условиях, некому было о нем позаботиться. Когда пришли мы домой, Ильич тотчас написал письмо Воски, прося позаботиться об обоих Спандарянах, писал о старике, что «положение его самое печальное, даже отчаянное. Мы ему помогли небольшим займом. Но я все же решил Вам написать. Вероятно, у Вас есть знакомые и друзья Спандаряна и в Баку и в Париже... Не знаете ли Вы кого-либо в Баку, кому можно бы написать про Сурена и попросить позаботиться о нем? Далее, если у Вас есть общие знакомые, крайне бы было важно позаботиться и об отце... Надеюсь, Вы сделаете, что можете, для обоих Спандарянов и черкнете мне об этом пару слов». *Н. К. (См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 62—63. Ред.)*

«держателями» о возвращении денег, которые теперь были особенно нужны для работы. Тем временем приехал к нам в Париж Шотман. Он работал в последнее время в Финляндии. Пражская конференция приняла резолюцию, резко осуждавшую политику царизма и III Думы по отношению к Финляндии, и подчеркнула единство задач рабочих Финляндии и России в борьбе с царизмом и русской контрреволюционной буржуазией. В Финляндии в это время работала нелегально наша организация. Среди моряков Балтийского флота шла работа, и вот Шотман приехал сказать, что в Финляндии все готово к восстанию, нелегальная организация, работающая в наших войсках, уже готова к бою (предполагалось захватить Свеаборгскую и Кронштадтскую крепости). Ильич еще не вернулся. Когда он приехал, он с интересом стал спрашивать Шотмана об организации, которая была сама по себе интересным фактом (в организации работали Рахья, С. В. Воробьев, Кокко), но указывал на нецелесообразность в данный момент таких выступлений. Было сомнительно, чтобы восстание в этот момент поддержали питерские рабочие. До выступлений — как вскоре выяснилось — дело не дошло: организация быстро провалилась, вскоре начались повальные аресты, и было привлечено к суду 52 человека за подготовку восстания. До восстания дело было еще далеко, конечно, но ленские события, разразившиеся в половине апреля, повсеместные стачки протеста ярко выявили, как вырос за эти годы пролетариат, как ничего не забыто им, выявили, что сейчас уже движение подымается на высшую ступень, что создается уже совсем иная обстановка для работы.

Ильич стал другим, сразу стал гораздо менее нервным, более сосредоточенным, думал больше о задачах, вставших перед русским рабочим движением. Настроение Ильича вылилось, пожалуй, полнее всего в его статье о Герцене, написанной им в начале мая. В этой статье очень много от Ильича, от того ильичевского горячего пафоса, который так увлекал, так захватывал. «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции, — писал он. — Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы

крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах»¹. Еще несколько месяцев тому назад Владимир Ильич как-то с грустью говорил Анне Ильиничне, приехавшей в Париж: «Не знаю уж, придется ли дожиться до следующего подъема», — теперь он ощущал уже всем существом своим эту поднимающуюся бурю — движение самих масс.

Когда вышел первый номер «Правды»², мы стали собираться в Краков; Краков был во многих отношениях удобнее Парижа. Удобнее было в полицейском отношении. Французская полиция всячески содействовала русской полиции. Польская полиция относилась к полиции русской, как и ко всему русскому правительству, враждебно. В Кракове можно было быть спокойным в том отношении, что письма не будут вскрываться, за приезжими не будет слежки. Да и русская граница была близка. Можно было часто приезжать из России. Письма и пакеты шли в Россию без всякой волокиты. Мы спешно собирались. Владимир Ильич повеселел, особенно внимателен был к остающимся товарищам. Наша квартира превратилась в проходной двор.

Помню, пришел и Курнатовский. Мы Курнатовского знали по ссылке в Шуше. Это была уже третья ссылка, которую он отбывал; он кончил Цюрихский университет, был инженером-химиком и работал на сахарном заводе около Минусинска. Вернувшись в Россию, он скоро опять влетел в Тифлисе, два года просидел в тюрьме в Метехском замке, потом был отправлен в Якутку, по дороге попал в «романовскую историю»³ и был приговорен в 1904 году к 12 годам каторги. В 1905 году был амнистирован, организовал Читинскую республику⁴, был захвачен Меллером-Закомельским⁵, потом передан Ренненкампфу. Его приговорили к смертной казни и возили в поезде, чтобы он ви-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261. *Ред.*

² Первый номер газеты «Правда» вышел 22 апреля (5 мая) 1912 года. *Ред.*

³ «Романовской историей» пазывалось вооруженное нападение на ссыльных Якутской области в 1904 г., совершенное по распоряжению властей за то, что ссыльные заявили протест против неслыханного гнета и произвола администрации по отношению к политическим ссыльным. Протестовавшие заперлись 18 февраля в доме якута Романова (отчего протест назван «романовским»). Во время перестрелки, происходившей с обеих сторон, был убит ссыльный т. Матлахов и трое ранены, со стороны солдат было убито двое. 7 марта «романовцы» сдались. Участников протеста судил якутский суд. Каждый из 55 подсудимых был приговорен к каторжным работам на 12 лет. *Н. К.*

⁴ Читинская, или Забайкальская, республика — период фактического захвата власти в Чите в конце 1905 года рабочими железнодорожных мастерских, к которым примкнули возвращавшиеся из Маньчжурии после окончания русско-японской войны солдаты. 21 января в Читу прибыл карательный отряд с ген. Ренненкампфом во главе и затопил в крови движение. *Н. К.*

⁵ Генерал Меллер-Закомельский прославился своими карательными экспедициями в Прибалтийском крае и в Сибири в 1905—1906 годах. *Н. К.*

дел расстрелы. Потом смертную казнь заменили вечным поселением. В 1906 году Курнатовскому удалось бежать из Нерчинска в Японию. Оттуда он перебрался в Австралию, где очень пуждался, одно время был лесорубом, простудился, началось у него какое-то воспаление уха, надорвал он все силы. Еле добрался до Парижа.

Исключительно тяжелая доля скрутила его вконец. Осенью 1910 года, по его приезду, мы с Ильичем ходили к нему в больницу — у него были страшные головные боли, мучился он ужасно. Его навещала Екатерина Ивановна Окулова с дочуркой Ириной, которая детскими каракулями писала что-то Курнатовскому, наполовину оглохшему. Потом он поправился немного. Попал он к примиренцам и как-то в разговоре стал говорить тоже что-то примиренческое. После этого у нас на время расстроилось знакомство: первые плохие у всех были. Но осенью 1911 года я зашла раз к нему, — он занимал комнатку на бульваре Монпарнас, — занесла наши газеты, рассказала про школу в Лонжюмо, и мы долго проговорили с ним по душам. Он безоговорочно соглашался уже с линией Центрального Комитета. Ильич обрадовался и последнее время частенько заходил к Курнатовскому. Курнатовский смотрел, как мы укладывались, как весело паковала что-то моя мать, и сказал: «Есть вот ведь энергия у людей». Осенью 1912 года, уже когда мы были в Кракове, Курнатовский умер.

Мы передавали нашу квартиру какому-то поляку, краковскому регенту, который брал квартиру с мебелью и усиленно допрашивал Ильича о хозяйственных делах: «А гуси почему? А телятина почему?» Ильич не знал, что сказать: «Гуси???. Телятина??.» Мало имел Ильич отношения к хозяйству, но и я ничего не могла сказать о гусях и телятине, ибо в Париже ни того, ни другого мы не ели, а ценой конины и салата регент не интересовался.

У нашей парижской публики была в то время сильная тяга в Россию: собирались туда Инесса, Сафаров и др. Мы пока перемещались только поближе к России.

КРАКОВ 1912—1914 годы

Краковская эмиграция не походила на парижскую или швейцарскую. По существу дела это была полуэмиграция. В Кракове мы почти целиком жили интересами русской работы. Связи с Россией установились очень быстро самые тесные. Газеты из Питера приходили на третий день. В России стала в это время выходить «Правда». «А в России революционный подъем, не иной какой-либо, а именно революционный, — писал Владимир

Ильич Горькому.— И нам удалось-таки поставить ежедневную «Правду» — между прочим, благодаря именно той (январской) конференции, которую лают дураки»¹. С «Правдой» налажены были самые тесные отношения. Чуть не ежедневно писал Ильич в «Правду» статьи, посылал туда письма, следил за работой «Правды», вербовал для нее сотрудников. Настаивал он всячески, чтобы принимал в ней участие Горький. Писал также регулярно в «Правду» и Зиновьев, и Лилина, которая подбирала для нее интересный заграничный материал. Ни из Парижа, ни из Швейцарии было бы немислимо наладить такое планомерное сотрудничество. Переписка с Россией была также быстро налажена. Краковские товарищи научили нас, как наиболее конспиративно наладить это дело. Важно, чтобы на письмах не было заграничного штемпеля, тогда на них русская полиция обращала меньше внимания. Крестьянки, приезжавшие на базар из России, за небольшую плату брали наши письма и бросали их в ящик уже в России.

В Кракове жило около 4 тысяч польских эмигрантов.

Когда мы приехали в Краков, нас встретил товарищ Багоцкий — польский эмигрант, политкаторжанин, который сразу же взял шефство над нами и помогал нам во всех житейских и конспиративных делах. Он научил нас, как пользоваться «полупасками» (так назывались проходные свидетельства, по которым ездили жители приграничной полосы и с русской, и с галицийской стороны). «Полупаски» стоили гроши, а самое главное — они до чрезвычайности облегчали переезд через границу нашей нелегальной публике. Мы переправляли по полупаскам многих товарищей. Переправили таким путем Варвару Николаевну Яковлеву. Она перед тем бежала за границу из ссылки, где захворала туберкулезом, чтобы подлечиться и повидаться с братом, который жил в Германии. Обратная она ехала через Краков, надо было условиться о переписке, о работе. Проехала она благополучно. Только недавно я узнала, что при переезде через границу жандармы обратили внимание на то, что у нее большой чемодан, и хотели выяснить, куда ли она едет, куда взят был билет. Но кондуктор предупредил ее об этом и за определенную плату предложил купить ей билет до Варшавы, с которым она благополучно и проследовала дальше. По полупаску переправляли мы раз и Сталина. Надо было, когда на границе вызывают владельца полупасков, вовремя откликнуться по-польски и сказать «естем» («тут»). Помню, как я старалась обучить сей премудрости товарищей. Очень быстро налажен был и нелегальный переход через границу. С русской стороны были налажены явки через т. Крыленко, который жил в это время недалеко от границы — в Люблине. Таким путем можно было переправлять

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 81. Ред.

и пелегальную литературу. Надо сказать, что в Кракове полиция не чинила никакой слежки, не просматривала писем и вообще не находилась ни в какой связи с русской полицией. Однажды мы убедились в этом. К нам приехал как-то московский рабочий т. Шумкин за литературой, которую он хотел провезти в панцире (особо спитом и набитом литературой жилете). Был он большой конспиратор. Ходил по улице, нахлобучив фуражку на глаза. Мы пошли на митинг, повели и его с собой. Но он не пошел с нами, найдя, что это неконспиративно, а пошел следом на известном расстоянии. Своим конспиративным видом он обратил на себя внимание краковской полиции. Пришел на другой день к нам полицейский чиновник и спросил, знаем ли мы приехавшего к нам человека и ручаемся ли за него. Мы сказали, что ручаемся. Шумкин настаивал на том, что он все же возьмет литературу; мы его пробовали отговаривать, но он настоял на своем и проехал благополучно.

Мы приехали летом, и т. Багоцкий присоветовал нам поселиться в краковском предместье, так называемом Звежинце, где мы поселились в одном доме с Зиновьевыми. Грязь там была невероятная, но близко была река Висла, где можно было великолепно купаться, и километрах в пяти Вольский лес — громадный чудесный лес, куда мы частенько ездили с Ильичем на велосипедах. Осенью мы переехали в другой конец города, во вновь отстроенный квартал, где поселились и Багоцкий, и Зиновьевы.

Краков Ильичу очень нравился, он напоминал Россию. Новая обстановка, отсутствие эмигрантской сутолоки успокоили немного нервы. Внимательно вглядывался Ильич в мелочи быта краковского населения, его бедноты, его рабочего люда. Мне тоже Краков нравился. Когда-то в раннем детстве, в возрасте от двух до пяти лет, я жила в Польше, кое-что осталось в памяти, и мне милы казались деревянные открытые галерейки во дворах, напоминали они мне те галерейки, на ступеньках которых я играла когда-то с польскими и еврейскими ребятами; мне милы казались «огрудки» (садики), в которых продавалось «квасьне млеко с земляками» (кислое молоко с картофелем). Матери моей тоже это напоминало ее молодые годы, а Ильич радовался тому, что вырвался из парижского пленения; он весело шутил, подхвалявал и «квасьне млеко», и польскую «моцну старку» (крепкую водку).

Из нас лучше всех польский язык знала Лилина; я знала плоховато, кое-что помнила с детства да в Сибири и Уфе немного занималась польским языком, но говорить сразу же пришлось по хозяйственной линии. С хозяйством дело было много труднее, чем в Париже. Не было газа, надо было топить плиту. Я попробовала было по парижскому обычаю спросить в мясной мяса без костей. Мясник возрился на меня и заявил: «Господь

бог корову сотворил с костями, так разве могу я продавать мясо без костей?» На понедельник булки падо было запасать заранее, потому что в понедельник булочники опохмелялись, и булочные были закрыты и т. д. и т. п. Надо было уметь торговаться. Были лавки польские и были лавки еврейские. В еврейских лавках все можно было купить вдвое дешевле, но надо было уметь торговаться, уходить из лавки, возвращаться и пр., терять на это массу времени.

Евреи жили в особом квартале, ходили в особой одежде. В больнице, в ожидании приема у доктора, ожидающие больные всерьез вели дискуссию о том, еврейское дитя такое же, как польское, или нет, проклято оно или нет. И тут же сидел молча еврейский мальчик и слушал эту дискуссию. Власть католического духовенства — ксендзов — в Кракове была безгранична. Ксендзы оказывали материальную помощь погорельцам, старухам, сиротам, монастыри женские подыскивали места прислуге и защищали ее права перед хозяевами, церковные службы были единственным развлечением забитого, темного населения. В Галиции прочно еще держались крепостнические обычаи, которые католическая церковь поддерживала. Например, барыня в шляпке на базаре нанимает прислугу. Стоит человек десять крестьянок, желающих наняться в прислуги, и все целуют у барыни руку. За все полагалось давать на чай. Получив на чай, столляр или извозчик валяются на колени и кланяются в землю. Но зато и ненависть к барам здоровая жила в массах. Няня, которую взяли Зиновьевы к своему малышу, каждое утро ходила в костел, была прямо прозрачная от постов и молитв, и все же раз, когда разговорилась я с ней как-то, рассказала, что ненавидит она бар, что она жила три года у какой-то офицерши, которая, как и все баре, спала до 11 часов, пила кофе в кровати и заставляла прислугу одевать ее, натягивать чулки, и фанатическая богомольная няня говорила, что, если будет революция, она первая пойдет на бар с вилами в руках. Нищета, затаптанность крестьян и бедного люда проглядывала во всех мелочах и была еще больше, чем в то время даже у нас в России.

В Кракове Владимир Ильич встретился с т. Ганецким, который был в свое время делегатом от Социал-демократии Польши и Литвы на II, а потом на Стокгольмском и на Лондонском съездах нашей партии, был туда делегирован от Главного правления¹. От Ганецкого и от других польских товарищей узнал Владимир Ильич подробности раскола, происшедшего среди польской социал-демократии. Главное правление подняло кампанию против Варшавского комитета, который поддерживала вся варшавская организация. Варшавский комитет требовал от Главного правления более принципиальной линии, определен-

¹ ЦК Польской социал-демократической партии. *Ред.*

ной позиции в отношении к внутрипартийным делам РСДРП. Главное правление распустило Варшавский комитет и стало распространять слухи, что Варшавский комитет имеет связи с охранкой. Владимир Ильич взял сторону Варшавского комитета («розламовцев»), написал в их защиту статью, написал в Международное социалистическое бюро, протестуя против действий Главного правления¹. Варшавский комитет был крепко связан с массами Варшавы и других рабочих центров (Лодзи и др.). Владимир Ильич не считал, что дело «розламовцев» какое-то чужое дело, оно было неразрывно связано со всей, такой острой в тот момент, внутрипартийной борьбой, и потому Владимир Ильич не мог остаться в стороне. Но главное внимание его было все же поглощено русскими делами.

В Питер для подготовки избирательной кампании из наших заграничников поехали из Парижа близкие товарищи — Сафаров и Инесса. Ехали с чужими паспортами. Инесса заезжала к нам в Краков, когда мы жили еще в Звежинце. Два дня прожила у нас, сговорились с ней обо всем, снабдили ее всякими адресами, связями, обсудили они с Ильичем весь план работы. По дороге Инесса должна была заехать к Николаю Васильевичу Крыленко, который жил в Польше неподалеку от галицийской границы, в Люблине, чтобы организовать через него переход через границу для едущих в Краков. Через Инессу и Сафарова знали мы довольно подробно о том, что делается в Питере. Они там, разыскав связи, повели большую массовую работу по ознакомлению рабочих с резолюциями Пражской конференции и теми задачами, которые стоят теперь перед партией. Нарвский район стал их базой. Восстановлен был Петербургский комитет (ПК), а потом образовано Северное областное бюро, куда кроме Инессы и Сафарова вошли Шотман и его товарищи Рахья и Правдин. С ликвидаторами шла в Питере острая борьба. Работа Северного областного бюро подготовила почву для выборов в депутаты от Питера Бадаева — большевика, рабочего-железнодорожника. В рабочих местах Питера ликвидаторы теряли влияние; рабочие видели, что вместо революционной борьбы ликвидаторы становились на путь реформы, по существу дела стали вести линию либеральной рабочей политики. С ликвидаторами необходима была непримиримая борьба. Вот почему Владимира Ильича так волновало, что «Правда» вначале упорно вычеркивала из его статей полемику с ликвидаторами. Он писал в «Правду» сердитые письма. Лишь постепенно вязалась «Правда» в эту борьбу.

¹ Об истории раскола в польской социал-демократии В. И. Ленин писал в заявлении «В секретариат Международного социалистического бюро», в статье «Раскол в польской социал-демократии» и в письме П. А. Пятницкому (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 22, с. 45—46, 288—292; т. 48, с. 145—148). *Ред.*

В Петербурге выборы уполномоченных по рабочей курии были назначены на воскресенье 16 сентября. Полиция готовилась к выборам. 14-го были арестованы Инесса и Сафаров. Но не знала еще полиция, что 12-го приехал бежавший из ссылки Сталин. Выборы по рабочей курии прошли с большим успехом, они не дали ни одного правого кандидата, повсюду приняты были резолюции политического характера.

Весь октябрь все внимание было приковано к выборам. Рабочая масса по традиции и в силу отсталости в целом ряде мест относилась еще равнодушно к выборам, не придавала им значения, нужна была широкая агитация. Все же везде прошли в депутаты от рабочих социал-демократы. Выборы во всех рабочих куриях крупнейших промышленных центров дали победу большевикам. Прошли рабочие партийцы, пользовавшиеся большим авторитетом. Большевистских депутатов в Думу попало шесть человек, меньшевиков — семь, но рабочие депутаты — большевики были представителями от миллиона рабочих, меньшевики — менее чем от $\frac{1}{4}$ миллиона. Кроме того, с первых же шагов почувствовалась большая организованность, большая сплоченность большевистских депутатов. Дума открылась 18 октября и сопровождалась рабочими демонстрациями и забастовками. Большевистским депутатам приходилось работать в Думе вместе с меньшевиками. Между тем за последнее время внутривнутрипартийные отношения обострились. В январе состоялась Пражская конференция, которая сыграла крупную роль в организации большевистских сил.

В конце августа 1912 года по инициативе и при активном участии Троцкого в Вене была созвана так называемая партийная конференция. Она созывалась под лозунгом объединения всех социал-демократических сил; совершенно не учитывалось, насколько разошлись дороги ликвидаторов и большевиков, как глубоко противоречило партийной линии поведение ликвидаторов. На конференцию были приглашены также и впередовцы. Конференция, как наперед можно было сказать, носила архиликвидаторский характер. В ней не принимали участия большевики, группировавшиеся около ЦК, отказались принимать в ней участие даже меньшевики-плекхановцы и большевики-примиренцы, группировавшиеся около издаваемого за границей плекхановского журнала «За партию». Не принимали участия и поляки, а приехавший на конференцию от группы «Вперед» Алексинский разоблачал слабый состав конференции. Громадное большинство участников конференции состояло из лиц, проживавших за границей, двое кавказских делегатов посланы были от Кавказского областного бюро, вообще все делегаты были вынуждены очень узкими коллективами. Резолюции конференции были самые ликвидаторские. Из избирательной платформы исключен был лозунг демократической республики, лозунг конфи-

скации помещичьей земли был заменен лозунгом «пересмотра аграрного законодательства III Государственной думы».

Борис Гольдман (Горев), один из основных докладчиков, говорил, что старой партии не существует, что данная конференция должна стать «учредительной». Даже Алексинский запротестовал. Августовское объединение, Августовский блок, как его стали называть, противопоставлял себя ЦК, старался дискредитировать решения Пражской конференции. Под маской объединения социал-демократических сил было проведено объединение против большевиков.

А в России рабочее движение шло на подъем. Это показали выборы.

Тотчас после выборов к нам приехал т. Муранов, приехал нелегально, перешел через границу. Ильич так и ахнул. «Вот был бы скандал,— говорил он Муранову,— если бы вы провалились! Вы депутат, обладаете неприкосновенностью, ничего не могло бы вам повредить, если бы вы приехали легально. А так мог бы произойти скандал». Муранов рассказал много интересного о выборах в Харькове, о своей партийной работе, о том, как он распространял листки через жену, как она ходила с ними на базар и пр. Муранов был заядлым конспиратором, как-то не укладывалось у него в голове понятие «депутатская неприкосновенность». Поговорив с ним о предстоящей думской работе, Ильич стал торопить Муранова ехать обратно. В дальнейшем депутаты приезжали уже открыто.

Первое совещание с депутатами состоялось в конце декабря — начале января.

Первым приехал Малиновский, приехал какой-то очень возбужденный. В первую минуту он мне очень не понравился, глаза показались какими-то неприятными, не понравилась его деланная развязность, но это впечатление стерлось при первом же деловом разговоре. Затем подъехали еще Петровский и Бадаев. Депутаты рассказали о первом месяце своей работы, о своей работе с массами. Я помню, как Бадаич, стоя в дверях и размахивая фуражкой, говорил: «Массы, они ведь подросли за эти годы». Малиновский производил впечатление очень развитого, влиятельного рабочего. Бадаев и Петровский, видимо, смущались, но сразу было видно — настоящие, надежные пролетарии, на которых можно положиться. Намечен был на этом совещании план работы, обсужден характер выступлений, характер работы с массами, необходимость самой тесной увязки с работой партии, с ее нелегальной деятельностью. На Бадаева была возложена обязанность заботиться о «Правде». Приезжал тогда с депутатами т. Медведев, рассказывал про свою работу по печатанию листков и пр. Ильич был страшно доволен. «Малиновский, Петровский и Бадаев,— писал он Горькому 8 января 1913 года,— шлют Вам горячий привет и лучшие пожелания». И доба-

вил: «Краковская база оказалась полезной: вполне «окупился» (с точки зрения дела) наш переезд в Краков»¹.

Осенью, в связи с вмешательством в балканские дела «великих держав», очень сильно запахло войной. Международное бюро организовало повсюду митинги протеста. Были они и в Кракове. Но в Кракове митинг протеста был довольно своеобразный. Он гораздо больше был митингом, организующим ненависть масс к России, чем митингом протеста против войны.

Международное социалистическое бюро назначило на 11—12 ноября чрезвычайный конгресс социалистического Интернационала в Базеле. Представителем от ЦК РСДРП на Базельском конгрессе был Каменев.

Возмутила Владимира Ильича статья Каутского, помещенная в «Neue Zeit», статья насквозь оппортунистическая, в которой говорилось, что было бы ошибкой, если бы рабочие стали организовывать против войны вооруженные восстания или забастовки. Об организующей роли забастовок в революции 1905 года Владимир Ильич уже тогда много писал. После статьи Каутского еще тщательнее — в ряде статей — стал он освещать этот вопрос. Придавал он забастовкам громадное значение, как и всякому непосредственному активному действию рабочих масс.

На Штутгартском конгрессе 1907 года, за пять лет перед Базельским конгрессом, уже рассматривался вопрос о войне и был решен в духе революционного марксизма. За эти пять лет оппортунизм сделал колоссальные успехи. Статья Каутского была яркой иллюстрацией тому. Однако на Базельском конгрессе принят был еще единогласно манифест против войны, была организована многолюдная антивоенная демонстрация. И лишь 1914 год показал, как насквозь заражен был II Интернационал оппортунизмом.

В краковский период — в годы перед началом империалистской войны — Владимир Ильич уделял очень много внимания национальному вопросу. С ранней молодости привык он ненавидеть всякий национальный гнет. Слова Маркса, что нет большего несчастья для нации, как покорить себе другую нацию, были для него близки и понятны.

Надвигалась война, росли националистические настроения буржуазии, национальную вражду разжигала буржуазия всячески. Надвигавшаяся война несла с собой угнетение слабых национальностей, подавление их самостоятельности. Но война должна будет неминуемо — для Ильича это было несомненно — перерасти в восстание, угнетенные национальности будут отстаивать свою независимость. Это их право. Еще в 1896 году Лондонский международный конгресс подтвердил это право. В такой момент, как конец 1912 — начало 1913 года, перед лицом на-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 140. *Ред.*

двигавшейся войны недооценка права наций на самоопределение вызывала у Владимира Ильича негодование. Августовский блок не только не поднялся на ту высоту, которую требовал текущий момент, не только не заострил этого вопроса, а принял постановление, что культурно-национальная автономия¹, по поводу которой шли споры еще в 1903 году, во время II съезда партии, и которая тогда была провалена, совместима-де с пунктом программы, говорящим о праве наций на самоопределение. Это была сдача позиций в национальном вопросе, ограничение всей борьбы одной только борьбой за культуру, точно не ясно, что культура тысячью нитей неразрывно связана со всем политическим укладом. Ильич видел в этом оппортунизм, дальше которого нельзя было идти. Но главные споры в вопросе о праве наций на самоопределение шли с поляками. Они утверждали — и Роза Люксембург, и «розламовцы», — что право наций на самоопределение не значит право на отделение. Ильич понимал корни польской настороженности в вопросе права на самоопределение. Ненависть к царизму жила в польских массах — это приходилось наблюдать каждодневно в Кракове: один вспоминал, что пережил его отец, который во время польского восстания еле избежал виселицы; другой вспоминал, как царские власти издевались над могилами его близких, пуская на кладбище свиней, и т. д. и т. п. Русский царизм не просто угнетал, не было границ его издевательствам.

Надвигалась война, и рос не только черносотенный национализм, не только шовинизм буржуазии господствующих стран, росли и надежды на освобождение угнетенных национальностей. ППС (Польская партия социалистична) все больше и больше мечтала о независимости Польши. Растущий сепаратизм ППС — партии насквозь мелкобуржуазной — вызывал опасения польской социал-демократии. И польские социал-демократы возражали против отделения. Ильич встречался с польскими пепезовцами, несколько раз говорил с одним из их видных работников — Иодко, слышал выступления Дашинского, поэтому он понимал, что вызывает опасения поляков. «Но нельзя же, — говорил он, — подходить к вопросу о праве наций на самоопределение только с польской точки зрения!»

Споры по национальному вопросу, возникшие еще во время II съезда нашей партии, развернулись с особой остротой перед войной, в 1913—1914 годах, потом продолжались в 1916 году в

¹ Требование культурно-национальной автономии было выдвинуто в 1905 году Бундом и сформулировано им следующим образом: изъятие из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры (народное образование и пр.) и передача их нации в лице особых учреждений — местных и центральных, избираемых всеми ее членами на основе всеобщего равного, прямого и тайного голосования. *Н. К.*

разгар империалистской войны. Ильич в этих спорах играл ведущую роль, четко и твердо ставил вопросы, и эти споры не прошли бесследно. Они дали возможность нашей партии правильно разрешить национальный вопрос в рамках Советского государства, создав Союз Советских Социалистических Республик, который не знает неравноправных национальностей, какого-либо сужения их прав. Мы видим в нашей стране быстрый культурный рост национальностей, находившихся раньше под нестерпимым гнетом, мы видим, как все теснее и теснее растет смычка всех национальностей в СССР, объединяющихся на общей социалистической стройке.

Было бы ошибкой, однако, думать, что национальный вопрос заслонял в краковский период у Ильича такие вопросы, как крестьянский вопрос, которому он всегда придавал громадное значение. За краковский период Владимир Ильич написал более 40 статей по крестьянскому вопросу. Для депутата Шагова Ильич написал обстоятельный доклад «К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства»¹, написал доклад для Г. И. Петровского «К вопросу о смете министерства земледелия»²; в Кракове начал он большую работу на основе изучения американских данных «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии»³. Америка славится точностью и богатством своей статистики. Эта работа Ильича имела в виду опровергнуть взгляды Гиммера (Гиммер — фамилия столь известного теперь по линии вредительства Суханова). «...Гиммер, — пишет Владимир Ильич, — не первый встречный, не случайный автор случайной журнальной статейки, а один из самых видных экономистов, представляющих наиболее демократическое, крайнее левое *буржуазное* направление русской и европейской общественной мысли. Именно поэтому взгляды г. Гиммера способны иметь — а среди непролетарских слоев населения уже отчасти имеют — особенно широкое распространение и влияние. Ибо это не его личные взгляды, не его индивидуальные ошибки, а лишь особенно демократизированное, особенно подкрашенное якобы социалистической фразеологией выражение *общебуржуазных* взглядов, к которым легче всего приходит в обстановке капиталистического общества и казенный профессор, идущий по проторенной дорожке, и мелкий земледелец, выделяющийся своей сознательностью из миллионов ему подобных.

Теория некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе, защищаемая г. Гиммером, есть в сущности теория громадного большинства буржуазных профессо-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 260—277. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 171—176. *Ред.*

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 129—227. *Ред.*

ров, буржуазных демократов и оппортунистов в рабочем движении всего мира...»¹

Начатая в Кракове брошюра об американском земледелии была закончена в 1915 году, а напечатана лишь в 1917 году.

Восемь лет спустя, в 1923 году, уже больной, Ильич листовал записки Суханова о революции и диктовал по поводу них статью («О нашей революции» — назвала ее «Правда»). Он говорил в этой статье: «...В настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу»². Суханов этого не понял. Ильич диктовал: «Перелистывал эти дни записки Суханова о революции. Бросается особенно в глаза педантство всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала. Уже не говоря о том, что они необыкновенно трусливы... бросается в глаза их рабская подражательность прошлому.

Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики...

Во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней»³. И далее Ильич говорил о том, что мировая империалистическая война создала такие условия, «когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии...»⁴

Прошло еще восемь лет. Ильича нет уже в живых. Суханов по-прежнему не понимает, какие предпосылки для строительства социализма создал Октябрь, активно стремится помешать тому, чтобы вырваны были с корнем остатки капитализма, не видит, как изменилось лицо нашей страны. Крепнут колхозы и совхозы, поднимают целину тракторы, старые непаханные полосоньки уходят в далекое прошлое, по-новому организуется труд, изменился весь облик сельского хозяйства.

В многочисленных своих статьях, писанных за краковский период, Ильич охватывает целый ряд важнейших вопросов, дающих яркую картину положения крестьянского и помещичьего хозяйства, рисующих аграрную программу различных партий, вскрывающих характер правительственных мероприятий, будящих внимание к целому ряду вопросов чрезвычайной важности: тут и переселенческое дело, и наемный труд в сельском хозяйстве, и детский труд, и торговля землей, и мобилизация крестьянских земель и пр. Знал деревню и крестьянские нужды Ильич

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 134—135. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 381. *Ред.*

³ Там же, с. 378. *Ред.*

⁴ Там же, с. 380. *Ред.*

очень хорошо, и всегда чувствовали, видели это и рабочие, и крестьяне.

Подъем революционного рабочего движения в конце 1912 года и та роль, которую играла в этом подъеме «Правда», был очевиден для всех, в том числе и для впередовцев.

В ноябре 1912 года Алексинский обратился в редакцию «Правды» от имени Парижской группы впередовцев, предлагая сотрудничество в «Правде». Алексинский написал ряд статей для «Правды», а в сборнике впередовцев «На темы дня» № 3 писал даже о необходимости прекращения борьбы внутри большевиков и блока всех большевиков для борьбы с ликвидаторами. Редакция «Правды» поместила в список сотрудников не только членов Парижской группы, в которую входил Алексинский, но и Богданова. Об этом Ильич узнал лишь из газет. Особенностью Ильича было то, что он умел отделять принципиальные споры от склоки, от личных обид и интересы дела умел ставить выше всего. Пусть Плеханов ругал его ругательски, но если с точки зрения дела важно было с ним объединиться, Ильич на это шел. Пусть Алексинский с дракой врывался на заседания группы, всячески безобразил, но если он понял, что надо работать всюю в «Правде», пойти против ликвидаторов, стоять за партию, Ильич искренне этому радовался. Таких примеров можно привести десятки. Когда Ильича противник ругал, Ильич кипел, огрызался всюю, отстаивая свою точку зрения, но когда вставали новые задачи и выяснялось, что с противником можно работать вместе, тогда Ильич умел подойти ко вчерашнему противнику как к товарищу. И для этого ему не нужно было делать никаких усилий над собой. В этом была громадная сила Ильича. При всей своей принципиальной настороженности он был большой оптимист по отношению к людям. Ошибался он другой раз, но в общем и целом этот оптимизм был для дела очень полезен. Но, если принципиальной спетости не получалось, не было и примирения.

В письме к Горькому Ильич писал: «Вашу радость по поводу возврата впередовцев от всей души готов разделить, *ежели*... *ежели* верно Ваше предположение, что «махизм, богостроительство и все эти штуки увязли навсегда», как Вы пишете. Если это так, если это впередовцы поняли или поймут теперь, тогда я к Вашей радости по поводу их возврата присоединяюсь горячо. Но я подчеркиваю *«ежели»*, ибо это пока еще пожелание больше, чем факт... Не знаю, *способны* ли Богданов, Базаров, Вольский (полуанархист), Луначарский, Алексинский *научиться* из тяжелого опыта 1908—1911? Поняли ли они, что *марксизм* штука посерьезнее, поглубже, чем им казалось, что нельзя над ней глумиться, как делывал Алексинский, или третирировать ее как мертвую вещь, как делали остальные? *Ежели* поняли — тысячу им приветов, и все личное (неизбежно внесенное острой

борьбой) пойдет в минуту насмарку. Ну, а ежели не поняли, не научились, тогда не взыщите: дружба дружбой, а служба службой. За попытки поносить марксизм или путать политику рабочей партии воевать будем не щадя живота.

Я очень рад, что нашлась *дорога* к постепенному возврату впередовцев именно через «Правду», которая непосредственно их не была. Очень рад. Но именно в интересах *прочного* сближения надо теперь идти к нему медленно, *осторожно*. Так я написал и в «Правду». На это должны направить свои усилия и друзья воссоединения впередовцев с нами: осторожный, опытом проверяемый, *возврат* впередовцев от махизма, отзовизма, богостроительства может дать чертовски многое. Малейшая неосторожность и «рецидив болезни махистской, отзовистской и пр.» — и борьба вспыхнет еще злее... Не читал новой «Философии живого опыта» Богданова: наверное, тот же махизм в новом наряде...»¹

Когда читаешь теперь эти строки, так и встает в памяти весь путь борьбы с впередовцами в весь этот период глубочайшего развала с 1908 по 1911 год. Теперь, когда этот период развала был уже позади, когда Ильич жил уже целиком русской работой, был захвачен нарастающим подъемом, он говорил уже более спокойно о впередовцах, только верил он мало или, вернее сказать, вовсе не верил, что Алексинский способен учиться у жизни, что Богданов перестанет быть махистом. Как Ильич ожидал, так и случилось. С Богдановым вышел скоро острый конфликт: под видом популярного разъяснения слова «идеология» он попытался протащить в «Правду» свою философию. Дело кончилось тем, что Богданов перестал числиться сотрудником «Правды».

В краковский период мысли Владимира Ильича шли уже по линии социалистического строительства. Конечно, сказать это можно только очень условно, ибо неясен был в то время даже еще путь социалистической революции в России, и все же без краковского периода полуэмиграции, когда руководство политической борьбой думской фракции наталкивало на все вопросы хозяйственной и культурной жизни во всей их конкретности, трудно было бы в первое время после Октября сразу схватывать все необходимые звенья советского строительства. Краковский период был своеобразной «нулевой группой» (приготовительным классом) социалистического строительства. Конечно, пока это была лишь самая черновая постановка этих вопросов, но она была так жизненна, что имеет значение и по сию пору.

Очень много в это время Владимир Ильич уделял внимания вопросам культуры. В конце декабря в Питере были аресты и обыски среди учащихся гимназии Витмер. Гимназия Витмер

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 140—141. Ред.

не походила, конечно, на другие гимназии. Заведующая гимназией и ее муж в 90-х годах принимали активное участие в первых марксистских кружках, в 1905—1907 годах они оказывали разные услуги большевикам. В гимназии Витмер никто не запрещал учащимся заниматься политикой, устраивать кружки и пр. Вот на эту-то гимназию и устроила набег полиция. Относительно арестов учащихся был сделан запрос в Думе. Министр Кассо давал объяснения; большинством голосов его объяснения признаны были неудовлетворительными.

В статье, написанной для 3-го и 4-го номеров «Просвещения» за 1913 год, «Возрастающее несоответствие», в главе 10, Владимир Ильич, отмечая, что Государственная дума в связи с арестом учащихся гимназии Витмер выразила недоверие министру народного просвещения Кассо, пишет, что не только это надо знать народу. «Народу и демократии надо знать *мотивы* недоверия, чтобы *понимать* причины явления, признаваемого ненормальным в политике, и чтобы уметь найти *выход* к нормальному»¹. И Ильич разбирает формулы перехода к очередным делам различных партий. Разобрав формулу перехода социал-демократов, Владимир Ильич пишет:

«Едва ли можно признать безупречной и эту формулу. Нельзя не пожелать ей более популярного и более обстоятельного изложения, нельзя не пожалеть, что не указана законность занятия политикой и т. д. и т. п.

Но наша критика *всех формул* вовсе не направлена на частности редактирования, а исключительно на *основные политические идеи* авторов. Демократ должен был сказать главное: кружки и беседы *естественны и оправданы*. В этом суть. Всякое осуждение вовлечения в политику, хотя бы и «раннего», есть лицемерие и обскурантизм. Демократ должен был поднять вопрос *от «объединенного министерства» к государственному строю*. Демократ должен был отметить «неразрывную связь», во-1-х, с «господством охранной полиции», во-2-х, с господством в экономической жизни класса крупных помещиков феодального типа»². Так учил Владимир Ильич конкретные вопросы культуры связывать с большими политическими вопросами.

Говоря о культуре, Ильич всегда подчеркивал связь культуры с общим политическим и экономическим укладом. Резко выступая против лозунга культурно-национальной автономии, Ильич писал:

«Пока разные нации живут в одном государстве, их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера. Как же можно вырвать школьное дело из этих связей? Можно ли его «изъять из ведения» государства, как гласит классическая, по рельефному подчеркиванию бес-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 383. *Ред.*

² Там же, с. 387—388. *Ред.*

смыслицы, бундовская формулировка? Если экономика сплачивает живущие в одном государстве нации, то попытка разделить их раз навсегда для области «культурных» и в особенности школьных вопросов нелепа и реакционна. Напротив, надо добиваться *соединения* наций в школьном деле, чтобы в школе подготавливалось то, что в жизни осуществляется. В данное время мы наблюдаем неравноправие наций и неодинаковость их уровня развития; при таких условиях разделение школьного дела по национальностям *фактически* неминуемо будет *ухудшением* для более отсталых наций. В Америке в южных, бывших рабовладельческих, штатах до сих пор выделяют детей негров в особые школы, тогда как на севере белые и негры учатся вместе»¹.

В феврале 1913 года Владимир Ильич написал специальную статью «Русские и негры», в которой стремился показать, как бескультурье, культурная отсталость одной национальности заражает культуру другой национальности, как культурная отсталость одного класса накладывает печать на культуру всей страны.

Чрезвычайно интересно то, что говорил в то время Владимир Ильич о пролетарской политике в школьном деле. Возражая против культурно-национальной автономии, «изъятия из ведения государства» школьного дела, он писал: «Интересы демократии вообще, а интересы рабочего класса в особенности, требуют как раз обратного: надо добиваться *слияния* детей *всех* национальностей в *единых* школах данной местности; надо, чтобы рабочие всех национальностей *сообща* проводили ту пролетарскую политику в школьном деле, которую так хорошо выразил депутат владимирских рабочих Самойлов от имени российской социал-демократической рабочей фракции Государственной думы»². (Самойлов требовал отделения церкви от государства и школы от церкви, требовал полной светскости школы.) Владимир Ильич говорил также о том, что обслуживание национальных меньшинств в деле изучения учащимися своей культуры легко будет наладить при действительной демократии, при полном изгнании бюрократизма и «передоновщины»³ из школы.

Для г. Бадаева летом 1913 года Ильич написал проект речи в Думе «К вопросу о политике министерства народного просвещения», которую Бадаев и произнес, но председатель не дал ему ее договорить и лишил его слова.

В этом проекте Ильич приводил ряд цифровых данных, рисующих чудовищную культурную отсталость страны, ничтож-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 175. *Ред.*

² Там же, с. 220. *Ред.*

³ *Передонов* — учитель гимназии, герой романа Сологуба «Мелкий бес» — мещанин до мозга костей, пошлый и грязный, одержимый прислужничеством, мелкозлобный, пользующийся случаем, чтобы всем напакостить, бюрократ и самодур. *Н. К.*

ность средств, отпускаемых на народное образование, показывал, как политика царского правительства заграждает девяти десятым населения путь к образованию. В этом проекте писал Ильич о бесшабашном, бесстыдном, отвратительном произволе правительства в обращении с учителями¹. И опять приводил сравнения с Америкой. В Америке 11% неграмотных, а среди негров 44% неграмотных. «Но американские негры все же *более чем вдвое* лучше поставлены в отношении «народного просвещения», чем русские крестьяне»². Негры потому в 1900 году были грамотнее русских крестьян, что американский народ полвека тому назад разбил наголову американских рабовладельцев. И русскому народу надо было прогнать свое правительство для того, чтобы стать страной грамотной, культурной.

В речи, написанной для т. Шагова, Ильич писал о том, что только передача помещицкой земли крестьянам может помочь России стать грамотной. В статье, написанной в тот же период, «Что можно сделать для народного образования» Ильич подробно описывал постановку библиотечного дела в Америке, писал о необходимости наладить так дело и у нас. В июне же месяце он написал свою статью «Рабочий класс и неомальтузианство», где писал: «Мы боремся лучше, чем наши отцы. Наши дети будут бороться еще лучше, и *они победят*».

Рабочий класс не гибнет, а растет, крепнет, мужает, сплачивается, просвещается и закаляется в борьбе. Мы — пессимисты насчет крепостничества, капитализма и мелкого производства, но мы — горячие оптимисты насчет рабочего движения и его целей. Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его»³.

Не только на вопросы культурного строительства обращал внимание Ильич, но и на целый ряд других вопросов, имеющих практическое значение в деле строительства социализма.

Характерны именно для краковского периода такие статьи, как «Одна из великих побед техники», где Владимир Ильич сравнивает роль великих изобретений при капитализме и при социализме. При капитализме изобретения ведут к обогащению кучки миллионеров, для рабочих — к ухудшению общего их положения, к росту безработицы. «При социализме применение способа Рамсея, «освобождая» труд миллионов горнорабочих и т. д., позволит сразу сократить *для всех* рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше. «Электрификация» всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электриче-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 134. *Ред.*

² Там же, с. 128. *Ред.*

³ Там же, с. 256—257. *Ред.*

ское освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне.

Техника капитализма с каждым днем все более и более *перерастает* те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство»¹.

17 лет тому назад думал Ильич об электрификации, 7-часовом рабочем дне, фабриках-кухнях, о раскрепощении женщин.

Статья «Одна из «модных» отраслей промышленности»² показывает, что 17 лет тому назад уже обдумывал Ильич, какое будет иметь значение развитие автомобильного дела при социализме. В статье «Железо в крестьянском хозяйстве» Ильич называл железо — железным фундаментом культуры страны. «Болтать о культуре, о развитии производительных сил, о поднятии крестьянского хозяйства и т. п. — мы большие мастера и великие любители. Но как только речь пойдет об устранении того камня, который мешает «поднятию» миллионов обнищавшего, забитого, голодного, босого, дикого крестьянства, — тут у наших миллионеров прилипают язык к гортани...

Миллионеры нашей промышленности предпочитают делить с Пуришкевичами их средневековые привилегии да вздыхать об избавлении «атечиства» от средневековой антикультурности...»³

Но особый интерес представляет статья Ильича «Идеи передового капитала». В этой статье он разбирает идеи американского купца — миллионера Филена, старавшегося уверить массы, что предприниматели должны стать их вождями, потому что они все лучше и лучше учатся понимать общность своих интересов и интересов массы. Растет демократия, растет сила масс, растет дороговизна жизни. Парламентаризм и ежедневная, в миллионах экземпляров распространяемая печать все обстоятельнее осведомляют массы народа. Одурачить массы, уверить их, что нет противоположности интересов между трудом и капиталом, пойти ради этого на некоторые затраты (привлечение служащих и квалифицированных рабочих к прибылям) — таковы идеи передового капитала. Разобрав суть идей передового капитала, Ильич восклицает: «Почтеннейший г. Филена! Окончательно ли уверены вы в том, что рабочие всего мира совсем уже простофили?»⁴

Эти статьи, писанные 17 лет назад, показывают, какие вопросы интересовали тогда Ильича с точки зрения строительства и как потом, при Советской власти, эти вопросы оказывались уже знакомыми, надо было проводить лишь в жизнь то, что было уже продумано.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 94—95. *Ред.*

² Там же, с. 351—352. *Ред.*

³ Там же, с. 377, 379. *Ред.*

⁴ Там же, с. 347. *Ред.*

Еще осенью 1912 года мы познакомились с Николаем Ивановичем Бухариным. Кроме Багоцкого, с которым мы часто делились, к нам первое время заходил поляк Казимир Чапинский, работавший в краковской газете «Нашуд» («Вперед»). Так вот Чапинский много рассказывал о знаменитом краковском курорте Закопане, какие там горы замечательные, и красота какая неопишуемая, и между прочим рассказывал, что там живет социал-демократ Орлов, который очень хорошо рисует закопанские горы. Вскоре после того как мы перебрались из Звежинца в город, смотрим раз в окно и видим — идет какой-то молодяга с огромным холщовым мешком на плече. Это и оказался Орлов, он же Бухарин. Они довольно обстоятельно потолковали тогда с Ильичем. Бухарин жил тогда в Вене. С тех пор установилась у нас с Веней тесная связь. Там же жили и Трояновские. Когда мы стали спрашивать Николая Ивановича о его рисовании, он вытащил из своего холщового мешка ряд великолепных изданий картин немецких художников, которые мы стали усердно рассматривать. Был там Беклин и ряд других художников. Владимир Ильич любил картины. Помню, как я удивлялась, когда Владимир Ильич забрал как-то у Воровского целый ворох иллюстрированных характеристик разных художников и стал их подолгу по вечерам читать и рассматривать приложенные картины.

В Краков заезжало теперь много народу. Ехавшие в Россию товарищи заезжали условиться о работе. Одно время у нас недели две жил Николай Николаевич Яковлев, брат Варвары Николаевны. Он ехал в Москву налаживать большевистский «Наш путь». Был он твердокаменным надежным большевиком. Ильич очень много с ним разговаривал. Газету Николай Николаевич налаждал, но она скоро была закрыта, а Николай Николаевич арестован. Дело немудреное, ибо «помогал» налаживать «Наш путь» Малиновский, депутат от Москвы. Малиновский много рассказывал о своих объездах Московской губернии, о рабочих собраниях, которые он проводил. Помню его рассказ о том, как на одном из собраний присутствовал городской, очень внимательно слушал и старался услужить. И, рассказывая это, Малиновский смеялся. Малиновский много рассказывал о себе. Между прочим рассказывал и о том, почему он пошел добровольцем в русско-японскую войну, как во время призыва проходила мимо демонстрация, как он не выдержал и сказал из окна речь, как был за это арестован и как потом полковник говорил с ним и сказал, что он его сгноит в тюрьме, в арестантских ротах, если он не пойдет добровольцем на войну. У него, говорил Малиновский, не было иного выхода. Рассказывал также, что жена его была верующей, и когда она узнала, что он — атеист, она чуть не кончила самоубийством, что и сейчас у ней бывают нервные припадки. Странны были рассказы Малиновского. Несомненно,

доля правды в них была, он рассказывал о пережитом; очевидно, только не все договаривал до конца, опускал существенное, неверно излагал многое.

Я потом думала — может быть, вся эта история во время призыва и была правдой, и, может, она и была причиной, что по возвращении с фронта ему поставили ультиматум или стать провокатором, или идти в тюрьму. Жена его действительно что-то болезненно переживала, покушалась на самоубийство, но, может быть, причина покушения была другая, может быть, причиной было подозрение мужа в провокаатуре. Во всяком случае, в рассказах Малиновского ложь переплеталась с правдой, что придавало всем его рассказам характер правдоподобности. Вначале и в голову никому не приходило, что Малиновский может быть провокатором.

Кроме Малиновского правительство постаралось приставить еще провокатора непосредственно к «Правде». Это был Черномазов. Он жил в Париже и, уезжая в Россию, также заезжал к нам в Краков, ехал работать в «Правду». Нам Черномазов не понравился, и я даже почевку ему не стала устраивать, пришлось ему ночь погулять по Кракову. Ильич придавал «Правде» громадное значение, каждодневно почти посылал туда статьи. Усердно подсчитывал, где какие сборы были произведены на «Правду», сколько статей на какую тему было написано и т. д. Ужасно радовался, когда «Правда» помещала удачные статьи, брала правильную линию. Однажды, в конце 1913 года, затребовал Ильич из «Правды» списки подписчиков «Правды», и недели две я сидела насквозь все вечера, разрезала вместе с моей матерью листы и подбирала подписчиков по городам, местечкам. Подписчики были на девять десятых рабочие. Попадаетея какое-нибудь местечко, где много подписчиков, — справившея, оказывается там завод какой-нибудь большой, о котором и не знала. Карта распространения «Правды» получалась интересная. Только она не была напечатана, должно быть, Черномазов выбросил ее в корзину, а Ильичу она очень понравилась. Но бывали и хуже случаи — иногда, хотя и редко это было, пропадали без вести и статьи Ильича. Иногда статьи его задерживались, не помещались сразу. Ильич тогда нервничал, писал в «Правду» сердитые письма, но помогало мало.

Не только едущие в Россию заезжали в Краков, приезжали и из России посоветоваться о делах. Помню приезд Николая Васильевича Крыленко вскоре после того, как у него побывала Инесса; он приезжал, чтобы покрепче условиться о сношениях. Помню, как рад был его приезду Ильич. Летом 1913 года приезжали Гневич и Данский, чтобы условиться об издании «Вопросов страхования» в издательстве «Прибой». Ильич придавал страховой кампании большое значение, считал, что эта кампания укрепит связь с массами.

В половине февраля 1913 года было в Кракове совещание членов ЦК; приехали наши депутаты, приехал Сталин. Ильич Сталина знал по Таммерфорсской конференции, по Стокгольмскому и Лондонскому съездам. На этот раз Ильич много разговаривал со Сталиным по национальному вопросу, рад был, что встретил человека, интересующегося всерьез этим вопросом, разбирающегося в нем.

Перед этим Сталин месяца два прожил в Вене, занимаясь национальным вопросом, близко познакомился там с нашей венской публикой, с Бухариным, Трояновскими. После совещания Ильич писал Горькому о Сталине: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы»¹. Ильич нервничал тогда по поводу «Правды», нервничал и Сталин. Столковывались, как наладить дело. На это совещание вызывался, кажется, т. Трояновский. Говорили о «Просвещении», Владимир Ильич возлагал большие надежды на Трояновских. Трояновская, Елена Федоровна (Розмирович), собиралась в Россию. Говорили о необходимости издания при «Правде» целой серии брошюр. Планы были широкие.

Только перед этим пришла из дому посылка со всякой рыбиной — семгой, икрой, балыком; я извлекла по этому случаю у мамы кухарскую книгу и соорудила блины. И Владимир Ильич, который любил повкуснее и посытнее угостить товарищей, был архидоволен всей этой мурой. По возвращении в Россию 22 февраля Сталин был арестован в Петербурге.

Когда не было приездов, жизнь наша шла в Кракове довольно однообразно. «Живем, как в Шуше,— писала я матери Владимира Ильича,— почтой больше. До 11 часов стараемся время провести как-нибудь — в 11 ч. первый почтальон, потом 6-ти часов никак дожидаться не можем»². К библиотекам краковским Владимир Ильич плохо приспособился. Начал было кататься на коньках, да пришла весна. Под пасху мы пошли с ним в «Вольский ляс». В Кракове хорошая весна, чудесно было ранней весной в лесу, распушились кустарники желтым цветом, налились ветки деревьев по-весеннему. Пьянит весна. Но назад долго плелись мы, пока дошли до города; домой надо было идти через весь город, трамваи не ходили по случаю страстной субботы, а у меня все силы ушли куда-то. Зимой 1913 года я прохворала, стало скандалить сердце, дрожать руки, а главное напала слабость. Ильич настоял, чтобы я пошла к доктору, доктор сказал: тяжелая болезнь, нервы надорвались, сердце переродилось — базедова болезнь, надо ехать в горы, в Закопане. Пришла домой, рассказываю, что сказал доктор. Жена сапожника, приходившая к нам топить печи и ходить за покупками, вознегодовала: «Раз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 162. Ред.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 445. Ред.

ве вы нервная? — это барыни нервные бывают, те тарелками швыряются!» Тарелками я не швырялась, но для работы в таком состоянии была мало пригодна.

На лето мы, Зиновьевы и Багоцкие со своей знаменитой собакой Жуликом перебрались в Поронин, в 7 километрах от Закопане¹. Закопане слишкомлюдно было и дорого. Поронин — попроще, подешевле. Наняли дачу большую. Место было высокое — 700 метров, предгорье Татр. Воздух был удивительный, хотя был постоянный туман и накрапывал обычно мелкий дождишко, но в промежутки вид на горы был чудесный. Мы взбирались на плоскогорье, которое начиналось от нашей дачи, и смотрели на белоснежные вершины Татр. Красивые они. Ильич ездил иногда с Багоцким в Закопане, и они вместе с закопанской публикой (Вигелевым) делали большие прогулки по горам. Ходить по горам страшно любил Ильич. Горы мне помогали плохо, я все больше и больше приходила в инвалидное состояние и, посоветовавшись с Багоцким — Багоцкий был врач-невропатолог, — Ильич настоял на поездке в Берн, чтобы оперироваться у Кохера. Поехали в половине июня, по дороге заезжали в Вену, побывали у Бухариных. Жена Николая Ивановича — Надежда Михайловна — лежала в лежку, Николай Иванович занимался хозяйством, сыпал в суп вместо соли сахар и оживленно толковал с Ильичем о вопросах, интересовавших Ильича, рассказывал про венскую публику. Повидали мы некоторых товарищей-венцев, побродили по Вене. Она — своеобразная, большой столичный город, после Кракова нам очень понравилась. В Берне попали под шефство Шкловских, которые с нами всячески возились. Они нанимали особый домик с садом. Ильич шутил с младшими девочками, дразнил Женюрку. Я пробыла около трех недель в больнице², Ильич полдня сидел у меня, а остальное время ходил в библиотеки, много читал, даже перечитал целый ряд медицинских книг по базедке, делал выписки по интересовавшим его вопросам. Пока я лежала в больнице, он ездил с рефератами по национальному вопросу в Цюрих, Женеву и Лозанну, читал реферат на эту тему и в Берне. В Берне — уже после моего выхода из больницы — состоялась конференция заграничных групп, где обсуждалось положение дел в партии. Надо было бы после операции еще недели две провести в полулежачем состоянии в горах на Беатенберге, куда посылал Кохер, но из Поронина шли вести, что много спешных, экстренных дел, пришла телеграмма от Зиновьева, и мы двинулись в обратный путь.

Заезжали в Мюнхен. Там жил Борис Книпович — племянник Дяденьки, Лидии Михайловны Книпович, которого я знала с

¹ В. И. Ленин с семьей переехал в Поронин 23 или 24 апреля (6 или 7 мая) 1913 года. *Ред.*

² В. И. Ленин и Н. К. Крупская были в Берне с 12 (25) июня по 22 июля (4 августа) 1913 года. *Ред.*

раннего детства, которому рассказывала когда-то сказки. Влезет, бывало, четырехлетний голубоглазый Бориска на колени, обнимет шею и заказывает: «Крупа — сказку об оловянном солдате». В 1905—1907 годах Борис был активным организатором гимназических социал-демократических кружков. Летом 1907 года после Лондонского съезда Ильич жил у Книповичей на даче в Финляндии в Стирсуддене. Борис был тогда лишь гимназистом, но уже интересовался марксизмом, прислушивался к тому, что говорил Ильич, знал, с каким уважением и любовью относится к Ильичу Дяденька.

В 1911 году Борис был арестован и потом выслан за границу, где учился в Мюнхенском университете. В 1912 году вышла его первая работа «К вопросу о дифференциации русского крестьянства». Он послал ее Ильичу. Сохранилось письмо Ильича к Борису — как-то особенно внимательно к молодому автору и заботливо написанное. «С большим удовольствием прочитал я Вашу книгу и очень рад был видеть, что Вы взялись за большую серьезную работу. На такой работе проверить, углубить и закрепить марксистские убеждения, наверное, вполне удастся»¹. И дальше Ильич делает очень осторожно несколько замечаний, дает несколько методических указаний.

Перечитывая это письмо, я вспоминаю отношение Ильича к малоопытным авторам. Смотрел на суть, на основное, обдумывал, как помочь исправить. Но делал он это как-то очень бережно, так, что и не заметит другой автор, что его поправляют. А помогать в работе Ильич здорово умел. Хочет, например, поручить кому-нибудь написать статью, но не уверен, так ли тот напишет, так сначала заведет с ним подробный разговор на эту тему, разовьет свои мысли, заинтересует человека, прозондирует его как следует, а потом предложит: «Не напишете ли на эту тему статью?» И автор и не заметит даже, как помогла ему предварительная беседа с Ильичем, не заметит, что вставляет в статью Ильичевы словечки и обороты даже.

Мы хотели заехать в Мюнхен денька на два, посмотреть, каким он стал с того времени, как мы там жили в 1902 году, но так как мы очень торопились, то в Мюнхене пробыли лишь несколько часов — от поезда до поезда. Борис с женой приходили нас встречать, время провели в ресторане, славившемся каким-то особым сортом пива. — Hof Bräu (Хофбрей) назывался ресторан. На стенах, на пивных кружках везде стоят буквы «Н. В.» — «Народная воля», — смеялась я. В этой-то «Народной воле» и просидели мы весь вечер с Борей. Ильич похваливал мюнхенское пиво с видом знатока и любителя, поговорили они с Борисом о дифференциации крестьянства, вспоминали мы все вместе Дяденьку, Лидию Михайловну Книпович, которая хво-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 63—64. Ред.

рала также тяжело базедкой. Ильич тут же настроил ей письмо, убеждая поехать за границу и оперироваться у Кохера¹. Приехали мы в Поронин в начале августа, кажись, 6-го. В Поронине нас встретил привычный поронинский дождь, Лев Борисович Каменев и целый ряд новостей, касающихся России.

На 9-е было назначено совещание членов Центрального Комитета. «Правда» была закрыта. Стала выходить «Рабочая правда», но почти каждый номер арестовывался. Поднималась стачечная волна, бастовали в Питере, Риге, Николаеве, в Баку.

Каменев поселился у нас наверху, и по вечерам долго после ужина они с Ильичем засиживались в нашей большой кухне, обсуждая приходящие из России вести.

Шла подготовка партийной конференции, так называемого «летнего совещания». Оно состоялось в Поронине 22 сентября — 1 октября. Приехали на него все депутаты, кроме Самойлова, двое московских выборщиков, Новожилов и Балашов, Розмирович из Киева, Сима Дерябина — от Урала, Шотман — от Питера и другие. От «Просвещения» был Трояновский, от поляков — Ганецкий и Домский и еще двое розламовцев (влияние розламовцев распространялось тогда на четыре крупнейших промышленных района — Варшавский, Лодзинский, Домбровский и Калишский).

Из депутатов помню только Малиновского. Говорили о газетах, «Рабочей правде», о московской газете, о «Просвещении», об издательстве «Прибой», о тактике, какой следует держаться на предстоящем кооперативном и приказничьем съездах, об очередных задачах.

В середине конференции приехала Инесса Арманд. Арестованная в сентябре 1912 года, Инесса сидела по чужому паспорту, в очень трудных условиях, порядком подорвавших ее здоровье, — у ней были признаки туберкулеза, — но энергии у ней не убавилось, с еще большей страстностью относилась она ко всем вопросам партийной жизни. Ужасно рады были мы, все краковцы, ее приезду.

Всего на совещании было 22 человека. Решено было поставить вопрос о созыве партийного съезда. Со времен V, Лондонского, съезда прошло уже 6 лет, очень многое с тех пор изменилось. Рост рабочего движения делал съезд необходимым. На совещании стояли вопросы о стачечном движении, о подготовке всеобщей политической забастовки, о задачах агитации, издании ряда популярных брошюр, о недопустимости урезывания при агитации лозунгов демократической республики, конфискации помещичьих земель, 8-часового рабочего дня. Обсуждался вопрос, как вести работу в легальных обществах, как вести социал-демократическую работу в Думе. Особое значение имели

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 205. *Ред.*

решения о необходимости добиваться равноправия большевистской и меньшевистской групп в социал-демократической фракции, о недопустимости заголосовывания одним голосом большевиков со стороны «семерки»¹, представлявшей взгляды лишь незначительного меньшинства рабочих. Другая важная резолюция была принята по национальному вопросу, отражавшая целиком взгляды Владимира Ильича по этому вопросу. Помню споры по этому вопросу в нашей кухне, помню страстность, с какой обсуждался этот вопрос.

На этот раз Малиновский нервничал вовсю. По ночам напивался пьяным, рыдал, говорил, что к нему относятся с недоверием. Я помню, как возмущались его поведением московские выборщики Балашов и Новожилов. Почувствовали они какую-то фальшь, комедию во всех этих объяснениях Малиновского.

После совещания мы прожили в Поронине еще около двух недель², много гуляли, ходили как-то на Черный Став, горное озеро замечательной красоты, еще куда-то в горы.

Осенью мы все, вся папа краковская группа, очень сблизились с Инессой. В ней много было какой-то жизнерадостности и горячности. Мы знали Инессу по Парижу, но там была большая колония, в Кракове жили небольшим товарищеским замкнутым кружком. Инесса наняла комнату у той же хозяйки, где жил Каменев. К Инессе очень привязалась моя мать, к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса.

Вся наша жизнь была заполнена партийными заботами и делами, больше походила на студенческую, чем на семейную жизнь, и мы рады были Инессе. Она много рассказывала мне в этот приезд о своей жизни, о своих детях, показывала их письма, и каким-то теплом веяло от ее рассказов. Мы с Ильичем и Инессой много ходили гулять. Зинovieв и Каменев прозвали нас «партией прогулистов». Ходили на край города, на луг (луг по-польски — «блонь»). Инесса даже псевдоним себе

¹ Социал-демократическая фракция IV Гос. думы состояла из 13 членов (и одного неполноправного — ППС Ягелло), представителей обеих фракций: большевиков («шестерка») и меньшевиков («семерка»). Большевистская часть фракции состояла исключительно из рабочих и представляла широкие массы русского пролетариата, в то время как «семерка» являлась больше представительницей интересов мелкой буржуазии и радикальной интеллигенции. Пользуясь своим формальным численным перевесом, меньшевики проводили по всем основным принципиальным вопросам свои резолюции от имени с.-д. фракции. «Шестерка» потребовала признания за собой равноправия в решении всех думских вопросов. Меньшевики ответили отказом. Тогда «шестерка» вышла из единой с.-д. фракции и образовала самостоятельную «русскую с.-д. рабочую фракцию». *Н. К.*

² В. И. Ленин и Н. К. Крупская с матерью возвратились из Поронина в Краков 7 (20) октября 1913 года. *Ред.*

с этих пор взяла — Блонина. Инесса была хорошая музыкантша, сагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама очень хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич особенно любил «Sonate pathétique», просил ее постоянно играть, — он любил музыку. Потом, уже в советские времена, ходил он к Цюрупе слушать, как играл эту сонату какой-то знаменитый музыкант¹. Много говорили о беллетристике. «Без чего мы прямо тут голодаем — это без беллетристики, — писала я матери Владимира Ильича. — Володя чуть не наизусть выучил Надсона и Некрасова, разрозненный томик «Анны Карениной» перечитывается в сотый раз. Мы беллетристику нашу (ничтожную часть того, что было в Питере) оставили в Париже, а тут негде достать русской книжки. Иногда с завистью читаем объявления букинистов о 28 томах Успенского, 10 томах Пушкина и пр., и пр.

Володя что-то стал, как нарочно, большим «беллетристом». И националист отчаянный. На польских художников его калачом не заманишь, а подобрал, напр., у знакомых выброшенный ими каталог Третьяковской галереи и погружался в него неоднократно»².

Сначала предполагалось, что Инесса останется жить в Кракове, выпишет к себе детей из России; я ходила с ней искать квартиру даже, но краковская жизнь была очень замкнутая, напоминала немного ссылку. Не на чем было в Кракове развернуть Инессе свою энергию, которой у ней в этот период было особенно много. Решила она объехать сначала наши заграничные группы, прочесть там ряд рефератов, а потом поселиться в Париже, там налаживать работу нашего комитета заграничных организаций. Перед отъездом ее мы много говорили о женской работе. Инесса горячо настаивала на широкой постановке пропаганды среди работниц, на издании в Питере специального женского журнала для работниц, и Ильич писал Анне Ильиничне о необходимости издавать такой журнал, который вскоре и начал выходить. Инесса очень много сделала в дальнейшем для развития работы среди работниц, отдала этому делу немало сил.

В январе 1914 года приехал в Краков Малиновский, и они вместе с Владимиром Ильичем поехали в Париж, а оттуда в Брюссель, чтобы присутствовать на IV съезде Социал-демократии Латышского края, который открылся 13 января.

В Париже Малиновский сделал очень удачный — по словам Ильича — доклад о работе думской фракции, а Ильич делал большой открытый доклад по национальному вопросу³, высту-

¹ Имеется в виду Г. И. Романовский. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 347. *Ред.*

³ В. И. Ленин выступил с рефератом на тему «Национальный вопрос» 10 (23) января 1914 года. *Ред.*

пал на митинге, посвященном 9 января¹, а в группе парижских большевиков выступал по поводу желания Международного социалистического бюро вмешаться в русские дела с целью примирения и речи Каутского на декабрьском совещании Международного бюро о том, что социал-демократическая партия в России умерла². Это вмешательство Международного социалистического бюро в русские дела очень волновало Ильича, который ждал от этого вмешательства лишь тормоза для все усиливающегося влияния большевиков в России. Ильич послал Гюисмансу доклад о положении дел внутри партии³. Четвертый съезд Социал-демократии Латышского края дал победу большевикам. На съезде были тт. Берзин, Ладис, Герман, ряд других латышских большевиков. Ильич выступил на съезде с докладом, призывая латышей примкнуть к Центральному Комитету⁴. В письме к матери Владимир Ильич писал, что эта поездка в Париж освежила его.

«Париж — город очень неудобный для жизни при скромных средствах и очень утомительный. Но побывать ненадолго, навестить, прокатиться — нет лучше и веселее города. Встряхнулся хорошо»⁵.

Зимой, вскоре по возвращении Владимира Ильича из Парижа, решено было отправить в Россию Каменева для руководства «Правдой» и работы с думской фракцией. И газете, и думской фракции была нужна подмога. За Каменевым приехали жена с маленьким сынишкой.

Сынишка Каменева и зинovieвский Степа очень серьезно спорили между собой, что такое Петербург — город или Россия. Начались сборы в Россию. Ходили мы все провожать их на вокзал. Был зимний холодный вечер. Говорили мало, только сынишка Каменева что-то толковал. Настроение было у всех сосредоточенное. Думалось, долго ли удастся Каменеву продержаться? Когда теперь придется встретиться? Когда-то и мы поедем в Россию? Каждый втайне мечтал о России, тянуло туда неудержимо. Мне по ночам все снилась Невская застава. Говорить на эту тему мы избегали, а про себя каждый об этом думал.

8 марта 1914 года вышел в Питере первый номер «Работницы» — популярного журнала. Стоил номер 4 копейки. Петербургский комитет выпустил листовки о женском дне. В журнал «Работница» писали из Парижа Инесса и Сталь, из Кракова — Лилина и я. Вышло 7 номеров. В восьмом предполагалось дать статьи в связи с предстоящим женским социалисти-

¹ 9(22) января 1914 года В. И. Ленин выступил на двух митингах социал-демократов, посвященных годовщине 9 января 1905 года. *Ред.*

² Выступление В. И. Ленина состоялось 5(18) января 1914 года. *Ред.*

³ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 296—303. *Ред.*

⁴ См. там же, с. 283—292. *Ред.*

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 351. *Ред.*

ческим конгрессом в Вене, но выйти он не успел — пришла война.

Партийный съезд ладили устроить во время международного конгресса, который намечался в августе в Вене. Предполагалось, что часть публики сможет проехать легально. Затем через краковских рабочих-типографщиков намечена была организация массового перехода через границу под видом экскурсантов.

В мае мы переехали опять в Поронин¹.

Для проведения подготовительной кампании к съезду в Питере были мобилизованы Киселев, Глебов-Авилов, Аня Никифорова. Они приехали в Поронин условиться обо всем с Ильичем. В первый день долго сидели мы на горке около нашей «дачи», и публика рассказывала про русскую работу. Публика — молодая, полная энергии, очень понравилась Ильичу. Глебов-Авилов был в свое время учеником Болонской школы, теперь был твердым ленинцем. Ильич посоветовал приехавшим сходить в горы, но самому ему что-то нездоровилось, так что публика отправилась одна. Смеясь, они рассказывали, как и куда они лазили — лазили на очень крутую вершину, — как мешали им мешки, как они несли их по очереди, и, когда дошла очередь до Ани, все встречные смеялись и советовали завалить себе на плечи еще и своих спутников. Условились о характере агитации за съезд. Получив все необходимые установки, Киселев поехал в Прибалтийский край, а Глебов-Авилов и Аня Никифорова — на Украину.

Приезжал из Москвы и Аля, бывший ученик Каприйской школы, ставший провокатором. Не помню уж, под каким предлогом он приезжал, разговор шел о предполагавшемся съезде: надо же было охранке иметь возможно более точные сведения о предстоящем съезде...

Инесса на лето выписала детей из России и жила в Триесте, у моря. Она готовила доклад к Международному женскому конгрессу, который должен был состояться в Вене одновременно с конгрессом Интернационала. Пришлось ей еще работать по другой линии. В половине июня Международное социалистическое бюро наметило созвать в Брюсселе совещание представителей 11 организаций РСДРП всех направлений и организовать там обмен мнений между этими организациями в целях установления единства. Несомненно, однако, было, что этим дело не ограничится, что ликвидаторы, троцкисты, бундовцы и пр. используют этот случай, чтобы ограничить деятельность большевиков, связать их рядом постановлений. В России влияние большевиков росло. Как указывает т. Бадаев в своей книжке «Большевики в Государственной думе», к лету 1914 года в прав-

¹ В. И. Ленин с семьей переехал из Кракова в Поронин 22 или 23 апреля (5 или 6 мая) 1914 года. *Ред.*

лениях 14 профессиональных союзов из 18 существовавших в Петербурге большинство состояло из большевиков... На стороне большевиков были все наиболее крупные союзы, в том числе и союз металлистов, самый многочисленный и самый мощный из всех профессиональных организаций. Такое же соотношение наблюдалось и среди рабочей группы страховых учреждений. В состав столичных страховых органов уполномоченными от рабочих было избрано 37 большевиков и всего 7 меньшевиков, а во всероссийские страховые учреждения — 47 большевиков и 10 меньшевиков.

Широко организовались выборы на Международный конгресс в Вене. Большинство рабочих организаций мандаты на Международный социалистический конгресс передавало большевикам.

Успешно развивалась и подготовка к съезду партии. Начиная с весны все подготовительные работы, связанные с созывом съезда, непрерывно усиливались. «Стоявшая перед нами задача, — пишет Бадаев, — в предсъездовский период укрепить и расширить местные партийные ячейки — была в значительной мере разрешена огромным подъемом в эти месяцы революционного движения в стране. Среди рабочих масс усилилась тяга к партии, в партийные организации вступали новые кадры революционно настроенных рабочих. Работа руководящих коллективов партии все время шла на повышение. В связи с этим будущему съезду и стоявшим в порядке дня съезда вопросам было обеспечено большое внимание со стороны партийных рабочих масс»¹. К Бадаеву поступали довольно значительные денежные суммы, собранные в фонд по организации съезда. Он получил уже целый ряд мандатов, резолюций по вопросам, стоящим на съезде, наказов и т. п.

Тов. Бадаев дает яркую картину того, как во всей деятельности легальная деятельность переплеталась с нелегальной. «Летнее время, — пишет он, — способствовало организации нелегальных собраний за городом, в лесах, где мы были в сравнительной безопасности от налетов полиции.

В случае необходимости созывать более или менее расширенные собрания устраивали их под видом загородных экскурсий от имени какого-либо просветительного общества. Отъехав за несколько десятков верст от Петербурга, мы отправлялись «на прогулку» в глубь леса и там, выставив дозоры, указывавшие дорогу только по условному паролю, устраивали собрания... Шпики в огромном количестве вились вокруг всех рабочих организаций, уделяя особенное внимание заведомым центрам партийной работы, каковыми были редакция «Правды» и помещения нашей фракции. Но наряду с усилением деятельности ох-

¹ Бадаев А. Е. Большевики в Государственной думе. Воспоминания, изд. 8-е. М., 1954, с. 333. *Ред.*

ранки усиливалась и наша конспиративная техника, и хотя аресты отдельных товарищей имели место, но больших провалов не было»¹.

Таким образом, линия, взятая ЦК на развертывание легальной печати, придание ей определенных установок, на развитие думской и внедумской работы фракции, на четкую постановку всех вопросов, на соединение легальной работы с нелегальной, целиком себя оправдывала.

Попытка через Международное социалистическое бюро сорвать эту линию, затормозить работу приводила Ильича в бешенство. Сам он решил на брюссельскую объединительную конференцию не ехать. Поехать должна была Инесса. Она владела французским языком (французский язык был ее родным), не терялась, у ней был твердый характер. Можно было на нее положиться, что она не сдаст. Инесса жила в Триесте, и Ильич послал туда доклад ЦК, составленный им, послал целый ряд указаний, как держаться в том или другом случае, обдумывал все детали. В делегацию ЦК кроме Инессы входили еще М. Ф. Владимирский и И. Ф. Попов. Доклад ЦК огласила Инесса на французском языке. Как и следовало ожидать, дело не ограничилось обменом мнений. Каутский от имени Исполнительного бюро внес резолюцию, осуждающую раскол, утверждающую, что коренных разногласий нет. За резолюцию голосовали все, кроме делегации ЦК и латышей, которые отказались принять участие в голосовании, несмотря на угрозы секретаря Международного бюро Гюйсманса доложить съезду в Вене, что неголосующие берут на себя ответственность за срыв попыток к единству.

Ликвидаторы, троцкисты, впередовцы, плехановцы, кавказская областная организация на частном совещании в Брюсселе заключили «блок» против большевиков, который решил использовать создавшуюся ситуацию и поднажать на большевиков.

Одновременно с брюссельской объединительной канителью внимание Ильича было летом 1914 года поглощено другим крайне тяжелым делом — делом Малиновского.

Когда товарищем министра внутренних дел назначен был генерал Джунковский и когда он узнал о провокаторской роли Малиновского, он сообщил об этом председателю Государственной думы Родзянко и заговорил о необходимости ликвидировать это дело во избежание громадного политического скандала.

8 мая Малиновский подал Родзянко заявление об уходе своем из числа членов Думы и уехал за границу. Местные и центральные учреждения осудили анархический, дезорганизаторский поступок Малиновского и исключили его из партии. Но что касается провокатуры, то обвинение в ней Малиновского казалось настолько чудовищным, что ЦК назначил особую комиссию

¹ Бадаев А. Е. Большевики в Государственной думе, с. 334. *Ред.*

под председательством Ганецкого, куда вошли Ленин и Зиновьев.

Слухи о провокатуре Малиновского ползли уже давно: шли они из меньшевистских кругов, были серьезные подозрения у Елены Федоровны Розмирович в связи с ее арестом — она работала при думской фракции, жандармы оказались осведомлены о таких деталях, которые иначе как путем провокации нельзя было им узнать. Были какие-то сведения у Бухарина. Владимир Ильич считал совершенно невероятным, чтобы Малиновский был провокатором. Раз только у него мелькнуло сомнение. Помню, как-то в Поронипе, когда мы возвращались от Зиновьевых и говорили о ползущих слухах, Ильич вдруг остановился на мостике и сказал: «А вдруг правда?» И лицо его было полно тревоги. «Ну что ты», — ответила я. И Ильич успокоился, принялся ругательски ругать меньшевиков за то, что те никакими средствами не брезгуют в борьбе с большевиками. Больше у него не было никаких колебаний в этом вопросе.

Расследовав все слухи о провокатуре Малиновского, получив заявление Бурцева, что тот считает провокатуру Малиновского невероятной, заслушав Бухарина, Розмирович, комиссия все же не могла установить факт провокации Малиновского.

Совершенно выбитый из колеи, растерянный, Малиновский околачивался в Поронине. Аллах ведаёт, что переживал он в это время. Куда он делся из Поронина — никто не знал. Февральская революция разоблачила его.

После Октябрьской революции он добровольно вернулся в Россию, отдался в руки Советской власти и был расстрелян по приговору Верховного трибунала.

В России тем временем борьба обострялась — росло забастовочное движение, особенно сильно вспыхнувшее в Баку, рабочий класс поддерживал бакинских забастовщиков, в митинг путиловцев в 12 тысяч человек стреляла полиция, схватки с полицией становились все ожесточеннее, депутаты превращались в вождей восстающего пролетариата. Шла массовая забастовка.

7 июля в Питере бастовало 130 тысяч. Пролетариат готовился к бою. Забастовка не ослабевала, а росла, на улицах красного Питера строились баррикады.

Но пришла война.

1 августа Германия объявила войну России, 3 августа — Франции, 4 августа — Бельгии, в тот же день Англия объявила войну Германии, 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России, 11 августа Франция и Англия объявили войну Австро-Венгрии.

Началась мировая война, которая остановила на время нарастающее революционное движение в России, перевернула весь мир, породила ряд глубочайших кризисов, по-новому, гораздо более остро поставила важнейшие вопросы революционной борь-

бы, подчеркнула роль пролетариата как вождя всех трудящихся, подняла на борьбу новые пласты, сделала победу пролетариата вопросом жизни или смерти для России.

ГОДЫ ВОЙНЫ

КРАКОВ

1914 год¹

Хотя давно уже все пахло войной, но когда война была объявлена, это как-то ошарашило всех. Надо было выбирать из Поронина, но куда можно было ехать — было еще совершенно не ясно. В это время была тяжело больна Лилина, и Зиновьев все равно никуда не мог двинуться. Жили они в это время в Закопане, где были доктора. Мы решили поэтому пока что сидеть в Поронине. Ильич написал в Копенгаген Кобецкому, просил² информировать, завязать связь со Стокгольмом и пр. Местное гуральское (горное) население совершенно было подавлено, когда началась мобилизация. С кем война, из-за чего война — никто ничего не понимал, никакого воодушевления не было, шли, как на убой. Наша хозяйка, владелица дачи, крестьянка, была совершенно убита горем — у нее взяли на войну мужа. Ксендз с амвона старался разжечь патриотические чувства. Поползли всякие слухи, и шестилетний соседский мальчонка из бедняцкой семьи, постоянно околачивавшийся у нас, таинственно сообщил мне, что русские — ксендз это говорил — сыпят яд в колодцы.

7 августа к нам на дачу пришел поронинский жандармский вахмистр с понятием — местным крестьянином — ружьем делать обмыс. Чего искать, вахмистр хорошенько не знал, порылся в шкафу, нашел незаряженный браунинг, взял несколько тетрадок по аграрному вопросу с цифирью, предложил несколько незна-

¹ В рукописи статьи «Начало войны (из воспоминаний)», написанной для Коминтерна в январе 1931 года, Н. К. Крупская пишет: «Лето 1914 года мы жили в деревне Поронин в 7 верстах от Закопане — горного галицийского курорта. Высокие снежные вершины, долины, горные озера — все это удивительно красиво. Но в самом Закопане жить дорого и сутолочно, и мы второе лето уже жили в Поронине, который лежит на высоте 700 метров. В Поронине было много попроще, но воздух горный, лес, высокое плоскогорье. Поронин тянется вдоль дороги на пару километров, гуральское (горское) население темное, никакой общественной жизни нет, власть церкви, ксендза безгранична. Кроме нас в Поронине жили еще Зиновьевы и польские товарищи Багоцкий, Ганецкий. Мы занимали дачу около леса в две комнаты, наверху была еще комната для приезжих. В Поронин к нам приезжали думские депутаты, товарищи из России. В полицейском отношении жизнь в Поронине была удобна». *Ред.*

² Далее в рукописи: «...его теснее связаться со Стокгольмом, с тамошней нашей публикой, имевшей постоянную близкую связь с Россией, просил регулярно информировать». *Ред.*

чащих вопросов. Понятой смущенно сидел на краешке стула и недоуменно осматривался, а вахмистр над ним издевался. Показывал на банку с клеем и уверял, что это бомба. Затем сказал, что на Владимира Ильича имеется донос и он должен был бы его арестовать, но так как завтра утром все равно придется везти его в Новый Тарг (ближайшее местечко, где были военные власти), то пусть лучше Владимир Ильич придет завтра сам к утреннему шестичасовому поезду. Ясно было — грозит арест, а в военное время, в первые дни войны, легко могли мимоходом ужокошить. Владимир Ильич съездил к Ганецкому, жившему также в Поронине, рассказал о случившемся. Ганецкий немедля дал телеграмму социал-демократическому депутату Мареку, Владимир Ильич дал телеграмму в краковскую полицию, которая его знала как эмигранта. Ильича беспокоило, как мы вдвоем с матерью останемся в Поронине, одни в большом доме, и он сговорился с т. Тихомирновым, что тот пока поселится у нас в верхней комнате. Тихомирнов недавно вернулся из олонецкой ссылки, и редакция «Правды» послала его в Поронин отдохнуть, привести в порядок разгулявшиеся в ссылке нервы да кстати помочь Ильичу в деле составления сводок по проводившимся в России кампаниям за рабочую печать и др. — на основании материалов, помещенных в «Правде».

Мы с Ильичем просидели всю ночь, не могли заснуть, больно было тревожно. Утром проводила его, вернулась в опустевшую комнату. В тот же день Ганецкий нанял какую-то арбу и в ней добрался до Нового Тарга, добился свидания с окружным начальником — императорско-королевским старостой, наскандалил там, рассказал, что Ильич — член Международного социалистического бюро, человек, за которого будут заступаться, за жизнь которого придется отвечать, видел судебного следователя, рассказал ему также, кто Ильич, и получил для меня разрешение на свидание на другой же день. Вместе с Ганецким, по его приезде из Нового Тарга, сочинили мы в Вену письмо члену Международного бюро, австрийскому депутату социал-демократу Виктору Адлеру¹. В Новом Тарге я получила свидание с Ильичем. Нас оставили с ним вдвоем, но Ильич мало говорил — была еще полная неясность положения. Краковская полиция дала телеграмму, что заподозривать Ульянова в шпионаже нет основания, дал такую же телеграмму Марек из Закопане, ездил в Новый Тарг один известный польский писатель заступаться за Ильича. Узнав об аресте Ильича, живший в Закопане Зиновьев тотчас же, несмотря на проливной дождь, поехал на велосипеде к старому народовольцу — поляку д-ру Длускому, жившему в 10 верстах от Закопане; Длуский сейчас же нанял фаэтон и по-

¹ Далее в рукописи сказано: «На другое утро поехала я с Ганецким в Новый Тарг. Если бы не он, не удалось бы, может быть, выпарпать Ильича из рук военных властей». *Ред.*

ехал в Закопане, стал телеграфировать, писать письма, куда-то пошел для переговоров. Мне давали свидание каждый день. Рано утром с шестичасовым поездом выезжала я в Новый Тарг — езды там час, — потом часов до одиннадцати болталась по вокзалу, почте, базару, потом было часовое свидание с Владимиром Ильичем. Ильич рассказывал о своих тюремных сожителях. Сидело много местных крестьян — кто за то, что паспорт просрочен, кто за то, что налог не внес, кто за препирательство с местной властью; сидел какой-то француз, какой-то чиновник-поляк, ради дешевины проехавшийся по чужому полупаску, какой-то цыган, который через стену тюремного двора перекликался с приходившей к стенам тюрьмы женой. Ильич вспомнил свою шушенскую юридическую практику среди крестьян, которых вызволял из всяких затруднительных положений, и устроил в тюрьме своеобразную юридическую консультацию, писал заявления и т. п. Его сожители по тюрьме называли Ильича «бычий хлоп», что значит «крепкий мужик». «Бычий хлоп» постепенно акклиматизировался в тюрьме Нового Тарга и приходил на свидание более спокойным и оживленным. В этой уголовной тюрьме по ночам, когда засыпало ее население, он обдумывал, что сейчас должна делать партия, какие шаги надо предпринять для того, чтобы превратить разразившуюся мировую войну в мировую схватку пролетариата с буржуазией. Я передавала Ильичу те новости о войне, которые удавалось добыть.

Не передала следующего. Как-то, возвращаясь с вокзала, я слышала, как шедшие из костела крестьянки громко — очевидно, мне на поучение — толковали о том, что они сами сумеют расправиться со шпионами. Если начальство даже выпустит ненароком шпиона, они выколют ему глаза, вырежут язык и т. д. Ясно было: останется в Поронине, когда выпустят Владимира Ильича, нельзя будет. Я стала укладываться, отбирать то, что надо обязательно будет взять с собой, что придется оставить в Поронине. Хозяйство у нас совсем расстроилось. Домашнюю работницу, которую пришлось взять на лето ввиду болезни матери и которая рассказывала соседям всякие небылицы про нас, про наши связи с Россией, я постаралась сплавить поскорее в Краков, куда она стремилась, выдав ей деньги на проезд и жалованье вперед. Помогала нам топить русскую печь, ходить за продуктами девочка соседки. Моя мать — ей было уже 72 года — очень плохо себя чувствовала, видела, что что-то случилось, но неясно сознавала, что именно; хотя я ей сказала, что Владимира Ильича арестовали, но временами она толковала, что его мобилизовали на войну; она волновалась, когда я уезжала из дому, ей казалось, что и я куда-то исчезну, как исчез Владимир Ильич. Наш сожитель Тихомиров задумчиво покуривал, разбирал и укладывал книги. Раз надо мне было получить какое-то удостоверение от того крестьянина-понятого, над кото-

рым издевался жандарм во время обыска, я ходила к нему куда-то на край села, и долго мы разговаривали с ним в его избе — типичной избе бедняка, — что́ это за война, кто за что воюет, кто заинтересован в войне, и он дружески провожал меня потом.

Наконец нажим со стороны венского депутата Виктора Адлера и львовского депутата Даманда, которые поручились за Владимира Ильича, подействовал, и 19 августа Владимира Ильича выпустили из тюрьмы. С утра я, по обыкновению, была в Новом Тарге, на этот раз меня даже пустили в тюрьму помочь взять вещи; мы наняли арбу и поехали в Поронин. Пришлось там прожить около недели, пока удалось получить разрешение перебраться в Краков. В Кракове мы пошли к той хозяйке, у которой нанимали раньше комнаты Каменев и Инесса. Квартира наполовину была занята санитарным пунктом, но все же хозяйка дала нам какой-то угол. Ей было, впрочем, не до нас. Только что произошла первая битва под Красником, в которой участвовали два ее сына, пошедшие добровольцами на войну, и она не знала, что с ними.

На другой день из окна гостиницы, куда мы перебрались, мы наблюдали жуткую картину. Приехал поезд из Красника, привез убитых и раненых. За носилками бежали родственники тех, кто принимал участие в битве под Красником, и заглядывали в лица мертвых и умирающих с боязнью узнать в них своих близких. Те, кто был ранен более легко, с перевязанными головами, руками, медленно двигались от вокзала. Встречавшие поезд помогали им нести вещи, предлагали им пиво в кружках, взятых в соседних ресторанах, предлагали пищу. Невольно думалось: вот она, война! — а это была еще первая битва.

В Кракове удалось довольно быстро получить право выехать за границу — в нейтральную страну — Швейцарию. Надо было устроить кое-какие дела. Незадолго перед тем моя мать стала «кашталисткой». У ней умерла сестра в Новочеркасске, классная дама, и завещала ей свое имущество — серебряные ложки, иконы, оставшиеся платья да 4 тысячи рублей, скопленных за 30 лет ее педагогической деятельности. Деньги эти были положены в краковский банк. Чтобы выволить их, надо было пойти на сделку с каким-то маклером в Вене, который раздобыл их, взяв за услуги ровно половину этих денег. На оставшиеся деньги мы и жили главным образом во время войны, так экономя, что в 1917 году, когда мы возвращались в Россию, сохранилась от них некоторая сумма, удостоверение в наличии которой было взято в июльские дни 1917 года в Петербурге во время обыска в качестве доказательства того, что Владимир Ильич получал деньги за шпионаж от немецкого правительства.

Ехали мы из Кракова до швейцарской границы целую неделю. Долго стояли на станциях, пропуская военные поезда. Наблюдали шовинистскую агитацию, которую вели монахини и

группировавшийся около них женский актив. На вокзалах они раздавали солдатам какие-то образки, молитвы и т. п. Ходила по вокзалам выложенная военщина. Вагоны были испещрены разными надписями-директивами, что делать с французами, англичанами, русскими: «Jedem Russ ein Schuss!» (Каждого русского пристрели!). На одном запасном пути стояло несколько вагонов с порошком от блох; вагоны эти отправлялись куда-то на фронт.

В Вене останавливались мы на день, чтобы получить нужные удостоверения, устроить дело с деньгами, телеграфировать в Швейцарию, чтобы получить чье-либо поручительство, без чего не пустили бы в Швейцарию. Поручился Грейлих, старейший член Социал-демократической партии Швейцарии. В Вене¹ Рязанов возил Владимира Ильича к В. Адлеру, который помог вызволить Ильича из-под ареста. Адлер рассказывал, как он разговаривал с министром. Тот спросил: «Уверены ли вы, что Ульянов враг царского правительства?» «О, да! — ответил Адлер, — более заклятый враг, чем ваше превосходительство». От Вены до швейцарской границы доехали довольно скоро.

БЕРН

1914—1915 годы

5 сентября въехали наконец в Швейцарию, направились в Берн.

Мы еще не решили окончательно, где будем жить — в Женеве или Берне. Ильича тянуло на старое пепелище, в привычное место в Женеву, где хорошо работалось в прежнее время в «Société de Lecture» (общество чтения), где была хорошая русская библиотека и т. д. Но бернцы утверждали, что Женева здорово изменилась, что туда наехало много эмигрантов из других городов, из Франции, что там теперь невероятная эмигрантская сутолока. Не решив вопрос окончательно, пока сняли комнату в Берне.

Немедленно же Ильич стал списываться с Женовой о том, есть ли там едущие в Россию — их надо было использовать для завязывания связи с Россией, выяснял, сохранилась ли русская типография, можно ли там будет издавать русские листки и т. д.

На другой день по приезде из Галиции собрались все, кто был тогда из большевиков в Берне, — Шкловский, Сафаровы, депутат Думы Самойлов, Гоберман и др., и устроили в лесу совещание, где Ильич развил свою точку зрения на происходящие события. В результате была принята резолюция, в которой давалась характеристика происходящей войны как империалистской, грабительской, и оценивалось поведение вождей II Интер-

¹ Далее в рукописи: «...нас окружили теплой товарищеской заботой, страшно с нами возились Рязановы». *Ред.*

национала, голосовавших за военные кредиты, как измена делу пролетариата; в резолюции говорилось, что: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России»¹. Резолюция, выдвигая лозунг пропаганды во всех странах социалистической революции, гражданской войны, беспощадной борьбы с шовинизмом и патриотизмом всех без исключения стран, намечала в то же время программу действий для России: борьбу с монархией, проповедь революции, борьбу за республику, за освобождение угнетенных великорусами народностей, за конфискацию помещичьих земель и за 8-часовой рабочий день.

Бернская резолюция была, по существу дела, вызовом всему капиталистическому миру. Бернская резолюция писалась, конечно, не для того, чтобы храниться под спудом. Прежде всего она была разослана по заграничным секциям большевиков. Затем тезисы взял с собой Самойлов для обсуждения и с русской частью ЦК и думской фракцией. Не известно еще было, какую позицию они заняли. Сношения с Россией были прерваны. Лишь позднее стало известно, что русская часть ЦК и большевистская часть думской фракции сразу взяли верный тон. Для передовых рабочих нашей страны, для нашей партийной организации резолюции международных конгрессов о войне не были просто клочком бумаги, они были руководством к действию.

В первые же дни войны, когда только что была объявлена мобилизация, ЦК выпустил листок с призывом: «Долой войну! Война войне!» Ряд предприятий в Питере бастовал в день мобилизации запасных, была даже попытка организовать демонстрацию. Однако война вызвала такой разгул бешеного черносотенного патриотизма, так укрепила военную реакцию, что сделать много не удалось. Наша думская фракция твердо вела линию борьбы с войной, линию продолжения борьбы с царской властью. Эта твердость произвела впечатление даже и на меньшевиков, и всей социал-демократической фракцией в целом была принята общая резолюция, оглашенная с думской трибуны. Резолюция была написана в очень осторожных выражениях, много было в ней недоговоренного, но это была все же резолюция протеста, вызвавшая общее негодование всех членов Думы. Негодование это возросло, когда социал-демократическая фракция (пока еще вся в целом) не приняла участия в голосовании военных кредитов и в знак протеста покинула зал заседания. Большевистская организация быстро ушла в глубокое подполье, стала выпускать листки, в которых давались указания, как использовать войну в интересах развертывания и углубления револю-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 6. Ред.

ционной борьбы. Началась антивоенная пропаганда и в провинции. Сообщения с мест говорят о том, что эта пропаганда находит поддержку среди революционно настроенных рабочих. Обо всем этом мы за границей узнали много позднее.

В наших зарубежных группах, которые не переживали революционного подъема последних месяцев в России и истомились в эмигрантщине, из которой так хотелось многим во что бы то ни стало вырваться, не было той твердости, которая была у наших депутатов и у русских большевистских организаций. Вопрос для многих был неясен, толковали о том больше, какая сторона нападающая.

В Париже в конце концов большинство группы высказалось против войны и волонтерства, но часть товарищей — Сапожков (Кузнецов), Казаков (Бритман, Свягин), Миша Эдишеров (Давыдов), Мойсеев (Илья, Зефир) и др. — пошла в волонтеры во французскую армию. Волонтеры, меньшевики, часть большевиков, социалисты-революционеры (всего около 80 человек) приняли декларацию от имени «русских республиканцев», которую опубликовали во французской печати. Перед уходом волонтеров из Парижа Плеханов сказал им напутственную речь.

Большинство Парижской группы осудило добровольчество. Но и в других группах вопрос был выяснен не до конца. Владимир Ильич понимал, что в такой серьезнейший момент имеет особое значение, чтобы каждый большевик отдал себе полный отчет в значении имевших место событий, нужен был товарищеский обмен мнений, нецелесообразно было фиксировать сразу же на первых порах каждый оттенок, надо было до конца сговориться. Вот почему, отвечая т. Карпинскому на его письмо, где тот излагал точку зрения женевской секции, Ильич писал: «La critique¹ и моя anticritique² может быть лучше составят предмет беседы?»³

Ильич знал, что в товарищеской беседе лучше можно сговориться, чем путем переписки. Но, конечно, время было не такое, чтобы можно было долго ограничиваться товарищескими беседами внутри узкого круга большевиков.

В начале октября выяснилось, что вернувшийся из Парижа Плеханов выступал уже в Женеве и собирается читать реферат в Лозанне.

Позиция Плеханова очень волновала Владимира Ильича. Он верил и не верил, что Плеханов стал оборонцем. «Не верится просто», — говорил он. — «Верно, сказалось военное прошлое Плеханова», — задумчиво прибавлял он. Когда пришла 10 октября телеграмма из Лозанны о том, что реферат назначен на завтра, на 11-е, Ильич засел за подготовку к реферату, а я ста-

¹ — критика. *Ред.*

² — антикритика. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 5. *Ред.*

ралась уж уберечь его от всяких дел, сговориться с публикой нашей — кто поедет из Берна и т. д. Мы уже окончательно обосновались в Берне. В это время в Берне жили уже Зиновьевы, недели на две приехавшие позже нас, жила в Берне и Инесса.

Я на реферат поехать не могла, потом наши подробно рассказывали мне о нем. Но, прочитав в «Записках Института Ленина» воспоминания Ф. Ильина об этом реферате и зная, что тогда переживал Ильич, я вижу его, как живого. Подробно рассказывала потом об этом реферате и Инесса. Стянулась на реферат наша публика с разных концов. Из Берна — Зиновьев, Инесса, Шкловский, из Божии над Клараном — Розмирович, Крыленко, Бухарин и товарищи-лозанцы.

Ильичу стало страшно, что не удастся попасть на плехановский реферат и сказать все накипевшее, что не пустят меньшевики столько большевиков. Я представляю себе, как не хотелось ему в этот момент разговаривать с публикой о всякой всячине, и понятны его наивные хитрости, имевшие целью остаться одному. Ясно представляется, как среди суетни с кормежкой, которая происходила у Мовшовичей, ушел Ильич в себя, волновался так, что не мог куска проглотить. Понятна немного натянутая шутка, сказанная вполголоса близ сидящим товарищам по поводу вступительного слова Плеханова, заявившего, что он не подготовился к выступлению на таком большом собрании. «Жулябия», — бросил Ильич, а потом ушел весь целиком в слушание того, что говорил Плеханов. С первой частью реферата, где Плеханов крыл немцев, Ильич был согласен и аплодировал Плеханову. Во второй части Плеханов развивал оборонческую точку зрения. Уже не могло быть места никаким сомнениям. Записался говорить один Ильич, никто больше не записался. С кружкой пива в руках подошел он к столу. Говорил он спокойно, и только бледность лица выдавала его волнение. Ильич говорил о том, что разразившаяся война не случайность, что она подготовлена всем характером развития буржуазного общества. Международные конгрессы — Штутгартский, Копенгагенский, Базельский — определили, каково должно быть отношение социалистов к предстоящей войне. Только тогда социал-демократы исполняют свой долг, когда борются с шовинистическим угаром своей страны. Надо превратить начавшуюся войну в решительное столкновение пролетариата с правящими классами.

У Ильича было только десять минут. Он сказал лишь основное¹. Плеханов с обычными остротами возражал ему. Большевики — их было подавляющее большинство — бешено аплодировали ему. Создалось впечатление, что Плеханов победил.

¹ Выступление В. И. Ленина в Лозанне в прениях на реферате Плеханова с критикой его шовинистических взглядов состоялось 28 сентября (11 октября) 1914 года (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 26, с. 24—26). *Ред.*

14 октября, через три дня, — в том же помещении, где читал доклад Плеханов — в Maison du Peuple (в Народном доме), — был назначен доклад Ильича. Зал был битком набит. Доклад вышел очень удачным, Ильич был в приподнятом, боевом настроении. Он развил полностью свой взгляд на войну как на войну империалистскую. В докладе Владимир Ильич отметил, что в России уже вышел листок ЦК против войны, что такой же листок выпустила кавказская организация и некоторые другие. Ильич в докладе указывал на то, что сейчас лучшей социалистической газетой в Европе является «Голос», где писал Мартов. «Чем чаще и сильнее я расходился с Мартовым, — говорил Ильич, — тем определеннее я должен сказать, что этот писатель делает теперь именно то, что должен делать социал-демократ. Он критикует свое правительство, он разоблачает свою буржуазию, он ругает своих министров»¹.

В частных разговорах Ильич не раз говорил, как бы хорошо было, если бы Мартов совсем перешел к нам. Но Ильич плохо верил, что Мартов удержится на занятой им позиции. Он знал, как поддается Мартов чужим влияниям. «Это пока он один, он так пишет», — добавлял Ильич. Реферат Ильича имел громадный успех. Тот же реферат — «Пролетариат и война» — он читал в Женеве.

По приезде с рефератной поездки Ильич застал письмо Шляпникова, где тот сообщал из Стокгольма о русской работе, о телеграмме Вандервельде думской фракции и об ответе Вандервельде депутатов, меньшевиков и большевиков. Эмиль Вандервельде — бельгийский депутат в Международном социалистическом бюро, когда была объявлена война, занял в бельгийском правительстве пост министра. Незадолго до войны он был в России и видел ту борьбу, которую рабочие России вели с самодержавием, но он не понял ее глубины. Вандервельде дал телеграмму обеим частям социал-демократической фракции Думы. Он призывал социал-демократическую фракцию содействовать тому, чтобы русское правительство повело решительную войну с Германией — на стороне Антанты.

Меньшевистские депутаты, в первый момент отказавшиеся голосовать военные кредиты, сильно поколебались, узнав о том, какую позицию заняло большинство социалистических партий, и потому их ответ Вандервельде носил уже совершенно другой характер; они заявляли, что не будут противодействовать войне. Большевистская фракция послала ответ, где решительно отметала всякую возможность поддержки войны и прекращения борьбы с царским правительством. Много оставалось в этом ответе еще недоговоренного, но основная линия была ею взята правильно. Чувствовалось, как важна связь между границей

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 31. *Ред.*

и Россией, и Ильич сугубо настаивал, чтобы Шляпников оставался в Стокгольме и укреплял связи с думской фракцией и вообще с россиянами. Через Стокгольм это дело лучше всего было наладить.

Как только Ильич приехал в Берн из Кракова, он сейчас же написал Карпинскому, справляясь, можно ли издать в Женеве листок¹. Тезисы, принятые в первые дни приезда в Берн, месяц спустя решено было выпустить, переработав их в манифест. И Ильич вновь списывается с Карпинским об издании, посылая письмо с оказией, наводя сугубую конспирацию². В то время неясно было еще, как отнесется швейцарская власть к антиимпериалистской пропаганде.

На другой день после получения первого письма Шляпникова Владимир Ильич писал Карпинскому: «Дорогой К.! Как раз во время моего пребывания в Женеве получились *от р а д н ы е* вести из России. Пришел и текст ответа русских социал-демократов Вандервельду. Мы решили поэтому вместо отдельного манифеста выпустить газету «Социал-Демократ», ЦО... К понедельнику пришлем Вам небольшие поправки к манифесту и *и з м е н е н н у ю* подпись (ибо после сношения с Россией мы уже *о ф и ц и а л ь н е е* выступаем)»³.

В конце октября Ильич опять поехал с рефератами сначала в Монтре, потом в Цюрих. В Цюрихе на его реферате выступал Троцкий, который возмущался, что Ильич называл Каутского предателем. А Ильич нарочно ставил очень остро все вопросы, чтобы создать ясность в отношении того, кто какую линию занимает. Борьба с оборонцами шла всюю.

Борьба, которая шла, не носила внутрипартийного характера, касалась не только русских дел, она носила международный характер.

«II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом», — утверждал Владимир Ильич. Надо было собирать силы для нового, для III Интернационала, очищенного от оппортунизма.

На какие силы можно было опираться?

Не голосовали военных кредитов кроме русских социал-демократов только сербские социал-демократы. Их было в Скупщине (в сербском парламенте) всего двое. В Германии в начале войны за военные кредиты голосовали все, но уже 10 сентября Карл Либкнехт, Ф. Меринг, Роза Люксембург и Клара Цеткин составили заявление, в котором они протестовали против позиции, занятой большинством немецкой социал-демократии. Это заявление лишь в конце октября им удалось опубликовать в швейцарских газетах, в немецких этого не удалось сделать. Из

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 3. *Ред.*

² См. там же, с. 8—9. *Ред.*

³ Там же, с. 11—12. *Ред.*

немецких газет наиболее левую позицию с самого начала войны заняла «Бременская гражданская газета», 23 августа заявившая о том, что «пролетарский интернационал» разрушен. Во Франции социалистическая партия, с Гедом и Вайяном во главе, скатилась к шовинизму. Но в партийных низах было довольно широкое настроение против войны. Для бельгийской партии характерно было поведение Вандервельде. В Англии отпор шовинизму Гайдмана и всей Британской социалистической партии давали Макдональд и Кейр-Гарди из оппортунистической Независимой рабочей партии. В нейтральных странах существовали настроения против войны, но они носили по преимуществу пацифистский характер. Революционнее других была Итальянская социалистическая партия с газетой «Avanti» («Вперед») во главе, она боролась с шовинизмом, разоблачала корыстную подоплеку призывов к войне. Она находила поддержку со стороны громадного большинства передовых рабочих. 27 сентября в Лугано состоялась итало-швейцарская социалистическая конференция. На конференцию были посланы наши тезисы о войне. Конференция характеризовала войну как империалистскую и требовала борьбы международного пролетариата за мир.

В общем голоса против шовинизма, голоса интернационалистические, звучали еще очень слабо, разрозненно, неуверенно, но Ильич не сомневался, что они будут все крепнуть. Всю осень у него было приподнятое, боевое настроение.

Воспоминание об этой осени у меня переплетается с осенней картиной бернского леса. Осень в тот год стояла чудесная. В Берне мы жили на Дистельвег — маленькой, чистенькой, тихой улочке, примыкавшей к бернскому лесу, тянувшемуся на несколько километров. Наискосок от нас жила Инесса, в пяти минутах ходьбы — Зиновьевы, в десяти минутах — Шкловские. Мы часами бродили по лесным дорогам, усеянным осыпавшимися желтыми листьями. Большею частью ходили втроем — Владимир Ильич и мы с Инессой. Владимир Ильич развивал свои планы борьбы по международной линии. Инесса все это горячо принимала к сердцу. В этой развертывавшейся борьбе она стала принимать самое непосредственное участие: вела переписку, переводила на французский и английский языки разные наши документы, подбирала материалы, говорила с людьми и пр. Иногда мы часами сидели на солнечном откосе горы, покрытой кустарниками. Ильич набрасывал конспекты своих речей и статей, оттачивал формулировки, я изучала по Туссену итальянский язык, Инесса шила какую-то юбку и грелась с наслаждением на осеннем солнышке — она еще не до конца оправилась после тюрьмы. Вечером все собирались в комнатушке Григория (они втроем — Григорий, Лилина и их мальчонка Степа жили в одной комнате), и, пошутив с засыпающим Степой, Ильич уже вносил ряд конкретных предложений.

Сжато и точно формулированы основные пункты линии борьбы у Ильича в письме к Шляпникову от 17 октября.

Каутский «...теперь *вреднее всех*. До того опасна и подла его софистика, прикрывающая самыми гладкими и прилизанными фразами пакости оппортунистов (в «*Neue Zeit*»). Оппортунисты — зло явное. «Центр» немецкий с Каутским во главе — зло прикрытое, дипломатически подкрашенное, засоряющее глаза, ум и совесть рабочих, опасное всего более. Наша задача теперь — безусловная и открытая борьба с оппортунизмом международным и с его прикрывателями (Каутский). Это мы и будем делать в Центральном Органе, который выпустим вскоре (2 странички, вероятно). Надо изо всех сил поддержать теперь законную ненависть сознательных рабочих к поганому поведению немцев и сделать из этой ненависти политический вывод *против* оппортунизма и всякой поправки ему. Это — международная задача. Ложит она на нас, больше некому. Отступать от нее нельзя. Неверен лозунг «простого» возобновления Интернационала (ибо опасность гнилой примирительной резолюции по линии Каутский — Вандервельд очень и очень велика!). Неверен лозунг «мира» — лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну. (Это превращение может быть долгим, может потребовать и потребует ряда предварительных условий, но всю работу надо вести *по линии* именно *такого* превращения, в духе и направлении его.) Не саботаж войны, не отдельные, индивидуальные выступления в таком духе, а массовая пропаганда (не только среди «штатских»), ведущая к превращению войны в гражданскую войну.

В России шовинизм прячется за фразы о «*belle France*»¹ и о несчастной Бельгии (а Украина? и т. д.) или за «народную» ненависть к немцам (и к «кайзеризму»). Поэтому наша безусловная обязанность — борьба с этими софизмами. А чтобы борьба шла по точной и ясной линии, нужен обобщающий ее лозунг. Этот лозунг: для нас, *русских*, с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего класса *России*, не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что *наименьшим* злом было бы теперь и тотчас — *поражение* царизма в данной войне. Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма. Не саботаж войны, а борьба с шовинизмом и устремление всей пропаганды и агитации на международное сплочение (сближение, солидаризирование, сговор *selon les circonstances*²) пролетариата в целях гражданской войны. Ошибочно было бы и призывать к *индивидуальным* актам стрельбы в офицеров etc. и допускать аргументы вроде того, что-де не хотим помогать кайзеризму. Первое — уклон к анархизму, второе — к оппортунизму. Мы же должны готовить массовое (или по крайней мере коллективное) выступ-

¹ — «прекрасной Франции». *Ред.*

² — сообразно обстоятельствам. *Ред.*

ление в войске не одной только нации, и *всю* пропагандистски-агитационную работу вести в этом направлении. Направление работы (упорной, систематической, долгой может быть) в духе превращения национальной войны в гражданскую — вот вся суть. Момент этого превращения — вопрос иной, сейчас еще неясный. Надо дать назреть этому моменту и «заставлять его назреть» систематически...

Лозунг мира, по-моему, неправилен в данный момент. Это — обывательский, поповский лозунг. Пролетарский лозунг должен быть: гражданская война.

Объективно — из коренной перемены в положении Европы вытекает такой лозунг для эпохи массовой войны. Из базельской резолюции вытекает тот же лозунг.

Мы не можем ни «обещать» гражданской войны, ни «декретировать» ее, но вести работу — при надобности и очень долгую — в *этом направлении* мы обязаны. Из статьи в ЦО вы увидите подробности»¹.

Два с половиной месяца спустя после начала войны у Ильича уже выковалась ясная, четкая линия борьбы. Эта линия окрашивала всю его дальнейшую деятельность. Международный размах придавал новые тона и всей работе Ильича над строительством русской работы, придавал ей новую силу, новые краски. Без долгих лет предшествовавшей трудной работы над строительством партии, над организацией рабочего класса России не мог бы Ильич так быстро и твердо взять правильную линию в отношении новых задач, выдвинутых империалистской войной. Без пребывания в гуще международной борьбы не мог бы Ильич так твердо повести русский пролетариат к октябрьской победе.

№ 33 «Социал-демократа» вышел 1 ноября 1914 года. Сначала было напечатано лишь 500 экземпляров, потом понадобилось прибавить еще 1000. 14 ноября Ильич с радостью извещал Карпинского, что ЦО доставлен в один из пунктов недалеко от границы и скоро будет переправлен дальше.

Через Нэна и Грабера удалось поместить 13 ноября сокращенное изложение манифеста в швейцарской газете «La sentinelle» («Часовой»), выходившей на французском языке в невшатальском рабочем центре Шо-де-Фон (Chaux-de-Fond). Ильич торжествовал. Мы послали перевод манифеста во французские, английские и немецкие газеты.

В целях развертывания пропаганды среди французов Владимир Ильич списывался с Карпинским об устройстве в Женеве, на французском языке, реферата Инессы. С Шляпниковым списывался о его выступлении на шведском конгрессе. Шляпников выступал, и выступал очень удачно. Так понемногу развертывалась «международная акция» большевиков.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 13—14, 15. *Ред.*

Со связями с Россией было хуже. Для № 34 ЦО Шляпников прислал интересный материал из Питера. Но наряду с ним пришлось помещать в № 34 сообщение об аресте пяти большевистских депутатов. Связь с Россией опять слабела.

Развертывая страстную борьбу против измены делу пролетариата со стороны II Интернационала, Ильич в то же время тотчас же по приезде в Берн засел за составление для Энциклопедического словаря Граната статьи «Карл Маркс»¹, где, говоря об учении Маркса, начал с очерка его миросозерцания, с разделов «философский материализм» и «диалектика» и далее, изложив экономическое учение Маркса, осветил, как Маркс подходил к вопросу о социализме и тактике классовой борьбы пролетариата.

Так учение Маркса обычно не излагалось. В связи с писанием глав о философском материализме и диалектике Ильич стал опять усердно перечитывать Гегеля и других философов и не бросил эту работу и после того, как окончил работу о Марксе. Цель его работы по философии была овладеть методом, как превратить философию в конкретное руководство к действию. Его короткие замечания о диалектическом подходе ко всем явлениям, сделанные в 1921 году во время споров с Троцким и Бухариным о профессиональных союзах², как нельзя лучше характеризуют, как много дали в этом отношении Ильичу его занятия по философии, начатые им по приезде в Берн и явившиеся продолжением того, что он проделал в деле изучения философии в 1908—1909 годах, когда боролся с махистами.

Борьба и учеба, учеба и научная работа всегда связывались у Ильича в один крепкий узел, всегда между ними была самая глубокая, непосредственная связь, хотя на первый взгляд и могло показаться, что это просто параллельная работа.

В начале 1915 года продолжалась усиленная работа по сплочению заграничных большевистских групп. Определенная сговоренность уже была, но время было такое, что сплоченность нужна была больше, чем когда-либо. До войны центр большевистских групп, так называемый КЗО (Комитет заграничных организаций) находился в Париже. Теперь центр надо было перенести в Швейцарию, в нейтральную страну, в Берн, где находилась и редакция Центрального Органа. Нужно было сговориться до конца обо всем — об оценке войны, о тех новых задачах, которые встали перед партией, о путях их разрешения, нужно было уточнить работу групп. Божийцы (Крыленко, Бухарин, Розмирович), например, решили издавать свой заграничный орган «Звезду» и так скоропалительно принялись за

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 43—93. *Ред.*

² Имеется в виду брошюра «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 264—304). *Ред.*

его организацию, что не сговорились даже с Центральным Органом. Знали мы о всем плане от Инессы. А между тем такое издание было мало целесообразно. Не было денег на издание ЦО, разногласий пока что не было, но они легко могли вырасти. Какая-нибудь неосторожная фраза могла быть подхвачена противниками и раздута всячески. Нужно было идти в ногу. Время такое было. В конце февраля была созвана в Берне конференция заграничных групп. Кроме швейцарских групп была еще Парижская; от парижан приехал Гриша Беленький, подробно рассказал про парижские оборонческие настроения, охватившие в начале войны Парижскую группу. Лондонцы приехать не смогли, передоверили свой мандат. Божийцы долго колебались — ехать им или не ехать, и приехали только к концу. Вместе с ними приехали «японцы». Так прозвали мы киевлян — тт. Пятакова и Бош (сестру Е. Ф. Розмирович), которые бежали из сибирской ссылки через Японию и Америку. Это было время, когда мы судорожно хватались за каждого нового единомышленника. «Японцы» нам понравились. Их приезд, несомненно, укреплял наши заграничные силы.

На конференции приняли четкую резолюцию о войне, спорили о лозунге Соединенных Штатов Европы (против чего особо горячо возражала Инесса), наметили характер работы заграничных групп, божийскую газету решили не издавать, выбрали новый КЗО из бернцев: Шкловского, Каспарова, Инессы Арманд, Лилиной, Крупской.

Перед войной, в 1913 году Каспаров жил в Берлине. О нем знал Ильич от наших бакинцев — Енукидзе, Шаумяна и др. В этот период внимание Ильича было особенно приковано к национальному вопросу, и он стремился потеснее связаться с теми, кто интересовался этим вопросом и правильно подходил к нему.

Летом 1913 года Каспаров написал статью для «Просвещения» по национальному вопросу. Ильич ему ответил: «Получил и прочел Вашу статью. Тема, по-моему, взята хорошо и разработана верно, — но недостаточно литературно отделана. Есть много чересчур — как бы это сказать? — «агитации», не подходящей к статье по *теоретическому* вопросу. Либо Вам самим, по-моему, следует переделать, либо мы попробуем»¹. Выбор темы по национальному вопросу, правильное освещение значат очень много, и Ильич сразу же накручивает Каспарову ряд дел по работе над собиранием материала по национальному вопросу, конкретизируя уже, что ему интересно, уверенный, что Каспаров заметит самое важное, самое существенное. Собираясь в январе 1914 года ненадолго в Берлин, Ильич пишет Каспарову о необходимости повидаться, указывая, как это сделать².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 197. *Ред.*

² См. там же, с. 245—246. *Ред.*

Моменты острой борьбы, моменты подъема сближают. В июле 1914 года в Питере рабочее движение стало быстро развиваться, пришло письмо о поднимающейся революционной волне. До сих пор Ильич, когда писал Каспарову, всегда начинал письмо с обращения: «Дорогой товарищ», а тут пишет уже иначе, зная, что Каспаров переживает революционный подъем с таким же волнением, как и мы. «Дорогой друг! — пишет Ильич. — Очень прошу Вас взять на себя труд информировать нас в течение революционных дней в России. Сидим без газет. Прощу вас...»¹.

И далее дается целая программа сношений.

Когда разразилась война, Каспарову пришлось из Германии перебраться в Берн. Встретились как друзья. В Берне виделись каждый день, и скоро стал Каспаров одним из самых близких товарищей в нашей группе. Вот и втянули его в КЗО.

На очереди дня стояло соби́рание сил в международном масштабе. Какая это была трудная задача, наглядно показала состоявшаяся 14 февраля 1915 года Лондонская конференция социалистических партий стран Согласия (Англии, Бельгии, Франции, России). Созвана эта конференция была Вандервельде, но организовывала ее английская Независимая рабочая партия с Кейр-Гарди и Макдональдом во главе. Они были до конференции против войны, за международное объединение. В начале Независимая рабочая партия думала пригласить делегатов из Германии и Австрии, но французы заявили, что не будут тогда принимать участия в конференции. От Англии было 11 делегатов, от Франции — 16, от Бельгии — 3. От России было трое социалистов-революционеров. Был делегат от меньшевистского Организационного комитета. От нас там должен был выступить Литвинов. Наперед было ясно, что это будет за конференция, какие результаты она даст, а потому было условлено, что Литвинов прочтет лишь декларацию Центрального Комитета. Ильич составил для Литвинова наметку этой декларации². В ней выставлялось требование, чтобы Вандервельде, Гед и Самба немедленно вышли из буржуазных министерств Бельгии и Франции, чтобы все социалистические партии поддержали русских рабочих в их борьбе с царизмом. В декларации говорилось, что социал-демократы Германии и Австрии совершили чудовищное преступление по отношению к социализму и Интернационалу, вотируя военные кредиты и заключив «гражданский мир» с юнкерами, попами и буржуазией, но бельгийские и французские социалисты поступили несколько не лучше. «Рабочие России товарищески протягивают руку социалистам, которые действуют как Карл Либкнехт, как социалисты Сербии и Италии, как британские товарищи из Независимой рабочей партии и неко-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 322. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 128—129. *Ред.*

торые члены Британской социалистической партии, как арестованные товарищи наши из Российской социал-демократической рабочей партии.

На этот путь зовем мы вас, на путь социализма. Долой шовинизм, губящий пролетарское дело! Да здравствует международный социализм!»¹. Этими словами кончалась декларация. Эту декларацию подписал кроме ЦК еще представитель латышских социал-демократов Берзин. Председатель не дал Литвинову возможности прочесть до конца декларацию. Литвинов передал декларацию председателю, а сам покинул заседание, заявив, что РСДРП не участвует в конференции. После ухода Литвинова конференция приняла резолюцию за «освободительную войну» вплоть до победы над Германией; за это подали голос и Кейр-Гарди и Макдональд.

Тем временем шла подготовка международной женской конференции. Важно было, конечно, не только то, чтобы такая конференция состоялась, но и то, чтобы она не носила пацифистского характера, а заняла определенно революционную позицию. Нужна была поэтому очень большая предварительная работа. Она легла главным образом на Инессу. Помогая редакции ЦО в переводе всяких документов, будучи участницей развертывающейся борьбы с оборончеством с первых же шагов ее, Инесса была как нельзя лучше подготовлена к этой работе. Кроме того, она знала языки. Инесса переписывается с Кларой Цеткин, Балабановой, Коллонтай, англичанками, крепит первые нити международной связи. Нити до невероятности слабы, постоянно рвутся, но вновь и вновь начинает Инесса работу. В Париже жила Сталь, через нее ведет Инесса переписку с французскими товарищами. С Балабановой было сноситься всего проще — она работала в Италии, принимала участие в работе «Avanti». Это был период, когда Итальянская социалистическая партия была настроена наиболее революционно. В Германии антиоборонческое настроение разрасталось. 2 декабря К. Либкнехт голосовал против военных кредитов. Женскую международную конференцию созывала Клара Цеткин. Она была секретарем Интернационального бюро женщин-социалисток. Вместе с К. Либкнехтом, Розой Люксембург, Ф. Мерингом боролась она против шовинистического большинства Германской социал-демократической партии. С ней сносилась Инесса. Что касается Коллонтай, то она к этому времени отошла от меньшевиков. В январе она написала Владимиру Ильичу и мне, прислала листок.

«Уважаемый и дорогой товарищ! — писал ей Владимир Ильич. — Очень благодарен Вам за присылку листка (я могу пока только передать его здешним членам редакции «Работ-

¹ Газета «Социал-демократ», 1915, 29 марта. *Ред.*

ницы», — они послали уже письмо Цеткиной однородного, видимо, с Вашим содержания)»¹. И дальше Владимир Ильич переходит к выяснению позиции большевиков.

«Вы соглашаетесь с лозунгом гражданской войны, по-видимому, не вполне, а отводя ему, так сказать, подчиненное (и пожалуй даже: условное) место позади лозунга мира. И Вы подчеркиваете, что «нам надо выдвигать такой лозунг, который объединял бы всех».

Скажу откровенно, что я всего более боюсь в настоящее время такого огульного объединительства, которое, по моему убеждению, наиболее опасно и наиболее вредно для пролетариата»². На фоне ильичевской установки и вела переписку о конференции с А. Коллонтай Инесса. На конференцию Коллонтай не удалось приехать.

Бернская международная конференция состоялась 26—28 марта. Самая большая и организованная делегация была германская с Кларой Цеткин во главе. От русского ЦК делегатками были Арманд, Лилина, Равич, Крупская, Розмирович. От поляков-розламовцев — Каменская (Домская), которая держалась вместе с делегацией Центрального Комитета. Из русских были еще две делегатки от Организационного комитета. Балабанова была от Италии. Луиза Сомоно — француженка — сильно подпала под влияние Балабановой. Чисто пацифистское настроение было у голландок. Роланд-Гольст, принадлежавшая тогда к левому крылу, приехать не могла, приехала делегатка из партии Трульстра, насквозь шовинистической. Английские делегатки принадлежали к оппортунистической Независимой рабочей партии, пацифистский уклон был и у швейцарок. Этот уклон преобладал. Конечно, если вспомнить имевшую место полтора месяца перед тем Лондонскую конференцию — шаг вперед был не малый, имел значение уже самый тот факт, что на конференцию собрались социалистки воюющих между собой стран.

Немки в своем большинстве принадлежали к группе К. Либкнехта — Розы Люксембург. Эта группа уже начала размежевываться со своими шовинистами, бороться со своим правительством — уже арестована была Роза Люксембург. Но это в своей стране. А на международной трибуне — им казалось — они должны проявить максимум уступчивости, — они ведь были делегацией страны, которая в этот момент побеждала на фронтах. Если бы конференция, созванная с таким трудом, распалась, всю ответственность возложили бы на них, распаду конференции были бы рады шовинисты всех стран, в первую очередь социал-патриоты Германии. И поэтому Клара Цеткин шла на уступки пацифистам, что означало выхолащивание революцион-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 39. *Ред.*

² Там же. *Ред.*

ного содержания резолюций. Наша делегация — делегация ЦК РСДРП — стояла на точке зрения Ильича, изложенной в письме к Коллонтай. Дело не в огульном объединении, дело в объединении для революционной борьбы с шовинизмом, для непримиримой революционной борьбы пролетариата с господствующим классом. Осуждения шовинизма не было в резолюции, выработанной комиссией из немков, англичанок и голландок. Мы выступили со своей особой декларацией. Ее защищала Инесса. С защитой ее выступила и представительница поляков — Каменская. Мы остались одни. Все осуждали нашу «раскольническую» политику. Однако жизнь скоро подтвердила правильность нашей позиции. Добренский пацифизм англичанок и голландок ни на шаг не сдвинул вперед международную акцию. Роль в скорейшем окончании войны сыграла революционная борьба и размежевание с шовинистами.

Со всей страстью отдался Ильич собиранию сил для борьбы на международном фронте. «Не беда, что нас единицы, — сказал он как-то, — с нами будут миллионы». Он составлял и нашу резолюцию для Бернской женской конференции¹, следил за всей ее работой. Но чувствовалось, как трудно ему оставаться в роли какого-то закулисного руководителя в деле громадной важности, которое делалось тут же, под боком и принять в котором непосредственное участие хотелось ему всем своим существом.

Остался в памяти такой момент: сидим мы с Инессой в больнице у Абрама Скворно, которому делали какую-то операцию. Приходит Ильич и начинает убеждать Инессу немедленно пойти к Цеткин, убедить ее в правильности нашей позиции, она ведь должна понять, не может не понять, что в данный момент нельзя скатываться к пацифизму, надо заострить все вопросы. И Ильич приводит все новые и новые аргументы, которые должны убедить Цеткин. Инессе не хотелось идти, она считала, что из разговора ничего не выйдет. Ильич настаивал, и такая горячая просьба звучала в его словах. Разговора с Цеткин у Инессы тогда не вышло.

17 апреля в Берне состоялась вторая международная конференция — конференция социалистической молодежи. В Швейцарии в это время сосредоточилось довольно много молодежи, рефрактеров разных воюющих стран, не хотевших идти на фронт и принимать участие в империалистской войне; они эмигрировали в нейтральную страну — Швейцарию. У этой молодежи, само собой, настроение было революционное. Не случайность, что вслед за женской конференцией следующей международной конференцией была конференция социалистической молодежи.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 206—208. *Ред.*

От имени ЦК нашей партии на ней выступали Инесса и Сафаров.

В марте у меня умерла мать. Была она близким товарищем, помогавшим во всей работе. В России во время обыска прятала нелегалышину, носила товарищам в тюрьму передачи, передавала поручения; она жила с нами и в Сибири, и за границей, вела хозяйство, охаживала приезжавших и проходящих к нам товарищей, шила панцири, зашивая туда нелегальную литературу, писала «скелеты» для химических писем и пр. Товарищи ее любили. Последняя зима была для нее очень тяжела. Все силы ушли. Тянуло ее в Россию, но там не было у нас никого, кто бы о ней заботился. Они часто спорили с Владимиром Ильичем, но мама всегда заботилась о нем, Владимир был к ней тоже внимателен. Раз как-то сидит мать унылая. Была она отчаянной курильщицей, а тут забыла купить папирос, а был праздник, нигде нельзя было достать табаку. Увидал это Ильич. «Эка беда, сейчас я достану», и пошел разыскивать папиросы по кафе, отыскал, принес матери. Как-то незадолго уже до смерти говорит мне мать: «Нет, уж что, одна я в Россию не поеду, вместе с вами уж поеду». Другой раз заговорила о религии. Она считала себя верующей, но в церковь не ходила годами, не постилась, не молилась, и вообще никакой роли религия в ее жизни не играла, но не любила она разговоров на эту тему, а тут говорит: «Верила я в молодости, а как пожила, узнала жизнь, увидела: такие это все пустяки». Не раз заказывала она, чтобы, когда она умрет, ее сожгли. Домишко, где мы жили, был около самого бернского леса. И когда стало греть весеннее солнце, потянуло мать в лес. Пошли мы с ней, посидели на лавочке с полчаса, а потом еле дошла она домой, и на другой день началась у нее уже агония. Мы так и сделали, как она хотела, сожгли ее в бернском крематории.

Сидели с Владимиром Ильичем на кладбище, часа через два принес нам сторож жестяную кружку с теплым еще пеплом и указал, где зарыть пепел в землю¹.

Еще более студенческой стала наша семейная жизнь. Квартирная хозяйка — религиозно-верующая старуха-гладильщица — попросила нас подыскать себе другую комнату, она-де желает, чтобы у ней комнату снимали люди верующие. Переехали в другую комнату.

10 февраля состоялся суд над думской пятеркой: все депутаты-большевики — Петровский, Муранов, Бадаев, Самойлов, Шагов, — а также Л. Б. Каменев были приговорены к ссылке на поселение.

¹ Похороны Е. В. Крупской состоялись 10(23) марта 1915 года. Прах Елизаветы Васильевны в 1969 г. был перевезен из Швейцарии в СССР и захоронен в Ленинграде на Новодевичьем кладбище рядом с могилой ее мужа Крупского К. И. *Ред.*

В статье от 29 марта 1915 года «Что доказал суд над РСДР Фракцией?»¹ Ильич писал:

«Факты говорят, что первые же месяцы после войны сознательный авангард рабочих России *на деле* сплотился вокруг ЦК и ЦО. Как бы ни был неприятен тем или иным «фракциям» этот факт, — он неопровержим. Цитируемые в обвинительном акте слова: «Необходимо направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран» — эти слова, благодаря суду, разнесут и разнесли уже по России призыв к пролетарскому интернационализму, к пролетарской революции. Классовый лозунг авангарда рабочих России дошел теперь до самых широких масс благодаря суду.

Повальный шовинизм буржуазии и одной части мелкой буржуазии, колебания другой части и такой призыв рабочего класса — вот фактическая, объективная картина наших политических делений. С этой фактической картиной, а не с благопожеланиями интеллигентов и основателей группок надо сочетать свои «виды», надежды, лозунги.

Правдивистские газеты и работа «мурановского типа»² создали единство $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России. Около 40 000 рабочих покупали «Правду»; много больше читало ее. Пусть даже впятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя *нельзя*. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом. Он *один* стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплуатируемых, угнетенных. Он *один* устоял в общем развале. Он один ведет полупролетарские слои от социал-шовинизма кадетов, трудовиков, Плеханова, «Нашей Зари» к социализму. Его существование, его идеи, его работу, его обращение к «братству наемных рабов других стран» показал всей России суд над РСДР Фракцией.

С этим слоем надо работать, его единство против социал-шовинистов надо отстоять, по этому единственному пути может развиваться рабочее движение России в направлении к социальной революции, а не к национально-либеральному «европейскому» типу»³.

Жизнь очень скоро показала, как прав был Ленин. Ильич не покладая рук работал над делом пропаганды идей интернационализма, над разоблачением социал-шовинизма во всех его многообразных формах.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 168—176. *Ред.*

² Муранов на суде сделал заявление, что он организовал рабочих вокруг партии под лозунгами ЦК партии и развернул картину использования парламента в революционных целях. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 175—176. *Ред.*

После смерти матери у меня сделался рецидив базедовой болезни, и доктора направили меня в горы. Ильич разыскал по публикации дешевый пансион в немодной местности, у подножия Ротхорна, в Зёренберге, в отеле «Мариенталь», и мы прожили там все лето.

Незадолго до отъезда приехали в Берн «японцы» (т.т. Бош и Пятаков) с проектом создать за границей толстый нелегальный журнал, где можно было бы обстоятельно обсуждать все наиболее важные вопросы. «Коммунист» должен был выходить под редакцией ЦО, дополненной П. и Н. Киевскими (т.т. Бош и Пятаковым). На этом сговорились. Летом Ильич написал для «Коммуниста» большую статью «Крах II Интернационала»¹, летом же в связи с подготовкой конференции интернационалистов Ильич вместе с Зиновьевым подготовили брошюру «Социализм и война»².

В Зёренберге устроились мы очень хорошо, кругом был лес, высокие горы, наверху Ротхорна даже лежал снег. Почта ходила со швейцарской точностью. Оказалось, в такой глухой горной деревушке, как Зёренберг, можно было бесплатно получать любую книжку из бернских или цюрихских библиотек. Пошлешь открытку в библиотеку с адресом и просьбой прислать такую-то книгу. Никто не спрашивает тебя ни о чем, никаких удостоверений, никаких поручительств о том, что ты книгу не зажилишь, — полная противоположность бюрократической Франции. Книжку, обернутую в папку, получаешь через два дня, бечевкой привязан билет из папки, на одной его стороне надписан адрес запросившего книгу, на другой — адрес библиотеки, пославшей книгу. Это создавало возможность заниматься в самой глуши. Ильич всячески выхвалял швейцарскую культуру. В Зёренберге заниматься было очень хорошо. Через некоторое время к нам туда приехала Инесса. Вставали рано и до обеда, который давался, как во всей Швейцарии, в 12 часов, занимался каждый из нас в своем углу в саду. Инесса часто играла в эти часы на рояле, и особенно хорошо занималось под звуки доносившейся музыки. После обеда уходили иногда на весь день в горы. Ильич очень любил горы, любил под вечер забираться на отроги Ротхорна, когда наверху чудесный вид, а под ногами розовеющий туман, или бродить по Штраттенфлу — такая гора была километрах в двух от нас, «проклятые шаги» — переводили мы. Нельзя было никак взобраться на ее плоскую широкую вершину — гора вся была покрыта какими-то изъеденными весенними ручьями камнями. На Ротхорн взбирались редко, хотя оттуда открывался чудесный вид на Альпы. Ложились спать с петухами, набирали альпийских роз, ягод, все были отчаянными грибниками — грибов белых было уйма, но наряду с

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 209—265. *Ред.*

² См. там же, с. 307—350. *Ред.*

ними много всякой другой грибной поросли, и мы так азартно спорили, определяя сорта, что можно было подумать — дело идет о какой-нибудь принципиальной резолюции.

В Германии начала разгораться борьба. В апреле вышел журнал, основанный Розой Люксембург и Францем Мерингом, «Интернационал» и тотчас же был закрыт. Вышла брошюра Юниуса (Розы Люксембург) «Кризис германской социал-демократии». Вышло воззвание германских левых социал-демократов, написанное Карлом Либкнехтом, — «Главный враг в собственной стране», а в начале июня К. Либкнехтом и Дункером было составлено «Открытое письмо Центральному комитету социал-демократической партии и фракции рейхстага» с протестом против отношения социал-демократического большинства к войне. Это «Открытое письмо» было подписано тысячью должностных лиц партии.

Видя рост влияния левых социал-демократов, Центральный комитет социал-демократической партии Германии решил пойти наперерез и, с одной стороны, выпустил манифест за подписями Каутского, Гаазе и Бернштейна против аннексий и с призывом к единству партии, а с другой — выступил от своего имени и имени фракции рейхстага против левой оппозиции.

В Швейцарии Роберт Гримм созвал на 11 июля в Берне предварительное совещание по вопросу о подготовке международной конференции левых. На совещании было 7 человек (Гримм, Зиновьев, П. Б. Аксельрод, Варский, Валецкий, Балабанова, Моргари). По существу дела, кроме Зиновьева, настоящих левых на этом предварительном совещании не было, и впечатление от всех разговоров получалось такое, что всерьез никто из участников не хотел созывать конференции левых.

Владимир Ильич очень волновался и усиленно писал во все концы — Зиновьеву, Радеку, Берзину, Коллонтай, лозаннским товарищам, заботясь о том, чтобы на предстоящей конференции были обеспечены места подлинно левым, заботясь о том, чтобы между левыми было как можно больше сплоченности. К половине августа у большевиков были составлены уже: 1) манифест, 2) резолюции, 3) проект декларации, которые посылались наиболее левым товарищам на обсуждение. К октябрю была переведена уже на немецкий язык брошюра Ленина и Зиновьева «Социализм и война».

Конференция состоялась 5—8 сентября в Циммервальде; на ней были делегаты от 11 стран (всего 38 человек). К так называемой Циммервальдской левой примыкали только 9 человек (Ленин, Зиновьев, Берзин, Хёглунд, Нерман, Радек, Борхардт, Платтен, после конференции примкнула Роланд-Гольст). На конференции от русских были еще Троцкий, Аксельрод, Ю. Мартов, Натансон, Чернов, один бундовец. Троцкий к левым циммервальдистам не примыкал.

Владимир Ильич поехал на конференцию раньше и 4-го сделал на частном совещании доклад о характере войны и о тактике, которая должна быть применяема международной конференцией. Споры шли вокруг вопроса о манифесте. Левые внесли свой проект манифеста и проект резолюции о войне и задачах социал-демократов. Большинство отклонило проект левых и приняло гораздо более расплывчатый, гораздо менее боевой манифест. Левые подписали общий манифест. В статье «Первый шаг» Владимир Ильич дает оценку Циммервальду:

«Следовало ли нашему Центральному Комитету подписывать страдающий непоследовательностью и робостью манифест? — спрашивает Ильич и отвечает: — Мы думаем, что да. О нашем несогласии, — о несогласии не только Центрального Комитета, но всей левой, *международной, революционно-марксистской* части конференции, — сказано открыто и в особой резолюции, и в особом проекте манифеста, и в особом заявлении по поводу голосования за компромиссный манифест. Мы не скрывали ни йоты из своих взглядов, лозунгов, тактики. На конференции было роздано немецкое издание брошюры «Социализм и война». Мы распространили, распространяем и будем распространять наши взгляды не менее, чем будет распространяться манифест. Что этот манифест делает *шаг вперед* к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним, это факт. Было бы сектантством отказываться сделать этот шаг вперед *вместе* с меньшинством немцев, французов, шведов, норвежцев, швейцарцев, когда мы сохраняем полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего»¹. На Циммервальдской конференции левые организовали свое бюро и вообще оформились как особая группа.

Хоть и писал Владимир Ильич перед Циммервальдской конференцией, что надо преподнести каутскианцам наш проект резолюции: «... (голландцы + мы + левые немцы + 0, и то не беда, а будет *потом* не ноль, а все!)»², но все же темпы продвижения вперед были очень уже медленны, и плохо мирился с этим Ильич. Статья «Первый шаг» начинается именно подчеркиванием медленного темпа развития революционного движения: «Медленно движется вперед развитие интернационального социалистического движения в эпоху невероятно тяжелого кризиса, вызванного войной»³. И приехал поэтому Ильич с Циммервальдской конференции порядочно-таки нервным.

На другой день по приезде Ильича из Циммервальда полезли мы на Ротхорн. Лезли с «великаторжественным аппетитом», но когда влезли на верх, Ильич вдруг лег на землю, как-то очень

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 41. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 82. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 37. *Ред.*

неудобно, чуть не на снег, и заснул. Набежали тучи, потом провались, чудесный вид на Альпы раскрылся с Ротгорна, а Ильич спит, как убитый, не шевельнется, больше часу проспал. Циммервальд, видно, здорово ему нервы потрепал, отнял порядочно сил.

Надо было несколько дней ходьбы по горам и зёренбергской обстановки, чтобы Ильич пришел в себя. Коллонтай ехала в Америку, и Ильич писал ей о необходимости сделать все возможное, чтобы сплотить американские левые интернационалистские элементы¹. В начале октября мы вернулись в Берн. Ильич ездил с рефератом о Циммервальдской конференции в Женеву, продолжал списываться с Коллонтай об американцах и т. д.

Осень была душноватая. Берн — город административно-учебного характера по преимуществу. В нем много хороших библиотек, много ученых сил, но вся жизнь насквозь пропитана каким-то мелкобуржуазным духом. Берн очень «демократичен» — жена главного должностного лица республики трясет каждый день с балкончика ковры, но эти ковры, домашний уют засасывают бернскую женщину до последних пределов. Мы наняли было осенью комнату с электричеством и перевезли туда свой чемодан, книги, и когда в день переезда зашли к нам Шкловские, я стала показывать, как электричество чудесно горит, но ушли Шкловские, и к нам с шумом влетела хозяйка и потребовала, чтобы мы на другой же день съехали с квартиры, так как она не позволит у себя в квартире днем зажигать электричество. Мы решили, что у ней не все дома, наняли другую комнату, поскромнее, без электричества, куда и переехали на другой день. В Швейцарии повсюду царило ярко выраженное мещанство. Приехала как-то в Берн русская группа, игравшая на немецком языке; ставили пьесу Л. Толстого «Живой труп». Мы тоже пошли. Играли очень хорошо. Ильича, который непа-видел до глубины души всякое мещанство, условность, эта пьеса чрезвычайно разволновала. Потом он хотел еще раз пойти ее смотреть. Вообще русским она очень нравилась. Пьеса понравилась и швейцарцам. Но чем понравилась пьеса им — им ужасно жаль было жены Протасова, они принимали к сердцу ее участь. «Такой непутевый муж ей попался, а ведь люди они были богатые, с положением, как счастливо могли бы жить. Бедная Лиза!»

Осень 1915 года мы усерднее, чем когда-либо, сидели в библиотеках, ходили по обыкновению гулять, но все это не могло стереть ощущения запертости в этой мещанской демократической клетке. Там где-то нарастает революционная борьба, кипит жизнь, но все это далеко.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 138—139. *Ред.*

В Берне можно было сделать очень мало для завязывания непосредственных связей с левыми. Помню, как Инесса ездила во французскую Швейцарию завязывать связи с швейцарскими левыми, Нэнном и Грабером. Никак не могла добиться с ними свидания, все оказывалось то Нэн рыбу удит, то Грабер занят домашними делами. «Отец сегодня занят, у нас стирка, он белье развешивает», — почтительно сообщила маленькая дочь Грабера Инессе. Удить рыбу, развешивать белье — дело не плохое, и Ильич не раз кастрюлю с молоком сторожил, чтобы молоко не убежало, но когда белье и удочки мешали поговорить о самом нужном, об организации левых, не очень это было ладно. Теперь Инесса достала себе чужой паспорт и поехала в Париж. Вернувшись из Циммервальда, Мергейм и Бурдерон основали в Париже Комитет по восстановлению международных связей; от большевиков туда входила Инесса. Ей много пришлось бороться там за левую линию, которая в конце концов победила. Инесса подробно писала о своей работе Владимиру Ильичу:

«Дорогой Владимир Ильич, — пишет Инесса в открытке от 25 января 1916 года, — спасибо Вам за письмо — оно меня очень успокоило и ободрило. Я как раз была в этот день расстроена неудачей с Мергеймом. Теперь, когда вы пишете об отказе Троцкого участвовать в голландском журнале, я лучше объясняю себе и отказ Мергейма принимать в нем участие — очевидно, одно связано с другим. Ваше письмо еще потому было как нельзя более кстати, что оно окончательно укрепило ту точку зрения, которую и я себе составила о характере работы, но немного колебалась. В общем, живу здесь хорошо. Устаю, правда, здорово, утомляют дела, и, например, сегодня ждала свиданья 4 часа. Зато добилась наконец билета в национальную библиотеку и получила еще много сведений о том, как там ходить в каталогах, и прочие необходимые сведения. Ну, всего лучшего. Жму руку».

Одновременно с этим письмом в корешке книги Инесса посылает подробное описание своей дальнейшей работы. Вот оно:

«Дорогие друзья, посылаю только несколько слов, так как очень мало времени. С тех пор, как писала, было два собрания «комитета действия» — на одном обсуждался призыв (о том, что «меньшинство» французской партии идет с немецким «меньшинством», а не с «большинством», о восстановлении Интернационала). Проект Троцкого был отвергнут и заменен проектом Мергейма, в котором не сказано о восстановлении, а сказано лишь, что «Интернационал должен базироваться на классовой борьбе, на борьбе против империализма, на борьбе за мир. К такому Интернационалу мы присоединяемся». Затем сказано, что Интернационал, который не зиждился бы на этих базисах, был бы обманом пролетариата. Я предлагаю несколько поправок — о борьбе против социал-шовинистов (мне ответили, что вставят

в конце), о том, что Интернационал борется против империализма (было принято) и наконец высказалась против: «мы присоединимся к подобному Интернационалу», предлагала сказать: «мы перестроим Интернационал на базисе и т. д.». За это «перестроим» на меня обрушились Мергейм и Бурдерон. Мергейм мне сказал, что мы — гедисты (старые приемы), что мы мыслим отвлеченно, не считаемся с обстоятельствами, что во Франции социалисты не хотят слышать о расколе и т. д. Я ему ответила, что гедист старой манеры был вовсе не так уж плох, что сейчас именно наша тактика жива и жизненна, так как можно объединить вокруг себя пролетарские силы только тем, что ярко и определенно противопоставить свою точку зрения точке зрения шовинистов; что измена вождей вызвала недоверие и разочарование; что многие рабочие на фабриках, читая нашу брошюру, говорили: «Это очень хорошо, но социалистов больше нет»; что мы должны нести в массы добрую весть, что социалисты есть, мы можем это сделать, только порвав окончательно с шовинистами».

Далее Инесса рассказывает в письме о работе с молодежью, о плане издания листков, о связях с механиками, портными, землекопами и другими секциями синдикалистов (профсоюзов) и т. д. Много работала Инесса и в нашей Парижской группе, виделась с членом группы Сапожковым, ушедшим сначала добровольцем на фронт, а теперь разделявшим взгляды большевиков и начавшим пропаганду среди французских солдат.

Тов. Шкловский организовал небольшую химическую лабораторию, и наша публика, Каспаров, Зиновьев, работали там для заработка. Зиновьев задумчиво поглядывал на трубки и колбы, которые теперь появились во всех квартирах.

В Берне работа возможна была главным образом теоретическая. За год войны очень многое стало яснее. Очень характерна, например, была постановка вопроса о Соединенных Штатах Европы. В декларации ЦК, напечатанной 1 ноября 1914 года в ЦО, говорилось:

«Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, причем в отличие от буржуазии, которая готова «обещать» что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будут разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской»¹. В марте, во время конференции заграничных секций, этот лозунг вызвал уже большие споры. В отчете о конференции сказано: «...по вопросу о лозунге «Соединенных Штатов Европы» дискуссия приняла односторонне политический характер, и вопрос решено было отложить до обсуждения в печати *экономической* стороны дела»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 21. *Ред.*

² Там же, с. 161. *Ред.*

Вопрос об империализме, его экономической сущности, об эксплуатации мощными капиталистическими государствами более слабых, об эксплуатации колоний встал во весь рост. Поэтому ЦО пришел к выводу: «С точки зрения экономических условий империализма, т. е. вывоза капитала и раздела мира «передовыми» и «цивилизованными» колониальными державами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны...

Соединенные Штаты Европы, при капитализме, равняются соглашению о дележе колоний»¹.

Но, может быть, можно было выставить другой лозунг, лозунг Соединенных Штатов мира? Вот что писал по этому поводу Ильич:

«Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, — пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства. Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные Штаты мира был бы, однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным»². Эта статья очень хорошо вскрывает ход мыслей Ильича в конце 1915 года. Ясно, что мысль его была направлена по линии все более глубокого изучения экономических корней мировой войны, т. е. империализма, с одной стороны, с другой стороны — по линии выявления путей, по которым пойдет мировая борьба за социализм.

Над этими вопросами и работал Владимир Ильич конец 1915 и 1916 год, собирая материал для своей брошюры «Империализм, как высшая стадия капитализма»³ и вновь и вновь перечитывая Маркса и Энгельса, чтобы яснее представить себе эпоху социалистической революции, ее пути и развитие.

ЦЮРИХ

1916 год

С января 1916 года Владимир Ильич взялся за писание брошюры об империализме для книгоиздательства «Парус». Этому вопросу Ильич придавал громадное значение, считая, что настоящей глубокой оценки происходящей войны нельзя дать, не выяснив до конца сущности империализма как с его экономиче-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 352, 353. *Ред.*

² Там же, с. 354. *Ред.*

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 299—426. *Ред.*

ской, так и политической стороны. Поэтому он охотно взялся за эту работу. В половине февраля Ильичу понадобилось поработать в цюрихских библиотеках, и мы поехали туда на пару недель, а потом все откладывали да откладывали свое возвращение в Берн да так и остались жить в Цюрихе, который был поживееерна. В Цюрихе было много иностранной революционно настроенной молодежи, была рабочая публика, социал-демократическая партия была более лево настроена и как-то меньше чувствовался дух мещанства.

Пошли нанимать комнату. Зашли к некоей ф́рау Прелог, скорее напоминавшей жительницу Вены, чем швейцарку, что объяснялось тем, что она долго служила поварихой в какой-то венской гостинице. Устроились было мы у ней, но на другой день выяснилось, что возвращается прежний жилец. Ему кто-то пробил голову, и он лежал в больнице, а теперь выздоровел. Ф́рау Прелог попросила нас найти себе другую комнату, но предложила нам приходить к ней кормиться за довольно дешевую плату. Мы кормились, должно быть, там месяца два; кормили нас просто, но сытно. Ильичу нравилось, что все было просто, что кофе давали в чашке с отбитой ручкой, что кормились в кухне, что разговоры были простые — не о еде, не о том, что столько-то картошек надо класть в такой-то суп, а о делах, интересовавших столовников ф́рау Прелог. Правда, их было не очень много и они часто менялись. Очень скоро мы почувствовали, что попали в очень своеобразную среду, в самое что ни на есть цюрихское «дно». Одно время обедала у Прелог какая-то проститутка, которая, не скрывая, говорила о своей профессии, но которую гораздо больше, чем ее профессия, занимало то здоровье ее матери, то какую работу найдет ее сестра. Столовалась несколько дней какая-то сиделка, стали появляться еще какие-то столовники. Жилец ф́рау Прелог больше помалкивал, но из отдельных ф́раз явствовало, что это тип почти что уголовный. Нас никто не стеснялся, и, надо сказать, в разговорах этой публики было гораздо более человеческого, живого, чем в чинных столовых какого-нибудь приличного отеля, где собирались состоятельные люди.

Я торопила Ильича перейти на домашний стол, ибо публика была такая, что легко можно было влипнуть в какую-нибудь дикую историю. Все же некоторые черты цюрихского «дна» были небезынтересны.

Потом, когда я читала сборник Джона Рида «Дочь революции», мне особенно понравилось, что Рид рисовал проституток не с точки зрения их профессии или вопросов любви, а с точки зрения других их интересов. Обычно, когда рисуют «дно», мало обращают внимание на быт.

Когда мы потом в России смотрели с Ильичем постановку «На дне» Горького в Художественном театре — а Владимиру

Ильичу очень хотелось посмотреть эту пьесу, — ему ужасно не понравилась «театральность» постановки, отсутствие тех бытовых мелочей, которые, как говорится, «делают музыку», рисуют обстановку во всей ее конкретности.

Потом все время, встречаясь на улице с фрау Прелог, Ильич всегда ее дружески приветствовал. А встречались мы с ней хронически, ибо поселились неподалеку, в узком переулочке, в семье сапожника Каммерера. Комната была не очень целесообразная. Старый мрачный дом, стройки чуть ли не XVI века, двор вонючий. Можно было за те же деньги получить гораздо лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами. Семья была рабочая, они были революционно настроены, осуждали империалистскую войну. Квартира была поистине интернациональная: в двух комнатах жили хозяева, в одной — жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой — какой-то итальянец, в третьей — австрийские актеры с изумительной рыжей кошкой, в четвертой — мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло, и однажды, когда около газовой плиты собрался целый женский интернационал, фрау Каммерер возмущенно воскликнула: «Солдатам нужно обратить оружие против своих правительств!» После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату. От фрау Каммерер я многому научилась: как дешево, с минимальной затратой времени, сытно варить обед и ужин. Училась и другому. Однажды в газетах было объявлено, что Швейцария испытывает затруднение во ввозе мяса, и потому правительство обращается к гражданам с призывом два раза в неделю не потреблять мяса. Мясные лавки продолжали торговать в «постные» дни. Я закупила к обеду мясо, как всегда, и, стоя у газовой, стала расспрашивать фрау Каммерер, как же проверяют, выполняют ли граждане призыв, — контролеры что ли какие по домам ходят? «Зачем же проверять? — удивилась фрау Каммерер. — Раз опубликовано, что существуют затруднения, какой же рабочий человек станет есть мясо в «постные» дни, разве буржуй какой?» И, видя мое смущение, она мягко добавила: «К иностранцам это не относится». Этот пролетарский, сознательный подход чрезвычайно пленил Ильича.

Просматривая свои письма к Шляпникову за этот период, я нашла письмо от 8 апреля 1916 года. Оно характеризует тогдашние настроения. «Дорогой друг, — писала я, — пришло Ваше письмо от 3 апреля и немножко отлегло, а то тяжело как-то было читать Ваши раздраженные письма с обещанием уехать в Америку, с готовностью обвинить невесть в чем. Переписка — отвратительная вещь, недоразумения так и нарастают одно за другим... В пропавшем письме я писала подробно, почему нельзя гадить Григория ни в Россию, ни в Ваши края. Он очень близко принял к сердцу Ваш упрек, что он не переехал в Стокгольм. Нельзя разорять редакцию ЦО и вообще заграничную базу. Сей-

час более, чем когда-нибудь, ЦО зубами отвоевал не одну позицию во время войны. Его редакция сыграла не малую роль в Интернационале. Это уже приходится прямо сказать, откинув в сторону излишнюю скромность. «Коммунист» тоже не вышел бы без редакции Центрального Органа. Стоил он не мало разговоров, забот, треволений. Еще больше — «Vorbote»¹ (орган Циммервальдской левой). Если разорить редакцию, некому вести будет работу. Подобрать новую редакцию — не так-то легко. Вон, Николая Ивановича тянули всячески, говорили о его переезде в Краков, потом в Берн. Ничего нельзя было сделать. И двух-то человек мало, а Вы хотите одного взять. Разорите заграничную базу — и переправлять нечего будет. Иногда Григорию до черта надоедает заграничное житье, и он начинает метаться. А Вы подливаете масла в огонь своими упреками. Если смотреть на дело с точки зрения полезности всей работы в целом, Григория нельзя трогать. Стоял вопрос о переезде всей редакции, но встал вопрос о деньгах, о международном влиянии, о полицейских соображениях. О деньгах ставили японцам прямо вопрос, они сказали: у них нет. В Стокгольме жизнь гораздо дороже; тут Григорий служит в лаборатории, есть библиотеки и следовательно возможность хоть кое-что заработать литературно. В ближайшем будущем для всех нас и тут вопрос о зарботке встанет очень остро».

«Насчет увлечения Ильича эмигрантскими делами упрек неоснователен. Эмигрантскими делами он совершенно не занимается. Приходится заниматься интернациональными делами больше, чем раньше, но это необходимо. Увлечен он, правда, теперь очень «самоопределением наций». И, по-моему, если хотеть его хорошенько «использовать», надо настоять на том, чтобы он написал популярную брошюру на эту тему. Вопрос этот менее всего академичен в настоящее время. Вопрос этот очень запутан в международной социал-демократии, но из-за этого его нельзя отодвигать. Этой зимой тут были дискуссии на эту тему с Радеком. Мне лично они очень много дали» — и дальше я на нескольких страницах излагаю содержание этих дискуссий, излагаю точку зрения Ильича.

Жили мы в Цюрихе, как выражался Ильич в одном из писем домой, «потихоньку», немного в стороне от местной колонии, регулярно и много занимаясь в библиотеках². После обеда каждый день забегал к нам на полчаса возращавшийся из эмигрантской столовой молодой товарищ Гриша Усиевич, погибший в 1919 году во время гражданской войны. По утрам одно время к нам стал приходиться племянник Землячки, сошедший с ума на почве голода. Он ходил до такой степени оборванным и забрыз-

¹ «Предвестник». *Ред.*

² См. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 55, с. 366. *Ред.*

ганным грязью, что его перестали пускать в швейцарские библиотеки. Он старался заставить Ильича до его ухода в библиотеку, утверждая, что ему нужно обсудить с Ильичем какие-то принципиальные вопросы, и порядком трепал нервы Ильичу.

Мы стали уходить из дому пораньше, чтобы походить до библиотеки еще вдоль озера и поразговаривать немного. Ильич рассказывал о своей работе, которую он писал, и о разных своих мыслях.

Из Цюрихской группы мы чаще всего виделись с Усневичем и Харитоновым. Помню еще Дядю Ваню — Авдеева, рабочего-металлиста, и Туркина, уральского рабочего, Бойцова, который потом работал в Главполитпросвете. Помню также (фамилию забыла) рабочего-болгарина¹. Большинство товарищей из нашей Цюрихской группы работало на заводах; все были очень заняты, собрания группы были сравнительно редки. Зато у членов нашей группы были хорошие связи с цюрихскими рабочими; они стояли ближе к местной жизни рабочих, чем это было в других швейцарских городах (за исключением Шо-де-Фон, где наша группа еще теснее была связана с рабочей массой).

Во главе цюрихского швейцарского движения стоял Фриц Платтен; он был секретарем партии. Он примыкал к Циммервальдской левой, был сыном рабочего, был простым горячим парнем, пользовался большим влиянием в массах. Примкнул к Циммервальдской левой и редактор партийной цюрихской газеты «Volksrecht» («Право народа») Нобс. Рабочая эмигрантская молодежь — ее было много в Цюрихе — во главе с Вилли Мюнценбергом была очень активна, поддерживала левых. Все это создавало известную близость к швейцарскому рабочему движению. Некоторым товарищам, не бывшим в эмиграции, кажется теперь, что Ленин возлагал особые надежды на швейцарское движение и считал, что Швейцария может стать чуть ли не центром грядущей социальной революции.

Это, конечно, не так. В Швейцарии не было сильного рабочего класса, это — страна курортная по преимуществу, страна маленькая, питающаяся от крох сильных капиталистических стран. Рабочие в Швейцарии были в общем и целом мало революционны. Демократизм и удачное разрешение национального вопроса не были еще условием, достаточным для того, чтобы Швейцария стала очагом социальной революции.

Конечно, из этого не следовало, что не надо было вести в Швейцарии интернациональную пропаганду, помогать революционизированию швейцарского рабочего движения и партии, ибо если бы Швейцария оказалась втянутой в войну, ситуация быстро могла бы измениться.

¹ Имеется в виду С. Л. Гольдштейн. *Ред.*

Ильич читал перед швейцарскими рабочими рефераты, держал тесную связь с Платтенем, Нобсом, Мюнценбергом. Наша Цюрихская группа плюс несколько поляков (тогда в Цюрихе жил т. Бронский) задумала устраивать совместные заседания с цюрихской швейцарской организацией. Стали собираться в небольшом кафе «Zum Adler», неподалеку от нашего дома. На первое собрание пришло что-то около 40 человек. Ильич говорил о текущем моменте, ставил вопросы со всей остротой. Хотя собрались все интернационалисты, швейцарцев очень смутила резкая постановка вопроса. Помню речь одного представителя швейцарской молодежи, говорившего на тему, что лбом стену не пробьешь. Факт тот, что наши собрания стали таять, и на четвертое собрание явились только русские и поляки, пошутили и разошлись по домам.

Первые месяцы нашего житья в Цюрихе Владимир Ильич работал главным образом над брошюрой об империализме. Он был очень увлечен этой работой, делал очень много выписок. Особо его интересовали колонии; у него был собран богатейший материал, помню, и меня он засадил за какие-то переводы с английского о каких-то африканских колониях. Он много рассказывал очень интересного. Потом, когда я перечитывала его «Империализм», он мне показался гораздо суше, чем были его рассказы. Изучил он экономическую жизнь Европы, Америки и пр., что говорится, на «ять». Но интересовал его, конечно, не только экономический уклад, но и те политические формы, которые соответствовали этому укладу, влияние их на массы. К июлю брошюра была кончена. 24—30 апреля 1916 года состоялась II Циммервальдская (так называемая Кинтальская) конференция. 8 месяцев прошло за время, протекшее с первой конференцией, 8 месяцев все шире и шире развертывавшейся империалистской войны, но лицо Кинтальской конференции не так уже разительно отличалось от I Циммервальдской конференции. Публика стала немного радикальнее. Циммервальдская левая имела не 8, а 12 делегатов, резолюции конференции представляли известный шаг вперед. Конференция решительно осудила Международное социалистическое бюро; она приняла резолюцию о мире, в которой говорилось:

«На почве капиталистического общества невозможно установить прочного мира; условия, необходимые для его осуществления, создает *социализм*. Устранив капиталистическую частную собственность и тем самым эксплуатацию народных масс имущими классами и национальный гнет, социализм устранил и причины войн. Поэтому борьба за прочный мир может заключаться лишь в борьбе за осуществление социализма»¹. За распространение этого манифеста в траншеях в мае было расстре-

¹ Ленин В. И. Соч., изд. 3-е, т. XIX. Приложения, с. 434. Ред.

ляно в Германии 3 офицера и 32 солдата. Германское правительство больше всего боялось революционизирования масс.

В своих предложениях Кинтальской конференции ЦК РСДРП обращал внимание именно на необходимость революционизирования масс. Там говорилось:

«Недостаточно того, что Циммервальдский манифест намекает на революцию, говоря, что рабочие должны нести жертвы ради своего, а не чужого дела. Необходимо ясно и определенно указать массам их путь. Надо, чтобы массы знали, куда и зачем идти. Что массовые революционные действия во время войны, при условии их успешного развития, могут привести лишь к превращению империалистской войны в гражданскую войну за социализм, это очевидно, и скрывать это от масс вредно. Напротив, эту цель надо указать ясно, как бы трудно ни казалось достижение ее, когда мы находимся только в начале пути. Недостаточно сказать, как сказано в Циммервальдском манифесте, что «капиталисты лгут, говоря о защите отечества» в данной войне, и что рабочие в революционной борьбе не должны считаться с военным положением своей страны; надо сказать ясно то, что здесь выражено намеком, именно что не только капиталисты, но и социал-шовинисты и каутскианцы лгут, когда допускают применение понятия защиты отечества в данной, империалистской, войне; — что революционные действия во время войны невозможны без угрозы поражением «своему» правительству и что всякое поражение правительства в реакционной войне облегчает революцию, которая одна в состоянии принести прочный и демократический мир. Необходимо наконец сказать массам, что без создания ими самими нелегальных организаций и свободной от военной цензуры, т. е. нелегальной, печати немислима серьезная поддержка начинающейся революционной борьбы, ее развитие, критика ее отдельных шагов, исправление ее ошибок, систематическое расширение и обострение ее»¹.

В этом предложении ЦК очень ярко выражено отношение большевиков и Ильича к массам — массам надо всегда говорить всю правду до конца, правду неприкрашенную, не боясь того, что эта правда отпугнет их. На массы возлагали большевики все свои надежды, массы — и только они — добьются социализма.

В письме к Шляпникову от 1 июня я писала: «Насчет Кинталя Григорий увлекается очень. Конечно, могу судить только по рассказам, но много словесности очень уж и нет внутреннего единства, того единства, которое служило бы порукой прочности дела. Видно, что с низов еще не «прет», как выражался Бадаич, разве вот у немцев это несколько чувствуется».

Изучение экономики империализма, разбор всех составных частей этого «ящика скоростей», охват всей мировой картины

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 290—291. *Ред.*

идущего к гибели империализма — этой последней ступени капитализма — дали возможность Ильичу по-новому поставить целый ряд политических вопросов, гораздо глубже подойти к вопросу о том, в каких формах будет протекать борьба за социализм вообще и в России в частности. Многие хотелось Ильичу додумать до конца, дать своим мыслям дозреть, и потому мы решили поехать в горы, да и мне было необходимо это, потому, что никак не могла утихомириться моя базедка. Одна управа была на нее — горы. Мы поехали на шесть недель в кантон Сен-Галлен, неподалеку от Цюриха, в дикие горы, в дом отдыха Чудивизе, очень высоко, совсем близко к снеговым вершинам. Дом отдыха был самый дешевый, 2½ франка в день с человека. Правда, это был «молочный» дом отдыха — утром давали кофе с молоком и хлеб с маслом и сыром, но без сахара, в обед — молочный суп, что-нибудь из творога и молока на третье, в 4 часа опять кофе с молоком, вечером еще что-то молочное. Первые дни мы прямо взвыли от этого молочного лечения, но потом дополняли его едой малины и черники, которые росли кругом в громадном количестве. Комната наша была чиста, освещенная электричеством, безобстановочная, убирать ее надо было самим, и сапоги надо было чистить самим. Последнюю функцию взял на себя, подражая швейцарцам, Владимир Ильич и каждое утро забирал мои и свои горные сапоги и отправлялся с ними под навес, где полагалось чистить сапоги, пересмеивался с другими чистильщиками и так усердствовал, что раз даже при общем хохоте смахнул стоявшую тут же плетеную корзину с целой кучей пустых пивных бутылок. Публика была демократическая. В доме отдыха, где цена за содержание 2½ франка с человека, «порядочная» публика не селилась. В некотором отношении этот дом отдыха напоминал французский Бомбон, но публика была попроще, победнее, с швейцарским демократическим налетом. По вечерам хозяйский сын играл на гармонии и отдыхающие плясали вволю, часов до одиннадцати раздавался топот пляшущих. Чудивизе было километрах в восьми от станции, сообщение возможно было лишь на ослах, дорога шла тропинками по горам, все ходили пешком, и вот почти каждое утро, часов в шесть утра, начинал названивать колокол, собиралась публика провожать уходящих и пели какую-то прощальную песню про кукушку какую-то. Каждый куплет кончался словами: «Прощай, кукушка». Владимир Ильич, любивший утром поспать, ворчал и плотнее закутывался в одеяло с головой. Публика была архаическая. Даже на тему о войне никогда не заходили разговоры. В числе отдыхающих был солдат. У него были не особенно крепкие легкие, и потому начальство послало его на военный счет лечиться в молочную санаторию. В Швейцарии военные власти очень заботятся о солдатах (в Швейцарии не постоянное войско, а милиция). Парень был довольно славный.

Владимир Ильич ходил около него, как кот около сала, заводил с ним несколько раз разговор о грабительском характере происходящей войны, парень не возражал, но явно не клевало. Видно было, что его весьма мало интересуют политические вопросы, гораздо больше — времяпрепровождение в Чудивизе.

В Чудивизе к нам никто не приезжал, русских там никаких не жило, и мы жили оторванные от всех дел, шатались по горам целыми днями. В Чудивизе Ильич не занимался вовсе. Гуляя по горам, он много говорил о занимавших его вопросах, о роли демократии, о положительных и отрицательных сторонах швейцарской демократии, говорил, часто повторяя одну и ту же мысль отдельными фразами; видно было, что эти вопросы сугубо занимали его. Вторую половину июля и август мы прожили в горах. Когда мы уезжали, и нас санаторы провожали, как всех, пением: «Прощай, кукушка». Спускаясь вниз через лес, Владимир Ильич вдруг увидел белые грибы и, несмотря на то что шел дождь, принялся с азартом за их сбор, точно левых циммервальдцев вербовал. Мы вымокли до костей, но грибов набрали целый мешок. Запоздали, конечно, к поезду, и пришлось часа два сидеть на станции в ожидании следующего поезда.

По приезде в Цюрих мы опять поселились у тех же хозяев, на Шпигельгассе.

За время пребывания в Чудивизе Владимир Ильич со всех сторон обдумал план работы на ближайшее время. Первое, что важно было, особенно в данный момент, это — теоретическая спевка, установление четкой теоретической линии. Были разногласия с Розой Люксембург, Радеком, голландцами, с Бухариным, Пятаковым, отчасти с Коллонтай. Наиболее резкие разногласия были с Пятаковым (П. Киевским), который написал в августе статью «Пролетариат и право наций на самоопределение». Прочитав ее в рукописи, Ильич засел сейчас же строчить ему ответ — целую брошюру «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»¹. Брошюра написана в очень сердитых тонах и именно потому, что к этому времени у Ильича уже выработывался очень ясный, определенный взгляд на соотношение между экономикой и политикой в эпоху борьбы за социализм. Недооценку политической борьбы в эту эпоху он характеризовал как «империалистический экономизм». «Капитализм победил, — писал Ильич, — *поэтому* не нужно думать над политическими вопросами, рассуждали старые «экономисты» в 1894—1901 годах, доходя до отрицания политической борьбы в России. Империализм победил, — *поэтому* не нужно думать о вопросах политической демократии, рассуждают современные «империалистические экономисты»².

Игнорирование роли демократии в борьбе за социализм было

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 77—130. *Ред.*

² Там же, с. 78. *Ред.*

недопустимо. «Социализм невозможен без демократии в двух смыслах,— писал Владимир Ильич в той же брошюре,— (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготавливается к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии»¹.

Эти слова Владимира Ильича полностью оправдались вскоре на русском опыте. Февральская революция и последующая борьба за демократию подготовили Октябрь. Неустанное расширение и укрепление Советов, советской системы реорганизует и самое демократию, постоянно углубляя содержание этого понятия.

В 1915—1916 годах Владимир Ильич уже глубоко продумал вопрос о демократии, подходил к этому вопросу с точки зрения строительства социализма. Еще в ноябре 1915 года, возражая на статью Радека (Парабеллума), напечатанную в «*Berger Tagwacht*»² в октябре 1915 года, Ильич писал:

«У Парабеллума выходит так, что *во имя* социалистической революции он с пренебрежением отбрасывает последовательно революционную программу в демократической области. Это неправильно. Пролетариат не может победить иначе, как через демократию, т. е. осуществляя демократию полностью и связывая с каждым шагом своей борьбы демократические требования в самой решительной их формулировке. Нелепо *противопоставлять* социалистическую революцию и революционную борьбу против капитализма *одному* из вопросов демократии, в данном случае национальному. Мы должны *соединить* революционную борьбу против капитализма с революционной программой и тактикой по отношению ко *всем* демократическим требованиям: и республики, и милиции, и выбора чиновников народом, и равноправия женщин, и самоопределения наций и т. д. Пока существует капитализм, все эти требования осуществимы лишь в виде исключения и притом в неполном, искаженном виде. Опираясь на осуществленный уже демократизм, разоблачая его неполноту при капитализме, мы требуем свержения капитализма, экспроприации буржуазии, как необходимой базы и для уничтожения нищеты масс и для *полного и всестороннего* проведения *всех* демократических преобразований. Одни из этих преобразований будут начаты до свержения буржуазии, другие *в ходе* этого свержения, третьи после него. Социальная революция не одна битва, а эпоха целого ряда битв по всем и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований, завершаемых лишь экспроприацией буржуазии. Как раз *во имя* этой конечной цели мы должны дать последовательно революционную формулировку *каждого* из наших демократических требований. Вполне

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 128. *Ред.*

² «Бернский часовой». *Ред.*

мыслимо, что рабочие какой-либо определенной страны свергнут буржуазию до осуществления хотя бы одного коренного демократического преобразования полностью. Но совершенно немислимо, чтобы пролетариат, как исторический класс, мог победить буржуазию, если он не будет подготовлен к этому воспитанием в духе самого последовательного и революционно-решительного демократизма»¹.

Я привожу такие длинные цитаты потому, что они очень ярко выражают то, о чем очень усиленно думал Владимир Ильич в конце 1915 и в 1916 году и что наложило печать на дальнейшие его высказывания. Большинство его статей, касающихся вопросов роли демократии в деле борьбы за социализм, были напечатаны много позже: статья против Парабеллума — в 1927 году, брошюра «Карикатура на марксизм» — в 1924 году. Они мало известны потому, что печатались в сборниках, выходящих не очень большими тиражами, а между тем без этих статей непонятна и вся та горячность, которую проявлял Владимир Ильич в спорах о праве наций на самоопределение. Горячность эта становится понятной, если взять этот вопрос в связи с общей оценкой Ильичем демократизма. Надо отдать себе отчет в том, что отношение к вопросу о самоопределении было для Владимира Ильича оселком, на котором проверялось умение правильно подходить к демократическим требованиям вообще. Все споры по этой линии и с Розой Люксембург, и с Радеком, и с голландцами, и с Киевским, и с рядом других товарищей шли именно под этим углом зрения. В брошюре против Киевского он писал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в *этом* отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того»².

Строительство социализма — не только строительство хозяйственное; экономика — только база строительства социализма, основа, предпосылка, а гвоздь строительства социализма — перестройка по-новому всей общественной ткани, перестройка на основе социалистического революционного демократизма.

Это, пожалуй, то, что всего глубже разделяло все время Ленина и Троцкого. Троцкий не понимал демократического духа, демократических основ строительства социализма, процесса перестройки всего жизненного уклада масс. Тогда же, в 1916 году, уже в зародыше были и позднейшие разногласия

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 62—63. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 123. *Ред.*

Ильича с Бухариным. Бухарин в заметке «Nota Bene» в № 6 «Jugend-Internationale» («Интернационал молодежи») в конце августа написал статью, в которой видна была недооценка роли государства, недооценка роли диктатуры пролетариата. Ильич в заметке «Интернационал молодежи»¹ отметил эту ошибку Бухарина. Диктатура пролетариата, обеспечивающая ведущую роль пролетариата в перестройке всей общественной ткани, — вот что интересовало особенно Владимира Ильича во второй половине 1916 года.

Демократические требования входят в программу-минимум — и вот в первом письме к Шляпникову, которое Владимир Ильич написал по возвращении из Чудовизе, он ругает Базарова за статью в «Летописи», где тот высказался за упразднение программы-минимум. Он спорит с Бухариным, который недооценивает роли государства, роли диктатуры пролетариата и т. д. Он негодует на Киевского, что тот не понимает ведущей роли пролетариата. «Не пренебрегайте, — писал Ильич Шляпникову, — теоретической спевкой: ей-ей, она необходима для работы в такое трудное время»².

Владимир Ильич стал усиленно перечитывать все, что писали Маркс и Энгельс о государстве, делать оттуда выписки. Эта работа вооружала его особо глубоким пониманием характера грядущей революции, дала ему серьезнейшую подготовку в деле понимания конкретных задач этой революции.

30 ноября было совещание швейцарских левых об отношении к войне. А. Шмид из Винтертура говорил о том, что необходимо использовать демократическое устройство Швейцарии в антимилитаристических целях. На другой день Ленин написал А. Шмиду письмо, в котором предлагал поставить «...на референдум (т. е. на всеобщее голосование. *Н. К.*) вопрос таким образом: за экспроприацию крупных капиталистических предприятий в промышленности и сельском хозяйстве, как единственный путь к полному устранению милитаризма, или против экспроприации?»

В этом случае мы в нашей практической политике будем говорить то же самое, — писал Ильич А. Шмиду, — что мы все признаем теоретически, а именно, что полное устранение милитаризма мыслимо и осуществимо только в связи с устранением капитализма»³. В письме, написанном в декабре 1916 года и опубликованном лишь 15 лет спустя в «Ленинском сборнике» XVII, Ленин пишет по поводу этого:

«Вы, может быть, думаете, что я так наивен, что верю, будто «посредством уговаривания» можно решать такие вопросы, как вопрос о социалистической революции?»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 225—229. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 299. *Ред.*

³ Там же, с. 335. *Ред.*

Нет. Я хочу только дать *иллюстрацию* и притом только к одному *частному вопросу*: какое *изменение* должно произойти во всей пропаганде партии, если бы захотели с действительной серьезностью отнестись к вопросу об *отказе от защиты отечества!* Это *только иллюстрация только* к одному частному вопросу — на большее я не претендую»¹.

Вопросы диалектического подхода ко всем событиям в этот период также особо занимали Ильича. Он прямо вцепляется во фразу Энгельса в критике проекта Эрфуртской программы: «Подобная политика может лишь, в конце концов, привести партию на ложный путь. На первый план выдвигают общие, абстрактные политические вопросы и таким образом прикрывают ближайшие конкретные вопросы, которые сами собою становятся в порядок дня при первых же крупных событиях, при первом политическом кризисе». Выписав этот абзац, Ильич пишет крупнейшими буквами, беря свои слова в двойные скобки: «((абстрактное на первый план, конкретное затушевать!)) Nota bene! прелесть! главное взято! NB».

«Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации»², — пишет Владимир Ильич в отзыве на брошюру Юниуса. Все брать во всех связях и опосредствованиях особо стремился в этот период Ильич. И к вопросу о демократии, и к вопросу о праве наций на самоопределение подходил он с этой точки зрения.

Осенью 1916 и в начале 1917 года Ильич с головой ушел в теоретическую работу. Он старался использовать все время, пока была открыта библиотека: шел туда ровно к 9 часам, сидел там до 12, домой приходил ровно в 12 часов 10 минут (от 12 до 1 часу библиотека не работала), после обеда вновь шел в библиотеку и оставался там до 6 часов. Дома было работать не очень удобно. Хотя комната у нас была светлая, но выходила во двор, где стояла невыносимая вонь, ибо во двор выходила колбасная фабрика. Только поздно ночью открывали мы окно. По четвергам после обеда, когда библиотека закрывалась, мы уходили на гору, на Цюрихберг. Идя из библиотеки, Ильич обычно покупал две голубые плитки шоколада с калеными орехами по 15 сантимов, после обеда мы забирали этот шоколад и книги и шли на гору. Было у нас там излюбленное место в самой чаще, где не бывало публики, и там, лежа на траве, Ильич усердно читал.

В то время мы наводили сугубую экономию в личной жизни. Ильич всюду усиленно искал заработка — писал об этом Гранату, Горькому³, родным, раз даже развивал Марку Тимофее-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 220. *Ред.*

² Там же, с. 13. *Ред.*

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 48—49, 170. *Ред.*

вичу, мужу Анны Ильиничны, целый фантастический план издания «Педагогической энциклопедии», над которой я буду работать. Я в это время много работала над изучением вопросов педагогики, знакомилась с практической постановкой школ в Цюрихе. Причем, развивая этот фантастический план, Ильич до того увлекся, что писал о том, что важно, чтобы кто-нибудь не перехватил эту идею¹.

Насчет литературных заработков дело подвигалось медленно, и потому я решила искать работу в Цюрихе. В Цюрихе было бюро эмигрантских касс, во главе которого стоял Феликс Яковлевич Кон. Я стала секретарем бюро и стала помогать Феликсу Яковлевичу в его работе.

Правда, заработок это был полумифический, но дело было нужное, надо было помогать товарищам по подысканию работы, по устройству всяких предприятий и по помощи в лечении. Денег в кассе в то время имелось очень мало, так что больше было проектов, чем реальной помощи. Помню, был проект создать санаторию на самокупаемости; у швейцарцев есть такие санатории: больные занимаются по несколько часов в день огородничеством и садоводством или плетением стульев на открытом воздухе, чем значительно удешевляется их содержание. Процент больных туберкулезом среди эмигрантской публики был очень велик.

Так жили мы в Цюрихе, поменьше да потихоньку, а ситуация становилась уже гораздо более революционной. Наряду с работой в теоретической области Ильич считал чрезвычайно важным выработку правильной тактической линии. Он считал, что назрел раскол в международном масштабе, что надо порвать со II Интернационалом, с Международным социалистическим бюро, надо навсегда порвать с Каутским и К^о, начать силами Циммервальдской левой строить III Интернационал. В России надо немедленно рвать с Чхеидзе и Скобелевым, с окистами², с теми, кто, как Троцкий, не понимает, что сейчас недопустимы никакие примиренчество и объединенчество. Необходимо вести революционную борьбу за социализм и разоблачать самым беспощадным образом оппортунистов, у которых слова расходятся с делом, которые на деле служат буржуазии, предают дело пролетариата. Никогда, кажется, не был так непримиримо настроен Владимир Ильич, как в последние месяцы 1916 и первые месяцы 1917 года. Он был глубоко уверен в том, что надвигается революция.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 369—370. *Ред.*

² Окисты — сторонники ОК (Организационного комитета), избранного Августовским блоком. *Ред.*

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ В ЭМИГРАЦИИ

1917 год

22 января 1917 года Владимир Ильич выступил на собрании молодежи, организованном в Цюрихском Народном доме. Он говорил о революции 1905 года¹. В Цюрихе в это время было немало революционно настроенной молодежи из других стран — из Германии, Италии и пр., не хотевших принимать участия в империалистской войне, и Владимир Ильич хотел для этой молодежи осветить как можно полнее опыт революционной борьбы рабочих, показать значение Московского восстания; он считал революцию 1905 года прологом грядущей европейской революции. «Несомненно,— говорил он,— что эта грядущая революция может быть только пролетарской революцией и притом в еще более глубоком значении этого слова: пролетарской, социалистической и по своему содержанию. Эта грядущая революция покажет еще в большей мере, с одной стороны, что только суровые бои, именно гражданские войны, могут освободить человечество от ига капитала, а с другой стороны, что только сознательные в классовом отношении пролетарии могут выступить и выступают в качестве вождей огромного большинства эксплуатируемых»². Что таковы перспективы, Ильич ни минуты не сомневался. Но как скоро придет эта грядущая революция — знать этого он, конечно, не мог. «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»³, — с затаенной грустью сказал он в заключительной фразе. И все же только об этой грядущей революции и думал Ильич, для нее работал.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ОТЪЕЗД В РОССИЮ

Однажды, когда Ильич уже собрался после обеда уходить в библиотеку, а я кончила убирать посуду, пришел Бронский со словами: «Вы ничего не знаете?! В России революция!» — и он рассказал нам, что было в вышедших экстренным выпуском телеграммах. Когда ушел Бронский, мы пошли к озеру, там на берегу под навесом вывешивались все газеты тотчас по выходе.

Перечитали телеграммы несколько раз. В России действительно была революция. Усиленно заработала мысль Ильича. Не помню уж, как прошли конец дня и ночь. На другой день получились вторые правительственные телеграммы о Февральской революции, и Ильич пишет уже Коллонтай в Стокгольм:

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 306—328. *Ред.*

² Там же, с. 327. *Ред.*

³ Там же, с. 328. *Ред.*

«Ни за что снова по типу второго Интернационала! Ни за что с Каутским! Непременно более революционная программа и тактика». И далее: «...по-прежнему революционная пропаганда, агитация и борьба с целью международной пролетарской революции и завоевания власти «Советами рабочих депутатов» (а не кадетскими жуликами)»¹.

Линию Ильич сразу брал четкую, непримиримую, но размаха революции он еще не ощутил, он еще мерил на размах революции 1905 года, говоря, что важнейшей задачей в данный момент является это соединение легальной работы с нелегальной.

На другой день, в ответ на телеграмму Коллонтай о необходимости директив, он уже пишет иначе, конкретнее, он уже не говорит о завоевании власти Советами рабочих депутатов в перспективе, а говорит уже о конкретной подготовке к завоеванию власти, о вооружении масс, о борьбе за хлеб, мир и свободу. «Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им доказать, что мир даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть»². Вместе с Зиновьевым засел Ильич за составление резолюции о Февральской революции.

С первых же минут, как только пришла весть о Февральской революции, Ильич стал рваться в Россию.

Англия и Франция ни за что бы не пропустили в Россию большевиков. Для Ильича это было ясно. «Мы боимся,— писал он Коллонтай,— что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся»³. И, рассчитывая на это, он в письмах от 16 и 17 марта к Коллонтай уславливается о том, как лучше наладить сношения с Питером⁴.

Надо ехать нелегально, легальных путей нет. Но как? Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, и вот по ночам строились самые невероятные планы. Можно перелететь на аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду. Стоило это сказать вслух, как ясно становилась неосуществимость, нереальность этого плана. Надо достать паспорт какого-нибудь иностранца из нейтральной страны, лучше всего шведа: швед вызовет меньше всего подозрений. Паспорт шведа можно достать через шведских товарищей, но мешает незнание языка. Может быть, немного? Но легко проговориться. «Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадет вся конспирация»,— смеялась я.

Все же Ильич запросил Ганецкого, нельзя ли перебраться как-нибудь контрабандой через Германию.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 400. *Ред.*

² Там же, с. 403. *Ред.*

³ Там же, с. 402. *Ред.*

⁴ Там же, с. 399—403. *Ред.*

В день памяти Парижской коммуны, 18 марта, Ильич ездил в Шо-де-Фон — крупный швейцарский рабочий центр. Охотно поехал туда Ильич, там жил Абрамович, молодой товарищ, работал там на заводе, принимал активное участие в швейцарском рабочем движении. О Парижской коммуне, о том, как применить опыт ее к начавшемуся русскому революционному движению, как не повторять ее ошибок — об этом много думал Ильич в последние дни, и потому реферат этот вышел у него очень удачным, и сам он был доволен им¹. На наших товарищей реферат произвел громадное впечатление, швейцарцам он показался чем-то мало реальным — далеки были даже рабочие швейцарские центры от понимания происходивших в России событий.

19 марта состоялось совещание различных политических групп русских эмигрантов-интернационалистов, проживавших в Швейцарии, о том, как пробраться в Россию. Мартов выдвинул проект — добиться пропуска эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России германских и австрийских пленных. Однако никто на это не шел. Только Ленин ухватился за этот план. Его надо было проводить осторожно. Лучше всего было начать переговоры по инициативе швейцарского правительства. Переговоры со швейцарским правительством поручено было вести Гримму. Из них ничего не вышло. На посланные в Россию телеграммы ответов не получалось. Ильич мучился. «...Какая это попытка для всех нас сидеть здесь в такое время»², — писал он в Стокгольм Ганецкому. Но он уже держал себя в руках.

18 марта стала выходить в Питере «Правда», и Ильич стал, начиная с 20-го числа, писать туда «Письма из далека». Их было пять («Первый этап первой революции», «Новое правительство и пролетариат», «О пролетарской милиции», «Как добиться мира?», «Задачи революционного пролетарского государственного устройства»)³. Напечатано было только первое письмо в день приезда Ленина в Питер, остальные лежали в редакции, а пятое не было даже послано в «Правду». Начато оно было накануне отъезда в Россию.

В этих письмах отразилось особо ярко, о чем думал Ильич в последнее время перед отъездом. Особо запомнилось то, что говорил тогда Ильич о милиции. Этому вопросу посвящено третье письмо из далека «О пролетарской милиции». Оно было напечатано лишь после смерти Ильича, в 1924 году. В нем излагал Ильич свои мысли о пролетарском государстве. Тот, кто хочет до конца понять книжку Ленина «Государство и революция», непременно должен прочесть это письмо «Из далека». Вся статья эта дышит чрезвычайной конкретностью. Нового типа

¹ Реферат В. И. Ленина на тему «Пойдет ли русская революция по пути Парижской коммуны?» состоялся 5(18) марта 1917 года. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 419. *Ред.*

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 9—59. *Ред.*

милиция, состоящая из поголовно вооруженных граждан, из всех взрослых граждан *обоого* пола,— вот о чем писал Ильич в этой статье. Эта милиция, кроме своих военных обязанностей, должна осуществлять правильно и быстро разверстку хлеба и других припасов, осуществлять санитарный надзор, следить за тем, чтобы всякая семья имела хлеб, чтобы всякий ребенок имел бутылку хорошего молока и чтобы ни один взрослый в богатой семье не смел взять лишнего молока, пока не обеспечены дети, чтобы дворцы и богатые квартиры не стояли зря, а дали приют бескровным и неимущим. «Кто может осуществить эти меры кроме всенародной милиции с непререваемым участием женщин наравне с мужчинами?»

Такие меры *еще не социализм*. Они касаются разверстки потребления, а не переорганизации производства»,— писал Ильич в этой статье. «Не в том дело сейчас, как их теоретически классифицировать. Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко-понятой «теории» вместо того, чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего *руководство к действию*»¹. Пролетарская милиция осуществляла бы «настоящее воспитание масс для участия во *всех* государственных делах. Такая милиция втянула бы подростков в политическую жизнь, уча их не только словом, но и делом, *работой*»². «На очереди дня — *организационная* задача, но никоим образом не в шаблонном смысле работы над шаблонными только организациями, а в смысле привлечения невиданно-широких масс угнетенных классов в организацию и воплощение самой этой организационной задач военных, общегосударственных и народнохозяйственных»³. Когда сейчас, много лет спустя, перечитываешь это письмо Ильича, так и встает он весь перед глазами: с одной стороны, необычайная трезвость мысли, ясное сознание необходимости непримиримой вооруженной борьбы, недопустимости в тот момент никаких уступок, никаких колебаний, а с другой — громадное внимание к массовому движению, к организации по-новому широчайших масс, внимание к их конкретным нуждам, к немедленному улучшению их положения. Обо всем этом много говорил Ильич зимой 1916/17 года и особенно последнее время перед Февральской революцией.

Переговоры затягивались, Временное правительство явно не желало пропускать в Россию интернационалистов, а вести, приходившие из России, говорили о некоторых колебаниях среди товарищей. Все это заставляло торопиться с отъездом. Ильич послал телеграмму Ганецкому, которую тот получил лишь 25 марта.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 44. *Ред.*

² Там же, с. 43. *Ред.*

³ Там же, с. 45—46. *Ред.*

«У нас непонятная задержка. Большевики требуют санкции Совета рабочих депутатов. Пошлите немедленно в Финляндию или Петроград кого-нибудь договориться с Чхеидзе, насколько это возможно. Желательно мнение Беленина»¹. Под Белениным подразумевалось Бюро Центрального Комитета, 18 марта приехала в Россию Коллонтай, рассказала, как обстоит дело с приездом Ильича, получились письма от Ганецкого. Бюро ЦК дало через Ганецкого директиву: «Ульянов должен тотчас же приехать»². Эту телеграмму Ганецкий перетелеграфировал Ленину. Владимир Ильич настоял на том, чтобы начать переговоры при посредстве Фрица Платтена, швейцарского социалиста-интернационалиста. Платтен заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии. Главные пункты условия были: 1) Едут все эмигранты без различия взглядов на войну. 2) В вагон, в котором следуют эмигранты, никто не имеет права входить без разрешения Платтена. Никакого контроля ни паспортов, ни багажа. 3) Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных³. Ильич стал энергично готовить отъезд, списываться с Берном, Женевой, с рядом товарищей. Впередовцы, с которыми вел переговоры Ильич, ехать отказались. Приходилось оставлять двоих близких товарищей, Карла и Каспарова, тяжело больных, умиравших в Давосе. Ильич написал им прощальный привет.

Собственно говоря, это была лишь приписка к моему длинному письму. Писала я подробно, кто едет, как собираемся, какие планы. Ильич написал лишь пару слов, но из них видно, как понимал он, что переживают остающиеся товарищи, как им тяжело, и сказал самое важное:

«Дорогой Каспаров! Крепко, крепко жму руку Вам и Карлу, желаю бодрости. Потерпеть надо. Надеюсь, в Питере встретимся и скоро.

Еще раз лучшие приветы обоим. Ваш Ленин»⁴.

«Желаю бодрости. Потерпеть надо...» Да, в этом было дело. Встретиться больше не пришлось. И Каспаров и Карл умерли вскоре.

Для цюрихской газеты «Volksrecht»⁵ Ильич написал «О задачах РСДРП в русской революции», написал «Прощальное письмо к швейцарским рабочим», кончавшееся словами:

«Да здравствует начинающаяся пролетарская революция в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 428—429. *Ред.*

² Ленинский сборник XIII. М.—Л., 1930, с. 270. *Ред.*

³ См. «Основа переговоров о возвращении швейцарских политических эмигрантов в Россию». — Ленинский сборник II. М.—Л., 1924, с. 382—383. *Ред.*

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 432. *Ред.*

⁵ «Народное право». *Ред.*

Европе!» Написал Ильич письмо и к «Товарищам, томлящимся в плену»¹, где рассказывал им о происшедшей революции и о предстоящей борьбе. Нельзя было не написать им. Еще когда мы жили в Берне, начата была и довольно широко поставлена переписка с русскими пленными, томившимися в немецких лагерях. Материальная помощь, конечно, не могла быть очень велика, но мы помогали чем могли, писали им письма, посылали литературу. Завязался ряд очень тесных сношений. После нашего отъезда из Берна работу продолжали Сафаровы. В плен мы посылали нелегальную литературу, переслали брошюру Коллонтай о войне, которая имела громадный успех, ряд листовок и пр.

За несколько месяцев до нашего отъезда в Цюрихе появились двое пленных: один — воронежский крестьянин Михалев, другой — одесский рабочий. Они бежали из немецкого плена, переплыв Боденское озеро. Заявились они в нашу Цюрихскую группу. Ильич много с ними толковал. Особенно много интересного рассказывал про плен Михалев. Он рассказывал, как сначала украинцев-пленных направили в Галицию, как вели среди них украинофильскую агитацию, натравливая против России, потом перебросили его в Германию и использовали как рабочую силу в богатых крестьянских хозяйствах. «Как у них все налажено, ни одна корка даром не пропадает! Вот вернусь к себе на село — так же хозяйничать буду!» — восклицал Михалев. Был он из староверов, дедушка и бабушка поэтому запретили ему грамоте учиться: печать-де дьявола. В плену уж выучился он грамоте. В плен посылали ему бабка да дедка пше-но и сало, и немцы с удивлением смотрели, как варил он и ел пшеничную кашу. В Цюрихе рассчитывал Михалев поступить в университет народный и все возмущался, что не водится в Цюрихе народных университетов. Его интернировали. Он стал на какие-то земляные работы и все удивлялся на забитость швейцарского рабочего люда. «Иду я, — рассказывал он, — в контору получать деньги за работу, смотрю — стоят рабочие швейцарские и войти в контору не решаются, жмутся к стенке, в окно заглядывают. Какой забитый народ! Я пришел, сразу дверь отворяю, в контору иду, за свой труд деньги брать иду!» Только что выучившийся грамоте крестьянин ЦЧО², толкующий о забитости швейцарского рабочего люда, очень заинтересовал Ильича. Рассказывал еще Михалев, как, когда он был в плену, приезжал туда русский священник. Не захотели его слушать солдаты, кричать стали, ругаться. Подошел один пленный к попу, поцеловал ему руку и говорит: «Уезжайте, батюшка, не место вам тут». Просились Михалев и его товарищи, чтобы мы взяли их с собой в Россию, да не знали мы, что с нами будет, — могли ведь всех

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 72—78, 87—94, 60—66. *Ред.*

² Центральная черноземная область. *Ред.*

переарестовать. После нашего отъезда Михалев перебрався во Францию, сначала в Париже жил, потом работал где-то на тракторном заводе, потом где-то на востоке Франции, где было много польских эмигрантов. В 1918 году (или в 1919 году, не помню точно) вернулся Михалев в Россию. Ильич с ним видался. Рассказывал Михалев, как в Париже его и еще нескольких бежавших из немецкого плена солдат вызвали в русское посольство и предлагали подписать воззвание о необходимости продолжать войну до победного конца. И хоть говорили с солдатами важные чиновники, украшенные орденами, но не подписали солдаты воззвания. «Встал я и сказал, что войну кончать надо, и пошел. Потихоньку вышли и другие». Рассказывал Михалев, какую агитацию против войны развернула в том французском городке, где он жил, молодежь. Сам Михалев уж не походил ни в малейшей мере на воронежского крестьянина: на голове — французская кепка, ноги обмотаны обмотками защитного цвета, лицо тщательно выбрито. Ильич устроил Михалева на работу где-то на заводе. Но все мысли Михалева неслись к родному селу. Село его переходило из рук в руки, от красных к белым и обратно, середина села вся была спалена белыми, но дом их уцелел, и бабка и дедка живы были. Михалев заходил ко мне в Главполитпросвет и рассказывал про все это и про себя, что собирается домой. «Что ж не едете?» — спрашиваю. «Жду, борода когда отрастет, а то увидят меня бритого бабка с дедкой, помрут от горя!» В этом году я получила письмо от Михалева. Он работает где-то в Средней Азии на железной дороге, пишет, что в дни памяти Ильича рассказывал он, как видел в 1917 году Ильича в Цюрихе, о нашей жизни за границей рассказывал в рабочем клубе. Слушали его с интересом все, а потом усомнились, могло ли это быть, и просил Михалев меня подтвердить, что был он у Ильича в Цюрихе.

Михалев был куском живой жизни. Таким же куском были и письма пленных, присылаемые в нашу комиссию помощи пленным.

Не мог уехать Ильич в Россию, не написав им о том, что больше всего волновало его в эту минуту¹.

Когда пришло письмо из Берна, что переговоры Платтена пришли к благополучному концу, что надо только подписать протокол и можно уже двигаться в Россию, Ильич моментально сорвался: «Поедем с первым поездом». До поезда оставалось два часа. За два часа надо было ликвидировать все наше «хозяйство», расплатиться с хозяйкой, отнести книги в библиотеку,

¹ Н. К. Крупская в книге «Воспоминания о Ленине» (вып. II. М., Соц-экиз, 1931, с. 181) далее пишет: «Каммереры, у которых мы нанимали комнату, сняли квартиру в новом доме. В новой чистой и светлой квартире нам отведена была большая, удобная комната. Но жить в ней пришлось лишь пару дней». *Ред.*

уложиться и пр. «Поезжай один, я приеду завтра». Но Ильич настаивал: «Нет, едем вместе». В течение двух часов все было сделано: уложены книги, уничтожены письма, отобрана необходимая одежда, вещи, ликвидированы все дела. Мы уехали с первым поездом в Берн¹.

В бернский Народный дом стали съезжаться едущие в Россию товарищи. Ехали мы, Зиновьевы, Усиевичи, Инесса Арманд, Сафаровы, Ольга Равич, Абрамович из Шо-де-Фон, Гребельская, Харитонов, Линде, Розенблюм, Бойцов, Миха Цхакая, Мариенгофы, Сокольников. Под видом россиянина ехал Радек. Всего ехало 30 человек, если не считать четырехлетнего сынишки бундовки, ехавшей с нами, — кудрявого Роберта.

Сопровождал нас Фриц Платтен.

Оборонцы подняли тогда невероятный вой по поводу того, что большевики едут через Германию. Конечно, германское правительство, давая пропуск, исходило из тех соображений, что революция — величайшее несчастье для страны, и считало, что, пропуская эмигрантов-интернационалистов на родину, они помогут развертыванию революции в России. Большевики же считали своей обязанностью развернуть в России революционную агитацию, победоносную пролетарскую революцию ставили они целью своей деятельности. Их очень мало интересовало, что думает буржуазное германское правительство. Они знали, что оборонцы будут обливать их грязью, но что массы в конце концов пойдут за ними. Тогда 27 марта рискнули ехать лишь большевики, а месяц спустя тем же путем через Германию проехало свыше 200 эмигрантов, в том числе Л. Мартов и другие меньшевики.

Ни вещей у нас при посадке не спрашивали, ни паспортов. Ильич весь ушел в себя, мыслью был уже в России. Дорогой говорили больше о мелочах. По вагону раздавался веселый голосок Роберта, который особой симпатией воспылал к Сокольникову и не желал разговаривать с женским полом. Немцы старались показать, что у них всего много, повар подавал исключительно сытные обеды, к которым наша эмигрантская братия не очень-то была привычна. Мы смотрели в окна вагона, поражало полное отсутствие взрослых мужчин: одни женщины, подростки и дети были видны на станциях, на полях, на улицах города. Эта картина вспоминалась потом часто в первые дни приезда в Питер, когда поражало обилие солдат, заполнявших все трамваи.

На берлинском вокзале наш поезд поставили на запасный путь. Около Берлина в особое купе сели какие-то немецкие со-

¹ Н. К. Крупская в книге, изданной в 1931 году, далее писала: «Мы могли и не торопиться, ибо была пасха и из-за этого вышла какая-то задержка с нашей отправкой». *Ред.*

циал-демократы. Никто из наших с ними не говорил, только Роберт, заглянул к ним в купе и стал допрашивать их на французском языке: «Кондуктор, он что делает?» Не знаю, ответили ли немцы Роберту, что делает кондуктор, но своих вопросов им так и не удалось предложить большевикам. 31 марта мы уже въехали в Швецию. В Стокгольме нас встретили шведские социал-демократические депутаты — Линдхаген, Карльсон, Штрем, Туре Нерман и др. В зале было вывешено красное знамя, устроено собрание. Как-то плохо помню Стокгольм, мысли были уже в России. Фрица Платтена и Радека Временное правительство в Россию не впустило. Оно не посмело сделать того же в отношении большевиков. На финских вейках переехали мы из Швеции в Финляндию. Было уже все свое, милое — плохонькие вагоны третьего класса, русские солдаты. Ужасно хорошо было. Немного погодя Роберт уже очутился на руках какого-то пожилого солдата, обнял его ручонкой за шею, что-то лопотал по-французски и ел творожную пасху, которой кормил его солдат. Наши прильнули к окнам. На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли толпой солдаты. Усиевич высунулся в окно. «Да здравствует мировая революция!» — крикнул он. Недоуменно посмотрели на него солдаты. Мимо нас прошел несколько раз бледный поручик, и когда мы с Ильичем перешли в соседний пустой вагон, подсел к нему и заговорил с ним. Поручик был оборонцем, Ильич защищал свою точку зрения — был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица.

В Белоострове нас встретили Мария Ильинична, Шляпников, Сталь и другие товарищи. Были работницы. Сталь все убеждала меня сказать им несколько приветственных слов, но у меня пропали все слова, я ничего не могла сказать. Товарищи сели с нами. Ильич спрашивал, арестуют ли нас по приезде. Товарищи улыбались. Скоро мы приехали в Питер.

В ПИТЕРЕ

Питерские массы, рабочие, солдаты, матросы, пришли встречать своего вождя. Было много близких товарищей. В числе их с красной широкой перевязью через плечо Чугурин — ученик школы Лонжюмо; лицо его было мокро от слез. Кругом народное море, стихия.

Тот, кто не пережил революции, не представляет себе ее величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петро-

павловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепь из рабочих и рабочих, охраняющих путь.

Встречать на Финляндский вокзал приехали Чхеидзе и Скобелев в качестве официальных представителей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Товарищи повели Ильича в царские покои, где находились Чхеидзе и Скобелев. Когда Ильич вышел на перрон, к нему подошел капитан и, вытянувшись, что-то отрапортовал. Ильич, смутившись немного от неожиданности, взял под козырек. На перроне стоял почетный караул, мимо которого провели Ильича и всю нашу эмигрантскую братию, потом нас посадили в автомобили, а Ильича поставили на броневик и повезли к дому Кшесинской. «Да здравствует социалистическая мировая революция!» — бросал Ильич в окружающую многотысячную толпу.

Начало этой революции уже ощущал Ильич всем существом своим.

Нас привезли в дом Кшесинской, где помещались тогда ЦК и Петроградский комитет. Наверху был устроен товарищеский чай, хотели питерцы организовать приветственные речи, но Ильич перевел разговор на то, что его больше всего интересовало, стал говорить о той тактике, которой надо держаться. Около дома Кшесинской стояли толпы рабочих и солдат. Ильичу пришлось выступать с балкона. Впечатления от встречи, от этой поднятой революционной стихии заслоняли все.

Потом мы поехали домой, к нашим, к Анне Ильиничне и Марку Тимофеевичу. Мария Ильинична жила с ними. Жили они на Петроградской стороне, на Широкой улице. Нам отвели особую комнату. Мальчонка, который рос у Анны Ильиничны, Гора, по случаю нашего приезда над обеими нашими кроватями вывесил лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Мы почти не говорили с Ильичем в ту ночь — не было ведь слов, чтобы выразить пережитое, но и без слов было все понятно¹.

Время было такое, что нельзя было терять ни минуты. Не успел Ильич встать, а уж приехали за ним товарищи, чтобы ехать на совещание большевиков — членов Всероссийской конференции Советов рабочих и солдатских депутатов. Дело происходило в Таврическом дворце, где-то наверху². Ленин в десятке

¹ Далее в рукописи: «Когда мы остались одни, Ильич обвел комнату глазами, это была типичная комната петербургской квартиры, почувствовалась реальность того факта, что мы уже в Питере, что все эти Парижи, Женевы, Берны, Цюрихи — это уже действительно прошлое. Перекрикнулись парой слов по этому поводу. Потом Ильич спросил еще, как устроились другие товарищи. Рассказала, что знала». *Ред.*

² Там же: «Запомнилось только, что тут был почему-то один из учеников парижской школы Присягин, смотревший на Ильича сияющими лучистыми глазами. Помню, как Ильич ему улыбнулся. Присягин был московским рабочим, кожевником-посадчиком, в 11-м году был редак-

тезисов изложил свой взгляд на то, что надо делать сейчас¹. Он дал в этих тезисах оценку положения, ясно, четко наметил те цели, к которым надо стремиться, и пути, по которым надо идти, чтобы добиться этих целей. Публика наша как-то растерялась в первую минуту. Многим показалось, что очень уж резко ставит вопрос Ильич, что говорить о социалистической революции еще рано².

Внизу шло заседание меньшевиков. Оттуда пришел товарищ и стал настаивать на том, чтобы Ильич сделал тот же доклад на общем собрании и меньшевистских и большевистских делегатов. Собрание большевиков постановило, чтобы Ильич повторил на общем собрании всех социал-демократов свой доклад. Ильич это сделал. Собрание происходило внизу, в большом зале Таврического дворца. Помню, первое, что бросилось в глаза, это — сидевший в президиуме Гольденберг (Мешковский). В революцию 1905 года это был твердый большевик, один из самых близких товарищей по борьбе. Теперь он пошел следом за Плехановым, стал оборонцем. Ленин говорил около двух часов. Против него выступил Гольденберг. Выступил чрезвычайно резко, говорил о том, что Лениным водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии. Видно стало, как далеко разошлись дороги. Запомнилась мне еще речь Коллонтай, горячо выступавшей в защиту тезисов Ленина.

Плеханов в своей газете «Единство» назвал тезисы Ленина «бредом».

Тезисы Ленина были через три дня, 7 апреля, напечатаны в «Правде». На другой день в «Правде» же появилась статья Каменева «Наши разногласия», которая отгораживалась от этих тезисов. В статье Каменева указывалось, что тезисы Ленина — его личное мнение, что ни «Правда», ни Бюро ЦК их не разделяют. Делегаты-большевики того совещания, на котором Ленин выступил с своими тезисами, приняли-де не эти

тором нелегального московского журнальчика «Посадчик». Страшно застенчивый вначале, он потом стал одним из наиболее близких Ильичу учеников парижской школы. Было какое-то понимание с полуслова. Присягин хорошо знал жизнь самых отсталых слоев рабочих, рассказывал о ней Ильичу. Потом Присягин был расстрелян белыми в Сибири. И перед своим выступлением 4 апреля Ильичу радостно было перекинуться взглядом с Присягиным». *Ред.*

¹ Имеется в виду доклад В. И. Ленина 4(17) апреля 1917 года на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов (см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 103—112). *Ред.*

² В рукописи: «Ильич выступил со своими знаменитыми тезисами, в них была целая новая революционная программа действий. Эти тезисы не были неожиданностью, пожалуй, только для товарищей, приехавших вместе с Ильичем, с которыми все уж было много раз переговорено, да для Присягиных, живших жизнью рабочей массы, для которых эти тезисы показали сами собой разумеющимися...». *Ред.*

тезисы, а тезисы Бюро Центрального Комитета. Каменев заявлял, что «Правда» остается на старых позициях.

Внутри большевистской организации началась борьба. Она длилась недолго. Через неделю состоялась Общегородская конференция большевиков г. Петрограда, которая дала победу точке зрения Ильича. Конференция продолжалась восемь дней (с 14 по 22 апреля); за эти дни произошел ряд крупных событий, которые показали, насколько прав был Ленин¹.

7 апреля — в день появления в печати тезисов Ленина — Исполнительный комитет Петроградского Совета голосовал еще за «Заем свободы».

В буржуазных газетах и в газетах оборонческих началась бешеная травля Ленина и большевиков. Никто не считался с заявлением Каменева, все знали, что внутри большевистской организации верх возьмет точка зрения Ленина. Травля Ленина способствовала быстрой популяризации тезисов. Ленин называл происходящую войну империалистической, грабительской, все видели — он всерьез за мир. Это волновало матросов, солдат, волновало тех, для кого вопрос о войне был вопросом жизни и смерти. 10 апреля Ленин выступал в Измайловском полку, 15-го стала выходить «Солдатская правда», а 16-го солдаты и матросы Петрограда уже устроили демонстрацию против травли Ленина и большевиков.

18 апреля (1 мая) состоялись грандиозные первомайские демонстрации по всей России, никогда раньше не виданные.

И 18-го же апреля министр иностранных дел Милюков издал ноту от имени Временного правительства, где говорилось, что оно поведет войну до победного конца и что оно считает нужным выполнить все обязательства перед союзниками. Что же сделали большевики? Большевики объяснили в печати, какие это обязательства. Они указали, что Временное правительство обещает выполнить те обязательства, которые дало правительство Николая II и вся царская шайка. Они указали, перед кем эти обязательства. Это были обязательства перед буржуазией.

И вот, когда это стало ясно массам, они вышли на улицу. 21 апреля массы устроили демонстрацию на Невском. На Невском же устроили демонстрацию и сторонники Временного правительства.

Эти события сплотили большевиков. Резолюции петроградской большевистской организации были приняты в духе Ленина.

21 и 22 апреля ЦК вынес резолюции, которые ясно указывают на необходимость разоблачить Временное правительство, осуждали соглашательскую тактику Петроградского Совета,

¹ В своей книге «Воспоминания о Ленине» (вып. II. М., Соцэкгиз, 1931, с. 189) Н. К. Крупская пишет: «Я слышала оба выступления Ильича 4 апреля, слышала его выступления на Петроградской конференции».

призывали к перевыбору рабочих и солдатских депутатов, призывали укреплять Советы, звали вести широкую разъяснительную работу и в то же время указывали на несвоевременность попыток немедленного свержения Временного правительства.

К моменту открытия Всероссийской конференции (24 апреля), три недели спустя после оглашения Лениным своих тезисов, уже достигнуто было единство в среде большевиков.

По приезду в Питер я мало стала видеть Ильича — он работал в ЦК, работал в «Правде», ездил по собраниям. Я пошла работать в секретариат ЦК в доме Кшесинской, но в секретариате работа была не похожа на заграничную секретарскую работу и на секретарскую работу 1905—1907 годов, когда приходилось вести довольно большую самостоятельную работу по директивам Ильича. Секретарем была Стасова, у нее были технические работницы, я толковала с приходившими работниками, но местную работу я знала тогда еще мало. Часто приходили цекисты, чаще всех Свердлов. Настоящей осведомленности у меня не было. Меня очень тяготило отсутствие у меня определенных функций. Зато жадно впитывала я в себя окружающую жизнь. Улицы тогда представляли интересное зрелище: везде собирались кучками, везде в этих кучках шли горячие споры о текущем моменте, о всех событиях. Подойдешь к толпе и слушаешь. Раз я с Широкой до дома Кшесинской три часа шла, так заняты были эти уличные митингования. Против нашего дома был какой-то двор — вот откроешь ночью окно и слушаешь горячие споры. Сидит солдат, около него постоянно кто-нибудь — кухарки, горничные соседних домов, какая-то молодежь. В час ночи доносятся отдельные слова: большевики, меньшевики... в три часа: Милюков, большевики... в пять часов — все то же, политика, митингование. Белые ночи питерские теперь у меня всегда связываются в воспоминании с этими ночными митингованиями.

В секретариате ЦК приходилось видеть много народу, там же, в доме Кшесинской, помещался ПК, военная организация, «Солдатская правда». Ходила я иногда на заседания ПК, узнавала поближе публику, следила за работой Петроградского комитета. Интересовали меня также очень подростки, рабочая молодежь. Ребят захватывало движение. Среди них были сторонники разных направлений — и большевиков, и меньшевиков, и эсеров, и анархистов. Организация охватывала до 50 тысяч молодежи, но первое время движение было достаточно беспорядочное. Я повела среди них кое-какую работу. Прямой контраст этой рабочей молодежи представляли собой учащиеся старших групп средней школы. Часто толпой они подходили к дому Кшесинской и выкрикивали разные ругательства по адресу большевиков. Видно было, что их здорово обрабатывают.

Вскоре после приезда — точно не помню числа — я была на учительском съезде. Народу было там уйма, учительство было

целиком под влиянием эсеров. На съезде выступали видные обронцы. В тот день, когда я там была, выступал утром до моего прихода еще Алексинский. Социал-демократов — большевиков, меньшевиков-интернационалистов — было всего человек 15—20; они собрались в особой небольшой комнатухе, обменивались разными соображениями по поводу того, за какую школу надо будет бороться. Многие из присутствовавших на этом собрании работали потом в районных думах. Учительская масса была охвачена шовинистским угаром¹.

18 апреля (1 мая) Ильич принимал участие в первомайской демонстрации. Он выступал на Охте и на Марсовом поле. Я не слышала его выступлений — лежала в этот день, не могла даже подняться с постели. Когда Ильич вернулся, меня поразило его взволнованное лицо. Живучи за границей, мы обычно ходили на маевки, но одно дело — маевка с разрешения полиции, другое дело — маевка революционного народа, народа, победившего царизм.

21 апреля я должна была встретиться с Ильичем у Данского. Мне был дан адрес: Старо-Невский, 3, и я прошла пешком весь Невский. Из-за Невской заставы шла большая рабочая демонстрация. Ее приветствовала рабочая публика, заполнявшая тротуары. «Идем! — кричала молодая работница другой работнице, стоявшей на тротуаре. — Идем, всю ночь будем ходить!» Навстречу рабочей демонстрации двигалась другая толпа, в котелках и шляпках; их приветствовали котелки и шляпки с тротуара. Ближе к Невской заставе преобладали рабочие, ближе к Морской, около Полицейского моста, было засилье котелков. Среди этой толпы из уст в уста передавался рассказ о том, как Ленин при помощи германского золота подкупил рабочих, которые теперь все за него. «Надо бить Ленина!» — кричала какая-то по-модному одетая девица. «Перебить бы всех этих мерзавцев», — кипятился какой-то котелок. Класс против класса! Рабочий класс был за Ленина.

¹ В варианте рукописи читаем: «1 мая Владимир Ильич выступал на Марсовом поле. Это был первый праздник мая после свержения царской власти. Выступали все партии. Первое мая было *праздником* желаний и надежд, связанным с историей всемирного рабочего движения, с его идеалом мира и социализма. В этот день я лежала в лежку и выступления Владимира Ильича не слышала, но приехал он не радостно возбужденный, а какой-то усталый.

Он и тогда очень уставал, и потому я не горазд его расспрашивала о работе. С прогулками тоже плохо выходило. Раз ходили на Флагин остров, но показалось там очень людно и толкотливо. Ходили сидеть на набережную Карповки. Потом взяли привычку ходить по малолюдным улицам Петербургской стороны. Помню одну такую прогулку с Шаумяном. Их тоже нет уже в живых, дорогих друзей — Шаумяна, Алехи Джапаридзе, с которыми так крепки были товарищеские связи. Разговор шел в тот приезд Шаумяна с Ильичем о национальном вопросе. Прощаясь, Шаумян передавал Ильичу какие-то красивые бантики со значками, присланные Ильичу детям Шаумяна. Мелочи это, но и они дороги». *Ред.*

С 24 по 29 апреля состоялась Всероссийская апрельская конференция. Были на ней 151 делегат, был на пей выбран новый ЦК, вопросы на ней обсуждались чрезвычайно важные — о текущем моменте, о войне, о подготовке III Интернационала, о национальном вопросе, об аграрном вопросе, о партийной программе.

Мне особенно запомнилась речь Ильича о текущем моменте.

В этой речи особенно как-то ярко выступило отношение Ильича к массам, то, как внимательно вглядывался он в то, чем массы живут, что переживают.

«Нет никакого сомнения, что пролетариат и полупролетариат не заинтересован в войне, как класс. Они идут под влиянием традиций и обмана. У них нет еще политического опыта. Отсюда наша задача — длительное разъяснение. Мы не делаем им ни малейших принципиальных уступок, но к ним мы не можем подходить как к социал-шовинистам. Эти элементы населения никогда социалистическими не были, никакого понятия о социализме не имеют, они только просыпаются к политической жизни. Но их сознание растет и ширится с необыкновенной быстротой. К ним надо уметь подойти с разъяснением, и это является самой трудной задачей, в особенности для партии, которая вчера еще находилась в подполье»¹.

«Многим, в том числе и мне лично,— говорил в этой речи Ильич,— приходилось выступать, особенно перед солдатами, и я думаю, что если разъяснять все с классовой точки зрения, то для них всего более неясно в нашей позиции, как именно мы хотим кончить войну, как мы считаем возможным ее кончить. В широких массах есть тьма недоразумений, полного непонимания нашей позиции, поэтому мы должны быть здесь наиболее популярными»².

«Выступая перед массами, надо давать им конкретные ответы»³.

Не только среди пролетариата, но и среди широких слоев мелкой буржуазии, надо уметь вести разъяснительную работу, говорил Ильич.

Говоря о контроле, Владимир Ильич сказал: «Для того, чтобы контролировать, нужно иметь власть. Если это непонятно широкой массе мелкобуржуазного блока, надо иметь терпение разъяснить ей это, но ни в коем случае не говорить ей неправду»⁴. Никакой демагогии не допускал Ильич, и это чувствовали солдаты, чувствовали крестьяне, которые с ним говорили. Но доверие не завоевывается с маху. В такое горячее время Ильич сохранял обычную трезвость мысли: «Мы сейчас в меньшин-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 350—351. *Ред.*

² Там же, с. 347. *Ред.*

³ Там же, с. 352. *Ред.*

⁴ Там же, с. 346. *Ред.*

стве, массы нам пока не верят. Мы сумеем ждать: они будут переходить на нашу сторону, когда правительство им себя покажет»¹. Немало было у Ильича разговоров с солдатами и крестьянами, немало видел он уже в то время проявлений доверия, но он не строил себе никаких иллюзий: «Нет более опасной ошибки для пролетарской партии, как строить свою тактику на субъективных желаниях там, где нужна организованность. Говорить, что за нас большинство — нельзя; в данном случае нужно недоверие, недоверие и недоверие. Базировать на этом пролетарскую тактику — значит ее убить»².

В конце речи о текущем моменте Ильич говорил: «Русская революция создала Советы. Ни в одной буржуазной стране мира таких государственных учреждений нет и быть не может, и ни одна социалистическая революция не может оперировать ни с какой властью, кроме этой. Советы Р. и С. Д. должны взять власть не для создания обычной буржуазной республики или непосредственного перехода к социализму. Этого быть не может. Для чего же? Они должны взять власть для того, чтобы сделать первые конкретные шаги к этому переходу, которые можно и должно делать. Страх есть главный враг в этом отношении. Массам надо проповедовать, что эти шаги надо делать сейчас, иначе власть Советов Р. и С. Д. будет бессмысленна и ничего не даст народу»³.

И далее Ильич говорил о непосредственных задачах, которые стоят перед Советами. «Надо отменить частную собственность на землю. Это та задача, которая перед нами стоит, потому что большинство народа за это стоит. Для этого нам нужны Советы. Эту меру провести со старым государственным чиновничеством невозможно»⁴. Закончил свою речь Ильич примером, показывающим, что значит завоевание власти на местах.

«Я кончу ссылкой на одну речь, которая произвела на меня наибольшее впечатление. Один углекоп⁵ говорил замечательную речь, в которой он, не употребив ни одного книжного слова, рассказывал, как они делали революцию. У них вопрос стоял не о том, будет ли у них президент, но его интересовал вопрос: когда они взяли копи, надо было охранять канаты для того, чтобы не останавливалось производство. Затем вопрос стал о хлебе, которого у них не было, и они также условились относительно его добывания. Вот это настоящая программа революции, не из книжки вычитанная. Вот это настоящее завоевание власти на месте»⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 346. *Ред.*

² Там же, с. 352. *Ред.*

³ Там же, с. 356—357. *Ред.*

⁴ Там же, с. 357. *Ред.*

⁵ Имеется в виду Н. И. Дубовой. *Ред.*

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 358. *Ред.*

Зинаида Павловна Кржижановская вспомнила как-то, как я ей рассказывала про эту речь углекопа, и говорила: «Теперь им главное надо своих инженеров. Владимир Ильич считает, что замечательно было бы хорошо, если бы Глеб туда поехал».

На конференции встретили мы много знакомой публики. Запомнилась, между прочим, встреча с Присягинным, учеником школы в Ловжюмо, запомнилось, как слушал он речь Ильича и как светились его глаза. Теперь Присягина нет уже в живых. В 1918 году он расстрелян белыми в Сибири.

В 1917 году, в начале мая, был составлен Ильичем набросок изменений в партийной программе. Империалистская война и революция произвели крупнейшие изменения во всем укладе, требовали целого ряда новых оценок, новых подходов — прежняя программа страшно устарела.

Вся наметка новой программы-минимум дышала стремлением улучшить, поднять жизненный уровень масс, дать простор их самодеятельности.

Меня все больше тяготила моя работа в секретариате, хотелось пойти на непосредственную массовую работу, хотелось также чаще видеть Ильича, за которого охватывала все бóльшая и бóльшая тревога. Его травили все сильнее и сильнее. Идешь по Петроградской стороне и слышишь, как какие-то домохозяйки толкуют: «И что с этим Лениным, приехавшим из Германии, делать? В колодези его что ли утопить?» Конечно, ясно было, откуда идут все эти разговоры о подкупе, о предательстве, но не горазд их было весело слушать. Одно дело, когда говорят буржуи, другое дело, когда это говорят массы. Я написала для «Солдатской правды» о том, кто такой Ленин, озаглавила: «Страничка из истории партии». Владимир Ильич просмотрел рукописи, внес в нее поправки, и она была напечатана в № 21 «Солдатской правды» от 13 мая 1917 года¹.

Когда Владимир Ильич возвращался домой усталый, у меня язык не поворачивался спрашивать его о делах. Но и ему, и мне хотелось поговорить так, как привыкли, во время прогулки. И мы иногда, редко впрочем, ходили гулять по более глухим улицам Петроградской стороны. Раз, помню, ходили на такую прогулку вместе с тт. Шаумяном и Енукидзе. Шаумян тогда передал Ильичу красные значки, которые его сыновья заказали ему передать Ленину. Ильич улыбался.

¹ В варианте рукописи далее следует: «Между тем у меня с секретариатом дело **все** не налаживалось. Конечно, Ильичу было гораздо труднее работать без личного секретаря, но по российским условиям, чтобы быть тем личным секретарем, каким я была раньше, мне нужно было бывать и в редакции и на заседаниях ЦК — это было неудобно. Потолковали с Ильичем, решили — брошу секретарство, уйду в просвещенческую работу. Когда теперь я думаю об этом, жалею, что так сделала. Осталась бы **ври** Ильиче — может быть, свяла бы с него заботу о многих мелочах».

Тов. Шаумяна, Степана, пользовавшегося громадным влиянием среди бакинского пролетариата, мы знали уже давно. Сразу же после II съезда он примкнул к большевикам, был и на Стокгольмском съезде и на Лондонском. На Стокгольмском съезде он входил в мандатную комиссию. По величине этот съезд был несравним ни со вторым, ни с третьим съездом. На тех съездах знали, что каждый делегат представляет собой, тут же было много совсем малоизвестных делегатов. Шла в мандатной комиссии из-за каждого делегата острая фракционная борьба. Помню, как маялся в этой комиссии Шаумян. На Лондонском съезде я не была. Потом, во вторую эмиграцию, мы усиленно переписывались с бакинцами. Помню, как запрашивали они меня о причинах раскола с передовцами и как подробно приходилось отвечать, описывать, как, из-за чего шли споры.

В 1913 году у Ильича оживилась переписка с Шаумяном по национальному вопросу. Очень интересное письмо, в котором в мае 1914 года Ильич развивает мысль о том, что надо бы, чтобы марксисты всех или очень многих национальностей составили для внесения в Государственную думу проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств. В этот проект, по мысли Ильича, должна была войти полная расшифровка того, что входит в наше понимание равноправия, в том числе и вопрос о языке и вопрос о школе, о культуре вообще, но взятые во всех связях и опосредствованиях.

«Мне сдается, — писал Ильич, — этим путем можно бы популярно разъяснить глупость культурно-национальной автономии и *убить* сторонников этой глупости окончательно»¹. Ильич даже набросал такой проект.

И в 1917 году Ильич рад повидать Степана и поговорить с ним вплотную обо всех вопросах, с такой остротой вставших в это время перед большевиками.

Осталось в памяти выступление Ильича на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд происходил в кадетском корпусе на Первой линии Васильевского острова. Шли по длинным коридорам, в классах было устроено общежитие для делегатов. В зале, полном народом, большевики сидели сзади небольшой группой. Речи Ленина аплодировали только большевики, но было несомненно, что она произвела сильное впечатление. Кто-то потом рассказывал, что Керенский после этой речи пролежал без сознания три часа. Не знаю уже, насколько это соответствовало истине.

В июне проходили выборы в районные думы. Я ходила смотреть, как проходит предвыборная кампания на Васильевском острове. Улицы были залиты рабочим людом. Преобладали рабочие Трубочного завода, было много работниц с фабрики Ла-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 291. Ред.

ферм. Фабрика Лаферм голосовала за эсеров. Всюду шли горячие споры, обсуждали не кандидатов, не лиц, а деятельность партий, за что та или другая партия стоит. Вспоминались выборы по районам, проходившие в Париже в нашу бытность там, поражало там отсутствие политических оценок и масса личных каких-то счетов, привносимых в выборы. Тут была совершенно обратная картина. Бросалось еще в глаза, как выросли массы по сравнению с 1905—1907 годами. Видно было, что все читают газеты разных направлений. В одной группе толковали, возможен ли у нас бонапартизм. Среди публики шмыгала какая-то шпикообразная фигура небольшого роста, особенно как-то неуместная среди этой толпы рабочих, выросших так за последние годы.

Революционное настроение масс росло.

Большевиками на 10 июня назначена была демонстрация. Съезд Советов запретил ее, постановив, что три дня не должно быть никаких демонстраций. Ильич настоял тогда, чтобы назначенная ПК демонстрация была отменена; он считал, что коли признаем власть Советов, то нельзя не подчиняться постановлениям съезда и тем дать оружие в руки противников. Но, уступая настроению масс, съезд Советов на 18 июня назначил собственную демонстрацию. Он не ожидал того, что получилось. В демонстрации принимало участие около 400 тысяч рабочих и солдат. 90 процентов знамен и плакатов были с лозунгами ЦК большевиков: «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!» За доверие Временному правительству было только три плаката (один принадлежал Бунду, один — плехановскому «Единству», один — казачьему полку). Ильич охарактеризовал 18 июня как один из дней перелома.

«Демонстрация 18-го июня, — писал он, — стала демонстрацией сил и политики революционного пролетариата, указывающего направление революции, указывающего выход из тупика. В этом гигантское историческое значение воскресной демонстрации, в этом ее отличие принципиальное от демонстраций в день похорон жертв революции и в день 1-го Мая. Тогда это было поголовное *чувствование* первой победы революции и ее героев, взгляд, брошенный народом назад на пройденный им наиболее быстро и наиболее успешно первый этап к свободе. Первое мая было *праздником* пожеланий и надежд, связанных с историей всемирного рабочего движения, с его идеалом мира и социализма.

Ни та, ни другая демонстрация не задавались целью указать *направление* дальнейшего движения революции и не могли указывать его. Ни та, ни другая не ставили перед массами и от имени масс конкретных, определенных, злободневных вопросов о том, куда и как должна пойти революция.

В этом смысле 18-ое июня было первой политической демон-

страцией *действия*, разъяснением — не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы — разъяснением того, как разные классы действуют, хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше.

Буржуазия попрыталась»¹.

Прошли выборы в районные думы. Я прошла по Выборгскому району. По Выборгскому району прошли только большевики и небольшое число меньшевиков-интернационалистов, которые не стали работать. В районной управе работали исключительно большевики: Л. М. Михайлов, Кучменко, Чугурин, еще один товарищ и я. Наша управа помещалась сначала в одном помещении с партийным районным комитетом, секретарем которого была Женя Егорова, там же работал т. Лацис. Между работой нашей управы и партийной организацией была самая тесная связь. Работа в Выборгском районе дала мне чрезвычайно много — это была хорошая школа партийной и советской работы. Мне, прожившей долгие годы в эмиграции, не решавшейся выступить даже на небольших собраниях, никогда не написавшей до тех пор ни строки в «Правду», такая школа была необходима.

Выборгский район имел крепкий большевистский актив. Большевики пользовались доверием рабочих масс. Вскоре после моего вступления в работу мне пришлось принимать работу выборгского отделения комиссии помощи солдаткам от старой моей знакомой, с которой мы когда-то учились в одной гимназии, потом преподавали вместе в воскресной школе и которая в первые годы развития рабочего движения была социал-демократкой, — от Нины Александровны Герд, жены Струве. Теперь мы стояли на совершенно различных политических точках зрения. Передавая мне дела, она говорила: «Нам солдатки не верят; что бы мы ни делали, они недовольны; они верят только большевикам. Ну, что ж, берите дело в свои руки, может, лучше паладите!» Мы не боялись браться за дело, считали, что вместе с рабочими, опираясь на их самостоятельность, сумеем развернуть широкую работу².

Рабочие массы проявили громадную активность не только в политической области, но и в области культурной. Очень быстро у нас образовался Совет народного образования, куда входили представители всех фабрик и заводов Выборгского района. Из представителей заводов помню рабочих Пурышева, Каюрова,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 360—361. *Ред.*

² В варианте рукописи далее следует: «Потом, уже при Советской власти, Нина Александровна жила на севере в уездном городке, занимаясь педагогической деятельностью. Владимир Ильич это знал. И когда Нина Александровна попросила вернуть ей портрет отца и детские игрушки, взятые в Политехническом музее при обыске в квартире Струве, Владимир Ильич дал распоряжение это сделать». *Ред.*

Юркина, Гордиенко. Собирались каждую неделю и обсуждали практические мероприятия. Когда возник вопрос о необходимости поголовного обучения грамоте, заводы провели очень быстро силами рабочих учет неграмотных на заводах. Фабрикантам предъявлено было требование отвести помещения под школы грамоты, а когда один какой-то заводчик отказался дать помещенье, то работницы подняли невероятный скандал, выявили, что одно из помещений при фабрике занято ударниками (солдатами из особо шовинистски настроенных батальонов); кончилось тем, что фабрикант нанял помещение под школу. Был налажен со стороны рабочих контроль за посещением уроков и за преподаванием. Недалеко от управы стоял пулеметный полк. Он считался вначале очень надежным, но его «надежность» очень быстро растаяла. Как только поставили пулеметный полк на Выборгскую сторону, среди солдат начали вести агитацию. Первыми агитаторами за большевиков оказались торговки семечками, квасом и т. д. Среди них было немало солдаток. Работницы Выборгского района были не похожи на работниц, которых я знала в 90-е годы и даже в революцию 1905 года. Они были хорошо одеты, выступали активно на собраниях, были политически сознательны. Рассказывала мне одна работница: «Муж у меня на фронте. Жили мы с ним дружно, не знаю, как будет теперь, когда вернется с фронта. Я теперь за большевиков, с ними иду, а не знаю, как он там, на фронте... Понял ли, увидел ли, что с большевиками надо идти. Часто ночью думаю — вдруг не понял еще. Только не знаю, дождусь ли, может, убьют его, да я вот кровью харкаю, в больницу еду». Крепко запомнилось мне худое лицо этой работницы с красными пятнами на щеках, ее тревога за то, не пришлось бы разойтись с мужем из-за взглядов. Но в культурной работе в то время впереди шли не работницы, а рабочие. Они вникали во все. Тов. Гордиенко очень много, например, возился с детскими садами, т. Куклин внимательно следил за работой молодежи.

Я тоже вплотную встала к работе молодежи. Молодежь, сгруппированная в союз «Свет и знание», вырабатывала свою программу. Среди ребят были большевики, меньшевики, анархисты, беспартийные. Программа была архинаивна и первобытна, но споры вокруг нее были очень интересны. Например, один из пунктов гласил, что все должны научиться шить. Тогда один парень — большевик — заметил: «Зачем же всем шить учиться? Конечно, девочкам надо уметь, а то не сумеет потом мужу пуговицу к брюкам пришить, а всем-то зачем учиться?!» Эти слова вызвали бурю негодования. Не только девушки, но все ребята вознегодовали, повскакали с мест. «Пуговицу к брюкам жена должна пришивать? Ты что? Старое женское рабство хочешь поддерживать? Жена мужу товарищ, а не служанка!» Автор предложения, чтобы только женщины учились шитью, принуж-

ден был сдать. Помню разговор с другим парнем, защищавшим яро большевиков, с Мурашевым. Я его спрашиваю: «Почему вы не входите в организацию большевиков?» «Видите ли,— отвечал он мне,— нас несколько человек молодежи были в организации. Но почему мы пошли? Думаете, потому, что понимали, что большевики правы? Не потому, а потому, что большевики своим револьверы раздавали! Так никуда не годится. Надо по сознанию идти; я вернул билет, пока до конца не разберусь». Надо сказать, что в «Свет и знание» входили все же лишь ребята, революционно настроенные, ребята не потерпели бы в своей среде никого, кто стал бы высказывать правые взгляды. Публика была активная, выступала у себя на заводах, на своих собраниях, только очень доверчивая. С этой доверчивостью приходилось всячески бороться.

Много приходилось работать среди женщин. Я уже забыла свою недавнюю еще застенчивость и выступала везде, где надо.

С головой ушла я в работу, хотелось втянуть массы поголовно в общественную работу, сделать возможным осуществление той «народной милиции», о которой ставил тогда вопрос Владимир Ильич.

Начав работать в Выборгском районе, я еще меньше стала видеть Ильича, а время было острое, борьба разгоралась. 18 июня было не только днем демонстрации 400 тысяч рабочих и солдат под большевистскими лозунгами, 18 июня было днем, когда Временное правительство, после трех месяцев колебаний, под напором союзников, начало наступление на фронте. Большевики уже стали выступать в печати и на собраниях. Временное правительство почувствовало, что почва колеблется у него под ногами. 28 июня началось поражение русской армии на фронте; это страшно взволновало войска.

В конце июня Ильич вместе с Марией Ильиничной поехал на несколько дней отдохнуть к Бонч-Бруевичам в деревню Нейвола, около станции Мустамяки (недалеко от Питера)¹. Тем временем в Петрограде разразились следующие события. Пулеметный полк, стоявший на Выборгской стороне, решил начать вооруженное восстание. За два дня перед тем наша просветительная комиссия сговорила с культурно-просветительной комиссией пулеметного полка собраться в понедельник для обсуждения совместно некоторых вопросов культурной работы. Никто, само собой, от пулеметного полка не пришел, пулеметный полк весь ушел. Я пошла в дом Кшесинской. Вскоре я нагнала пулеметчиков на Сампсониевском проспекте. Стройными рядами шли солдаты. Осталась в памяти такая сцена. С тротуара сошел старый рабочий и, идя навстречу идущим солдатам, поклонился им в пояс и громко сказал: «Уж постойте, братцы, за

¹ В. И. Ленин пробыл в деревне Нейвола с 29 июня по 4 июля (с 12 по 17 июля) 1917 года. *Ред.*

рабочий народ!» Во дворце Кшесинской из присутствовавших в помещении ЦК товарищей помню Сталина и Лашевича. Пулеметчики останавливались около балкона и отдавали честь, потом шли дальше. Потом к ЦК подошли еще два полка, потом пошла рабочая демонстрация. Вечером был послан товарищ в Мустамяки за Ильичем. Центральный Комитет дал лозунг превратить демонстрацию в мирную, а между тем пулеметный полк стал уже возводить у себя баррикады. Я помню, как долго лежал на диване в Выборгской управе т. Лашевич, который вел работу в этом полку, и смотрел в потолок, прежде чем пойти к пулеметчикам уговаривать их прекратить выступление. Трудненько ему это было, но таково было постановление Центрального Комитета. Заводы и фабрики забастовали. Из Кронштадта прибыли матросы. Огромная демонстрация вооруженных рабочих и солдат шла к Таврическому дворцу. Ильич выступал с балкона дворца Кшесинской¹. Центральный Комитет написал воззвание с призывом о прекращении демонстрации. Временное правительство вызвало юнкеров и казаков. На Садовой открыта была стрельба по демонстрантам.

СНОВА В ПОДПОЛЬЕ

Эту ночь Ильичу устроили ночевку у Сулимовых (на Петроградской стороне). Самое надежное место, где лучше всего можно было укрыть Ильича, было на Выборгской стороне. Решено было, что он будет жить у рабочего Каюрова. Я зашла за Ильичем к Сулимовым, и мы пошли с ним на Выборгскую сторону. Шли мимо Московского полка по какому-то бульвару. На бульваре сидел Каюров. Увидя нас, он пошел немного впереди, за ним пошел Ильич, я повернула в сторону. Юнкера разгромили редакцию «Правды». Днем было собрание ПК в сторожке завода Рено², на котором присутствовал Ильич. Обсуждался вопрос о всеобщей забастовке. Было решено забастовки не устраивать. Оттуда Ильич отправился на квартиру к т. Фофановой, в Лесном, где у него было свидание с некоторыми членами Центрального Комитета. В этот день рабочее движение было подавлено. Алексинский, бывший член II Думы от рабочих Петрограда, впередовец, когда-то близкий товарищ по работе, и член партии эсеров Панкратов, старый шлиссельбуржец, пустили в ход клевету о том, что Ленин, по имеющимся якобы у них данным, — немецкий шпион. Они рассчитывали этой клеветой парализовать влияние Ленина. 7 июля Временное прави-

¹ Выступление В. И. Ленина состоялось 4(17) июля 1917 года. *Ред.*

² Совещание Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б) в сторожке завода «Русский Рено» с участием В. И. Ленина состоялось 6(19) июля 1917 года. *Ред.*

тельство приняло постановление арестовать Лешина, Зиновьева, Каменева. Дом Кшесинской был занят правительственными войсками. От Каюрова Ильич перебрался к Аллилуеву, где скрывался также и Зиновьев. У Каюрова сын был анархист, молодежь возилась с бомбами, что не очень-то подходило для конспиративной квартиры.

7-го мы были у Ильича на квартире Аллилуевых вместе с Марией Ильиничной. Это был как раз у Ильича момент колебаний. Он приводил доводы за необходимость явиться на суд. Мария Ильинична горячо возражала ему. «Мы с Григорием решили явиться, пойдн скажи об этом Каменеву», — сказал мне Ильич. Каменев в это время находился на другой квартире поблизости. Я заторопилась. «Давай попросаемя, — остановил меня Владимир Ильич, — может, не увидимся уж». Мы обьялись. Я пошла к Каменеву и передала ему поручение Владимира Ильича. Вечером т. Сталин и другие убедили Ильича на суд не являться и тем спасли его жизнь. Вечером у нас на Широкой был обыск. Обыскивали только нашу комнату. Был какой-то полковник и еще какой-то военный в шинели на белой подкладке. Они взяли из стола несколько записок, какие-то мои документы. Спросили, не знаю ли я, где Ильич, из чего я заключила, что он не обьявился. Наутро пошла к т. Смилге, который жил на той же Широкой улице, там же были Сталин и Молотов. Там я узнала, что Ильич и Зиновьев решили скрываться.

Через день, 9-го, к нам ввалилась с обыском целая орава юнкеров. Они тщательно обыскали всю квартиру. Мужа Анны Ильиничны, Марка Тимофеевича Елизарова, приняли за Ильича. Допрашивали меня, не Ильич ли это. В это время у Елизаровых домашней работницей жила деревенская девушка Аннушка. Была она из глухой деревни и никакого представления ни о чем не имела. Она страстно хотела научиться грамоте и каждую свободную минуту хваталась за букварь, но грамота ей давалась плохо: «Пробка я деревенская!» — горестно восклицала она. Я ей старалась помочь научиться читать, а также растолковывала, какие партии существуют, из-за чего война и т. д. О Ленине она представления не имела. 8-го я не была дома; наши рассказывали, что к дому подъехал автомобиль и устроена была враждебная демонстрация. Вдруг вбегает Аннушка и кричит: «Какие-то Оленины приехали!» Во время обыска юнкера ее стали спрашивать, указывая на Марка Тимофеевича, как его зовут? Она не знала. Они решили, что она не хочет сказать. Потом пришли к ней в кухню и стали смотреть под кроватью, не спрятался ли там кто. Возмущенная Аннушка им заметила: «Еще в духовке посмотрите, может, там кто сидт». Нас забрали троих — меня, Марка Тимофеевича и Аннушку — и повезли в генеральный штаб. Рассадили там на расстоянии друг от друга. К каждому приставили по солдату

с ружьем. Через некоторое время врывается рассвирепелое какое-то офицерье, собираются броситься на нас. Но входит тот полковник, который делал у нас обыск в первый раз, посмотрел на нас и сказал: «Это не те люди, которые нам нужны». Если бы был Ильич, они бы его разорвали на части. Нас отпустили. Марк Тимофеевич стал настаивать, чтобы нам дали автомобиль ехать домой. Полковник пообещал и ушел. Никто никакого автомобиля нам, конечно, не дал. Мы наняли извозчика. Мосты оказались разведены. Мы добрались до дому лишь к утру. Долго стучали в дверь, стали уж бояться, не случилось ли что с нашими. Наконец достучались.

У наших был обыск еще третий раз. Меня не было дома, была у себя в районе. Прихожу домой, вход занят солдатами, улица полна народом. Постояла и пошла назад в район — все равно ничем не поможешь. Притадилась в район уж поздно, никого там не было, кроме сторожихи. Немного погодя пришел Слуцкий — товарищ, приехавший недавно из Америки вместе с Володарским, Мельничанским и др.; потом он был убит на Южном фронте. Он ушел только что из-под ареста, стал меня убеждать не идти домой, послать сначала утром кого-нибудь, чтобы разузнать, в чем дело. Пошли мы с ним искать почевки, но адресов товарищей мы не знали, долго бродили по району, пока не добрались до Фофановой — товарища по работе в районе, которая и устроила нас. Утром оказалось, что никто из наших не арестован и обыск на этот раз производили менее грубо, чем предыдущий.

Ильич вместе с Зиновьевым скрывались у старого подпольщика, рабочего Сестрорецкого завода Емельянова, на ст. Разлив, недалеко от Сестрорецка. К Емельянову и его семье у Ильича сохранилось до конца очень теплое отношение.

Я стала все время проводить в Выборгском районе. В июльские дни поражала разница между настроениями обывателя и рабочих. В трамваях, по улицам шипел из всех углов озлобленный обыватель, но перейдешь через деревянный мост, который вел на Выборгскую сторону, и точно в другой мир попадаешь. Дел было уйма. Через т. Зофа и других, связанных с т. Емельяновым, получала я записки от Ильича с разными поручениями. Реакция росла. 9 июля объединенное заседание ВЦИК и Исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов объявило Временное правительство «правительством спасения революции»; в тот же день началось «спасение». В тот же день был арестован Каменев, 12 июля отдан приказ о введении смертной казни на фронте, 15 июля закрыты «Правда» и «Окопная правда» и издан приказ о запрещении на фронте митингов, были произведены аресты большевиков в Гельсингфорсе, закрыта там большевистская газета «Волна», 18 июля был распущен Финляндский сейм, генерал Корнилов назначен

верховным главнокомандующим, 22 июля арестованы были Троцкий и Луначарский.

Вскоре после июльских дней Керенский придумал меру, которой рассчитывал поднять дисциплину в войсках; он решил, что надо пулеметный полк, начавший выступление в июльские дни, вывести безоружным на площадь и там заклеить позором. Я видела, как разоруженный полк шел на площадь. Под узду вели разоруженные солдаты лошадей, и столько ненависти горело в их глазах, столько ненависти было во всей их медленной походке, что ясно было, что глупее ничего не мог Керенский придумать. И в самом деле, в Октябре пулеметный полк беззаветно пошел за большевиками, охраняли Ильича в Смольном пулеметчики.

Партия большевиков перешла на полулегальное положение, но она росла и крепла; к моменту открытия VI съезда партии 26 июля она насчитывала уже 177 тысяч¹, вдвое больше, чем три месяца назад, во время Всероссийской апрельской конференции большевиков. Рост влияния большевиков, особенно в войсках, был несомненен. VI съезд сплотил еще больше силы большевиков. В воззвании, выпущенном от имени VI съезда, говорилось о той контрреволюционной позиции, которую заняло Временное правительство, о том, что готовится мировая революция, схватка классов. «В эту схватку,— говорилось в воззвании,— наша партия идет с развернутыми знаменами. Она твердо держала их в своих руках. Она не склонила их перед сильными и грязными клеветниками, перед изменниками революции и слугами капитала. Она впредь будет держать их высоко, борясь за социализм, за братство народов. Ибо она знает, что грядет новое движение и настает смертный час старого мира»².

25 августа началось движение корниловцев на Петроград. Питерские рабочие и выборжцы в первую очередь, конечно, бросились на защиту Петрограда. Навстречу отрядам корниловских войск, так называемой «дикой дивизии», были посланы наши агитаторы. Корниловские войска очень быстро разложились, настоящего наступления не получилось. Генерал Крымов, командовавший корпусом, направленным на Петроград, застрелился. Мне запомнилась фигура одного нашего выборгского рабочего — молодого парня. Он работал по организации дела ликвидации безграмотности. В числе первых двинулся он на фронт. И вот, помню, вернулся он с фронта и еще с винтовкой на плече примчался в районную думу. В школе грамоты не хватило

¹ К VI съезду РСДРП(б) партия насчитывала 240 тысяч членов. *Ред.*

² «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии» см. в кн.: Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., Госполитиздат, 1958, с. 276. *Ред.*

мелу. Входит парень, лицо его дышит еще оживлением борьбы, сбрасывает винтовку, ставит ее в угол и начинает горячо толковать о меле, о досках. В Выборгском районе мне пришлось каждодневно наблюдать, как тесно увязывалась у рабочих их революционная борьба с борьбой за овладение знанием, культурой.

Жить в шалаше на ст. Разлив, где скрывался Ильич, было дальше невозможно, настала осень, и Ильич решил перебраться в Финляндию — там хотел он написать задуманную им работу «Государство и революция», для которой он сделал уже массу выписок, которую уже обдумал со всех сторон. В Финляндии удобнее было также следить за газетами. Н. А. Емельянов достал ему паспорт сестрорецкого рабочего, Ильичу надели парик и подгримировали его. Дмитрий Ильич Лещенко, старый партийный товарищ времен 1905—1907 годов, бывший секретарь наших большевистских газет, у которого часто ночевал в те времена Владимир Ильич, — теперь т. Лещенко был моим помощником по культурной работе в Выборгском районе, — съездил в Разлив и заснял Ильича (к паспорту нужно было приложить карточку). Тов. Ялава, финский товарищ, служивший машинистом на Финляндской железной дороге, — его хорошо знали тт. Шотман и Рахья, — взялся перевезти Ильича под видом кочегара. Так и было сделано. Сношения велись с Ильичем также через т. Ялаву, и я не раз заходила потом к нему за письмами от Ильича — т. Ялава жил также в Выборгском районе¹. Когда Ильич устроился в Гельсингфорсе, он прислал химическое письмо, в котором звал приехать, сообщал адрес и даже план нарисовал, как пройти, никого не спрашивая. Только у плана отгорел край, когда я нагревала письмо на лампе. Емельяновы достали паспорт и мне — сестрорецкой работницы-старухи.

¹ В варианте рукописи читаем: «Время от времени появлялся в Выборгской управе, где я работала, тов. Зоф и передавал письмишки от Ильича. Письма были короткие, с разными простыми поручениями. И после каждого такого письма до жути хотелось повидаться, перекинуться хоть парой слов. Было условлено, что Ильич сообщит, когда будет можно к нему приехать. Николай Александрович Емельянов, у которого скрывался раньше Ильич на станции Разлив, достал мне паспорт старухи Атамановой, которая имела, как приграничная жительница, право перехода через финляндскую границу около Сестрорецка. Тов. Лещенко заснял с меня фотографию с повязанной платком головой (на паспорте нужно было иметь фотографическую карточку); было условлено, что, когда я соберусь ехать в Финляндию к Ильичу, я заеду на ст. Разлив к Емельяновым, они проводят меня через границу, через лес, до ст. Оллила в Финляндии, откуда я и поеду прямо в Гельсингфорс с солдатским поездом. Наконец пришла от Ильича книга, в которой химией был нарисован план, как пройти с вокзала, никого не спрашивая, к дому, как подняться по лестнице, в какую дверь позвонить. На другой день поехала к Ильичу, вся дорога прошла гладко, Емельяновы проводили меня, правда, пришлось всю ночь простоять, так как вагон был битком пабт, но как-то не замечалось усталости, мысли были сосредоточены». *Ред.*

Я повязалась платком и поехала в Разлив, к Емельяновым. Они перевели меня через границу; для пограничных жителей было достаточно паспорта для перехода границы; просматривал паспорта какой-то офицер. Надо было пройти от границы верст пять лесом до небольшой станции Олилла, где сесть в солдатский поезд. Все обошлось как нельзя лучше. Только отгоревший кусок плана немного подсадил — долго бродила я по улицам, пока нашла ту улицу, которая была нужна. Ильич обрадовался очень. Видно было, как истосковался он, сидя в подполье в момент, когда так важно было быть в центре подготовки к борьбе. Я ему рассказала о всем, что знала. Пожила в Гельсингфорсе пару дней. Захотел Ильич непременно проводить меня до вокзала, до последнего поворота довел. Условились, что прееду еще.

Второй раз была я у Ильича недели через две. Как-то запоздала и решила не ездить к Емельяновым, а пойти до Олилла самой. В лесу стало темнеть — глубокая осень уже надвигалась, взошла луна. Ноги стали тонуть в песке. Показалось мне, что сбилась я с дороги; я заторопилась. Пришла в Олилла, а поезда нет, пришел лишь через полчаса. Вагон был битком набит солдатами и матросами. Было так тесно, что всю дорогу пришлось стоять. Солдаты открыто говорили о восстании. Говорили только о политике. Вагон представлял собой сплошной крайне возбужденный митинг. Никто из посторонних в вагон не заходил. Зашел вначале какой-то штатский, да послушав солдата, который рассказывал, как они в Выборге бросали в воду офицеров, на первой же станции смылся. На меня никто не обращал внимания. Когда я рассказала Ильичу об этих разговорах солдат, лицо его стало задумчивым, и потом уже, о чем бы он ни говорил, эта задумчивость не сходила у него с лица. Видно было, что говорит он об одном, а думает о другом, о восстании, о том, как лучше его подготовить.

13—14 сентября Владимир Ильич пишет уже в ЦК письмо «Марксизм и восстание»¹, а в конце сентября перебирается уже из Гельсингфорса в Выборг², чтобы быть поближе к Питеру; из Выборга пишет письмо Смилге в Гельсингфорс³ (Смилга в это время был председателем Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии) о том, что надо *все внимание* отдать *военной* подготовке финских войск, флота для предстоящего свержения Керенского. О том, как надо перестроить весь государственный аппарат, как по-новому организовать массы, как по-новому переткать всю общественную ткань, как выражался Ильич,— об этом он неустанно думал, об этом он писал

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 242—247. Ред.

² В. И. Ленин переехал из Гельсингфорса в Выборг 23 или 24 сентября (6 или 7 октября) 1917 года. Ред.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 264—268. Ред.

в статье «Удержат ли большевики государственную власть?»¹, писал в воззвании к крестьянам и солдатам², в письме питерской городской конференции для прочтения на закрытом заседании³, где указывал уже конкретные меры, которые надо предпринять для взятия власти; о том же написал членам ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы — большевикам⁴.

КАНУН ВОССТАНИЯ

7 октября Ильич перебрался из Выборга в Питер⁵. Решено было соблюдать сугубую конспирацию: не говорить адреса, где он будет скрываться, даже членам Центрального Комитета. Поселили мы его на Выборгской стороне, на углу Лесного проспекта, в большом доме, где жили исключительно почти рабочие, в квартире Маргариты Васильевны Фофановой. Квартира была очень удобна, по случаю лета никого там не было, даже домашней работницы, а сама Маргарита Васильевна была горячей большевичкой, бегавшей по всем поручениям Ильича. Через три дня, 10 октября, Ильич принимал участие в заседании ЦК на квартире Сухановой, где была принята резолюция о вооруженном восстании. Десять человек членов ЦК (Ленин, Свердлов, Сталин, Дзержинский, Троцкий, Урицкий, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов) голосовали за вооруженное восстание. Зиновьев и Каменев — против.

15 октября состоялось заседание Петроградской организации. Происходило оно в Смольном (один уж этот факт был очень показателен); были делегаты от районов (от Выборгского района было восемь человек). Помню — выступал за вооруженное восстание Дзержинский, против — Чудновский. Чудновский был ранен на фронте, у него была рука на перевязи. Волнуясь, он указывал, что мы потерпим неминуемо поражение,

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 287—339. *Ред.*

² Имеется в виду обращение «К рабочим, крестьянам и солдатам» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 284—286). *Ред.*

³ См. там же, с. 347—350. *Ред.*

⁴ См. там же, с. 340—341. *Ред.*

⁵ Точная дата приезда В. И. Ленина не установлена. В протоколе заседания ЦК от 3(16) октября 1917 года записано решение: «...предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь». (Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., Госполитиздат, 1958, с. 74). В воспоминаниях современников, имевших прямое отношение к организации переезда (Рахья, Шотман, Фофанова), указывается, что Ленин переехал из Выборга в Петроград в конце сентября, но в целях конспирации направлял свои письма в ЦК якобы из Финляндии. В XIV томе первого издания Сочинений Ленина, вышедшем при его жизни, в 1921 году, был указан этот же срок. Дата 7(20) октября вошла в литературу начиная с 30-х годов. *Ред.*

что нельзя гордиться. «Ничего нет легче, как умереть за революцию, но мы повредим делу революции, если дадим себя расстрелять». Чудновский умер действительно за дело революции, погибнув во время гражданской войны. Он не был фразером, но точка зрения его была писквозь ошибочна. Я не помню других выступлений. При голосовании громадное большинство высказалось за немедленное восстание, весь Выборгский район голосовал за.

На другой день, 16-го, было расширенное заседание ЦК в Лесном, в Лесной подрайонной думе, где принимали участие кроме членов ЦК и члены Исполнительной комиссии Петроградского комитета, военной организации, Петроградского совета, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, железнодорожников, Петроградского окружного комитета. На этом собрании обсуждались две линии: большинства — тех, кто был за немедленное восстание, и меньшинства — тех, кто был против немедленного восстания. Резолюция Ленина собрала громадное большинство — 19 голосов, 2 были против, 4 воздержались. Вопрос был решен. На закрытом заседании ЦК был выбран Военно-революционный центр.

К Ильичу ходило минимальное количество народу; ходила я, Мария Ильинична, был как-то т. Рахья. Раз помню такую сцену. Ильич куда-то услап Фофанову по делу; условлено было, что он дверей не будет никому открывать и не будет отзываться на звонки. Я стучала условным стуком. У Фофановой был двоюродный брат, учащийся в каком-то военном учебном заведении¹. Прихожу вечером, смотрю, стоит этот парень на лестнице с каким-то растерянным видом. Увидел меня и говорит: «Знаете, в квартиру Маргариты забрался кто-то». «Как забрался?» — «Да, прихожу, звоню, мне какой-то мужской голос ответил; потом звонил я, звонил — никто не отвечает». Парню я что-то наврала, уверила, что Маргарита сегодня на собрании, что ему это показалось, и только тогда успокоилась, когда он сел в трамвай и уехал. Вернулась потом, постучала условным стуком и, когда Ильич открыл дверь, принялась его ругать: «Парень мог ведь парод позвать». «Я подумал, что спешное». Я тоже ходила все время по поручениям Ильича. 24 октября он написал в ЦК письмо о необходимости брать власть сегодня же. Послал Маргариту с этим письмом, но не дождался ее возвращения, надел парик и пошел в Смольный; медлить нельзя было ни минуты.

Выборгский район готовился к восстанию. В помещении Выборгской управы сидело 50 рабочих, женщина-врач всю ночь учила их делать перевязки, в помещении районного комитета шло вооружение рабочих, группа за группой подходили

¹ Имеется в виду студент Политехнического института Е. А. Флоров, сын близкого друга семьи М. В. Фофановой. *Ред.*

они к комитету и получали оружие. Но в Выборгском районе подавлять было некого — заарестовали лишь какого-то полковника и нескольких юнкеров, пришедших пить чай при рабочем клубе. Ночью мы с Женей Егоровой ездили в Смольный на грузовике узнать, как идут дела.

Утром 25 октября (7 ноября) 1917 года Временное правительство было низложено. Государственная власть перешла к Военно-революционному комитету — органу Петроградского Совета, стоявшего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. В тот же день на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов образовано было рабоче-крестьянское правительство, организован был Совет Народных Комиссаров, председателем которого назначен был Ленин¹.

¹ Постановление об образовании рабоче-крестьянского правительства было принято съездом 26 октября (8 ноября) 1917 года. *Ред.*

Часть третья

ПРЕДИСЛОВИЕ К III ЧАСТИ

Я долго колебалась, братья ли за писание этой третьей, послеоктябрьской, части воспоминаний. До нашего приезда в Россию в 1917 году я все время работала бок о бок с Ильичем, моя работа была непосредственной помощью в его работе, я изо дня в день наблюдала его в его разговорах с людьми, знала все мелочи, его волновавшие. В послеоктябрьский период дело было иначе. В условиях советской обстановки¹ характер моей секретарской работы менялся, значительно суживался, и Ильич настаивал, чтобы я стала работать на просвещенческом фронте. Работа захватывала меня целиком, и еще больше захватывала бурно кипевшая жизнь во всей своей красочности, во всей своей сложности. Правда, вся эта жизнь еще как-то больше сближала². Когда Ильич бывал свободен, он вызывал меня из Наркомпроса, чтобы походить вместе по Кремлю, или поехать куда-нибудь в лес, за город, или просто зайдет поговорить, но занят он все время был очень. Кроме того, у нас сложилось дело так: я никогда не расспрашивала Ильича ни о чем, он сразу не рассказывал обычно подробно о только что пережитом, так — бросит мимоходом пару замечаний, расскажет потом как-нибудь, при случае, а обычно начинает говорить о том ходе мыслей, который у него возникал в связи с только что пережитым. Иногда теперь, много лет спустя, перечитывая статьи Владимира Ильича, слышишь интонацию, с которой он сказал в разговоре ту или иную фразу, которая потом вошла в его статью, но об этом

¹ Далее в рукописи: «...я могла быть лишь его техническим секретарем — не могла бывать ни на заседаниях ЦК, ни во время его разговоров с людьми (за исключением разговоров со старыми товарищами, которые знали меня по прежней работе), вся обстановка работы была другая...». *Ред.*

² Далее написано: «...об этом Ильич говорил однажды с Цеткиной, и после его смерти она не раз рассказывала мне об этом». *Ред.*

как напишешь — не выйдет¹. В результате воспоминания очень эпизодичны, отрывочны. И я решила было не писать вовсе воспоминаний, относящихся к советскому периоду. Но потом подумала, что, если эти отрывочные воспоминания дать на общем фоне событий, они все же представляют известный интерес. Этот фон не должен быть историей событий, это должен быть и может быть именно лишь фон. Не знаю, выйдет ли. Но так как товарищей интересует каждая мелочь, касающаяся Ильича, буду пробовать. Предлагаемые главы представляют начало этого типа воспоминаний.

Н. Крупская

12 декабря 1933 года.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

Захват власти в Октябре был партией пролетариата, большевистской партией, всесторонне обдуман и подготовлен. В июльские дни стихийно началось восстание. Но партия считала это восстание несвоевременным, сохранила всю трезвость мысли. Надо было смотреть правде в глаза. Массы не были еще готовы к восстанию. ЦК решил задержать восстание. Трудно было сдерживать восставших, тех, кто рвался в бой, трудно это было делать большевикам. Но они исполнили свой долг, понимая, какое громадное значение имеет правильный выбор момента восстания.

Прошла пара месяцев. Ситуация изменилась. И Ильич, который вынужден был скрываться в Финляндии, пишет между 12 и 14 сентября письмо в ЦК, Петроградскому и Московскому комитетам: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки». И далее он доказывает, почему именно теперь надо брать власть. Питер собирались отдать. Это ухудшило бы шансы на победу. Намечался сепаратный мир между английскими и немецкими империалистами. «Именно теперь предложить мир народам — значит *победить*»², — писал Ильич.

В письме к ЦК он подробно говорит о том, как определять момент восстания и как готовить его: «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опи-

¹ Далее сказано: «Кроме того, я ужасно увлекалась просвещенческой работой, и с Ильичем очень много у нас было переговорено на эти темы, все это связывалось, конечно, с общими вопросами, но эти разговоры не так уж интересуют товарищей». *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 239, 241. *Ред.*

ратся на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих»¹.

В конце письма Ильич указывал, что надо сделать, чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству: «А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку², арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*»³.

Ильич страшно волновался, сидя в Финляндии, что будет пропущен благоприятный момент для восстания. 7 октября он пишет Питерской городской конференции⁴, пишет также в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы — большевикам⁵. 8-го пишет письмо к товарищам-большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области⁶, волнуется, придет ли это письмо, и 9-го уже приезжает сам в Питер⁷, поселяется нелегально в Выборгском районе и оттуда руководит подготовкой восстания.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 242—243. *Ред.*

² Александринка — Александринский театр в Петрограде, в котором заседало Демократическое совещание.

Петропавловка — Петропавловская крепость, расположенная напротив Зимнего Дворца, на другом берегу Невы. При царизме в ней содержались политические заключенные. Петропавловская крепость имела громадный арсенал и являлась важным стратегическим пунктом Петрограда. В настоящее время — Историко-революционный музей. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 247. *Ред.*

⁴ См. там же, с. 347—350. *Ред.*

⁵ «Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам» написано 1(14) октября 1917 года (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 340—341). *Ред.*

⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 385—390. *Ред.*

⁷ См. настоящий том, с. 468, примечание 5. *Ред.*

Весь, целиком, без остатка жил Ленин этот последний месяц мыслью о восстании, только об этом и думал, заражал товарищей своим настроением, своей убежденностью.

Исключительную важность имеет последнее письмо Ильича из Финляндии большевикам, участвующим в областном съезде Советов Северной области. Вот оно:

«...Вооруженное восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное *«восстание, как и война, есть искусство»*.

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить *врасплох* неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, *«моральный перевес»*.

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего флота, скопление гигантского перевеса сил* над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнkerов), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши *три* главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях, например:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, — такова задача, требующая искусства и тройной смелости.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля.*

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применяют великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы»¹.

Это письмо было написано 21-го (8-го), а 22-го (9-го)² Ильич был уже в Питере, и на следующий день было уже собрание ЦК, где он провел резолюцию о вооруженном восстании. Зиновьев и Каменев высказались против восстания и потребовали созыва экстренного пленума ЦК. Каменев демонстративно заявил о выходе своем из ЦК. Ленин требовал применения к ним самых суровых мер партийного взыскания.

Разбивая оппортунистические течения, усиленно шла подготовка восстания. 25 (12) октября исполком Петроградского Совета вынес постановление об образовании Военно-революционного комитета. 29-го (16-го) было расширенное заседание ЦК с представителями партийных организаций. В этот же день на заседании ЦК был выделен Военно-революционный центр по практическому руководству восстанием в составе тт. Сталина, Свердлова, Дзержинского и других.

30-го (17-го) проект организации Военно-революционного комитета был утвержден не только Исполнительным комитетом Петроградского Совета, но и Советом в целом. Еще через пять дней собрание полковых комитетов признало Петроградский военно-революционный комитет руководящим органом военных частей Петрограда и постановило не подчиняться приказам штаба, не скрепленным подписью Военно-революционного комитета.

5 ноября (23 октября) ВРК уже назначил комиссаров в воинские части. На следующий день, 6 ноября (24 октября), Временное правительство решило предать суду членов ВРК, арестовать назначенных в воинские части комиссаров, вызвало юнкерские училища к Зимнему дворцу. Но было уже поздно: воинские части были за большевиков, рабочие были за переход власти к Советам, ВРК работал под непосредственным руководством ЦК, большинство членов ЦК, в том числе Сталин, Свердлов, Молотов, Дзержинский, Бубнов и др., входили в ВРК. Восстание развертывалось.

¹ См. «Советы постороннего». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 382—384. *Ред.*

² См. настоящий том, с. 468 примечание 5. *Ред.*

6 ноября (24 октября) Ильич сидел еще законспирированный на Выборгской стороне в квартире нашей партийки Маргариты Васильевны Фофановой (угол Б. Сампсониевского и Сердобольской, д. 92/1, кв. 42), знал, что готовится восстание, и томился тем, что стоит вдали от работы в такой момент. Посылал через Маргариту мне записки для передачи дальше, что медлить с восстанием нельзя. Вечером наконец пришел к нему Эйно Рахья, финский товарищ, хорошо связанный с заводами, с партийной организацией и служивший связью для Ильича с организацией. Эйно рассказал Ильичу, что по городу усилены патрули, что Временным правительством дано приказание развести мосты через Неву, чтобы разъединить рабочие кварталы, и мосты охраняются отрядами солдат. Явно было — восстание начинается. Ильич было попросил Эйно привести к нему т. Сталина, но из разговоров выяснилось, что сделать это почти невозможно, что Сталин, вероятно, в Военно-революционном комитете, в Смольном, что трамваи, вероятно, уже не ходят, что это отнимет уйму времени. Ильич решил, что он сам сейчас же пойдет в Смольный, и заторопился. Маргарите оставил записку: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич»¹.

В эту ночь Выборгский район вооружался, готовился к восстанию, одна группа рабочих за другой приходила в районный комитет за оружием и инструкциями. Ночью я ходила к Ильичу на квартиру к Фофановой и там узнала, что Ильич ушел в Смольный. С Женей Егоровой, секретарем Выборгского райкома, мы присоединились к какому-то грузовику, который зачем-то посылался нашими в Смольный. Мне хотелось узнать, добрался ли Ильич до Смольного. У меня не осталось в памяти, видела ли я в Смольном Ильича или только узнала, что он там, во всяком случае мы не разговаривали, так как Ильич весь с головой ушел в дело руководства восстанием, а руководя, он, как всегда, вникал во все мелочи.

Смольный был ярко освещен и весь кипел. Со всех концов приходили за указаниями красногвардейцы, представители заводов, солдат. Стучали машинки, звонили телефоны, склонившись над кипами телеграмм, сидели девицы наши, непрерывно заседал на третьем этаже Военно-революционный комитет. На площади перед Смольным шумели броневики, стояла трехдюймовка, были сложены дрова на случай постройки баррикад. У входа стояли пулеметы и орудия, у дверей — часовые.

В 10 часов утра 25 октября (7 ноября) уже было сдано в печать от имени ВРК Петроградского Совета обращение «К гражданам России!», где сообщалось:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 453. *Ред.*

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»¹

Хотя ясно было, что революция победила, 25-го утром продолжалась напряженная работа ВРК, занимавшего одно за другим правительственные учреждения, организовавшего охрану их и т. д.

В 2 часа 30 минут было заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. С бурным ликованием встретил Совет информацию о том, что Временное правительство больше не существует, отдельные министры подвергнуты аресту, будут арестованы и остальные, Предпарламент распущен, вокзалы, почта, телеграф, Государственный банк заняты. Идет штурм Зимнего дворца. Он еще не взят, но судьба его предreshена, и солдаты проявляют необычайный героизм; переворот прошел бескровно.

Бурно приветствовал Совет пришедшего на заседание Ленина. Ленин делал доклад. Он не говорил никаких больших слов по поводу одержанной победы. Это характерно для Ильича. Он говорил о другом, о тех задачах, которые стоят перед Советской властью, за осуществление которых надо взяться вплотную.

Он говорил, что началась новая полоса в истории России. Советское правительство будет вести работу без участия буржуазии. Будет издан декрет об уничтожении частной собственности на землю. Над производством будет учрежден подлинный рабочий контроль. Развернется борьба за социализм. Старый государственный аппарат будет разбит, сломан, будет создана новая власть, власть советских организаций. У нас имеется сила массовой организации, которая победит все. Очередная задача — заключить мир. Для этого надо победить капитал. Заключить мир поможет нам международный пролетариат, среди которого уже появляются признаки революционного брожения.

Близка эта речь была членам Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов. Да, начинается новая полоса в нашей истории. Сила массовых организаций непобедима. Массы поднялись — и власть буржуазии пала. У помещиков возьмем землю, фабрикантов обуздаем, а главное — добьемся мира. На помощь придет мировая революция. Ильич прав. Бурными аплодисментами покрыта была речь Ильича.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 1. *Ред.*

Вечером должен был открыться II съезд Советов, он должен был провозгласить власть Советов, формально закрепить одержанную победу.

Делегаты съезжались. Среди них шла агитация. Власть рабочих должна опираться на крестьянство, вести его за собой. Партией, выражавшей мнение крестьянства, считались эсеры. Богатое крестьянство, кулачество, имело своих идеологов в лице правых эсеров. Идеологи мелкого крестьянства, левые эсеры, были типичными представителями мелкой буржуазии, с ее колебаниями между буржуазией и пролетариатом. Во главе Петроградского комитета эсеров стояли Натансон, Спиридонова и Камков. Натансона Ильич знал еще по первой эмиграции. В то время, в 1904 году, Натансон близко подходил к марксизму, ему только казалось, что социал-демократы недооценивают роли крестьянства. Имя Спиридоновой было в то время очень популярно. В период первой революции, в 1906 году, 17-летней девушкой, она убила усмирителя крестьянского движения Тамбовской губернии Луженовского, потом подвергалась зверским истязаниям, а затем пробыла в Сибири на каторге до Февральской революции. Питерские левые эсеры находились под сильным влиянием большевистских настроений масс. К большевикам они относились лучше других. Они видели, что большевики серьезно боролись за конфискацию всех помещичьих земель и передачу их крестьянству. Левые эсеры считали, что нужно ввести уравнительное землепользование, большевики понимали, что нужна социалистическая перестройка всего земельного хозяйства. Но Ильич считал, что самое важное сейчас — конфискация помещичьих земель, а какими путями пойдет дальнейшая перестройка, покажет жизнь¹. И он обдумывал, как составить декрет о земле.

В воспоминаниях М. В. Фофаловой есть одно очень интересное место. «Помню, — пишет она, — Владимир Ильич дал мне задание достать все вышедшие номера «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов», что мною, конечно, было выполнено. Не помню, сколько этих номеров я достала, но что-то очень много, словом — внушительный материал для изучения. Два дня Владимир Ильич занимался очень долго, даже по ночам, а потом наутро как-то и говорит: «Ну, кажется, насквозь всех эсеров изучил, осталось сегодня читать только наказ их мужичков», и часа через два зовет меня и весело говорит, ударяя рукой по газете (вижу, у него в руках номер «Крестьянских известий» от 19 августа): «Вот и соглашение с левыми эсерами готово. Шутка сказать, наказ подписан 242 депутатами с мест. Мы его положим в основу закона о земле и посмотрим, как левые эсеры подумают отказаться». Показывает мне номер, в разных местах расчерканный синим карандашом,

¹ Далее в рукописи: «Сейчас падо было идти вместе с левыми эсерами». *Ред.*

и добавляет: «Вот надо только найти маленькую заручку, чтобы впоследствии их социализацию переключить на наш лад».

Маргарита по профессии была агрономом, сталкивалась в своей работе с этими вопросами, и потому Ильич особо охотно разговаривал с ней на эти темы.

Уйдут или не уйдут левые эсеры со съезда?

Вечером 25-го, в 10 часов 45 минут, открылся II Всероссийский съезд Советов. В этот вечер съезд должен был конституироваться, выбрать президиум, определить свои полномочия. Из 670 делегатов большевиков было лишь 300 человек; затем шли эсеры — 193 делегата, меньшевики — 68 делегатов. Правые эсеры, меньшевики, бундовцы рвали и метали. На чем свет стоит ругали большевиков. Они огласили декларацию протеста против «военного заговора и захвата власти, устроенного большевиками за спиной других партий и фракций, представленных в Совете», и ушли со съезда. Ушла и часть меньшевиконтернационалистов. Левые эсеры — а их было громадное большинство среди эсеровских делегатов — 169 из 193 — остались¹. Всего ушло со съезда человек 50. Ильич 25-го на съезде не был.

В момент, когда открывался II съезд Советов, шел штурм Зимнего дворца. Керенский, переодевшись матросом, скрылся еще накануне и, сев на автомобиль, помчался в Псков. Псковский ВРК его не арестовал, хотя и имел прямое распоряжение за подписями Дыбенко и Крыленко, и Керенский уехал в Москву, чтобы организовать поход на Петроград, где солдаты и рабочие взяли власть в свои руки. Остальные министры с Кишкиным во главе укрылись в Зимний дворец под защиту стянутых туда юнкеров и женского ударного батальона. По поводу осады Зимнего на съезде устраивали невероятную истерику меньшевики и правые эсеры, бундовцы. Эрлих заявил, что часть гласных городской думы решила пойти безоружными под расстрел на площадь Зимнего дворца ввиду того, что не прекращается обстрел дворца из орудий. Исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов, фракция меньшевиков и фракция эсеров решили присоединиться к ним. После ухода меньшевиков и эсеров был назначен перерыв. Когда заседание возобновилось, в 3 часа 10 минут, было сообщено о взятии Зимнего дворца, об аресте министров, о том, что офицеры и юнкера обезоружены, о переходе 3-го батальона самокатчиков, двинутого Керенским на Петроград, на сторону революционного народа.

Ильич, не спавший почти совершенно предыдущую ночь и все время принимавший активное участие в руководстве вос-

¹ Данные о составе делегатов II Всероссийского съезда Советов позднее были уточнены (см. История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 1. М., Политиздат, 1967, с. 331). *Ред.*

стаишем, когда не было уже никаких сомнений в одержанной победе и в том, что левые эсеры не уйдут со съезда, ушел из Смольного ночевать к Бонч-Бруевичам, жившим неподалеку от Смольного, на Песках. Ему отвели отдельную комнату, но он долго не мог заснуть, тихонько встал и стал составлять давно уже продуманный со всех сторон декрет о земле.

Вечером 26 октября (8 ноября), выступая на съезде с докладом в обосновании декрета о земле, Ильич говорил: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм... Крестьяне кое-чему научились за время нашей восьмимесячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации, потому что мы пишем декрет, а не программу действий»¹.

В этих словах все ильичевское: и отсутствие мелочного самодлюбия — было бы сказано правильно, а кто сказал, неважно, — и учет мнения низов, и понимание силы революционного творчества, и глубокое понимание того, что массы убеждаются больше всего практикой, фактами, и глубокая уверенность в том, что факты, жизнь приведут массы к пониманию того, что правильна точка зрения большевиков. Декрет о земле, который защищал Ленин, был принят. Шестнадцать лет прошло с тех пор. Помещичья собственность была отменена, и шаг за шагом, в борьбе со старыми, мелкособственническими взглядами и привычками, создались новые формы хозяйствования — коллективизация сельского хозяйства, которая охватывает теперь большую часть крестьянских хозяйств. Старое, мелкое хозяйство, старая, мелкособственническая психология уходят в прошлое. Создана прочная, мощная база социалистического хозяйства.

На вечернем заседании 26 октября (8 ноября) были приняты декреты о мире и о земле. Тут с эсерами договорились. Хуже обстояло дело с образованием правительства. Левые эсеры со съезда не ушли, не могли уйти, понимая, что уход привел бы к тому, что они потеряли бы всякое влияние в крестьянских массах, но уход 25 октября со съезда правых эсеров

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 27. *Ред.*

и меньшевиков, их выкрики о большевистской аванюре, о захвате власти и т. д. и т. п. очень сильно их волновали. После ухода со съезда правых эсеров и других Камков, один из вождей левых эсеров, заявил, что они за единое демократическое правительство, что левые эсеры будут делать все возможное, чтобы осуществить такое правительство. Левые эсеры говорили, что они хотят быть посредниками между большевиками и ушедшими со съезда партиями. Большевики не отказывались от переговоров, но Ильич прекрасно понимал, что из этих разговоров ничего не выйдет. Не для того бралась власть, устраивалась революция, чтобы впрячь в советскую телегу лебедя, щуку и рака, создать правительство, неспособное спеться, сдвинуться с места. Сотрудничество с левыми эсерами Ильич считал возможным¹.

За пару часов до открытия съезда 26 октября имело место совещание по этому вопросу с представителями левых эсеров. В памяти осталась обстановка этого совещания. Какая-то комната в Смольном с мягкими темно-красными диванчиками. На одном из диванчиков сидит Спиридонова, около нее стоит Ильич и мягко как-то и страстно в чем-то ее убеждает. С левыми эсерами договоренности не получилось, они не хотели входить в правительство. Ильич предложил назначить на должность социалистических министров одних большевиков².

Заседание 26 октября (8 ноября) открылось в 9 часов вечера. Я присутствовала на этом заседании. Запомнилось, как делал доклад Ильич, обосновывая декрет о земле, говорил спокойно. Аудитория напряженно слушала. Во время чтения декрета о земле мне бросилось в глаза выражение лица одного из делегатов, сидевшего неподалеку от меня. Это был молодой уже крестьянского вида человек. Его лицо от волнения стало каким-то прозрачным, точно восковым, глаза светились каким-то особенным блеском.

¹ Далее в рукописи следует: «Однако левые эсеры не хотели брать на себя какой-либо ответственности за новое правительство, отказались послать туда своих представителей». *Ред.*

² Далее в рукописи: «Эти министры должны будут создавать совершенно новые формы работы, это будет работа качественно отличная от работы старых министров, чуждая старому бюрократическому духу. Хотя не в названии дело, по и назвать министров надо по-новому, так как они назывались в Великую французскую революцию, надо, чтобы название говорило о том, что они уполномоченные революционного народа. Надо их назвать «народными комиссарами». Совет их будет называться не советом министров, а «советом народных комиссаров». Провести в жизнь программу, провозглашенную II съездом Советов, можно было только опираясь на массы. Народные комиссары должны работать в тесном единении с массовыми организациями рабочих и работниц, матросов, солдат, красногвардейцев, крестьян и служащих. Из них образуются комиссии, которым поручается работа в той или другой области государственной жизни, и возглавляться комиссии эти должны народными комиссарами». *Ред.*

Была отменена смертная казнь, введенная Керенским на фронте, были приняты декреты о мире, о земле, о рабочем контроле, утвержден был большевистский состав Совета Народных Комиссаров. Председателем СНК был назначен Владимир Ульянов (Ленин); народным комиссаром по внутренним делам — А. И. Рыков; земледелия — В. П. Милютин; труда — А. Г. Шляпников; по делам военным и морским — комитет в составе: В. А. Овсенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко; по делам торговли и промышленности — В. П. Ногин; народного просвещения — А. В. Луначарский; финансов — И. И. Скворцов (Степанов); по делам иностранным — Л. Д. Бронштейн (Троцкий); юстиции — Г. И. Оппоков (Ломов); по делам продовольствия — И. А. Теодорович; почты и телеграфа — Н. П. Авилов (Глебов); председателем по делам национальностей — И. В. Джугашвили (Сталин). Место комиссара путей сообщения осталось незанятым.

Тов. Эйно Рахья рассказывает: когда в большевистской фракции намечался список первых народных комиссаров, он в это время сидел в уголке и слушал. Кто-то из намечаемых в народные комиссары стал отказываться, говоря, что у него нет опыта в этой работе. Владимир Ильич расхохотался: «А вы думаете, у кого-нибудь из нас есть такой опыт?!» Опыта не было, конечно. Но перед глазами Владимира Ильича вырисовывался облик народного комиссара, нового типа министра, организатора и руководителя той или иной отрасли государственной работы, тесно связанного с массами, — типа, зародившегося в огне революции.

Владимир Ильич все время усиленно думал о новых формах управления. Он думал о том, как организовать такого рода аппарат, которому чужд был бы дух бюрократизма, который умел бы опираться на массы, организовывать их в помощь своей работе, умел расцвистать на этой работе нового типа работников. В постановлении II съезда Советов «Об образовании рабочего и крестьянского правительства» это выражено словами: «Заведование отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров»¹.

Мне вспоминаются разговоры с Ильичем на эту тему в те недели, которые он жил у Фофановой. Я в это время работала с громадным увлечением в Выборгском районе, с жадностью всматривалась в революционное творчество масс, в то, как в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 28. *Ред.*

корне перестраивается вся жизнь. Встречаясь с Владимиром Ильичем, я рассказывала ему о жизни района. Помню, рассказывала раз о своеобразном заседании народного суда, на котором я присутствовала. Такие суды проводились кое-где еще в революцию 1905 года. Проводились они, например, в Сормове. Тов. Чугурин, рабочий, которого я хорошо знала по партийной школе под Парижем, в Лонжюмо, и с которым мы теперь работали вместе в Выборгской районной управе, был сормовец. Он предложил начать организовывать такие суды в Выборгском районе. Первое заседание суда происходило в помещении Народного дома. Народу набралось уйма, стояли плечом к плечу, стояли на скамьях, на окнах. Я не помню уже сейчас точно разбиравшихся дел. По существу, дела эти были не преступлениями в узком смысле этого слова, это были бытовые вопросы. Судили каких-то двух подозрительных типов, пытавшихся арестовать Чугурина. «Судили» какого-то высокого смуглого сторожа за то, что он бьет своего сына-подростка, эксплуатирует его, не пускает учиться. Из гущи собравшихся выступали многие рабочие и работницы, говорили горячие речи. «Подсудимый» сначала все вытирал пот со лба, потом по лицу его покатились слезы, обещал сынишку не обижать. По существу дела это был не суд, это был общественный контроль над поведением граждан, выковывалась пролетарская этика. Владимир Ильич чрезвычайно заинтересовался этим «судом» и выспрашивал у меня все детали его.

Но больше всего я рассказывала ему о новых формах культурной работы. Я заведовала в управе отделом народного образования. Летом детская школа не функционировала, приходилось заниматься больше политпросветработой. Тут мне помогал в значительной мере мой пятилетний опыт работы в вечерней воскресной школе за Невской заставой в 90-х годах. Времена были теперь, конечно, совсем другие, и можно было работу развертывать вовсю.

Каждую неделю собирались мы с представителями приблизительно от сорока фабрик и заводов, сообща обсуждали, что надо делать, как проводить те или иные мероприятия. Что решали, то сейчас же и проводили в жизнь. Решили, например, ликвидировать неграмотность, и представители от фабрик и заводов, каждый на своем предприятии, провели собственными силами учет неграмотных, нашли помещения под школы, нажали на заводоуправления, раздобыли средства. К каждой школе грамоты прикрепляли уполномоченного-рабочего, который следил, чтобы в школе было все необходимое: доски, мел, буквари; выделялись уполномоченные, которые следили, правильно ли поставлено преподавание и что говорят по поводу преподавания рабочие. Мы инструктировали прикрепленных и заслушивали их отчеты. Собирали делегатов от солдаток, обсуждали

вместе с ними состояние дела в детдомах, организовывали их контроль над детдомами, инструктировали их, вели большую разъяснительную работу. Собирали библиотекой района, вместе с ними и рабочими обсуждали формы работы массовых библиотек. Ключом была инициатива рабочих, около отдела народного образования сплывалось немало сил. Ильич говорил тогда, что вот по такому типу должна будет складываться работа нашего государственного аппарата, наших будущих министров — по типу комиссий из рабочих, работниц, стоящих в гуще жизни, знающих быт, условия работы, то, что в данную минуту всего более волнует массы. Потому, что Владимиру Ильичу казалось, что я понимаю, как втягивать массы в дело государственного управления, он особенно охотно и часто разговаривал со мной на эти темы, особенно ругал меня потом «паршивый» бюрократизм, лезущий во все щели, и позднее, когда встал вопрос о необходимости повысить ответственность наркомов и руководителей отделов наркоматов, часто сваливавших ответственность на коллегии и комиссии, встал вопрос об единоначалии, — Ильич неожиданно ввел меня членом комиссии при Совнарком, которой поручено было рассмотреть этот вопрос, и сказал: надо смотреть, чтобы единоначалие никоим образом не подавляло инициативы и самостоятельности комиссий, не ослабляло связи с массами, надо сочетать единоначалие с умением работать с массой. Ильич старался использовать опыт каждого для построения государства нового типа. Перед Советской властью, во главе которой встал теперь Ильич, стояла задача построить невиданный еще в мире тип государственного аппарата, опирающийся на самые широкие массы трудящихся, по-новому, по-социалистически перестраивающий всю общественную ткань, все человеческие отношения.

Но прежде всего надо было защитить Советскую власть от попыток врага сбросить ее силой, от попыток разложить ее изнутри. Надо было укрепить свои ряды.

9—15 ноября были днями борьбы за существование самой Советской власти.

Изучая самым внимательным образом опыт Парижской коммуны, этого первого пролетарского государства в мире, Ильич отмечал, как пагубно отразилась на судьбе Парижской коммуны та мягкость, с которой рабочие массы и рабочее правительство относились к заведомым врагам. И потому, говоря о борьбе с врагами, Ильич всегда, что называется, «закручивал», боясь излишней мягкости масс и своей собственной.

В начале Октябрьской революции этой излишней мягкости было немало. Дали уйти Керенскому, дали уйти ряду министров, отпустили на честное слово юнкеров, защищавших Зимний дворец, оставили под домашним арестом генерала Краснова, командовавшего войсками наступавшего Керенского.

Однажды, дожидаясь кого-то в одной из проходных комнат Смольного, сидя на груде солдатских шинелей, я была свидетельницей разговора т. Крыленко с привезенным в Питер арестованным генералом Красновым. Они вошли вдвоем в комнату без всякой охраны, сели около маленького столика, одиноко стоявшего среди большой комнаты, и стали спокойно разговаривать. Помню, как удивил меня мирный характер их разговора. 17 (4) ноября, выступая на заседании ЦИК, Ильич говорил: «К Краснову были применены мягкие меры. Он был подвергнут лишь домашнему аресту. Мы против гражданской войны. Если, тем не менее, она продолжается, то что же нам делать?»¹

Отпущенный псковичами Керенский организовал поход на Петроград, отпущенные на честное слово юнкера устроили 11 ноября восстание, убежавший из-под домашнего ареста Краснов ушел на Дон и при помощи германского правительства организовал почти стотысячную белую армию.

Уставший от империалистической бойни народ хотел бескровной революции, враги вынуждали его идти в бой. Думавший больше всего о социалистической перестройке всего общественного уклада, Ильич должен был прежде всего взяться за дело защиты революции.

9 ноября Керенскому удалось уже взять Гатчину. Тов. Подвойский в статье «Ленин в дни переворота» («Красная газета» от 6 ноября 1927 года) очень ярко описывает ту громадную работу, которую проделал Ленин в дни защиты Петрограда, описывает, как Ленин приехал в штаб округа и потребовал, чтобы ему был сделан необходимый доклад о положении. Антонов-Овсеенко стал излагать общий план операции, указывая на карте расположение наших сил и вероятное расположение и количество сил противника. «Товарищ Ленин вшил в карту. С остротой самого глубокого и внимательного стратега и полководца он затребовал объяснений: почему этот пункт не охраняется, почему тот пункт не охраняется, почему предполагается тот шаг, а не этот, почему не вызвана поддержка из Кронштадта, Выборга, Гельсингфорса и т. п... Из обмена мнениями стало ясно, что мы действительно допустили целый ряд оплошностей, не проявили той чрезвычайной активности, которой требовало угрожающее положение Петербурга, по части организации сил и средств для его обороны»². Вечером 9-го Ильич сам уже говорил с Гельсингфорсом по прямому проводу о высылке на подмогу Питеру, на защиту подступов к нему, двух миноносцев и линейного корабля «Республика».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 53. *Ред.*

² Подвойский Н. И. Ленин в дни переворота. В сб. Ленин в 1917 году. Воспоминания. М., 1967, с. 253, 254. *Ред.*

Ездил Ильич вместе с т. Антоновым-Овсеенко и на Путиловский завод проверить, достаточно ли напряженно строится столь необходимый бронепоезд. Потолковал с рабочими. Штаб был перенесен из штаба округа в Смольный. Ленин стал следить за всей его работой, помогать в деле мобилизации активности масс. Тов. Подвойский пишет, что он особенно оценил работу Ленина, когда происходило созванное Лениным совещание из представителей рабочих организаций, районных Советов, фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и военных частей: «Здесь я увидел, в чем заключается сила т. Ленина. В чрезвычайный момент он доводил концентрацию мысли, сил, средств до крайних пределов. Мы разбрасывались, собирали и бросали силы непланомерно, из-за чего получалась распыленность действий и как следствие — расплывчатость в настроянии масс и отсутствие благодаря этому активности, инициативы и решимости... Массы не чувствовали железной воли и железного плана, где все, как в машине, было бы стройно пригнано и скреплено. Ленин же гвоздем вколачивал в каждую голову одну мысль — о необходимости все сосредоточить для обороны. Из этой мысли он далее разворачивал уже понятный для совещания план, в котором, как в цельном механизме, невольно каждый находил место для себя, для своего завода, для своей части. Он тут же, на совещании, мог конкретно представить себе план дальнейшей работы и тут же чувствовал связанность своей работы с работой всего коллектива республики. Этим самым он чувствовал ту ответственность, которую с этого момента возлагает на него диктатура пролетариата. Привлечь массы и закрепить их сознание в том, что не вожди будут делать их долю, а что они сами, собственными руками должны пробивать себе дорогу к устройству своей жизни и к обороне своего государства, — в этом постоянно было стремление т. Ленина, в этом сказывался он как истинный народный вождь, умеющий поставить массу перед жизненно необходимым для нее шагом и заставляющий этот шаг сделать саму массу не бессознательно вслед за вождем, а глубоко сознательно»¹.

В этом т. Подвойский глубоко прав. Ильич умел активизировать массу, умел всегда ставить перед массой конкретные цели.

Питерские рабочие поднялись на защиту Питера, и старики и молодежь двинулись на фронт, навстречу войскам Керенского. Казаки, части, вызванные из провинции, меньше всего хотели воевать, и питерские рабочие повели среди них агитацию, убеждали их, и казаки и солдаты, мобилизованные Керенским, просто уходили с фронта, увозя с собой пушки и ружья. Фронт Керенского разлагался. Наши побеждали. Много питер-

¹ Ленин в 1917 году. Воспоминания, с. 255—256. *Ред.*

цев все же погибло при защите Питера. Погибла, между прочим, Вера Слуцкая, активно работавшая в Василеостровском районе. Она поехала на фронт на грузовике, снарядом ей снесло череп. Погибло довольно много и наших выборжцев. Мы хоронили их в районе, хоронил весь район.

11 ноября (29 октября), когда Керенский еще наступал всюю, юнкера, отпущенные из Зимнего дворца на честное слово, решили помочь Керенскому и устроили восстание. В это время я жила еще не в Смольном, а на Петроградской стороне, у родных Владимира Ильича. Ранним утром начался бой около находившегося неподалеку от нас Павловского юнкерского училища. Узнав о восстании юнкеров, подавлять его пришли выборгские красногвардейцы, рабочие с выборгских фабрик и заводов. Палили из пушки. Весь наш дом трясся. Обыватели испуганы были насмерть. Когда рано утром я вышла из дому, чтобы идти в район, бежавшая мне навстречу горничная соседнего дома ахала: «Что делают! Сейчас видела: подцепили юнкера на штык, как букашку!» По дороге встретила новый отряд выборгских красногвардейцев, везших на подмогу еще одну пушку. Юнкерское восстание было быстро подавлено.

В этот же день Ильич выступал на совещании полковых представителей петроградского гарнизона. «Попытка Керенского,— говорил Ильич на этом совещании,— это такая же жалкая авантюра, как попытка Корнилова. Но момент теперь трудный. Необходимы энергичные меры к упорядочению продовольствия, к прекращению бедствий на войне. Мы не можем ждать и не можем ни одного дня терпеть восстания Керенского. Если корниловцы организуют новое наступление, им будет отвечено так, как сегодня ответили на восстание юнкеров. Пусть юнкера пеняют на себя. Мы взяли власть почти без кровопролития. Если были жертвы, то только с нашей стороны... Правительство, созданное волею рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, не потерпит издевательства над собой корниловцев»¹. 14 ноября восстание Керенского было подавлено, Гатчина взята обратно. Керенский бежал. В Питере победа была одержана. Но в стране гражданская война разгоралась. Уже 8 ноября (26 октября) генерал Каледин объявил Донскую область на военном положении и стал организовывать казаков против Советской власти. 9 ноября казачий атаман Дутов захватил Оренбург. В Москве дело затягивалось. Белые захватили там Кремль. Борьба была ожесточеннее, чем в Питере.

Правые эсеры, меньшевики и другие фракции, ушедшие со II съезда Советов 8 ноября (26 октября), организовали «Комитет спасения родины и революции». Они хотели сплотить около него всех противников Советской власти. Туда вошли 9 пред-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 37. *Ред.*

ставителей от Центральной городской думы, весь президиум Предпарламента, по 3 представителя исполкомов Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов, фракций эсеров и меньшевиков, представители меньшевиков-объединенцев, Центрофлота, 2 представителя плехановской группы «Единство». Они хотели спасти родину и революцию от «авантюристов»-большевиков, за их спиной захвативших власть. Но сделать многого они не смогли. Лозунги «За мир!», «За землю!» были настолько популярны в массах, что массы шли за большевиками с громадным подъемом, без колебаний. Образовавшийся в Москве «Комитет общественной безопасности» примкнул к петроградскому «Комитету спасения родины и революции». Образовался он по инициативе Московской городской думы, во главе которой стоял правый эсер Руднев. Московский «Комитет общественной безопасности» открыто поддерживал контрреволюцию.

Москве пужно было посылать на подмогу войска. Это не удалось из-за позиции, которую занял Викжель (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожных рабочих и служащих). Викжель был опорой ушедших со съезда фракций, рабочие там влиянием не пользовались. Викжель заявил, что в начавшейся гражданской войне он занимает «нейтральную позицию» и не будет пропускать войска ни той, ни другой стороны. Фактически эта «нейтральность» была по большевикам, мешая им двинуть войска на подмогу Москве. Саботаж Викжеля сломали железнодорожные рабочие, взявшиеся за перевозку войск. 16 (3) ноября ВРК из Петрограда отправил войска в Москву. Но еще до их приезда сопротивление белых в Москве было сломлено.

В наиболее трудный момент, когда в Петрограде только что было подавлено восстание юнкеров, когда Керенский еще наступал, в Москве шла борьба, целый ряд членов ЦК стал колебаться. Им казалось, что надо пойти на уступки, что положение безнадежно. Особенно ярко эти колебания выявились в переговорах с Викжелем. 9 ноября Викжель принял резолюцию о необходимости образования правительства из всех социалистических партий, от большевиков до народных социалистов включительно, и предложил свои услуги в качестве посредника. В переговоры с ЦК вступила сначала лишь левая часть Викжеля, ЦК уполномочил вести переговоры Л. Б. Каменева и Г. Я. Сокольников. Меньшевики и правые эсеры сначала в переговоры не вмешивались, но когда им показалось, что наступлением Керенского и положением дел в Москве большевики приперты к стене, и когда они узнали, что в ЦК начались колебания, они обнаглели до крайности. 12—13 ноября (30—31 октября) они пришли на совещание Викжеля, требовали отказа от власти Советов, отстранения от участия в

правительстве виновников Октябрьского переворота, — в первую голову отстранения Ленина, — создания нового правительства под председательством Чернова или Авксентьева. Большевицкая делегация во главе с Каменевым с собрания не ушла, тем самым допуская обсуждение выдвинутых меньшевиками и правыми эсерами предложений. На следующий день, 14 (1) ноября, созвано было заседание ЦК; Ленин требовал немедленного прекращения переговоров с Викжелем, который встал на сторону Калединых и Корниловых. Была принята ЦК соответствующая резолюция. 17 (4) Ногин, Рыков, В. Милютин, Теодорович подали в отставку, сложили с себя звание народных комиссаров, считая, что необходимо организовать социалистическое правительство из всех социалистических партий. К ним присоединился еще ряд комиссаров. Каменев, Рыков, Зиновьев, Ногин, В. Милютин заявили, что они уходят из ЦК. Все они уже после победы Октября были сторонниками создания коалиционного правительства из всех партий. ЦК потребовал от них подчинения партийной дисциплине. Ильич негодовал и напирал вовсю. Зиновьев опубликовал заявление о своем возвращении в ЦК.

Дальнейшие победы большевиков, резко отрицательное отношение петербургской и московской организаций к уходу вышеупомянутых товарищей из ЦК и с постов позволили партии сравнительно быстро ликвидировать этот инцидент. Невольно вспомнилось прошлое — II съезд партии, имевший место четырнадцать лет перед тем, в 1903 году. Тогда партия только что складывалась. Тогда отказ Мартова войти в редакцию «Искры» вызвал тяжелейший кризис в партии, крайне тяжело переживал этот кризис Ильич. Теперь уход из ЦК и с постов народных комиссаров ряда товарищей создал лишь временные затруднения. Подъем революционного движения помог быстрой ликвидации всего инцидента, а Ильич, всегда говоривший на прогулках о том, что его больше всего волновало в данный момент, ни разу даже не касался этого инцидента, он всецело был поглощен вопросом, как начать теперь стройку социалистического уклада, как провести в жизнь постановления, принятые на II съезде Советов.

17 (4) ноября Ильич выступал на заседании ВЦИК и на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с фронтовыми представителями, и речи его дышали уверенностью в победе, в правильности взятой большевиками линии, уверенностью в поддержке масс. «Преступное бездействие правительства Керенского привело страну и революцию на край гибели; промедление воистину смерти подобно, и, издавая законы, идущие навстречу чаяниям и надеждам широких народных масс, новая власть ставит вехи по пути развития новых форм жизни. Советы на местах, сообразно условиям

места и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством. Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности. Пусть рабочие берутся за создание рабочего контроля на своих фабриках и заводах, пусть снабжают они фабрикатами деревню, обменивают их на хлеб. Ни одно изделие, ни один фунт хлеба не должен находиться вне учета, ибо социализм — это прежде всего учет. *Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс*¹. (Курсив мой. Н. К.).

Замечательные слова! Эти слова не могут не волновать и сейчас.

«Власть принадлежит нашей партии, опирающейся на доверие широких народных масс. Пусть несколько наших товарищей встали на платформу, ничего общего с большевизмом не имеющую. Но московские рабочие массы не пойдут за Рыковым и Ногиным»², — говорил Ильич. «Поручая Совету Народных Комиссаров наметить к следующему заседанию кандидатуры народных комиссаров по внутренним делам и торговли и промышленности, ЦИК предлагает тов. Коллегаеву занять пост народного комиссара земледелия»³, — закончил свою речь на заседании ВЦИК Ильич. Коллегаев был левым эсером. Он не принял предложенного ему поста. Партия левых эсеров все еще не хотела брать на себя ответственности.

Меньшевики, правые эсеры и другие вели агитацию за саботаж. Чиновники отказывались работать под руководством большевиков, не выходили на работу. Выступая 17 (4 ноября) на Петроградском Совете, Ленин говорил: «Говорят, что мы изолированы. Буржуазия создала вокруг нас атмосферу лжи и клеветы, но я еще не видал солдата, который бы не приветствовал с восторгом переход власти к Советам. Я не видал крестьянина, который бы высказался против Советов»⁴. И это дало Ленину уверенность в победе.

21 ноября 1917 года вместо сменного Л. Б. Каменева Председателем ВЦИК был выбран Яков Михайлович Свердлов. Его кандидатуру выдвинул Ильич. Выбор был исключительно удачен. Яков Михайлович был человеком очень твердым. В борьбе за Советскую власть, в борьбе с контрреволюцией он был незаменим. Кроме того, предстояла громадная работа по организации государства нового типа, — тут нужен был организатор крупнейшего масштаба. Именно таким организатором был Яков Михайлович.

Два года спустя, проделав в самое горячее время громадную

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 56—57. *Ред.*

² Там же, с. 58. *Ред.*

³ Там же, с. 61. *Ред.*

⁴ Там же, с. 64. *Ред.*

организационную работу, которая так нужна была стране, Яков Михайлович умер 18 марта 1919 года. На экстренном заседании ВЦИК Ленин сказал тогда по поводу смерти Якова Михайловича речь, которая вошла в историю как лучший памятник этому беззаветному борцу за дело рабочего класса. «Тов. Свердлову довелось в ходе нашей революции,— сказал Ленин,— в ее победах, выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было другому, самые главные и самые существенные черты пролетарской революции...» Самым «глубоким, постоянным свойством этой революции и условием ее побед являлась и остается,— продолжал Ильич,— организация пролетарских масс, организация трудящихся. Вот в этой организации миллионов трудящихся и заключаются наилучшие условия революции, самый глубокий источник ее побед... Эта черта пролетарской революции выдвинула и такого человека, как Я. М. Свердлов, который прежде всего и больше всего был организатором». Ильич характеризовал Свердлова «как наиболее отчеканенный тип профессионального революционера», целиком и беззаветно отдавшегося делу революции, закаленного долгими годами подпольной, нелегальной деятельности, никогда не отрывавшегося от масс, никогда не покидавшего Россию, как революционера, который «умел выработать в себе не только любимого рабочими вождя, не только вождя, который шире всего и больше всего знал практику, но и организатора передовых пролетариев... Только исключительный организаторский талант этого человека обеспечивал нам то, чем мы до сих пор гордились и гордились с полным правом. Он обеспечивал нам полностью возможность дружной, целесообразной, действительно организованной работы, такой работы, которая бы была достойна организованных пролетарских масс и отвечала потребностям пролетарской революции,— той сплоченной организованной работы, без которой у нас не могло бы быть ни одного успеха, без которой мы не преодолели бы ни одной из тех неисчислимых трудностей, ни одного из тех тяжелых испытаний, через которые мы проходили до сих пор и через которые мы вынуждены проходить теперь». Ильич характеризовал Свердлова как организатора, который завоевал себе абсолютно «непререкаемый авторитет», и как организатора «всей Советской власти в России» и единственного, «по своим знаниям», организатора «работы партии, которая создавала эти Советы и практически осуществляла Советскую власть...»¹

Октябрьская революция изменила условия революционной борьбы. Новые условия борьбы требовали от человека большей решительности, большей напористости, большей «рукастости», как любил выражаться Владимир Ильич, большего организационного размаха. «Гвоздь строительства социализма в органи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 74—78. Ред.

зации» — не раз повторял Ильич, и не случайно, что ходом дела на первое место стали выдвигаться люди, не боявшиеся брать на себя ответственности, люди, которым условия старого подполья не давали развернуться. Быстро стал выдвигаться тов. Сталин, тоже крупнейший организатор. Недаром на II съезде Советов, когда намечались народные комиссары. Ильич предложил назначить Сталина председателем по делам национальностей. Долгие годы боролся Ильич за раскрепощение национальностей, за то, чтобы предоставлена была им возможность всестороннего развития, особенно в последние годы боролся он за право наций на самоопределение. Я помню, как близко принимал Ильич к сердцу всякую мелочь, касающуюся этого вопроса, как он однажды рассвирепел, когда я ему рассказала, что в Наркомпросе идут колебания по вопросу, отдавать ли полякам какие-то ценные для них памятники старпны. Страстно ненавидел Ильич великодержавный шовинизм, страстно хотел, чтобы империалистической политике угнетения более слабых национальностей Республика Советов противопоставила политику полного раскрепощения этих национальностей, политику товарищеской заботы о них. Он знал хорошо взгляды Сталина на национальный вопрос, в Кракове они много говорили на эти темы. Он был уверен, что для Сталина — дело чести не на словах, а на деле осуществить то, что продумано было в этом вопросе и обсуждено со всех сторон в предыдущие годы, что теперь надо было воплотить в жизнь. Надо было дать национальностям право на самоопределение. Задача усложнялась тем, что проводить это право приходилось в условиях острой классовой борьбы. Тут необходимо было сочетать работу по осуществлению права наций на самоопределение с борьбой за диктатуру пролетариата, за осуществление власти Советов. Этот вопрос теснейшим образом связывался с вопросом международной борьбы пролетариата и с вопросами гражданской войны. От человека, стоящего во главе работы на национальном фронте, требовалась широта кругозора, глубокая убежденность и умение практически организовать дело. Поэтому-то и выдвинул Ильич на эту работу Сталина.

Перед всеми партийными работниками встал во весь рост вопрос о том, как научиться работать по-новому, перестроить все свои привычки, как из людей революционной оппозиции перестроиться в ответственных, умелых, рукастых строителей социалистического уклада.

* * *

Наконец мы поселились с Ильичем в Смольном. Нам отвели там комнату, где раньше жила какая-то классная дама. Комната с перегородкой, за которой стояла кровать. Ходить надо

было через умывальную. В лифте можно было подыматься наверх, где был кабинет Ильича, где он работал. Против его кабинета была небольшая комната — приемная. Делегация за делегацией приходили к нему. Особенно много делегаций приезжало с фронта. Зайдешь, бывало, к нему, а он в приемной. Стоят там солдаты, набившись плечом к плечу, слушают не шевелясь, а Ильич стоит около окна и что-то им толкует. Работа Ильича шла в обстановке тогдашнего Смольного, всегда переполненного народом. Все туда тянулись. Смольный охраняли солдаты пулеметного полка. Этот пулеметный полк стоял летом 1917 года на Выборгской стороне и находился целиком под влиянием выборгских рабочих. 3 июля 1917 года пулеметный полк первым выступил и готов был ринуться в бой. Керенский решил примерно наказать восставших. Безоружных вывели их на площадь и клеймили их как изменников. Пулеметчики еще крепче стали ненавидеть Временное правительство. В Октябре они боролись за Советскую власть и затем взяли на себя охрану Смольного. К Ильичу был приставлен один из пулеметчиков, т. Желтышев, крестьянин Уфимской губернии. Ильича он очень любил, относился к нему с большой заботой, обслуживал его, носил ему обед из столовки, которая была в то время в Смольном. Желтышев был до крайности наивен. Всему удивлялся, удивлялся спиртовке, как это она горит. Вхожу раз в комнату, он сидит перед пылающей на полу спиртовкой, на корточках и поливает ее спиртом. Удивлялся на проведенные краны, посуду. Пулеметчики, охранявшие Смольный, нашли как-то сложенные вместе пкатулки институток. Заинтересовались, что в них. Расковыряли штыками. Оказалось — дневники, безделушки разные, ленточки. Пулеметчики раздали безделушки окрестным ребятишкам. Желтышев принес и мне безделушку, кругленькое зеркальце с какой-то резьбой и английской надписью «Ниагара». У меня до сих пор хранится это зеркальце. Ильич перекидывался иногда парой слов с Желтышевым, и тот готов был за него идти в огонь и воду. Желтышев должен был обслуживать и Троцкого, жившего с семьей против нас, в бывшем помещении начальницы Смольного. Но Троцкого он не любил. «Очень уж он приказистый был», — писал мне как-то Желтышев.

Теперь он живет в Башреспублике, в колхозе, имеет большую семью, прихварывает, занимается пчеловодством, иногда пишет мне, вспоминая Ильича.

Я целыми днями была на работе, сначала в Выборгском районе, потом в Наркомпросе. Ильич был порядочно-таки беспризорный. Желтышев носил Ильичу обед, хлеб, то, что полагалось по пайку. Мария Ильинична привозила иногда Ильичу из дому всякую пищу, но меня не бывало дома, регулярной заботы о его питании не было. Недавно мне рассказывал один

парень, Коротков, ему тогда было лет 12, он жил у матери, которая была уборщицей при столовой в Смольном. Слышит она раз, кто-то ходит по столовой. Заглянула — видит Ильич стоит у стола, взял кусок черного хлеба и кусок селедки и ест. Увидя уборщицу, он смутился немного и, улыбаясь, сказал: «Очень чего-то есть захотелось». Короткова знала Владимира Ильича. Как-то раз в первые дни после революции идет Ильич по лестнице, видит, она моет лестницу, устала, стоит, опершись на перила. Ильич с ней заговорил. Она тогда не знала еще, кто это. Ильич ее спросил: «Ну что, товарищ, как теперь, по-вашему, лучше при Советской власти, чем при старом правительстве жить?» А она ему ответила: «А мне что, платили бы только за работу». Потом, как узнала она, что это Ленин был, так и ахнула. Всю жизнь вспоминала, как она тогда ему ответила. Теперь она пенсионерка, сын, работавший тогда в Смольном в экспедиции, кончил Вхутемас, художник.

Наконец у нас водворилась мать Шотмана, финка, очень любившая сына, гордившаяся тем, что он был делегатом II съезда партии, помогал Ильичу скрываться в июльские дни. Она завела чистоту, тот порядок, который так любил в домашней жизни Ильич, стала просвещать и Желтышева, и уборщиц, и подавальщиц столовой. Теперь можно было, уезжая, быть спокойной, что Ильич будет сыт, хорошо обслужен.

Под вечер, когда смеркнется, я приеду с работы, и, если Ильич не занят, мы ходили с ним побродить около Смольного, поговорить. Ильича мало кто знал тогда в лицо, и он ходил тогда еще без всякой охраны. Правда, видя, что он выходит, пулеметчики волновались, не случилось бы чего. Следили они, чтобы около Смольного не скоплялось враждебных элементов. Раз забрали больше десятка домохозяек, собравшихся где-то на углу и громко ругавших Ленина. Наутро комендант Смольного т. Мальков позвал меня, говорит: «Забрали мы тут баб вчера, скандалили они, посмотрите, что их, держать или что?» Но оказалось, во-первых, что большинство баб ушло из-под ареста, а оставшиеся были такими обывательницами, ни о чем не имевшими понятия, что смешно было их держать, и я, смеясь, посоветовала Малькову поскорее их выпустить. Одна баба, уходя, вернулась и шепотом спросила меня, указывая на Малькова: «Ленин это, что ли?» Я махнула рукой. В Смольном мы прожили до переезда в марте 1918 года в Москву¹.

¹ Далее в рукописи следует: «В Смольном кипела работа по обороне. Я с завистью смотрела на людей, работавших всюю по военной линии, страшно хотелось примкнуть к этой работе. С Ильичем я не хотела говорить на эту тему. У него было много забот, колоссальный размах прибрела за последние дни его работа. Он говорил о том, что его волновало, это было так важно, так близко. Особенно врезался в память один почной разговор на прогулке, он так созвучен был с ясной звездной ночью. Ильич любил такие звездные ночи, любил подолгу смотреть на звезды». *Ред.*

ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО БРЕСТСКОГО МИРА

В своей статье от 5 ноября 1921 года «О значении золота теперь и после полной победы социализма» Ильич пишет: «Мы с такой головокружительной быстротой, в несколько недель, с 25 октября 1917 г. до Брестского мира, построили советское государство, вышли революционным путем из империалистической войны, доделали буржуазно-демократическую революцию, что *даже* громадное попятное движение (Брестский мир) оставило все же за нами вполне достаточно позиций, чтобы воспользоваться «передышкой» и двинуться победоносно вперед, против Колчака, Деникина, Юденича, Пилсудского, Врангеля»¹. Эти несколько недель, о которых говорил тут Ленин, охватывают главным образом период пребывания в Ленинграде, в Смольном, время до переезда в половине марта в Москву. Ильич стоял в центре всей этой работы, организовывал ее. Это была не просто напряженная работа, это была работа, поглощавшая все силы, натягивавшая нервы до последней крайности; приходилось преодолевать чрезвычайные трудности, вести самую отчаянную борьбу, часто борьбу с близкими по работе товарищами. И не мудрено, что, придя поздно ночью за перегородку комнаты, в которой мы с ним жили в Смольном, Ильич все никак не мог заснуть, опять вставал и шел кому-то звонить, давать какие-то неотложные распоряжения, а, заснув наконец, во сне продолжал говорить о делах... В Смольном работа шла не только днем, но и ночью. Вначале в Смольном было все — и партийные собрания, и Совнарком, тут же шла и работа наркоматов, отсюда посылались телеграммы, приказы, в Смольный стекались люди отовсюду. А какой аппарат был у Совнаркома? Вначале четыре человека, совсем неопытные, работавшие без передыху, делавшие все, что требовалось по ходу дела; тогда и в голову не приходило точно определять и ограничивать их функции, так были они неопределенны и всеобъемлющи. Работали вовсю, но никаких сил не хватало, и Ильичу сплошь и рядом приходилось выполнять самому черновую работу, звонить по телефонам и т. д. и т. п. Использовали, конечно, партийный аппарат, аппарат ВЦИК и других организаций, но для того, чтобы их использовать, нужна была также немалая организационная работа. Все было первобытно до крайности. Надо было ломать старую государственную машину, звено за звеном. Бюрократический аппарат сопротивлялся, служащие старых министерств, всяких государственных учреждений решили всячески саботировать работу и этим мешать Советской власти наладить новый госаппарат. Я помню, как мы «брали власть» в министерстве народного просвещения. Анатолий Васильевич Луначарский и мы, неболь-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 228. Ред.

шая горстка партийцев, направились в здание министерства, находившееся у Чернышева моста. Около министерства был пост саботажников, предупреждавших направлявшихся в министерство работников и посетителей, что работа там не производится, кто-то даже попробовал заговорить на эту тему с нами. В министерстве никаких служащих, кроме курьеров да уборщиц, не оказалось. Мы ходили по пустым комнатам — на столах лежали неубранные бумаги; потом мы направились в какой-то кабинет, где и состоялось первое заседание коллегии Наркомпроса. Разделили между собою функции. Решено было, что Анатолий Васильевич скажет речь техническому персоналу, что и было сделано. Анатолий Васильевич говорил горячо. Внимательно, но недоуменно немного слушала довольно многочисленная аудитория людей, с которыми никогда еще власть имущие не говорили на такие темы.

Положение Наркомпроса было не так уж трагично. Буржуазия не придавала ему особого значения, да нам и не трудно было разобраться в делах. Большинство из нас хорошо знали дело народного образования. Менжинские, например, долгие годы были учительницами начальной школы в Питере, я тоже много учительствовала, работала по педагогике, все были пропагандистами и агитаторами. Работа в районных думах за месяцы, предшествовавшие Октябрю, дала порядочные организационные навыки и большие связи. Моя работа шла по линии внешкольной (политпросвет) работы, где у меня был и опыт и где исключительное значение имела поддержка партии и рабочих масс¹. Сразу же можно было ставить работу по-новому, опираясь на массы. Плохо было, конечно, по части финансирования, администрирования, учета, плановости, но дело быстро двигалось вперед, тяга к знанию в массах была громадна, масса напирала. Дело шло.

Иное положение было в таких узловых пунктах, как продовольствие, финансы, банки. На защиту этих пунктов направляла свои главные силы буржуазия; тут особенно злобно был организован саботаж, с одной стороны, с другой — тут у нас

¹ Далее в рукописи следует: «То, что я несколько месяцев работала в момент назревающей революции в таком революционном районе, как Выборгский, Ильич считал большим плюсом, и когда встал вопрос об «организации аппарата управления», он в своих заметках наметил меня «в товарищи министра при Луначарском» (см. Ленинский сборник XXI, с. 91). Через несколько дней после взятия власти он встретил Анатолия Васильевича Луначарского в коридоре Смольного, стал говорить с ним о стоящих перед наркоматом задачах и между прочим сказал: «Ясно, что очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям. Я думаю, Вам обязательно нужно серьезно переговорить с Надеждой Константиновной. Она будет Вам помогать. Она много думала над этими вопросами и, мне кажется, наметила правильную линию...» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти томах, т. 3. М., 1969, с. 119). *Ред.*

было меньше всего опыта, практического знания дела. На этом надеялись сыграть враги — «не справятся». Нажимать мы также не очень-то умели. Наша молодежь, да и не молодежь только, а те, кто вступил в работу в более поздние годы, часто представляет себе, что дело было просто, взяли Зимний дворец, побили юнкеров, отбили наступление Керенского — вот и все. А как аппарат создавали, налаживали работу наркоматов, это интересует меньше, а между тем наши первые шаги в области управления, то, как мы учились драться за дело пролетариата в повседневной работе управления, — это имеет, конечно, особый интерес. В своих воспоминаниях о том, как создавался в октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров, т. Н. П. Горбунов замечательно эпически рассказывает, как брали власть, например, на финансовом фронте. «Несмотря на декреты правительства и требования отсуска средств, — пишет т. Горбунов, — Государственный банк нагло саботировал. Народный комиссар финансов т. Менжинский (нынешний председатель ОГПУ. *Н. К.*) никакими мероприятиями, вплоть до ареста директора Государственного банка Шипова, не мог заставить банк отпустить правительству нужные революции средства. Шипова привезли в Смольный и держали там некоторое время под арестом. Ночевал он в одной комнате с т. Менжинским и мною. Днем эта комната превращалась в канцелярию какого-то учреждения (не Наркомфина ли?). Мне пришлось, к моей досаде, в виде особой вежливости... уступить ему свою койку и спать на стульях»¹. Директором Госбанка был назначен т. Пятаков; сначала добиться он ничего не мог. Тов. Горбунов рассказывает, как Владимир Ильич вручил ему декрет за собственноручной подписью, где Госбанку предписывалось вне всяких правил и формальностей и в изъятие из этих правил выдать на руки секретарю Совнаркома 10 миллионов рублей в распоряжение правительства. Правительственным комиссаром при Госбанке был назначен т. Осинский. Ильич, вручая им — Горбунову и Осинскому — декрет, сказал: «Если денег не достанете, — не возвращайтесь». Деньги были получены. Опираясь на пизших служащих и курьеров, угрожая Красной гвардией, заставили кассира выдать требуемую сумму. Приемка производилась под взведенными курками военной охраны банка. «Затруднение вышло с мешками для денег, — пишет т. Горбунов. — Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров, наконец, одолжил пару каких-то старых больших мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль.

Ехали в Смольный, радостно улыбаясь. В Смольном также на себе дотащили их в кабинет Владимира Ильича. Владимира Ильича не было. В ожидании его я сел на мешки с револьве-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 3, с. 57—58. *Ред.*

ром в руках «для охраны». Сдал я их Владимиру Ильичу с особой торжественностью. Владимир Ильич принял их с таким видом, как будто иначе и быть не могло, но на самом деле остался очень доволен. В одной из соседних комнат отвели платяной шкаф под хранение первой советской казны, окружив этот шкаф полукругом из стульев и поставив часового. Особым декретом Совета Народных Комиссаров был установлен порядок хранения и пользования этими деньгами. Так было положено начало нашему первому советскому бюджету»¹. В. Д. Бонч-Бруевич описывает, как производилась потом национализация банков. Операция производилась под руководством т. Сталина, с ним советовался Бонч-Бруевич, который подготовлял все дело, писал приказы, организовывал транспорт, 28 отрядов стрелков и пр. Надо было занять 28 банков, арестовать 28 директоров банков. «Команданту Смольного тов. Малькову, — вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, — я предложил отвести хорошее помещение, совершенно изолированное от публики, в котором велел приготовить 28 коек, столы, стулья, и сказал, чтобы он был готов принять 28 человек на довольствие, и, прежде всего, к утру приготовил чай и завтрак». Занятие 28 банков произошло безболезненно. Происходило это 27 декабря 1917 года. «Вскоре комиссар финансов назначил новых работников в банки. Многие из тех директоров, которые были арестованы, выразили желание продолжать работу и при Советской власти и сейчас же были освобождены из-под ареста. В банки были введены комиссары, и работа продолжалась постольку, поскольку это было нужно для концентрации всех денежных средств и операций в Госбанке»².

Так мы брали власть.

Публика ужасно нервничала. Не было у большинства еще знания дела, уверенности в себе, и не раз приходилось слышать от товарищей: «Так я больше не могу работать», но работали и в процессе работы быстро учились.

Создавались новые области государственной работы, новые формы ее.

12 ноября опубликован был декрет о 8-часовом рабочем дне.

Так как о рабочем контроле было упомянуто в воззвании II съезда Советов, то рабочие сразу же стали широко применять его на практике. В сущности период, предшествовавший Октябрю, уже подготовил их к этому. Фабриканты уже стали считаться с мнением рабочих, а рабочие уже привыкли очень основательно и настойчиво напирать. Но дело шло стихийно. В Смольном собиралась комиссия под председательством Владимира Ильича, в которой принимали участие М. Томский,

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 3, с. 58. *Ред.*

² *Бонч-Бруевич В. Д.* Избранные сочинения. В трех томах, т. III. Воспоминания о В. И. Ленине. 1917—1924 гг., М., 1963, с. 120, 122—123. *Ред.*

А. Шляпников, В. Шмидт, Глебов-Авилов, Лозовский, Цыперович и др. Часть товарищей говорила о необходимости государственного контроля, который бы заменил собой стихийный рабочий контроль, который сплошь и рядом переходил в захват фабрик и заводов, шахт и рудников, другие считали, что не на всех фабриках надо вводить контроль, а только на более крупных металлообрабатывающих, на железных дорогах и пр. Но Ильич полагал, что нельзя суживать этого дела, нельзя ограничивать в этом деле инициативы рабочих. Пусть многое сделано будет не так, но только в борьбе научатся рабочие настоящему контролю. Эта точка зрения вытекала из его основного взгляда на социализм: «Социализм не создается по указам сверху... социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»¹. В результате комиссия согласилась с точкой зрения Ильича, проект был разработан, внесен в ВЦИК и 29 ноября опубликован. Рабочая масса была очень активна. С низов шла широкая инициатива. В первые же дни после захвата власти Совет фабрично-заводских комитетов выдвинул идею о необходимости создания Высшего Совета Народного Хозяйства, боевого органа пролетарской диктатуры, руководящего всей промышленностью. В ВСНХ должны были входить представители от рабочих и от крестьян. Создавался орган нового типа. Декрет об организации ВСНХ был опубликован 18 декабря 1917 года².

Вопросы о земле продвигались медленно. Тов. Теодорович, первый нарком земледелия, в связи с историей с Викжелем подал в отставку и уехал в Сибирь. Намечен был в наркомы земледелия т. Шлихтер, но он жил в Москве, и ему как-то не сразу передали то, что ему надо немедленно ехать в Питер, а между тем Ильича в Смольном осаждали крестьяне с запросами, что делать с землей. 18 ноября Владимир Ильич написал «Ответ на запросы крестьян» и обращение «К населению»³. В «Ответе» он подтверждает декрет об отмене помещичьей собственности, призывает волостные комитеты брать самим помещичью землю. В обращении «К населению» он призывает население «...храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт — все это отныне будет *все цело* вашим, общенародным достоянием»⁴. Тут была та же цель, что и в декрете о рабочем контроле: активизировать массы, растить их сознание в борьбе. Когда приехал т. Шлихтер, Ильич пору-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 57. *Ред.*

² Декрет ВЦИК и СНК об учреждении Высшего совета народного хозяйства от 2(15) декабря 1917 года был опубликован 5(18) декабря 1917 года в газете «Правда» № 206 и 6(19) декабря 1917 года в газете «Известия» № 244. *Ред.*

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 68—69, 65—67. *Ред.*

⁴ Там же, с. 67. *Ред.*

чил ему организовать немедленно прием крестьянских делегатов с мест, давать им конкретные указания в связи с законом о конфискации земли. Затем, указывал Ильич, надо взять в свои руки министерский аппарат, сломить саботаж и спешно выработать «Положение» о земле.

23 ноября открылся чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов¹. Владимир Ильич выступал на этом съезде дважды, придавая ему большое значение. Из 330 делегатов 195 было левых эсеров; они были решающей группой; на съезде шла борьба с правыми эсерами (их было только 65 человек). После второго доклада Ленина была принята резолюция, одобряющая работу Совнаркома и условия соглашения с левыми эсерами. Левые эсеры согласились войти в правительство, послали в наркоматы, хотя и не сразу, своих представителей; Коллегаев — левый эсер — стал наркомом земледелия, но вступил в работу не сразу.

Ильича я видела очень мало за период нашего пребывания в Питере, он был все время занят разговорами с солдатскими, рабочими, крестьянскими делегатами, постоянно были у него совещания, работал он усиленно над декретами, которые ложились в основу вновь создаваемого Советского государства. Правда, под вечерок, в сумерках, или поздно ночью, ходили мы с ним немного побродить около Смольного; у Ильича теперь больше, чем когда-либо, была потребность выговориться, поговорить о том, что больше всего заботило. Но времени было в обрез. О ходе работы я не столько знала от него, сколько со стороны. В коридорах Смольного всегда можно было встретить массу партийной публики. И товарищи, знавшие меня по загранице, по пятому году, по Выборгскому району, делились со мною, по старой привычке, своими переживаниями, и потому я подробно знала, что, в каком разрезе делалось. И во Внешкольный отдел Наркомпроса приходило много народу. Тогда не было ни ПУРа, ни культотделов профсоюзов, публика тянулась в Наркомпрос. Очень много интересного попутно рассказывали о настроениях в низах. Мне особенно запомнился рассказ одного товарища, приехавшего с фронта за советом, как развертывать культработу на фронте. Он рассказал о той глубокой ненависти, которая существует к барской школе и всей старой культуре в солдатских массах. Поставили солдат на ночевку в реальное училище. Солдаты за ночь изорвали в мелкие клочки и истоптали все книжки, карты, тетрадки, какие только были в столах и шкафах школы, изломали все учебные пособия: «Баре проклятые тут своих детей учили». И вспомнилось мне, как в 90-х годах один рабочий, ученик воскресной

¹ Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов проходил 11(24) ноября — 25 ноября (8 декабря) 1917 года. *Ред.*

школы, изложив очень обстоятельно все доказательства шарообразности Земли, в заключение с насмешливой улыбкой недоверия добавил: «Только верить этому нельзя, это баре выдумали». Не раз говорили мы с Ильичем об этом недоверии масс к старой науке и учебе. Потом, на III съезде Советов, Ильич говорил: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, — и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил? И трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления»¹. Эти слова Ильича показывали отсталым массам, что старая, такая ненавистная массам наука уходит в прошлое; теперь наука будет работать только на пользу масс. Массы должны овладеть ею.

Внешкольный отдел (политпросвет) в своей работе опирался на связи с рабочими, в первую очередь на рабочих Выборгского района. Помню, как мы сообща с ними выработывали «Грамоту гражданина» — своеобразный курс, которым должен овладеть каждый рабочий, чтобы быть в состоянии принимать участие в общественной работе, в работе Советов и тех организаций, которыми Советы будут обрывать все более и более. А наряду с этим рабочие рассказывали о том, что делается в районе. Начиналось сокращение производства, стали расчитывать с заводов молодежь, были затруднения с питанием. 10 декабря по предложению Владимира Ильича Совнарком поручил особой комиссии разработать основные вопросы экономической политики правительства и организовать совещание продовольственников для обсуждения практических мер борьбы с мародерством и улучшения положения трудящихся. Через пару дней на заседании Совнаркома принимаются написанные Ильичем постановления о переводе заводов, исполняющих заказы морского ведомства, на производительные, полезные народу работы. Нельзя было просто закрыть военные заводы, надо было помешать росту безработицы.

Торопил Ильич с организацией работы Наркомпрода, который должен был заменить министерство продовольствия; тут было особенно сильно сопротивление старого аппарата, с одной стороны, с другой — надо было пойти какими-то новыми путями, втянуть в эту работу рабочие массы, найти формы этого втягивания.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 289. *Ред.*

Так строился в первые недели после Октября советский аппарат, ломались старые министерские аппараты управления, создавался неопытными, еще неумелыми руками советский аппарат. Многое еще надо было доделать, но, если посмотреть на то, что было проделано в этом отношении к началу 1918 года, работа была проделана громадная.

Выборгский район устроил встречу Нового года. Встреча Нового года была связана с проводами товарищей — выборгских красногвардейцев на фронт. Многие из них участвовали в борьбе с войсками Керенского, двинутыми на Питер. Они ехали на фронт, чтобы вести пропаганду за Советскую власть, будить активность солдат, внести во всю борьбу революционный дух. Встреча Нового года была организована в большом помещении Михайловского юнкерского училища. Отъезжающим товарищам, да и всем выборгцам, хотелось повидать Ильича, и я стала соблазнять его поехать туда, встретить первый советский Новый год с рабочими. Ильичу этот проект понравился. Мы двинулись. Еле выбрались с площади. По случаю упразднения дворников никто снег не расчищал, и нужно было большое искусство со стороны шофера, чтобы пробраться через наваленные горы снега. Приехали в 11½ часов вечера. Большой «белый» зал Михайловского училища напоминал манеж. Ильич, радостно встреченный рабочими, взошел на трибуну, аудитория зажгла его, и хоть говорил он просто, без громких фраз и восклицаний, но излагал он то, о чем он так неустанно думал последнее время, говорил о том, как должны рабочие по-новому организовать через Советы всю свою жизнь. Говорил и о том, как должны товарищи, едущие на фронт, вести там работу среди солдат. Когда Ильич кончил, ему устроили целую овацию. Четверо рабочих взылись за ножки стула, на котором сидел Ильич, подняли его на стуле и стали качать. Я подверглась той же участи. Потом в зале началось концертное отделение, а Ильич еще попил чаю в штабе, потолковал там с публикой, а потом мы постарались незаметно уйти. Воспоминание об этом вечере осталось у Ильича очень хорошее. В 1920 году он стал меня звать поехать в районы — это было уже в Москве, хотелось ему встретить опять Новый год с рабочими, объехали мы тогда три района.

На старое рождество (24—29 декабря старого стиля, 6—11 января стиля нового) мы с Ильичем и Марией Ильиничной поехали куда-то в Финляндию. Тов. Косюра, работавшая тогда в Смольном, устроила нас в какой-то финский дом отдыха¹, где отдыхал тогда тоже т. Берзин. Финская специфическая белая какая-то чистота, занавески на окнах напоминали Ильичу его гельсингфорское конспиративное житье в Финлян-

¹ Речь идет о санатории «Халила», где В. И. Ленин пробыл с 24 по 23 декабря 1917 года (6—10 января 1918 года). *Ред.*

дни в период 1907 и в 1917 году перед Октябрем, когда он писал там книгу «Государство и революция». Отдых как-то не выходил, Ильич даже говорил иногда вполголоса, как в прежние времена, когда приходилось скрываться, и хоть гуляли мы каждый день, но без настоящего аппетита; думал Ильич о делах и все больше писал. То, что он тогда в эти четыре дня отдыха написал, он считал недоделанным и тогда в оборот не пустил. Статьи «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое», «Как организовать соревнование?», «Проект декрета о потребительных коммунах»¹ не были пущены тогда в оборот, а опубликованы лишь пять лет спустя после его смерти, но эти статьи, как нельзя лучше, рисуют, о чем тогда особенно усиленно думал Владимир Ильич. Его занимали тогда больше всего думы о том, как наилучшим образом организовать повседневную экономическую жизнь, как лучше устроить рабочих, вытащить их из трудных условий, в которых они тогда жили; как организовать потребительские коммуны, снабжение ребят молоком, как переселить рабочих в лучшие квартиры и как в этих целях организовать повседневный учет и контроль, как все это дело организовать так, чтобы вовлечь в работу самые массы, развить их самодеятельность, пробудить их инициативу в этом направлении. Ильич думал, как на это дело выдвинуть наиболее талантливых организаторов из рабочей среды, и писал он о соревновании, о его организующей роли.

Жить «на отдыхе» долго нельзя было, прошло четыре дня, надо было ехать в Питер. Осталась почему-то в памяти зимняя дорога, поездка через финские сосновые леса, чудесное утро и озабоченность задумчивого лица Ильича. Он думал о предстоящей борьбе. В ближайшие дни должен был быть разрешен вопрос об Учредительном собрании — оно было назначено на 18(5) января. К началу 1918 года вопрос об Учредительном собрании был уже совершенно ясен. Когда в 1903 году на II съезде партии принималась Программа партии, социалистическая революция представлялась еще делом очень отдаленного будущего, ближайшей целью борьбы рабочего класса ставилось свержение самодержавия. Учредительное собрание было тогда боевым лозунгом, за который после съезда большевики боролись все время гораздо смелее, решительнее, чем меньшевики. Тогда других форм демократической организации власти, кроме буржуазно-демократической республики, никто еще себе не представлял конкретно. В революции 1905 года зародились в лице стихийно возникших в процессе борьбы Советов рабочих депутатов зародыши новой, близкой массам, формы государственной власти. В годы реакции Ильич глубоко продумал эту форму нового типа организации, сравнивал ее с формами государственной организации, создавшейся в дни Парижской ком-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 191—194, 195—205, 206—210. *Ред.*

муны. Февральская революция 1917 года наряду с Временным правительством создала и всероссийскую организацию рабочих и солдатских депутатов. Вначале Советы шли на поводу у буржуазии, которая через своих ставленников — меньшевиков и правых эсеров — стремилась Советы превратить в органы затемнения массового сознания. Начиная с апреля, по приезде Ленина в Россию, большевики повели широкую пропаганду в массах, направленную на поднятие классового самосознания рабочих и беднейших слоев крестьянства, помогая всячески развертыванию классовой борьбы.

Лозунг «Вся власть Советам», который писали на своих знаменах рабочие и крестьяне, по существу дела уже предрешал, в каком направлении будет идти борьба в Учредительном собрании: одна сторона будет за власть Советов, другая — за власть буржуазии, оформленную в тот или иной тип буржуазной республики. II съезд Советов предрешил уже вопрос о типе власти, и Учредительное собрание должно было лишь оформить создавшуюся форму власти, подработать детали. Так считали большевики. Буржуазия же считала, что Учредительное собрание может повернуть колесо истории и, оформив власть типа буржуазной республики, ликвидировать Советы или, во всяком случае, свести на нет их роль. Перед Октябрем проведены были перевыборы Советов; в них стали преобладать большевики, проводившие в жизнь постановления партии.

Партия еще задолго до Октября понимала, что Учредительное собрание будет происходить не в каком-то бесклассовом обществе. Еще в 1905 году в своей брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции»¹, разбирая резолюцию «конференции» меньшевиков, происходившей во время большевистского III съезда партии летом 1905 года, Владимир Ильич говорил, что меньшевики называют в своих резолюциях «решительной победой» лозунг «Учредительного собрания», тогда как этот «...лозунг всенародного учредительного собрания воспринят монархической буржуазией (смотри программу «Союза освобождения») и воспринят именно в интересах эскамотирования революции, в интересах недопущения полной победы революции, в интересах торгашеской сделки крупной буржуазии с царизмом»².

И в 1917 году — 12 лет спустя — большевики взяли власть в Октябре, не дожидаясь никакого Учредительного собрания.

Но около Учредительного собрания Временное правительство создало ряд иллюзий. Чтобы разбить эти иллюзии, надо было созвать Учредительное собрание и попробовать его поставить на службу революции, а если это окажется невозможным, постараться показать массам его вред, рассеять все создавшиеся

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 1—131. *Ред.*

² Там же, с. 32. *Ред.*

иллюзии, вырвать у противника это орудие агитации против новой власти. Оттягивать созыв Учредительного собрания не имело смысла, и уже 10 ноября было опубликовано постановление СНК о созыве Учредительного собрания в назначенный срок. 21 ноября принял соответствующее постановление ВЦИК. Имели ли большевики за собой большинство в Учредительном собрании? Они имели за собой пролетариат, громадное большинство его, меньшевики к этому времени потеряли уже всякое почти влияние среди рабочих. Пролетариат в решающих пунктах, в Питере и Москве, не только был большевистски настроен, он был закален в 15-летней борьбе, это был сознательный, революционно настроенный пролетариат. Он же сумел повести за собой крестьянство. Лозунги «За мир!», «За землю!», принятые на II съезде Советов, сделали то, что половина голосов армии и флота была отдана за большевиков. Громадное большинство крестьянских голосов было подано за эсеров. Эсеры раскололись на правых и левых эсеров. Большинство было за левыми эсерами, за которыми шло бедняцкое и большинство середняцкого крестьянства. После II съезда Советов ЦК эсеров, как известно, исключил из партии левых эсеров, участников II съезда Советов. Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов, имевший место 23 ноября — 8 декабря¹, — на нем выступил Ленин, — признал Советскую власть. На другой день после доклада Ильича съезд в полном составе отправился в Смольный, где происходило заседание ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, и влился в него. Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов постановил, что представители левых эсеров должны принимать участие в правительстве. В тот же день Ильич написал в «Правду» статью «Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами»². Чрезвычайный съезд крестьянских депутатов показал, что под влиянием Октябрьского переворота, писем солдат с фронта, все более и более становившихся на сторону большевиков, деревня, ее бедняцкая и середняцкая часть, также примыкала к Советской власти. Крестьянство еще не разбиралось, в чем разница между левыми и правыми эсерами. Голоса подавались за эсеров вообще, а на деле большинство было явно на стороне левых эсеров. И вот Владимир Ильич выдвинул перед ВЦИК мысль о необходимости провести право отзыва ранее выбранных депутатов. Право отзыва, говорил он, — это по существу дела право контроля над тем, что говорит и делает депутат. Такое право в силу прежних революционных традиций существует еще в САСШ и в некоторых кантонах Швейцарии. Право отзыва было санкционировано ВЦИК, и соответствующий декрет был опубликован 6 декабря 1917 года. Еще в августе месяце Временное

¹ См. настоящий том, с. 500, примечание 1. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 102—104. *Ред.*

правительство назначило комиссию по выборам в Учредительное собрание, состоявшую из кадетов и правых эсеров. Комиссия всячески тормозила работу по подготовке выборов и отказывалась представить Совнаркому отчет о ходе выборов. В тот же день, когда принят был декрет о праве отзыва, 6 декабря, для руководства деятельностью комиссии назначен был комиссар т. Урицкий. Комиссия отказалась работать под его руководством и была арестована, но 10 декабря члены комиссии были освобождены по распоряжению Ленина. 6 декабря ВЦИК постановил, что Учредительное собрание будет открыто по прибытии в Питер 400 делегатов. 11 декабря правые эсеры и кадеты пробовали организовать демонстрацию, но в ней участвовало лишь сравнительно незначительное число интеллигенции; ни рабочие, ни солдаты не принимали в ней участия. 13 декабря комиссия по выборам была распущена. Большевики развертывали широкую агитацию, освещая вопросы, связанные с Учредительным собранием. 14 декабря Ленин выступал на заседании ВЦИК по вопросу об Учредительном собрании. Он говорил там: «Нам предлагают созвать Учредительное собрание так, как оно было задумано. Нет-с, извините! Его задумывали против народа. Мы делали переворот для того, чтобы иметь гарантии, что Учредительное собрание не будет использовано против народа... Пусть народ знает, что Учредительное собрание соберется не так, как хотел Керенский. Мы ввели право отзыва, и Учредительное собрание не будет таким, каким задумала его буржуазия. Когда созыв Учредительного собрания отделен от нас несколькими днями, буржуазия организует гражданскую войну и увеличивает саботаж, срывая дело перемирия. Мы не дадим себя обманывать формальными лозунгами. Они желают сидеть в Учредительном собрании и организовать гражданскую войну в то же время (в это время на юге, около Ростова-на-Дону, шли кровавые бои, организованные генералом Калединым. *Н. К.*)... Мы скажем народу правду. Мы скажем народу, что его интересы выше интересов демократического учреждения. Не надо идти назад к старым предрассудкам, которые интересы народа подчиняют формальному демократизму. Кадеты кричат: «Вся власть Учредительному собранию», а на деле это у них значит: «Вся власть Каледину». Надо это сказать народу, и народ нас одобрит»¹. На другой день — 15 декабря — Ильич выступал на II Всероссийском съезде крестьянских депутатов, происходившем под председательством Спиридоновой; съезд проходил очень бурно, правые эсеры ушли со съезда.

Все яснее и яснее становилось, что около Учредительного собрания разгорится острая борьба, и в большевистской фрак-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 135, 136—137. *Ред.*

ции Учредительного собрания начались колебания, появились правые настроения. 24 декабря состоялось заседание ЦК, посвященное этому вопросу; решено было сделать во фракции Учредительного собрания доклад ЦК, выработать тезисы по вопросу об Учредительном собрании. И то, и другое было поручено Ленину. Он подработал тезисы и на другой день сделал доклад в Смольном, на совещании фракции Учредительного собрания зачитал тезисы. Тезисы были приняты единогласно и на другой день опубликованы в «Правде». В них ясно было выставлено требование от Учредительного собрания признания им Советской власти, той революционной линии, которую эта Советская власть ведет в вопросе о мире, земле, рабочем контроле, в борьбе с контрреволюцией.

Открытие Учредительного собрания назначено было на 18 (5) января 1918 года.

Подготовка к Учредительному собранию, которую с такой заботой и тщательностью проводила партия под руководством Ильича, при его активном участии, была важнейшим этапом в укреплении Советской власти; это была борьба против формального буржуазного демократизма, за подлинный демократизм, дающий возможность трудящимся массам широко развернуть громадную революционную работу во всех областях строительства социалистического уклада.

Прделанная работа по созыву Учредительного собрания показывает, как шаг за шагом она углублялась, как все шире опиралась на массы, как организовывала массы на борьбу, как спланировала на этой работе с массами партийные и советские кадры¹.

Предстояла еще большая работа по организационной подготовке и проведению самого Учредительного собрания.

Правые эсеры толковали о необходимости борьбы с большевиками. Наиболее правые из них организовали военную организацию, устроившую 1 января неудавшееся покушение на Ленина. Эта организация деятельно подготовляла в день открытия Учредительного собрания — 18 (5) января — вооруженное восстание. ЦК эсеров формально не поддерживал этой военной организации, но был осведомлен о ее деятельности и смотрел на нее сквозь пальцы. Эта военная организация связалась с «Союзом защиты Учредительного собрания», поставившим себе целью координацию действий всех антибольшевистских организаций. В «Союз защиты Учредительного собрания» входили наиболее правые эсеры, меньшевики-оборонцы, пародные социалисты, кое-кто из кадетов. Несмотря на очень большую актив-

¹ Далее в рукописи: «Только закончив эту работу, Ильич решил поехать на несколько дней в Финляндию, чтобы передохнуть, переключить свои мысли на другие вопросы и на время отвлечься от вопросов борьбы за Учредительное собрание». *Ред.*

ность, «Союзу защиты» не удалось привлечь на свою сторону ни рабочих, ни петроградский гарнизон; их агитация имела успех лишь среди обывателей.

Демонстрация 18 (5) января носила своеобразный обывательский характер, но по городу ходили усиленно распространяемые слухи о готовящемся вооруженном восстании. Большевики готовились к отпору. Учредительное собрание должно было собраться в Таврическом дворце. Организован был военный штаб, в котором участвовали Свердлов, Подвойский, Прощьян, Урицкий, Бонч-Бруевич и др. Город и Смольнинский район были разбиты по участкам, за охрану взялись рабочие. Для охраны порядка в самом Таврическом дворце, возле него и в примыкающих кварталах вызвана была команда с крейсера «Аврора» и две роты с броненосца «Республика». Вооруженного восстания, которое готовил «Союз защиты Учредительного собрания», не вышло, была обывательская демонстрация под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию», которая на углу Невского и Литейного столкнулась с нашей рабочей демонстрацией, шедшей под лозунгом «Да здравствует Советская власть». Произошло вооруженное столкновение, быстро ликвидированное. В. Д. Бонч-Бруевич хлопотал, звонил, распоряжался, обставил переезд Владимира Ильича из Смольного в Таврический дворец чрезвычайно конспиративно. Он ехал сам с Владимиром Ильичем в автомобиле, посадили туда и меня с Марией Ильиничной и Веру Михайловну Бонч-Бруевич. К Таврическому дворцу мы подъехали с какого-то переулка. Ворота были заперты, но автомобиль дал условный гудок, ворота отворились и, пропустив нас, снова закрылись. Караул провел нас в особые, отведенные для Ильича комнаты. Они были где-то с правой стороны от главного входа, и идти в зал заседаний надо было по какому-то остекленному коридору. Около главного подъезда стояли хвосты делегатов, масса зрителей, и, конечно, Ильичу удобнее было пройти особым ходом, но его немного раздражала излишняя какая-то таинственная театральность. Сидели и пили чай, заходили то те, то другие товарищи, помню Коллонтай, Дыбенко. Сидеть пришлось довольно долго, шло заседание, довольно бурное, большевистской фракции. Председательствовала на нем Варвара Николаевна Яковлева, москвичка. Москвичи в вопросе об Учредительном собрании держались твердо, кое-кто даже перегибал, хотел разогнать Учредительное собрание немедленно, упуская из виду, что дело надо было организовать так, чтобы массам было ясно, почему Учредительное собрание необходимо было распустить.

Открыть Учредительное собрание должен был Яков Михайлович Свердлов.

Заседание открылось в 4 часа дня. Идя на заседание, Владимир Ильич вспомнил, что он оставил в пальто револьвер, по-

шел за ним, но револьвера не оказалось, хотя никто из посторонних в прихожую не входил, очевидно, револьвер вытащил кто-то из охраны. Ильич стал корить Дыбенко и издеваться над ним, что в охране нет никакой дисциплины; Дыбенко волновался. Когда потом Ильич пришел с заседания, Дыбенко возвратил ему револьвер, охрана вернула.

Я. М. Свердлов запоздал немного, и Учредительное собрание решило было, что открывать заседание будет старейший годами член Учредительного собрания Швецов (эсер). Тот вошел уже было на трибуну и завел какую-то волюнку, но тут подошел Свердлов, поднялся на кафедру, отобрал у Швецова звонок, отстранил его и своим громким густым голосом сообщил, что ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поручил ему открыть заседание Учредительного собрания и затем от имени ЦИК зачитал напечатанную накануне в «Правде» «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанную Лениным и отредактированную им вместе с тт. Сталиным и Бухариным. Эта декларация была принята ВЦИК, и было принято при этом постановление, что «...всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема, как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы»¹.

«Декларация» гласила, что «1. Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам. 2. Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик» — и далее одобряет законы, принятые II съездом Советов. Постановления, принятые Совнаркомом, предполагалось утвердить Учредительному собранию. «Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества»². Правая часть Учредительного собрания совсем иначе представляла себе деятельность Учредительного собрания, думала, что Учредительное собрание не иначе как возьмет всю власть в свои руки. Большинство было за правыми эсерами. В председатели съезда правые эсеры предложили Чернова, большевики и левые эсеры — Спиридонову. Чернов получил 244 голоса, Спиридонова — 151 голос.

Голосовали большевики за Спиридонову потому, что основным вопросом был вопрос о том, будет ли Учредительное собра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 226. *Ред.*

² Там же, с. 221, 223. *Ред.*

ние голосовать за Советскую власть или нет. Левые эсеры шли в то время с большевиками. Выдвижение в тот момент кандидатуры Спиридоновой помогало крестьянским массам осознать, что рабочий класс ставит себе задачей работать в тесном союзе с крестьянством, что большевики за такой союз. В смысле агитационном кандидатура Спиридоновой имела поэтому большое значение.

После выбора председателя — Чернова — начались прения. Говорил Чернов от лица правых эсеров по вопросу о земле; в рядах левых в ответ на его слова раздался возглас: «Да здравствуют Советы, передавшие землю крестьянам!» Выступавший после Чернова Бухарин предложил обсудить прежде всего декларацию ВЦИК — надо прежде всего решить, с кем идет Учредительное собрание, «с Калединым, с юнкерами, с фабрикантами, купцами, директорами учетных банков или с серыми шинелями, с рабочими, солдатами, матросами?» От меньшевиков выступал Церетели, нападавший всячески на большевиков, пугавший гражданской войной и предлагавший всю власть передать Учредительному собранию.

Много лет прошло с тех пор. Мы являемся свидетелями того, как социал-демократия Германии и других капиталистических стран теми же приемами — сладенькими речами, запугиванием гражданской войной, всякими посулами — предала дело рабочего класса, помогла стать у власти фашистам, этим диким погромщикам, озверелым сторонникам гибнущих помещиков и капиталистов, смертельно боящимся коммунистов, проповедующим на словах гражданский мир, а на деле помогающим помещикам и капиталистам наглым образом эксплуатировать трудящихся, толкающим их в бездну новой, еще более ожесточенной, чем прежняя, мировой войны.

Но большевики ясно видели, куда приведет соглашательство с правыми эсерами и меньшевиками. Тов. Скворцов говорил, обращаясь к правым эсерам и меньшевикам: «Между нами все кончено. Мы делаем до конца Октябрьскую революцию против буржуазии. Мы с вами на разных сторонах баррикады»¹.

Владимир Ильич не выступал. Он сидел на ступеньках трибуны, насмешливо улыбался, шутил, что-то записывал, чувствовал себя каким-то никчемным на этом собрании. В его бумагах сохранилось начало статьи, где он записал свои впечатления от этого заседания Учредительного собрания: «Тяжелый, скучный и нудный день в изящных помещениях Таврического дворца, который и видом своим отличается от Смольного приблизительно так, как изящный, но мертвый буржуазный парламентаризм отличается от пролетарского, простого, во многом еще беспорядочного и недоделанного, но живого и жизненного

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 229—230. Ред.

советского аппарата». «После живой, настоящей, советской работы, среди рабочих и крестьян, которые заняты *делом*, рубкой леса и корчеванием пней помещичьей и капиталистической эксплуатации,— вдруг пришлось перенестись в «чужой мир», к каким-то пришельцам с того света, из лагеря буржуазии и ее вольных и невольных, сознательных и бессознательных поборников, прихлебателей, слуг и защитников. Из мира борьбы трудящихся масс, и их советской организации, против эксплуататоров — в мир сладеньких фраз, прилизанных, пустейших декламаций, посулов и посулов, основанных по-прежнему на соглашательстве с капиталистами»¹.

За обсуждение декларации ВЦИК высказалось лишь 146 депутатов, против — 247. Большевики и левые эсеры потребовали перерыва. Большевистская фракция Учредительного собрания собралась обсудить вопрос, что дальше делать. Было решено: в зал заседания не возвращаться. Товарищи Раскольников и Лобов были посланы туда, чтобы заявить, что большевики уходят из Учредительного собрания, и мотивировать почему. Фракция решила также не разгонять собрания, а предоставить ему возможность досидеть заседание до конца. Заседание продолжалось до 4 час. 40 мин. 6 января, после чего депутаты разошлись по домам. На следующий день ВЦИК постановил: «Учредительное собрание распустить». Дальнейшие собрания не имели уже места, не собирались.

Роспуск Учредительного собрания был воспринят массами пассивно, авторитетом оно не пользовалось, этот роспуск никого не взволновал. Был убран с дороги плетень, мешавший дальнейшей работе. Был вбит кол во все соглашательские настроения.

* * *

Сняли плетень Учредительного собрания, мешавший двигаться вперед, а рядом стояла задача гораздо более трудная — выворачиваться, вылезать из ямы империалистической войны, в которой гибла страна.

8 ноября на II съезде Советов был принят декрет о мире. Первые дни существования Советской власти ушли на борьбу военную с наступавшими войсками Керенского, с восставшими юнкерами, ушли на борьбу с соглашательскими колебаниями внутри ЦК. 20 ноября Совнарком дал приказ верховному главнокомандующему генералу Духонину о приостановке военных действий и начале переговоров о мире со странами четверного союза (Германия, Австрия, Турция, Болгария). 22 ноября, когда из разговора по прямому проводу выяснилось, что генерал Духонин саботирует приказ Совнаркома, он был смещен и вер-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 230—231, 229. Ред.

ховным главнокомандующим был назначен г. Крыленко. В тот же день Владимир Ильич составил радио всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота, в котором призывал солдат и матросов активно вмешаться в дело. Не на генералов, а на солдатские массы возлагал Ильич главные надежды.

«Солдаты! — говорилось в радио.— Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок.

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

Совет Народных Комиссаров дает вам права на это.

О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках! Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит!

Именем правительства Российской республики

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин).

Народный комиссар по военным делам и
верховный главнокомандующий *Н. Крыленко*¹.

21 ноября было обращение Советского правительства к представителям союзных с Россией стран с предложением рассмотреть декрет о мире.

23 ноября Ильич выступал в ВЦИК. Он говорил о том, что начинается борьба за мир, что борьба эта будет трудной и упорной, но считал, что наши шансы очень благоприятны. Он говорил о революционном братании. «Мы имеем возможность сноситься радиотелеграфом с Парижем, и когда мирный договор будет составлен, мы будем иметь возможность сообщить французскому народу, что он может быть подписан и что от французского народа зависит заключить перемирие в два часа. Увидим, что скажет тогда Клемансо»². 23 ноября началось опубликование тайных договоров других стран; они наглядно показывали, как нагло лгали правительства массам, как морочили им голову.

23 ноября Советское правительство предложило также нейтральным странам, не заинтересованным в войне, довести официальным путем до сведения неприятельских правительств о

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 82. *Ред.*

² Там же, с. 86. *Ред.*

готовности Советского правительства вступить в мирные переговоры.

27 ноября пришел ответ от германского главнокомандующего. Он выражал согласие пачать переговоры о мире.

23 ноября, выступая на заседании ВЦИК, Ильич говорил: «Мир не может быть заключен только сверху. Мира нужно добиваться снизу. Мы не верим ни на каплю немецкому генералитету, но мы верим немецкому народу. Без активного участия солдат мир, заключенный главнокомандующими, — непрочен»¹.

Положение в Германии было не из легких. Продовольственное положение было тяжелое. Кроме того, народ устал от войны, и Германия подумывала о том, что заключение мира с Россией может развязать ей руки в борьбе с Францией, а одержав победу над Парижем, можно будет справиться потом и с Россией.

Когда пришел ответ от германского главнокомандующего, Совнарком тотчас же запросил союзников (Франция, Англия, Италия, САСШ), согласны ли они приступить 1 декабря к мирным переговорам с державами четверного союза.

Союзники ответа не дали, а через голову Советского правительства обратились к смещенному генералу Духонину с протестом против сепаратного мира.

1 декабря на фронт выехала наша делегация под председательством т. Иоффе. В состав ее входили тт. Карахан, Каменев, Сокольников, Биценко, Мстиславский, по одному представителю от рабочих, крестьян, матросов и солдат.

На другой день было выпущено обращение Совнаркома к немецким рабочим.

3 декабря начались переговоры о перемирии. Советская делегация огласила декларацию, в которой целью переговоров объявлялось «достижение всеобщего мира без аннексий и контрибуций с гарантией права на национальное самоопределение» и предлагалось обратиться ко всем прочим воюющим странам «с предложением принять участие в ведущихся переговорах». 5 декабря было подписано соглашение о приостановке военных действий сроком на одну неделю. 7-го Наркоминдел снова обратился к представителям союзников с предложением «определить свое отношение к мирным переговорам». Ответа на обращение не последовало.

11-го в Брест выехала вновь наша делегация, дополненная тт. Покровским и Вельтманом (Павловичем).

13 декабря были возобновлены мирные переговоры и заключено перемирие еще до 14 января. Из переговоров ничего не вышло.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 88. *Ред.*

25 декабря немцы от имени четверного союза заявили, что на мир без аннексий и контрибуций они согласны, но лишь при условии, если к договору о мире присоединятся все воюющие страны. Они знали, что этого не будет, но декларация эта имела тот смысл, что всю ответственность за продолжение войны страны четверного согласия хотели переложить на Антанту.

До конца декабря переговоры носили скорее агитационный характер; их плюс был тот, что временно достигнуто было перемирие, широко развернута была агитационная работа за мир в наших и немецких войсках.

С начала 1918 года характер переговоров изменился. В начале января сторонники милитаристской, аннексионистской политики, Людендорф и Гинденбург, послали Вильгельму II ультиматум с угрозой уйти в отставку, если не будет выполнено их требование о проведении в Брест-Литовске решительной аннексионистской политики и передачи руководства переговорами военному командованию. Руководство мирными переговорами перешло к генералу Гофману.

7 января наша делегация, на этот раз под председательством Троцкого, вновь выехала в Брест; 9 января начались опять переговоры о мире. На этот раз немецкая делегация стала уже предъявлять ультиматумы. К 20 января выяснилось, что Германия ставит вопрос так: либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир, т. е. мир на условии, что мы отдаем все занятые ими земли, германцы сохраняют все занятые ими земли и налагают на нас контрибуцию (прикрытую внешностью платы за содержание пленных) размером приблизительно в 3 миллиарда рублей с рассрочкой на несколько лет.

В середине января 1918 года в Вене разразилась всеобщая стачка, вызванная обострением голода, тягой к миру и возмущением рабочих аннексионистской тактикой центральных держав в Брест-Литовске. Стачка захватила почти всю страну, привела к образованию Совета рабочих депутатов. Несколько дней спустя разразилась стачка в Берлине, где, по официальным данным, бастовало 500 тысяч рабочих. Были стачки и в других городах. Образовывались Советы рабочих депутатов. Бастующие требовали провозглашения республики и заключения мира. Однако до революции было еще далеко. Вся власть была в руках Вильгельма II, Гинденбурга, Людендорфа, в руках буржуазии.

Ильич крепко надеялся на грядущую мировую революцию. 14 января на проводах первых социалистических эшелонов, отправляющихся на фронт, он говорил: «Уже просыпаются народы, уже слышат горячий призыв нашей революции, и мы скоро не будем одиноки, в нашу армию вольются пролетарские силы других стран»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 216. Ред.

Но это было еще будущее. Особенностью Ильича было то, что он никогда не обманывал себя, как бы печальна ни была действительность, никогда не пьянел он от успехов, всегда умел трезвыми глазами смотреть на действительность. Не всегда это было ему легко. Ильич меньше всего был человеком холодного рассудка, каким-то расчетливым шахматистом. Он воспринимал все чрезвычайно страстно, но была у него крепкая воля, много пришлось ему пережить, передумать, и умел он бесстрашно глядеть в глаза правде. И в данном случае он прямо поставил вопрос: аннексионистский мир — вещь жуткая. Но в состоянии ли мы воевать? Ильич постоянно толковал с солдатскими делегациями, приезжавшими с фронта, тщательно изучал положение на фронте, состояние нашей армии, принимал участие в совещании представителей I общевойсковой конференции по демобилизации армии. Тов. Подвойский в своих воспоминаниях пишет об этом съезде: «Съезд был назначен на 25 декабря 1917 года, но открылся 30 декабря... В эти пять дней происходили совещания с наиболее выдающимися делегатами, хотя и предварительного характера, но решающего значения. На одном из таких совещаний присутствовал и Председатель Совнаркома т. Ленин. После заслушания обстоятельной информации делегатов важнейших армий т. Лениным были поставлены делегатам три вопроса: 1) Есть ли основание предполагать, что немцы станут наступать на нас? 2) Может ли армия, в случае наступления немцев, вывезти из фронтовой полосы в глубокий тыл снабжение и материальную часть, артиллерию? 3) Может ли армия при нынешнем ее состоянии задержать наступление немцев?»

В своем большинстве совещание ответило на первый вопрос положительно, на второй и третий — отрицательно ввиду демобилизационного настроения солдат, все усиливающейся утечки их и истощения лошадей из-за слабого поступления фуража». На этом совещании присутствовало около 300 делегатов. Это совещание убедило Ильича в полной невозможности в данный момент продолжать борьбу с немцами. Ни в какой пессимизм Ильич не впал — он в это время вел усиленную кампанию по организации Красной Армии для защиты страны, но отчетливо поставил вопрос: сейчас мы воевать не можем. «Поезжайте на фронт!» — говорил Ильич товарищам, думавшим, что война возможна. «Поговорите с солдатами!» — советовал он.

Недавно т. Кравченко рассказывала мне об одной беседе с Ильичем в этот период. Она работала на Урале, в Мотовилихе. Одно дело Питер, другое — Пермь, Урал. Там не грозила опасность немедленного наступления врага, туда мало еще добиралось солдат с фронта. И настроение на Урале было боевое. Рабочие готовы были ринуться в бой, готовили отряды, пушки. Кравченко послали к Ильичу, велели сказать ему, что Урал под-

держит. Кравченко приехала в Питер, зашла к уральскому товарищу Спунде, который работал в это время в Госбанке, там и жил; простая железная кровать, на которой он спал, одиноко и никчемно стояла в каком-то большом зале заседаний. Маленькая деталь, маленький штришок переживаемого тогда времени, дополняющая картинку того, как содержался арестованный директор того же банка — Шипов. Тов. Спунде направил Кравченко в Смольный, к Ильичу. В коридорах Смольного встретила она т. Голощекина, приехавшего также с Урала с теми же наказами, что и т. Кравченко. Он также шел к Ильичу. Пока они стояли и разговаривали, из кабинета навстречу им вышел Ильич. Увидев Голощекина, Ильич подошел к ним, стал расспрашивать, как обстоит дело на Урале; они рассказали ему об уральских настроениях, о том, с чем приехали. «Поговорим вечером, — сказал Ильич, и вид у него стал какой-то больной, — а пока пойдите-ка походите по улицам, послушайте, что солдаты говорят». «И, — рассказывает Кравченко, — такого мы наслушались, что к вечеру голова распухла от всего слышанного, и так сильны были эти впечатления, что заслонили они все остальное». Кравченко не может вспомнить даже, состоялся ли вечером у них разговор с Ильичем или нет.

Тов. Голощекин также помнит эту встречу. Он рассказывает, что Ильич поручил ему принимать солдатские делегации. Тов. Голощекин заслушивал их доклады, выяснял настроения, то, что их волновало, потом шел и рассказывал Ильичу; Ильич шел к делегатам, отвечал им на их вопросы, рассказывал о положении дела, зажигал их огнем энтузиазма. На этой работе т. Голощекин убеждался все более и более, как прав Ильич. На VII съезде его не надо было уже убеждать, у него не было больше никаких колебаний.

На VII съезде партии — в начале марта — Ильич говорил, что первые недели и месяцы после Октябрьской революции мы в октябре, ноябре, декабре переходили от триумфа к триумфу на внутреннем фронте, против нашей контрреволюции, против врагов Советской власти. Это могло иметь место потому, что мировому империализму было в это время не до нас. Наша революция произошла в момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистических стран в виде уничтожения миллионов людей, когда на четвертом году воюющие страны подошли к тупику, к распутью, когда встал объективно вопрос: смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы? Это был момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла ни немедленно наброситься одна на другую, ни соединиться против нас. Первый период брестских переговоров Ильич характеризовал на VII съезде словами: «Лежал смиренный домашний зверь рядом с тигром и убеждал его, чтобы мир был без аннексий и контрибу-

ций...»¹ Во второй половине января брестские переговоры при-
няли другой характер: хищный зверь, германский империализм,
схватил нас за горло, надо было отвечать немедленно — идти на
аннексионистский мир или продолжать войну, зная наперед,
что будешь в ней разбит. Ленину удалось в конце концов от-
стоять свою точку зрения, но внутрипартийная борьба, тянув-
шаяся целых два месяца, была для Ильича непомерно тяжела.
Ильич настаивал на заключении мира. Его поддерживали цели-
ком Свердлов и Сталин, за ним шли без колебаний Смилга и
Сокольников. Но громадное большинство цекистов и товарищей,
сплотившихся около ЦК, с которыми пришлось проводить Ок-
тябрьскую революцию, было против Ленина, боролось против
его точки зрения, втягивало в борьбу комитеты. Против Ильича
был и ПК и Московский областной комитет. Фракция «левых
коммунистов» стала выпускать в Питере свою ежедневную га-
зету «Коммунист», где договорилась до белых слонов вроде
того, что лучше дать погибнуть Советской власти, чем заклю-
чить позорный мир, толковала о революционной борьбе, совсем
не учитывая сил. Им казалось, что заключить мир с германским
империалистическим правительством — значит сдать все свои
революционные позиции, изменить делу международного про-
летариата. К «левым коммунистам» принадлежал целый ряд
очень близких товарищей, с которыми рука об руку приходи-
лось работать годы, находить поддержку в труднейшие моменты
борьбы. Около Ильича образовалась какая-то пустота. В чем-чем
только его не обвиняли! Особую позицию занял Троцкий. Люби-
тель красивых слов, красивых поз, и тут он не столько думал о
том, как вывести из войны Страну Советов, как получить пере-
дышку, чтобы укрепить силы, поднять массы, сколько о том,
чтобы занять красивую позу: на унижительный мир не идем, но
и войны не ведем. Ильич называл эту позу барской, шляхетской,
говорил, что этот лозунг — авантюра, отдающая страну, где про-
летариат встал у власти, где начинается великая стройка, на
поток и разграбление.

Голосования ЦК первое время давали большинство голосов
против Ленина. 24 (11) января большинство (9 человек) голо-
совало за предложение Троцкого: мира не заключаем, армию
демобилизуем; против было 7 голосов. 3 февраля (21 января)
по вопросу, допустимо ли сейчас заключать мир, за было 5 че-
ловек, против — 9; 17 февраля за немедленное предложение
Германии мира — 5, против — 6; 18 февраля по вопросу, обра-
титься ли к немцам с предложением о возобновлении мира, за
было 6 и против — 7.

Только когда положение изменилось, когда немцы 23 февра-
ля прислали свои условия, потребовали ответа в течение

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 11. *Ред.*

48 часов и в то же время стали решительно наступать, брать город за городом, соотношение сил изменилось. Ленин заявил, что, если будет продолжаться политика революционной фразы, он выходит из ЦК и из правительства. Голосование по вопросу, принять ли условия германские или нет, дали: 7 — за, 4 — против, 4 — воздержались, в том числе Троцкий, не пожелавший брать на себя ответственность в такой важнейший момент по важнейшему вопросу. К основной пятерке, голосовавшей за заключение мира, даже на основе немецких условий (Ленин, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга), присоединились также Зиновьев и Стасова. Противникам мира была предоставлена свобода агитации.

Однако наступление немцев внесло очень быстро отрезвление; к моменту VII партийного съезда ленинская точка зрения завоевала громадное большинство. VII съезд партии 30 голосами против 12, при 4 воздержавшихся, 8 марта принял резолюцию о необходимости утвердить мирный договор, подписанный в Брест-Литовске. 16 марта IV съезд Советов, собравшийся в Москве, 704 голосами против 285, при 115 воздержавшихся, ратифицировал Брестский договор.

Из времен борьбы за Брестский мир у меня в памяти сохранилось два момента. 21 января 1918 года происходило расширенное заседание ЦК. Ильич кончал заключительное слово, на него устремлены были враждебные взгляды товарищей. Ильич излагал свою точку зрения, явно потеряв всякую надежду убедить присутствующих. И сейчас слышится мне, каким безмерно усталым и горьким тоном он мне сказал, окончив доклад: «Ну, что же, пойдем!» Ничему не был бы так рад Ильич, как если бы оказалось, что наша армия может наступать, или если бы оказалась бы конец войне; он был бы рад, если бы оказалось, что он неправ. Но чем оптимистичнее были товарищи, тем настороженнее был Ильич. Помню еще другой момент. В тяжелое время между половиной января и концом февраля много ходили мы с Ильичем вокруг Смольного, по Неве. Ильичу было трудно, и в такие минуты у него была потребность рассказать громко кому-нибудь близкому то, что его заботило. Я не помню уже того, что он говорил, но созвучно это с тем, что говорил он на VII съезде партии. Эту его речь не могу я читать без волнения и сейчас. Точно Ильича голос слышишь, все его интонации. Читаешь: «Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить. А вы это измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Нет, вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась, — так все спасено. Конечно! Но если она не выступит так, как мы желаем, возьмет да не победит завтра, — тогда что? Тогда масса скажет вам: вы

поступили как авантюристы, — вы ставили карту на этот счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными оставаться в том положении, которое оказалось вместо международной революции, которая придет неизбежно, но которая сейчас еще не созрела»¹.

Читаешь и вспоминаешь. Ходим мы по Неве. Сумерки. Над Невой запад залит малиновым цветом зимнего питерского заката. Мне этот закат напоминает первую встречу с Ильичем у Классона на блинах, в 1894 году, когда на обратном пути с Охты мы шли с товарищами по Неве, и они рассказывали мне про брата Ильича. И вот ходим мы с Ильичем по Неве, и он повторяет мне вновь и вновь все доводы, почему в корне неверна позиция «мира не заключаем, войны не ведем»; возвращаемся домой, Ильич вдруг останавливается, и его усталое лицо неожиданно светлеет, он подымает голову и роняет: «А вдруг?», т. е. вдруг в Германии уже идет революция. Мы доходим до Смольного. Пришли телеграммы: немцы наступают. Вдвое темнеет Ильич и весь осунувшийся идет названивать по телефонам. Только 9 ноября 1918 года началась революция в Германии, 13 ноября 1918 года ВЦИК аннулировал Брестский договор.

ПЕРЕЕЗД ИЛЬИЧА В МОСКВУ И ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ЕГО РАБОТЫ В МОСКВЕ

Наступление немцев, взятые ими Пскова показали, какой опасности подвергалось правительство, находившееся в Питере. В Финляндии разгоралась гражданская война. Решено было эвакуироваться в Москву. Это было необходимо и с точки зрения организационной. Надо было работать в центре хозяйственной и политической жизни страны.

11 марта Советское правительство переехало в Москву, в центр РСФСР, подальше от границы, ближе к ряду губерний, с которыми надо было как можно теснее связаться.

11 марта, в день переезда в Москву, Ильич написал статью «Главная задача наших дней»². Эта статья, напечатанная в «Известиях» 12 марта, носила программный характер, но в то же время она как нельзя лучше характеризовала тогдашнее настроение Ильича.

Статья начинается цитатой из некрасовского «Кому на Руси жить хорошо»:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка-Русь!

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 19. *Ред.*

² Там же, с. 78—82. *Ред.*

В краткой, сжатой форме говорит Ильич в этой статье о всем значении Великой пролетарской революции, потом указывает на всю унижительность Брестского мира.

Далее он пишет о борьбе за могучую и обильную Русь:

«Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно *только* на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили. Идти вперед по этому пути, не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической»¹.

«Мы оборонцы с 25 октября 1917 г., — писал Ильич. — Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма»².

Сейчас, 18 лет спустя после того, как была написана эта статья, когда мы продвинулись далеко уже по пути социалистической стройки, добились решающих побед социализма в нашей стране, когда мы «с песней по жизни шагаем», когда можно уже с полным правом говорить об обилии и мощи нашей социалистической Родины, когда миллионы с небывалой в истории энергией и инициативой осуществляют цель, так ярко поставленную Лениным в его статье «Главная задача наших дней», — эта статья выглядит такой простой, само собой разумеющейся. Но надо вспомнить то время, те настроения, которые тогда были сильны в нашей партии, чтобы понять весь удельный вес этой статьи.

Ильич был полон энергии, полон готовности к борьбе.

В Москве первое время нас (Ильича, Марию Ильиничну и меня) поселили в «Национале» (первом доме Советов), во втором этаже, дали две комнаты с ванной³. Была весна, светило московское солнце. Около «Националя» начинался Охотный ряд — базар, где шла уличная торговля, старая Москва с ее

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 80. *Ред.*

² Там же, с. 82. *Ред.*

³ Далее в рукописи: «Было удобно, но комнаты оказались нам с Ильичем очень шикарными. Для работы они были малоприспособлены, конечно. Воспоминания о пребывании в «Национале» связываются как-то с воспоминаниями о весне. Снег таял, Москва залита была солнцем, на улицах толкался народ, хотелось поскорее и покрепче взяться за работу». *Ред.*

охотнорядскими лавочниками, резавшими когда-то студентов, красовалась повсю. К Ильичу ходило много народу. Часто приходили военные.

18 марта в Мурманске англичанами был высажен десант в 400—500 матросов под предлогом охраны военных складов, созданных там Антантой еще для царского правительства. Смысл этого десанта был ясен.

Нас в «Национале» кормили английскими мясными консервами, которыми англичане кормили своих солдат на фронтах. Помню, как Ильич однажды во время еды говорил: «Чем-то мы наших солдат на фронтах кормить будем...» В «Национале» жили мы все же на бивуаках, Ильичу хотелось поскорее обособиться, чтобы начать работать, и он хотел с устройством.

Правительственные учреждения и главных членов правительства решено было поселить в Кремле. Мы тоже должны были там жить.

Помню, как Яков Михайлович Свердлов и Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич в первый раз повезли нас в Кремль смотреть нашу будущую квартиру. Нас предполагалось поселить в здании «судебных установлений». По старой каменной лестнице, ступеньки которой были вытоптаны ногами посетителей, посещавших это здание десятки лет, поднялись мы в третий этаж, где помещалась раньше квартира прокурора судебной палаты. Планировали дать нам кухню и три комнаты, к ней прилежавшие, куда был отдельный ход. Дальше комнаты отводились под помещение Управления Совнаркома. Самая большая комната отводилась под зал заседаний (там и сейчас происходят заседания Совнаркома СССР). К ней примыкал кабинет Владимира Ильича, ближе всего помещавшийся к парадному ходу, через который должны были входить к нему посетители. Было очень удобно. Но во всем здании была невероятная грязь, печи были поломаны, потолки протекали. Особенная грязь царил в нашей будущей квартире, где жили сторожа. Требовался ремонт.

Временно нас поселили в Кремле в так называемых «кавалерских покоях», дали две чистые комнаты.

Ильичу нравилось гулять по Кремлю, откуда открывался широкий вид на город. Больше всего любил он ходить по тротуару напротив Большого дворца, здесь было глазу где погулять, а потом любил ходить внизу вдоль стены, где была зелень и мало народу.

В комнате, в которой мы жили в «кавалерских покоях», на столе лежало какое-то старинное издание со снимками Кремля, с историей Кремля, рассказывалась история его стройки, история и значение каждой башни. Ильич любил листать этот альбом. Тогдашний Кремль, Кремль 1918 года, мало походил на теперешний. Все в нем дышало стариной. Около здания «судебных установлений» стоял окрашенный в розовую краску Чудов

монастырь, с маленькими решетчатыми окнами; у обрыва стоял памятник Александру II; внизу ютилась у стены какая-то стародревняя церковь. Напротив здания «судебных установлений», в кремлевском здании, работали рабочие. Новых зданий, скверов в Кремле не было. Охраняли Кремль красноармейцы.

Старая армия разложилась, была демобилизована. Надо было создать новую, сильную, революционную, проникнутую духом энтузиазма, волей к победе армию.

Первое время Красная Армия весьма мало напоминала обычную армию. Она горела энтузиазмом, но внешне выглядела первобытно: у красноармейцев не было определенной формы — кто в чем пришел, в том и ходил, не было еще твердого распорядка, установленных правил. Враги Советской власти насмехались над красноармейцами, не верили, что большевики смогут создать сильную, крепкую армию. Обыватели боялись красноармейцев, им казалось, что это какие-то разбойники. Помню, как еще в 1919 году одна переводчица, работавшая у тов. Адоратского, когда он просил ее зайти в Кремль взять перевод, не решилась этого сделать: боялась красноармейцев, охранявших Кремль.

Иностранцев особенно поражало отсутствие у охраны установившихся повсюду форм поведения.

Ильич рассказывал мне как-то о посещении его Мирбахом. Часовой около кабинета Владимира Ильича обычно сидел за столиком и читал. Тогда у нас никому это не казалось странным. Когда был заключен мир с Германией и в Россию приехал немецкий посол граф Мирбах, он, как полагается, «посетил» в Кремле представителя власти — Председателя Совета Народных Комиссаров Ленина. Около кабинета Владимира Ильича сидел и что-то читал часовой, и, когда Мирбах проходил в кабинет Ильича, он не поднял на него даже глаз и продолжал читать. Мирбах на него удивленно посмотрел. Потом, уходя из кабинета, Мирбах остановился около сидящего часового, взял у него книгу, которую тот читал, и попросил переводчика перевести ему заглавие. Книга называлась: Бебель «Женщина и социализм». Мирбах молча возвратил ее часовому.

Красноармейцы усердно учились. Они понимали, что знание нужно им для победы.

Проходя быстрой походкой по коридору из своей квартиры в кабинет, нагруженный газетами, бумагами, книгами, Ильич особенно приветливо всегда здоровался с часовыми. Знал их настроение, их готовность умереть за власть Советскую.

На VII партийном съезде (6—8 марта 1918 года) был решен вопрос о необходимости заключить с немцами мир, хотя бы самый тяжелый, самый унижительный. Но это решение было принято в результате острой борьбы. Докладчиком по вопросу о ратификации мирного договора с Германией, обсуждавшемуся

заодно с политическим отчетом ЦК, выступал Ленин, содокладчиком от группы «левых коммунистов» был Н. И. Бухарин. Все вопросы ставились очень остро. На съезде было 46 решающих голосов, представлявших 300 тысяч членов партии. Тогда партия была не такая, как теперь: не было еще того единства и сплоченности, какие достигнуты теперь. Из 46 голосов участников съезда 30 было за ратификацию Брестского мира, 12 — против, 4 — воздержались; другими словами, около $\frac{1}{3}$ делегатов съезда было против линии ЦК, линии Ленина. Среди них было много видных большевиков. 23 февраля 6 человек из них заявили об уходе с ответственных советских и партийных постов, оставляя за собой полную свободу агитации как внутри партии, так и вне ее. 24 февраля Московское областное бюро вынесло недоверие Центральному Комитету, отказалось подчиниться тем постановлениям его, «которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией», и в объяснительном тексте к резолюции заявило, что «находит едва ли устранимым раскол партий в ближайшее время». Московское областное бюро в начале 1918 года играло роль организационного центра «левых коммунистов» во всероссийском масштабе.

Понятно, с какой горячностью выступал Ленин против «левых коммунистов», против революционной фразы. 21 февраля 1918 года он писал в «Правде»:

«Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: «революционная фраза о революционной войне погубила революцию»¹.

Ильич знал, что массы пойдут за ним, а не за «левыми коммунистами». IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов должен был ратифицировать мирный договор. «Левые коммунисты» готовы были пойти даже на потерю Советской власти. В своем заявлении от 24 февраля они писали: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной». Глубоко возмутила Ильича эта фраза, и, выступая 12 марта в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, выступая перед представителями масс, он говорил с особой горячностью, особо страстно:

«Русская революция *дала то, чем она резко отличается от революций в Западной Европе* (курсив мой. Н. К.). Она дала революционную массу, приготовленную 1905 годом к самостоятельному выступлению; она дала Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, органы, неизмеримо более демократические, чем все предшествующие, позволившие воспитывать,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 353. Ред.

облагородить рабочую, солдатскую и крестьянскую бесправную массу, вести ее за собой...»¹

В той же речи Ленин дал оценку Временному правительству и соглашателям. О Февральской революции он говорил:

«Если бы тогда власть перешла к Советам, если бы соглашатели, вместо того чтобы помогать Керенскому гнать армию в огонь, если бы они тогда пришли с предложением демократического мира, тогда армия не была бы так разрушена. Они должны были сказать ей: стой спокойно. Пусть в одной руке у нее будет разорванный тайный договор с империалистами и предложение всем народам демократического мира, и пусть в другой руке будет ружье и пушка, и пусть будет полная сохранность фронта. Вот когда можно было спасти армию и революцию»².

Сейчас, когда наша Красная Армия, вооруженная по последнему слову науки, крепко, организованно «стоит спокойно», как близки эти слова Ильича, как понятны каждому сознательному гражданину нашей великой Родины! А тогда, на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, который состоялся 14—16 марта, Ильич, выступая перед представителями Советов, с такой же глубиной и искренностью, с какой он всегда выступал перед массами, мимоходом обронил фразу, которая характеризовала его самого как революционера, как борца:

«Говорят, что мы отдаем Украину, которую идут губить Чернов, Керенский и Церетели; нам говорят: предатели, вы предали Украину! Я говорю: товарищи, я достаточно видывал виды в истории революции, чтобы меня могли смутить враждебные взгляды и крики людей, которые отдаются чувству и не могут рассуждать»³.

Смутить Ильича враждебные взгляды и крики даже близких товарищей не могли, но был он живым человеком и тяжело переживал расколы с людьми, с которыми перед тем работал рука об руку; не спал ночь, нервы у него ходили... В данном случае дело до раскола не дошло. IV Всероссийский съезд Советов ратифицировал мирный договор 724 голосами против 276; 118 человек воздержались. На IV съезде Советов присутствовали, конечно, не только большевики. Против подписания мира были меньшевики, анархисты-коммунисты, правые и левые эсеры. Их представители выступали против подписания немецких условий мира 23 февраля на заседании ВЦИК. При таком соотношении сил 724 голоса против 276 означали серьезнейшую победу лица Ленина.

Поскольку вопрос о договоре с немцами был решен, Ильич считал, что настала передышка и надо использовать ее для широкого развертывания работы Советской власти внутри страны.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 84. *Ред.*

² Там же. *Ред.*

³ Там же, с. 105—106. *Ред.*

Он засел за писание брошюры «Очередные задачи Советской власти»¹. В «кавалерские покои» к нам часто заходил Яков Михайлович Свердлов. Наблюдая, как Владимир Ильич строчит свои работы, он стал убеждать его пользоваться стенографистом. Ильич долго не соглашался, наконец убедил его Яков Михайлович, прислал лучшего стенографиста². Дело, однако, не пошло, и как ни старался стенографист уговорить Ильича не стесняться, не обращать на него внимания, дело не шло. Ильич ведь как работал: напишет страницы две, а потом надолго задумается над тем, как лучше сказать что-нибудь, и мешает ему присутствие чужого человека. Только в 1923 г., когда он был уже тяжело болен, не мог сам писать, стал он диктовать свои статьи, но стоило это ему больших трудов. Диктовал он их тт. Фотиевой, Гляссер, Манучарьянц, Володичевой, которые давно у него работали в секретариате, которых он не стеснялся, но и то, бывало, все слышится из его комнаты нервной смесшюк.

Конец марта — апрель 1918 года Ильич усиленно работал над статьей «Очередные задачи Советской власти». Она была напечатана 28 апреля в «Известиях» и на долгие годы стала для большевиков руководством к действию. Нигде, кажется, так просто, так ярко и выпукло не вскрыл Ленин главные трудности строительства социализма в нашей стране в то время, как в этой брошюре. Наша страна к моменту Октября была страной мелкочрестьянской. Миллионы крестьян были насквозь пропитаны мелкочрестьянской психологией. Каждый думал только о себе, о своем хозяйстве, о своем куске земли, до других ему дела не было. «Каждый за себя, а о других господь бог позаботится», — рассуждал крестьянин. Десятки раз писал Ильич об этой мелкочрестьянской психологии, о ее вреде, но теперь, когда после роспуска Учредительного собрания вопрос о власти был решен окончательно, когда Брестский мир открывал возможность некоторой передышки, во весь рост вставал вопрос о путях перевоспитания масс, воспитания у них новой психологии, психологии коллективистической³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 165—208. *Ред.*

² Речь идет о стенографисте Я. Хлебникове. *Ред.*

³ В варианте рукописи: ««Брали» в свою пользу крестьяне все, что могли. Этими настроениями заражена была и часть рабочих, особенно связанных с деревней. Ко мне в Наркомпрос приходило много народу — рабочие, работницы, солдаты. Рассказывали, что обыски рабочих при выходе их с фабрики, широко практиковавшиеся до того времени, были отменены. «Что мы воры какие, что ли? позволим себя обыскать! Мы теперь хозяева на заводе!» — с гордостью говорили рабочие. Но часто понимали они слово «хозяин» очень упрощенно, мелкочрестьянчески. Помню, как раз — уже позднее — одна работница жаловалась мне, что ее рассчитали за то, что она отрезала себе кусок материи на платье. «Неужели нельзя, мы же хозяева». Нужен дома инструмент, а почему же не взять из завода напильник, долото. Отношение к труду первое время было также своеобразное. Приходит ко мне работник, рассказывает,

Великая пролетарская революция, сбросив помещиков и капиталистов, в то же время развязала мелкобуржуазную стихию. Шла дележка помещичьего добра, развертывалась спекуляция захваченным имуществом¹. Как овладеть этой мелкобуржуазной стихией, как перевоспитать массы, как создать новый, социалистический уклад, как организовать управление? Эти вопросы в марте — апреле 1918 года всецело поглощали внимание Ильича.

Как организовать всенародный учет и контроль, как повысить производительность труда, как научить работать, как втянуть массы в общественную работу, пробудить их сознательность, как по-новому организовать труд, трудовую дисциплину — об этом писал Ильич в «Очередных задачах Советской власти». В брошюре писал он о *социалистическом соревновании*.

Когда перечитываешь эту брошюру, видишь, как многому можно из нее и сейчас научиться. Сейчас каждый понимает, какую громадную роль сыграло и играет в деле социалистического строительства соцсоревнование, а тогда как-то прошли мимо этого вопроса (отчасти здесь сыграла роль начавшаяся вскоре гражданская война). Социалистическое соревнование широко, в массовом масштабе стало применяться в годы борьбы за первую пятилетку — примерно с 1928 года, 10 лет спустя после того, как о нем писал Ильич.

В этой брошюре есть специальная глава — «Повышение производительности труда». Как всегда, Ильич брал вопрос во всех что они не работают сегодня. «Почему?» — спрашиваю я. «У всех дел дома много набралось. Теперь мы хозяева: хотим работаем, хотим нет. Вот и постановили — сегодня не работать!» Как посмотреть да посравнить век нынешний (1933 год) и век минувший (1918 год) свежо предание, а верится с трудом!» Трудно верится, а было ведь так. Такие «фактики» напирали со всех сторон. Ильич их наблюдал, внимательно анализировал, увязывал их с общими вопросами. Преодоление такого отношения к общественной собственности, к труду он ставил во главе очередных задач, вставших перед Советской властью. Помню, когда мы говорили как-то с Ильичем о рабочих, возмущающихся обысками и в то же время растаскивающих товары и инструменты, он говорил, что тут идет борьба против старой, принудительной помещичье-капиталистической дисциплины, что эта борьба необходима, новой, социалистической дисциплины еще нет, неоткуда ей было взяться, она вырастет, сложится в ходе дальнейшей революции». *Ред.*

¹ Далее в варианте рукописи следует: «Чтобы овладеть этой мелкобуржуазной стихией, чтобы перевоспитать массы, надо было перестроить все сельское хозяйство на новых основах, от мелкого, разрозненного крестьянского хозяйства перейти к крупному, обобществленному, коллективному хозяйству.

О новом отношении к труду, о повышении производительности труда, о необходимости научить работать писал Ильич в «Очередных задачах», писал о необходимости втянуть массы в общественную работу, пробудить их сознательность, по-новому организовать труд, трудовую дисциплину.

...Эта статья стала для большевиков на долгие годы руководством».

Ред.

связях и опосредствованиях и брал его в связи с целым рядом других основных вопросов.

«Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности... Другим условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутинной люди, не способные понять, сколько порыва к свету и инициативности разворачивается теперь в народных «низах» благодаря советской организации. Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, уменья работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации»¹.

Вопрос о повышении производительности труда Ленин связывал также с вопросами соревнования.

В «Очередных задачах Советской власти» Владимир Ильич отметил, что задача поднятия производительности труда — задача длительная:

«...Если центральной государственной властью можно овладеть в несколько дней, если подавить военное (и саботажническое) сопротивление эксплуататоров даже по разным углам большой страны можно в несколько недель, то прочное решение задачи поднять производительность труда требует, во всяком случае (особенно после мучительнейшей и разорительнейшей войны), нескольких лет. Длительный характер работы предпринимается здесь безусловно объективными обстоятельствами»².

Сейчас, в начале 1936 года, когда мы переживаем стахановское движение, когда на базе новой техники, созданной в годы первой и второй пятилеток, снизу, из рабочей среды, поднялось движение за поднятие производительности труда, когда мы имеем громадный взмах производительности труда, статья «Очередные задачи Советской власти» выступает перед нами в новом свете, ясно все значение установок Ленина, данных в этой статье.

Владимиру Ильичу приходилось очень много говорить с рабочими, с крестьянами, и на каждом шагу наблюдал он неумение работать, и не только неумение работать, но и оставшееся в наследие от векового подневольного труда отношение к труду как к какому-то проклятию, к чему-то такому, что должно быть сведено до минимума. Революция сбросила десятников, подмастерьев, вечно понукавших рабочих, ругавших их, дававших зуботычины. И рад был рабочий, что никто его не понукает, что, когда он устал, может он посидеть, покурить. В первое вре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 188. *Ред.*

² Там же, с. 187—188. *Ред.*

мя заводские организации очень легко отпускали рабочих с фабрики на разные собрания. Помню такой случай. Пришла ко мне раз в Наркомпрос работница за какими-то справками, разговорились. Я ее спрашиваю, в какой она смене работает. Думала, в ночной, потому и могла прийти в Наркомпрос днем. «У нас никто сегодня не работает. Вчера общее собрание было, у всех дел домашних много накопилось. Ну и проголосовали не работать сегодня. Что же, мы теперь хозяева». Теперь, когда 18 лет спустя рассказываешь это товарищам, им этот факт кажется мало правдоподобным, не характерным. А между тем для начала 1918 года этот факт был характерен. Хозяев-эксплуататоров, их приказчиков, понукальщиков прогнали, а то, что фабрика стала общественной собственностью, что надо эту общественную собственность беречь, укреплять, поднимать производительность труда, этого сознания еще не было. Ленин поэтому так и напирал на эту сторону дела: правде умел он смотреть в глаза. Надо было поднимать сознательность рабочих, их сознательное отношение к труду, надо было организовывать по-деловому весь труд, всю жизнь.

Особо резко в «Очередных задачах Советской власти» охарактеризовал Ильич левых эсеров — представителей мелкой буржуазии, не понявших всей важности практической, деловой работы, считавших ее практицизмом, постепенщицей, мечтавших о «революционной войне» и пр. и пр.

Классом, на который полагался Ильич, в руководящую силу которого он верил, несмотря на то что этому классу надо было еще подняться, очень много поработать над собой, вырасти, был пролетариат:

«Руководить трудящимися и эксплуатируемыми массами может только класс, без колебаний идущий по своему пути, не падающий духом и не впадающий в отчаяние на самых трудных, тяжелых и опасных переходах. Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата»¹.

Этими словами кончалась статья «Очередные задачи Советской власти».

28 апреля эта статья вышла в «Известиях», а 29 апреля Ильич выступил на заседании ВЦИК.

Чтобы дать возможность московскому рабочему активу услышать доклад Ильича об очередных задачах Советской власти, доклад этот делался в Политехническом музее. Ильича встретили бурной овацией, слушали с громадным вниманием, видно было, как этот вопрос близок был слушателям. С необыкновенной страстностью выступал там Ильич. И сейчас нельзя читать его речь без волнения. Ильич говорил в ней об особенностях на-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 208. *Ред.*

шей революции, о причинах ее победы, о трудностях социалистического строительства в обстановке мелкобуржуазной страны, характеризовал нашу буржуазию, ее слабость, звал учиться организации производства у западной и американской буржуазии, у организаторов трестов, крыл левых эсеров, представителей мелкобуржуазной стихии, крыл наших «левых коммунистов», поддавшихся этим влияниям, хотя и называл их все же нашими вчерашними, сегодняшними и завтрашними друзьями, говорил о роли пролетариата, о влиянии мелкобуржуазной стихии, о значении социалистической организации, о необходимости нашему пролетариату организоваться по-новому: тогда только он поведет за собой все трудящиеся массы.

«...Пока передовые рабочие не научатся организовывать десятки миллионов,— говорил Ильич,— до тех пор они — не социалисты и не творцы социалистического общества, и необходимых знаний организации они не приобретут. Путь организации — путь длинный, и задачи социалистического строительства требуют упорной продолжительной работы и соответственных знаний, которых у нас недостаточно»¹.

В своей речи на заседании ВЦИК 29 апреля Ильич говорил также о том, что пролетариат, который учился дисциплине у крупного производства, поймет, оценит с точки зрения задач момента, какое значение имеет лозунг, выдвинутый ЦК ко дню 1 Мая: «Мы победили капитал, мы победим и свою собственную неорганизованность»; говорил он о значении железных дорог: «...Без железных дорог не только социализма не будет, а просто околуют все с голоду, как собаки, в то время как хлеб лежит рядом», ибо «это гвоздь, это одно из проявлений самой яркой связи между городом и деревней, между промышленностью и земледелием, на которой основывается целиком социализм. Чтобы соединить это для планомерной деятельности в интересах всего населения, нужны железные дороги»².

Как понятна, близка эта речь теперь, 18 лет спустя!

Тогда не все, конечно, понимали ее значение, но она будила мысль, зажигала массы огнем энтузиазма.

29 марта, после IV съезда Советов, «левые коммунисты», стоявшие во главе Московского областного бюро РКП(б), решили все же издавать свой еженедельный журнал «Коммунист» и отстаивать там свои взгляды. В первом номере, вышедшем 20 апреля, «левые коммунисты» поместили от редакции «тезисы по текущему моменту». Выступление Ильича 29 апреля во ВЦИК было в значительной степени ответом на разбиваемые ими взгляды. Еще подробнее остановился Ильич на разборе их взглядов в статьях «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» (они были напечатаны в «Правде» 9 и 11 мая 1918 го-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 262. *Ред.*

² Там же, с. 267, 271—272. *Ред.*

да)¹. В этих статьях особенно интересно было место об обобществлении:

«Переходим, — писал Ленин, — к злоключениям наших «левых коммунистов» в области внутренней политики. Трудно без улыбки читать такие фразы в тезисах о *текущем* моменте:

«...Планомерное использование уделевших средств производства мыслимо только при самом решительном обобществлении... «не капитуляция перед буржуазией и ее мелкобуржуазными интеллигентскими припешниками, а добывание буржуазии и окончательная ломка саботажа...».

Милые «левые коммунисты», как много у них решительности... и как мало размышления! Что это значит: «самое решительное обобществление»?

Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о конфискации. Но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода от национализации и конфискации к обобществлению. В том-то и беда наших «левых», что они этим наивным, ребяческим сочетанием слов: «самое решительное... обобществление» обнаруживают полное непонимание ими гвоздя вопроса, гвоздя «текущего» момента. В том-то и злоключение «левых», что они не заметили самой сути «текущего момента», перехода от конфискаций (при проведении коих главным качеством политика является решительность) к обобществлению (для проведения коего требуется от революционера *иное* качество).

Вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добывать буржуазию, ломать саботаж. Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили и наломали, *чем успели подсчитать*. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без умения правильно учесть и правильно распределить, *обобществить же без такого умения нельзя*².

Сейчас, когда мы прошли длинный путь в деле колхозного движения, когда мы переживали «головокружение от успехов», мы особенно научились ценить это высказывание Ильича.

Разбирая материалы «левых коммунистов», помещенные в журнале «Коммунист», Ленин давал следующую резко отрицательную характеристику «левым коммунистам»:

«Мы видим из журнала «Коммунист» на каждом шагу, что наши «левые» понятия не имеют о пролетарской железной дис-

¹ Статья «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» печаталась 9, 10 и 11 мая 1918 года в газете Правда №№ 88, 89 и 90 (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 283—314). *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 293—294. *Ред.*

циплине и ее подготовке, что они насквозь пропитаны психологией деклассированного мелкобуржуазного интеллигента»¹.

Вышло лишь четыре номера «Коммуниста» — в июне вышел последний.

Гораздо решительнее боролись с ленинской линией левые эсеры.

2—3 мая 1918 года левые эсеры со Спиридоновой и Карелиным во главе потребовали, чтобы большевики отдали Наркомат земледелия в их полное фактическое обладание, поставили этот вопрос ультимативно. Ленин посоветовался с большевиками, работавшими тогда в Наркомземе (Вл. Н. Мещеряковым, С. Середой и др.), и фракция большевиков решительно высказалась против этого. ЦК отверг это предложение левых эсеров. Влияние левых эсеров в Наркомземе было ослаблено.

Большевики держали курс на расслоение деревни.

22 мая Ильич писал питерским рабочим:

«Товарищи! У меня был на днях ваш делегат, партийный товарищ, рабочий с Путиловского завода. Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере. Мы все знаем, что в целом ряде промышленных губерний продовольственное дело стоит так же остро, голод так же мучительно стучится в дверь рабочих и бедноты вообще.

А рядом мы наблюдаем разгул спекуляции хлебом и другими продовольственными продуктами. Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки, срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твердые цены, спекулирует хлебом, наживает по сто, по двести и больше рублей на пуд хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба, разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добивающуюся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: «кто не работает, тот да не ест»².

Спекуляция хлебом в Москве шла вовсю. Вспоминается один забавный эпизод. Поехали мы с Ильичем на Воробьевы горы. В то время Ильича в лицо мало кто знал; когда он ходил по улице, на него никто не обращал внимания. Вижу я, сидит какой-то сытого вида крестьянин с пустым мешком, сигарку курит. Я к нему подошла, завела разговор, как живется, как с хлебом. «Что же, жить неплохо теперь, хлеба у нас много, ну и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 289. *Ред.*

² Там же, с. 357. *Ред.*

торговать хорошо. В Москве голодно, боятся — совсем хлеба скоро не будет. Хорошо сейчас за хлеб платят, большие деньги дают. Надо только торговать уметь. У меня вот семьи такие есть, хлеб им ношу, без хлопот деньги получаю...»

Ильич подошел, слушает наш разговор. «Вот около «Болота» одна семья живет...» — «Около какого «Болота»? — спрашиваю. Крестьянин на меня уставился: «Да ты откуда, что и «Болота» даже не знаешь?» «Болотом», как я потом узнала, назывался в Москве базар рядом с тем местом, где теперь стоит Дом правительства, там торговали овощами, яблоками. «Я питерская, — отвечала я, — в Москве недавно».

«Пи-тер-ская...», и мысли крестьянина заработали в другом направлении, перешли к Питеру, к Ленину. Он помолчал немного. «Ленин вот только мешает. Не пойму я этого Ленина. Бестолковый человек какой-то. Понадобилась его жепе швейная машинка, так он распорядился везде по деревням швейные машинки отбирать. У моей племянницы вот тоже машинку отбрали. Весь Кремль теперь, говорят, швейными машинками завален...» Я уже старалась не глядеть на Ильича, чтобы не фыркнуть.

Этот мелкий собственник, зажиточный крестьянин, не мог себе представить Ленина, который чего-то не отбирал бы в свою пользу. Он слышал, что Ленин говорит что-то о машинах. Пригородный крестьянин понять не мог, чего это Ленин о машинах хлопочет, о каких, на что они ему, какая для него от них польза.

Как ни смешон был этот разговор, он говорил о том трудном пути, который лежал перед партией и Советской властью в борьбе за социализм, в борьбе с богатеями, кулаками, с мелкобуржуазной психологией, с низкой производительностью, с темнотой, с нашей хозяйственной отсталостью.

В конце мая Ильич написал письмо питерским рабочим. Не все статьи и речи Ильича написаны одинаково. Важно, для кого они написаны, кому они сказаны. Написанное 22 мая письмо было написано тем, на кого он возлагал надежды, в чьи творческие силы он особо верил, — питерским рабочим. Он писал им:

«Питер — не Россия. Питерские рабочие — малая часть рабочих России. Но они — один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России. А в критические минуты жизни народов бывало не раз, что даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собой всех, зажигали огнем революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 361. Ред.

Владимир Ильич писал питерским рабочим о той громадной организационной работе, которая предстояла им. Он придавал организационной работе исключительное значение.

«Героизм длительной и упорной организационной работы в общегосударственном масштабе неизмеримо труднее, зато и неизмеримо выше, чем героизм восстаний,— писал Ильич питерским рабочим.— Но силу рабочих партий и рабочего класса составляло всегда то, что он смело, прямо, открыто смотрит в лицо опасности, не боится признать ее, трезво взвешивает, какие силы стоят в «его» и в «чужом», эксплуататорском, лагере. Революция идет вперед, развивается и растет. Растут и задачи, стоящие перед нами. Растет ширина и глубина борьбы»¹.

Своей убежденностью, уверенностью в победе революции Ильич зажигал массы.

Его упорная работа была образцом того героизма организационной работы, о которой он говорил.

Наряду с организацией защиты страны от внешних и внутренних врагов, с руководством начавшейся гражданской войны Владимир Ильич вел огромную работу по социалистическому строительству: проводил декреты о национализации промышленности, писал инструкции рабочим национализированных предприятий, делал доклады на съезде профсоюзов, в ВСНХ, на I съезде Советов народного хозяйства, выступал на съезде комиссаров труда, на собрании представителей заводских ячеек, на конференции фабрично-заводских комитетов, принимал рабочих питерских, елецких и т. д., выступал перед мобилизованными на фронт коммунистами, а наряду с этим в самые острые моменты — 25 мая — перед объявлением Москвы на военном положении — он вносит в Совнарком проект декрета о Социалистической академии общественных наук, 5 июня выступает у учителей-интернационалистов, 10 июня составляет воззвание по поводу чехословацкого контрреволюционного восстания и в тот же день в Совнаркоме ставит вопросы о вовлечении в работу инженеров; за два дня до ранения выступает на съезде по просвещению и говорит о громадном значении школы в деле строительства социализма.

Каждую неделю выступал Ильич в районах, часто по несколько раз в день.

Работа с массами, организационная установочная работа не прошла даром, именно она помогла победить.

Когда сейчас перечитываешь историю гражданской войны 1918 года, теперь, когда все нити уже связаны в общий узел, когда ясна картина всей этой отчаянной борьбы старого, помещичье-капиталистического строя за свое существование, видишь, что революция победила потому, что массы были подняты

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 362. *Ред.*

на борьбу, что среди них проводилась громадная работа, что массы все яснее понимали, за что идет борьба, что эта борьба была им близка и понятна.

Весну и лето 1918 года Ильич жил в Москве и буквально горел на работе. Когда вырывалась свободная минута, любил он, забрав меня и Марию Ильиничну, ездить по окрестностям Москвы, ездить все в новые места, ехать и думать, дыша полной грудью. Он вглядывался в каждую мелочь.

Крестьяне-середняки смотрели на Советскую власть сочувственно: Советская власть боролась за мир, была против помещиков; но мало верили еще крестьяне в ее прочность, не прочь были иногда добродушно пошутить на ее счет.

Помню, как однажды мы подъехали к какому-то мосту весьма сомнительной прочности. Владимир Ильич спросил стоявшего около моста крестьянина, можно ли проехать по мосту на автомобиле. Крестьянин покачал головой и с усмешечкой сказал: «Не знаю уж, мост-то ведь, извините за выражение, советский». Ильич потом, смеясь, не раз повторял это выражение крестьянина.

Другой раз мы возвращались на автомобиле откуда-то с прогулки, надо было проехать под железнодорожным мостом. Навстречу шло стадо коров, довольно невозмутимо относящихся к автомобилям и не уступающих автомобилям дороги, впереди без толку толкались бараны. Пришлось остановиться. Проходивший мимо крестьянин с усмешечкой посмотрел на Ильича и сказал: «А коровам-то подчиниться пришлось».

Скоро, однако, крестьянам пришлось расстаться со своей мелкособственнической нейтральностью: с половины мая классовая борьба стала разгораться вовсю.

Лето 1918 года было исключительно тяжелое. Ильич уже ничего не писал, не спал ночей. Есть его карточка, снятая в конце августа, незадолго до ранения: он стоит в раздумье, так выглядит он на этой карточке, как после тяжелой болезни.

Трудное было время.

Потерявшая все в Великой пролетарской революции, буржуазия искала помощи у заграницы: сегодня она брала у союзников деньги на организацию восстаний, завтра призывала на помощь немецкие войска, отдавая на поток и разграбление население, металась от одной ориентации к другой. Немцы помогают финляндским белым, оккупируют Украину, турки идут на помощь азербайджанским мусаватистам и грузинским меньшевикам, немцы занимают Крым, англичане занимают Мурман, союзники помогают чехословакам, правым эсерам отрезать Сибирь от центральных губерний. Хлеб перестал подвозиться с Украины и из Сибири, обе столицы мучительно голодали. Кольцо фронта все суживалось.

20 мая Ильич писал в телеграмме питерским рабочим:

«...Положение революции критическое. Помните, что спасти революцию можете *только вы*; больше никому...

Время не терпит: за непомерно тяжелым маем придут еще более тяжелые июнь и июль, а может быть еще и часть августа»¹.

Полоса контрреволюционных восстаний подняла кулачье, организовала его. Кулаки прятали хлеб. Борьба с голодом сливалась с борьбой с контрреволюцией. Владимир Ильич настаивал на организации комитетов бедноты, вел усиленную агитацию за то, чтобы рабочие шли в продовольственные отряды, несли свой революционный опыт в деревню. Борьба за хлеб в данный момент, говорил он рабочим, — это борьба за социализм.

Надо, чтобы «передовой рабочий, как руководитель бедноты, как вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства труда, «пошел в народ»»², — писал Владимир Ильич питерским рабочим. Он писал, что закаленные, испытанные в борьбе рабочие — авангард революции.

«Вот такой-то авангард революции — и в Питере и во всей стране — должен кликнуть клич, должен *подняться массой*, должен понять, что в его руках спасенье страны, что от него требуется героизм не меньший, чем в январе и октябре пятого, в феврале и октябре семнадцатого года, что надо организовать великий «*крестовый поход*» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий «*крестовый поход*» против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба для людей и хлеба для машин.

Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию. Нужны десятки тысяч передовиков, закаленных пролетариев, настолько сознательных, чтобы разъяснить дело миллионам бедноты во всех концах страны и встать во главе этих миллионов...»³

Питерские рабочие отозвались на призыв Ильича. Организовали «крестовый поход». Теснее и теснее стала беднота сплавиваться вокруг Советской власти. 11 июня ВЦИК принял декрет об организации комитетов деревенской бедноты. Беднота стала считать Ильича, о котором так много говорили ей рабочие, солдаты, своим вождем. Но не только Ильич заботился о бедноте — и беднота заботилась об Ильиче. Лидия Александровна Фотиева — секретарь Ильича — вспоминала, как пришел в Кремль красноармеец-бедняк и принес Ильичу половину своего каравай хлеба: «Пусть поест, время теперь голодное», — не просил даже свидания с Ильичем, а лишь просил издать приказ показать ему Ильича, когда он пойдет мимо. Ильича это трогало.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 356. *Ред.*

² Там же, с. 363. *Ред.*

³ Там же, с. 361—362. *Ред.*

Зато он ужасно раздражался, когда ему хотели создать богатую обстановку, платить большую заработную плату и прочее. Помню, как он рассердился на какое-то ведро халвы, которое принес ему тогдашний комендант Кремля тов. Мальков.

23 мая 1918 года Ильич пишет В. Д. Бонч-Бруевичу записку:

«Управляющему делами Совета Народных Комиссаров
Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу

Ввиду невыполнения Вами настоятельного моего требования указать мне основания для повышения мне жалования с 1 марта 1918 г. с 500 до 800 руб. в месяц и ввиду явной незаконности этого новышения, произведенного Вами самочинно по соглашению с секретарем Совета Николаем Петровичем Горбуновым, в прямое нарушение декрета Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1917 года, объявляю Вам строгий выговор.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)»¹.

Немцы, заключив Брестский мир с РСФСР и прекратив наступление на нее, не отказались от своих планов захвата России. Еще в период брестских переговоров германское правительство вступило в соглашение с Украинской радой, обещая прийти ей на помощь в борьбе с большевиками. Заняв Украину и свергнув Советскую власть, немцы прогнали и раду и посадили правителем Украины — гетманом — царского генерала Скоропадского. Украина была превращена фактически в германскую колонию. Хлеб, скот, сахар, сырье вывозились из Украины в Германию в огромных количествах.

Германские империалисты старались всячески разжечь гражданскую войну. Безжавший на Дону донской атаман Краснов обратился за помощью к Германии, и немцы помогли ему сформировать и объединить белоказачьи отряды.

Немцы помогли белофиннам подавить в Финляндии революцию и жестоко расправиться с финскими революционерами.

Но наступала не только Германия. В начале апреля во Владивостоке высадились японцы и англичане.

Еще в апреле ряд антисоветских партий объединился в «Союз возрождения». Туда вошли эсеры, кадеты, народные социалисты, меньшевики и группа «Единство». «Союз возрождения» заключил соглашение с Антантой о посылке войск Антантой в Россию против большевиков и об использовании чешского корпуса для организации переворота в России, для свержения Советской власти. Чешский корпус при Керенском насчитывал 42 тысячи человек, там было много русских черносотенных генералов и офицеров. Вместе с французской военной миссией члены эсеровского ЦК и представители эсеров Сибири обсу-ж-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 78—79. Ред.

дали плап переворота. Решено было, что чехословацкие войска, эвакуируемые на Дальний Восток, займут опорные пункты Уральской, Сибирской и Уссурийской железных дорог.

В конце мая чехословаки заняли Челябинск, Петропавловск, станцию Тайгу, Томск, в начале июня — Омск, Самару. В конце мая в Москве раскрыт был белогвардейский заговор, возглавлявшийся «Союзом защиты свободы и родины», было контрреволюционное выступление в Крыму, готовился переворот в Балтийском флоте. 4 июня в Крыму образовалось буржуазно-националистическое правительство, 19 июня были контрреволюционные восстания в Иркутске, 20 июня — в Козлове и Екатеринбурге, 29 июня был раскрыт монархический заговор в Костроме, 30 июня провозглашена была власть буржуазного правительства Сибирской областной думой. Рука об руку с буржуазией шли эсеры. 8 июня после взятия чехословаками Самары там организовался Комитет Учредительного собрания, 19 июня восстали правые эсеры в Тамбове, на другой день ими был убит в Питере товарищ Володарский.

Левые эсеры также скатились на путь контрреволюции.

24 июня они приняли решение убить германского посла Мирбаха и организовать вооруженное восстание против Советской власти. 27 июня английский десант высадился в Мурманске, 1 июля в Москве были арестованы белогвардейские эшелоны, сформированные под руководством французской миссии, 4 июля открылся Всероссийский съезд Советов, а 6 июля эсеры убили Мирбаха, организовали мятеж в Москве и Ярославле.

Еще 5 июля Ильич, выступая на V съезде Советов, в своей речи всячески крыл левых эсеров за бесхарактерность, сеяние паники, за непонимание положения дела, но не думал, что они дойдут до мятежа.

6 июля левые эсеры Блюмкин и Андреев явились в особняк в Денежном переулке, занимаемый германским посольством, добились личного свидания с германским послом графом Мирбахом, бросили в него бомбу, убили и скрылись в отряд ВЧК, находившийся под командой левого эсера Попова и расположенный в Трехсвятительском переулке, куда одновременно перекочевал весь левоэсеровский ЦК. Явившийся туда для ареста убийц председатель ВЧК Дзержинский сам подвергся аресту. Одновременно отряд Попова разослал по ближайшим улицам патрули, которые арестовали председателя Московского Совета Сидовича, паркома почт и телеграфов Подбельского, члена Коллегии ВЧК Лациса и др., захватили почту и телеграф. Левоэсеровский ЦК разослал по России и на чехословацкий фронт сообщение о восстании в Москве, призывая к войне с Германией. Вследствие предпринятых левыми эсерами военных действий Совет Народных Комиссаров открыл в свою очередь воинские действия против отряда Попова, насчитывавшего около

2 тысяч пехоты, 8 орудий и броневик. 8 июля утром Трехсвятительский переулочек был окружен со всех сторон и подвергнут артиллерийскому обстрелу. Эсеры пытались ответить обстрелом Кремля: несколько снарядов попало на его двор. После недолгого сопротивления отряд Попова отступил и бросился по Владимирскому шоссе, где вскоре рассеялся. В плен было взято около 300 человек.

После разгрома эсеров в Трехсвятительском переулке Ильичу захотелось поехать посмотреть особняк, ставший на время штаб-квартирой восставших эсеров. Он вызвал автомобиль, и мы поехали с ним в открытой машине. Когда мы проезжали на машине мимо Октябрьского вокзала, из-за угла закричали: «Стой!» Так как не видно было, кто кричит, шофер Гиль продолжал ехать. Ильич его остановил. Тем временем из-за угла стали палить из револьвера, выбежала группа вооруженных людей и подбежала к автомобилю. Это были свои. Ильич стал им выговаривать: «Нельзя так, товарищи, зря палить из-за угла, не видя, в кого палишь». Публика сконфузилась. Ильич спросил еще раз дорогу в Трехсвятительский. В особняк нас пропустили без всяких задержек, провели по комнатам. Ильича заинтересовало, почему эсеры выбрали этот особняк своим штабом и как организовали его защиту; но скоро его перестало интересовать этот вопрос, так как ни общее расположение особняка, ни его внутреннее устройство не представляли с этой точки зрения никакого интереса. Что запомнилось — это пол, усеянный громадным количеством разорванной на мелкие клочки бумаги. Очевидно, во время осады эсеры рвали имевшиеся у них документы.

Хотя дело было уже к вечеру, Ильичу захотелось проехать по Сокольническому парку. Когда мы подъезжали к проезду под железной дорогой, мы наткнулись на комсомольский патруль. «Стой!» Остановились. «Документы!» Ильич показывает свой документ: «Председатель Совета Народных Комиссаров — В. Ульянов». — «Рассказывай!» Молодежь заарестовала Ильича и повела в ближайший участок милиции. Там тотчас узнали Ильича и расхохотались. Ильич вернулся — поехали дальше. Повернули мы в Сокольнический парк. Когда проезжали по одной из дорог, опять стали палить. Оказалось, мы проезжали мимо склада с оружием. Посмотрели документы, пропустили, только воркнули, что по ночам невесть где ездим. Когда ехали назад, опять ехать надо было мимо молодежного поста. Но ребята, увидев издали машину, куда-то моментально скрылись.

8 июля V съезд Советов постановил исключить из Советов левых эсеров, солидаризирующихся с мятежом 6—7 июля. 10 июля съезд принял Советскую Конституцию и закончил свою работу.

Весь июль положение было крайне тяжелое.

Командующим войсками, боровшимися с чехословаками, был левый эсер Муравьев. Он встал после Октября на сторону Советской власти, боролся против наступления Керенского и Краснова на Петроград, боролся против Центральной рады, боролся на Румынском фронте. Но когда началось 6—7 июля восстание эсеров, Муравьев перешел на их сторону и хотел повернуть войска на Москву. Однако те части, на которые он рассчитывал, не пошли за ним; он хотел опереться на Симбирский Совет, но Совет не пошел за ним; его хотели арестовать, но он стал сопротивляться и был убит. Симбирск вскоре был взят чехословаками. Чехословаки стали подходить к Екатеринбург, где сидел в заключении Николай II. 16 июля он и его семья были нами расстреляны, чехословакам не удалось спасти его, они взяли Екатеринбург лишь 23 июля.

На севере англо-французские войска захватили часть Мурманской железной дороги.

Бакинские меньшевики пригласили в Баку английские войска.

Добровольческая армия взяла станцию Тихорецкую, потом Армавир.

Немцы требовали ввода в Москву своего батальона для охраны посольства.

Несмотря на всю тяжесть положения, Ильич не падал духом. Его настроение выразилось полностью в письме к Кларе Цеткин от 26 июля.

«Глубокоуважаемая товарищ Цеткин! — писал он. —

Большое, горячее спасибо за Ваше письмо от 27/6, которое мне принесла товарищ Герта Гордон. Я сделаю все, чтобы помочь товарищу Гордон.

Нас всех чрезвычайно радует, что Вы, товарищ Меринг и другие «товарищи спартаковцы» в Германии «головой и сердцем с нами». Это дает нам уверенность, что лучшие элементы западноевропейского рабочего класса — несмотря на все трудности — все же придут нам на помощь.

Мы теперь переживаем здесь, может быть, самые трудные недели за всю революцию. Классовая борьба и гражданская война проникли в глубь населения: всюду в деревнях раскол — беднота за нас, кулаки яростно против нас. Антанта купила чехословаков, бушует контрреволюционное восстание, вся буржуазия прилагает все усилия, чтобы нас свергнуть. Тем не менее, мы твердо верим, что избежим этого «обычного» (как в 1794 и 1849 гг.) хода революции и победим буржуазию.

С большой благодарностью, наилучшими приветами и искренним уважением

Ваш Ленин»

А в конце приписка:

«Мне только что принесли новую государственную печать. Вот отпечаток. Надпись гласит: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹

Контрреволюционное восстание продолжало бушевать. Чехословаки заняли Казань, англо-французские войска заняли Архангельск, и там образовалось эсеровское верховное управление Северной областью, в Ижевске эсеры организовали восстание, ижевские правоэсеровские войска заняли Сарапул, советские войска оставили Чпту, добровольческая армия взяла Екатеринодар, но неудачи московского и ярославского восстаний вызвали известные колебания в рядах эсеров; развернувшиеся с новой силой бои между немцами и союзниками ослабили интервенцию, отвлекли их внимание от России. 16 августа чехословаки потерпели поражение на реке Белой, началось объединение всех наших вооруженных сил; был предпринят целый ряд важных организационных мероприятий, изданы были декреты о привлечении рабочих организаций к заготовкам хлеба, об организации уборочных и заградительных отрядов — положение с хлебом стало немного улучшаться, буржуазные газеты были закрыты и перестали нервировать публику. Усилена была агитация среди иностранных рабочих против интервенции. 9 августа НКВД обратился к американскому правительству с предложением мира союзным державам.

Правые эсеры, чувствуя, что почва у них уходит из-под ног, решили убить ряд большевистских вождей, в том числе Ленина.

30 августа сообщили Ильичу из Питера, что в 10 часов утра убит председатель Ленинградской ЧК т. Урицкий.

Вечером Ильич — по мобилизации МК — должен был выступать в Басманном и Замоскворецком районах.

В этот день Бухарин у нас обедал и во время обеда всячески убеждал Ильича не ехать. Ильич смеялся, отмахивался, а потом, чтобы прекратить все разговоры на этот счет, сказал, что, может быть, он и не поедет. Мария Ильинична в этот день была больна и сидела дома. Ильич вошел к ней уже в шапке и пальто, готовый ехать. Она стала просить его взять ее с собой. «Ни под каким видом, сиди дома», — ответил он и уехал на митинг, не взяв с собой никакой охраны.

Во 2-м МГУ у нас шло совещание по народному образованию. За два дня перед тем на нем выступал Ильич. Заседание шло к концу, и я собралась ехать домой, взялась подвезти одну знакомую учительницу, живущую в Замоскворечье. Меня ждал кремлевский автомобиль, но шофер был какой-то незнакомый. Он повез нас к Кремлю, я сказала ему, что мы сначала отвезем

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 128. *Ред.*

нашу спутницу; шофер ничего не сказал, но у Кремля остановил машину, открыл дверцу и высадил мою спутницу. Я двинулась, чего это он так распоряжается, хотела разворчаться, но мы подъехали к нашему подъезду, во двор ВЦИК, там встретил меня т. Гиль, шофер, всегда ездивший с нами, стал рассказывать, что он возил Ильича на завод Михельсона и что там женщина стреляла в Ильича, легко его ранила. Видно было, что он подготавливает меня. Вид у него был расстроенный очень. «Вы скажите только, жив Ильич или нет?» — спросила я. Гиль ответил, что жив, я заторопилась. У нас в квартире было много какого-то народу, на вешалке висели какие-то пальто, двери непривычно были раскрыты настежь. Около вешалки стоял Яков Михайлович Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный. Взглянув на него, я решила, что все кончено. «Как же теперь будет», — обронила я. «У нас с Ильичем все сговорено», — ответил он. «Сговорено, значит, конечно», — подумала я. Пройти надо было маленькую комнатушку, но этот путь мне показался целой вечностью. Я вошла в нашу спальню. Ильичева кровать была выдвинута на середину комнаты, и он лежал на ней бледный, без кровинки в лице. Он увидел меня и тихим голосом сказал минуту спустя: «Ты приехала, устала. Поди ляг». Слова были несуразны, глаза говорили совсем другое: «Конец». Я вышла из комнаты, чтобы его не волновать, и стала у двери так, чтобы мне его было видно, а ему меня не было видно. Когда была в комнате, я не заметила, кто там был, теперь увидела: не то вошел, не то раньше там был — около постели Ильича стоял Анатолий Васильевич Луначарский и смотрел на Ильича испуганными и жалостливыми глазами. Ильич ему сказал: «Ну, чего уж тут смотреть».

Наша квартира превратилась в какой-то лагерь, хлопотали около больного Вера Михайловна Бонч-Бруевич и Вера Моисеевна Крестинская, обе врачихи. В маленькой комнате около спальни устраивали санитарный пункт, принесли подушки с кислородом, вызвали фельдшеров, появилась вата, банки, какие-то растворы.

Наша временная домашняя работница, латышка, вскоре уехавшая в Латвию, перепугалась, ушла в свою комнату и заперлась на ключ. В кухне кто-то разжигал керосинку, в ванне тов. Кизас полоскала окровавленные повязки и полотенца. Глядя на нее, я невольно вспоминала первые ночи Октябрьской революции в Смольном, когда тов. Кизас, не смыкая глаз, сидела целыми ночами над грудой сыпавшихся отовсюду телеграмм, разбирала их.

Наконец, пришли врачи-хирурги: Владимир Николаевич Розанов, Минц и другие. Несомненно, жизнь Ильича была в опасности, он был на волоске от смерти. Когда шофер Гиль вместе с товарищами с завода Михельсона привезли раненого Ильича

в Кремль и хотели его внести вверх на руках, Ильич не захотел и сам поднялся на третий этаж. Кровь залила ему легкие. Кроме того, врачи опасались, что у него прострелен пищевод, и запретили ему пить. А его мучила жажда. Через некоторое время после того, как уехали врачи, и он остался с вызванной к нему из городской больницы сестрой милосердия, он попросил ее уйти и позвать меня. Когда я вошла, Ильич помолчал немного, потом сказал: «Вот что, принеси-ка мне стакан чаю». — «Ты знаешь ведь, доктора запретили тебе пить». Хитрость не удалась. Ильич закрыл глаза: «Ну иди». Мария Ильинична хлопотала с докторами, с лекарствами. Я стояла у двери. Раза три ночью ходила в кабинет Ильича на другом конце коридора, где, прижавшись к стульям, всю ночь провели Свердлов и другие. Сталин в это время был на фронте.

Ранение Владимира Ильича взволновало не только все партийные организации, но и широчайшие массы рабочих, крестьян, красноармейцев: как-то особенно ярко осознали, чем был для революции Ленин. С волнением следили все за появившимися в газетах бюллетенями об его здоровье.

Вечером 30 августа за подписью Свердлова от имени партии было выпущено сообщение о покушении на Ленина. В сообщении говорилось: «На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции».

Покушение заставило рабочий класс подтянуться, теснее сплотиться, напряженнее работать.

В партии эсеров началось разложение.

На другой день после ранения Владимира Ильича в газетах было помещено заявление Московского бюро о непричастности партии эсеров к покушению. Уже после июльского мятежа левых эсеров начался отход от партии эсеров, особенно рабочих. От партии отделилась часть, назвавшая себя «народниками-коммунистами», во главе с Колегаевым, Биценко, А. Устиновым и другими, которая не допускала ни насильственного срыва Брестского мира, ни террористических актов, ни активной борьбы с Коммунистической партией. Оставшаяся часть эсеров все больше правела, поддерживала кулацкие восстания, но влияние ее слабело. Покушение на Ленина усилило начавшийся процесс разложения партии эсеров, еще больше подорвало ее влияние в массах.

Надежды врагов Советской власти не оправдались. Ильич выжил. Заключения врачей каждый день становились все оптимистичнее. Они и все окружающие Ильича повеселели. Ильич шутил с ними. Ему запрещали двигаться, а он втихомолку, когда никого не было в комнате, пробовал подниматься. Хотелось ему скорей вернуться к работе. Наконец, 10 сентября было со-

общено в «Правде» о том, что опасность миновала, а Ильич сделал приписку, что так как он поправляется, то просит не беспокоить врачей звонками с вопросами о его болезни. 16 сентября Ильичу разрешили наконец пойти в Совнарком. Он очень волновался, от волнения еле встал с постели, но был рад, что может опять вернуться к работе.

16 сентября Ильич председательствовал на заседании в Совнаркоме. В тот же день он написал приветствие президиуму конференции пролетарских культурно-просветительных организаций. Тогда влияние Пролеткульта было очень велико. Ильич считал, что недостатком Пролеткульта было то, что он мало связывал свою работу с общеполитическими задачами борьбы, мало помогал росту сознательности масс, выдвижению рабочих, подготовке их к делу управления государством через Советы. В своем приветствии конференции Владимир Ильич как раз и писал о политических задачах, стоящих перед Пролеткультом. Еще одна статья была написана им через пару дней. Это «О характере наших газет»¹, где Ильич требовал, чтобы газеты побольше вглядывались в то, что делается кругом. «Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько коммунистично это новое»².

Владимир Ильич, приступив к работе, окунулся сразу в самую гущу продовольственных вопросов, принял активное участие в выработке декрета об обложении сельских хозяев натуральным налогом, но сразу же почувствовал, что повседневная напряженная административная работа ему еще не по силам, и согласился поехать на пару недель отдохнуть за город. Его перевезли в Горки, в бывшее имение Рейнбота, бывшего градоначальника Москвы. Дом был хорошо отстроен, с террасами, с ванной, с электрическим освещением, богато обставлен, с прекрасным парком. В нижнем этаже разместилась охрана: до ранения охрана была весьма проблематична. Ильич был к ней непривычен, да и она еще неясно представляла себе, что ей делать, как вести себя. Встретила охрана Ильича приветственной речью и большим букетом цветов. И охрана и Ильич чувствовали себя смущенными. Обстановка была непривычная. Мы привыкли жить в скромных квартирках, в дешевеньких комнатах и дешевых заграничных пансионах и не знали, куда сунуться в покоях Рейнбота. Выбрали самую маленькую комнату, в которой Ильич потом, спустя 6 лет, и умер; в ней и поселились. Но и маленькая комната имела три больших зеркальных окна и три троюмо. Лишь постепенно привыкли мы к этому дому. Охрана тоже не сразу освоила его. Был такой случай. Шел уже ко-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 89—91. *Ред.*

² Там же, с. 91. *Ред.*

пец сентября, становилось очень холодно. Рядом с комнатой, где мы поселились, в большой комнате красовались два камина. К каминам мы привыкли в Лондоне, там это в большинстве квартир — единственное отопление. «Затопите-ка камин», — попросил Ильич. Принесли дров, поискали трубы, их не было. Ну, подумала охрана, у каминов, должно быть, не полагаются трубы. Затопили. Но каминны-то, оказалось, были для украшения, а не для топки. Загорелся чердак, стали заливать водой, провалился потолок. Потом Горки стали постоянным летним пристанищем Ильича и постепенно были «освоены», приспособлены к деловому отдыху. Полюбил Ильич балконы, большие окна.

Маловато сил было после ранения у Ильича, понадобилось порядочно времени, пока он смог выходить за границы парка. Настроение было у него бодрое — настроение выздоравливающего человека, а кроме того, начался перелом во всей окружающей обстановке. Стало меняться положение на фронте. Красная Армия побеждала. 3 сентября в Казани восстали рабочие против захвативших власть чехословаков и правых эсеров, 7-го советские войска заняли Казань, 12-го — Вольск и Симбирск, 17-го — Хвалынский, 20-го — Чистополь, 7 октября — Самару. 9 сентября советские войска заняли Грозный и Уральск. Поворот был несомненный. В день годовщины Советской власти Ленин с полным правом говорил в своей речи, что от разрозненных отрядов красногвардейцев мы пришли к крепкой Красной Армии.

В Горки непрерывно приходили вести о назревавшей в Германии революции.

Уже 1 октября Ильич писал в Москву Свердлову:

«Дела так «ускорились» в Германии, что нельзя отставать и нам. А сегодня мы уже отстали.

Надо созвать *завтра* соединенное собрание

ЦИК

Московского Совета

Райсоветов

Профессиональных союзов и прочая

и прочая.

Сделать ряд докладов о начале революции в Германии.

(Победа нашей тактики борьбы с германским империализмом. И т. д.)

Принять резолюцию.

Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием дней ближайших.

Никаких союзов ни с правительством Вильгельма, ни с правительством Вильгельма II + Эберт и прочие мерзавцы.

Но немецким рабочим массам, немецким трудящимся миллионам, когда они начали своим духом возмущения (пока еще только духом), мы братский союз, хлеб, помощь военную начинаем готовить.

Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед пачавшейся в Германии революции.

Вывод: 1) вдесятеро больше усилий на добычу хлеба (запасы все очистить и для нас и для немецких рабочих).

2) вдесятеро больше записи в войско. Армия в 3 миллиона должна быть у нас к весне для помощи международной рабочей революции.

Эта резолюция должна в среду ночью пойти всему миру по телеграфу.

Назначьте собрание в среду в 2 ч. Начнем в 4, мне дайте слово на $\frac{1}{4}$ часа вступления, я приеду и уеду назад. Завтра утром пришлите за мной машину (а по телефону скажите только: согласны).

Привет! Ленин»¹.

Согласия на приезд Ильич не получил, несмотря на его страстную просьбу об этом; берегли сугубо его здоровье. Объединенное собрание было назначено на 3-е, на четверг, а 2-го, в среду, Ильич написал собранию письмо. Объединенное собрание заслушало письмо Ильича, приняло резолюцию в том духе, в каком хотел Ильич. Эта резолюция была передана по телеграфу по всем странам и по всему РСФСР, а на другой день напечатана в «Правде».

Ильич знал, что машины за ним не пришлют, а все же в этот день сидел у дороги и ждал... «А вдруг пришлют!»

Усилилось брожение среди немецких рабочих. Теоретической борьбе, ясности теоретической позиции Ленин придавал всегда громадное значение. Он знал, каким авторитетом теоретика пользовался в Германии Каутский, написавший ряд работ по популяризации учения Маркса и выступивший в свое время против оппортунистических высказываний Бернштейна, и потому его особенно взволновали и возмутили выдержки из статьи Каутского против большевизма, напечатанные 20 сентября в «Правде». Он тотчас же написал Воровскому, жившему тогда в Швейцарии и являвшемуся там представителем РСФСР, письмо, в котором писал о том, что Цеткин, Мерингу и др. надо выступить в печати с принципиальным теоретическим заявлением, что по вопросу о диктатуре Каутский дает пошлую бернштейниаду, а не марксизм. Владимир Ильич писал о необходимости

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 185—186. Ред.

скорее перевести на немецкий язык его брошюру «Государство и революция», где разобрана реформистская позиция Каутского, просит выслать брошюру Каутского «Диктатура пролетариата» тотчас же, как она выйдет, прислать все статьи Каутского о большевизме.

На отдыхе в Горках Ильич взялся за разоблачение Каутского, результатом чего явилась брошюра «Пролетарская революция и ренегат Каутский»¹. Последние строки ее были написаны 10 ноября 1918 года. Она кончается словами:

«В ночь с 9 на 10 получены известия из Германии о начавшейся победоносной революции сначала в Киле и других северных и приморских городах, где власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, затем в Берлине, где власть тоже перешла в руки Совета.

Заключение, которое мне осталось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним»².

18 октября Ильич переехал уже в Москву. 23 октября он писал нашему послу в Берлине:

«Передайте немедленно Карлу Либкнехту наш самый горячий привет. Освобождение из тюрьмы представителя революционных рабочих Германии есть знамение новой эпохи, эпохи победоносного социализма, которая открывается теперь и для Германии и для всего мира.

От имени Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)

*Ленин*³.

23 октября, когда был освобожден из тюрьмы Карл Либкнехт, германские рабочие устроили демонстрацию перед русским посольством.

5 ноября 1918 года германское правительство, обвиняя советское представительство в Берлине в участии в революционном движении в Германии, потребовало немедленного отъезда из Берлина дипломатических и консульских представителей РСФСР во главе с советским послом А. А. Иоффе. 9 ноября Иоффе, направлявшийся вместе с персоналом посольства в Россию, был возвращен в революционный Берлин Берлинским Советом рабочих и солдатских депутатов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 235—338. *Ред.*

² Там же, с. 331. *Ред.*

В рукописи далее следует: «Дальнейший ход пролетарской революции в Германии показал, какую громадную отрицательную роль сыграло в ней ренегатство и как верна была оценка его Ильичем. В октябре 1918 года революционное пролетарское движение было еще на подъеме». *Ред.*

³ Далее следуют подписи Я. М. Свердлова и И. В. Сталина, написанные рукой В. И. Ленина (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 198—199). *Ред.*

Празднование первой годовщины Советской власти проходило при очень приподнятом настроении. В конце октября Ильич принимает участие в составлении воззвания к австрийским рабочим от имени ВЦИК и СНК, 3 ноября произносит речь перед демонстрацией, организованной в честь австро-венгерской революции. Постановлено было провести VI Всероссийский съезд Советов в Октябрьские дни. 6 ноября съезд открылся речью Ильича «О годовщине пролетарской революции»¹; в тот же день он делал доклад на торжественном заседании Всероссийского центрального и Московского советов профессиональных союзов и на вечере Московского пролеткульта. 7-го он выступал на закладке мемориальной доски борцам Октябрьской революции.

7-го же Ильич открывал памятник Марксу и Энгельсу, говорил о значении их учения, об их предвидении:

«Мы переживаем счастливое время, когда это предвидение великих социалистов стало сбываться. Мы видим все, как в целом ряде стран занимается заря международной социалистической революции пролетариата. Несказанные ужасы империалистской бойни народов вызывают всюду геройский подъем угнетенных масс, удесятеряют их силы в борьбе за освобождение.

Пусть же памятники Марксу и Энгельсу еще и еще раз напоминают миллионам рабочих и крестьян, что мы не одиноки в своей борьбе. Рядом с нами поднимаются рабочие более передовых стран. Их и нас ждут еще тяжелые битвы. В общей борьбе будет сломан гнет капитала, будет окончательно завоеван социализм!»²

8—9—10—11 ноября вести о германской революции целиком захватили Ильича. Он непрестанно выступал. Лицо его радостно светилось, как светилось 1 мая 1917 года. Октябрьские дни первой годовщины были одними из наисчастливейших дней в жизни Ильича.

Однако ни на минуту не забывал Владимир Ильич о том, какой еще трудный путь лежит перед Советской властью. 8 ноября он выступил с речью на конференции деревенской бедноты Московской области.

Собравшиеся на Московскую конференцию комбедов делегаты имели довольный вид. Высокий, одетый в сипий кафтан, делегат, поднимаясь по лестнице, остановился перед бюстом какого-то ученого. «Это нам в деревне пригодится», — с улыбкой заметил он. Делегаты вообще больше всего говорили о том, что они возьмут и как между собой поделают. Перед Ильичем сидели и слушали его бедняки-единоличники, для которых вопросы коллективизации сельского хозяйства, вопросы коллективной

¹ «Речь о годовщине революции 6 ноября». — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 137—152. *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 169—170. *Ред.*

обработки земли не были еще актуальными. Если сравнить тогдашнее настроение делегатов комбедов с настроением делегатов II съезда колхозников, видишь, какой громадный путь пройден, какая громадная работа проделана.

Необходимость этой длительной работы чувствовал Ильич. Он ясно видел все трудности, но вопрос этот считал решающим. «Завоевание земли, как и всякое завоевание трудящихся, прочно только тогда, когда оно опирается на самодеятельность самих трудящихся, на их собственную организацию, на их поддержку и революционную стойкость.

Была ли эта организация у трудящихся крестьян?

К сожалению, нет, и в этом корень, причина всей трудности борьбы»¹.

Ильич указывал путь организации: побороть кулачье и крепко сойтись с рабочим классом.

«...Если кулак останется нетронутым, если мироедов мы не победим, то неминуемо будет опять царь и капиталист.

Опыт всех революций, которые до сих пор были в Европе, наглядно подтверждает, что революция неизбежно терпит поражение, если крестьянство не побеждает кулацкого засилья.

Все европейские революции кончались ничем именно потому, что деревня не умела справляться с своими врагами. Рабочие в городах свергали царей... и, однако, после некоторого времени воцарялись старые порядки»².

«В прежних революциях крестьянской бедноте в ее тяжелой борьбе с кулаками не на кого было опереться.

Организованный пролетариат — более сильный и более опытный, чем крестьянство (этот опыт дала ему прежняя борьба) — теперь стоит в России у власти, владея всеми орудиями производства, всеми фабриками и заводами, железными дорогами, судами и т. д.

Теперь беднейшее крестьянство имеет надежного и сильного союзника в борьбе против кулачья. Беднейшее крестьянство знает, что город стоит за него, что пролетариат ему поможет всем, чем может, — и уже помогает на деле»³.

«Кулаки с нетерпением ждали чехословаков, они охотно посадили бы нового царя, чтобы безнаказанно продолжать эксплуатацию, чтобы по-прежнему стоять над батраком, по-прежнему наживаться.

И все спасение было в том, что деревня объединилась с городом, что пролетарские и полупролетарские — не пользующиеся чужим трудом — элементы деревни вместе с городскими рабочими открыли поход на кулаков и мироедов»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 176. *Ред.*

² Там же, с. 176—177. *Ред.*

³ Там же, с. 177. *Ред.*

⁴ Там же, с. 178. *Ред.*

И далее Ильич указывает перспективу переустройства всего деревенского уклада:

«Выход только в общественной обработке земли... Коммуны, артельная обработка, товарищества крестьян — вот где спасение от невыгод мелкого хозяйства, вот в чем средство поднятия и улучшения хозяйства, экономии сил и борьбы с кулачеством, тунеядством и эксплуатацией»¹.

16 ноября 1918 года открылся I Всероссийский съезд работниц. Он был созван комиссией ЦК РКП(б) по агитации и пропаганде среди работниц. Над организацией съезда работали усиленно тт. Инесса, Самойлова, Коллонтай, Сталь, А. Д. Калинина. На съезде присутствовало 1147 делегатов. Это был съезд работниц; крестьянок на нем еще не было; не ставился на нем еще и вопрос о работе среди нацменьшинств. Выступая на съезде, Ильич говорил, однако, больше всего о том, что поглощало его внимание: о деревне, о том, что вывести женщину из ее прежнего положения сможет только социализм.

«Только тогда, когда мы от мелких хозяйств перейдем к общему и к общей обработке земли,— говорил Ильич,— только тогда будет полное освобождение и раскрепощение женщин. Эта задача трудна, но теперь, когда образуются комитеты бедноты, наступает время, когда социалистическая революция укреплется».

Лишь теперь организуется беднейшая часть населения в деревне, и в них, в организациях бедноты, социализм приобретает прочную основу.

Раньше часто бывало, что революционным становился город, а после него выступала деревня.

Настоящий переворот опирается на деревню, и в этом его значение и сила»².

Где бы ни выступал Ильич, всюду говорил он о крестьянстве, об обобществлении земли. В разговорах, на прогулках часто вспоминал он письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 1856 года, где Маркс писал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности подкрепить пролетарскую революцию своего рода вторым изданием крестьянской войны. Тогда дело будет отлично»³.

Выступая на I Всероссийском съезде земельных отделов 11 декабря 1918 года, Ленин говорил:

«Жить по-старому, как жили до войны, нельзя, и такое расхищение человеческих сил и труда, какое связано с мелким отдельным крестьянским хозяйством, дальше продолжаться не может. Вдвое и втрое поднялась бы производительность труда, вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого хозяйства, если бы от этого раздробленного

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 179—180. *Ред.*

² Там же, с. 186. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 45. *Ред.*

мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному»¹.

Еще в Швейцарии у меня была очень тяжелая форма базедовой болезни. Путем операции, жителя в горах она кое-как ликвидировалась, переродилось только сердце, ушли физические силы. После ранения Ильича, тревоги за его жизнь и здоровье осенью у меня сделался острый рецидив болезни. Доктора поили меня всякой всячиной, укладывали в постель, запрещали работать; плохо помогало. Санаториев тогда не было. Отправили меня отлеживаться в Сокольники, в лесную школу, где не полагалось говорить о политике, о работе. Завела дружбу с ребятами, а по вечерам приезжал почти каждый день Ильич, в большинстве случаев с Марией Ильиничной. Пролежала я там конец декабря 1918 года, январь 1919 года. Ребята скоро стали меня считать за близкого человека и рассказывали обо всем, что их волновало. Кто рисунки свои тащил показывать, кто рассказывал о том, как они на лыжах катаются; девятилетний мальчонка огорчался, что матери некому обед готовить. Обычно он готовил обед для матери: готовил суп из картошки, «жарил» картошку в воде; мать с работы придет, а он уже ждет, обед приготовил. Была там одна девчурка, ее из приюта перевели в лесную школу. У девчурки было много приютских замашек: и подольститься к строгой учительнице умела и подоврать. У ней была мать-проститутка — жила на Смоленском рынке. Мать страстно любила дочку, а та — мать. Раз со слезами рассказывала мне девчурка, что мать чуть не босая к ней по морозу пришла, любовник сапоги у ней украл и пропил, ноги совсем мать заморозила. Дочь все время о матери думала: своих осьмушек не ела, для матери откладывала, после обеда смотрела, не осталось ли корок каких, для матери собирала.

Многое ребята рассказывали мне о своей жизни, а школа далеко стояла от жизни. Утром учились, потом бегали на лыжах, вечером лепили украшения для елки².

Ильич часто шутил с ребятами, они его полюбили, поджидали его. В начале 1919 года (на старое рождество) школа устраивала елку для ребят. У нас в России елка никогда не связывалась ни с какими религиозными обрядами, была лишь детской вечеркой, развлечением для ребят. Дети звали Ильича приехать к ним на елку. Он обещал. Попросил Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича купить ребятам гостинцев побольше. Когда он

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 357. *Ред.*

² Далее в рукописи: «О жизни в деревне толковали мы много со сторожем лесной школы — моим бывшим учеником в вечерне-воскресной школе за Невской заставой тов. Бодровым, крестьянином Тульской губернии Веневского уезда. Ходил он в те времена и в кружок к Владимиру Ильичу. Владимир Ильич тоже не раз толковал с ним, приезжая ко мне». *Ред.*

ехал в тот вечер ко мне с Марией Ильиничной, дорогой напали на них бандиты. Они смутились, узнав, что напали на Ильича. Высадили из машины Ильича и Марию Ильиничну, а также шофера тов. Гиля и сопровождавшего Ильича товарища из охраны, руки которого были заняты кувшином с молоком, и угнали автомобиль¹. А мы в лесной школе поджидали Ильича с Марией Ильиничной и удивлялись, что они запаздывают. Когда они добрались наконец до школы, лица у них были какие-то странные. Я потом в коридоре спросила, что с ним? Он минуту поколебался, боясь меня взволновать, а потом мы пошли в мою комнату, и он рассказал подробно.

Рада я была, что остался он цел и невредим².

1919 год

1919 год был годом острой гражданской войны, борьбы с Колчаком, Деникиным, Юденичем. Борьба велась в исключительно трудных условиях, в обстановке голода, всеобщей разрухи. Останавливались фабрики, заводы, совершенно развален был транспорт. Не организована, плохо вооружена была Красная Армия. Советская власть была не всюду еще организована как следует, не срослась еще по-настоящему с населением. Враждебные Советской власти партии, все те, кому сладко жилось при старой власти — прислужники помещиков и капиталистов, кулаки, торговцы и пр., — вели яркую агитацию против большевиков, распространяли всякие небылицы, пользуясь неосведомленностью, неграмотностью широкой деревенской массы.

Но имя Ленина повсюду пользовалось уже большим авторитетом. Ленин был против помещиков и капиталистов, Ленин был за землю, за мир. Все знали, что Ленин — руководитель борьбы за власть Советов. Это знали трудящиеся массы в самых глухих углах России. Но Ленин не принимал непосредственного участия в боях, не бывал на фронтах, а как можно руководить на расстоянии, — этого часто не могли в те времена представить себе люди неграмотные, кругозор которых был ограничен условиями их замкнутой жизни. Целые легенды складывались насчет Ленина. Байкальские рыбаки далекой Сибири рассказывали, например, лет 10 назад, как в самый разгар боя с белыми прилетел к ним Ильич на самолете и помог им справиться с врагом. На Северном Кавказе говорили, что хоть и не видели они

¹ Нападение бандитов на В. И. Ленина произошло 19 января 1919 года. *Ред.*

² В рукописи добавлено: «Забот и дел у Ильича было много, гражданская война еще шла вовсю, внутриорганизационная работа была громадна». *Ред.*

Ленина, но наверное знают, что боролся он у них в рядах Красной Армии, только делал это тайно, чтобы никто не знал, помогал их победам.

Теперь знают рабочие и колхозники, что хоть не бывал Ильич на фронтах, но мыслью и сердцем все время был он с Красной Армией, о ней думал, о ней заботился, знают, как неустанно направлял он всю политику в правильное русло. Он был Председателем Совета Народных Комиссаров, разнообразна была его деятельность, но в чем бы она ни выражалась, она была неразрывно связана с вопросами гражданской войны, с вопросами борьбы за власть Советов. 13 марта 1919 года, выступая в Питере на митинге по вопросу об успехах и трудностях Советской власти, Ильич говорил:

«...Первый раз в истории, армия строится на близости, на неразрывной близости, можно сказать — на *неразрывной слитности, Советов с армией* (курсив мой. Н. К.). Советы объединяют всех трудящихся и эксплуатируемых — и армия строится на началах социалистической защиты и сознательности»¹.

Эта слитность интересов сказывалась в тысяче мелочей. Советская власть была для красноармейцев своя, близкая.

Ильич любил спать с открытыми окнами. И каждое утро врывались в окно со двора песни живших в Кремле красноармейцев. «И как один умрем за власть Советов», — пели молодые голоса.

Ильич прекрасно знал, что делается на фронтах, он непосредственно был связан с фронтами, руководил всей борьбой, но в то же время внимательно вслушивался в то, что говорят о войне массы. Присутствуя иногда при разговорах Ильича с различными людьми, я видела, как умел он из каждого выуживать то, что ему важно было узнать. Его интересовала вся обстановка, все то, что делалось на фронтах.

Помню, я присутствовала при одном докладе Ильичу о том, как недоверчиво относились к старым военным специалистам красноармейцы. Вначале приходилось учиться у военных специалистов — это понимали и красноармейцы, но к военным специалистам они относились сугубо настороженно, ничего им не спускали, даже в области бытовой. Настороженность красноармейцев была понятна: старорежимный командный и начальствующий состав далеко стоял от солдат. После, когда ушел докладчик, Ильич говорил со мной о том, что сила Красной Армии — в близости командного состава к красноармейской массе. Мы вспоминали с ним картины Верещагина, отражавшие войну с Турцией 1877—1878 годов. Замечательные это были картины. У него есть одна картина: идет бой, а командный состав в отдалении с горки смотрит на бой. Вылощенное, в перчатках, офицерье в бинокли смотрит с безопасного места, как гибнут в боях

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 50. *Ред.*

солдаты. Я видела впервые эту картину, когда мне было лет 10. Водил меня тогда на выставку картин Верещагина отец, и на всю жизнь врезались в память эти картины.

Как-то получил Ильич письмо из Воронежа от профессора Дукельского, который требовал товарищеского отношения со стороны красноармейцев к спецам. Ильич ответил ему статьей в «Правде», где требовал товарищеского отношения спецов к красноармейцам:

«...Относитесь товарищески к измученным солдатам, к перетомленным рабочим, озлобленным веками эксплуатации, тогда дело сближения работников физического и умственного труда пойдет вперед гигантскими шагами»¹.

Присутствовала я раз также при докладе Ильичу т. Луначарского, сдвигшего на фронт. Насчет военных дел небольшой спец был, конечно, Анатолий Васильевич, но Ильич все время ставил ему такие вопросы, так связывал воедино ряд явлений, так направлял доклад в определенное русло, что доклад вышел исключительно интересным. Ильич знал, кого о чем, как надо спрашивать. Много говорил он с рабочими, едущими на фронт и приезжавшими с фронта. Знал Ильич хорошо лицо Красной Армии, знал, что большинство красноармейцев — крестьяне. Крестьянство он знал хорошо, знал хорошо эксплуатацию, которой подвергалось трудовое крестьянство со стороны помещиков, знал ненависть крестьянства к помещикам, знал, какая это громадная движущая сила в гражданской войне. Но крестьянина-единоличника (а тогда крестьяне сплошь были единоличниками) Ильич не идеализировал, знал, как велика, сильна в крестьянстве мелкобуржуазная психология, как трудно крестьянам организовать, знал, что, по сути дела, крестьянин того времени был беспомощен в деле организации.

Гвоздь строительства социализма — в организации, повторял все время Ильич; вопросам организации он придавал исключительно большое значение, и особенно возлагал он надежды на рабочий класс, на его организационные навыки, на близость к трудовому крестьянству. Ильич требовал, чтобы был усвоен весь организационный опыт старой армии, старых спецов, требовал, чтобы знание, наука были поставлены на службу трудящимся Страны Советов.

По правильному пути направлена была политика Советской власти.

В своей беседе с первой американской рабочей делегацией в сентябре 1927 года т. Сталин говорил:

«Разве не известно, что в результате гражданской войны оккупанты были выброшены вон из России, а контрреволюционные генералы были перебиты Красной Армией.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 222. Ред.

Вот тут-то и оказалось, что *судьбы войны решаются, в последнем счете, не техникой, которой обильно снабжали Колчак и Деникина враги СССР, а правильной политикой, сочувствием и поддержкой миллионных масс населения* (курсив мой. Н. К.).

Случайно ли, что партия большевиков оказалась тогда победительницей? Конечно, не случайно».

Политика Советской власти в 1919 году шла по линии укрепления связи с массами.

«Если мы называемся партией коммунистов, — говорил Ильич, — мы должны понять, что только теперь, когда мы покончили с внешними препятствиями, сломали старые учреждения, пред нами впервые настоящим образом и во весь рост встала первая задача настоящей пролетарской революции — организация десятков и сотен миллионов людей»¹.

На II Всероссийском съезде Советов в октябре 1917 года Ильич говорил, что гвоздь строительства социализма — в организации, и 17 месяцев спустя, в марте 1919 года, когда Советская власть уже стала на ноги, к моменту VIII съезда партии, задачи организационные встали во весь рост. Все вопросы, которых Ильич касался на VIII съезде, он тесно увязывал с вопросами организационными. Он говорил об аппарате, о бюрократизме, о культуре, о том, как бескультурье стоит поперек дороги строительству социализма, мешает вовлечению в строительство социализма широких масс, мешает борьбе с пережитками старого, мешает выкорчевыванию бюрократизма; говорил о деревне, о том, как надо закрепить влияние пролетариата не только на сельских рабочих, не только на бедноту, но и на самый широкий слой крестьянства, на среднее крестьянство, живущее на эксплуатации рабочей силы, а своим трудом, говорил, как надо сделать из него опору Советской власти, обслужить его в деле снабжения, говорил о кооперации, о том, что коммунизм надо строить из того, что оставил нам в наследие капитализм, что построить коммунизм нельзя руками одних коммунистов, что надо использовать старых специалистов, использовать науку, весь опыт буржуазного строительства и взять от них то, что нам нужно.

Во всей этой работе важно не только то, чтобы человек понимал, за какое звено надо ухватиться, чтобы вытащить всю цепь, но и *как* за это звено ухватиться, как его вытащить.

За два дня до съезда умер Председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов. Говоря о Якове Михайловиче на его похоронах, Ильич отмечал умение Якова Михайловича связывать теорию с практикой, говорил о моральном авторитете, об организаторском таланте Свердлова, но особенно подчеркивал ценность его работы в качестве *организатора широких пролетарских масс*:

¹ Ленин В. И. Полн собр. соч., т. 38, с. 332. *Ред.*

«...Этот профессиональный революционер никогда, ни на минуту не отрывался от масс. Если условия царизма и обрекали его, как и всех тогдашних революционеров, на деятельность преимущественно подпольную, нелегальную, то и в этой подпольной и нелегальной деятельности тов. Свердлов шел всегда плечо к плечу и рука об руку с передовыми рабочими, которые как раз с начала XX века стали заменять собой прежнее поколение революционеров из среды интеллигенции.

Именно в это время передовые рабочие выступили на работу десятками и сотнями и воспитали в себе ту закаленность к революционной борьбе, без которой, вместе с крепчайшей связанностью с массами, не могло бы быть успешной революции пролетариата в России»¹.

На VIII съезде партии Я. М. Свердлов должен был делать доклад об организационной работе ЦК. Его пришлось заменить Ленину.

«Обладая громадной, невероятной памятью, — говорил Ильич про Я. М. Свердлова, — он в ней держал большую часть своего отчета, и личное знакомство с организационной работой на местах (курсив мой. Н. К.) давало ему возможность сделать этот отчет. Я не в состоянии даже на сотую долю заменить его... десятки делегатов каждый день принимались тов. Свердловым, и из них большая половина была, вероятно, не советских должностных лиц, а партийных работников»².

Ильич говорил о том, что Свердлов замечательно умел разбираться в людях, выработал в себе чутье практика:

«...Исключительный организаторский талант этого человека обеспечивал нам то, чем мы до сих пор гордились и гордимся с полным правом. Он обеспечивал нам полностью возможность дружной, целесообразной, действительно организованной работы, такой работы, которая бы была достойна организованных пролетарских масс и отвечала потребностям пролетарской революции, — той сплоченной организованной работы, без которой у нас не могло бы быть ни одного успеха, без которой мы не преодолели бы ни одной из тех неисчислимых трудностей, ни одного из тех тяжелых испытаний, через которые мы проходили до сих пор и через которые мы вынуждены проходить теперь.

...Мы глубоко уверены, что пролетарская революция в России и во всем мире выдвинет группы и группы людей, выдвинет многочисленные слои из пролетариев, из трудящихся крестьян, которые дадут то практическое знание жизни, тот, если не единственный, то коллективный организаторский талант (курсив мой. Н. К.), без которого миллионные армии пролетариев не могут прийти к своей победе»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 76. Ред.

² Там же, с. 146, 147. Ред.

³ Там же, с. 77, 79. Ред.

За последние годы и особенно в 1935—1936 годах мы являемся свидетелями того, как быстро растёт и крепнет *организаторский талант трудящихся масс*. На совещаниях стахановцев, комбайнеров, трактористов, работников советской земли, трудящихся советских республик мы наблюдали этот выковавшийся за годы Советской власти коллективный организаторский талант.

Нас не единицы, нас тысячи...

И только совсем слепой человек не понимает, какая громадная сила — коллективный организаторский талант пролетарских масс.

* * *

Мелкособственническая психология особо затрудняла в первые годы существования Советской власти организационную советскую и военную работу.

На I Всероссийском съезде по внешкольному образованию в мае 1919 года Владимир Ильич особенно подробно остановился на вопросе о том, как мелкособственническая, анархическая психология мешает правильной организации работы:

«Широкие массы мелкобуржуазных трудящихся, стремясь к знанию, ломая старое, ничего организующего, ничего организованного внести не могли» (курсив мой. Н. К.).

И далее:

«Мы продолжаем страдать в этом отношении от мужицкой наивности и мужицкой беспомощности, когда мужик, ограбивший барскую библиотеку, бежал к себе и боялся, как бы кто-нибудь у него ее не отнял, ибо мысль о том, что может быть правильное распределение, что казна не есть нечто ненавистное, что казна — это есть общее достояние рабочих и трудящихся, этого сознания у него быть еще не могло. Неразвитая крестьянская масса в этом не виновата, и с точки зрения развития революции это совершенно законно, — это неизбежная стадия, и, когда крестьянин брал к себе библиотеку и держал у себя тайно от других, он не мог поступать иначе, ибо он не понимал, что можно соединить библиотеки России воедино, что книг будет достаточно, чтобы грамотного напоить и безграмотного научить. Сейчас необходимо бороться с остатками дезорганизации, с хаосом, со смешными ведомственными спорами... не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию. В этом малом деле отражается основная задача нашей революции. Если она этой задачи не решит, если она не выйдет на дорогу создания действительно планомерной единой организации вместо российского bestолкового хаоса и нелепости, — тогда эта революция останется революцией буржуазной, ибо основная особенность пролетарской революции, идущей к коммунизму, в этом и состоит...»¹

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 330, 331—332. *Ред.*

Это высказывание Ильича вскрывало корни анархизма, отрицающего необходимость всякого коллективного планового действия, всякой государственной организации: как хочу, так и делаю.

Мы не раз говорили с Ильичем об анархизме. Помню наш первый разговор в селе Шушенском. Когда я приехала к Ильичу в ссылку, я с интересом рассматривала его альбом, где были фотографические карточки разных политкаторжан, было две фотографии Чернышевского и между ними — фотография Золя. Я спросила его, почему он хранит у себя в альбоме именно фотографию Золя. Он стал мне говорить о деле Дрейфуса, которого защищал Золя, потом стали обмениваться мнениями о произведениях Золя, и я рассказала ему, какое сильное впечатление произвел на меня роман Золя «Жерминаль», который я впервые читала в то время, когда усердно изучала I том «Капитала» Маркса. В романе «Жерминаль» описывается французское рабочее движение, и, между прочим, там дана фигура русского анархиста Суварина, глядящего ручную крольчиху и в то же время твердящего, что необходимо «все сломать, все разрушить» («tout rompre, tout détruire»). И Ильич тогда горячо говорил мне о противоположности между организованным социалистическим рабочим движением и анархизмом. Потом смутно вспоминается разговор с Ильичем на тему об анархистах перед отъездом в 1905 году на Таммерфорскую конференцию. Я перечитала недавно относящуюся к этому времени статью Владимира Ильича «Социализм и анархизм». Замечательная там характеристика анархизма:

«Мирозерцание анархистов есть вывороченное наизнанку буржуазное мирозерцание. Их индивидуалистические теории, их индивидуалистический идеал находятся в прямой противоположности к социализму. Их взгляды выражают не будущее буржуазного строя, идущего к обобществлению труда с неудержимой силой, а настоящее и даже прошлое этого строя, господство слепого случая над разрозненным, одиноким, мелким производителем. Их тактика, сводящаяся к отрицанию политической борьбы, разъединяет пролетариев и превращает их на деле в пассивных участников той или иной буржуазной политики, ибо настоящее отстранение от политики для рабочих невозможно и неосуществимо»¹.

Об этом именно шел наш разговор с Владимиром Ильичем в 1905 году.

В мае 1919 года состоялся I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. Его приветствовал Ильич. На I Всероссийском съезде по внешкольному образованию было 800 делегатов, среди них — много беспартийных. Настроение было у

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 131—132. *Ред.*

большинства приподнятое, многие собирались ехать на фронт, но нам, большевикам, организовавшим этот съезд, было видно, что по многим вопросам не у всех делегатов было ясное понимание советского демократизма, того, чем отличается наш, советский демократизм от демократизма буржуазного, и мы просили, чтобы Ильич еще раз выступил с докладом. Он согласился и выступил 19 мая с длинной речью на тему «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства» и говорил о том, какой обман народа представляют эти лозунги в условиях капиталистического государства, говорил, что сейчас Советская власть — диктатура пролетариата — поведет массы к социализму, говорил о тех трудностях, которые стоят перед Советской властью.

«Эта новая организация государства рождается с величайшим трудом, — говорил Ильич, — потому что победить свою дезорганизаторскую, мелкобуржуазную распущенность — это самое трудное, это в миллион раз труднее, чем подавить насильника-помещика или насильника-капиталиста, но это и в миллион раз плодотворнее для создания новой организации, свободной от эксплуатации. Когда пролетарская организация решит эту задачу, тогда социализм окончательно победит. Этому надо посвятить всю свою деятельность и внешкольного и школьного образования»¹.

Но если необходима была борьба с анархическими настроениями в деле строительства Советской власти, то тем более нужна она была в Красной Армии. Там анархические настроения выливались в форму партизанщины. Опыт гражданской войны на Украине как нельзя лучше иллюстрировал трудности организации Красной Армии. Об этом говорил Ильич 4 июля 1919 года, выступая на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, Московского совета профессиональных союзов и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы.

Ильич говорил о трудностях первого года гражданской войны, о том, как приходилось наспех, наскоро сбивать отряд за отрядом. Он говорил:

«При крайне недостаточном пролетарском сознании на Украине, при слабости и неорганизованности, при петлюровской дезорганизации и давлении немецкого империализма, — на этой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 371. *Ред.*

Далее в рукописи: «Слушая речь Ильича на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию, я вспоминала, как часто обвиняли противники в анархизме Ильича, так глубоко понимавшего всегда суть анархизма, обвинял Плеханов, обвинял на III съезде Советов Н. Н. Суханов.

На III съезде Советов (в январе 1918 года) Ильич говорил о том, что теперь, когда началась коренная ломка буржуазного строя, понятия об анархизме принимают для нас жизненные очертания. Анархизм крестьянина-единоличника, о котором говорил Ильич на внешкольном съезде, проявлялся весной 1919 года в тысяче мелочей». *Ред.*

почве там стихийно выростала вражда и партизанщина. В каждом отряде крестьяне хватались за оружие, выбирали своего атамана или своего «батяка», чтобы ввести, чтобы создать власть на месте. С центральной властью они совершенно не считались, и каждый батяка думал, что он есть атаман на месте, воображал, что он сам может решать все украинские вопросы, не считаясь ни с чем, что предпринимается в центре»¹.

Далее Ильич рассказывал, как в результате этой неорганизованности, партизанщины и хаоса Украина пережила неслыханные бедствия. Опыт этот бесследно пройти не может.

«Уроки распада, партизанщины Украина осознала,— говорил Ильич.— Это будет эпохой перелома всей украинской революции, это отразится на всем развитии Украины. Это — перелом, который пережили и мы, перелом от партизанщины и революционного швыряния фразами: мы все сделаем! — к сознанию необходимости длительной, прочной, упорной, тяжелой организационной работы. Это — тот путь, на который мы много месяцев спустя после Октября вступили и успеха в котором достигли значительного. Мы смотрим на будущее с большой уверенностью, что все трудности преодолеем»².

Надежды Ильича оправдались: наша Красная Армия стала образцом социалистической организованности.

Тогда, в 1919 году, большинство красноармейцев были крестьяне-единоличники, умевшие работать не покладая рук, но у которых сильна была еще мелкособственническая психология. И поэтому Ильич считал особенно важным укрепление всех фронтов пролетарскими элементами. Он написал письмо петроградским рабочим о помощи Восточному фронту, когда обострилось положение на этом фронте, делал доклад на пленуме Всероссийского центрального совета профсоюзов, обращался к железнодорожникам Московского узла, говорил о борьбе с Колчаком на конференции фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы, писал рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком, говорил о роли петроградских рабочих, выступал с речью, обращенной к мобилизованным рабочим Ярославской и Владимирской губерний, едущим на денкинский фронт и на помощь Питеру, на который надвигался Юденич, писал обращение к рабочим и красноармейцам Питера по поводу наступления Юденича, писал письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным.

Организованность Красной Армии возрастала.

По мере того как укреплялась Советская власть, по мере того как гражданская война открывала широким массам глаза на то, кто враг, кто друг,— ослабевало влияние левых эсеров. Теряя почву под ногами, они вступили в союз с анархистами

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 35. *Ред.*

² Там же, с. 36. *Ред.*

п вместе с ними 25 сентября, когда в Леонтьевском переулке МК обсуждал вопросы агитации и пропаганды, организовали взрыв, где было убито 12 человек, в том числе секретарь МК тов. Загорский, было ранено 55 человек. Первое сообщение о взрыве мы услышали от пришедшей к нам Инессы Арманд, дочь которой¹ была на этом заседании².

* * *

Отмечая вред распыленности, обособленности мелкого крестьянского хозяйства, говоря о том, как тяжело отзывается она на всей жизни и мировоззрении трудящихся крестьян, Ильич с самого начала подчеркивал необходимость перейти на коллективные формы хозяйствования, указывал, что надо создать крупные товарищеские коллективы по общественной обработке земли, создать сельскохозяйственные коммуны, артели. Он считал, что инициаторами этого дела будут городские и сельскохозяйственные рабочие, и поддерживал всякую инициативу рабочих в этом отношении. Мы знаем, как еще весной 1918 года он поддержал инициативу обуховских и семянниковских рабочих, поехавших в Сибирь, в Семипалатинск устраивать сельскохозяйственные артели. Поддерживал он и все мероприятия более скромного типа по линии коллективной обработки земли.

Конечно, никаких иллюзий Ильич себе не строил. Он постоянно говорил о тех предпосылках, которые необходимо осуществить, чтобы стала возможной массовая коллективизация сельского хозяйства. На VIII съезде партии он говорил о тракторах, о механизации обработки земли, о необходимости поднять сознательность крестьян, без чего коллективизация по настоящему не продвинется, но в то же время он считал, что надо поддерживать всякую инициативу в деле создания колхозов.

Весной 1919 года Владимир Ильич ставил перед рабочими Горок, где он жил, вопрос об организации коллективного хозяйства нового типа. Однако большинство горкинских рабочих было к этому мало подготовлено. Рейнбот, владевший ранее Горками, подобрал в свое имение латышских рабочих, стремясь поставить их подалее от населения, обособить. Горкинские рабочие, как и все латышские рабочие, ненавидели помещиков, но к коллективной работе, к организации управления совхозом они были еще весьма мало приспособлены в то время.

Я помню, как на совещании, происходившем в Большом доме, Ильич убеждал их, очень волновался. Но не вышло ни-

¹ Речь идет о И. А. Арманд. *Ред.*

² Далее в рукописи. «Бессмысленность покушения показывала, как беспомощна стала партия эсеров и анархистская организация, как далеко стали эсеры от понимания задачи социалистической революции, от понимания стремлений трудящихся масс». *Ред.*

чего из его стараний. Дело свелось к дележу рейнботовского имущества, и Горки превращены были в обычный совхоз. Ильич хотел, чтобы совхозы стали для крестьян показом, как умело вести крупное хозяйство; как вести мелкое хозяйство, крестьяне знали, как вести крупное, — им надо было еще учиться.

Чего хочет Ильич в отношении совхоза, не понимал тогдашний заведующий хозяйством Горок тов. Вевер. Однажды Ильич, встретя его на прогулке, спросил, как совхоз помогает окрестным крестьянам. Тов. Вевер недоуменно посмотрел на него и ответил: «Рассаду крестьянам продаем». Ильич не стал расспрашивать дальше, а когда Вевер ушел, огорченно посмотрел на меня и сказал: «Даже самой постановки вопроса не понял». И потом стал как-то особенно требователен к Веверу, не понимавшему, что совхозы надо сделать показом того, как надо вести крупное хозяйство.

Как-то, в начале 1919 года, зашел ко мне в отдел внешкольного образования мой старый ученик вечерне-воскресной школы тов. Балашов. Он работал за Невской заставой, потом в годы реакции отсиживал пару лет в тюрьме. Он рассказал, что изучал сельское хозяйство, особенно огородное, и сейчас хочет вплотную им заняться. Балашов объединил семь крестьянских хозяйств (родственников) и устроил общественный огород, который решили обрабатывать сообща, без наемной рабочей силы. Они организовали сельскохозяйственную артель, взяли наряд у Красной Армии и вырастили для нее замечательную капусту. Но их начинание не удержалось: комитет крестьянской бедноты забрал себе всю капусту, а Балашова засадили в тюрьму. Он оттуда мне написал. Тов. Дзержинский по просьбе Владимира Ильича послал туда людей обследовать дело. Оказалось, что в комитет бедноты пролезли бывшие сыщики. Балашова освободили немедленно, но дело распалось.

Вообще тогдашние огородные артели, а в то время ощущалась известная тяга к ним, наткнулись на очень большое сопротивление, вытекавшее из недооценки такого рода начинаний. Например, в Благушах были курсы огородничества, организованные А. С. Буткевичем. При них была огородная земля. Наш Внешкольный отдел поддерживал эти курсы, а в феврале 1919 года на огородной земле был организован при содействии сына Буткевича, агронома — специалиста по огородничеству, своеобразный кооператив из курсантов (большинство из них были рабочие завода «Гном и Ром» и фабрики Семеновской мануфактуры), согласно уставу которого урожай распределялся пропорционально числу рабочих часов. Молодой Буткевич ставил опыты с удобрениями, новыми сортами и способами посадки. Овощи дали урожай выше, чем на соседних советских огородах, и 45 рабочих семей были обеспечены овощами на круглый год.

Внешкольный отдел поддерживал это начинание, но Московский отдел народного образования, который в те времена жил «на всей божьей воле», как говорилось встарь, отобрал у курсов землю, мотивируя это тем, что «обеспечение овощами каких-нибудь 45—50 семейств имеет слишком ничтожное общественное значение по сравнению с организацией труда в школе». Не учел тогда Московский отдел народного образования значение «показа», пропаганды артельных форм хозяйствования. Пришкольного хозяйства, ради которого отобрана была земля у этих курсов нового типа, Московский отдел народного образования наладить не сумел.

Сейчас трудно себе представить, на какие препятствия в 1919 году наталкивались такие начинания. Их было немало, они забыты уже, но участники этих начинаний вряд ли о них забыли. Владимир Ильич такими начинаниями особенно интересовался.

Чтобы подвести крестьянские массы к строительству хозяйства на коллективных пачалах, нужна была длительная работа среди основной массы крестьянства. Читая письма крестьян, Ильич постоянно это чувствовал. Сохранилась пометка Ильича на одном письме крестьянина о положении в деревне; на этом письме от февраля — марта 1919 года Ильич отмечает: «Вопль за середняка-крестьянина».

На VIII съезде партии (18—23 марта 1919 года) вопрос об отношении к среднему крестьянину был поставлен во весь рост. В своей речи при открытии съезда Владимир Ильич поставил этот вопрос с полной четкостью:

«Беспощадная война с деревенской буржуазией и кулаками на первое место выдвигала задачи организации пролетариата и полупролетариата деревни. Но дальнейшим шагом для партии, которая хочет создать прочные основы коммунистического общества, выдвигается задача — правильно разрешить вопрос о нашем отношении к среднему крестьянству. Эта задача более высокого порядка. Мы не могли поставить ее во всей широте, пока не были обеспечены основы существования Советской республики».

И далее:

«Мы вошли в такую стадию социалистического строительства, когда надо выработать конкретно, детально, проверенные на опыте работы в деревне, основные правила и указания, которыми мы должны руководиться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянину *стать на почву прочного союза...*»¹

На VIII съезде партии Владимир Ильич говорил о необходимости товарищеского подхода к среднему крестьянину, о недопустимости насилия по отношению к нему, о необходимости помощи ему, в первую очередь в деле механизации сельского

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 128, 129. *Ред.*

хозяйства, в деле облегчения и улучшения его экономического положения, в деле улучшения быта, поднятия культуры. Ильич особенно много говорил о необходимости поднять культурный уровень деревни, о том, как мы постоянно спотыкаемся о недостаточную культурность масс. Говорил о том, как мешает проведению советских законов низкий культурный уровень: «...Кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь»¹.

Отмечая некоторые ограничения в избирательных правах крестьянства, он говорил:

«Наша Конституция, как мы указываем, вынуждена была внести это неравенство, потому что культурный уровень слаб, потому что организация у нас слаба. Но мы не превращаем этого в идеал, а, напротив, в программе партия обязуется систематически работать над уничтожением этого неравенства более организованного пролетариата с крестьянством. Это неравенство мы отменим, как только нам удастся поднять культурный уровень. Тогда мы сможем обойтись без таких ограничений»².

Теперь, когда деревня стала колхозной, когда проведена механизация сельского хозяйства, когда деревня стала во много раз культурнее, сознательнее, это указание Ильича стало осуществимо. Новая Конституция Советского Союза уравнивает в избирательных правах рабочих и крестьян полностью. И усиленно бьется сердце, когда читаешь эту Конституцию; она завоевана долгими годами работы, направлявшейся партией по правильному руслу.

Неделю спустя после VIII съезда партии, 30 марта 1919 года, на заседании ВЦИК, выдвигая кандидатуру М. И. Калинина на пост Председателя ВЦИК вместо умершего Я. М. Свердлова, Ильич говорил о том, что у М. И. Калинина 20-летний стаж партийной работы, что он — питерский рабочий и в то же время из крестьян Тверской губернии, сохранил тесную связь с крестьянским хозяйством и постоянно обновляет и освежает эту связь, что он умеет по-товарищески подходить к широким слоям трудящихся масс. Средние крестьяне увидят в лице высшего представителя всей Советской республики своего человека. Кандидатура Михаила Ивановича поможет практическим путем организовать целый ряд непосредственных сношений высшего представителя Советской власти со средним крестьянством, поможет партии, правительству сблизиться с этим крестьянством.

Надежды Ильича оправдались, как мы знаем, полностью. М. И. Калинин любим крестьянскими массами, близок к ним. Повседневная работа Ильича была показом того, как вни-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 170. *Ред.*

² Там же, с. 172—173. *Ред.*

мательно падо было относиться к каждому вопросу, волнуящему середняка.

Скопинский уездный совещательный съезд послал к Ильичу 31 марта 1919 года делегацию из троих крестьян с наказом «ходатайствовать о снятии воздушного налога с среднего и ниже среднего крестьянина», «ходатайствовать о полной отмене мобилизации дойных коров, а именно потому, что у нашего населения осталась на каждые 8—10 человек одна дойная корова, да и к тому же у нас свирепствуют ужасные эпидемии тифа, испашки и т. п. болезни и молоко является единственным продуктом для больных; что же касается остальных продуктов, как масляничных и жировых, то таковые совершенно отсутствуют и приобрести негде»; был еще запрос о лошадях и подробностях сбора палого.

Ильич, посмотрев «наказ», не стал допрашивать, что это за «воздушный» налог, а тотчас ответил по существу крестьянам Скопинского уезда.

«Обложение чрезвычайным налогом крестьян достатка ниже среднего *незаконно*,— писал он.— К облегчению обложения *средних* крестьян меры приняты. На днях будет декрет. По остальным вопросам немедленно сделаю запрос наркомам и вам будет послан ответ.

5/IV — 1919.

В. Ульянов (Ленин)».

И тут же, на письме скопинских крестьян, имеется указание секретарю: «Напомнить мне в СНК при Серее и Свидерском.

Необходимо составить, по соглашению с Народным комиссариатом *земледелия* и Народным комиссариатом *продовольствия*»¹.

От всего советского аппарата требовал Ильич заботы о нуждах населения.

В 1919 году был голод. И вот ярко сказалась забота Ленина в это трудное время о детях, об их питании.

К маю положение со снабжением ухудшилось. На 2-м заседании Экономической комиссии Ильич ставит вопрос о помощи детям рабочих натурой.

В половине мая 1919 года положение было особенно тяжелое. На Украине, на Кавказе, на Востоке хлеба было много, миллионы пудов, но гражданская война отрезала возможность сношений, центрально-промышленные районы остро голодали. Наркомпрос засыпал жалобами, что нечем кормить ребят.

14 мая 1919 года на Петроград стала наступать армия северо-западного правительства. 15 мая генерал Родзянко взял уже Гдов, стали наступать эстонские и финские белогвардейские

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 275. Ред.

войска, начинались бои у Копорской губы. Волновался Ильич за Петроград. Но характерно, что в это же время — 17 мая — проводил он декрет о бесплатном детском питании. В этом декрете говорилось о необходимости в целях улучшения детского питания и обеспечения материального положения трудящихся выдавать бесплатно всем детям до 14 лет, безотносительно к категории классового пайка их родителей, притом в первую очередь, предметы детского питания. Декрет относился к крупным фабричным центрам 16 неземледельческих губерний.

12 июня пришла весть об измене гарнизона «Красная горка». И того же 12 июня Ильич подписывает постановление Совета Народных Комиссаров, расширяющее действие декрета 17 мая о бесплатном детском питании: увеличивается число местностей, где проводится бесплатное питание. Бесплатное питание предоставляется детям в возрасте до 16 лет.

В вопросе о помощи нуждающимся особенно не терпел Владимир Ильич никакого бюрократизма. 6 января 1919 года он дает телеграмму в курскую ЧК:

«Немедленно арестовать Когана, члена Курского центрзакупа, за то, что он не помог 120 голодающим рабочим Москвы и отпустил их с пустыми руками. Опубликовать в газетах и листках, дабы все работники центрзакупов и продорганов знали, что за формальное и бюрократическое отношение к делу, за неумение помочь голодающим рабочим репрессия будет суровая, вплоть до расстрела.

Предсовнаркома Ленин»¹.

О близости всех наркоматов к рабочим и крестьянским массам, к Красной Армии усиленно заботился Владимир Ильич.

Я работала в Наркомпросе, во Внешкольном отделе и постоянно видела, как интересуется этим Владимир Ильич. К нам во Внешкольный отдел ходила масса народа: рабочие, работницы, крестьяне, солдаты с фронта, педагоги, партийцы. Внешкольный отдел превратился, по существу дела, в какую-то явку, куда заходили партийцы порасспросить про Ильича, рассказать про свою работу, заходили рабочие по вопросам о том, как лучше поставить пропагандистско-агитационную работу, приезжали красноармейцы, красные командиры, приходили рабочие, крепко связанные с деревней.

Помню, как один красноармеец, молодой парень, жаловался, что не те книги присылают, какие надо, что газеты не доходят, что пропагандистов у них нет, требовал, чтобы больше пропагандистов туда ехало. Не одия. копейно, приходил. много приходило. Но почему-то остался особо в памяти этот бурно-пламенный молодежка.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 238. Ред.

Молодой командир, приехав с фронта, волнуясь, рассказывал нам, как его рота, поставленная на постой в какое-то реальное училище Западной области, расправлялась с «барской» культурой. Реальные училища были привилегированными учебными заведениями, и красноармейцы изломали все пособия, разорвали на мелкие клочки учебники, тетради, хранившиеся в училище. «Барское это добро», — говорили они. С другой стороны, как никогда, стремились красноармейцы к учебе. Учебников не было. Старые учебники, с молитвами за царя и отечество, изничтожались красноармейцами. Они требовали учебников, связанных с жизнью, с их переживаниями.

На том внешкольном съезде, где выступал Ильич, было принято делегатами съезда решение — поехать на фронт. Поехали многие. В числе их тов. Элькина, опытная преподавательница, поехала на Южный фронт. Красноармейцы требовали, чтобы их учили грамоте. Элькина начала учить, как принято было, по учебникам, написанным по аналитико-синтетическому методу: «Маша ела кашу. Маша мыла раму». «Как ты нас учишь?! — стали возмущаться красноармейцы. — Какая каша? Что за Маша? Не хотим этого читать!» И стала Элькина по-новому строить букварь: «Мы не рабы, рабы не мы».

Дело пошло. Быстро стали обучаться красноармейцы грамоте. Это был метод связи учебы с жизнью, чего все время требовал Ильич. Новых учебников не на чем было печатать. Учебник Элькиной был напечатан на какой-то желтой бумаге, а в методике обучения Элькиной рассказывалось о том, как учиться писать без чернил и перьев. Стоит вспомнить, на какой бумаге и как было напечатано извещение о I конгрессе III Интернационала, чтобы понять, почему писала об этом Элькина. Не в недооценке роли учебника было тут дело. Красноармейцы быстро выучивались читать по букварю Элькиной.

«Громадная жажда знаний и громаднейший успех образования, достигаемый чаще всего внешкольным путем, — гигантский успех образования трудящихся масс не подлежит ни малейшему сомнению. Этот успех не укладывается ни в какие школьные рамки, но этот успех колоссален»¹, — говорил Ильич на VIII партийном съезде.

Наши политпросветчики: Сергиевская, Рагозинский и другие, ездили по фронтам. С фронтов получали мы многочисленные письма. Привожу выдержку из одного письма товарища с фронта, ленинградского рабочего, с которым вместе налаживали политпросветработу в районе. «Только что прочитал газету от 7-го, где пишут об открытии съезда по внешкольному образованию, — писал он. — Да, Н. К., когда едешь вдоль и поперек Советской России, то видишь, как много работают наше-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 170—171. *Ред.*

му отделу и как нужна внешкольная работа. Боюсь, что мне не удастся полностью проследить съезд. На ст. Инза я жду поезда, чтобы ехать на ст. Нурлат. Получил назначение инспектора-инструктора и еду инспектировать 27-ю дивизию. Работа большая, а главное, новая вообще и для меня в особенности. Ну, та рекомендация, которую дал Владимир Ильич, обязывает меня выполнить наилучшим образом. Про эту рекомендацию один товарищ сказал: «Я бы за это письмо жизнь отдал». Выполню работу, тогда Вам напишу. Передайте Владимиру Ильичу низкий поклон и всем знакомым. Действующая армия, Политический отдел».

Были письма с фронта, заходили люди. Ильич просил интересных товарищей направлять к нему.

Не меньше внимания уделял наш Внешкольный отдел разъяснительной работе среди крестьянства.

Вопрос о пропаганде среди крестьянства давно уже продвигался Ильичем. Мы знаем, как заботился он о создании популярной литературы, сборников статей, заботился об издании популярной газеты для деревни («Бедноты»).

Еще 12 декабря 1918 года Совнарком издал декрет «О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя». Декрет требовал организации по рабочим кварталам и особенно по деревням чтения декретов, наиболее важных статей и брошюрок. Это должен был организовать в первую голову наш Внешкольный отдел. Сильно налегал на нас Ильич. Чтения проводились, они будили тягу к знанию. «Мы ни на чью сторону не станем, ни в какую партию не вступим,— говорили крестьяне Арзамасского уезда ездившему туда нашему агитатору.— Вот научимся грамоте — сами все прочитаем, никто нас тогда не проведет».

На VIII съезде партии была создана секция по работе в деревне, от имени которой и делал доклад Ильич. В секцию вошло 66 делегатов. В комиссию по разработке тезисов были выбраны Середа, Луначарский, Митрофанов, Милютин, Иванов, Пахомов, Кураев, Варейкис и Борисова.

Все это говорит о том, какое громадное внимание уделяла этому вопросу партия, какое внимание уделял ему Ильич.

Помню, как внимательно слушал Ильич все, что нам во Внешкольном отделе удавалось узнать о жизни крестьян, о том, как они относятся к тому или иному вопросу.

Раз зашел к нам за книжками крестьянин Московской губернии, работал он где-то на стройке. Рассказывал, какая шла в дореволюционный период спекуляция в связи со снабжением армии, рассказывал о крупных дельцах, наживавшихся на этом деле. Направили мы его к Анатолию Васильевичу. Вернулся он от Анатолия Васильевича и рассказывает: «Принял меня хорошо. Посадил на диван, а сам все ходит и ходит, складно

говорит. Книжечек дал. И обещал еще дать ненаглядных вещей (наглядных пособий. *Н. К.*). А я брать боюсь. Говорит, даром даст, да боюсь, как бы потом за ненаглядные вещи налогом не обложили». Все же набрал всяких плакатов, пособий. Потом не раз приходил во Внешкольный отдел. Мы так и прозвали его «ненаглядными вещами». Но характерно, что Ильич обратил больше всего внимания на такой факт. Рассказывал строитель этот, что учительница у них в селе жалованья никакого не получает, но работы в школе не бросила, а по вечерам занималась и со взрослыми, учила их грамоте. «Ненаглядные вещи» рассказывал, что он башмаки этой учительнице купил, а то старые износились совсем.

В 1919 году много деревень было еще глухими, отрезанными от всего света, радио и в помине тогда не было, безграмотное население (на родине Ильича, в Симбирской губернии, в 1919 году было еще 80% неграмотных) не читало газет, да и не было их, бумаги не было, тиражи газет были ничтожны, до деревни газеты не доходили. Доставка книг не была организована, книжные магазины посылали на места черт знает что. Деревня жила слухами, страстно хотела знать, что делается на свете.

Внимательно слушал Ильич мои рассказы о том, с какими наивными вопросами приходят крестьяне, какая у них чудовищная неосведомленность о практических мероприятиях Советской власти, о ее структуре, о своих правах и обязанностях, какая темнота в деревне, о наивных, безграмотных письмах, о тех письмах, которые строчат безграмотным крестьянам деревенские грамотеи писарским почерком с мудреными закорючками разными, какие деньги драли за писание писем эти вольные писаря.

Я показывала Ильичу эти письма. Он с интересом их просматривал. Советовал приналечь на устройство справочных бюро при наших избах-читальнях, народных домах. У него был опыт в консультации крестьян в ссылке, в селе Шушенском, где к нему каждое воскресенье приходили крестьяне соседних сел за советами. В декабре 1918 года он набросал проект правил об управлении советскими учреждениями. Там он писал о необходимости устройства разными ведомствами аналогичных бюро на местах. «Эти справочные бюро обязаны не только давать все просимые справки, как устные и письменные, но и составлять бесплатно письменные заявления для неграмотных и неспособных составить ясное заявление лиц»¹, — написано у Ильича в «Наброске правил об управлении советскими учреждениями».

«В каждом советском учреждении должны быть вывешены не только внутри здания, но и снаружи, так чтобы они были

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 367. *Ред.*

доступны всем без всяких пропусков, правила о днях и часах приема публики. Помещение для приема обязательно должно быть устроено так, чтобы допуск в него был свободный, безусловно без всяких пропусков.

В каждом советском учреждении должна быть заведена книга для записи, в самой краткой форме, имени просителя, сущности его заявления и направления дела.

В воскресные и праздничные дни должны быть назначены часы приема»¹.

«Набросок правил об управлении советскими учреждениями» был опубликован лишь в 1928 году, 10 лет спустя, но эти установки Ильича знал наш Внешкольный отдел; по настоянию Ильича сразу стал он обращать внимание на постановку справочной работы в избах-читальнях. На этой работе завоевывали себе авторитет избачи, росли сами на этой работе. 1919 год был годом, когда избачи пользовались определенным влиянием. Справочная работа была связана с пропагандой Советской власти, с пропагандой декретов, издаваемых Советской властью.

* * *

Не только о справочных бюро думал Владимир Ильич. 12 апреля 1919 года был опубликован за подписями Калинина, Ленина, Сталина декрет о реорганизации государственного контроля (тов. Сталин был тогда народным комиссаром государственного контроля). В этом декрете говорилось:

«Старый бюрократизм разбит, но бюрократы остались. Войдя в советские учреждения, они внесли туда дух косности и канцелярской волокиты, бесхозяйственности и распущенности.

Советская власть заявляет, что она не потерпит бюрократизма, в каких бы формах он ни проявлялся, что она изгонит его из советских учреждений решительными мерами.

Советская власть заявляет, что только вовлечение широких масс рабочих и крестьян в дело управления страной и широкого контроля над органами управления устранит недостатки механизма, очистит советские учреждения от бюрократической скверны и решительно двинет вперед дело социалистического строительства».

4 мая 1919 года был издан декрет о Центральном бюро жалоб и заявлений при Народном комиссариате государственного контроля, а 24 мая — о местных отделениях Центрального бюро жалоб и заявлений.

Ильич требовал самой упорной борьбы с бюрократизмом в советском аппарате.

У нас в России в 60-е годы в художественной литературе всячески высмеивался бюрократизм, особенно высмеивали его

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 366. *Ред.*

поэты «Искры» (поэты-чернышевцы). Поэты «Искры» (Курочкин, Жулев и другие) сильно влияли на наше поколение, всячески клеймя бесчисленные проявления бюрократизма, волокиты, взяточничества. Стихи поэтов «Искры», всевозможные анекдоты о бюрократизме были своеобразным интеллигентским фольклором 60-х годов. В последние годы мы вспоминали с Анной Ильиничной часто эту литературу; у нее была замечательная память. В семье Ульяновых эта литература была очень в ходу. Сатира того времени сделала свое дело, помогая нашему поколению с молоком матери впитывать ненависть к бюрократическому укладу. Стереть с лица советской земли всякий бюрократизм — к этому стремился Ильич.

Сам Владимир Ильич замечательно внимательно относился к людям, к получаемым им письмам. Примером этого могут служить документы, помещенные в Ленинском сборнике XXIV.

Масса жалоб поступала к Ильичу, и он сам отвечал на них.

22 февраля 1919 года Ильич дает телеграмму Ярославскому губисполкому:

«Советский служащий Данилов жалуется, что ЧК отобрала у него три пуда муки и другие продукты, за полтора года добытые его трудом на семью в четыре души. Строжайше проверьте. Телеграфируйте мне результат.

Предсовнаркома *Ленин*»¹.

Ильич телеграфирует Череповецкому губисполкому:

«Проверьте жалобу Ефросиньи Андреевой Ефимовой, солдатки деревни Новосела, Покровской волости, Белозерского уезда, на отнятие у нее хлеба в общий амбар, хотя у нее муж в плену пятый год, семья — трое, без работника. Результат проверки и ваших мер сообщите мне.

Предсовнаркома *Ленин*»².

Таких примеров можно было бы привести сотни. Это сохранившиеся в Архиве Института Ленина, а не сохранившихся сколько! Когда в июне 1919 года я уехала на пару месяцев на агитационном пароходе «Красная звезда» на Волгу и Каму, Владимир Ильич писал мне: «Письма о помощи, которые к тебе иногда приходят, я читаю и стараюсь делать, что можно»³. Когда человеку приходится думать о большом каком-нибудь, решающем вопросе, чрезвычайно трудно переключаться двадцать раз на дню на разные мелкие вопросы, это особенно утомляет. Только на прогулках, на охоте Владимир Ильич целиком отдавался думам своим. Товарищи постоянно вспоминают, как

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 260. Ред.

² Там же, с. 272. Ред.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 374. Ред.

на прогулках, на охоте Ильич, бывало, вдруг совершенно неожиданно для них обронит какую-нибудь фразу, которая показывает, какие думы властвуют над ним в этот момент.

Иногда, вспоминая, как Ильич занимался мелочами, товарищи говорят: «Не берегли мы Ильича-то, мелочами его загружали, не надо было приставать к нему со всеми этими мелкими делишками». Это так, но Ильич считал, что необходимо внимание к мелочам, что только внимание к ним сделает советский аппарат подлинно демократическим, не формально демократическим, а пролетарски-демократическим.

И как раньше, строя партию, Ильич примером, показом стремился научить товарищей правильному подходу к вопросам агитации, пропаганды, организации, так и теперь, встав во главе Советской власти, он стремился показать, как надо работать в государственном аппарате, как надо вытраивать из него всякий бюрократизм, сделать советский аппарат близким массе, пользующимся ее доверием. Характерна его телеграмма Новгородскому губисполкому в мае 1919 года:

«По-видимому, Булатов арестован за жалобу мне. Предупреждаю, что за это председателей губисполкома, Чека и членов исполкома буду арестовывать и добиваться их расстрела. Почему не ответили тотчас на мой запрос?

Предсовнаркома Ленин»¹.

Ильич и внутри аппарата старался вытравить всякий бюрократизм, требовал внимательного отношения к каждому работнику, знания людей своего аппарата, помощи им и в работе и в создании соответствующих условий для работы. Я работала во Внешкольном отделе Наркомпроса. Ильич расспрашивал меня постоянно о работниках моего аппарата, знал их, советовал использовать того или иного работника пополнее по той или иной линии. Постоянно спрашивал, как я о них забочусь, как у них с питанием, с детьми. Иногда оказывалось, что он изучает моих работников, которых в глаза никогда не видал, и знает их лучше, чем я.

Всегда спрашивал меня, как обстоит дело с кормежкой, есть ли у нас столовая и т. д. и т. п.

Немало записей сохранилось, показывающих, как Ильич заботился о работниках своего аппарата.

8 марта на заседании СНК Ильич пишет секретарю о члене коллегии ЦСУ Хрящевой:

«Если Хрящева далеко живет и пешком ходит, то ее жалко.

При случае и тактично объясните ей, что в дни, когда нет вопросов статистики, можно раньше уходить и даже не ходить»².

¹ ... ил В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 318. *Ред.*

² Там же, с. 267. *Ред.*

О материальном положении сотрудников Ильич заботился сугубо. Время такое было, что недоедали самые ответственные работники и их семьи. Выяснилось, что подголодывали А. Д. Цюрупа, Марков в НКПС и др.

8 августа 1919 года Владимир Ильич написал в Оргбюро ЦК письмо:

«Сейчас еще получил из *надежного* источника сообщение, что члены коллегий *голодают* (например, Марков в НКПС и др.). Настаиваю самым энергичным образом, чтобы Цека 1) предписал ЦИКу дать всем членам коллегий (и *близким* к этому положению) по 5000 рублей единовременного пособия; 2) перевести их всех постоянно на *максимум* специалиста. Ей-ей, нехорошо иначе: голодают и сами и семьи!! 100—200 человек надо подкормить»¹.

* * *

С конца апреля на Восточном фронте начался перелом: стала побеждать Красная Армия. Отняты были у белых Уфа, ряд других городов. Шло успешное наступление на Екатеринбург, на Пермь. В конце июня был оборудован агитационный пароход «Красная звезда», который должен был поехать по Волге до Камы, а потом подняться вверх по Каме, до которых пор будет возможно, потом спуститься вниз по Волге до того места, как позволит ход борьбы. Задачей «Красной звезды» было ехать по следам белых, вести агитацию, проводить линию, принятую на VIII съезде партии, закреплять всюду Советскую власть. Политкомом на «Красной звезде» был В. М. Молотов; на пароходе были кино, типография, радио, большой запас книг, были представители от ряда комиссариатов (я была от Наркомпроса), от профсоюзов.

Перед отъездом мы долго толковали с Ильичем, как и что надо будет делать, чем помогать населению, на каких вопросах больше всего останавливаться, во что особенно вглядываться. Ильича самого тянуло поехать, да нельзя было работы ни на минуту бросить. Накануне отъезда проговорили всю ночь, поехал Ильич провожать нас на вокзал, заказал регулярно писать ему, разговаривать с ним по прямому проводу. Я проехала по Волге и по Каме до Перми.

Вся работа шла под руководством Вячеслава Михайловича, собирал он нас перед каждой остановкой, сообща обсуждали, где что будем делать, на что напирать; после каждой остановки мы отчитывались в проделанной работе, делились впечатлениями. Мне эта поездка дала страшно много. После поездки было мне что рассказать Ильичу, и с каким громадным интересом он слушал, как не оставлял без внимания ни одной мелочи!

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 32. Ред.

Во время поездки приходилось без конца митинговать, выступать на многотысячных собраниях на Бондюжском заводе, на Воткинском, на Мотовилихе, в Казани, в Перми, в Чистополе, в Верхних Полянах и пр. Газета наша парходная подсчитала, что я 34 раза выступала. Не оратор я, но говорить приходилось перед рабочими, работницами, перед красноармейцами, перед крестьянами о том, что их волновало, что было им близко, о том, что их захватывало. Там, где побывали белые, ненависть к ним населения была безгранична. Никогда не забуду я митинга на Воткинском заводе, где белые перестреляли чуть не всех подростков, «отродье большевистское проклятое», — говорили они. И тысячный митинг, созданный нами на Воткинском заводе, весь рыдал, когда пели «Вы жертвою пали». В редкой семье не было убитого подростка. Не забуду я никогда рассказа о том, как засекали насмерть партизанок, учительниц, не забуду никогда о тех бесконечных насилиях, издевательствах, о которых рассказывали жители Прикамья, крестьяне-середняки по преимуществу.

Велика была темнота населения: крестьянки боялись еще отдавать ребят в ясли. Среди учительства велась ярая агитация против Советской власти. Я была свидетельницей такой агитации в Чистополе. Но близость сельских учителей и учительниц к крестьянской, к рабочей массе заставила многих из них идти с крестьянами, с рабочими. На Ижевском заводе из 96 инженеров с Колчаком бежали 95, а жена одного инженера, с которой мы когда-то учились в одном классе в гимназии и которая учительствовала в Ижевске, не ушла с мужем, а осталась с красными. «Как же я от рабочих уйду?» — говорила она мне при встрече.

Тогдашняя верхушечная интеллигенция уходила с белыми, переходила на сторону Колчака; у нас главными агитаторами были рабочие, работницы, красноармейцы. Близки они были к массам. При 2-й армии был один очень своеобразный агитатор: до Октябрьской революции он был попом, после Октября стал агитатором за большевиков. На пятитысячном красноармейском митинге в Перми он говорил о близости Советского правительства к массам: «Большевики — это теперешние апостолы». И когда ему задал вопрос какой-то красноармеец: «А как насчет крещения?» — он отвечал: «Подробно говорить надо часа два, а коротко сказать — один обман!» Убедительны были речи красных командиров из рабочих. Рассказывала я Ильичу об этом митинге, рассказывала, как один командир говорил: «Россия Советская непобедима на предмет квадратности и пространственности». Посмеялись мы, а потом в связи с падением Венгерской республики Ильич говорил, что, по существу дела, прав командир: в гражданскую войну нам было куда податься.

Приходил ко мне на пароход в Елабуге красный командир тов. Азин. Был он из казаков, был беспощаден к белым, к перебежчикам и отчаянно смел. Говорил он со мной главным образом о своей заботе о красноармейцах. Красноармейцы его любили. В этом году я получила письмо от одного красноармейца, бывшего с колчаковцами под его руководством (теперь он хозяйственник в Западной области). Какой горячей любовью к Азину дышит каждая строка его письма! Недавно член ЦИК тов. Пастухов рассказывал, как, когда еще Ижевск был занят белыми, ворвался туда под руководством Азина отряд красных на конях, гривы которых были заплетены красными лентами, и отбивал у белых ижевскую тюрьму, где сидели смертники (сидел там и 70-летний отец тов. Пастухова и его младший, 11-летний братишка; два других брата тов. Пастухова погибли на фронте). Потом тов. Азин на Нижней Волге попал в руки белых и был ими замучен.

Большое значение имела агитация «Красной звезды» в Татари, где население всеми силами поддерживало Советскую власть.

Владимир Ильич расспрашивал меня подробно обо всем; особенно интересовало его то, что я рассказывала о Красной Армии, о настроении крестьян, о настроении чувашей, татар, о том, как растет в массах доверие к Советской власти.

Вторая половина 1919 года была еще тяжелее первой. Особенно тяжелы были сентябрь, октябрь, начало ноября. Гражданская война разгоралась. Колчак был побежден, но белые решили овладеть центрами Советской власти — Москвой и Питером. С юга стал надвигаться Деникин, захвативший ряд важнейших пунктов на Украине, с запада стал продвигаться Юденич, подошел уже было к самому Питеру. Победы белых воодушевляли притаившихся врагов. В конце ноября в Петрограде была вскрыта контрреволюционная организация, связанная с Юденичем и субсидировавшаяся Антантой.

Все время, пока побеждали Деникин и Юденич, на имя Владимира Ильича приходила масса анонимных писем, содержащих в себе ругань, угрозы, карикатуры. Интеллигенция еще колебалась, на сторону Советской власти перешли лишь передовые ее слои, с Тимирязевым во главе. Анархисты, поддержанные эсерами, 25 сентября устроили в помещении МК РКП(б), в Леонтьевском переулке, взрыв, во время которого погиб ряд наших товарищей.

Кругом свирепствовали голод, нищета. Надо было крепить Красную Армию, поддерживать в ней боевое настроение, продумывать планы на военном фронте, нужно было обеспечить

снабжение хлебом Красной Армии, тыла, рабочих центров, надо было широко развертывать разъяснительную и агитационную работу, надо было весь управленческий аппарат строить по-новому — не по-старому, не по-бюрократически, а по-новому, по-советски, — нужно было подбирать кадры, учить их, вникать во все мелочи.

И хоть ни на минуту не ослабевала у Ильича уверенность в победе, но работал он с утра до вечера, громадная забота не давала ему спать. Бывало, проснется ночью, встанет, начнет проверять по телефону, выполнено ли то или иное его распоряжение, надумает телеграмму еще какую-нибудь добавочную послать. Днем мало бывал дома, больше сидел у себя в кабинете: приемы у него шли. Я в эти горячие месяцы видела его меньше обыкновенного, мы почти не гуляли, в кабинет заходить не по делу я стеснялась: боялась помешать работе.

Самым острым вопросом был вопрос о хлебе. Простая закупка хлеба в нужном количестве в тогдашних условиях, в условиях раздробленного мелкого крестьянского хозяйства, бешеной спекуляции, была просто неосуществима. Надо было внести в это дело известную плановость, провести ряд обязательных законов, мобилизовать на это дело подходящих людей. И не случайно, что 17 января 1919 года на должность народного комиссара продовольствия был назначен Александр Дмитриевич Цюрупа¹. Мы знали его уже давно, я была вместе с ним в ссылке в Уфе.

Отец его был мелким служащим (секретарем городской управы) в Аleshках, Таврической губернии. Родился Александр Дмитриевич в один год с Владимиром Ильичем, в 1870 году. Семья была большая — 8 человек, отец умер рано, мать зарабатывала шитьем, Александр Дмитриевич рано стал давать уроки. Он учился в народной школе, в городском училище и в среднем сельскохозяйственном училище. По профессии был агроном, хорошо знал сельское хозяйство, крестьянский быт. В тюрьму как революционер попал впервые в 1893 году, потом еще раз был арестован в 1895 году. С 1897 года служил статистиком в Уфе. Там он принадлежал к группе социал-демократов, которая вела активную работу среди железнодорожных рабочих, рабочих окружающих заводов; там мы вместе с ним вели работу. В Уфе он виделся два раза с приезжавшим ко мне Владимиром Ильичем, потом все время мы переписывались. Он писал в «Искру». Знали мы его как убежденного, горячего революционера. В 1901 году он организовал харьковскую первомайскую забастовку, в 1902 году работал в Туле, в группе, куда входили Софья Николаевна Смидович, Вересаев, брат Луначар-

¹ Народным комиссаром продовольствия А. Д. Цюрупа был утвержден с 25 февраля 1918 года. *Ред.*

ского. В 1902 году Александр Дмитриевич арестовывается в Самаре, в 1905 году работает опять в Уфе¹.

С 1914 года Александр Дмитриевич опять стал принимать активное участие в революционной большевистской работе. Ильич, очень хорошо умевший разбираться в людях, очень ценил Александра Дмитриевича. Это был очень скромный человек, не оратор, не писатель, но был он прекрасным организатором, практиком, знавшим дело, знавшим деревню. В то же время он был прекрасным революционером, не боявшимся трудностей, отдававшим всего себя работе, борьбе за дело, значение которого он до конца понимал. Он работал под руководством Ильича, который ценил его, заботился о его здоровье, о его отдыхе. Видя его усталым, заработавшимся, Ильич полупоту-полувсерьез делал ему выговоры за то, что он не бережет себя, не бережет «казенного имущества» (так называли мы на нашем семейном жаргоне преданных делу коммунистов). Любил Ильич Александра Дмитриевича и как товарища.

Продовольственная политика Советской власти заключалась в то время в организации хлебной монополии, т. е. в запрещении всякой частной торговли хлебом, в обязательной сдаче всего излишка хлеба государству по твердой цене, в запрещении утайки излишков, в строгом учете всех излишков хлеба, в безукоризненно правильном подвозе хлеба из мест избытка в места недостатка, в заготовке запасов на потребление, на посев. По существу дела, это был участок планового хозяйства, хозяйства социалистического, но вести его приходилось в условиях, когда самые основы хозяйства не были еще перестроены, когда крестьянское хозяйство оставалось еще хозяйством единоличным.

29—30 июля 1919 года Моссовет и Московский совет профсоюзов создали конференцию фабрично-заводских комитетов, представителей правлений профсоюзов, уполномоченных Московского центрального рабочего кооператива и совета общества «Кооперация» для организации в Москве единого потребительского общества. На конференции были и меньшевики и сторонники независимой кооперации. Владимир Ильич 30 июля выступил на этой конференции: он пожелал конференции успеха в работе, но усиленно подчеркивал, что все дело в том, удастся ли одержать победу в гражданской войне и перестроить по-новому весь общественный уклад, который даст кооперации правильное направление.

¹ Далее в рукописи: «...а в годы реакции, с 1907 по 1913 год работает управляющим в имении Кугушева. В мою бытность в Уфе, Кугушев работал в земстве, в 80-е годы он был участником кружка Благоева, сочувствовал социал-демократам, давал деньги на революционные цели, и вот Александр Дмитриевич договорился с Кугушевым, что все доходы с имения пойдут большевикам». *Ред.*

Он говорил о том, что лишь 20 месяцев тому назад имела место Октябрьская социалистическая революция и за это время, само собой, нельзя было перестроить весь старый уклад по-новому. Ильич говорил о том, что нужно побороть не только старые учреждения, не только помещиков и капиталистов, а надо побороть также привычки, воспитанные капитализмом, условиями мелкого крестьянского хозяйства, привычки, которые столетиями впитывались в каждого мелкого хозяина.

Теперь, когда у нас колхозное хозяйство стало господствующей формой хозяйствования, всякому понятно, о чем говорил Ленин; он говорил о замене единоличного хозяйства коллективным. Он говорил, что идет последний и решительный бой между капитализмом и социализмом, что только победа социализма поможет навсегда устранить голод, эксплуатацию, наживу одного на труде другого. Он говорил о том, что большевики встали на путь социалистической заготовки хлеба для обеспечения Красной Армии и рабочего населения. В первый год удалось заготовить лишь 30 миллионов пудов. «За следующий год, — говорил Владимир Ильич, — мы заготовили свыше 107 миллионов пудов, несмотря на то, что, в отношении военном и в отношении свободного доступа к наиболее хлебным территориям, мы в этот второй год были в более тяжелых условиях, ибо нам была совершенно недоступна не только Сибирь, но и Украина и большая часть далекого юга. Несмотря на это, как вы видите, наши хлебные заготовки утроились. С точки зрения работ продовольственного аппарата, это — крупный успех, но, с точки зрения обеспечения хлебом неземледельческих местностей, это — очень немного, потому что, когда были произведены точные обследования условий питания неземледельческого населения и, в особенности, рабочего населения городов, то оказалось, что рабочий весной и летом нынешнего года в городах приблизительно только половину продовольственных продуктов получает от Компрода, а остальное вынужден добывать на вольном рынке, на Сухаревке и у спекулянтов, причем за первую половину рабочий платит одну десятую долю всех своих расходов, а за вторую — девять десятых. Господа спекулянты, как и следовало ожидать, лупят с рабочего в 9 раз против той цены, которую берет государство за заготовленный хлеб. Если взять эти точные данные нашего продовольственного положения, то мы должны будем сказать, что наполовину, одной ногой, мы стоим в старом капитализме и только наполовину выкарабкались из этой трясины, из этого болота спекуляции и вышли на *дорогу действительно социалистических заготовок хлеба* (курсив мой. Н. К.), когда хлеб перестал быть товаром, перестал быть предметом спекуляции и предметом и поводом для грызни, для борьбы и для обнищания многих». И далее Ильич говорил: «Теперь идет решительная и послед-

няя борьба с капитализмом и со свободной торговлей, и для нас теперь происходит самый основной бой между капитализмом и социализмом. Если мы победим в этой борьбе, то возврата к капитализму и прежней власти, ко всему тому, что было раньше, уже не будет»¹.

В 1919 году в ряде речей, выступлений разъяснял Ильич рабочим, работникам, крестьянам, красноармейцам смысл, суть продовольственной политики Советской власти, говорил о коллективном хозяйстве. Жизнь подтвердила правильность взятой линии.

Кроме заботы о хлебе для Красной Армии, неустанно думал Ильич, как укреплять сплоченность, дисциплинированность Красной Армии. Он считал, что самый верный способ — это влить в ряды Красной Армии — крестьянской по составу — рабочих. Поэтому горячо приветствовал он питерских рабочих, едущих на фронт, в гущу борьбы, приветствовал за это московских рабочих. На рабочих он надеялся, придавал громадное значение выдвижению их на руководящие посты, на должности рабочих-комиссаров, красных командиров. Он призывал красноармейцев к сугубой бдительности. В письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком Ильич указывал: «...Помещики и капиталисты не уничтожены и не считают себя побежденными: всякий разумный рабочий и крестьянин видит, знает и понимает, что они только разбиты и попрятались, попритаились, перерядились очень часто в «советский» «защитный» цвет. Многие помещики пролезли в советские хозяйства, капиталисты — в разные «главки» и «центры», в советские служащие; на каждом шагу подкарауливают они ошибки Советской власти и слабости ее, чтобы сбросить ее, чтобы помочь сегодня чехословакам, завтра Деникину.

Надо всеми силами выслеживать и вылавливать этих разбойников, прячущихся помещиков и капиталистов, во *всех их прикритиях*, разоблачать их и карать беспощадно, ибо это — злейшие враги трудящихся, искусные, знающие, опытные, терпеливо выжидающие удобного момента для заговора; это — саботажники, не останавливающиеся ни перед каким преступлением, чтобы повредить Советской власти. С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми, надо быть беспощадным.

А чтобы уметь ловить их, надо быть искусным, осторожным, сознательным, надо внимательнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти. Помещики и капиталисты сильны не только своими знаниями и своим опы-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 118—119, 124—125. Ред.

том, не только помощью богатейших стран мира, но также и силой привычки и темноты широких масс, которые хотят жить «по старинке» и не понимают необходимости соблюдать строго и добросовестно законы Советской власти»¹.

Этот призыв к бдительности многих пугал. Немало рассказывали Ильичу о том, как расправлялись красноармейцы иной раз с тем или иным дельным командиром то за то, что он из бар, то приказ его какой-нибудь не понравится, то из-за мелочи какой. Иные рассказывали с усмешкой, говорившей: «Вон-де ваши разлюбезные красноармейцы какие!»

Конечно, много случаев бывало, что не за то винули, за что надо, не того винули, кого надо: мешал разобраться недостаток знаний, старые мелкособственнические мерилы того, что хорошо, что плохо, анархический подход к целому ряду вопросов. И Ильич налегал на нас, просвещенцев, требовал, чтобы шире организовывали учебу среди взрослых рабочих, крестьян, красноармейцев, не формально подходили к учебе, не по-казепному, а ширили горизонт учащихся, прощитывали всю учебу духом партийности. Требовал, чтобы всеми путями открывали доступ к высшему образованию тем, кому были раньше эти пути заказаны.

Как раз в 1919 году проведен был ряд приказов, открывавших для всех доступ в вузы, организованы рабфаки, устраивались многочисленные рабочие курсы, в 1919 году организована первая совпартшкола.

Придешь, бывало, к Ильичу — он в конце 1919 года имел очень плохой вид (сохранилось одно фото его — он на курсы идет, там видно, как плохо он тогда выглядел): усталый, озабоченный. Придешь, он молчит. Знала я, что для того, чтобы разговорить его, перебить ему настроение, надо рассказать ему что-нибудь характерное из жизни рабфаковцев, из жизни совпартшколы. Рассказывать было что. Его интересовало, как растет у людей сознание, как растет понимание задач, стоящих перед ними. Много приходилось говорить с Ильичем на эти темы.

В Питере была проведена 10—17 августа «партийная неделя»; одновременно проводилась, согласно постановлению VIII съезда партии, перерегистрация членов партии, затянувшаяся до конца сентября. От 8 до 15 октября имела место «партийная неделя» в Москве.

11 октября пишет Владимир Ильич статью «Государство рабочих и партийная неделя», где как-то особо ярко вылился взгляд Ильича на партию, на то, каким должен быть новый, советский аппарат и как важно привлечь в аппарат побольше сил из рядов рабочих и трудящегося крестьянства.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 155. Ред.

«Партийная неделя в Москве совпала с трудным временем для Советской власти, — писал в этой статье Ильич. — Успехи Деникина вызвали отчаянное усиление заговоров со стороны помещиков, капиталистов и их друзей, усиление потуг буржуазии посеять панику, подорвать всяческими средствами твердость Советской власти. Колеблющиеся, шаткие, несознательные обыватели, а с ними интеллигенты, эсеры, меньшевики, стали, как водится, еще более шаткими и первые дали себя запугать капиталистам.

Но я считаю, что совпадение партийной недели в Москве с трудным моментом скорее для нас выгодно, ибо для дела полезнее. Нам нужна партийная неделя не для парада. Показных членов партии нам не надо и даром. Единственная правительственная партия в мире, которая заботится не об увеличении числа членов, а о повышении их качества, об очистке партии от «примазавшихся», есть наша партия — партия революционного рабочего класса. Мы не раз производили перерегистрацию членов партии, чтобы изгнать этих «примазавшихся», чтобы оставить в партии только сознательных и искренне преданных коммунизму. Мы пользовались и мобилизациями на фронт и субботниками, чтобы очистить партию от тех, кто хочет только «попользоваться» выгодами от положения членов правительственной партии, кто не хочет нести тягот самоотверженной работы на пользу коммунизма.

И теперь, когда производится усиленная мобилизация на фронт, партийная неделя хороша тем, что не дает соблазна желающим примазаться. В партию мы зовем в широком числе только рядовых рабочих и беднейших крестьян, крестьян-тружеников, а не крестьян-спекулянтов. Этим рядовым членам мы не сулим и не даем никаких выгод от включения в партию. Напротив, на членов партии ложится теперь более тяжелая, чем обычно, и более опасная работа.

Тем лучше. Пойдут в партию только искренние сторонники коммунизма, только добросовестно преданные рабочему государству, только честные труженики, только настоящие представители угнетавшихся при капитализме масс.

Только таких членов партии нам и надо.

Не для рекламы, а для серьезной работы нужны нам новые члены партии. Их мы зовем в партию. Трудящимся мы открываем широко ее двери¹.

И дальше Ильич повторял то, что говорил уже на похоронах Якова Михайловича Свердлова, что среди рядовых рабочих и крестьян очень много организаторских и административных талантов. К ним обращался он с призывом братья за социалистическое строительство: «Если вы искренний сторонник ком-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 224—225. Ред.

мунизма, беритесь смелее за эту работу, не бойтесь повизны и трудности ее, не смущайтесь старым предрассудком, будто эта работа подсылна только тем, кто превзошел казенное образование»¹.

Статья кончалась словами: «Масса трудящихся за нас. В этом наша сила. В этом источник непобедимости всемирного коммунизма»².

Неустанно обращался Ильич в это трудное время с речами, со статьями к рабочим, к красноармейцам. Его слова воодушевляли: ярославские, владимирские, иваново-вознесенские рабочие массами шли на фронт. «...Сила *сочувствия* рабочих и крестьян своему авангарду оказалась *одна* в состоянии *творить чудеса*, — писал Ильич.

Ибо это — чудо: рабочие, перенесшие неслыханные мучения голода, холода, разрухи, разорения, не только сохраняют всю бодрость духа, всю преданность Советской власти, всю энергию самопожертвования и героизма, но и берут на себя, несмотря на всю свою неподготовленность и неопытность, бремя управления государственным кораблем! И это в момент, когда буря достигла бешеной силы...

Таковыми чудесами полна история нашей пролетарской революции. Такие чудеса приведут, наверное и непременно, — каковы бы ни были отдельные тяжелые испытания, — к полной победе всемирной Советской республики»³.

Молодежь загоралась тоже желанием идти на фронт. Мы, политпросветчики, много возились тогда с первой советской партийной школой, где старались дать молодежи не «казенную» учебу, которую так ругал Ильич, а знания, которые вооружали бы ее пониманием совершающихся событий. Мы ужасно были рады, что 24 октября 1919 года на выпуск нашей первой совпартишколы приехал Ильич.

«Товарищи! — начал он свою речь. — Вы знаете, что сегодня собрало нас вместе не только желание отпраздновать окончание большинством из вас курсов советской школы, но также то обстоятельство, что около половины всего вашего выпуска приняло решение отправиться на фронт для того, чтобы оказать новую, экстраординарную и существенную помощь борющимся на фронте войскам».

Рассказав без всяких прикрас о тяжелом положении на фронтах, Ильич продолжал:

«Вот почему, как ни тяжела для нас эта жертва, — посылка на фронт сотен курсантов, собранных здесь и заведомо необходимых для работы в России, — мы тем не менее согласились на ваше желание»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 226. *Ред.*

² Там же. *Ред.*

³ Там же, с. 234—235. *Ред.*

⁴ Там же, с. 239, 245. *Ред.*

Рассказав о борьбе, которая идет на фронте, Ильич говорил о работе, которая предстояла нашим совпартшкольцам: «Для тех, кто отправляется на фронт, как представители рабочих и крестьян, выбора быть не может. Их лозунг должен быть — смерть или победа. Каждый из вас должен уметь подойти к самым отсталым, самым неразвитым красноармейцам, чтобы самым понятным языком, с точки зрения человека трудящегося, объяснить положение, помочь им в трудную минуту, устранить всякое колебание, научить их бороться с многочисленными проявлениями саботажа, вялости, обмана или измены. Вы знаете, что еще много таких проявлений в наших рядах и в командном составе. Тут нужны те, кто прошел известный курс науки, понимает политическое положение и умеет оказать помощь широким массам рабочих и крестьян в их борьбе с изменой или саботажем. Кроме личной смелости Советская власть ждет от вас, чтобы вы оказали всестороннюю помощь этим массам, чтобы вы прекратили всякие колебания среди них и показали, что у Советской власти есть силы, к которым она прибегает во всякую трудную минуту»¹.

Совпартшкольцы оправдали оказанное им доверие.

Речь Ильича была установкой и для всех наших политпросветчиков.

Ильич не только на митингах говорил о том, что его волновало, но и дома, особенно тогда, когда приходил кто-нибудь из близких товарищей. В конце 1919 года к нам часто стала приходиться Инесса Арманд, с которой Ильич особенно любил говорить о перспективах движения. У Инессы старшая дочь уже побывала на фронте, чуть не погибла во время взрыва 25 сентября в Леонтьевском переулке. Помню, как Инесса пришла к нам однажды с младшей дочерью, Варей, совсем молодой тогда девушкой, потом ставшей преданнейшим членом партии. И Ильич при них, как я по старинке выражалась, «полки разводил»; помню, я, как поблескивали глаза у Варюшки. Любил «разводить полки» Ильич и с нашей тогдашней домашней работницей Олимпиадой Никаноровной Журавлевой, матерью писательницы Борецкой. Олимпиада Никаноровна работала раньше на Урале простой работницей на железодельном заводе, потом уборщицей в редакции «Правды». Ильич находил, что у ней силен пролетарский инстинкт. И сидючи в кухне (Ильич по старой привычке любил обедать, ужинать, пить чай в кухне), любил потолковать с Олимпиадой Никаноровной о грядущих победах.

Ильич не ошибся: двухлетнюю годовщину Советской власти мы встретили победами.

Когда Деникин в начале октября подходил к Орлу, ЦК

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 246—247. Ред.

РКП(б) направил на Южный фронт в качестве члена реввоенсовета тов. Сталина. Сталин выдвинул новый план наступления, который был принят ЦК. Владимир Ильич целиком поддержал его. На Южном фронте быстро начался перелом. 19 октября под Воронежем наши рубили генерала Шкуро и Мамонтова, 20-го был обратно взят Орел, 21 октября началось в пулковских боях поражение двигавшегося на Питер Юденича.

Ко дню Октябрьской революции Ильич написал горячий привет питерским рабочим, написал в «Правду» статью «Советская власть и положение женщины»¹, написал в «Бедноту» статью для крестьян «Два года Советской власти»².

7 ноября Ильич выступал на объединенном собрании ВЦИК, Моссовета, ВЦСПС и фабрично-заводских комитетов с докладом «Два года Советской власти». Ильич не любил выступать на торжественных заседаниях, и речь его и на этом собрании не носила агитационного характера: она была чисто деловая. Но самое содержание ее волновало, зажигало присутствующих, вызывало бурные аплодисменты.

Ильич говорил о том, что самое важное достижение за минувшие два года Советской власти — это «...урок строительства рабочей власти... участие рабочих в общем управлении государством...». «...Самую важную работу мы проделали в области перестройки старого государственного аппарата, и хотя трудна была эта работа, но мы в течение двух лет видим результаты усилий рабочего класса и можем сказать, что мы в этой области имеем тысячи представителей рабочих, которые прошли весь огонь борьбы, шаг за шагом выталкивая представителей буржуазной власти. Мы видим рабочих не только у государственного аппарата, но мы видим представителей их в продовольственном деле, в той области, где были почти исключительно представители старого буржуазного правительства, старого буржуазного государства. Рабочими создан продовольственный аппарат...»³ — говорил Ленин. Вместо 30% представителей рабочих в аппарате за 1919 год стало 80%.

Продельвается самая важная работа, говорил также Ильич, — это работа по созданию вождей пролетариата. Они создаются на фронте, во всех областях управления. Ильич указывал на роль субботников, на роль приема рабочих в партию. Только по Москве в «партийную неделю» было принято свыше 14 тысяч новых членов партии. Говорил Ильич о том резерве, который представляет собой рабоче-крестьянская молодежь, воспитанная в условиях происходящей борьбы. Но самое главное, говорил Ильич, на что надо обратить внимание, это на создание правильных отношений с многомиллионным крестьянством, на не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 285—288. *Ред.*

² Там же, с. 289—291. *Ред.*

³ Там же, с. 294, 296. *Ред.*

обходимость вестп среди крестьянства широкую разъяснительную работу. Говорил, как гражданская война раскрывает глаза крестьянину на истинное положение вещей.

Спокойно говорил Ильич. Построение у всех было приподнятое.

Вл. Маяковский, которым так увлекались тогда политпросветработники, выразил общее построение в своем стихотворении, посвященном второй годовщине Октябрьской революции:

Пусть
хотя бы по капле,
по две
ваши души в мир волются
и растят
рабочий подвиг,
именуемый
«Революция».
Поздравители
не хлопают дверью?
Им
от страха
небо в овчину?
И не падо.
Сотую —
верю! —
встретим годовщину.

Когда мы встречали двадцатую годовщину Октябрьской революции, подытоживали достижения на фронте социалистической стройки, записанные в Новой Конституции Советского Союза, все вспоминали Ильича, его слова, его установки.

Впервые напечатано отдельными изданиями: в 1925 г., изд.-во газеты «Правда» (главы 1—3 I части); в 1926 г., Госиздат (главы 1—6, 8 I части); в 1930 г., Госиздат (I часть полностью); в 1931 г., Соцэкгиз (II часть); в 1934 г., Партиздат (III часть); журнал «Большевик», 1936, 1937 и 1938 гг. (1918 и 1919 гг.)

Печатается по книгам: Крупская П. К. Воспоминания о Ленине. Части I и II. М., Партиздат, 1933, 292 с.; Крупская П. К. Воспоминания о Ленине. Часть III. М., Партиздат, 1934, 54 с.; журналу «Большевик», 1936, № 2, с. 50—72; 1937, № 2, с. 23—40; 1938, № 2, с. 44—51, сверенным с рукописями и первыми публикациями

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА В ГОРКАХ В 1923 году¹

С июля шло выздоровление, и в связи с этим совершенно изменилось настроение. Владимир Ильич много шутил, смеялся, даже напевал иногда «Интернационал», «Червоный штандарт», «В долине Дагестана».

В Большом доме мы устроили Владимира Ильича так, как он хотел, в той комнате, в которой он жил раньше, до болезни — самой скромной во всем доме, — сняли со стен картины, поставили ширму, поставили кресло, столик. Комната и теперь стоит так, как была. Кресло стояло против окна, а из окна было видно село Горки. Как-то раз (кажется, в декабре 1920 года)² Ильич был в Горках. В самую большую избу набились все хозяева деревни, негде было яблоку упасть, Ильич делал доклад, а после долго беседовал с собравшимися. Заботился он потом о том, чтобы провели электричество в Горки (что и было сделано), чтобы давали крестьянам семена, рассаду, машины.

Последние месяцы Владимир Ильич любил, когда он сидит и занимается, чтобы были у него перед глазами Горки.

К этому времени у меня явилась надежда на выздоровление. Я рассказала Владимиру Ильичу, как умела, почему я думаю, что он выздоровеет. И говорили мы еще о том, что надо запастись терпением, что надо смотреть на эту болезнь все равно как на тюремное заключение. Помню, Екатерина Ивановна³, сестра милосердия, возмутилась этим моим сравнением: «Ну, что пустяки говорите, какая это тюрьма». Я говорила о тюрьме вот почему. Помнила я, как сидел Владимир Ильич в 1895 году в тюрьме. Он развил там колоссальную энергию. Кроме того, что он в тюрьме работал — подбирал и обрабатывал материалы к своей книжке «Развитие капитализма в России», писал листки, написал нелегальную брошюру «О стачках», руководил из тюрьмы работой организации, — он связался и с

¹ Заголовок дан подготовителями. *Ред.*

² Поездка в село Горки состоялась 9 января 1921 года. *Ред.*

³ Е. И. Фомина. *Ред.*

товарищами по тюрьме, завел с ними обширную переписку (письма писались молоком и лимоном в книжках между строк); бодростью и заботой о товарищах дышало каждое его письмо... «Затыкайте фортку тряпкой, чтобы не дуло...», надо позаботиться о том-то, тому-то нужна такая-то книжка и т. д. и т. п.

В 1914 году Владимира Ильича арестовали в Галиции по подозрению в том, что он русский шпион. Арестовали и посадили в местную тюрьму в местечке Новы Тарг. Очутился он вместе с сидевшими там раньше «преступниками». Большинство было темных, забытых крестьян: кто не выполнил каких-то формальностей, у кого документы оказались не в порядке, кто каких-то налогов не внес. Сидели там и местные протестанты, имевшие мужество восставать против сильных и подведенные теми под тюрьму. И в их среду внес Владимир Ильич бодрость. Во время свиданий он передавал: надо найти защитника для такого-то, позаботиться о семье такого-то... Он писал им заявления, растолковывал, что надо делать. «Бычий хлопок» — прозвали его сидевшие в тюрьме крестьяне, т. е. крепкий, сильный.

Потому-то я и говорила Владимиру Ильичу, что болезнь надо рассматривать как тюрьму, когда человек поневоле на время выпадает из работы.

И Владимир Ильич переносил свою болезнь так же бодро, как раньше он переносил тюрьму. Был и тут таким же «бычьим хлопцем».

Как в тюрьме, Владимир Ильич все время заботился о других, смотрел, есть ли валенки у санитаров, когда кто из них приезжал, спрашивал, покормили ли их. Раз Мария Ильинична была в Москве, приехал Николай Семенович¹, и я не позаботилась, чтобы его тотчас покормили. Владимир Ильич потребовал, чтобы его подвезли к буфету, вынул оттуда масло, сыр, хлеб, поставил Николаю Семеновичу и потом укорительно начал головой: «Что же, мол, не позаботилась». Как заботливо угощал он В. Шумкина, старого партийного товарища, рабочего, приезжавшего к нам в Краков за литературой и живущего теперь в Горках.

Как заботился он о сапожнике, делавшем ему специальные сапоги и приезжавшем для примерки.

Когда ездил на прогулку за пределы сада, Владимир Ильич особенно как-то старательно кланялся встречавшимся крестьянам, рабочим, малярам, красившим в совхозе крышу. И к детям был внимателен и ласков Владимир Ильич. Когда осенью жил у нас племянник Владимира Ильича Витя², шестилетний мальчик, с товарищем Лешей Павловым, какими ласковыми глазами следил Ильич за ребятами, внимательно прислушивался

¹ Н. С. Попов — врач, дежуривший у В. И. Ленина во время его болезни. *Ред.*

² Сын Д. И. Ульянова — В. Д. Ульянов. *Ред.*

к их детской болтовне, ласково смеялся, смотрел, как слушают они сказки, заботился, чтобы ничем их не стесняли.

Владимир Ильич не любил, когда его «развлекали», тяготился этим. Но, если видел, что что-либо доставляет удовольствие другим, охотно шел на это. Так было с грибами, с кинематографом, со стереоскопом.

Начав заниматься, Владимир Ильич скоро установил, что про себя он может читать. И тогда (это было 10 августа) он настоял, чтобы ему давали газету. Газету он читал ежедневно, вплоть до дня смерти, сначала «Правду», а потом просматривал и «Известия». Мы очень боялись волнующего влияния газеты, но отнять у Ильича газету, лишить его этой связи с миром было невысказано. Установился такой порядок: после того как Владимир Ильич сам просматривал газету, я прочитывала ему телеграммы, передовицу, статьи по его указанию. Сам он очень быстро ориентировался в газете, что прямо поразило докторов, и не позволял пропускать ничего существенного. Раз я пропустила про покушение на дочь тов. Раппопорта и была в этом уличена. Мы не торопились рассказывать о смерти Воровского, но незадолго до начала процесса Владимир Ильич разыскал в газете упоминание об убийстве и спросил, в чем дело. С громадным вниманием и напряжением выслушал он сообщение об убийстве и потом все время внимательно следил за процессом. В связи с чтением газеты Владимир Ильич постоянно спрашивал меня то о том, то о другом товарище, посылал — если я не знала сама — справиться по телефону. Спрашивал также о Потресове, об Аксельроде, о Станиславе Вольском, о Богданове. В связи с Аксельродом спросил о Мартове. Я сделала вид, что не поняла. На другой день он спустился вниз в библиотеку, в эмигрантских газетах разыскал сообщение о смерти Мартова и укорительно показал мне. Спрашивал о Горьком и волновался, прочтя известие об его болезни. Он внимательно следил за библиографией, указывая книги, которые надо достать ему, разыскал в объявлениях извещение о выходе в Петрограде «Звезды» с его статьей, раньше нигде не напечатанной. Просил достать вновь вышедшую книжку «о мясниковщине». Статьи он выбирал так, как выбирал бы здоровый. Просил читать ему вслух лишь то, что содержало фактический материал, просил, например, прочесть заметку о финансовых реформах Гильфердинга, статью о гарантийном банке, статью Ларина о калькуляции Госиздата, сообщения о Германии, Авглии, в особенности. Агитационные статьи перечитывать не просил. Очень я боялась партдискуссии. Но Владимир Ильич захотел ознакомиться лишь с основными документами, и только, когда началась партконференция, просил читать отчет весь подряд. Когда в субботу Владимир Ильич стал, видимо, волноваться, я сказала ему, что резолюции приняты единогласно. Суббота и воскресенье

ушли у нас на чтение резолюций. Слушал Владимир Ильич очень внимательно, задавая иногда вопросы. Газета облегчала отгадывание вопросов Владимира Ильича. Отгадывать было возможно потому, что, когда жизнь прожита вместе, знаешь, что какие ассоциации у человека вызывает. Говоришь, например, о Калмыковой и знаешь, что вопросительная интонация слова «что» после этого означает вопрос о Потресове, о его теперешней политической позиции. Так сложилась у нас своеобразная возможность разговаривать.

Кроме газеты читали и книжки. Нам присылали все вновь выходящие книжки. Владимир Ильич просматривал входящие пачки и отбирал те книги, которые его интересовали, — о Ноте¹, о финансах, сочинения Воровского, Троцкого, литературу, связанную с партинскусней, «Под знаменем марксизма», новую хрестоматию: «Красный сказ», Хрестоматию классовой борьбы, Коваленского «Сегодня и завтра», Замысловской «За сто лет», атласы, справочники.

Он любил, чтобы вечером читать ему что-нибудь вслух: читали усиленно Демьяна Бедного, стихи из сборника революционных стихотворений, Бераиже. Читали несколько вечеров подряд «Мои университеты» Горького — сначала Владимир Ильич просил прочесть о Короленко, потом читали и другие статьи, помещенные в этой книжке. Отложил Владимир Ильич себе рассказ Джека Лондона, попробовали читать, но сразу наткнулись на подкрашенный такой махровой буржуазной моралью рассказ, что Владимир Ильич только засмеялся и рукой махнул.

Читал и сам. Тов. Хаймо из Коминтерна передал Владимиру Ильичу стенной календарь, изданный Коминтерном. Владимир Ильич подолгу рассматривал этот календарь. Смотрел также дружеские шаржи Дени и всякие иллюстрации, которые раздобывала ему Мария Ильинична.

Со свиданиями дело налаживалось плохо — раньше всего он случайно встретился с Евгением Алексеевичем Преображенским, очень обрадовался, но на вопрос, доволен ли он, покачал головой. Виделся с Евгением Алексеевичем еще раз, потом два раза с Иваном Ивановичем Скворцовым, с Пятницким, с Воропским, с Шумкиным, Панковым (крестьянином, ставящим в Горках хозяйство), с богородскими рабочими, с Крестинским. Каждое свидание волновало Владимира Ильича. На вопрос, не хочет ли он повидать еще кого-нибудь из товарищей, близких связанных по работе, он отрицательно качал головой, знал, что это будет непомерно тяжело. Но он очень охотно слушал рассказы о них. После каждой поездки в город надо было рассказать, что делала и кого видела. Каждый раз — я ездила в Москву редко, обычно раз в неделю, после обеда — Владимир Ильич да-

¹ *НОТ* — научная организация труда. *Ред.*

вал поручения. В начале октября Владимир Ильич раз собрался со мной ехать в город. Тогда врачи боялись, как бы он не захотел там остаться, и потому мы всячески отговаривали его от поездки, но в один прекрасный день он отправился в гараж, сел в машину и настоял, чтобы ехать в Москву¹. Там он обошел все компаты, зашел к себе в кабинет, заглянул в Совнарком, потом захотел поехать по городу — ездили мимо сельскохозяйственной выставки. Разобрал свои тетрадки, отобрал три тома Гегеля, взял их с собой... На другой день стал торопить ехать обратно в Горки.

Больше разговора о Москве не было.

В автомобиле в сентябре и октябре ездили много. Владимир Ильич любил лес, простор и охотно ездил на прогулки, указывая, куда надо ехать. Местность он хорошо знал. Зимой в солнечные дни тоже ездили в лес; товарищи брали с собой ружья, раза два брали с собою собак. Видели несколько раз лису, зайчишку. Владимир Ильич любил эти поездки, но нас с Марией Ильиничной не брал с собой.

Печатается по рукописи

¹ Поездка в Москву состоялась 18—19 октября 1923 года. *Ред.*

РЕЧЬ
НА ТРАУРНОМ ЗАСЕДАНИИ
II ВСЕСОЮЗНОГО
СЪЕЗДА СОВЕТОВ
26 ЯНВАРЯ 1924 года

Товарищи, то, что я буду говорить, меньше всего будет напоминать какую-нибудь парламентскую речь. Но, так как я говорю к представителям республик трудящихся, к близким, дорогим товарищам, которым предстоит строить жизнь на новых началах, то поэтому, товарищи, думается, я не должна связывать себя никакими условностями.

Товарищи, за эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную, минуту. Я говорю об этом потому, что это чувство он получил в наследство от русского героического революционного движения. Это чувство заставило его страстно, горячо искать ответ на вопрос: каковы должны быть пути освобождения трудящихся? Ответы на свои вопросы он получил у Маркса. Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу как человек, ищущий ответа на мучительные настоятельные вопросы. И он нашел там эти ответы. С ними пошел он к рабочим.

Это были 90-е годы. Тогда он не мог говорить на митингах. Он пошел в Петроград в рабочие кружки. Пошел рассказывать то, что он сам узнал у Маркса, рассказать о тех ответах, которые он у него нашел. Пришел он к рабочим не как надменный учитель, а как товарищ. И он не только говорил и рассказывал, он внимательно слушал, что говорили ему рабочие. И питерские рабочие говорили ему не только о порядках на фабриках, не только об угнетении рабочих. Они говорили ему о своей деревне.

В зале Дома Союзов, у гроба Владимира Ильича, я видела одного из рабочих, который был тогда в кружке у Владимира Ильича. Это — тульский крестьянин. И вот этот тульский крестьянин, рабочий Семянниковского завода, говорил Владимиру

Ильичу: «Тут, — говорит, — в городе мне все трудно объяснить, пойду я в свою Тульскую губернию и скажу все, что вы говорите; я скажу своим родным, другим крестьянам. Они мне поверят. Я ведь свой. И тут никакие жандармы нам не помешают».

Мы вот теперь много говорим о смычке между рабочими и крестьянами. Эта смычка, товарищи, дана самой историей. Русский рабочий одной стороной своей — рабочий, а другой стороной — крестьянин. Работа среди питерских рабочих, разговоры с ними, внимательное прислушивание к их речам дало Владимиру Ильичу понимание великой мысли Маркса, той мысли, что рабочий класс является передовым отрядом всех трудящихся и что за ним идут далее трудящиеся массы, все угнетенные, что в этом его сила и залог его победы. Только как вождь всех трудящихся рабочий класс может победить. Это понял Владимир Ильич, когда он работал среди питерских рабочих. И эта мысль, эта идея освещала всю дальнейшую его деятельность, каждый его шаг. Он хотел власти для рабочего класса. Он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся; он понимал, что историческая задача рабочего класса — освободить всех угнетенных, освободить всех трудящихся. Эта основная идея наложила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича.

Товарищи представители советских республик, республик трудящихся! К вам обращаюсь я и прошу эту идею Владимира Ильича особенно близко принять к сердцу.

Я хочу сказать, товарищи, последние несколько слов. Товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной.

Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое Ленину знамя, знамя коммунизма!

Товарищи рабочие и работницы, товарищи крестьяне и крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма!

Впервые напечатано 27 января 1924 г. в газете «Правда» № 22.

Печатается по кн.: Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений, изд. 3-е. М., Политиздат, 1971, с. 15—16, свереной с газетой

ОБЛИК ЛЕНИНА КАК ЧЕЛОВЕКА

Облик Ленина как человека чрезвычайно интересует молодежь. Я хочу сегодня остановиться на этом вопросе.

Мы знаем, строительство социализма заключается в перестройке не только промышленности и сельского хозяйства, но и люди становятся иными. В каком направлении меняется облик людей?

Когда в 90-х годах стали возникать в студенческой среде марксистские кружки, вначале очень горячо обсуждался вопрос о роли личности в истории. Читали статью Михайловского «Герои и толпа». Тогда большинство даже передовых деятелей считало, что двигателями прогресса являются критически мыслящие личности, герои, за которыми идет безличная серая масса, толпа. «Толпа» трактовалась безразлично к тому, была ли это толпа рабочих, крестьян, солдат, обывателей. Просто непросвещенная масса. Эта масса лишь подражает, ведут ее герои. Толпа — это нечто слепое. Толпу ведут за собой люди, умеющие производить на толпу впечатление, гипнотизировать и увлечь ее. Помню, как мы, молодые марксисты, возмущались этой статьей Михайловского, этим презрением к массе.

Корни подобных взглядов уходили в далекое прошлое. В начале XIX в. господствующим классом у нас в стране было дворянство. Для дворянства крестьянство являлось толпой рабов, темной, пригодной только на то, чтобы покорно слушаться своих благодетелей — господ. Господа не знали своих рабов, не интересовались ими как людьми, для них это была «черьнь». Идеи Великой французской революции, которая смела дворянство и развязала руки буржуазии, проникали и в Россию: особенно много для их проникновения сделало вторжение французских войск 1812 года. Но эти идеи, направленные против крепостнических пут, не доходили до крестьянства, а проникали лишь в высшие слои дворянства. Они не могли увлечь дворянство как класс, ибо были прежде всего направлены про-

тив него. Они увлекали лишь отдельных представителей этого класса, но и для последних эти идеи не являлись, не могли являться руководством к действию, да и преломлялись они в их умах весьма своеобразно. Эти идеи давали увлекавшимся ими лицам из дворянского сословия лишь известное развитие, которое поднимало их над окружающей средой. Эти люди чувствовали себя одинокими, непонятыми.

По существу же дела, их взгляды на жизнь, на труд, на взаимоотношения людей, на любовь, на дружбу, на трудящуюся массу оставались глубоко собственническими, хотя и облекались иногда в новую фразеологию. В русской литературе это явление довольно ярко отражено в произведениях Пушкина и Лермонтова. Культ личности, погоня за славой, любовь — глубокая страсть, дающая сильные переживания, трактовка предмета любви как собственности, дикая ревность, дружба...

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор,—

писал Пушкин. Масса — чернь. Пушкин описывал, как вдохновенный поэт бряцал на лире, «а вокруг народ непросвещенный ему бессмысленно внимал».

Идеи буржуазной свободы, докатывавшиеся с Запада, оставляли нетронутой эту собственническую психологию потому, что и психология самой буржуазии насквозь была собственнической, индивидуалистической. Да и идеи о свободе носили весьма неопределенный, поверхностный характер. И лишь незначительная группка дворян из военной среды, наиболее близко соприкасавшаяся с Западом, попыталась положить конец царскому самовластью. Попытка декабристов потерпела поражение, и не могла не потерпеть его, потому что не опиралась ни на какое массовое революционное движение.

Нарождавшиеся в стране капиталистические формы хозяйствования, развитие промышленности разлагали феодальный уклад, безмерно обостряя эксплуатацию крестьянства, безвыходное положение которого доводило его до стихийных бунтов. Создавалась почва для революционного движения. На этот раз носителем революционных идей была разночинная интеллигенция. Она уже не смотрела свысока на крестьянские массы. Она, напротив, идеализировала их, не замечала их мелкобуржуазной классовой сущности, сбрасывала со счетов крестьянскую мелко-собственническую психологию, разобщенность крестьянства, вытекавшую не из разбросанности его, не из бездорожья, а из всего жизненного уклада мелкого собственника, державшегося правила: «Каждый за себя, а господь бог за всех». Мелкособственническая психология не противостояла дворянско-собствен-

ническим взглядам на семью, любовь, не противостояла культура личности, культу героев.

Пролетариат у нас еще тогда не сложился как класс, а крестьянство было темно и бессильно, и это наложило печать на наше революционное движение. Оно держалось на героизме революционных одиночек, отдававших свою жизнь за «народ», а «народ» стоял в стороне и не понимал их. Так и дожили мы до 90-х годов. В 90-е годы гуляла теория Михайловского, в которой причудливо переплеталось барское презрение к толпе с культом героев-революционеров.

Молодые марксисты 90-х годов глубоко возмущались такой постановкой вопроса. Они расшифровывали понятие «народ», они видели движущую силу революции в рабочем классе, в нем видели вождя всех трудящихся, а роль «личности» в истории они видели в том, что «личность» должна как можно ближе стать к рабочему классу, включиться в его борьбу, его дело должно стать ее делом. Революционный марксист не противопоставлял себя рабочей массе, он ставил своей задачей как можно лучше суметь выразить то, что передовая часть рабочего класса думает, чувствует, к чему стремится.

Марксизм неразрывно связан с изменением взглядов не только на движущую силу революции, он изменяет в корне старые, собственнические и мелкособственнические взгляды на семью, женщину, на детей, на условия их развития, воспитание, на цели воспитания. Отрицая частную собственность на средства производства, марксизм отрицает и взгляд на жену и детей как на собственность. Революционный марксист прежде всего коллективист, и это меняет в корне его отношение к окружающим людям. Буржуазный «индивидуалист» — глубокий эгоист — ставит на первый план свои личные интересы, он не умеет относиться к другому человеку, хотя бы самому близкому, как к товарищу, как к другу.

Дружбу он понимает по Пушкину («легкий пыл похмелья» и пр.). Дружба, такая, как между Марксом и Энгельсом, ему не доступна, не понятна. Ему непонятно, как много дает человеку совместная работа, каким источником радости является для него общение в работе над общим делом, как растет он на коллективной работе и как много дает другим. Коллектив — не обезличка. Правильно организованный, правильно целеустремленный коллектив — это нечто такое, в чем человек не растворяется, не тонет. Напротив, в коллективе гораздо глубже развиваются все его силы, ярче выявляется его личность. Меняется взгляд человека на труд, труд перестает быть «наказанием господним», а становится источником радости.

«Индивидуалист» одинок, революционный марксист-коллективист тесно связан с теми людьми, с которыми делает общее дело, с которыми борется рука об руку. Он не носитя со своим

«я», он не отделяет его от «мы». У такого коллективиста совсем другое, чем у индивидуалиста, представление о том, что плохо, что хорошо, другое представление о добре и зле, о том, что такое счастье. Жизнь коллективиста, революционного марксиста гораздо полнее и счастливее.

Но при чем тут Ленин? — спросит читатель. Вначале ведь было сказано, что речь будет идти о Ленине как человеке, о его облике.

Ленин был революционным марксистом и коллективистом до глубины души. Вся его жизнь, деятельность были подчинены одной великой цели — борьбе за торжество социализма. И это накладывало печать на все его чувства и мысли. Ему чужда была всякая мелочность, мелкая зависть, злоба, мстительность, тщеславие, очень присущие мелкособственническим индивидуалистам.

Ленин боролся, резко ставил вопросы, но никогда не вносил он в споры ничего личного, подходил к вопросам с точки зрения дела, и потому товарищи обычно не обижались на его резкость. Он очень внимательно вглядывался в людей, вслушивался в то, что они говорили, старался охватить самую суть, и потому он умел по ряду незначительных мелочей улавливать облик человека, умел замечательно чутко подходить к людям, раскрывать в них все хорошее, ценное, что можно поставить на службу общему делу.

Постоянно приходилось наблюдать, как, приходя к Ильичу, человек становился другим, и за это любили товарищи Ильича, а сам он черпал из общения с ними столько, сколько очень редко кто другой мог почерпнуть. Учиться у жизни, у людей не всякий умеет. Ильич умел. Он ни с кем не хитрил, не дипломатничал, не втирал никому очки, и люди чувствовали его искренность, прямоту.

Забота о товарищах была его характерной чертой. Он заботился о них и сидючи в тюрьме, и живучи на воле, в ссылке, в эмиграции, и тогда, когда он стал Председателем Совета Народных Комиссаров. Заботился не только о товарищах, но и об очень далеких людях, нуждавшихся в его помощи. В единственном сохранившемся у меня письме Ильича есть такая фраза:

«Письма о помощи, которые к тебе иногда приходят, я читаю и стараюсь сделать, что можно»¹. Это было лето 1919 года, когда других забот было у Ильича более чем достаточно. Шла гражданская война всюю. В том же письме он пишет: «Крым, кажись, опять у белых». Дела было больше чем достаточно, но никогда я не слыхала от Ильича, что ему было некогда, когда дело шло о помощи людям.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 374. *Ред.*

Он мне постоянно говорил, что я должна больше заботиться о товарищах по работе, и однажды, когда во время чистки партии необоснованно напали на одного из моих работников по Наркомпросу, он нашел время рыться в старой литературе, чтобы найти материал, что этот работник, еще будучи бундовцем, еще до Октября, защищал большевиков.

Ленин был добрый человек, говорят иные. Но слово «добрый», взятое из старого лексикона добродетелей, мало подходит к Ильичу, оно как-то недостаточно и неточно¹.

Никогда не было у Ильича ни семейной, ни кружковой замкнутости, столь характерной для старых времен. Он никогда не отделял личное от общественного. Это у него сливалось в одно целое. Никогда не мог бы он полюбить женщину, с которой бы он расходился во взглядах, которая не была бы товарищем по работе. Он страстно привязывался к людям: типична его привязанность к Плеханову, от которого он так много получил, но это никогда не мешало ему воевать вовсю с Плехановым, когда он видел, что Плеханов неправ, что его точка зрения вредит делу, не помешало ему окончательно порвать с ним, когда Плеханов стал оборонцем.

Успехи дела глубоко радовали Ильича, дело — это было то, чем он жил, что он любил, что его увлекало. Ленин старался как можно ближе подойти к массе, и он умел это делать. Общение с рабочими давало ему самому очень много, давало настоящее понимание задач борьбы пролетариата на каждом этапе. Если мы внимательно изучим, как работал Ленин как научный работник, как пропагандист, как агитатор, как редактор, как организатор, мы поймем его и как человека. Из тысячи замечаний, даже отдельных выражений, оборотов речи, разбросанных в его статьях и речах, глядит личность Ильича — коллективиста, борца за рабочее дело. Быть коллективистом — борцом за рабочее дело — большое счастье. Человек все время чувствует, как все шире становится его кругозор, глубже понимание жизни, шире поле деятельности, как растет его умение работать; он ощущает, как он растет вместе с ростом массы, вместе с ростом дела. И потому так заразительно смеялся Ильич, так весело шутил, так любил он «зеленое древо жизни», столько радости давала ему жизнь. Ленин не мог бы стать таким, каким он был, если бы он жил в другую эпоху, а не в эпоху пролетарских революций и строительства социализма. Теория марксизма дала ему глубокую убежденность в победе дела пролетариата, дала

¹ Далее в рукописи: «Вернее сказать, у него была та забота о людях, без которой немислим подлинный коллективист. Если полистать письма Ильича к родным, то видно, что чем дальше, тем больше фигурирует в его письмах местоимение «мы». Он пишет «мы», когда говорит о семье, о редакции, о Совнарком. Мелочь это, но мелочь характерная». *Ред.*

ему необходимую дальнорукость; борьба и работа в исключительной близости к пролетариату, борьба за дело пролетариата воспитала в Ильиче черты человека будущего, облик которого так отличен от облика дворянского героя, от облика буржуазного и мелкобуржуазного героя, так далеких от «толпы», от массы.

Понять Ильича как человека — значит глубже, лучше понять, что такое строительство социализма, значит почувствовать облик человека социалистического строя.

*Впервые напечатано 22 апреля
1933 г. в газете «Комсомольская
правда» № 93*

*Печатается по газете, сверенной
с рукописью*

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

О Владимире Ильиче очень много пишут теперь. В этих воспоминаниях Владимира Ильича часто изображают каким-то аскетом, добродетельным филистером-семьянином. Как-то искажается его образ. Не такой он был. Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Любил он жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал ее в себя.

Расписывают нашу жизнь как полную лишений. Неверно это. Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Разве так жили товарищи эмигранты? Бывали такие, которые по два года ни заработка не имели, ни из России денег не получали, форменно голодали. У нас этого не было. Жили просто, это правда. Но разве радость жизни в том, чтобы сытно и роскошно жить? Владимир Ильич умел брать от жизни ее радости. Любил он очень природу. Я не говорю уже о Сибири, но и в эмиграции мы уходили постоянно куда-нибудь за город подышать полной грудью, забирались далеко-далеко и возвращались домой опьяневшие от воздуха, движения, впечатлений. Образ жизни, который мы вели, значительно отличался от образа жизни других эмигрантов. Публика любила бесконечные разговоры, перебалтыванье за стаканом чаю, в клубах дыма. Владимир Ильич от такого перебалтыванья ужасно уставал и всегда ладил уйти на прогулку. Помню, в первый год нашей эмигрантской жизни в Мюнхене мы взяли однажды на прогулку Мартова и Анну Ильичичну, чтобы показать им наше любимое место — дикий берег Изара, куда нужно было продираться через какие-то кусты. Они через полчаса у нас так изустали и разворчались, что мы поторопились переправить их на лодке в культурную часть города и уже без них пошли на «наше» место. Даже в Лондоне мы ухитрились выбираться на лоно природы, а из этого прокопченного дымом, обволоченного туманом чудища это не так-то легко, особенно когда не хочешь истратить больше полтора пенсов на омнибус.

Потом, когда у нас в Швейцарии завелись велосипеды, круг наших прогулок значительно расширился. Помню, как однажды в Лондоне Вера Ивановна Засулич возмущенно сказала какому-то товарищу, который предполагал, что Ильич только и делает, что сидит в Британском музее, и очень удивился, что тот собирается на прогулку: «Ведь он же страстно любит природу!» Помню, я тогда подумала: «А ведь это правда».

Любил Ильич еще наблюдать быт. Куда-куда мы ни забирались с ним в Мгэнхене, Лондоне и Париже. Он любил вычитывать объявления о разных собраниях социалистов в пригородах, в маленьких кафе, в английских церквях. Он хотел видеть жизнь немецкого, английского, французского рабочего, слышать, как он говорит не на больших собраниях, а в кругу близких товарищей, о чем он думает, чем он живет. На каких только предвыборных собраниях в Париже мы не бывали! Мы знали быт рабочих той страны, в которой жили, лучше, чем его знали обычно эмигранты. Помню, в Париже была у нас полоса увлечения французской революционной шансонеткой. Познакомился Владимир Ильич с Монтегюсом, чрезвычайно талаптливым автором и исполнителем революционных песенок. Сын коммунара, Монтегюс был любимцем рабочих кварталов. Ильич одно время очень любил напевать его песню: *Salut à vous, soldats de 17*» («Привет вам, солдаты 17-го полка») — это было обращение к французским солдатам, отказавшимся стрелять в стачечников). Нравилась Ильичу и песня Монтегюса, высмеивавшая социалистических депутатов, выбранных малосознательными крестьянами и за 15 тысяч франков депутатского жалованья продающих в парламенте народную свободу... У нас началась полоса посещения театров. Ильич выскивал объявления о театральных представлениях в предместьях Парижа, где объявлено было, что будет выступать Монтегюс. Вооружившись плапом Парижа, мы добирались до отдаленного предместья. Там смотрели вместе с толпой пьесу, большей частью септимагентально-скабресный вздор, которым так охотно кормит французская буржуазия рабочих, а потом выступал Монтегюс. Рабочие встречали его бешеными аплодисментами, а он, в рабочей куртке, повязав шею платком, как это делают французские рабочие, пел им песни на злобу дня, высмеивал буржуазию, пел о тяжелой рабочей доле и рабочей солидарности. Толпа парижских предместий, рабочая толпа — она живо реагирует на все: на даму в высокой модной шляпке, которую начинает дразнить весь театр, на содержание пьесы. «Ах ты, подлец!» — кричит рабочий актёру, изображающему домовладельца, требующего от молодой квартирантки, чтобы она отдалась ему. Ильичу нравилось растворяться в этой рабочей массе. Монтегюс выступал раз на одной из наших русских вечеринок, и долго, до глубокой ночи, он сидел с Владимиром Ильичем и говорил о грядущей

мировой революции. Сын коммунара и русский большевик — каждый мечтал об этой революции по-своему. Во время войны Монтегюс стал писать патриотические песни.

Другая полоса была — это посещение предвыборных собраний, куда рабочие приходили с ребятами, которых не на кого оставить дома. Слушали ораторов, смотрели, что задевает, электризует толпу, любовались на могучую фигуру рабочего-кузнеца, с восторгом глядевшего на оратора, и на прильпнувшую к нему полудетскую фигуру сына-подростка, вшившегося в оратора, как и отец, всем своим существом. Мы слушали социалистического депутата, как он говорит перед рабочей аудиторией, а потом шли слушать его на собрание интеллигенции, чиновников и видели, как большие и зажигательные идеи, от которых трепетала рабочая аудитория, тускнели, рядились оратором в приемлемый для мелкой буржуазии цвет. Ведь надо же отвоевать побольше голосов! И, возвращаясь с собрания, Ильич мурлыкал монтегюсовскую песенку о социалистическом депутате: «T'as bien dit, mon ga!»¹

В Лондоне мы ходили в Гайд-парк слушать уличных ораторов — один говорил о боге, другой о том, как плохо живут приказчики, третий о городах-садах. Ходили в Уайтчепль, еврейский квартал Лондона, и знакомились там с русскими матросами, еврейской беднотой, слушали ее полные тоски и отчаяния песни. Шли в кружок, где юный английский социалист делал доклад о муниципальном социализме, а старый член партии, фигурировавший накануне в качестве социалистического попа на своеобразном богослужении в социалистической церкви «Семь сестер», объяснявший, что исход евреев из Египта надо понимать как прообраз исхода рабочих из царства капитализма в царство социализма, крыл юного докладчика за оппортунизм...

Уметь наблюдать жизнь, людскую жизнь, в ее многогранности, в ее своеобразных проявлениях, находить в ней созвучные своим переживаниям ноты — разве это не значит наслаждаться жизнью, разве это может уметь аскет?

Владимир Ильич любил людей. Он не ставил себе на стол карточки тех, кого он любил, как кто-то недавно описывал. Но любил он людей страстно. Так любил он, например, Плеханова. Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь, и потому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом, всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно. И после раскола внимательно прислушивался к тому, что говорил Плеханов. С какой радостью он повторял слова Плеханова: «Не хочу умереть оппортунистом». Даже в 1914 году, когда разразилась война, Владимир Ильич

¹ «Верно, парень, говоришь!» Н. К.

страшно волновался, готовясь к выступлению против войны на митинге в Лозанне, где должен был говорить Плеханов. «Неужели он не поймет?» — говорил Владимир Ильич. В воспоминаниях П. Н. Лепешинского есть одно совершенно неправдоподобное место. Лепешинский рассказывает, как однажды Владимир Ильич сказал ему: «Плеханов умер, а вот я, я жив». Этого не могло быть. Был, вероятно, какой-нибудь другой оттенок, которого П. Н. не уловил. Никогда Владимир Ильич не противопоставлял себя Плеханову.

Молодые товарищи, изучая историю партии, вероятно, не отдают себе отчета, что такое был раскол с меньшевиками.

Не только Плеханов любил Владимир Ильич, но и Засулич и Аксельрода. «Вот ты увидишь Веру Ивановну, это кристально чистый человек», — сказал мне Владимир Ильич в первый вечер моего приезда в Мюнхен. Ореолом окружал он долгое время и Аксельрода.

Последнее время, незадолго уже перед смертью, он спрашивал меня про Аксельрода (указал его фамилию в газете, спросил «что»), просил спросить по телефону про него Каменева и внимательно выслушал рассказ. Когда я рассказала ему про А. М. Калмыкову и после этого он спросил «что», я уже знала, что он спрашивал про Потресова. Я ему рассказала и спросила: «Узнать подробнее?» Он отрицательно покачал головой. «Вот, говорят, и Мартов тоже умирает», — говорил мне Владимир Ильич незадолго до того момента, как у него пропала речь. И что-то мягкое звучало в его словах.

Личная привязанность к людям никогда не влияла на политическую позицию Владимира Ильича. Как он ни любил Плеханова или Мартова, он политически порвал с ними (политически порывая с человеком, он рвал с ним и лично, иначе не могло быть, когда вся жизнь была связана с политической борьбой), когда это нужно было для дела.

Но личная привязанность к людям делала для Владимира Ильича расколы невероятно тяжелыми. Помню, когда на втором съезде ясно стало, что раскол с Аксельродом, Засулич, Мартовым и др. неизбежен, как ужасно чувствовал себя Владимир Ильич. Всю ночь мы просидели с ним и продрожали. Если бы Владимир Ильич не был таким страстным в своих привязанностях человеком, не надорвался бы он так рано. Политическая честность — в настоящем, глубоком смысле этого слова, — честность, которая заключается в умении в своих политических суждениях и действиях отрешиться от всяких личных симпатий и антипатий, не всякому присуща, и тем, у кого она есть, она дается нелегко.

У Владимира Ильича был всегда большой интерес к людям, бывали постоянные «увлечения» людьми. Подметит в человеке какую-нибудь интересную сторону и, что называется, вцепится в

человека. Помню двухнедельный «роман» с Натансоном, который поразил его своим организаторским талантом. Только и было разговору, что о Натансоне. Особенно вцеплялся Владимир Ильич в приезжих из России. И обычно под влиянием вопросов Владимира Ильича, заражаясь его настроением, люди, сами того не замечая, развертывали перед ним лучшую часть своей души, своего я, отражавшуюся в их отношении к работе, ее постановке, во всем их подходе к ней. Они невольно как-то поэтизировали свою работу, рассказывая о ней Ильичу. Страшно увлекался Ильич людьми, страшно увлекался работой. Одно с другим переплеталось. И это делало его жизнь до чрезвычайности богатой, интенсивной, полной. Он впитывал жизнь во всей ее сложности и многогранности. Ну, аскеты не такие бывают.

Меньше всего был Ильич, с его пониманием жизни и людей, с его страстным отношением ко всему, тем добродетельным мещанином, каким его иногда теперь изображают: образцовый семьянин — жена, деточки, карточки семейных на столе, книга, ваточный халат, мурлыкающий котенок на коленях, а кругом барская «обстановочка», в которой Ильич «отдыхает» от общественной жизни. Каждый шаг Владимира Ильича пропускают через призму какой-то филистерской сентиментальности. Лучше бы поменьше на эти темы писать.

Владимир Ильич ничего так не презирал, как всяческие пересуды, вмешательство в чужую личную жизнь. Он считал такое вмешательство недопустимым.

Когда мы жили в ссылке, Владимир Ильич не раз говорил об этом. Он говорил о необходимости тщательно отгораживаться от всяких ссыльных историй, возникающих обычно на почве пересудов, сплетен, чтения в чужих сердцах, праздногo любопытства. Это — засасывающее мещанство, обывательщина.

В Лондоне в 1902 году у Владимира Ильича был очень резкий конфликт с частью редакции «Искры», которая хотела судить одного товарища за его якобы неблагоприятный поступок в ссылке. Разбирательство, естественно, было связано с грубым вмешательством в его личную жизнь. Владимир Ильич резко протестовал против этого, наотрез отказался от участия в этом безобразии, как он выражался. Его потом обвиняли в отсутствии чуткости...

Мне кажется, что требование не заезжать в чужую душу усердными руками было проявлением именно настоящей чуткости.

Впервые напечатано 11 апреля 1924 г. в газете «Правда» № 83

Печатается по кн.: Крутская Н. Ю. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, с. 21—26, сверенной с рукописью

ИЗ ОТВЕТОВ НА АНКЕТУ ИНСТИТУТА МОЗГА В 1935 году

Слабым не был, но не был и особенно сильным. Физической работой не занимался. Вот разве на субботнике. Еще помню: починил изгородь, когда были в ссылке. На прогулках не очень быстро утомлялся. Был подвижной. Ходить предпочитал. Дома постоянно ходил по комнате, быстро из угла в угол, иногда па цыпочках «из угла в угол». Обдумывал что-нибудь. Почему на цыпочках? Думаю, что отчасти, чтобы не беспокоить, в том числе в эмиграции, когда снимали комнату, не беспокоить и хозяев квартиры. Но это только отчасти.

Кроме того, наверное, еще и потому, что такой быстрой бесшумной ходьбой на цыпочках создавалась еще большая сосредоточенность.

Лежать определенно не любил.

Скованности в движениях не было. Движения не мягкие, но они не были и резкими, угловатыми.

Ходил быстро. При ходьбе не покачивался и руками особенно не размахивал.

Неуклюжим не был, скорее ловкий.

Беспорядочности и суетливости в движениях не было.

На ногах был очень тверд.

Гимнастикой не занимался. Играл в городки. Плавал, хорошо катался на коньках, любил кататься на велосипеде. В ссылке катался на коньках по реке, вдоль берега. На Волге места не грибные, где он жил. Когда я приехала к нему в ссылку, мы часто ходили в лес по грибы. Глаза у него были хорошие, и когда он (быстро) научился искать и находить грибы, то искал с азартом. Был азартный грибник. Любил охоту с ружьем. Страшно любил ходить по лесу вообще.

Мастерством и ремеслом никаким не занимался, если не считать письма «химией».

Одевался и раздевался быстро. Во время болезни он старался не отступать от одной и той же процедуры, именно для того, чтобы поделаться все быстро.

Излюбленные жесты и привычные движения — движения правой рукой во время речи вперед и вправо. Недавно видела изображение Ильича с правой рукой (во время речи): предплечьем вперед, но плечо прижато к туловищу — это неверно, так он не делал, — рука шла вперед, вытягивалась или закругленным движением и отходила от туловища.

Таких жестов, как битье кулаком по столу или угрожение пальцем, никогда не было.

Манерности, вычурности, странностей, театральности, рисовки в движениях не было.

Мимика и жестикуляция всегда были выразительны. Стали определенно живее во время болезни. Улыбался очень часто. Улыбка хорошая, ехидной и «вежливой» она не была.

Ух, как умел хохотать. До слез. Отбрасывался назад при хохоте.

Ни так называемой вежливой улыбки или смеха, натянутости. Они были всегда очень естественны.

Голос был громкий, но не крикливый, грудной. Баритон. Пел. Репертуар: «Нас венчали не в церкви», «Я вас люблю, люблю безмерно», «Замучен в тяжелой неволе», «Варшавянка», «Вставай, подымайся, рабочий народ», «Смело, товарищи, в ногу», «День настал веселый мая», «Беснуйтесь, тираны», «Vous avez pris l'Alsace et la Lorraine», «Soldats dix-septieme»¹.

Говорил быстро. Стенографисты плохо записывали. Может быть, впрочем, и не потому, что быстро, или не столько потому, а потому, что 1) стенографисты у нас были тогда плохие и 2) конструкция фраз у него трудная.

В сборнике «Леф»² есть статья, в которой авторы, разбирая структуру речи Ильича, приходят к выводу, что конструкция речи (фраз) латинская.

Ильич мне как-то говорил, что он в свое время очень увлекся латинским языком.

Голос выразительный, не монотонный. Особенно выразительны и в отношении модуляции были его *zwischenrufe*. Я их как сейчас слышу.

Речь простая была, не вычурная и не театральная, не было ни «естественной искусственности», «певучая» типа французской речи (как у Луначарского, например), не было и сухости, деревянности, монотонности типа английской — русская речь посередине между этими крайностями. И она была у Ильича такая — посередине — типичная русская речь. Она была эмоционально насыщена, но не театральна, не надуманна; естественно эмоциональна. Модулирования не были штампованно однообразны и стереотипны.

¹ См. настоящий том, с. 599, 611. *Ред.*

² См. настоящий том, с. 20, примечание. *Ред.*

Плавная и свободная ¹. Слова и фразы подбирал свободно, не испытывая затруднений. Правда, он всегда очень тщательно готовился к выступлениям, но, готовясь, он готовил не фразы, а план речи, обдумывал содержание, мысли обдумывал.

Говорил всегда с увлечением — было ли то выступление или беседа. Бывало часто — он очень эмоционален был, — готовясь к выступлению, ходит по комнате и шепотком говорит статью, например, которую готовится написать. На прогулке, бывало, идет молча, сосредоточенно. Тогда я тоже не говорю, даю ему уйти в себя. Затем начинал говорить подробно, обстоятельно и очень не любил вставных вопросов. После споров, дискуссий, когда возвращались домой, был часто сумрачен, молчалив, расстроен. Я никогда не спрашивала — он сам всегда потом рассказывал, без вопросов.

На прогулках часто бывали случаи, когда какая-нибудь неожиданная реплика показывала, что, гуляя, он сосредоточенно и напряженно думал, обдумывал и т. д.

«Лезет на живописную гору, а думает совсем не о горе, а о меньшевиках» (см. воспоминания Эссен (Зверь)).

В этом же и беда была во время начала болезни. Когда врачи запретили чтение и вообще работу. Думаю, что это неправильно было. Ильич часто говорил мне: «Ведь они же (и я сам) не могут запретить мне думать».

Потребность высказаться, выяснить у него была всегда очень выражена.

Случаев выпадения из памяти слов, фраз и оборотов или непонимания смысла и значения слов собеседника не было. Наоборот, необычайно быстро улавливал смысл и значение. Его записи — часто одним словом, одной фразой.

Дома, если какой-либо вопрос его сильно волновал, всегда говорил шепотком.

Очень бодрый, настойчивый и выдержанный человек был. Оптимист.

В тюрьме был — сама выдержка и бодрость. Во время болезни был случай, когда в присутствии медсестры я ему говорила, что вот, мол, речь, знаешь, восстанавливается, только медленно. Смотри на это, как на временное пребывание в тюрьме. Медсестра говорит: «Ну, какая же тюрьма, что Вы говорите, Надежда Константиновна?»

Ильич понял: после этого разговора он стал определенно больше себя держать в руках.

Любил напевать и насвистывать.

Писал ужасно быстро, с сокращениями. Писал с необыкновенной быстротой, много и охотно. К докладам всегда записывал мысль и план речи. Записывал на докладах мысли и речи

¹ Имеется в виду речь В. И. Ленина. *Ред.*

докладчика и ораторов. В этих записях всегда все основное было схвачено, никогда не пропущено.

Почерк становился более четким, когда писал что-либо (в письмах, например), что его особенно интересовало и волновало.

Письмо было связано и логически последовательно. Сокращения букв (гласных часто) и слогов практиковал очень часто, в целях ускорения письма.

Рукописи писал всегда сразу набело. Помарок очень мало.

Преобладания устной или письменной речи не было. Помому, и та, и другая были сильно развиты. Легко и свободно писал, и говорил.

Статистические таблицы, цифры, выписки писал всегда необычайно четко, с особой старательностью, — это «образцы каллиграфии». Выписывал их охотно, всегда и цифрами, и кривыми, и диаграммами, но никогда не диаграммами изобразительными (в виде рисунков).

Статистическую графику использовал широко, чертил сам и очень четко.

Никак и никогда ничего не рисовал.

Читал чрезвычайно быстро. Читал про себя. Вслух ни я ему, ни он мне никогда ничего не читали, в заводе этого у нас не было: это же сильно замедляет.

Шепотом при чтении иногда говорил, что думал в связи с чтением.

Вдаль видел хорошо. Они с мамой (моей) часто соревновались в этом деле.

Глазомер у него был хороший — стрелял хорошо и в городки играл педурно.

Цвета и оттенки различал очень хорошо и правильно.

Зрительная память прекрасная. Лица, страницы, строчки запоминал очень хорошо. Хорошо удерживал в памяти и надолго виденное и подробности виденного.

Ужасно любил природу. Любил горы, лес и закаты солнца. Очень ценил и любил сочетания красок. На свою одежду обращал внимания мало. Думаю, что цвет его галстука был ему безразличен. Да и к галстуку относился как к неудобной необходимости.

Хорошо слышал на оба уха. Хорошо слышал шепотную речь. Ориентировался в незнакомой местности хорошо. Расстояния и направление по слуху тоже определял хорошо.

Очень хорошо запоминал и очень хорошо удерживал в памяти слышанное. Передавал всегда точно, уверенно и свободно. Думаю, что зрительная и слуховая память у него были приблизительно равны по степени развития.

Во время подготовки к выступлениям и вообще занимаясь любил подчеркивания, пометки, выписки и конспекты и прибе-

гал к ним часто и много. Они часто были коротки и выразительны. Но во время чтения шепотком говорил лишь по поводу читаемого. Шепотком говорил свою статью. Слушать, как другой читает,— этого у нас не было в заводе.

Очень любил слушать рассказ. Слушал серьезно, внимательно, охотно. Есть воспоминание группы рабочих, посетивших его после болезни. Они пишут, что Ильич говорил с ними. В действительности он только слушал.

Очень любил слушать музыку. Но страшно уставал при этом. Слушал серьезно. Очень любил Вагнера. Как правило, уходил после первого действия как больной.

Шум вообще не любил (я говорю не о шуме людной улицы, толпы, большого города). Но вот в квартире не любил шуму.

Музыкален. Музыкальная память хорошая. Запоминал хорошо, но не то чтобы очень быстро. Больше всего любил скрипку. Любил пианино. Абсолютный слух? Не знаю. Насчет аккорда тоже не знаю. Ритм? Ноты? Мог ли читать их? Не знаю.

Оперу любил больше балета.

Любил сонату «Патетическую» и «Аппассионату».

Любил песню тореадора. Охотно ходил в Париже в концерты. Но всего этого было мало в нашей жизни. Театр очень любил — всегда это производило на него сильное впечатление.

В Швейцарии мы ходили с ним на «Живой труп».

Высоты не боялся — в горах ходил «по самому краю». Быструю езду любил.

Под разговор писать не мог (не любил), нужна была тишина абсолютная.

Довольно покорно ел все, что дадут. Некоторое время ели каждый день конину. Они с Иннокентием находили, что очень вкусно.

В молодости и в тюрьме страдал катаром желудка и кишок. Часто потом спрашивал, перейдя на домашний стол, исправивший эти катары: «А мне можно это есть?» Перец и горчицу любил. Не мог есть земляники (идиосинкразия).

С наслаждением ел простоквашу. Вкус и обоняние вообще были слабо развиты. Запахи он различал, конечно, но никакой склонности и к ним вообще, и к особым не было.

В комнате не выносил садовых цветов. Но любил в комнате полевые цветы и зелень. Очень любил весенние запахи. Садовых цветов и особенно с сильным запахом избегал.

Помню, у его заставала за таким занятием: подливал в 1922 году теплую воду в кувшин, в который мы поставили ветки с набухшими почками (весной дело было).

Оптимист. В Сибири и во Франции он был вообще гораздо нервнее. Страдал страшными бессонницами. Утра у него всегда были плохие, поздно засыпал и плохо спал. В Швейцарии очень

помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции мы жили шиворот-навыворот. Поздние разговоры и споры до ночи (в Сибири и за границей). В Сибири одно время перед концом ссылки страшно волновался, что могут продлить, — был тогда особенно нервный и раздражительный. Даже исхудал.

Меланхолии, апатии не было. Смены настроения всегда вообще имели явную причину и были адекватны. Очень нервировала его склока заграничная, ссоры и споры с Плехановым и с впередовцами.

Вообще очень эмоционален. Все переживания были эмоциональны.

Обычное, преобладающее настроение — напряженная сосредоточенность.

Веселый и шутливый.

Частой смены настроения не было. Вообще все смены всегда были обоснованы.

Очень хорошо владел собой.

Когда говорил, если по тем или иным причинам не надо было сдерживаться, всегда остро ставил вопросы, заострял их, «не глядя на лица».

В беседах с людьми, которых растил, был очень тактичен.

Впечатлителен. Реагировал очень сильно.

В Брюсселе после столкновения с Плехановым немедленно сел писать ядовитые замечания на ядовитые замечания Плеханова, несмотря на уговоры пойти гулять: «Пойдем собор смотреть».

Бледнел, когда волновался.

Страстность захватывающая речи, она чувствовалась даже, когда говорил внешне спокойно.

Перед всяким выступлением очень волновался: сосредоточен, неразговорчив, уклонялся от разговоров на другие темы, по лицу видно, что волнуется, продумывает. Обязательно писал план речи.

Очень сильно было выражено стремление углубленно, последовательно подходить к вопросам.

В Шуше, например, крестьянин 2 часа рассказывал ему, как он поссорился со своими за то, что те не угостили его на свадьбе. Ильич расспрашивал необычайно внимательно, стараясь познакомиться с бытом и жизнью.

Всегда органическая какая-то связь с жизнью.

Колоссальная сосредоточенность.

Самокритичен, очень строго относился к себе. Но копанье и мучительнейший самоанализ в душе ненавидел.

Когда очень волновался, брал словарь (например, Макарова) и мог часами его читать.

Был боевой человек.

Адоратскому до деталей рассказывал, как будет выглядеть социалистическая революция.

Азарт на охоте — ползание за утками на четвереньках. Зряшного риска — ради риска — нет. В воду бросался первый. Ни пугливости, ни боязливости.

Смел и отважен.

*Впервые частично напечатано
6 апреля 1963 г. в газете «Извес-
тия» № 83*

*Печатается по машинописному
- тексту с авторской правкой*

ЧТО ПРАВИЛОСЬ ИЛЬИЧУ ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Товарищ, познакомивший меня впервые с Владимиром Ильичем, сказал мне, что Ильич — человек ученый, читает исключительно ученые книжки, не прочитал в жизни ни одного романа, никогда стихов не читал. Подивилась я. Сама я в молодости перечитала всех классиков, знала наизусть чуть ли не всего Лермонтова и т. п., такие писатели, как Чернышевский, Л. Толстой, Успенский, вошли в мою жизнь как что-то значащее. Чудно мне показалось, что вот человек, которому все это неинтересно нисколько.

Потом на работе я близко узнала Ильича, узнала его оценки людей, наблюдала его пристальное вглядывание в жизнь, в людей — и живой Ильич вытеснил образ человека, никогда не бравшего в руки книг, говоривших о том, чем живы люди.

Но жизнь тогда сложилась так, что не удосужились мы как-то поговорить на эту тему.

Потом уж, в Сибири, узнала я, что Ильич не меньше моего читал классиков, не только читал, но и перечитывал не раз Тургенева, например. Я привезла с собой в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина. Но не только форму ценил он. Например, он любил роман Чернышевского «Что делать?», несмотря на малохудожественную, наивную форму его. Я была удивлена, как внимательно читал он этот роман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил. Впрочем, он любил весь облик Чернышевского, и в его сибирском альбоме были две карточки этого писателя, одна, написанная рукой Ильича, — год рождения и смерти. В альбоме Ильича были еще карточки Эмиля Золя, а из русских — Герцена и Писарева. Писарева Владимир Ильич в свое время много читал и любил. Помнится, в Сибири был у нас также «Фауст» Гёте на немецком языке и томик стихов Гейне.

Возвращаясь из Сибири, в Москве Владимир Ильич ходил раз в театр — смотрел «Извозчик Геншель»¹, потом говорил, что ему очень понравилось.

В Мюнхене из книг, нравившихся Ильичу, помню роман Гарборга «Bei mama» («У мамы») и «Büttnerbauer» («Крестьянин») Поленца.

Потом, позже, во вторую эмиграцию в Париже, Ильич охотно читал стихи Виктора Гюго «Châtiments»², посвященные революции 1848 г., которые в свое время писались Гюго в изгнании и тайно ввозились во Францию. В этих стихах много какой-то наивной напыщенности, но чувствуется в них все же веяние революции. Охотно ходил Ильич в разные кафе и пригородные театры слушать революционных шансонетчиков, певших в рабочих кварталах обо всем — и о том, как подвыпившие крестьяне выбирают в палату депутатов проезжего агитатора, и о воспитании детей, и о безработице и т. п. Особенно нравился Ильичу Монтегюс. Сын коммунара — Монтегюс был любимцем рабочих окраин. Правда, в его импровизированных песнях — всегда с яркой бытовой окраской — не было определенной какой-нибудь идеологии, но было много искреннего увлечения. Ильич часто напевал его припев 17-му полку, отказавшемуся стрелять в стачечников: «Salut, salut à vous, soldats de 17-me» («Привет, привет вам, солдаты 17-го полка»). Однажды на русской вечеринке Ильич разговорился с Монтегюсом — и, странно, эти столь разные люди — Монтегюс, когда потом разразилась война, ушел в лагерь шовинистов — размечтались о мировой революции. Так бывает иногда — встретятся случайно в вагоне малознакомые люди и под стук колес вагона разговоятся о самом заветном, о том, чего бы не сказали никогда в другое время, потом разойдутся и никогда больше в жизни не встретятся. Так и тут было. К тому же разговор шел на французском языке — на чужом языке мечтать вслух легче, чем на родном... К нам приходила на пару часов французженка-уборщица. Ильич услышал однажды, как она напевала песню. Это эльзасская песня. Ильич попросил уборщицу пропеть ее и сказать слова и потом нередко сам пел ее. Кончалась она словами:

Vous avez pris Elsass et Lorraine,
Mais malgré vous nous resterons français;
Vous avez pu germaniser nos plaines,
Mais notre coeur — vous ne l'aurez jamais!

(«Вы взяли Эльзас и Лотарингию, но вопреки вам мы остаемся французами; вы могли онемечить наши поля, но наше сердце — вы никогда не будете его иметь».)

¹ «Извозчик Геншель» — пьеса Г. Гауптмана. *Ред.*

² «Возмездие». *Ред.*

Был это 1909 год — время реакции, партия была разгромлена, но революционный дух ее не был сломлен. И созвучна была эта песня с настроениями Ильича. Надо было слышать, как победно звучали в его устах слова песни:

Mais notre coeur — vous ne l'aurez jamais!!

В эти самые тяжелые годы эмиграции, о которых Ильич всегда говорил с какой-то досадой (уже вернувшись в Россию, он как-то еще раз повторил, что не раз говорил раньше: «И зачем мы только уехали тогда из Женевы в Париж!»), — в эти тяжелые годы он упорнее всего мечтал, мечтал, разговаривая с Монтегюсом, победно распевая эльзасскую песню, в бессонные ночи зачитываясь Верхарном.

Потом позже, во время войны, Владимир Ильич увлекался книжкой Барбюса «Le feu» («Огонь»), придавал ей громадное значение. Эта книжка была так созвучна с его тогдашним настроением.

Мы редко ходили в театр. Пойдем, бывало, но ничтожность пьесы или фальшь игры всегда резко били по нервам Владимира Ильича. Обычно пойдем в театр и после первого действия уходим. Над нами смеялись товарищи: зря деньги переводим.

Но раз Ильич досидел до конца — это было, кажется, в конце 1915 г. в Берне, ставили пьесу Л. Толстого «Живой труп». Хоть шла она по-немецки, но актер, игравший князя, был русский, он сумел передать замысел Л. Толстого. Ильич напряженно и взволнованно следил за игрой.

И наконец, в России. Новое искусство казалось Ильичу чужим, непонятным. Однажды нас позвали в Кремле на концерт, устроенный для красноармейцев.

Ильича провели в первые ряды. Артистка Гзовская декламировала Маяковского: «Наш бог — бег, сердце — наш барабан» — и наступала прямо на Ильича, а он сидел, немного растерянный от неожиданности, недоумевающий, и облегченно вздохнул, когда Гзовскую сменил какой-то артист, читавший «Злоумышленника» Чехова.

Раз вечером захотелось Ильичу посмотреть, как живет коммуной молодежь. Решили нанести визит нашей вхутемасовке¹ — Варе Арманд. Было это, кажется, в день похорон Кропоткина, в 1921 г. Был это голодный год, но было много энтузиазма у молодежи. Спали они в коммуне чуть ли не на голых досках, хлеба у них не было. «Зато у нас есть крупа!» — с сияющим лицом заявил дежурный член коммуны — вхутемасовец. Для Ильича сварили они из этой крупы важнецкую кашу, хотя и была она без соли. Ильич смотрел на молодежь, на сияющие лица обсту-

¹ ВХУТЕМАС — Высшие государственные художественно-технические мастерские. *Ред.*

пивших его молодых художников и художниц, и их радость отражалась и у него на лице. Они показывали ему свои наивные рисунки, объясняли их смысл, засыпали его вопросами. А он смеялся, уклонялся от ответов, на вопросы отвечал вопросами: «Что вы читаете? Пушкина читаете?» — «О нет! — выпалил кто-то, — он был, ведь, буржуй. Мы — Маяковского!». Ильич улыбнулся: «По-моему, Пушкин лучше». После этого Ильич немного подобрел к Маяковскому. При этом имени ему вспоминалась вхутемасовская молодежь, полная жизни и радости, готовая умереть за Советскую власть, не находящая слов на современном языке, чтобы выразить себя, и ищущая этого выражения в малопопятных стихах Маяковского. Позже Ильич похвалил однажды Маяковского за стихи, высмеивающие советский бюрократизм. Из современных вещей, помню, Ильичу понравился роман Эренбурга, описывающий войну: «Это, знаешь, Илья Лохматый (кличка Эренбурга)! — торжествующе рассказывал он. — Хорошо у него вышло!»

Ходили мы несколько раз в Художественный театр. Раз ходили смотреть «Потоп»¹. Ильичу ужасно понравилось. Захотел идти на другой же день опять в театр. Шло Горького «На дне». Алексея Максимовича Ильич любил как человека, к которому почувствовал близость на Лондонском съезде, любил как художника, считал, что как художник Горький многое может понять с полуслова. С Горьким говорил особенно откровенно. Поэтому, само собой, к игре вещи Горького Ильич был особенно требователен. Излишняя театральность постановки раздражала Ильича. После «На дне» он надолго бросил ходить в театр. Ходили мы с ним как-то еще на «Дядю Ваню» Чехова. Ему понравилось. И наконец, последний раз ходили в театр уже в 1922 г. смотреть «Сверчка на печи» Диккенса. Уже после первого действия Ильич заскучал, стала бить по нервам мещанская сентиментальность Диккенса, а когда начался разговор старого игрушечника с его слепой дочерью, не выдержал Ильич, ушел с середины действия.

Последние месяцы жизни Ильича. По его указанию я читала ему беллетристику, к вечеру обычно. Читала Щедрина, читала «Мои университеты» Горького. Кроме того, любил он слушать стихи, особенно Демьяна Бедного. Но нравились ему больше не сатирические стихи Демьяна, а пафосные.

Читаешь ему, бывало, стихи, а он смотрит задумчиво в окно на заходящее солнце. Помню стихи, кончающиеся словами: «Никогда, никогда коммунары не станут рабами!»²

Читаешь, точно клятву Ильичу повторяешь, — никогда, никогда не отдадим ни одного завоевания революции...

¹ Пьеса Х. Бергера. *Ред.*

² Стихотворение В. В. Князева «Песня Коммуны». *Ред.*

За два дня до его смерти читала я ему вечером рассказ Джека Лондона — он и сейчас лежит на столе в его компате — «Любовь к жизни». Сильная очень вещь. Через снежную пустыню, в которой нога человеческая не ступала, пробирается к пристани большой реки умирающий с голоду больной человек. Слабеют у него силы, он не идет уж, а ползет, а рядом с ним ползет тоже умирающий от голода волк, идет между ними борьба, человек побеждает — полумертвый, полубезумный добирается до цели. Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно. На другой день просил читать рассказы Лондона дальше. Но у Джека Лондона сильные вещи перемешиваются с чрезвычайно слабыми. Следующий рассказ попал совсем другого типа — пропитанный буржуазной моралью: какой-то капитан обещал владельцу корабля, нагруженного хлебом, выгодно сбыть его; он жертвует жизнью, чтобы только сдержать свое слово. Засмеялся Ильич и махнул рукой.

Больше не пришлось мне уж ему читать...

1926 г.

Впервые напечатано 21 января 1927 г. в газете «Ленинградская правда» № 17 под заглавием «Ленин и художественная литература»

Печатается по кн.: Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений, изд. 3-е. М., 1971, с. 75—79

К ВОПРОСУ О ЛЕНИНСКОМ МЕТОДЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

За какую бы работу ни брался Владимир Ильич, он делал ее необычайно тщательно. Он прodelывал сам массу черновой работы.

И чем больше придавал он значения той или другой работе, тем больше вникал он во все мелочи.

Видя, как трудно было поставить в конце 90-х годов в России регулярно выходящую нелегальную газету, а с другой стороны, придавая громадное организующее и пропагандистское значение общерусской газете, освещающей с точки зрения марксизма все события, все факты русской действительности, начавшее все шире и шире развиваться рабочее движение, Владимир Ильич, подобрав группу товарищей, решил уехать за границу и там поставить издание такой газеты. «Искра» была им задумана, им организована. Каждый номер буквально вынашивался. Обдумывалось каждое слово. И вот крайне характерная деталь — Владимир Ильич сам правил корректуру всей газеты. Это делалось не потому, что некому было править корректуру (я быстро приспособилась к этому делу), а потому, что его заботило, чтобы не проскользнуло какой-нибудь ошибки. Он читал сначала сам корректуру, потом давал мне, потом еще раз смотрел сам.

И так во всем. Он много работал над земскими статистическими данными, над их обработкой. В его тетрадках много тщательно выписанных таблиц. Когда дело касалось цифр, имеющих большое значение, большой удельный вес, он проверял даже подсчеты уже напечатанных таблиц. Тщательная проверка каждого факта, каждой цифры — характерны для Ильича. Свои выводы он строит на фактах.

Это стремление обосновать каждый вывод фактами рельефно выступает в его ранних пропагандистских брошюрах «Объяснение закона о штрафах», «О стачках», «Новый фабричный закон». Он ничего не навязывает рабочему, он доказывает

фактами. Некоторым казалось, что брошюры растянуты. Рабочим зато они казались особенно убедительными. Основная работа Ленина, написанная им в тюрьме, — «Развитие капитализма в России» — содержит в себе громадный фактический материал. Ленин, в жизни которого чтение «Капитала» Маркса сыграло такую громадную роль, помнил, на каком громадном количестве фактического материала основал Маркс свои выводы.

Ленин не полагался на свою память, хотя память у него была прекрасная. Он никогда не излагал фактов по памяти, «приблизительно», он излагал их с величайшей точностью. Он просматривал горы материала (читал, как и писал, чрезвычайно быстро), но то, что хотел запомнить, выписывал себе в тетрадки. В его тетрадках сохранилась масса выписок. Как-то, просматривая мою брошюрку «Организация самообразования», он сказал, что я не права, когда говорю, что надо записывать только самое необходимое, — у него другой опыт. Записанное он потом перечитывал не раз, о чем свидетельствуют пометки, подчеркивания и пр.

Если книга принадлежала ему, то он ограничивался подчеркиванием, заметками на полях, а на обложке выписывал лишь страницу, подчеркивая ее одной или несколькими чертами, смотря по важности отмечаемого места. Перечитывал он и свои статьи, делал и на них заметки, и то, что навело на какую-нибудь новую мысль, тоже подчеркивал и страницу помечал на обложке. Так организовывал Ильич свою память.

Он всегда отчетливо помнил, что было им сказано, при каких обстоятельствах, в полемике с кем. И в его сочинениях, речах и статьях мы видим очень мало повторений. Правда, на протяжении годов в статьях Ильича, его речах мы встречаем те же основные мысли. И потому на его высказываниях лежит печать какой-то особой цельности, устойчивости. Однако мы видим не простое повторение ранее сказанного. Та же основная мысль дается в применении к новым условиям, в иной конкретной обстановке, освещает вопрос с новой стороны. Я помню один разговор с Ильичем. Он был уже болен. Говорили о только что вышедших томах его сочинений, о том, как в них отразился опыт русской революции, как важно сделать этот опыт доступным иностранным товарищам; говорили о том, что надо использовать вышедшие тома для того, чтобы показать, как основная стержневая идея неизбежно трактуется по-разному, в зависимости от меняющейся конкретной исторической обстановки. Ильич заказал мне найти товарища, который бы выполнил эту работу.

Этого, однако, не сделано до сих пор.

Тщательно изучал Ленин опыт революционной борьбы мирового пролетариата. Этот опыт особенно ярко освещен в произведениях Маркса и Энгельса. И Ленин вновь и вновь перечитывал

вал их, перечитывал на каждом новом этапе нашей революции. Все знают, какое громадное влияние имели Маркс и Энгельс на Ленина. Но важно было бы посмотреть, в чем и как помогало Ленину изучение их произведений при оценке текущего момента и перспектив развития на каждом этапе нашей революции. Такая исследовательская работа не написана еще, а она вскрыла бы с необычайной наглядностью, как помогал опыт мирового революционного движения ленинскому предвидению. Тем, кого интересует, как работал Ленин, как он читал Маркса и Энгельса, что брал он из них для руководства в оценке нашей борьбы, такая работа дала бы до чрезвычайности много. Она показала бы, какое громадное влияние на нашу революцию, на все наше революционное движение имел опыт революционной борьбы рабочего класса более передовых в промышленном отношении стран. Такая работа дала бы возможность лучше почувствовать, что русская революция, вся наша борьба и строительство — кусок борьбы мирового пролетариата. Такая работа показала бы, *что и как* брал из опыта международной борьбы пролетариата Ленин, как этот опыт применял. Этому особенно надо учиться у Ленина.

Опыт борьбы международного пролетариата Ленин изучал с особой страстностью. Трудно представить себе более «антимузейного» человека, чем Ленин. Пестрота, винегретность музейных материалов производила на Владимира Ильича неизменно самое удручающее впечатление, через 10 минут он имел уже вид страшно усталого человека. Но мне врезалось в память посещение одной выставки. В двух комнатенках исторического знаменитого своей революционной борьбой рабочего квартала Парижа была устроена выставка революции 1848 г. И надо было видеть, с каким глубоким интересом буквально впивался в каждую мелочь Владимир Ильич. Для него это был кусок живой борьбы. Когда я была в нашем музее Революции, перед моими глазами вставал Ильич, впивающийся в каждую мелочь.

Как надо использовать опыт революционной борьбы международного пролетариата, об этом писал не раз сам Ильич. Помню одно его высказывание. Каутский написал брошюру по поводу русской революции 1905 г. «Движущие силы и перспективы русской революции». Ильичу брошюра страшно понравилась. Он велел ее немедленно перевести, выправил каждую фразу перевода, написал к ней горячее предисловие, заказал мне добыться, чтобы брошюра была немедленно издана, самой просмотреть все корректуры. Я помню, как наша громадная легальная типография три дня не могла набрать небольшой брошюрки, как пришлось три дня невылазно сидеть в типографии, часами ждать корректур. Ильич умел заражать своей страстностью окружающих. После того как он рассказал все свои мысли,

которые у него возникли в связи с брошюрой Каутского, после написанного им предисловия — надо, ясно было, бросить все дела и сидеть в типографии, пока не добьешься выхода брошюры. И сейчас, больше 20 лет спустя, в памяти у меня странным образом ассоциируются серая обложка, шрифт и типографские ошибки в муках нашей тогдашней российской технической безалаберности рожденной брошюры со страстными речами Ильича и заключительными словами его предисловия к этой брошюре:

«В заключение, несколько слов об «авторитетах». Марксисты не могут стоять на обычной точке зрения интеллигента-радикала с его якобы революционной отвлеченностью: «никаких авторитетов».

Нет. Рабочему классу, ведущему во всем мире трудную и упорную борьбу за полное освобождение, нужны авторитеты, — но, разумеется, в том только смысле, в каком молодым рабочим нужен опыт старых *борцов* против угнетения и эксплуатации, борцов, проводивших много стачек, участвовавших в ряде революций, умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором. Авторитет всемирной борьбы пролетариата нужен пролетариям каждой страны. Авторитет теоретиков всемирной социал-демократии нужен нам для уяснения программы и тактики нашей партии. Но этот авторитет не имеет, конечно, ничего общего с казенными авторитетами буржуазной науки и полицейской политики. Этот авторитет есть авторитет более разносторонней борьбы в тех же рядах всемирной социалистической армии»¹.

В предисловии к «Движущим силам и перспективам русской революции» Владимир Ильич писал о том, как правильно подходит Каутский к оценке русской революции, говоря: ««Мы хорошо поступим, — пишет Каутский, — если усвоим себе ту мысль, что мы стоим перед совершенно новыми ситуациями и проблемами, к которым не подходит ни один старый шаблон»»². Против применения шаблонов к новым ситуациям горячо ратует в своем предисловии Ильич. Мы знаем, что в своей оценке империалистической войны и революции 1917 г. Каутский не сумел понять новой ситуации и новых проблем и благодаря этому докатился до ренегатства.

Уменьше изучать новые ситуации и проблемы, опираясь на опыт революционной борьбы мирового пролетариата, применять марксистский метод к анализу новых конкретных ситуаций составляет особенность ленинизма. К сожалению, эта сторона дела еще недостаточно освещена на конкретных фактах, хотя об этом немало уже писано.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 226. *Ред.*

² Там же, с. 223. *Ред.*

И еще меньше освещена в печати одна сторона ленинского подхода к оценке революционных событий — это умение видеть конкретную действительность и выявлять коллективное мнение борющихся масс, являющихся, по мнению Ленина (см. то же предисловие к «Движущим силам»), решающим в практических и конкретных вопросах ближайшей политики.

Впервые напечатано 21 января 1928 г. в газете «Правда» № 18 под заглавием «К вопросу о методе работы Ленина»

Печатается по кн.: Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 273—277

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА АННА ИЛЬИНИЧНА (13(25) августа 1864 — 20 октября 1935) — старшая сестра В. И. Ленина, видный деятель Коммунистической партии, профессиональный революционер (партийные клички: Джемс, Андрей Николаевич). В революционном движении с 1886 г., участница политической демонстрации в Петербурге, организованной в ноябре того же года в связи с 25-летием со дня смерти Н. А. Добролюбова. 1 марта 1887 г. арестована по делу о подготовке покушения на жизнь царя Александра III, приговорена к высылке в Сибирь на пять лет, которая потом была заменена пятилетней высылкой в деревню Кокушкино Казанской губернии, под гласный надзор полиции. С 1893 г. принимала участие в социал-демократическом движении: будучи в Москве, установила связь с рабочим кружком Мицкевича и деятельно в нем работала. Перевела с немецкого на русский язык произведение Гауптмана «Ткачи», которое было издано на гектографе и распространено среди рабочих Москвы и близких к ней провинций, составила краткую популярную брошюру по книге Дементьева «Фабрика», которая также распространялась среди рабочих.

Член КПСС с 1898 г. В том же году вошла в первый Московский комитет РСДРП. В 1900—1905 гг. работала в организации «Искры» и большевистских нелегальных газетах, была членом редакции газеты «Вперед». В 1904—1905 гг. поддерживала связь с ЦК большевистской партии, находившимся за границей, и ведала финансовыми делами Петербургского комитета. В 1908—1910 гг. вела революционную работу в Москве и Саратове. В 1912—1914 гг. сотрудничала в большевистских органах «Правда», «Просвещение», член редколлегии журнала «Работница». неоднократно подвергалась арестам и ссылке.

Начиная с 90-х годов прошлого столетия и вплоть до 1917 г. оказывала большую помощь В. И. Ленину в издании его работ.

В 1917 г. — секретарь редакции газеты «Правда» и редактор журнала «Ткач». В 1918—1921 гг. работала в Наркомсобе и Наркомпросе, с 1921 г. — в Исполтаре, член редколлегии журнала «Пролетарская революция». Принимала активное участие в организации Института Ленина и была его научным сотрудником.

Автор ряда историко-революционных работ и воспоминаний о В. И. Ленине.

УЛЬЯНОВ ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ (4(16) августа 1874—16 июля 1943) — младший брат В. И. Ленина, профессиональный революционер (партийные клички: Андреевский, Герц, Юноша), член КПСС с 1903 г., по обра-

зованию врач. Познакомился с учением Маркса и начал революционную деятельность в 1894 г. в студенческих кружках Москвы, за что был в 1897 г. исключен из Московского университета, арестован и посажен в тюрьму, где просидел до осени 1898 г., после чего в течение года находился под гласным надзором полиции в Подольске. В 1900 г. вошел в организацию «Искры». Вел революционную работу в Туле, Киеве, Симбирске, Одессе, Крыму. В 1903 г. работал в Туле врачом, был членом Тульского комитета, от которого избран делегатом на II съезд РСДРП. Большевик. После II съезда — агент ЦК. За революционную деятельность неоднократно подвергался арестам и сидел в тюрьмах.

В 1905—1907 гг. — член Симбирского комитета большевиков, затем работал врачом в Серпухове и Феодосии, поддерживая постоянную связь с центральными организациями большевиков. В 1914 г., после начала первой мировой войны, был мобилизован в армию и служил врачом в Севастополе, вел революционную работу среди солдат.

В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, находясь в Крыму, вел революционную работу среди рабочих и моряков Черноморского флота, принимал активное участие в борьбе за установление Советской власти в Крыму. В конце 1917 г. член Таврического областного комитета партии и член редколлегии газеты «Таврическая правда».

В апреле 1918 г., после захвата Крыма белыми, создал в Евпатории подпольный центр и наладил связь с подпольными организациями Крыма. Во временном рабоче-крестьянском правительстве Крыма — заместитель председателя Совнаркома и нарком здравоохранения. В 1920 — 1921 гг. — член ревкома и обкома партии.

С 1921 г. работал в Народном комиссариате здравоохранения в Москве; в 1925—1930 гг. — в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова; с 1933 г. — в Лечебно-санитарном управлении Кремля.

Принимал активное участие в работе Центрального музея В. И. Ленина, автор ряда воспоминаний, статей, очерков о В. И. Ленине.

УЛЬЯНОВА МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА (6(18) февраля 1878—12 июня 1937) — младшая сестра В. И. Ленина, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, профессиональный революционер (партийные клички: Медведь, Медвежонок, Мимоза), член КПСС с 1898 г. В революционном движении участвовала с семнадцати лет. Вела партийную работу в Петербурге, Москве, Саратове и других городах России, а также за границей. С 1900 г. активно участвовала в работе «Искры». С осени 1903 г. работала в секретариате ЦК партии. В 1904 г. — в петербургской организации большевиков. За революционную деятельность неоднократно подвергалась арестам и ссылкам.

С марта 1917 г. до весны 1929 г. — член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда». На этой работе отдала много сил сплочению вокруг газеты рабочих корреспондентов, была одним из организаторов и руководителей рабселькорского движения, по ее инициативе был создан и под ее руководством издавался журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент», сыгравший большую роль в развитии рабселькорского движения. Заведовала в «Правде» отделами «Рабочая жизнь» и «Странчка работницы».

Перейдя на работу в Институт Ленина, собрала и подготовила к печати письма В. И. Ленина к родным, представляющие большую ценность для изучения биографии В. И. Ленина. Написала книгу о своем отце — Илье Николаевиче Ульянове и биографический очерк о матери — Марии Александровне Ульяновой.

На XIV, XV и XVI съездах партии избиралась членом ЦКК ВКП(б), была членом президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б),

членом коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции СССР.

С февраля 1932 г. заведовала объединенным бюро жалоб Наркомата РКИ СССР и Наркомата РКИ РСФСР. На XVII съезде партии избрана в Комиссию советского контроля при Совнаркоме СССР, возглавляла бюро жалоб. В 1935 г. была избрана членом ЦИК СССР. Награждена орденом Ленина (1933 г.).

Автор ряда работ о партийной и советской печати, воспоминаний и статей о В. И. Ленине.

КРУПСКАЯ НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА (14(26) февраля 1869—27 февраля 1939) — соратник, жена и друг В. И. Ленина, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, профессиональный революционер (партийные клички: Минога, Рыба и др.), член КПСС с 1898 г.

Революционную деятельность начала в 1889 г. в марксистских студенческих кружках Петербурга. В 1891—1896 гг. вела пропаганду марксизма, учительствуя в вечерне-воскресной школе для рабочих. Одновременно активно участвовала в деятельности социал-демократической организации Петербурга, где в начале 1894 г. познакомилась с В. И. Лениным. В 1895 г. была одним из организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В августе 1896 г. была арестована и в 1898 г. приговорена к ссылке на три года в Уфимскую губ. Первые два года ссылки отбывала в селе Шушенском вместе с В. И. Лениным, потом — год в Уфе. По окончании ссылки, в 1901 г., уехала за границу, где стала секретарем редакции газеты «Искра». Проводила активное участие в подготовке и работе II и III съездов партии. Секретарь большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». В 1905—1907 гг. работала в секретариате ЦК партии в России; в 1911 г. — в партийной школе в Лонжюмо. После Пражской конференции (1912 г.) налаживала связи с газетой «Правда», с большевистской фракцией Государственной думы. Была одним из организаторов и ведущим редактором легального большевистского журнала «Работница».

В годы первой мировой войны помогала Ленину в сплочении международной социал-демократии против империалистической войны. В 1915 г. была членом большевистской делегации на Международной женской конференции в Берне. Вела работу среди русских военнопленных, находившихся в плену в Германии и Австрии. В то же время большое внимание уделяла разработке с марксистских позиций вопросов педагогики и народного образования и в 1915 г. закончила свой труд «Народное образование и демократия», который высоко ценил В. И. Ленин.

Все годы эмиграции вела обширную конспиративную переписку с партийными организациями в России, ведала отправкой им нелегальной литературы, посылкой партийных товарищей на работу в Россию. В ее руках были сосредоточены все адреса и явки.

После Февральской революции 1917 г. вместе с В. И. Лениным вернулась в Россию, работала в секретариате ЦК партии, а затем в Выборгском районе Петрограда. Вела большую агитационно-массовую работу среди рабочих, солдат, женщин, молодежи, разъясняя им политику большевистской партии. Активно участвовала в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции.

После победы Октября вела большую партийную и государственную работу. Активный участник осуществления ленинского плана строительства социализма: индустриализации СССР, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции. Руководитель политико-просветительной работы среди трудящихся масс. Один из организаторов работы среди женщин, молодежи, пионеров. Много сделала для развития между-

народного женского движения. Член коллегии Народного комиссариата просвещения (с 1917 г.); с 1929 г.— заместитель наркома просвещения РСФСР. Председатель Главполитпросвета (1920—1930 гг.). Почетный член Академии наук СССР (1931 г.), доктор педагогических наук (1936 г.). Основательница марксистской педагогики.

Автор около трех тысяч статей, брошюр, книг по истории партии, пропаганде марксизма-ленинизма, партийной и советской работе, о жизни и деятельности В. И. Ленина, о женском и молодежном движении, пионерской организации, коммунистическом воспитании, народном образовании. Автор книги «Воспоминания о Ленине».

Участник всех партийных съездов (кроме I и V). С 1924 г.— член ЦКК ВКП(б), с 1927 г.— член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК с 1918 года и ЦИК СССР всех созывов, депутат и член Президиума Верховного Совета СССР первого созыва.

Награждена орденом Ленина (1933 г.) и орденом Трудового Красного Знамени (1929 г.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- А. В. *см.* Луначарский А. В.
 Абрам *см.* Скочно А. А.
 Абрамович А. Е. 412, 447
 Абсолют *см.* Стасова Е. Д.
 Август *см.* Красиков П. А.
 Адеев (Дядя Ваня) 430
 Авенариус Рихард 331
 Авдлов Н. П. (Глебов Н.) 395, 482, 499
 Авксентьев Н. Д. 489
 Аврамов Р. П. (Абрамов) 317
 Агитатор *см.* Попов А. К.
 Адель *см.* Горев Б. И.
 Адлер Виктор 323, 326, 400, 402, 403
 Адоратский В. В. 24, 327, 522, 609
 Азин В. М. 574
 Акшм *см.* Гольдман Л. И.
 Акимов В. П. 250, 270
 Аксельрод П. Б. 42, 56, 185, 222, 243, 244, 246, 251, 252, 264, 267, 271, 272, 273, 314, 326, 421, 587, 601
 Александр II (Романов) 15, 97, 522
 Александр Дмитриевич *см.* Цюрупя А. Д.
 Александр Иванович *см.* Ляванов А. И.
 Александр Ильич *см.* Ульянов А. И.
 Александр III (Романов) 20, 23, 96, 180, 216
 Александров И. П. (Макар) 277
 Александров (Ольминский) М. С. *см.* Ольминский М. С.
 Александрова Е. М. (Жак, Ольминская, Штейн) 263—264, 271
 Алексеев В. П. 143
 Алексеев Н. А. 244, 254, 258
 Алексей *см.* Пушас
 Алексей Максимович *см.* Горький Максим
 Алексей Павлович *см.* Скляренко А. П.
 Алексинский Г. А. 302, 308, 313, 314, 315, 320, 323, 324, 325, 329, 333, 343, 350, 374, 375, 380, 381, 453, 462
 Аллилуев С. Я. 463
 Аллилуева О. Е. 463
 Аллилуевы *см.* Аллилуев С. Я. и Аллилуева О. Е.
 Аля *см.* Романов А. С.
 Анатолий Васильевич *см.* Луначарский А. В.
 Андреев 360
 Андреев Л. Н. 290—291, 299, 332
 Андреев Н. 537
 Андреева М. Ф. 299, 324, 333
 Андрей (Егор Пылаев) *см.* Пылаев Г. Н.
 Анна Ильинична *см.* Ульянова-Елизарова А. И.
 Аннушка *см.* Володина А. И.
 Антимеков Володя *см.* Ворошилов К. Е.
 Антонов *см.* Бритман А. В.
 Антонов-Овсеенко В. А. 482, 485
 Аня *см.* Никифорова А. Н.
 Аптекман О. В. 239
 Ардашев А. А. 24, 100
 Ардашева *см.* Пономарева Л. А.
 Арефьев А. Н. 104, 105, 106, 107
 Аркадий *см.* Радченко И. И.
 Арманд Андрей 354, 392, 393, 395
 Арманд В. А. 354, 392, 393, 395, 582, 612

Армад Н. А. 354, 392, 393, 395, 560, 582
Армад И. Ф. (Блонина) 354, 358, 359, 361, 362, 363, 369, 373, 374, 387, 391, 392—393, 394, 395, 397, 402, 406, 409, 411, 413, 415, 416, 417, 418, 420, 424, 425, 447, 549, 560, 582
Атаманова (Крупская Н. К.) 466

Б

Бабушкин *см.* Шкловский Г. Л.
Бабушкин И. В. (Богдан) 38, 217, 222, 224, 239, 242, 248, 259, 261, 262, 291
Багоцкие *см.* Багоцкий С. Ю. и Гочалковская Н.
Багоцкий С. Ю. 370, 371, 386, 389, 399
Бадаев (Баданч) А. Е. 373, 375, 383, 395, 396, 418, 432
Бажанов 117, 118
Базаров (Руднев) В. А. 280, 299, 308, 319, 329, 333, 380, 437
Бакин 301
Балабанова А. И. 415, 416, 421
Балашов 561
Балашов Ф. А. 391, 392
Бальмонт К. Д. 299
Барамзин Е. В. 234, 235, 237
Баранский Н. Н. 304
Барбюс Анри 612
Барон *см.* Эссен Э. Э.
Басовский И. Б. (Дементьев) 266
Басок *см.* Меленевский М. И.
Батулин (Замятин) Н. Н. 339
Бауман Н. Э. (Виктор, Грач, Дерево, Сорокин) 259, 260, 262, 273
Бахчиева Е. А. 312, 313
Бебель Август 363, 522
Бедный Демьян (Придворов Е. А.) 588, 613
Беклин Арнольд 386
Беленький А. Я. 362
Беленький Г. Я. 362, 413
Белостоцкий И. С. (Владимир) 357, 358, 366
Бельтов *см.* Плеханов Г. В.
Беранже Пьер Жан 588
Берг *см.* Шотман А. В.
Бергер Х. 613
Берзин (Берзинь-Зиемелис) Я. А. 394, 415, 421, 502
Берман Я. А. 329
Бернгейм К. 444

Бернштейн Эдуард 122, 232, 233, 289, 421, 545
Бетховен Людвиг ван 359, 393, 607
Бизе Жорж 607
Биценко А. А. 513, 542
Бичер-Стоу Гарриет 87
Благоев Димитр 576
Бланк А. Д. 16, 24, 120
Блонина *см.* Армад И. Ф.
Блюменфельд И. С. 250, 262
Блюмкин Я. Г. 537
Бобровская (Зеликсов) Ц. С. 277
Богдан *см.* Бабушкин И. В.
Богданов А. А. (Ал. Ал-ч, Александр Александрович) 278, 280, 290, 291, 293, 299, 312, 313, 314, 316, 319, 320, 324, 329, 330, 331, 332, 333, 336, 340, 343—344, 380, 381, 587
Богданова Н. Б. 280, 281, 312, 316
Богдановы *см.* Богданов А. А. и Богданова Н. Б.
Богдасарян Т. 325
Бодров А. И. 217
Бодров Ф. И. 217, 550
Бойцов Н. 430, 447
Большевикова Наташа *см.* Самойлова К. Н.
Бонч-Бруевич В. Д. 165, 167, 169, 175, 290, 357, 461, 480, 498, 503, 521, 536, 550
Бонч-Бруевич В. М. *см.* Величкина (Бонч-Бруевич) В. М.
Бонч-Бруевичи *см.* Бонч-Бруевич В. Д. и Величкина (Бонч-Бруевич) В. М.
Борг Вальтер 317
Борецкая (Журавлева) М. В. 582
Борис, Бориска, Боря *см.* Клипович Б. Н.
Борис Николаевич *см.* Носков В. А.
Борисова Р. Б. 567
Боровков В. П. 217
Бороздич Л. И. 240
Борхардт Юлиан 421
Бощ Е. Б. 413, 420
Брем Альфред Эдмунд 47
Брендинский М. И. 356, 362, 364
Бреслав Б. А. (Захар) 157, 358, 359, 362
Бритман А. В. (Антонов, Казаков, Свиягин) 354, 355, 362, 405
Бродяга *см.* Сильвин М. А.
Бройдо М. И. 337
Бронский М. Г. 431, 440
Бруснев М. И. 52
Брянчанянов А. С. 148
Бубнов А. С. 468, 475

Буланже П. А. 116, 117
Булатов А. А. 571
Бунаков И. (Фундаминский И. И.) 310
Бур *см.* Эссен А. М.
Бурдерон Альбер 424
Бурцев В. Л. 365, 398
Буткевич 561
Буткевич А. С. 561
Бухарин Н. И. (Орлов) 171, 386, 388, 389, 398, 406, 412, 429, 434, 437, 509, 510, 523, 540
Бухарина Н. М. 389
Бухарины *см.* Бухарин Н. И. и Бухарина Н. М.

В

В. В. *см.* Воронцов В. П.
Вагнер Рихард 607
Вадим *см.* Постоловский Д. С.
Вайнкоп Давид 434, 436
Вайнштейн М. Я. (Михаил Сергеевич) 303, 305, 314
Вайян (Вальян) Эдуард Мари 347, 409
Валецкий М. Г. 421
Валлах *см.* Литвинов М. М.
Вандервельде Эмиль 407, 409, 410, 414
Ванев А. А. (Минин) 45—46, 47, 52, 154, 223, 234, 235
Ваця-Казанец *см.* Панкратов И. И.
Барвара Григорьевна *см.* Сарбатова В. Г.
Барвара Николаевна *см.* Яковлева В. Н.
Варейкис И. М. 567
Варский Адольф (Варшавский А. С.) 332, 352, 421
Варя *см.* Арманд В. А.
Василий *см.* Искрянников С.
Васильев 280
Васильев *см.* Ленгник Ф. В.
Васильева В. *см.* Иванова А. И.
Вебб Беатриса 56, 232, 254
Вебб Сидней 56, 232, 254
Вева *см.* Воронцов В. П.
Вева *см.* Старков В. В.
Вевер Э. Я. 561
Вейсброд Б. С. 172, 173
Велика Дмитриевна *см.* Засудяч В. И.
Величкина (Бонч-Бруевич) В. М. 172, 290, 480, 508, 541
Вельтман (Павлович) *см.* Павлович М. П.
Вера Ивановна *см.* Засудяч В. И.
Вера Рудольфовна *см.* Мепжинская В. Р.
Вересаев (Смидович) В. В. 575
Веретенникова А. А. 134
Верещагин В. В. 284, 552—553
Верхарн Эмиль 612
Ветрова М. Ф. 226
Вечеслов М. Г. (Юрьев) 275
Вигилев Б. Д. 389
Виктор *см.* Бауман Н. Э.
Вилонов Н. Е. (Михаил, Миша Заводский) 343, 345, 346
Вильгельм II (Гогенцоллерн) 514, 544
Вильямс 255, 257
Винокуров А. Н. 172
Винстен (сестры) 316
Винтер *см.* Красин Л. Б.
Витмер Б. А. 303, 307, 381—382
Витмер О. К. 303, 307, 381—382
Витмеры *см.* Витмер Б. А. и Витмер О. К.
Витя *см.* Ульянов В. Д.
Владимиров И. М. 323—324
Владимиров (Шейнфинкель) М. К. (Лева) 291, 350, 363
Владимирский М. Ф. 343, 362, 397
Водовозов В. В. 95, 96, 148
Водовозова Е. Н. 95
Войтинский В. С. (Сергей) 307, 308
Войтинский Сергей *см.* Войтинский В. С.
Володарский В. (Гольдштейн М. М.) 464, 537
Володина А. И. (Аннушка) 74, 75, 166, 463
Володичева М. А. 525
Вольский С. (Соколов А. В.) 304, 361, 380, 587
Воробьев С. В. 367
Воровский В. В. (Орловский) 161, 281, 290, 295, 297, 299, 333, 386, 545, 587, 588
Воронский А. К. 588
Воронцов (В. В.) *см.* Воронцов В. П.
Воронцов В. П. (В. В., Вева) 29, 30, 37, 116, 149
Ворошилов К. Е. (Володя Антимеков) 308
Воски *см.* Тер-Иоаннисян В. А.
Воски-Иоаннисян *см.* Тер-Иоаннисян В. А.
Врангель П. Н. 495
Вурм Эммануил 353
Вячеслав Михайлович *см.* Молотов В. М.

Г

Гааге Гуго 424
 Гайдман Генри Майерс 409
 Гальберштадт Р. С. (Костя, Штерн) 266, 271
 Галлерин Л. Е. (Коняга, Ру) 276
 Ганецкий (Фюрстенберг) Я. С. 160, 161, 372, 391, 398, 399, 400, 441, 442, 443, 444
 Ганшин А. А. 39
 Гапон Г. А. 283—284, 286—288
 Гарборг Арне 611
 Гарди Джеймс Кейр 409, 414, 415
 Гарибальди Джузеппе 86
 Гаушман Гергарт 611
 Гегель Георг Вильгельм Фридрих 233, 329, 346, 412, 589, 610
 Гед Жюль (Базиль, Матье) 408, 414
 Гейне Генрих 110, 610
 Гельфонд О. И. 329
 Георгий *см.* Клоков М. Е.
 Герд А. Я. 459
 Герд Н. А. *см.* Струве Н. А.
 Герман *см.* Данишевский К. Х.
 Герман Борисович *см.* Красин Г. Б.
 Герцен А. И. 233, 367, 610
 Гёте Иоганн Вольфганг 610
 Гзовская О. В. 612
 Гизо Франсуа Пьер Гийом 95
 Гиль С. К. 170, 171, 172, 174, 175, 176, 177, 538, 541, 551
 Гильфердинг Рудольф 587
 Гинденбург Пауль 514
 Глеб *см.* Кржижановский Г. М.
 Глебов *см.* Носков В. А.
 Глебов-Авилов *см.* Авилов Н. П.
 Гляссер М. И. 525
 Гневич *см.* Фаберкевич Эбигнев
 Гоберман М. Л. 403
 Гоби Л. Х. (Ирина) 313
 Голландцы *см.* Вайнкоп Давид, Гортер Герман, Паннекук Антони, Роланд-Гольст Генриетта
 Голощекин Ф. И. (Филипп) 364—365, 366, 516
 Голубева (Яснева) М. П. 37, 96, 148, 152, 153
 Голубков А. П. (Давыдов) 337, 343
 Гольбах Поль Анри Дитрих 331
 Гольденберг И. П. (Мешковский) 299, 311, 337, 343, 450
 Гольдман Б. (Адель) *см.* Горев Б. И.
 Гольдман Л. И. (Аким) 247, 260
 Гольдштейн С. Л. 430
 Гончаров Д. А. 147

Гончарова Д. К. 171
 Гопнер С. И. (Наташа) 341, 362
 Гора *см.* Лозгачев Г. Я.
 Горбунов Н. П. 497, 536
 Гордиенко И. М. 460
 Гордон (Вальшер) Герта 539
 Горев (Гольдман) Б. И. (Адель) 264, 362, 375
 Горовиц И. 261
 Гороховик Т. М. 168
 Гортер Герман 434, 436
 Горький Максим (Пешков А. М., Алексей Максимович) 183, 207, 208, 299, 318, 323, 324, 327, 330, 331, 333, 343, 345, 350, 357, 370, 375, 380, 388, 427, 438, 587, 588, 613
 Гофман Макс 514
 Гочалковская Н. 389
 Грабер Эрнест Поль 411, 424
 Гражданин *см.* Краснуха В. П.
 Гранат А. Н. и И. Н. 438
 Грант Улисс Симпсон 86, 87
 Грач *см.* Бауман Н. Э.
 Гребельская Ф. З. 447
 Грейлих Герман 403
 Гречнев-Чернов А. С. 362
 Грибакин П. С. 217, 366
 Григорий *см.* Зиновьев (Радомысльский) Г. Е.
 Гримм Роберт 421, 442
 Гриша *см.* Беленький Г. Я.
 Грызуны *см.* Кржижановский Г. М. и Кржижановская (Невзорова) З. П.
 Гузон 62
 Гуревич Э. Л. 270
 Гусев С. И. (Драбкин Я. Д.) 267—268, 281, 290, 296
 Гуцул *см.* Запорожец П. К.
 Гуца *см.* Стасова Е. Д.
 Гюго Виктор 335, 611
 Гюисманс Камиль 394, 397
 Гэд *см.* Гед Жюль

Д

Давид *см.* Шварцман Д. М.
 Давыдов 37
 Давыдов-Голубков *см.* Голубков А. П.
 Давыдова Л. К. 227
 Дан Ф. И. 181, 250, 275, 317, 340, 357
 Даниельсон Н. Ф. (Николай — ов) 149
 Данилин 150
 Данилов 570

Данишевский К. X. (Герман) 394
Данский Б. Г. (Комаровский К. А.) 387, 453
Дантон Жорж Жак 474, 475
Дарвин Чарлз Роберт 233
Даргомьжский А. С. 110
Дашинский Игнаци 377
Двойрес Дора *см.* Двойрес-Зильберман Д. И.
Двойрес-Зильберман Д. И. 306
Дворник *см.* Михайлов А. Д.
Двоюродная сестра Н. К. Крупской 222
Дейч Л. Г. (Женька) 262, 264, 265, 273, 275
Дементьев *см.* Басовский И. Б.
Дементьева (Костя) *см.* Гальберштадт Р. С.
Дементьевы *см.* Басовский И. Б. и Гальберштадт Р. С.
Дени (Денисов) В. Н. 588
Дешкин А. И. 495, 551, 554, 559, 574, 578, 580, 583
Дерево *см.* Бауман Н. Э.
Дерябина С. И. 391
Десницкий В. А. (Строев) 294, 308
Джапаридзе А. Л. (Алеша) 291, 453
Джордж Генри 289
Джугашвили *см.* Сталин И. В.
Джунковский В. Ф. 397
Дзержинский Ф. Э. (Юзеф) 177, 307, 311, 323, 332, 468, 475, 537, 561
Диаманд Герман 402
Диккенс Чарлз 613
Дим *см.* Ульянов Д. И.
Димка *см.* Смидович-Леман И. Г.
Длуский Казимир 400
Дмитрий Ильич *см.* Ульянов Д. И.
Дно *см.* Доливо-Добровольский А. П.
Добролюбов Н. А. 93
Догадов А. И. (Павел) 360
Доливо-Добровольский А. П. (Дпо) 264
Домский Г. Г. 391
Дрейфус Альфред 557
Дубовой Н. И. 455, 456
Дубровинский И. Ф. (Инокентий, Ипок) 311, 312, 313, 316, 324, 331, 332, 333, 336, 337, 339, 341, 343, 349, 350, 607
Дукельский М. П. 553
Дупкер Кетэ 421
Дутов А. И. 487
Духонин Н. Н. 511, 513
Дыбенко П. Е. 479, 482, 508, 509
Дюбуше 341, 344

Дюма Шарль 347
Дюфрен 101
Дяденька *см.* Книпович Л. М.

Е

Егор *см.* Егоров И. И.
Егоров *см.* Левин Е. Я.
Егоров И. И. 278
Егорова Е. Н. (Ллепинь Марта) 459, 470, 476
Елизавета Павловна *см.* Шмидт Е. П.
Елизаров Е. П. 148
Елизаров М. Т. 27, 30, 31, 32, 54, 74, 75, 95, 96, 100, 104, 105, 107, 116, 117, 119, 120, 123, 142, 146, 148, 149, 150, 156, 166, 167, 339, 440, 449, 463, 464
Елизаров П. П. 167
Елизаров П. Т. 31, 104
Елизаровы *см.* Елизаров М. Т. и Ульянова-Елизарова А. И.
Емельянов Н. А. 464, 466
Емельянова-Буре А. К. 239
Емельяновы (семья) 466—467
Енукидзе А. С. 259, 413, 456
Енукидзе Т. Т. 259
Ерамасов А. И. (Монах) 148, 149, 150
Ерема *см.* Шнейерсон А. А.
Еремеев К. С. 157
Ермолаев И. О. (Сосипатыч) 229
Ефимова Е. А. 570

Ж

Жак *см.* Александрова Е. М.
Желтышев С. П. 493, 494
Женька *см.* Дейч Л. Г.
Женюрка *см.* Радченко Е. С.
Жепюрка *см.* Шкловская Е. Г.
Житомирский Я. А. 325, 337, 338, 341
Жорес Жан 347
Жуков Б. 217
Жуковский В. А. 22
Жулев Г. Н. 570
Журавлев С. 229
Журавлева О. Н. 582

З

Загорский (Лубоцкий) В. М. 560
Зайчик *см.* Окулова Г. И.
Замысловская Е. 588

Запорожец П. К. (Гуцул) 47, 52,
71, 223, 235
Засулич В. И. (Велика Дмитриевна)
221, 222, 243—245, 246, 249,
250, 252, 253, 258, 264, 265, 267,
271, 272, 273, 599, 601

Захар *см.* Бреслав Б. А.
Зверка, Зверь *см.* Эссен М. М.
Зволянский С. Э. 36, 53
Зевин Я. Д. (Савва) 360, 364
Зеликсон Ция *см.* Бобровская
(Зеликсон) Ц. С.
Землячка Р. С. 267, 270, 290, 291,
294

Зефир *см.* Моисеев С. И.
Зиновьев (Радомысльский) Г. Е.
172, 332, 338, 340, 343, 352, 358,
360, 361, 362, 365, 366, 370, 371,
372, 389, 392, 398, 399, 400, 406,
409, 420, 421, 425, 428, 429, 432,
441, 447, 463, 464, 468, 475, 489,
518

Зиновьев Степа 338, 360, 372, 394,
409

Зиновьевы *см.* Зиновьев Г. Е. и
Лилина З. И.

Золя Эмиль 233, 610

Зоммер *см.* Любимов А. И.

Зоф В. И. 464, 466

Зубатов С. В. 119

Зубрилин 143

Зырянов А. Д. 228, 229, 230

Зырянова Е. Д. 228, 230

Зыряновы *см.* Зырянов А. Д. и
Зырянова Е. Д.

Зябицкий 315

И

Иванов В. И. 567

Иванов Н. Я. 171

Иванова А. И. (Васильева В.) 358

Игнат *см.* Красиков П. А.

Игнатьев А. М. 334

Ильин П. Д. 99

Ильин (Ленин В. И.) 310

Ильин Ф. Н. 406

Ильины 290

Илья Данилович *см.* Путин-
цев И. Д.

Инесса *см.* Арманд И. Ф.

Инокентий, Инок *см.* Дубровин-
ский И. Ф.

Иодко-Наркевич Витольд 377

Ионов В. А. 30, 96, 97, 148, 149, 362

Ионов (Койген Ф. М.) 362

Иорданов (Ленин В. И.) 247

Иорданский Н. И. 357

Иоффе А. А. 513, 546

Ирина *см.* Гоби Л. Х.

Ирина *см.* Окулова И. И.

Искрянстов С. (Васильев) 360

Йонг 255, 257

К

Казаков *см.* Бритман А. В.

Какко Пааво 315

Калашников В. А. 17

Каледин А. М. 487, 489, 506, 510

Калинин М. И. 260, 563, 569

Калинина А. Д. 549

Калмыкова А. М. (Тетка) 71, 221,
240, 274, 276, 588, 601

Каменев (Розенфельд) Л. Б. 157,
291, 299, 332, 338, 340, 343, 350,
352, 353, 361, 362, 376, 391, 392,
394, 402, 418, 450, 451, 463, 464,
468, 475, 488, 489, 490, 513, 601

Каменева О. Д. 338, 394

Каменевы *см.* Каменев (Розен-
фельд) Л. Б. и Каменева О. Д.

Каменская (Домская) 416, 417

Камков (Кац) Б. Д. 478, 481

Каммереры Титус и Луиза 428,
434, 446

Камо *см.* Тер-Петросян С. А.

Камский *см.* Обухов В. М.

Кант Иммануил 233, 235, 329

Каплац Ф. Е. 173, 541

Карахан Л. М. 513

Кареев Н. И. 30

Карелин В. А. 531

Карл *см.* Бернгейм К.

Карльсон К. Н. 448

Каронин С. (Петропавлов-
ский Н. Е.) 142

Карпинские *см.* Карпинский В. А.
и Равич С. Н.

Карпинский В. А. 198, 297, 318,
405, 408, 411

Карпов (Ленин В. И.) 309

Каспаров В. М. 413, 414, 425, 444

Кассо Л. А. 382

Касьян *см.* Радченко И. И.

Катанская А. Л. 221

Катков 101

Катя 313

Катя *см.* Мазанова Е. И.

Каутский Карл 65, 117, 232, 238,
289, 326, 350, 353, 376, 394, 397,
408, 410, 421, 439, 441, 545, 546,
617—618

Кауров В. Н. 459, 462, 463

Квятковский В. А. 239, 240

Кедрова 63

- Кейр-Гарди *см.* Гарди Джеймс Кейр
- Керенский А. Ф. 75, 89, 161, 457, 465, 467, 479, 482, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 493, 497, 502, 506, 511, 524, 536, 539
- Керенский Ф. М. 21, 22, 23, 89, 139, 194
- Кизас А. П. 541
- Киевские *см.* Бош Е. Б. и Пятаков Г. Л.
- Киселев А. С. 395
- Кишкин Н. М. 479
- Классон Р. Э. 215, 222, 244, 519
- Клемансо Жорж Бенжамен 512
- Клюков М. Е. (Георгий) 357—358
- Клэр *см.* Кржижановский Г. М.
- Книпович А. И. 307, 315, 390
- Книпович Б. Н. 389—390
- Книпович К. И. 315
- Книпович Л. М. (Дяденька) 220, 221, 240, 241, 257, 259, 262, 267, 277, 307, 308, 315, 331, 357, 389, 390—391
- Книпович Н. М. 307, 315, 390
- Книповичи *см.* Книпович А. И. и Книпович Н. М.
- Кнунияц Е. (Лиза) 276
- Кобецкий М. В. 399
- Коваленский М. Н. 588
- Коган Д. М. 565
- Козырев Н. Н. (Фома) 346
- Кокко Н. И. 367
- Коллегаев А. Л. 490, 500, 542
- Коллонтай А. М. 192, 195, 205, 352, 415, 416, 417, 421, 423, 434, 440, 441, 444, 445, 450, 468, 508, 549
- Колумб *см.* Лалаянц И. Х.
- Колчак А. В. 495, 551, 554, 559, 578
- Кольцов (Гинзбург Б. А.) 267
- Комиссаров 313, 337
- Кон Ф. Я. 227, 235, 439
- Кондратьева 310
- Коняга *см.* Гальперин Л. Е.
- Корнилов Л. Г. 464, 487, 489
- Коробко Я. П. 215, 244
- Короленко В. Г. 588
- Коротков Б. П. 494
- Короткова М. В. 494
- Косич А. И. 96
- Костицыны 351
- Костомаров Н. И. 47
- Костя (жена Дементьева) *см.* Гальберштадт Р. С.
- Косюра Н. Г. 502
- Котляренко Д. М. 324, 362
- Кох 85
- Кохер Теодор 389, 391
- Кошельков Я. 177, 178
- Кравченко А. Г. 515—516
- Крамер 246
- Крамольников (Пригорный) Г. И. 291
- Красиков П. А. (Август, Игнат, Музыкант, Павлович, Панкрат, Шпилька) 261, 264, 266, 267, 270, 273, 296
- Красин Г. Б. 38, 214
- Красин Л. Б. (Винтер, Лошадь, Никитич) 38, 259, 260, 278, 291, 303, 305, 313, 316, 344, 353
- Краснов П. Н. 76, 484, 485, 536, 539
- Краснуха В. П. (Гражданин) 261, 264
- Крестинская В. М. 541
- Крестинский Н. Н. 588
- Кржижановская-Невзорова З. П. (Улитка) 34, 146, 181, 222, 233, 235, 259, 331, 456
- Кржижановские *см.* Кржижановский Г. М. и Кржижановская (Невзорова) З. П.
- Кржижановский Г. М. (Клэр, Суслик) 47, 52, 60, 61, 71, 102—103, 146, 154, 220, 233, 235, 236, 259, 264, 271, 273, 274, 277, 331, 456
- Кривенко С. Н. 29
- Кривой И. *см.* Раскин
- Кричевский Б. Н. 250
- Кроликов Н. И. 223
- Кропоткин П. А. 612
- Крохмаль В. Н. (Фомин) 65, 238, 239, 262, 271, 275, 314
- Крупа (Крупская Н. К.) 390
- Крупская Е. В. 51, 56, 226, 227, 228, 230, 231, 237, 238, 242, 253, 258, 312, 313, 317, 337, 339, 344, 345, 351, 355, 359, 369, 371, 387, 388, 392, 400, 401, 402, 418, 420, 606
- Крупская Н. К. (Атаманова, Круца, Марица, Минога, Надежда Константиновна, Надина, Надя, Онегина Прасковья Евгеньевна, Рихтер, Рыба) 26, 45, 47, 51, 56, 58, 59, 64, 67, 68, 69, 70, 72, 74, 75, 91, 122, 143, 154, 165, 166, 167, 172, 175, 176, 195, 196, 199, 247, 258, 299, 308, 390, 466
- Крупский К. И. 553
- Крыленко Н. В. 76, 307, 370, 373, 387, 406, 412, 479, 482, 485, 512
- Крылов А. И. 239
- Крымов А. И. 465
- Ксения Ивановна *см.* Книпович К. И.
- Кугушев В. А. 576
- Куделли П. Ф. 221

Кудум А. Е. 232
Кудум М. (Минька) 231—232, 237
Кудум П. И. 231, 232
Кузнецов *см.* Сапожков Н. И.
Куклин А. С. 460
Куклин Г. А. 318
Курраев В. В. 567
Курнатовский В. К. 234—235, 368, 369
Курочкин В. С. 570
Курц *см.* Ленгник Ф. В.
Кускова Е. Д. 56
Кучменко Н. О. 459
Кшесинская М. Ф. 163, 449, 452, 461, 462, 463

Л

Лаврентьева Ю. И. 306
Лагуретт 344
Лалаянц И. Х. (Колумб) 61, 64, 96, 97, 118, 148
Лапоть *см.* Лепешинский П. Н.
Ларип Ю. (Лурье М. А.) 587
Лафарг Лаура 348, 363
Лафарг Поль 348, 363
Лаферм 222, 457, 458
Ладис М. И. (Судрабс Я. Ф.) 394, 459, 537
Лашевич М. М. 462
Лебедева М. И. 148
Лев Григорьевич *см.* Дейч Л. Г.
Лева Владимиров *см.* Владимиров М. К.
Левин Е. Я. (Егоров) 270, 271
Лейтейзен Г. Д. (Линдов) 275, 311, 312, 350
Лейтейзен М. Г. 311, 312
Лейтейзены *см.* Лейтейзен Г. Д. и Лейтейзен М. Г.
Леман Карл 247
Леман М. Н. 291
Ленгник Ф. В. (Курц, Васильев) 227, 234, 235, 259, 264, 267, 271, 273, 274, 275—276
Ленни В. И. (Ильин, Иорданов, Карпов, Мейер, Петербуржец, Рихтер, Тулин К., Чхейдзе) 38, 242, 243, 247, 253, 308, 309, 310
Леонович В. В. 240
Лепешинская О. Б. 247, 283, 290, 295
Лепешинская О. П. 57
Лепешинские *см.* Лепешинский П. Н. и Лепешинская О. Б.
Лепешинский П. Н. (Лапоть) 57, 63, 103, 233, 234, 247, 259, 283, 290, 295, 601
Лермонтов М. Ю. 233, 593, 610

Лещенко Д. И. 299, 302, 309, 312, 315, 466
Либер (Гольдман) М. И. 362
Либкнехт Вильгельм 104
Либкнехт Карл 102, 408, 414, 415, 416, 421, 546
Ливанов А. И. 30
Лилина З. И. 338, 358, 360, 362, 370, 371, 372, 389, 394, 399, 406, 409, 413, 416, 447
Линде А. 447
Линдов *см.* Лейтейзен Г. Д.
Линдхаген Карл 448
Линкольн Авраам 86, 87
Литвинов М. М. (Валлах, Папаша) 262, 275, 290, 291, 414, 415
Лобов С. С. 511
Лозгачев Г. Я. (Гора) 74, 449
Лозовский (Дридзо) С. А. 304, 351, 499
Локерман А. С. 267
Ломов А. (Опоков Г. И.) 468, 482
Лондон Джэк (Джон Гриффит) 588, 614
Лоськов 118
Лошадь *см.* Красин Г. Б.
Луженовский 478
Лукашевич (Тучапский) П. Л. 308
Луначарская А. А. 282—283
Луначарские *см.* Луначарская А. А. и Луначарский А. В.
Луначарский А. В. 280, 281, 282, 290, 299, 319, 324, 329, 330, 336, 343, 352, 361, 380, 465, 482, 495, 496, 541, 553, 567, 575—576
Луначарский П. В. 575—576
Любимов А. И. (Зоммер М., Марк) 291, 343, 350, 353, 362, 363
Люда *см.* Радченко Л. С.
Людендорф Эрих 514
Людовик Филипп 102
Люксембург Роза (Юниус) 253, 309, 310, 317, 318, 332, 363, 377, 408, 415, 416, 421, 434, 436, 438
Люся 337
Люшвин В. Е. (Пахом) 346
Лядов (Мандельштам) М. Н. 290, 338
Лядовы (Мандельштамы) *см.* Лядов (Мандельштам) М. Н. и Мандельштам Л. П.
Ляховский Я. М. 224, 225, 237

М

Мазанов И. П. 240, 358
Мазанова Е. И. 358
Майн Рид *см.* Рид Томас Майн

- Макар *см.* Александров И. П.
 Макаров Н. П. 608
 Макдональд Джеймс Рамсей 409,
 414, 415
 Максвель Я. Д. 219, 301
 Малиновский А. 360
 Малиновский Р. В. 356, 365, 366,
 375, 386—387, 391, 392, 393, 397,
 398
 Малченко А. Л. 63
 Малченко Е. В. 63
 Малых М. А. 296
 Малышев С. В. 310
 Мальков П. Д. 494, 498, 536
 Мамонов М. А. 172
 Мамоштов К. К. 583
 Мандельштам Л. П. 290
 Манучарьянц Ш. М. 525
 Манцев В. Н. 360
 Маия *см.* Ульянова М. И.
 Марат *см.* Шанцер В. Л.
 Маргарита *см.* Фофанова М. В.
 Марек Зигмунт 400
 Мариенгофы Е. и М. *см.* Мири-
 гоф Е. и Миригоф М.
 Марица (Крупская Н. К.) 247
 Мария Федоровна *см.* Андре-
 ва М. Ф.
 Марк *см.* Любимов А. И.
 Марк Тимофеевич *см.* Елиза-
 ров М. Т.
 Марков С. Д. 572
 Маркс Карл 21, 26, 29, 33, 36, 38,
 42, 91, 102, 109, 117, 122, 149, 182,
 214, 219, 233, 236, 257, 281, 285,
 289, 319, 321, 329, 348, 363, 376,
 379, 412, 426, 437, 438, 474, 475,
 545, 547, 549, 590, 591, 594, 616—
 617
 Марта 344
 Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) 53,
 54, 55, 59, 60, 61, 63, 113, 123,
 184, 185, 202, 225, 233, 236, 240,
 242, 243, 244, 245, 247, 250, 253,
 258, 264, 267, 270, 271, 272, 273,
 274—275, 276, 277, 340, 352, 353,
 358, 407, 421, 442, 447, 489, 587,
 598, 601
 Мартынов А. (Пикер А. С.) 352
 Мархлевский Юлиан (Карский)
 340, 353
 Масленников А. Н. 39, 118
 Масленников В. Н. 39
 Матлахов 368
 Матрена *см.* Смидович П. Г.
 Мать Ульянова И. Н. *см.* Ульяно-
 ва А. А.
 Матюшенко А. Н. 287, 288
 Мах Эрнст 331
 Маяковский В. В. 584, 612, 613
 Медведев С. П. 375
 Медвежонок *см.* Ульянова М. И.
 Мезина-Ященко П. А. (Паша) 230,
 231, 237
 Мейер (Ленин В. И.) 242, 243
 Меленевский М. И. (Басок) 307
 Меллер-Закомельский А. Н. 368
 Мельничанский Г. Н. 464
 Менжинская В. Р. 303, 305, 306,
 311, 312, 313, 496
 Менжинская Л. Р. 311, 496
 Менжинские *см.* Менжин-
 ская В. Р. и Менжинская Л. Р.
 Менжинский В. Р. 311, 497
 Мергейм Альфонс 424, 425
 Меринг Франц 350, 408, 415, 421,
 539, 545
 Мешковский *см.* Гольденберг И. П.
 Мещеряков В. Н. 531
 Мещеряков Н. Л. 253—254
 Мещерякова А. И. 221, 253, 254
 Миллюков П. Н. 161, 451, 452
 Милютин В. П. 350, 482, 489, 567
 Минян *см.* Вадеев А. А.
 Минюга (Крупская Н. К.) 47, 154
 Минский Н. 299
 Миц В. М. 174, 541
 Минька *см.* Кудум М.
 Мирбах Вильгельм 522, 537
 Миригоф Е. 447
 Миригоф М. 447
 Митрофанов А. X. 567
 Митя *см.* Ульянов Д. И.
 Михаил *см.* Вилонов Н. Е.
 Михаил Иванович *см.* Кали-
 нин М. И.
 Михаил Сергеевич *см.* Байн-
 штейн М. Я.
 Михайла 218
 Михайлов *см.* Постолювский Д. С.
 Михайлов А. Д. (Дворник) 220
 Михайлов Л. М. 459
 Михайлов Н. Н. 44
 Михайловский Н. К. 29, 30, 36, 39,
 40, 92, 149, 592, 594
 Михалев К. Я. 445—446
 Михельсон Л. 171
 Мицкевич С. И. 39
 Мишке 119
 Младшая сестра Ульянова И. Н.
см. Ульянова Ф. Н.
 Мовшович М. И. 406
 Мовшович М. С. 406
 Мовшовичи *см.* Мовшович М. И.
 и Мовшович М. С.
 Модрачек Франтишек (Фрац)
 242, 364

Моисеев С. И. (Зефир, Плья) 344, 405
Молотов (Скрябин) В. М. 157, 463, 475, 572
Молькенбург Герман 363
Монтегюс Брунвик Гастон 347, 599—600, 611—612
Мопассан Гп де 335
Моргарп Одно 421
Морозов А. В. 334
Мстиславский С. Д. 513
Музыкант *с.м.* Красиков П. А.
Муравьев М. А. 539
Муранов М. К. 375, 418
Мурашев 461
Мюнценберг Вильгельм (Вилли) 430

Н

Надежда Константиновна *с.м.*
Крупская Н. К.
Надежда Михайловна *с.м.* Бухарина Н. М.
Надяна (Крупская Н. К.) 72
Надсон С. Я. 393
Надя (Крупская Н. К.) 72
Нагоряков Н. П. 343
Наполеон I (Бонапарт) 86, 270
Наталья Богдановна *с.м.* Богданова Н. Б.
Натансон М. А. 278, 421, 478, 602
Наташа 249
Невзоров *с.м.* Стеклов Ю. М.
Невзорова-Кржижановская З. П. *с.м.* Кржижановская-Невзорова З. П.
Невский В. И. 302
Некрасов Н. А. 15, 22, 36, 233, 393, 610
Немец Антоини 364
Нерман Туре 421, 448
Никифорова А. Н. 395
Николай 307
Николай I (Романов) 13, 14, 15
Николай II (Романов) 49, 50, 67, 451, 539
Николай Васильевич *с.м.* Сапожков Н. И.
Николай Евграфович *с.м.* Федосеев Н. Е.
Николай Ивапович *с.м.* Бухарин Н. И.
Николай Николаевич *с.м.* Яковлев Н. Н.
Николай — он *с.м.* Даниельсон Н. Ф.
Нина Александровна *с.м.* Струве (Герд) Н. А.

Нобс Эрнст 430
Новожиллов Я. Т. 391, 392
Ногин В. П. 350, 482, 489, 490
Носков В. А. (Борис Николаевич, Глебов) 248—249, 261, 271, 273, 274
Нэн Шарль 411, 424
Няня *с.м.* Сарбатова В. Г.

О

Обух В. А. 174
Обухов В. М. (Камский) 295
Овсеенко (Антонов) В. А. *с.м.* Антонов-Овсеенко В. А.
Огородников Н. А. 309
Окулова Г. И. (Зайчик) 240, 259
Окулова Е. И. 369
Окулова И. И. 369
Олег (Прухняк) *с.м.* Прухняк Э.
Олимпиада Никаноровна *с.м.* Журавлева О. Н.
Ольга Ильинична, Ольга, Оля *с.м.* Ульянова О. И.
Ольминский (Александров) М. С. 157, 263, 277, 280, 281
Онегина П. Е. (Крупская Н. К.) 299, 308
Онуфриев Е. П. 366
Оппоков (Ломов) Г. И. *с.м.* Ломов А. (Оппоков Г. И.)
Орджоникидзе Г. К. (Серго) 358, 359, 362, 364, 366
Орлов 100, 142
Орлов *с.м.* Бухарин Н. И.
Орлова 26, 102
Орловский *с.м.* Воровский В. В.
Осинский Н. (Оболенский В. В.) 497
Оскар, Оскар Александрович *с.м.* Энгберг О. А.
Отец Ульяпова И. Н. *с.м.* Ульянов (Ульянин, Ульянинпов) Николай Васильевич
Охотников Н. М. 19, 20

П

Павлов Леша 586
Павлович *с.м.* Красиков П. А.
Павлович М. П. (Вельтман М. Л.) 513
Панин Н. Н. 234, 240
Панина С. В. 309
Панков 588
Панкрат *с.м.* Красиков П. А.
Панкратов В. С. 462

- Панкратов И. И. (Ваня-Казанец) 346
- Паннекук Антони 434, 436
- Папа Роде *см.* Роде А. Г.
- Папаша *см.* Литвинов М. М.
- Парабеллум *см.* Радек К. Б.
- Парвус (Гельфанд) А. Л. 253
- Пастухов Александр Дмитриевич 574
- Пастухов Алексей Дмитриевич 574
- Пастухов Д. Д. 574
- Пастухов И. Д. 574
- Пастухов М. Д. 574
- Пахомов П. Л. 567
- Паша *см.* Мезина-Ященко П. А.
- Первухины Е. П. и А. Н. 280
- Персианиновы Б. Л. и В. Л. 131
- Перфильев 124
- Петербуржец (Ленни В. И.) 38
- Петрова П. А. 237
- Петровский Г. И. 375, 378, 418
- Пилсудский Юзеф 495
- Писарев Д. И. 96, 610
- Плаксины Е. Д. и Н. Н. 239
- Платтен Фридрих (Фриц) 161, 162, 168, 421, 430, 444, 446, 447, 448
- Племянник Елизарова М. Т. *см.* Елизаров Е. П.
- Плеханов Г. В. (Бельтов) 38, 41, 42, 63, 65, 118, 160, 185, 202, 222, 241, 243, 244, 245—246, 249, 250—251, 252, 254, 258, 261, 262, 264, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 275, 276, 277, 278, 279, 283, 284, 297, 320, 321, 322, 326, 329, 330, 332, 336, 341, 352, 353, 357, 364, 366, 380, 405, 406, 407, 419, 450, 558, 596, 600—601, 608
- Плешаков М. 125, 126
- Плещеев А. Н. 15
- Подбельский В. Н. 537
- Подвойский Н. И. 485, 486, 508, 515
- Пожарский *см.* Сильвин М. А.
- Покровский И. П. 352, 357
- Покровский М. Н. 513
- Поленц Вильгельм 611
- Полетаев Н. Г. 339, 343, 332, 357, 366
- Полуторный И. В. 171, 172
- Пономарев А. П. 24, 92
- Пономарева (Ардашева) Л. А. 24, 92, 132, 134
- Попов А. К. 573
- Попов Д. И. 537, 538
- Попов (Розанов) В. Н. 271
- Попов И. Ф. 397
- Попов Н. С. 586
- Пор А. И. 22
- Португалов В. О. 240
- Постников В. Е. 29
- Постоловский Д. С. (Вадим, Михайлов) 278, 291, 293
- Потресов А. Н. (Старовер) 38, 51, 52, 61, 215, 221, 222, 232, 233, 236, 238, 243, 247, 249, 253, 264, 267, 271—272, 274, 289, 341, 587, 588, 601
- Правдин А. Г. 373
- Прелог 427, 428
- Преображенский А. А. 142, 147, 281
- Преображенский Е. А. 588
- Пригара 355
- Присягин И. В. 358, 359, 449—450, 456
- Прокопович С. Н. 56
- Проминская Т. Р. 228, 231
- Проминский И. Л. 54, 228, 229, 231, 232
- Проминский Л. И. 229
- Прошьян П. П. 508
- Прухняк Э. (Олег) 360
- Пуришкевич В. М. 385
- Пурышев 459
- Путинцев И. Д. 198
- Пушас (Алексей) 167
- Пушкин А. С. 233, 393, 593, 594, 610, 613
- Пылаев Г. Н. (Андрей, Егор Пылаев) 157
- Пятаков Г. Л. (П. Киевский) 413, 420, 434, 436, 437, 497
- Пятница *см.* Пятницкий И. А.
- Пятницкий И. А. (Пятница, Гарси) 262, 324, 325, 362, 365, 588

Р

- Равич Ольга *см.* Равич С. Н.
- Равич С. Н. (Ольга) 318, 325, 416, 447
- Рагозинский Н. В. 566
- Радек К. Б. (Парабеллум) 421, 434, 435, 436, 447, 448
- Радченко Е. С. (Женюрка) 238
- Радченко И. И. (Аркадий, Касьян) 252, 259, 264
- Радченко Л. Н. (Паша) 226, 227, 238, 259, 266
- Радченко Л. С. (Люда) 238
- Радченко С. И. 53, 215, 222, 224, 226, 227, 233, 259
- Раймонд (Реймент) 255, 257
- Райчин С. Г. 235

Рамсей Уильям 384
 Раппопорт Ф. В. 587
 Раппопорт Шарль 348, 361, 587
 Раскин (Исаак Кривой) 350
 Раскольников Ф. Ф. 511
 Рахья Э. А. (Эйпо) 367, 373, 466, 469, 476, 482
 Рейнбот (Резвой) А. А. 543, 560—561
 Ренненкамф П. К. 368
 Рид Джон 427
 Рид Томас Майн 47, 154
 Рикардо Давид 95
 Риман Н. К. 306
 Ритмейер 242, 243
 Рихтеры (В. И. Ленин и Н. К. Крупская) 258
 Роберт 447, 448
 Роде А. А. 309
 Роде А. Г. (Папа Роде) 309
 Родзянко А. П. 564
 Родзянко М. В. 397, 564
 Рожков Н. А. 299, 311, 332
 Роза *см.* Люксембург Роза
 Розанов А. С. (нижегородский) 115
 Розанов В. Н. (из «Южного рабочего») 115
 Розанов В. Н. (хирург) 115, 172, 541
 Розенблюм Д. 447
 Розмирович Е. Ф. 76, 386, 388, 391, 398, 406, 412, 413, 416
 Роланд-Гольст Генриетта 416, 421, 434, 436
 Родау Э. Х. 247
 Романов 368
 Романов А. С. (Аля Алексинский) 346, 356, 365, 395
 Романов Сергей Александрович (князь Сергей) 54
 Романовский 119
 Романовский Г. И. 393
 Ростова 23
 Ру *см.* Гальперин Л. Е.
 Рудаков М. И. 217
 Руднев В. В. 488
 Рузский 85
 Румянцев П. П. 217, 240, 291, 294, 298, 299, 303, 315
 Рыба (Крупская Н. К.) 154
 Рыков А. И. 291, 308, 343, 362, 482, 489, 490
 Рылеев К. Ф. 14
 Рязанов (Гольдендах) Д. Б. 270, 310, 361, 403
 Рязанова А. Л. 403
 Рязановы *см.* Рязанов (Гольдендах) Д. Б. и Рязанова А. Л.

С

Савва — *см.* Зевин Я. Д.
 Саввушка 351
 Савельев М. А. 357
 Салтыков С. Н. 239
 Салтыков-Щедрин М. Е. 179, 613
 Самба Марсель 414
 Саммер И. А. 227, 291
 Самойлов А. И. 31
 Самойлов Ф. Н. 383, 391, 403, 404, 418
 Самойлова К. Н. (Наташа Большевикова) 308, 549
 Сапожников Н. И. (Кузнецов Николай Васильевич) 350, 354—355, 362, 405, 425
 Сарбатова В. Г. 83, 92, 131
 Сафаров Г. И. 369, 373, 374, 403, 418, 445, 447
 Сафарова В. С. 403, 445, 447
 Сафаровы *см.* Сафаров Г. И. и Сафарова В. С.
 Сverbеев А. Д. 143
 Свердлов Я. М. 164, 172, 173, 308, 452, 468, 475, 490—491, 508, 509, 517, 518, 521, 525, 541, 542, 544, 554—555, 563, 580
 Свердлова К. Т. 308
 Сви́дерский А. И. 238, 239, 564
 Сема (Семков) *см.* Семков С. М.
 Семашко Н. А. 198, 325, 326, 327, 335, 343, 354, 358, 361, 362
 Семен (Шварц) *см.* Шварц И. И.
 Семков С. М. (Сема) 360
 Сергей (князь) *см.* Романов Сергей Александрович
 Сергиевская О. А. 566
 Серго *см.* Орджоникидзе Г. К.
 Серебровский 215
 Середа С. П. 531, 564, 567
 Серов В. М. 337
 Сестра Крупской Е. В. *см.* Тистрова О. В.
 Сиби́ряков К. М. 142, 143, 147
 Сиг Жан 338
 Сильвин М. А. (Бродяга, Пожарский) 46, 47, 67, 68, 154, 220, 225—226, 227, 234, 259, 260, 262
 Сильвина О. А. 237, 238
 Симонов И. Г. 313, 337
 Скворцов И. И. *см.* Скворцов-Степанов И. И.
 Скворцов-Степанов И. И. 280, 308, 357, 482, 510, 588
 Скляренко А. П. (Попов) 30, 31, 96, 97, 148, 149
 Скобелев М. И. 439, 449
 Сквонно А. А. (Абрам) 350, 417

Скоропадский П. П. 536
Скребицкий А. И. 97
Скрыпник Н. А. (Щенский, Щур)
291, 295, 338, 343
Скубик Э. П. 247
Слудская В. К. 486
Слудский А. И. 464
Смидович П. Г. (Матрена) 258,
260, 537
Смидович С. Н. 575
Смидович-Леман И. Г. (Димка)
244, 247, 250, 258, 263
Смилга И. Т. 463, 467, 517, 518
Сокольников (Бриллиант) Г. Я.
447, 468, 488, 513, 517, 518
Соловьева 23
Сологуб (Тетерников) Ф. К. 383
Сомоно Луиза 416
Сорокин *см.* Бауман Н. Э.
Сосипатыч *см.* Ермолаев И. О.
Спандарян С. А. 366
Спандарян С. С. (Сурен) 366
Спиноза Барух (Бенедикт) 331
Спридонова М. А. 478, 481, 506,
509—510, 531
Спунде А. П. 516
Сталин (Джугашвили) И. В. 157,
370, 374, 388, 462, 463, 468, 475,
476, 482, 492, 498, 509, 517, 518,
542, 553, 569, 583
Сталь Л. Н. 362, 363, 394, 415, 448,
549
Старков В. В. (Веве) 46, 60, 103,
222, 233, 237
Старовер *см.* Потресов А. Н.
Старшая сестра Ульянова И. Н.
см. Ульянова М. Н.
Стасова Е. Д. (Абсолют, Гуца)
259, 260, 452, 518
Стеклов Ю. М. (Невзоров) 270,
361
Степа, Степка *см.* Зиновьев Степа
Степан *см.* Шаумян С. Г.
Степанов *см.* Скворцов-Степанов
И. И.
Страуян Я. Я. 325, 326
Стрем Фредрик 448
Строев *см.* Десницкий В. А.
Струве (Герд) Н. А. 223, 226, 233,
249, 459
Струве П. Б. 38, 39, 215, 221, 222,
223, 226, 227, 232, 249, 459
Суворов С. А. 329
Сулимов С. Н. 462
Сулимова М. Л. 462
Сулимовы *см.* Сулимов С. Н. и
Сулимова М. Л.
Сурен *см.* Спандарян С. С.
Суслик *см.* Кржижановский Г. М.

Суханов Н. (Гиммер Н. Н.) 378—
379, 558
Суханова (Флаксерман) Г. К. 468

Т

Танюша *см.* Шаповалова Л. Р.
Таратута В. К. (Виктор) 334, 340,
343, 362
Тарсис *см.* Пятницкий И. А.
Татьяна Ивановна 325
Тахтарев К. М. 226, 257, 258, 266,
270
Тахтаревы (Тары) *см.* Тахтарев
К. М. и Якубова А. А.
Теодорович И. А. 489, 499
Тер-Иоаннисян В. А. (Воски, Вос-
ки-Иоаннисян) 366
Тер-Петросян А. 313
Тер-Петросян Д. 313
Тер-Петросян С. А. (Камо) 312—
313, 325, 353, 354
Тетка *см.* Калмыкова А. М.
Тетка Бланк М. А. *см.* Эссен Е. И.
Тимирязев К. А. 574
Тистрова О. В. 402
Тихомирнов В. А. 400, 401
Толстой Л. Н. 116, 143, 233, 236,
269, 355, 423, 607, 610, 612
Томский М. П. 343, 498
Торгонская 34
Торнтон 218—219, 223
Троцкий (Брошштейн) Л. Д. 263,
273, 276, 303, 324, 352, 353, 361,
366, 374, 408, 412, 421, 424, 436,
439, 465, 468, 482, 493, 514, 517,
518, 588
Трояновская Е. Ф. *см.* Розмиро-
вич Е. Ф.
Трояновские *см.* Розмирович Е. Ф.
и Трояновский А. А.
Трояновский А. А. 386, 388, 391
Трульстра Питер Йеллес 416
Туган-Барановский М. И. 227
Тулин К. (Ленин В. И.) 38
Тургенев И. С. 233, 610
Туре Нерман *см.* Нерман Туре
Туркин М. П. 430
Туссен Шарль 409
Тучапский *см.* Лукашевич П. Л.
Тыняпов Ю. Н. 20
Тырков А. В. 227, 235
Тыркова А. В. 227
Тышка Ян 332
Тэффи Н. А. 299
Тютчев Н. С. 227
Тютчева Р. Л. 227

У

- Улитка *см.* Кржижановская-Невзорова З. П.
- Ульянов А. И. 17, 18, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 33, 35, 37, 39, 44, 66, 79, 80, 81, 84, 85, 86, 96, 98, 99, 100, 102, 108, 131, 134, 135, 136, 139, 140, 143, 180, 182, 216, 217, 222, 234, 241, 519
- Ульянов В. Д. 130, 586
- Ульянов Василий Николаевич 13
- Ульянов Д. И. (Юноша) 17, 18, 24, 25, 34, 39, 59, 60, 62, 83, 84, 86, 132, 134, 135, 140, 145, 150, 182, 191, 194, 241, 267
- Ульянов И. Н. 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 33, 35, 66, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 86, 98, 99, 108, 129, 130, 131, 134, 135, 179, 180, 202, 234, 241
- Ульянов (Ульянци, Ульянщов) Николай Васильевич 13
- Ульянова А. А. 13
- Ульянова М. А. 16, 17, 18, 23, 24, 26, 27, 33, 34, 35, 44, 48, 49, 53, 54, 58, 59, 60, 62, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 71, 79, 80, 81, 82, 83, 86, 89, 92, 93, 94, 95, 104, 106, 107, 108, 109, 115, 116, 117, 119, 120, 122, 123, 124, 131, 134, 135, 139, 142, 143, 147, 148, 179, 180, 191, 216, 230, 241, 258, 352, 353, 388, 393, 394
- Ульянова М. И. (Медвежонок) 17, 18, 24, 25, 54, 62, 67, 75, 84, 85, 86, 93, 95, 104, 111, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 123, 134, 135, 144, 146, 148, 162, 241, 259, 299, 312, 337, 339, 344, 345, 352, 448, 449, 461, 463, 469, 493, 502, 508, 520, 534, 540, 542, 550, 551, 586, 588, 589
- Ульянова М. Н. 13
- Ульянова О. Д. 130
- Ульянова О. И. (Ольга, Ольга Ильинична, Оля) 17, 18, 21, 26, 33, 34, 61, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 92, 93, 95, 98, 109, 110, 111, 134, 135, 140, 143, 145, 146, 147, 202, 241, 254
- Ульянова Ф. Н. 13
- Ульянова-Елизарова А. И. 17, 18, 24, 79, 80, 81, 85, 86, 93, 95, 104, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 123, 132, 134, 135, 141, 142, 144, 148, 149, 150, 156, 157, 183, 202, 233, 241, 242, 258, 305, 339, 342, 350, 368, 393, 440, 449, 463, 570, 598

- Ульяновы-Елизаровы *см.* Елизаров М. Т. и Ульянова-Елизарова А. И.
- Уральский делегат *см.* Фридолин В. Ю. (Дашин)
- Урицкий М. С. 171, 468, 506, 508, 540
- Усневич Г. А. 429, 430, 447, 448
- Усневич Е. Ф. 447
- Усневичи *см.* Усневич Г. А. и Усневич Е. Ф.
- Успенская А. И. 142
- Успенский Г. И. 142, 145, 393, 610
- Устинов А. М. 346, 542
- Устинов Н. У. (Василий) 346
- Учитель словесности *см.* Керещский Ф. М.

Ф

- Фабержевиц Збигнев (Гневич) 387
- Федосеев Н. Е. 27, 57, 97, 143, 237
- Фейербах Людвиг Андреас 329
- Фет (Шеншин) А. А. 226, 227
- Филена (Филип) Эдуард Альберт 385
- Филипп *см.* Голощекин Ф. И.
- Филиппов К. Д. (дядя Костя) 151
- Финн-Енотаевский А. Ю. 361
- Флобер Гюстав 335
- Флоров Е. А. 469
- Фомин *см.* Крохмаль В. Н.
- Фомина Е. И. 585, 605
- Фотиева Л. А. 525, 535
- Фофанова М. В. 462, 464, 468, 469, 476, 478, 479, 482
- Фридолин В. Ю. (Дашин) 294—295
- Фролов 115

Х

- Хаймо (Хеймо) М. 588
- Халтурин С. Н. 182
- Хардин А. Н. 100, 101, 150
- Харитонов М. М. 430, 447
- Харрик 311
- Хеглунд Карл Цет Константин 421
- Хинчук Л. М. 314
- Хлебников Я. 525
- Ходжамирян М. Х. 325
- Хрусталева-Носарь Г. С. 303
- Хрящева А. И. 571

Ц

Цедербаум Л. О. 317
 Цедербаум Ю. О. см. Мартов Л.
 Цезарь Гай Юлий 19
 Церетели И. Г. 510, 524
 Цеткин Клара 185, 350, 408, 415,
 416, 417, 471, 539, 545
 Цивдивадзе И. В. 174
 Цицерон Марк Туллий 19
 Цхакая М. Г. (Мпха) 291, 294,
 318, 326, 447
 Цыперович Г. В. 499
 Цюрупа А. Д. 186, 238, 239, 393,
 572, 575, 576
 Цюрупа А. Н. 575
 Цюрупа Д. П. 575

Ч

Чапинский Казимир 386
 Чачина О. И. 239
 Чебанов И. В. 175, 176, 551
 Чеботарев И. Н. 66, 223
 Чеботарева А. К. 46, 67, 68
 Чеботаревы см. Чеботарев И. Н.
 и Чеботарева А. К.
 Чекеруль-Куш Н. К. 307
 Чекунов И. А. 198
 Чернов 362
 Чернов А. С. см. Гречнев-Чернов
 А. С.
 Чернов В. М. 421, 489, 509, 510,
 524
 Черпов О. И. 186
 Черномазов М. Е. 356, 362, 387
 Чернышев И. В. 226
 Чернышевский Н. Г. 15, 93, 96,
 233, 367, 610
 Четвергова М. П. 26, 238
 Чехов А. П. 34, 183, 612, 613
 Чигорин М. И. 100, 101
 Чириков Е. Н. 26, 299
 Чугурин И. Д. 360, 448, 459, 483
 Чудновский Г. И. 468—469
 Чхеидзе (Ленин В. И.) 308
 Чхеидзе Н. С. 163, 439, 444, 449.

Ш

Шагов Н. Р. 378, 384, 418
 Шалапин Ф. И. 114
 Шанцер В. Л. (Марат) 314, 320,
 343, 344
 Шапиро Л. Г. (Шанин М.) 596
 Шаповалов А. С. (Шаповал) 221,
 234

Шаповалова Л. Р. (Танюша) 281
 Шарбель 142, 147
 Шаумян Л. С. 453
 Шаумян С. Г. (Степан) 362, 413,
 453, 456, 457
 Шаумян С. С. 453
 Шварц И. И. (Семен) 358, 359,
 362
 Шварцман Д. М. (Давид) 364, 366
 Шведчиков К. М. 157
 Швецов С. П. 509
 Шевлягин 215
 Шелгунов В. А. 38, 44, 66
 Шелгунов Н. В. 298
 Шерман Вильям 86, 87
 Шестернин С. П. 63, 65
 Шестернина С. П. 63
 Шидловский Н. В. 299
 Шик М. М. 314
 Шипов И. П. 497, 516
 Шкловская Д. З. 389
 Шкловская Е. Г. (Женюрка) 389,
 409, 423
 Шкловская Н. Г. 389
 Шкловские см. Шкловский Г. Л.
 и Шкловская Д. З.
 Шкловский Г. Л. (Бабушкин) 291,
 292—293, 389, 403, 406, 408, 409,
 413, 423, 425
 Шкуро А. Г. 583
 Шлихтер А. Г. 311, 313, 499
 Шляпников А. Г. 192, 242, 407,
 410, 411, 412, 428, 432, 437, 448,
 482, 499
 Шмид Артур 437
 Шмидт В. В. 499
 Шмидт Е. П. см. Шмит Е. П.
 Шмидт Н. П. см. Шмит Н. П.
 Шмит Е. П. 334
 Шмит Н. П. 334
 Шнейерсон А. А. (Ерема) 261, 273
 Шотман А. В. (Берг) 198, 267, 367,
 373, 391, 466, 494
 Шотман Е. А. 494
 Шпилька см. Красиков П. А.
 Штейн см. Александрова Е. М.
 Штейнгауер Я. М. 85
 Штерн см. Гальберштадт Р. С.
 Штрем см. Стрем Фредрик
 Шулятиков В. М. (Донат) 343
 Шумкин В. Г. 371, 586, 588
 Шурканов В. Е. 343, 366

Щ

Щедрин см. Салтыков-Щедрин
 М. Е.
 Щелский см. Скрышник Н. А.

Э

- Эберт Фридрих 544
 Эдишеров М. (Давыдов) 405
 Эйно *см.* Рахья Э. А.
 Эйхенбаум Б. М. 20
 Элькина Д. Ю. 566
 Энгберг О. А. 54, 228—229, 231,
 232, 234, 237, 241
 Энгельс Фридрих 28, 29, 149, 219,
 236, 285, 289, 301, 329, 426, 437,
 438, 547, 549, 594, 616—617
 Эренбург И. Г. (Илья Лохматый)
 613
 Эрлих Г. М. 479
 Эссен А. М. (Бур) 291
 Эссен Е. И. 16
 Эссен М. М. (Зверка, Зверь) 277—
 278, 279, 605
 Эссен Э. Э. (Барон) 277

Ю

- Юденич Н. Н. 495, 551, 559, 574,
 583
 Юдин Г. В. 55, 120

- Южаков С. Н. 29, 30, 37
 Юзеф *см.* Держинский Ф. Э.
 Юлий *см.* Мартов Л.
 Юниус *см.* Люксембург Роза
 Юноша *см.* Ульянов Д. И.
 Юркин Т. А. 460
 Юшкевич П. С. 329

Я

- Я. М. *см.* Свердлов Я. М.
 Ягелло Е. И. 392
 Яковлев А. И. 55
 Яковлев Н. Н. 370, 386
 Яковлева В. Н. 370, 386, 508
 Якубова А. А. 34, 53, 68, 70,
 71, 146, 222, 223, 225, 257, 258,
 270
 Якубовский Г. В. 20
 Якутов И. С. 239
 Ялава Г. Э. 466
 Японцы *см.* Бош Е. Б. и Пятаков
 Г. Л.
 Ярославский Е. М. 304
 Яснева-Голубева М. П. *см.* Голу-
 бева М. П.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1870 — июнь 1887 года

- Ульянова-Елизарова А. И. 15—23, 26, 33
Ульянов Д. И. 79—89, 91, 98—102, 108—109
Ульянова М. И. 129—140, 179—180, 182, 194—195, 202
Крупская Н. К. 216—217, 234, 342, 570

Июль 1887 — апрель 1889 года

- Ульянова-Елизарова А. И. 23—27
Ульянов Д. И. 91—93, 100—102, 109—112
Ульянова М. И. 138, 140—141, 183, 185, 195, 205

Май 1889 — 1890 год

- Ульянова-Елизарова А. И. 27—32
Ульянов Д. И. 89, 94—97, 98, 100—102, 109—112
Ульянова М. И. 139, 142—151, 183, 185, 195, 205
Крупская Н. К. 230

1891 год

- Ульянова-Елизарова А. И. 26, 28—32, 33—34
Ульянов Д. И. 94—98, 101, 102
Ульянова М. И. 139, 142—151, 183, 185, 205

1892 год

- Ульянова-Елизарова А. И. 28—32, 34
Ульянов Д. И. 94—97, 98, 101, 102, 104—107
Ульянова М. И. 139, 142—151, 183, 185, 205

1893 год

- Ульянова-Елизарова А. И. 28—32, 33—40, 44—45
Ульянов Д. И. 94—97, 98, 101, 102, 115—116
Ульянова М. И. 139, 141, 142—151, 183, 185, 205
Крупская Н. К. 214, 233, 590—591

1894 год

- Ульянова-Елизарова А. И. 37—41, 44—45
Ульянов Д. И. 116—117
Ульянова М. И. 152—153, 182, 183, 185, 215
Крупская Н. К. 211—212, 216—219, 519, 590—591, 610

1895 год

- Ульянова-Елизарова А. И. 38, 39, 41—48, 51, 66—67, 72
Ульянов Д. И. 89—90, 117—119
Ульянова М. И. 141, 154—155, 182, 183, 185, 192, 202
Крупская Н. К. 217—224, 241, 246, 585—586, 590—591, 595, 607, 610, 615

1896 год

- Ульянова-Елизарова А. И. 43, 47—52, 67—70
Ульянов Д. И. 90, 119
Ульянова М. И. 154—155, 183
Крупская Н. К. 224—226, 585—586, 595, 607, 615—616

1897 год

Ульянова-Елизарова А. И. 42—43,
47—58, 68—71
Ульянов Д. И. 90, 102—103, 119—
120
Ульянова М. И. 154—155, 156,
183—184, 185, 191, 193
Крупская Н. К. 220, 226—227, 229,
241, 585—586, 595, 607, 615—616

1898 год

Ульянова-Елизарова А. И. 56—58
Ульянов Д. И. 102—103, 182
Ульянова М. И. 156, 183—184, 185,
191, 193, 195
Крупская Н. К. 226—236, 268, 557,
595, 598, 602, 607—608, 610, 616

1899 год

Ульянова-Елизарова А. И. 57—59
Ульянов Д. И. 102—103
Ульянова М. И. 156, 183—184, 185,
193
Крупская Н. К. 220, 229—237, 330,
595, 598, 602, 607—608, 610, 616

1900 год

Ульянова-Елизарова А. И. 58—65
Ульянов Д. И. 112—114, 122—124
Ульянова М. И. 156, 183—184, 185,
191, 193, 202
Крупская Н. К. 221, 229—230, 232,
234, 236—241, 335, 575, 595, 598,
602, 607—608, 610, 611, 615

1901 год

Ульянова М. И. 191, 193
Крупская Н. К. 241, 242, 243—245,
247—251, 253, 595, 598, 599, 601,
615

1902 год

Ульянова М. И. 191, 193
Крупская Н. К. 252—264, 293, 390,
595, 598, 599, 600, 602, 608, 615

1903 год

Ульянова-Елизарова А. И. 38
Ульянов Д. И. 103
Ульянова М. И. 185, 186, 191, 193,
202
Крупская Н. К. 265—276, 330, 503,
595, 598, 599, 600, 601, 607—608,
615

1904 год

Ульянова М. И. 186, 188, 191, 193
Крупская Н. К. 277—282, 330, 595,
599, 602, 607—608

1905 год

Ульянова М. И. 191, 193, 202
Крупская Н. К. 211, 282—304,
327—328, 331—332, 355, 336, 376,
441, 503, 504, 523, 535, 557, 595,
607—608, 617—618

1906 год

Крупская Н. К. 304—314, 330, 595,
617—619

1907 год

Ульянова М. И. 169
Крупская Н. К. 211—212, 314—
318, 390, 502, 595, 613

1908 год

Ульянова М. И. 191, 193, 207
Крупская Н. К. 212—213, 318,
319—321, 323—341, 381, 412, 595,
599, 607—608, 611

1909 год

Ульянова М. И. 191, 193
Крупская Н. К. 319—321, 337—348,
412, 595, 599, 600, 607—608, 611,
612

1910 год

Ульянова М. И. 156, 181, 191, 193,
207
Крупская Н. К. 275, 319—321,
340—341, 349—352, 354—355,
361—362, 369, 595, 599, 600, 607—
608, 611

1911 год

Ульянова-Елизарова А. И. 72, 73
 Ульянова М. И. 191, 193
 Крупская Н. К. 319—322, 348—349,
 353—354, 356—363, 368—369, 381,
 595, 599, 607—608, 611

1912 год

Ульянова-Елизарова А. И. 72
 Ульянова М. И. 191, 193
 Крупская Н. К. 322, 349, 364—376,
 380—381, 386, 390, 595, 599, 607—
 608, 611

1913 год

Ульянова-Елизарова А. И. 72
 Ульянова М. И. 184, 191, 193
 Крупская Н. К. 322, 373, 375—378,
 380, 381—393, 413, 457, 595, 607

1914 год

Ульянова М. И. 191, 193, 205
 Крупская Н. К. 322, 377—378,
 393—416, 425, 457, 586, 595, 600,
 601, 607—608

1915 год

Ульянова-Елизарова А. И. 70
 Ульянова М. И. 191, 193, 205
 Крупская Н. К. 322, 378—379,
 413—426, 435—436, 595, 607—608,
 612

1916 год

Ульянова-Елизарова А. И. 70
 Ульянова М. И. 191, 192, 193, 195,
 205
 Крупская Н. К. 322, 377—378,
 424—439, 443, 595, 607—608

1917 год

Ульянова-Елизарова А. И. 73—76
 Ульянова М. И. 157—159, 160—
 163, 164—167, 173, 182, 186, 189,
 191, 192, 193, 195—196, 205
 Крупская Н. К. 211—213, 221, 275,
 322—323, 352, 379, 402, 438—470,
 471—494, 495—507, 511—515, 520,
 535, 536, 547, 554, 595, 607—608

1918 год

Ульянова М. И. 156, 168, 169—170,
 171—173, 174—175, 186, 189, 192,
 195—196, 197—199, 206, 207—208
 Крупская Н. К. 446, 471, 494, 495,
 502—503, 507—511, 514—550, 560,
 567, 568, 595, 600

1919 год

Ульянов Д. И. 125
 Ульянова М. И. 156, 174—178, 186,
 189, 192, 195—196, 197—199, 206,
 207—208
 Крупская Н. К. 290, 393, 427, 446,
 471, 490—491, 550—584, 595, 613

1920 год

Ульянов Д. И. 114
 Ульянова М. И. 156, 178, 186, 189,
 192, 195—196, 197—200, 206, 207—
 208
 Крупская Н. К. 232—233, 290, 393,
 471, 502, 595

1921 год

Ульянов Д. И. 114
 Ульянова М. И. 156, 185—187, 189,
 192, 195—196, 197—199, 206, 207—
 208
 Крупская Н. К. 412, 471, 495, 585,
 595, 596, 612—613, 616

1922 год

Ульянов Д. И. 114
 Ульянова М. И. 156, 181—182, 186,
 189, 192, 195—196, 197—200, 205,
 206
 Крупская Н. К. 221, 354, 471, 595,
 605, 607, 613, 616

1923 год

Ульянов Д. И. 114
 Ульянова М. И. 173, 182, 186, 189,
 192, 196, 206
 Крупская Н. К. 246, 275, 379, 525,
 585—589, 595, 601, 605, 607, 613

1924 год

Ульянова М. И. 130, 188, 194
 Крупская Н. К. 211, 471, 590—591,
 614

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к пятитомному изданию Воспоминаний о В. И. Ленине	3
Предисловие к первому тому	6

АННА ИЛЬИНИЧНА УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА

Воспоминания об Ильиче	13
I. Семейная обстановка (<i>Родители В. И. Ульянова-Ленина и их время</i>)	—
II. Детские и юношеские годы Владимира Ильича	17
III. Жизнь в Казани	26
IV. Жизнь в Самаре	28
V. Начало революционной работы Владимира Ильича Ульянова (Н. Ленина)	33
1. Из Самары в Петербург	—
2. Новые знакомства и связи	35
3. Борьба с «экономпстами»	40
4. Слежка и арест	43
VI. Владимир Ильич в тюрьме	45
VII. Ссылка	54
Возвращение Ильича из ссылки и идея «Искры»	58
Третий арест Ильича. Поездка в Уфу и отъезд за границу	62
Из статьи «Владимир Ильич в тюрьме (<i>Декабрь 1895 года — февраль 1897 года</i>)»	66
Из предисловия к «Письмам В. И. Ленина к родным (1910—1916 годы)»	72
Речь на вечере воспоминаний «Ленин и Октябрь» в Институте Ленина 29 октября 1927 года	73

ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ

Детские годы Владимира Ильича	79
Дом, двор и сад	—
Игры	81
Игра в солдатики	86

Как работал Ленин в молодые годы	88
О выборе Владимиром Ильичем факультета	91
Воспоминания о Кокушкине (<i>Запись беседы с Д. И. Ульяновым</i>)	92
В Алакаевке	94
Шахматы	98
Случай с купцом Арефьевым	104
Любовь к музыке	108
Воспоминания о жизни семьи Ульяновых в Москве (<i>Стенограмма беседы с Д. И. Ульяновым</i>)	115
Возвращение из ссылки. Случай с исправником Перфильевым	122
По тетеревиным выводам	125

МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА УЛЬЯНОВА

Из воспоминаний	129
В Симбирске	133
В гимназии. <i>Из речи на траурном заседании Моссовета 7 февраля 1924 года</i>	136
Как? Белую тетрадку черными нитками?	138
Старший брат	140
Из самарского (алакаевского) периода (1889—1893 годы)	142
В деревне и в городе	—
Владимир Ильич на обеде у частного пристава	152
Меня взять не могут — все равно сижу	154
Отдых и охота	156
В «Правде» после Февраля	157
Барышни	—
Приезд В. И. Ленина в Россию в 1917 году	160
Подполье в «свободной» России	164
Поиски Ильича в первые дни июля 1917 года	—
Первое покушение на В. И. Ленина	168
На отдыхе	169
Ранение	171
Нападение бандитов	174
Воспоминания о Владимире Ильиче	179
Из воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине	188
Из доклада в «Тимирязевке» в январе 1925 года	191
Аккуратность, пунктуальность, четкость	194

Одна из самых сильных сторон Ленина	197
Отрывок из беседы с учащимися 364-й школы г. Москвы 23 ноября 1936 года	201
Вождь, товарищ, человек	204
Ленин и Горький	207

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ

Воспоминания о Ленине	211
Введение	—
Часть первая	
В Питере. 1893—1898 годы	214
В ссылке. 1898—1901 годы	227
Мюнхен. 1901—1902 годы	243
Жизнь в Лондоне. 1902—1903 годы	254
Женева. 1903 год	266
Второй съезд. Июль — август 1903 года	267
После второго съезда. 1903—1904 годы	273
Пятый год. В эмиграции	282
Снова в Питере	297
Питер и Финляндия. 1905—1907 годы	304
Из России за границу. Конец 1907 года	316
Часть вторая	
Вторая эмиграция	319
Годы реакции	323
Женева. 1908 год	—
Париж. 1909—1910 годы	338
Годы нового революционного подъема. 1911—1914 годы	355
Париж. 1911—1912 годы	—
Начало 1912 года	364
Краков. 1912—1914 годы	369
Годы войны	399
Краков. 1914 год	—
Берн. 1914—1915 годы	403
Цюрих. 1916 год	426
Последние месяцы в эмиграции. 1917 год	440
Февральская революция	—
Отъезд в Россию	—
В Питере	448
Снова в подполье	462
Канун восстания	468

Часть третья

Предисловие к III части	471
Октябрьские дни	472
От Октябрьской революции до Брестского мира	495
Переезд Ильича в Москву и первые месяцы его работы в Москве	519
1919 год	551
Из воспоминаний о жизни Владимира Ильича в Горках в 1923 году	585
Речь на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов 26 января 1924 года	590
Облик Ленина как человека	592
О Владимире Ильиче	598
Из ответов на анкету Института мозга в 1935 году	603
Что нравилось Ильичу из художественной литературы	610
К вопросу о ленинском методе научной работы	615
Биографические сведения об авторах воспоминаний	620
Указатель имен	624
Хронологический указатель	640

В77

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти т.
Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол.
Г. Н. Голиков и др. — 2-е изд. — М., Политиздат,
1979 —

Т. 1. Воспоминания родных. 1979. 646 с., 9 л. ил.

В этом томе помещены воспоминания родных В. И. Ленина — сестер Анны Ильиничны и Марии Ильиничны Ульяновых, брата Дмитрия Ильича Ульянова и Надежды Константиновны Крупской — верного соратника, жены и друга Владимира Ильича. Их мемуары насыщены богатейшими фактическими данными, живыми деталями, которые ярко воссоздают великий и вместе с тем бесконечно обаятельный образ Ленина.

В $\frac{10103-010}{079(02)-79}$ 81—79 0103020000

13.5
ЗК26

**Воспоминания
о Владимире Ильиче
ЛЕНИНЕ**

В 5-ти т.

Т. I.

**ВОСПОМИНАНИЯ
РОДНЫХ**

Заведующий редакцией *Н. Р. Андрухов*
Редактор *Г. П. Шкаренкова*
Младший редактор *Н. И. Коршикова*
Художник *С. Д. Алексеев*
Технический редактор *Н. П. Межеричкая*

ИБ № 2106

Сдано в набор 20.09.78. Подписано в печать 26.01.79. А01714. Формат 60 × 90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Услови. печ. л. 41,63. Учетно-изд. л. 42,02. Тираж 200 000 (1—20 000) экз.
Заказ № 3247. Цена 1 р. 70 к., в суперобложке 1 р. 90 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.